

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

SCHOLA-2024

Сборник научных статей факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Под редакцией
А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца

Издательство Московского университета
2024

УДК 32
ББК 66

*270-летию
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
посвящается*

Печатается по решению
Ученого совета факультета политологии
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Рецензенты
*доктор политических наук М.М. Мчедлова
доктор политических наук А.Ю. Мамычев*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского общества политологов*

SCHOLA-2024: сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / Под ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца; сост. А. А. Зоткин, А. В. Мырикова, О. Е. Сорокопудова; подг. текстов В. А. Болдин, А. А. Кассаметдинова, Д. Ю. Кургинова, О. Д. Тальская, А. Б. Страхов. – М.: Издательство Московского университета, 2024. – 381 с.

В двадцать пятый выпуск сборника SCHOLA вошли материалы VII Международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений (К 75-летию профессора К.М. Андерсона)», а также научных круглых столов «Исторические модели российской государственности: аксиологические константы в конкретно-политических условиях», «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция и современные тенденции эволюции», «Истоки и смысл руссофобии».

Для политологов, философов, историков, всех, кто интересуется политологией и историей социально-политической мысли.

ISBN 978-5-19-012143-8

© Коллектив авторов, 2024
© Факультет политологии
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (А. Ю. Шутов, А. А. Шириняни).....	9
---	---

РАЗДЕЛ I. МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЛИТИКА В ТЕКСТАХ – ТЕКСТЫ В ПОЛИТИКЕ: НАУКА ИСТОРИИ ИДЕЙ И УЧЕНИЙ (К 75-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА К.М. АНДЕРСОНА)»

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ РОССИИ

<i>Абрамова М.Г.</i> История юридической мысли: Г.В. Мальцев – теоретик цивилизационных традиций права.....	11
<i>Базанов А.С.</i> Отображение исторической памяти в советском кинематографе (на примере фильма С.М. Эйзенштейна «Александр Невский»).....	15
<i>Банина Я.В.</i> Символический образ ислама в историософских концепциях XIX в. (П.Я. Чаадаев, В.С. Соловьев).....	17
<i>Ватыль В.Н.</i> Понятие государственного идеала в политико-правовом учении Н.Н. Алексеева.....	20
<i>Грицай Л.А.</i> Социально-политическая трансформация идеологического вектора России в эпоху Петра Великого: от Святой Руси к просвещенному государству.....	24
<i>Дегтярёв А.А.</i> Об опыте изучения и преподавания марксистской концепции политики в МГУ (на примере философского факультета в 1970–80-е гг.).....	28
<i>Денильханов А.Х.</i> Георгий (Юрий) Ширинский-Шихматов – идеолог национал-максимализма.....	31
<i>Жаде З.А.</i> Концепт «кавказская идентичность» в научном наследии К.С. Гаджиева.....	35
<i>Железняков П.А.</i> К.Н. Леонтьев как апологет средневековой Европы.....	39
<i>Загирняк М.Ю.</i> Богдан Кистяковский: философско-правовая трактовка народа и нации.....	41
<i>Зиганьшин Р.М.</i> «Обязанности политики по отношению к стратегии» Е.И. Мартынова.....	43
<i>Корнилаев Л.Ю.</i> Аксиология социального в философии П.И. Новгородцева.....	46
<i>Медоваров М.В.</i> Ю.С. Карцов как консервативный критик внешней и внутренней политики С.Ю. Витте.....	49
<i>Пак О.А.</i> М. С. Восленский об особенностях формирования политической элиты в СССР.....	55
<i>Потапова А.С.</i> Концепт традиционных российских духовно-нравственных ценностей как наследие многовековой истории социально-политической мысли России (в работах Ф.М. Достоевского).....	52
<i>Прокудин Б.А.</i> Концепция общественного идеала П.И. Новгородцева и Б.П. Вышеславцева.....	58

<i>Рублев Д.И.</i> Работа В.М. Волина «Письма о пережитом» и ее роль в становлении политической концепции «анархического синтеза».....	60
<i>Саевская М.А.</i> Духовно-политическая концепция В.К. Плева.....	63
<i>Соболев В.А.</i> А.М. Ковалев о возможности построения социально-справедливого общества.....	66
<i>Талеров П.И.</i> Лев Толстой против насилия и государства.....	73
<i>Тальская О.Д.</i> Российская империя в Средней Азии: историко-политический контекст.....	76
<i>Тарасов И.Е.</i> Проблема нации и национального самоопределения в работах И. В. Сталина.....	80
<i>Черепанова Р.С.</i> К характеристике общественно-политической программы Н.В. Гоголя.....	83
<i>Шмелева О.Ю.</i> Особенности социальной модели восприятия единства в российском общественно-политическом дискурсе: история и современность	86
<i>Шубина Е. Д.</i> Идеи о природе конфликта и способах его урегулирования в посланиях царя Ивана IV и князя А. М. Курбского.....	90
<i>Яковлев Н.О.</i> Общественно-политические мысли в России во время Гражданской войны.....	93
<i>Ямамото К.</i> Отношение М.А. Бакунина к национальным движениям славян в Западном крае Российской империи.....	95

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

<i>Авакян Д.А.</i> Спиритизм в периодике викторианской Англии.....	99
<i>Алихаджиев С.Х., Идрисова Ж.В., Магомедова Х.С.</i> Глобализация и национализм: противоречия между ними.....	101
<i>Бережко К.А.</i> Зарождение феминистской мысли.....	104
<i>Гладков А.К.</i> Образы власти в череде средневековых метафор: из истории политической мысли Западной Европы XII–XIV вв.	107
<i>Голубев С.И.</i> «Возможна ли любовь к отечеству?»: Фридрих II Великий и патриотизм немецкого Просвещения.....	110
<i>Горохов А.А.</i> Социально-политическая мысль ученых – представителей Международной ассоциации академий (1899–1913) – как часть истории научной дипломатии.....	113
<i>Журавлев В.С.</i> Общество Мон Пелерин: идея зарождения и реакция на новые западные течения.....	116
<i>Зоткин А.А.</i> «Критий»: идеальное государство в условиях войны.....	121
<i>Кокурина О.Ю.</i> Функциональная дифференциация института наград государства в свете концепции правового аутопойезиса Н. Лумана.....	123

<i>Кузнецов А.С.</i> Идеиное обоснование Т. Б. Маколеем образовательной реформы в Индии в его «Докладе» об индийском образовании.....	129
<i>Мартыненко Н.П.</i> Археологические и текстологические открытия из Годянь: новый взгляд на формирование «Дао дэ цзин» и даосской мысли	132
<i>Нестеров Г.Э.</i> Колония джорджистов в Ардене: практическая реализация реформы «единого налога».....	135
<i>Попова Ю.В.</i> Французские просветители о партийной оппозиции.....	138
<i>Пшенов Н.М.</i> «Республика духа» в романе Германа Гессе «Игра в бисер»....	141
<i>Разумкова-Красавина С.А.</i> Телемская утопия как ключ к пониманию социально-политических идей Франсуа Рабле.....	144
<i>Семенова (Зверева) М.С.</i> Идея общности в учении сен-симонистов.....	146
<i>Сморгунов Л.В.</i> Значение работы Николя де Кондорсе «Эссе о применении анализа вероятности решений, принятых большинством голосов» (1785) для исследования парадоксов в политике.....	150
<i>Сурганова А.В.</i> На грани революции: Российская империя начала XIX века в работах Жозефа де Местра.....	153
<i>Тищенко Р. Р.</i> Основы социально-политического учения Теодора Качинского	156
<i>Фэн Юэжуй.</i> История и развитие изоляционизма и интервенционизма во внешней политике США.....	159
<i>Холов С.Х.</i> Политический дискурс джихадизма в цифровую эпоху.....	162
<i>Чанышев А.А.</i> Политическая философия Ницше: возможность историко-понятийного анализа.....	166
<i>Чэн Син.</i> Китайская идея «хэхэ» и её дипломатическая практика.....	168
<i>Шелистов Ю.И.</i> Социокультурная ситуация эпохи и трактовка феномена французской революции.....	171
<i>Юберова М.А.</i> Идеология «Нового государства».....	173
<i>Языкова Е.А.</i> Социально-экономические и политические взгляды Роберта Саути в работах 1809–1832 гг.	176

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

<i>Абрамов А.В.</i> Русская волшебная сказка как источник народных представлений о политике: проблемы изучения.....	179
<i>Алексушин Г.В.</i> Отсутствие государства в 1917–1918 гг. как следствие политики большевиков.....	163
<i>Артамонова Ю.Д.</i> «Визуальность» versus «текст», или что трансформирует визуальный поворот в текстологическом подходе?.....	184
<i>Белоус В.Г., Морозова С.С.</i> Государство как общежитие, или Опыт перевода политико-философской классики.....	186
<i>Бронников И.А.</i> Мета вселенные для государства или государство для метавселенных.....	188

<i>Вантеевский М.М.</i> Антиутопические нарративы как доминирующий тренд идеологического высказывания в российской массовой культуре.....	191
<i>Вартумян А.А., Поздняков К.К.</i> К вопросу о типологизации политических рисков в контексте компаративистской политической текстологии.....	194
<i>Володенков С.В.</i> Политические тексты в условиях эволюции технологий искусственного интеллекта.....	197
<i>Зорин В.Ю., Орешин С.А.</i> О подготовке резолюции по Политическому докладу М.С. Горбачева на XXVIII съезде КПСС.....	200
<i>Зурнаджян Г.С.</i> Книга о русском хранительстве.....	209
<i>Коваленко В.И.</i> Поэт в России – больше, чем поэт (к вопросу о сущностных характеристиках тоталитаризма).....	212
<i>Козлова Д.А.</i> «Верденская речь» Э. Юнгера: политико-текстологический анализ	215
<i>Кузнецов И.И.</i> «Самая читающая страна» сегодня: роль художественной литературы в структуре предпочтений российской молодежи.....	219
<i>Курдин Ю.А.</i> Политическая история Древней Руси XII века в «Слове о полку Игореве».....	225
<i>Литвинова О.А.</i> Потенциал политических текстов как инструмента обучения английскому языку и медиаграмотности.....	229
<i>Миронов Д. В.</i> Трансформация политического ландшафта России и Германии в XXI веке. Сравнительный анализ.....	232
<i>Мухарямов Н. М.</i> «Новояз»: от концепта до мема.....	234
<i>Мырикова А.В.</i> Антисоветская «альтернатива» в коммунистической Югославии.....	238
<i>Николаев И.В.</i> Постмарксистская теория Э. Лаклау и Ш. Муффа в контексте исследований политических символов.....	241
<i>Панов А.Р.</i> Австралийские газеты о престолонаследии в России после смерти Александра I.....	243
<i>Рыхтик П.П.</i> Применение веб-аналитических инструментариёв при анализе социально-политического нарратива в социальных сетях.....	246
<i>Савинова С.П.</i> Социалистические теории XIX века как определяющий фактор творчества Джорджа Элиота.....	250
<i>Сазонова Т.А.</i> «Немецкий вопрос»: от Пруссии к Рейху.....	253
<i>Степанченко Д.А.</i> «Нынешнее состояние России» (1671 г.) С. Коллинса как историко-политический источник.....	256
<i>Усманов Р.Х., Миркушина Л.Р.</i> Значение и анализ эволюции отечественной теории политических партий.....	260
<i>Худайбергенов Г. Р.</i> О марксистском методе истории идей: к постановке вопроса.....	264
<i>Шашкова О.А.</i> Литературная стезя Сергея Мстиславского (Масловского). Жизнь революционера в Советской России.....	268

Якушева Е.А. Критика английских нравов XVIII в. в эссеистике Джозефа Аддисона: политико-текстологический анализ..... 272

РАЗДЕЛ II. ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ КРУГЛЫХ СТОЛОВ

ИЗ МАТЕРИАЛОВ КРУГЛОГО СТОЛА «ИСТОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ В КОНКРЕТНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ»

Андреев Н.А. Символично-аллегорический метод в создании образа правителя Руси в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона... 276

Болдин В.А. Ценности согласия и солидарности в русской социально-политической мысли: традиционные трактовки и прочтения..... 279

Боронин А.Р. Аксиологический контекст понятия «служение» в риторике императора Николая II..... 282

Палитай И.С. Представления современной молодежи о свободе как политической ценности..... 284

Перевезенцев С.В. К вопросу о построении нормативной модели традиционных российских духовно-нравственных ценностей..... 286

Соловьев К.А. Символично-поведенческая модель государственного управления Древней Руси (XI – XIII вв.)..... 289

Сорокопудова О.Е. Аксиологические константы российской цивилизации: к вопросу о методологии исследования..... 292

Страхов А.Б. Самодержавие как аксиологическое основание российской государственности в «Слове похвальном» инока Фомы..... 295

ИЗ МАТЕРИАЛОВ КРУГЛОГО СТОЛА «ЛИБЕРАЛИЗМ И КОНСЕРВАТИЗМ В ПОЛИТИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ»

Андерсон К.М. Утопические идеи в идеологическом дискурсе: история и современность..... 298

Гуторов В. А. К методологии исследования концепций либеральных и консервативных ценностей: историографический аспект..... 302

Денильханов А.Х. Либерально-консервативная парадигма в общественно-политической мысли России XIX века..... 309

Дергунова Н.В. Размышления о недостатках демократии в классическом европейском либерализме..... 313

Дмитриева В.Д. Либерализм в фокусе католической доктрины: основные пункты критики..... 317

Карпов Б.Н. Консерватизм и традиция..... 320

<i>Карулин А.А.</i> Место Просвещения в левом и правом акселерационизме.....	322
<i>Ланчава А.И.</i> О влиянии политики Венгрии на теорию университетского образования постлиберального англо-американского консерватизма.....	325
<i>Михайленок О.М., Митрофанова А.В.</i> Диалектика традиции и модерна в контексте политической истории России.....	329
<i>Пак О.А.</i> Восприятие либерализма и консерватизма студенческой молодежью в современной России.....	332
<i>Рыхтик М.И.</i> Консерватизм в современной республиканской партии США.	341
<i>Царегородцев С.С.</i> Еще раз об идеологии и либерализме.....	342
<i>Шириняц А.А.</i> Некоторые аспекты эволюции классической концепции консерватизма.....	345

ИЗ МАТЕРИАЛОВ КРУГЛОГО СТОЛА «ИСТОКИ И СМЫСЛ РУСОФОБИИ»

<i>Болдин В.А.</i> «Состояние Российской империи и Великого княжества Московского» Ж. Маржерета как источник изучения дискурсивных особенностей восприятия России.....	350
<i>Буров А.С.</i> Связи нацизма и современных «колониальных» претензий к России. Деколониальные нарративы в русскоязычном политическом дискурсе.....	352
<i>Васенина Е.Д.</i> Влияние путевых заметок «Путешествия в Сибирь» Жана Шаппа д'Отроша на изменение образа России во Франции в XVIII веке.....	355
<i>Кассамединова А.А.</i> Изменение образа России в иранской мысли: от противостояния к сотрудничеству.....	358
<i>Киселева З.Г.</i> Цивилизационные основы русофобии.....	361
<i>Кургинова Д.Ю.</i> «Мнение семи университетских докторов»: Япония на пороге войны глазами интеллигенции.....	363
<i>Логвинов Д.В.</i> Национализм и сепаратизм в Великом княжестве Финляндском: Л. Г. С. Мехелин (1839–1914).....	367
<i>Мхитарян С.Р.</i> Павел I в английской карикатуре конца XVIII – начале XIX веков.....	373
<i>Никулин Е.Р.</i> Семантические особенности русофобского дискурса: анализ высказываний западных политиков.....	376
<i>Саушкина М.С.</i> Русофобия как инструмент идеологии Украины через призму государственных символов и исторической политики.....	378

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы рады представить читателю очередной, двадцать пятый по счету, сборник «SCHOLA»¹. Этот сборник выходит в канун 270-летнего юбилея Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и в год более скромного, но не менее значимого для нас 75-летнего юбилея нашего уважаемого коллеги – профессора факультета политологии МГУ Кирилла Михайловича Андерсона.

Основная часть сборника включает материалы VII Международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений (К 75-летию профессора К.М. Андерсона)»², организаторами которой выступили факультет политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российское общество политологов, Фонд содействия развитию политической науки.

Заявки на участие в конференции подало около ста ученых, преподавателей, аспирантов и студентов из научных и учебных заведений России, Беларуси, Казахстана, Китая, Таджикистана, Японии, представивших в своих докладах и сообщениях широкий круг проблемных тем истории социально-политической мысли России, истории зарубежной социально-политической мысли, политической текстологии. Российская география участников сборника обширна. Помимо столиц, Москвы и Санкт-Петербурга, это – Арзамас, Астрахань, Воронеж, Грозный, Екатеринбург, Ижевск, Казань, Калининград, Майкоп, Нижний Новгород, Омск, Пятигорск, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Ставрополь, Ульяновск, Челябинск, Ярославль.

Объединяя ведущих ученых зарубежных стран и России, а также молодых исследователей, наша конференция стала научным форумом, который способствует определению перспектив развития истории социально-политических учений и политической текстологии как научных и учебных политологических дисциплин в России и в мире, выявлению магистральных тем исследований, новых подходов и методов в этих областях знания.

Вторую часть сборника составили избранные материалы научных круглых столов. Научные мероприятия «Исторические модели российской государственности: аксиологические константы в конкретно-политических условиях», «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция

---

¹ Первый выпуск сборника «SCHOLA», подготовленный коллективом кафедры истории социально-политических учений философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова вышел в 2000 г. В предисловии к нему дано исчерпывающее объяснение выбранному названию «schola»: «Всякое ученое исследование, беседа, чтение и объяснение научных сочинений греки и латиняне обозначали словом „схола“. „Школой“ сегодня принято называть учебное заведение (так, кстати, на студенческом сленге зовется МГУ), направление в области науки, в конце концов — выучку, достигнутый в чем-то опыт. Все эти смысловые оттенки вполне отражают характер, форму и содержание настоящего издания, включающего работы представителей нескольких поколений философов и политологов, получивших исследовательские навыки и опыт в стенах Московского университета» (Предисловие // SCHOLA-2000. М.: Издатель Воробьев А. В., 2000. С. 4).

² Впервые такая конференция состоялась в 2011 г. и была приурочена к 40-летию кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

и современные тенденции эволюции» были осуществлены при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований, научный круглый стол «Истоки и смысл русофобии» – проведен в рамках гранта Российского научного фонда.

Надеемся, что материалы сборника SCHOLA 2024 будут полезны читателям и внесут свой вклад в развитие политических наук.

*Член-корреспондент РАН, д.и.н., профессор А.Ю. Шутов
д. полит. н., профессор А.А. Шириняни*

**РАЗДЕЛ I. МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПОЛИТИКА В ТЕКСТАХ – ТЕКСТЫ В ПОЛИТИКЕ:
НАУКА ИСТОРИИ ИДЕЙ И УЧЕНИЙ
(К 75-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА К.М. АНДЕРСОНА)»**

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ РОССИИ

Абрамова Марианна Григорьевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ:

Г.В. МАЛЬЦЕВ – ТЕОРЕТИК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТРАДИЦИЙ ПРАВА

Аннотация

Г.В. Мальцев (1935-2013) – выдающийся российский юрист, историк права, автор более 160 работ. Будучи сторонником междисциплинарного подхода, он изучал роль культуры в формировании права и государств, показал нерасторжимую связь этих институтов с культурными и религиозными традициями разных цивилизаций. У человечества еще есть духовный и материальный потенциал поиска социальных и культурных форм, адекватных природе человека.

Ключевые слова: Г.В. Мальцев, право, государство, цивилизация, культура, традиции.

Геннадий Васильевич Мальцев (1935–2013) – выдающийся российский ученый, теоретик права, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. После окончания Ростовского государственного университета работал в органах прокуратуры Чечено-Ингушской АССР, где на практике убедился в сложности и неоднородности права как особого общественного явления, на развитие которого оказывают влияние цивилизационные особенности того или иного социума. В 1979 г. он защитил докторскую диссертацию на необычную для того исторического периода тему: «Социальная справедливость и права человека». С 1994 г. профессор Г.В. Мальцев – заведующий кафедрой государственного строительства и права РАНХиГС, с 2011 по 2013 г. – заведующий кафедрой теории государства и права Юридического факультета им. М.М. Сперанского РАНХиГС. Им были опубликованы более 160 научных работ¹.

¹ *Мальцев Г.В.* Социальная справедливость и право. М., 1977; Его же. Иллюзии равноправия: (Правовое неравенство в мире капитала). М., 1982; Его же. Право и политика современной России. М., 1996; Его же. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999; Его же. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М., 2000; Его же. Социальные основания права. М., 2007; Его же. Нравственные основания права. М., 2008; Его же. Бюрократия как правовая и моральная проблема. М., 2009; Его же. О социальной природе юридических институтов // Институционализация в праве: Сборник научных статей / Под общ. ред. Г.В. Мальцева. М., 2010; Его же. Культурные традиции права: Монография. М.: Норма ИНФРА-М, 2013 и др.

Как это порой бывает, «талант Геннадия Васильевича и его преданность науке при жизни не были в должной мере оценены в юридической среде»¹. Однако прошедшие со дня его ухода одиннадцать лет подтвердили практическую ценность и объективную справедливость его научных концепций и подходов. Он оставил в наследство нынешнему и будущим поколениям юристов и обществоведов множество новаторских научных идей.

Остановимся на важнейших из них. Прежде всего, это выработка интегративного подхода к сущности права. Глубоко исследовав широко распространенные естественно-правовые, позитивистские и ценностно-идеологические подходы, профессор Г.В. Мальцев отстаивает интегративное (или обобщающее) понимание права. Он выделяет правовую норму, правовое отношение и правовую идею как три базовых понятия, на которых выстраивается нормативно-регулятивная система, называемая правом. В период господства в советской науке позитивистского подхода идеи Г.В. Мальцева об интегративной сущности права можно назвать новаторскими.

Развивая далее интегративный подход к праву, Г.В. Мальцев, используя методологию междисциплинарного исследования, приходит к необходимости ценностного правопонимания, то есть в феномене права он ищет не только и не столько государственную волю, на чем делают акцент позитивисты, но, прежде всего, усматривает в праве этические, нравственные, экономические, культурные и политические основы. Вопросы социальной справедливости, политических свобод, общественных интересов – вот лишь небольшая часть основ правопонимания по Мальцеву.

И абсолютно логичным в этой парадигме выглядит универсализм функции права, который, по словам Г.В. Мальцева состоит в том, что «право никогда не бывает всего лишь инструментом в руках государства, оно по сути должно нести некий «высший план» общественного развития, предначертанный правопорядок, по отношению к которому государство и его управление, в свою очередь, выступают в инструментальной роли, т. е. являются средствами его достижения, постоянно корректируемыми по юридическим схемам»².

В своей уникальной монографии «Нравственные основания права» Г.В. Мальцев представил ретроспективный анализ взаимосвязи права и морали в единстве их исторического происхождения, «практически первым в современной российской юриспруденции показал правовую антиномию морали и имморализма (диалектику взаимопревращения и противоборства дозволений и запретов в праве и морали); осуществил глубочайший анализ притяжений и отталкиваний в «треугольнике» зависимостей (религия – мораль – право)»³.

В монографии «Месть и возмездие в древнем праве» Г.В. Мальцев делает серьезный философский вывод о том, что «принцип возмездия в общественной жизни и правосудии выражает универсальный объективный закон, который проявляется в различных жизненных обстоятельствах и соответственно им получает разные, подчас противоположные этические оценки. Справедливое возмездие ограничивает месть, исключает ее гипертрофию; несправедливое возмездие (несправедливые кары и наказания) разжигает мстительность, усиливает и продлевает чувство мести

---

¹ Вспоминаем Мальцева // Национальные интересы. 2013. № 3. С. 38.

² Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 29.

³ Акопов Л.В. «Институции» Мальцева (очерк творчества) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 2. С. 8.

в практике протеста и сопротивления. Нынешние выпады против уголовной политики государств, против кары и возмездия как такового реально укрепляют позиции несправедливости и зла, основательно утвердившиеся в современном мире...Технически вооруженное и технологически оснащенное зло способно перечеркнуть культурные достижения цивилизации, создать невероятные опасности для ее существования. Чтобы этого избежать, необходимо... расширять программы развития, основанные на подчинении социально-экономических, культурных и иных факторов прогресса задачам всестороннего совершенствования человеческой личности в гармонии с человечеством в целом»¹.

Еще одной уникальной идеологемой является концепция культурных традиций права, которая была разработана Г.В. Мальцевым в его последней монографии². Это фундаментальный труд, в котором отражены страницы истории культуры разных народов, оказавшие влияние на их правовое развитие. В нем проанализированы религиозные и культурные традиции индоевропейской, индоиранской (зороастрийская и авестийская), античной, древнегерманской, древнеславянской, иудеохристианской, римской и византийской, русско-православной цивилизаций³. Автор приходит к выводу о нерасторжимой связи и зависимости культурных форм (включая, религиозные представления) с представлениями людей о порядке, праве, законах. Так, ему удается выявить особенности формирования и развития правовых систем у различных народов, этносов. Г.В. Мальцев предстает ярким представителем цивилизационного подхода в исследовании сложных саморазвивающихся систем (права, государства и т.д.).

Будучи сторонником междисциплинарного подхода, Г.В. Мальцев много внимания уделил чрезвычайно актуальным политическим вопросам. Так, например, он выступал против развернувшейся в 90-е годы кампании за «приватизацию» правовой системы в том смысле, что право в России должно стать по преимуществу частным правом, а публичное право должно «сужаться» вместе с конституционными, административными, уголовно-правовыми институтами, ограничивающими так называемые свободы личности. Логика рассуждений такова: поскольку наша Конституция провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью, то индивидам необходимо юридически обеспечить полный простор, они должны действовать безо всяких ограничений и не должно быть никакого вмешательства в сферу индивидуальных прав⁴. Г.В. Мальцев весьма скептически относился к либеральному тезису о недопустимости вмешательства в сферу прав и свобод человека, справедливо полагая, что российскому обществу еще предстоит выработать представления о том, что можно, а что нельзя приносить в жертву интересам частного лица.

Еще одной важной проблематикой публикаций Г.В. Мальцева были вопросы суверенитета национального государства в условиях глобализации. «Становится все более очевидным: наличие лишь формально – юридического закрепления суверенитета, не подкрепленного реальным политическим и экономическим содержанием, средствами его обеспечения делает государство весьма уязвимым в современном

---

¹ Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012. С. 730-731.

² Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М., 2013.

³ Носов С.И. Научное наследие члена-корреспондента РАН Г.В. Мальцева: неизмеримый вклад в развитие отечественной юридической науки (к 80-летию со дня рождения) // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 153-159.

⁴ Мальцев Г.В. Развитие права: к единению с разумом и наукой: монография. М., 2005. С. 126-127.

мире. Поэтому Г.В. Мальцев весьма критично относился к унификации и шаблонизации правовых институтов в региональном (европейском) и мировом масштабах»¹.

Надо также отметить высочайший гуманизм всего его творчества, пронизанного горячей заботой о судьбах человека и цивилизации. «Люди должны исходить из общей физической картины мира, постоянно иметь в виду, чтобы решить для себя, как правильно жить, как вести себя в обществе, относиться к природе. Тогда... человечество поймет, наконец, что использование науки в основном для достижения комфорта, удовольствия, богатства и роскоши, доступной немногим, для взвинчивания духа конкуренции и потребительства ведет к утрате нормальных жизненных ориентиров, ставит под вопрос смысл человеческого существования»².

Советского российского юриста Геннадия Васильевича Мальцева следует признать представителем отечественной школы общественных наук, который с позиций гуманизма и социальной справедливости отстаивал междисциплинарный подход к исследованию таких сложносоставных систем как право и государство, считал обязательным учитывать их цивилизационные характеристики, с опорой на религию, культуру, этику и психологию.

Библиография

1. *Акопов Л.В.* «Институции» Мальцева (очерк творчества) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 2. С. 7-10.
2. Вспоминаем Мальцева // Национальные интересы. 2013. № 3. С. 35-44.
3. *Мальцев Г.В.* Бюрократия как правовая и моральная проблема. М., 2009.
4. *Мальцев Г.В.* Иллюзии равноправия: (Правовое неравенство в мире капитала). М., 1982.
5. *Мальцев Г.В.* Культурные традиции права: Монография. М.: Норма ИНФРА-М, 2013.
6. *Мальцев Г.В.* Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012.
7. *Мальцев Г.В.* Нравственные основания права. М., 2008.
8. *Мальцев Г.В.* О социальной природе юридических институтов // Институционализация в праве: Сборник научных статей / Под общ. ред. Г.В. Мальцева. М., 2010.
9. *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.
10. *Мальцев Г.В.* Право и политика современной России. М., 1996.
11. *Мальцев Г.В.* Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М., 2000.
12. *Мальцев Г.В.* Развитие права: к единению с разумом и наукой: монография. М., 2005.
13. *Мальцев Г.В.* Социальная справедливость и право. М., 1977.
14. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007.
15. *Носов С.И.* О некоторых проблемах развития юридической науки в трудах члена-корреспондента РАН Г. В. Мальцева // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2016. № 17 (238) том 37. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-razvitiya-yuridicheskoy-nauki-v-trudah-chlena-korrespondenta-ran-g-v-maltseva>

¹ *Носов С.И.* О некоторых проблемах развития юридической науки в трудах члена-корреспондента РАН Г. В. Мальцева // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2016. № 17 (238) том 37. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-razvitiya-yuridicheskoy-nauki-v-trudah-chlena-korrespondenta-ran-g-v-maltseva>

² *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007. С. 40.

16. *Носов С.И.* Научное наследие члена-корреспондента РАН Г. В. Мальцева: неизмеримый вклад в развитие отечественной юридической науки (к 80-летию со дня рождения) // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 153-159.

Базанов Антон Сергеевич

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ОТОБРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА С.М. ЭЙЗЕНШТЕЙНА «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ»)

Аннотация

Историческая память является одним из молодых направлений в исторической и политической науках, изучающей восприятие человеком и обществом исторических событий в виде устоявшихся знаний, образов и символов, передаваемых из поколения в поколение. Автор изучает наличие и распространение исторической памяти в советской киноиндустрии на примере художественного исторического фильма режиссёра С.М. Эйзенштейна «Александр Невский».

Ключевые слова: история социально-политических учений России, советский кинематограф, историческая память, Александр Невский.

Историческая память – одно из направлений исторической и политической наук, изучающее восприятие человеком и обществом исторических событий в виде устоявшихся знаний, образов и символов, передаваемых из поколения в поколение. Историческая память может быть как коллективной, так и индивидуальной, что отражается на интерпретации тех или иных образов в каждом поколении. Для политической науки актуально изучение данного явления, так как элементы исторической памяти могут использоваться в политических целях – точно или глобально, стихийно или целенаправленно. Понимание происхождения тех или иных знаков и символов в обществе, влияющих не только на бытовое, культурное, но и политическое мировоззрение общества, может помочь как в контроле за образованием новых элементов исторической памяти в общественной сознании, так и в осознанном создании последних. Это может способствовать сплочению общества, осознанию каждого его члена как части одной нации, обладающей общей культурой, историческим сознанием и т.д.

Зачастую историческая память зарождается именно в искусстве. На примере художественного исторического фильма режиссёра С.М. Эйзенштейна «Александр Невский» можно проследить формирование «памяти» и то, насколько сильно она может остаться в нашем обществе спустя множество десятилетий. Данный фильм является классикой советского кинематографа, одним из прорывных кинофильмов в истории нашей страны, из-за чего именно данное произведение рассмотрено в этой работе.

Кинокартина была выпущена в 1938 году и имела оглушительный успех у советского населения. Несмотря на более позднюю критику фильма за неисторичность и резкое изменение идеологического наполнения в сравнение с предыдущими работами режиссёра¹, работа получила множество наград и всенародное признание – как на высших уровнях власти, так и среди народа. Чем же были достигнуты такие высокие оценки? С.М. Эйзенштейн как режиссёр-новатор использовал массу новых художественных приёмов, смысл которых заключался в увеличении динамичности повествования, зрелищности кульминационных сцен и яркой актёрской игры². Так же во внимание берётся музыка советского композитора С.С. Прокофьева, хорошо дополняющая эпические мотивы кинофильма³.

Для того, чтобы проследить наличие исторической памяти, можно обратиться к сцене Ледового побоища. Несмотря на то, что в кадре отсутствует кровь, показан весь масштаб сражения: полчища побеждённых тевтонцев, проваливающиеся под лёд под грузом доспехов рыцари, ликующее русское войско – всё направлено на возбуждение у зрителя чувство радости за победу, гордости за свершения предков. Действие, захватывающее своим масштабом и проработкой кадровой постановки, особенно для своего времени. Все эти факторы вместе настолько отразились в сознании советского зрителя, что до сих пор огромное количество граждан России и СНГ помнят историю Ледового побоища именно такой и воспринимают данный образ за историческую действительность. Несмотря на то, что в современной России выходило множество исторических исследований на тему данного сражения, говорящих не в пользу истинности показанного Эйзенштейном⁴, именно так оно воспринимается в массовом сознании. Повлиял на массовое сознание этот художественный образ настолько сильно, что его очертания мы можем наблюдать и в образовательных школьных программах⁵.

Примерно так же произошло со знаменитой фразой Александра Невского из фильма: «Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет!». Она настолько сильно закрепилась в общественном обиходе, что многие даже не предполагают, что фраза эта была только в фильме и не имеет отношения к реальной истории. Но в этом и заключается сила исторической памяти – данная цитата крепко ассоциируется с известным новгородским князем, значительно дополнив его образ в массовом сознании. Это и есть работа подобных символов и образов – объединять людей на почве общей памяти, дат, знаков и событий.

Историческая память играет огромную роль в формировании коллективного сознания и восприятия отечественной истории. Являясь мифами и образами, порой не имеющими отношения к реальности, они создают новую историческую и политическую реальность, способную более красочно и живо взглянуть на историю страны широкой общественности.

---

¹ Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Периодическая печать о фильме «Александр Невский» (1938-1939 гг.) (часть II): Новейшая история России // Modern history of Russia. 2012. № 2. С. 121-124.

² Эйзенштейн С. Избранные произведения: в 6 т. М.: Искусство, 1964. Т. 2. С. 269-273.

³ Зоркая Н.М. История отечественного кино. XX век. М.: «Белый город», 2014. С. 190.

⁴ См.: Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Ледовое побоище 1242 года: исследователи и исследования // Петербургские славянские и балканские исследования. 2014. № 1. С. 4.

⁵ См.: Арсентьев Н.М., Данилов А.А. и др. История России. 6 класс. 2 часть: М.: «Просвещение», 2023. С. 23-24; Данилов А.А., Косулина Л.Г., Иванов А.В., Соколова Л.А. История России. С древнейших времён до конца XVI века. 6 класс: М.: «Просвещение», 2012. С. 118-119.

Библиография

1. *Арсентьев Н.М., Данилов А.А. и др.* История России. 6 класс. 2 часть: М.: «Просвещение», 2023. С. 23-24.
2. *Данилов А.А., Косулина Л.Г., Иванов А.В., Соколова Л.А.* История России. С древнейших времён до конца XVI века. 6 класс: М.: «Просвещение», 2012. С. 118-119.
3. *Зоркая Н.М.* История отечественного кино. XX век. М.: «Белый город», 2014. С. 190.
4. *Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А.* Ледовое побоище 1242 года: исследователи и исследования // Петербургские славянские и балканские исследования. 2014. № 1. С. 4.
5. *Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А.* Периодическая печать о фильме «Александр Невский» (1938–1939 гг.) (часть II): Новейшая история России // Modern history of Russia. 2012. №2 С. 121-124.
6. *Эйзенштейн С.* Избранные произведения: в 6 т. М.: Искусство, 1964. Т. 2. С. 269-273.

Банина Ярослава Вадимовна

Студентка магистратуры факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург, Россия

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ИСЛАМА В ИСТОРИСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ XIX В. (П.Я. ЧААДАЕВ, В.С. СОЛОВЬЕВ)

Аннотация

В статье анализируется символический образ ислама в работах русских мыслителей XIX в. В качестве объекта исследования выступают ключевые работы П.Я. Чаадаева и В.С. Соловьёва, а предмета исследования – взгляды упомянутых мыслителей на проблему ислама в общемировом контексте. Делается вывод о преемственности взглядов авторов как на всемирный исторический процесс, так и на место ислама в истории

Ключевые слова: символический образ ислама, исторический процесс, историософские концепции, девятнадцатый век.

На сегодняшний день ислам является одной из самых быстрорастущих мировых религий. По данным исследования, проведенного Pew Research, к 2060 году скорость возрастания мусульманского населения вдвое превысит скорость возрастания населения мира в целом. В соответствии с результатами этого же исследования, к 2030 году мусульмане вероятно составят около 26,3% от общей численности населения¹. Таким образом, ислам имеет глобальное значение, а также играет важную роль на мировой политической арене, занимая особое место во внешней политике различных стран, в т.ч. Российской Федерации. При этом, следует отметить, что

¹ Why Muslims are the world's fastest-growing religious group [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2017/04/06/why-muslims-are-the-worlds-fastest-growing-religious-group/> (дата обращения 20.05.2024).

период взаимодействия нашей страны с мусульманским миром насчитывает тысячелетия: от установления первых торговых связей до включения территорий, населенных приверженцами ислама, в состав России. В этой связи представляется интересным рассмотреть вопрос о том, какое отношение формировалось к упомянутой религии через призму политико-философских работ мыслителей XIX в.

Для исследования были выбраны работы таких как авторов, как П.Я. Чаадаев и В.С. Соловьев. Выборка авторов обусловлена тем, что проблема символического образа ислама в историософском ключе была впервые поставлена именно П.Я. Чаадаевым, что дало дальнейший импульс к изучению данной темы в российской интеллектуальной среде. Вместе с тем сам Чаадаев в своих изысканиях придерживался особого образа мышления, который получил дальнейшее развитие и у Соловьева, что позволило ему детально разработать свою историософскую концепцию, в т.ч. и в отношении ислама. Кроме того, нельзя обойти стороной тот факт, что идеи универсализма В.С. Соловьева, берущие свои истоки еще в работах П.Я. Чаадаева, оказали определенное влияние на позицию католической церкви в отношении других религий, в т.ч. ислама, что было отражено в документах II Ватиканского Собора, где подчеркивается необходимость диалога и взаимопонимания между католиками и мусульманами¹.

Источниковедческую базу исследования составили следующие труды: П.Я. Чаадаев «Философические письма» (1829-1831), В.С. Соловьев «Три силы» (публичное выступление, 1877), В.С. Соловьев «Великий спор и христианская политика» (цикл статей 1883-1885), В.С. Соловьев «История и будущее теократии» (1887), В.С. Соловьев «Магомет. Его жизнь и религиозное учение» (1896).

В основу методологии исследования легли политико-текстологический и компаративный методы анализа в их единстве.

В ходе комплексного исследования удалось выявить определенную преемственность во взглядах П.Я. Чаадаева и В.С. Соловьева. Так, ключевой идеей в философских разработках для обоих мыслителей стала идея единения, при этом построенная на христианстве. Так, Чаадаев писал: «В мире христианском все должно способствовать установлению совершенного строя на земле, да и ведет к этому на самом деле»². Концептуализация выраженной Чаадаевым идеи прослеживается уже в философии всеединства В.С. Соловьева, частью которой является модель всемирной теократии как идеала будущего мира. Таким образом, и Чаадаев, и Соловьев, строят свою философию истории вокруг христианства. При этом, путем постановки проблемы «Россия-Восток-Запад» они стремятся определить роль Востока в судьбах мира и России.

Оба мыслителя определяли место России между Востоком и Западом особым образом, рассматривая вопрос о том, в чем заключается ее предназначение в достижении конечной цели истории – христианского единства. Они также в некотором смысле схожи в своих оценках Востока и Запада: тяготеют к западному христианству и с осторожностью оценивают Восток, признавая его крайнюю неоднородность.

Ислам, как неотъемлемая часть не только восточного мира, но и России, занимает особое место в рассуждениях обоих философов. Символический образ ислама прослеживается в работах упомянутых авторов через призму рассмотрения

¹ См.: *Rupp J. Le Message Ecclésiale de VI. Solowiew. P., 1974. 602 p.*

² *Чаадаев П.Я. Философические письма. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 40.*

ими вопросов о том, какую роль сыграл ислам в истории человечества, а также о том, какое место он занимает в картине будущего мира и какой вклад может внести в достижение общечеловеческой цели единения. Так, оба мыслителя схожим образом оценивают роль ислама в истории – это, в первую очередь, распространение идеи единобожия. Для них уже это – первый шаг на пути к достижению единства. Пусть ислам и не является идеальной религией, он все же несравнимо лучше язычества. В связи с этим Чаадаев и Соловьев положительно оценивают не только роль ислама, но и личность самого пророка Мухаммада. Так, Чаадаев пишет: «Имя Стагирита, например, станут произносить с некоторым отвращением, имя Магомета – с глубоким уважением...»¹, а Соловьев вообще посвящает ему целый очерк².

В попытке разрешить вопрос о месте ислама в будущем, Чаадаев признает ислам разновидностью христианства. Соловьев с этой точкой зрения согласиться не может, хоть и существенную часть очерка о жизни и религиозном учении пророка посвящает непосредственной аргументации того, что все три авраамические религии имеют общий корень. При этом для обоих мыслителей ислам имеет недостатки, не позволяющие ему стать тем самым фундаментом, на основе которого можно было бы достичь единства. Чаадаев развивает мысль о том, что всему Востоку в целом свойственна приземленность, стремление скорее к материальному, а не к нравственному совершенству. Именно по этой причине восточные империи так часто останавливались в своем развитии и разрушались. Соловьев же делает акцент на отсутствии в мусульманской религии той самой связи между Богом и человеком, на основе которой можно было бы достичь богочеловеческого единства.

Таким образом, при историософском рассмотрении проблемы о значении ислама во всемирной истории, Чаадаев и Соловьев уделяют должное внимание той роли, которую он уже сыграл – распространению веры в единого Бога, однако на вопрос о будущем предназначении мусульманской религии русские мыслители не могут найти ответа.

Библиография

1. *Соловьев В.С.* Магомет, его жизнь и религиозное учение. Бишкек: Журн. «Лит. Кыргызстан»: МП «Лидер», 1991. 78 с.
2. *Чаадаев П.Я.* Философические письма. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 224 с.
3. *Rupp J.* Le Message Ecclésiale de VI. Solowiew. P., 1974. 602 p.
4. Why Muslims are the world's fastest-growing religious group [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2017/04/06/why-muslims-are-the-worlds-fastest-growing-religious-group/> (дата обращения 20.05.2024)

---

¹ Чаадаев П.Я. Философические письма. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 125.

² Соловьев В.С. Магомет, его жизнь и религиозное учение. Бишкек: Журн. «Лит. Кыргызстан»: МП «Лидер», 1991. 78 с.

Ватыль Виктор Николаевич

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и социологии факультета истории, коммуникации и туризма Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Гродно, Республика Беларусь

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИДЕАЛА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ УЧЕНИИ Н.Н. АЛЕКСЕЕВА

Аннотация

Целью работы является выявление особенностей понятия государственного идеала в политико-правовом учении Н.Н. Алексеева. Государственный идеал Н.Н. Алексеев обозначает как гарантийное государство – форма политического устройства общества, при котором интересы человека, гражданина, личности, органично связаны с интересами государства. Основа гарантийного государства – социальная справедливость. Путь к достижению справедливости лежит через разумно устроенное общежитие, которое, благодаря своим ресурсам, создает предметную среду для самореализации индивидов в качестве добродетельных личностей; предоставляет условия для свободного и всестороннего совершенствования. В заключение резюмируются особенности алексеевского гарантийного государства, как сбалансированное взаимоотношения государства и личности. Полученные результаты могут быть применены для дальнейших исследований философии государственоведения в учениях правоведов русского зарубежья XX столетия.

Ключевые слова: государственный идеал, сильное государство, эффективная государственность, справедливость, гарантийное государство.

Алексеев определил свою позицию не только в понимании природы идеала, но и метода его познания. Суть этого метода – ценностно-аксиологическая. Без этого метода невозможно конструктивно говорить о государственном идеале, с чем соглашаются и современные специалисты¹. Просчёты и ошибки практической политики нередко обусловлены забвением идеально-ценностной природы государства. И наоборот, учет практиками и теоретиками этого важного аспекта политики позволял сформулировать «общие принципы для построения возможного в пределах практической политики конкретного государственного идеала»².

«Общие принципы», или собственно общетеоретические основания государственного идеала, по твердому убеждению российского государственоведа, также имели ценностно-оценочную природу. Аргументацию, необходимую для обоснования этих оснований, он создавал с учетом исследований философов первой четверти XX столетия, заложивших основы учения о ценностях, или аксиологии. Речь, в первую очередь, шла о представителях немецкой неокантианской и русской религиозно-философской школах. Особенно чувствовалось влияние одного из основоположников аксиологии, немецкого философа М. Шелера³.

Для Алексеева понятие ценности стало исходным основанием аксиологии в познании природы государственного идеала. Он отрицал присутствие смысла

¹ Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. М.: Норма, 1998. С. 5-7.

² Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: «Аграф», 1998. С. 574.

³ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та, 1999. С. 96.

в самих человеческих суждениях. Обладая психическим бытием суждения существуют только во времени, тогда как истинные мысли относятся не к миру эмпирической действительности, а к сфере трансцендентного смысла, которая логически предшествует реальности, бытию. «Ценности суть род «идеальных объектов», между которыми наблюдаются особые научно-познаваемые отношения и связи, особый независимый от опыта, априорный порядок»¹. Подобное понимание ценности присуще и Г. Риккерт. «Ценности, – подчеркивал немецкий философ, – не представляют собой действительности, ни физической, ни психической. Сущность их состоит в их значимости, а не в их фактичности»². При всей схожести есть один нюанс: российский государствовед подчеркивал возможность познания ценностного феномена, ибо ценности своеобразно связаны с действительностью.

Алексеев начинал познание с вопроса: что понимать под общезначимостью ценности? Ценности присуща не фактическая общезначимость, а идеальная, должная. В природе нет такого закона, утверждал он, который принуждал бы человека всегда так думать, желать или чувствовать. Ни в природе, ни в истории нельзя найти критерий общезначимости. Общезначимость существует только в идеальной сфере и заключается в долженствовании и непозволительности иного. Человеческий дух, полагал Алексеев, в своем развитии постепенно осознает мир ценностей, приближаясь к идеалу, которого полностью никогда нельзя достичь. Общество,двигающееся по пути прогресса, должно приводить социальные нормы в соответствие с идеальными ценностями, которые могут быть явлены в мире, предписывать нормативность и долженствование человеческому поведению, «значить» в нем через формируемые системы оценок, но никогда не могут быть выведены из свойств предметов и явлений этого мира и всегда остаются самотождественными в своей сущности. В этом отношении, «ценность есть ничто иное, как идея совершенства, в той или иной степени, с тем или иным приближением могущая быть достигнутой в пределах посюстороннего мира. Достижение ценностей и их воплощение в посюстороннем бытии образуют различные реальные состояния, характеризующиеся признаком особой положительности»³.

Различные способы обоснования ценностей выступали еще одним общетеоретическим основанием, с помощью которого выделялось соотношение абсолютного и относительного в государственном идеале. Один из таких способов – имманентизм, в общефилософском смысле означающее свойство, внутренне присущее предмету, процессу или явлению; то, что пребывает в самом себе, не переходя в нечто чуждое⁴. С его помощью определяются особенности ценностей этого, «посюстороннего мира». Прежде всего ценным является то, что фактически и опытно обнаруживает своё жизненное преимущество перед неценным; что сохраняет устойчивость и постоянство в итоге внешней и внутренней жизни человека.

В своих трудах Алексеев вёл разговор о видах ценностей как еще об одном общетеоретическом основании государственного идеала. Этот разговор осуществлялся в плоскости соотношения абсолютного и относительного. Виды ценностей служили формой выявления подобного соотношения. К примеру, грань государственного идеала, которая способствовала осмыслению перехода от субъективного

---

¹ Там же. С. 96.

² Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. М.: Республика, 1998. С. 94.

³ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та, 1999. С. 101.

⁴ Новейший философский словарь: 2-е изд., перераб. и доп. / редкол. Грицанов А.А. [и др.]. Мн.: Итерпрес-сервис; Книжный дом, 2001. С. 420.

к объективному порядку вещей. Под «личным» и «сверхличным» российский государствовед понимал соответственно морально-нравственные и правовые ценности. С их помощью ему важно было определить момент перехода собственно к осмыслению государственного идеала. Справедливость как основная правовая ценность и стала таким моментом.

Алексеев определял право как совокупность общих правил поведения при помощи которых достигается сохранение и развитие нравственного и социального целого – совести и государства. Только в целом может существовать право, и только целое имеет силу наделять свои постановления обязательностью. «Право есть функция целого, определяемая внутренними его целями»¹.

Подобный характер взаимосвязи позволял определить место основной правовой ценности – справедливости. «Справедливость мыслится, как некоторый порядок отношений, в котором каждому члену принадлежит свое место и каждому причитается то, что ему принадлежит»². Алексеев стремился указать не только не связь с традицией, но и подчеркнуть, что справедливость – нечто большее, чем просто условие выживания и безопасного существования индивидов; она есть способ добродетельной жизни, конкретная форма, в которой индивиды могут реализовать себя и достичь совершенства. Как пишет М.Ю. Загирняк: «С точки зрения Н.Н. Алексеева, жизнь общества представляет собой постоянное согласование интересов индивидов»³. Путь к достижению справедливости лежит через разумно устроенное общежитие, которое, благодаря своим ресурсам, создает предметную среду для самореализации индивидов в качестве добродетельных личностей; предоставляет условия для свободного и всестороннего совершенствования. Государство в его адекватных формах мыслится как воплощение справедливости. Соответственно благо государства ставится выше блага отдельных индивидов.

Теоретическое гипостазирование общества и государства в качестве определенной справедливости соотносено Алексеевым с пониманием того, что эта категория в своей основе представляет иерархию ценностей, начиная с жизненно несовершенных и фрагментарных и завершая идеями целостными и совершенными. Справедливость выступает мерилем их оценки. «Справедливость по идее своей есть истинная мера относительного достоинства ценностей. Эти последние и суть элементы всякого справедливого порядка»⁴.

Слово «относительное» в данной формулировке Алексеев использовал не только как меру оценки ценностей, но и как способ определения связи идеала и действительности. Государство как целое, с одной стороны, – это высшая идеальная ценность, а с другой – исторически конкретная форма реализации последней. Между ними существует взаимосвязь; поскольку всякая ценность может быть воплощена в действительности, постольку реальное общество может быть относительным воплощением справедливости. Надо только помнить, подчеркивал российский государствовед, что в реальном обществе, воплотившем в себе ценности, мы имеем дело не с чистым идеальным смыслом, а с его реализацией, – имеем дело с благами. «Реальное справедливое общество есть общество, построенное на правильном соотношении благ, – соотношении, в основе которого лежит, как образец, идея

¹ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та, 1999. С. 96. С. 115.

² Там же. С. 96. С. 119.

³ Загирняк М.Ю. Два понятия общества в философии Н.Н. Алексеева // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 76.

⁴ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та, 1999. С. 96. С. 120.

справедливости»¹. В таком обществе идеальное отношение ценностей воплощается в действительных отношениях вещей и лиц и становится миром человеческой справедливости, «... который мог бы претендовать на то, чтобы стать образцом»².

В сфере реальной политики справедливость объективируется посредством механизма гарантий, создавая тем самым гарантийное государство – государство, в котором гарантируется законность через нравственные обязательства правящего слоя и каждому гарантируется определенный пакет социальных прав, позволяющих человеку не проводить всю свою жизнь в зарабатывании прожиточного минимума, а расти духовно и культурно. Гарантийное государство, по Алексееву, держится на следующих принципах:

- государство ставит своей целью освободить людей от жестокостей личной борьбы за существование путем создания максимально развитой материально-технической базы жизни, организации интенсивного производства необходимых благ и установления наиболее удобной системы распределения их для удовлетворения всех основных потребностей граждан, создания среднего уровня зажиточной жизни и окончательной ликвидации нищеты и бедности (принцип материальной интенсификации жизни).

- рассматривая материальную базу как средство для создания подлинно духовной культуры гарантийное государство, помимо труда необходимого для удовлетворения основных потребностей, организует соразмерное количество труда прибавочного, весь общественный доход с которого государство обязуется употреблять на культурное строительство, на удовлетворение и развитие духовных потребностей граждан (принцип подчиненной экономики).

- не отрицая внутренней «негативной» свободы человека, его личного самоопределения, гарантийное государство ставит своей целью создание наиболее благоприятных внешних условий, обеспечивающих такое положение, при котором свобода эта не была использована в целях чисто отрицательных. Государство создает максимальное количество культурных и духовных благ, предпочтение и выбор которых предоставляется свободе всех и каждого (принцип положительной свободы).

- отрицая всякую принудительную нивелировку уравниловку как между отдельными людьми, так и между отдельными племенами и национальностями, гарантийное государство стремится к созданию высшей культуры, которая воплощала бы в себе идею общечеловеческого достоинства и в то же время максимально служила бы появлению национальных, племенных и местных особенностей населения евразийского культурного мира (принцип организации культуры, как сверхнационального целого на многонациональной основе).

- будучи не только регулятором социальной жизни, но и возбудителем различных жизненных потенций, обеспечивающих движение и развитие общества, гарантийное государство стремится к вовлечению в экономическое, политическое, социальное и культурное строительство возможно большего количества граждан (принцип демотизма).

---

¹ Там же. С. 96. С. 121.

² Чернышев А. Современное государство: последний Левиафан, фантом или мессия? // Власть. 2017. № 05 (т. 25). С. 62; ср.: Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. С. 155 и сл.

Библиография

1. *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та, 1999. 216 с.
2. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. М.: «Аграф», 1998. 640 с.
3. *Загирняк М. Ю.* Два понятия общества в философии Н.Н. Алексеева // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 74-81.
4. Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. 352 с.
5. *Мамут Л. С.* Государство в ценностном измерении. М.: Норма, 1998. 45 с.
6. Новейший философский словарь: 2-е изд., перераб. и доп. / редкол. Грицанов А.А. [и др.]. Мн.: Итерпрессервис; Книжный дом, 2001. 1280 с.
7. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
8. *Чернышев А.* Современное государство: последний Левиафан, фантом или мессия? // Власть. 2017. № 05 (т. 25). С. 57–67.

Грицай Людмила Александровна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского
Ярославль, Россия

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВЕКТОРА РОССИИ В ЭПОХУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО: ОТ СВЯТОЙ РУСИ К ПРОСВЕЩЕННОМУ ГОСУДАРСТВУ

Аннотация

Эпоха Петра I ознаменовалась переходом от средневекового мировоззрения к началу Нового времени. Движущей силой преобразований стала европеизация, нацеленная на модернизацию страны в условиях синтеза западных идей с российскими традициями. В статье рассматриваются ключевые идеологические изменения, затронувшие социально-политическую сферу, которые стали основой для формирования нового образа гражданина.

Ключевые слова: Петр Великий, идеологическая трансформация, социально-политические изменения, просвещенное государство, реформы, западное влияние, абсолютизм, модернизация.

Как известно, конец XVII – начало XVIII века стал переломным периодом в истории России, когда под влиянием реформ Петра Великого государство начало движение к европеизации. Это был не просто процесс заимствования отдельных культурных элементов, но глубокая трансформация мировоззренческих и социальных установок, обусловленная столкновением западноевропейских идей с русскими традициями. Европейские концепции рационализма и просвещения требовали пересмотра основополагающих принципов, которые столетиями лежали в основе русской государственности. Важную роль в этих изменениях сыграла идеология

Просвещения, с её представлениями о прогрессе, общественном договоре и естественном праве, что сформировало предпосылки для создания нового типа личности – рациональной и ориентированной на земное благополучие, а не христианское спасение (как это было в Русском государстве XVII века).

Целью исследования является анализ трансформации идеологических и социально-политических основ российского государства в эпоху Петра Великого, а также рассмотрение перехода от традиционных представлений о России как «Святой Руси» к концепции просвещенного абсолютизма. В качестве метода исследования использовался историко-сравнительный анализ, включающий изучение источников эпохи, сравнительный анализ дореформенных и постреформенных идеологических представлений, а также интерпретацию влияния западных идей на социально-политическую структуру России.

Эпоха Петра Великого (конец XVII – начало XVIII века) знаменует начало Нового времени в российской истории. Эпоха также характеризуется верой в человеческий разум как инструмент изменения мира. Как отмечает Т.А. Чебанюк, «новая конфигурация» человека определяется не верой и традицией, а государственной идеологией, основанной на европеизированной модели, где традиционные православные нормы утрачивают свою регулятивную силу¹.

Петровские реформы стали проводниками идей Просвещения, таких как «естественное право» и общественный договор, которые проникли в Россию через труды западных философов. Россия адаптировала эти идеи, что привело к формированию нового идеала – светского государства, ориентированного на рационализм и просвещение. Идея «Великой России» постепенно замещала традиционный идеал «Святой Руси», акцентируя значение человеческого разума и отказ от догматической связи с Божественным началом, предложенной в трудах Гоббса.

С точки зрения В.И. Блинова, идеи Т. Гоббса о естественном праве стали популярны среди русской элиты благодаря их материалистическому и рационалистическому подходу к организации общества. Эти представления не только освобождали человека от обязательного следования религиозным догмам, но и способствовали укоренению светской концепции государства². Само государство усиливает свою роль, и, как пишет П.Е. Бухаркин, человек оказывается под полной властью государства, которое диктует «нужный путь» и определяет его благо³. Государство становится всеобъемлющей структурой, что позволило Г. Флоровскому утверждать, что оно становится «единственным источником всех полномочий»⁴.

Концепция государственной пользы трансформирует идею служения, сформировавшуюся еще в Древне Руси: теперь служение государству становится показателем гражданского достоинства и социальной значимости. Если в Средневековой Руси служение было жертвой Богу и роду, то теперь – государю, олицетворяющему Отечество. Возникают ценности государственной службы, чести, доблести и разума.

---

¹ Чебанюк Т.А. Парадигма «человека просвещенного» в русской культуре: автореферат дис. ... доктора культурологии. М., 2001. С. 23.

² Блинов В.И. Развитие теории и практики образования в России XVIII – начала XX века под влиянием изменений ценностных ориентаций, представлений об идеале человека и целях его воспитания: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2001. С. 75.

³ Бухаркин П.Е. Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения петровской эпохи // Христианское чтение. 2009. № 9-10. С. 100

⁴ Флоровский Г. Пути русского богословия / пред. прот. И. Мейендорфа. Париж YMCA-PRESS, 1983. С. 83.

Эти качества становятся идеалом личностного развития ребенка, что соответствует духу эпохи Просвещения и идеям активного преобразования мира.

Как отмечает Т.В. Артемьева, в эпоху Просвещения общество придерживалось социального утопизма, который заключался в вере в возможность улучшения общества через разумные законы и воспитание, что, в свою очередь, привело к переосмыслению роли индивида в государстве. В России эта идея была воспринята как важнейшая составляющая нового мироустройства, а воспитание просвещенного человека стало одной из важнейших задач. Таким образом, воспитание в эпоху Петра трансформировалось в воспитание гражданина, чье поведение регулируется не только религиозными нормами, но и юридическими законами¹.

Обобщим социально-политические идеи Петровской эпохи в виде таблицы 1.

Таблица 1
Социально-политические идеи Петровской эпохи

Идея	Краткая характеристика
Идея просвещения	Знания об истинной природе вещей помогают развивать человека как интеллектуально, так и нравственно.
Идеи «социального утопизма»	Вера в возможность преобразования общества на основе гуманистических законов предполагает достижение справедливого общественного устройства.
Концепция «общественного договора»	Идея создания гражданского общества предполагает свободу и права для каждого его члена.
Идея «естественного права»	Бог, создавший мир, не вмешивается в процесс развития земных событий. Ход истории на земле определяют сами люди.
Идея общечеловеческого прогресса	Развитие человечества осмысливается как движение от варварства к цивилизации через просвещение и труд.
Идеи сенсуализма в теории познания	Разум человека считается основным инструментом для познания и преобразования окружающего мира.
Концепт «государственной пользы»	Служение государству становится личным выражением гражданского достоинства, показывая значимость человека через пользу для государства.
Соединение социально-политических идей и этики	Просвещая людей «светом разума» и прививая им нравственные законы, можно создать идеальное общество, где личность обладает такими качествами, как честь, добродетель, просвещенность, гражданственность, благо и разум.

¹ Артемьева Т.В. Идея истории в России XVIII века // «Философский век». Альманах. Вып. 4. СПб.: Алетейя, 1998. С. 15.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Социально-политические идеи Петровской эпохи существенно изменили идеологический вектор России, направляя его к модели просвещенного, централизованного государства. Петр Великий перенес акцент с традиционного духовно-религиозного понимания на светское и рациональное, подчеркивая роль разума и научного знания как инструментов для преобразования общества. Появление идей общественного договора и естественного права означало отход от средневековых представлений и переход к понятию гражданских прав и обязанностей.

Понятие «государственной пользы» сделало служение государству личностной добродетелью, что подняло общественную значимость человека, одновременно подчиняя его интересы государственным. Воспитание стало ориентироваться на гражданственность, просвещенность и труд как главные человеческие добродетели, что закладывало основу для формирования более светского, профессионального и ответственного общества.

Следовательно, можно заключить, что реформы Петра Великого заложили основы новой социально-политической идеологии в России. Европейские идеи Просвещения, адаптированные к российским условиям, создали идеологический вектор, направленный на рационализм, гуманизм и патриотизм. Педагогические установки изменились от сотериологической к эвдемонической модели воспитания, что привело к формированию идеала человека, готового к служению светскому государству. Таким образом, период Петра I стал началом Нового времени в России, когда общество начало строиться на основе рационализма и просвещения, что оказало влияние на дальнейшую эволюцию российской государственности.

Библиография

1. *Артемьева Т.В.* Идея истории в России XVIII века // «Философский век». Альманах. Вып. 4. СПб.: Алетейя, 1998. 267 с.
2. *Блинов В.И.* Развитие теории и практики образования в России XVIII – начала XX века под влиянием изменений ценностных ориентаций, представлений об идеале человека и целях его воспитания: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2001. 260 с.
3. *Бухаркин П.Е.* Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения петровской эпохи // Христианское чтение. 2009. № 9–10. С. 100–121.
4. *Флоровский Г.* Пути русского богословия / пред. прот. И. Мейендорфа. Париж YMCA-PRESS, 1983.
5. *Чебанюк Т.А.* Парадигма "человека просвещенного" в русской культуре: автореферат дис. ... доктора культурологии. М., 2001. 46 с.

Дегтярёв Андрей Алексеевич

Кандидат философских наук, доцент, руководитель магистратуры «Международный GR-менеджмент и публичная политика» РУДН им. П. Лумумбы
Москва, Россия

ОБ ОПЫТЕ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ МАРКСИСТКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИКИ В МГУ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА В 1970-80-Е ГГ.)

Аннотация

В данной статье рассмотрены четыре основных направления исследований в контексте развития марксистской теории политики, сложившиеся в МГУ в последний советский период, а именно – политической сферы жизнедеятельности социума, политической организации социалистического общества, деятельности коммунистических и социал-демократических партий несоциалистических стран, и наконец, истории становления и развития марксистско-ленинской концепции политической стратегии и тактики.

Ключевые слова: теория политики; фундаментальная марксистская концепция; политическая сфера общественной жизнедеятельности; политическая организация социалистического общества; деятельность коммунистических и рабочих партий несоциалистических стран; прикладная концепция политической стратегии и тактики.

В большинстве существующих описаний процесса становления политологического сообщества во времена СССР не столь уж часто можно пока что услышать про зарождение исследования и преподавания политической проблематики в стенах МГУ имени М.В. Ломоносова, и в частности, на его философском факультете. Между тем, перед официальным утверждением политической науки в СССР на философском факультете МГУ уже сложились четыре основных направления исследований в контексте развития марксистской фундаментальной и прикладной теории политики. Причем весомый толчок подобному движению придала известная статья Ф.М. Бурлацкого и Г.Х. Шахназарова «О развитии марксистско-ленинской политической науки» (1980 г.)¹.

Исследование особенностей политической сферы жизнедеятельности общества. На кафедре исторического материализма, над этим работали профессора А.В. Разин, Ю.М. Павлов, и др. И там ещё в 1970-е гг. вышла известная работа А.В. Разина «Политическая организация общества как категория исторического материализма» (1972 г.), а также книга Ю.М. Павлова (в 1990-е гг. – зав. кафедрой сравнительной политологии того же факультета) «Региональная политика капиталистических государств» (1970 г.). А затем уже Ю.М. Павлов публикует и свою фундаментальную монографию по тематике «востоковедной политологии» третьего мира – «Социально-философские проблемы общественного развития (на примере южно-азиатского субконтинента)» (1982 г.)².

¹ Бурлацкий Ф. М., Шахназаров Г. Х. О развитии марксистско-ленинской политической науки // Вопросы философии. 1980. № 12. С. 10–23.

² Павлов Ю. М. Региональная политика капиталистических государств. М.: Наука, 1970; Павлов Ю. М. Социально-философские проблемы общественного развития (На примере южно-азиатского субконтинента). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982; Разин В. И. Политическая организация общества как категория исторического материализма. М.: Знание, 1972.

Исследование политической организации (системы) социалистического общества. На кафедре научного коммунизма работала небольшая группа преподавателей и аспирантов, разрабатывавших проблемы развития политической системы и государства в социалистических странах (А.И. Куфтырев, А.Г. Лашин, и др.). Например, доцентом к.филос.н. А.И. Куфтыревым много лет читался тогда спецкурс «Политическая организация социалистического общества», а проф. А.Г. Лашиным спецкурс – «Развитие социалистического государства». Под редакцией А.Г. Лашина вышел в те годы учебник «Теория социалистического строительства» (1976 г.), написанный кафедральным коллективом преподавателей. А доцентом А.И. Куфтыревым была опубликована весьма популярная в тот период монография «Политическая организация социалистического общества» (1981 г.)¹.

Исследование политической деятельности коммунистических и социал-демократических партий несоциалистических стран. На кафедре истории и теории мирового рабочего и коммунистического движения (ИТМРКД), в течение полутора десятка лет (1976-91 гг.) велись как внутривосточные, так и компаративные исследования деятельности коммунистических, рабочих и революционно-демократических партий несоциалистических стран. А общий курс «Стратегия и тактика коммунистических и рабочих партий» читался тогда для студентов отделения научного коммунизма философского факультета (В.Ф. Борзунов, С.С. Салычев, П.А. Цыганков, и др.) в период 1975-1990 гг.² Кроме того, преподаватели кафедры ИТМРД проводили серию спецкурсов и спецсеминаров по политике левых сил в отдельных регионах и странах мира, а также опубликовали целую серию статей и монографий по этой тематике. И в качестве примера ведения подобной работы можно здесь привести книгу А.С. Степанова «Теоретические основы борьбы за демократию и социализм в Великобритании» (1982 г.), посвящённую в основном осуществлению стратегии и тактики британской компартии во второй половине XX века³.

Исследование истории становления и развития марксистско-ленинской прикладной концепции политической стратегии и тактики. На кафедре истории социалистических учений (ИСУ) преподавателями и аспирантами кафедры (А.А. Дегтярёвым, Н.Н. Железняком, и др.) были опубликованы статьи и монографии о проблематике марксистского и ленинского этапа становления и развития прикладной концепции политической стратегии и тактики⁴, а также по указанной проблематике был успешно защищён целый ряд кандидатских диссертаций по философским наукам.

Кроме того, по данной тематике проводились также и некоторые учебные дисциплины. Например, в рамках кафедры ИСУ, были разработаны спецкурсы

---

¹ Куфтырев А.И. Политическая организация социалистического общества М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981; Теория социалистического строительства / Под ред. А.Г. Лашина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.

² Цыганков П.А., Степанов А.С. Учебная программа по курсу «Стратегия и тактика коммунистических и рабочих партий» для студентов отделения научного коммунизма философского факультета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.

³ Теория социалистического строительства / Под ред. А.Г. Лашина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.

⁴ Дегтярёв А.А. О соотношении фундаментальных и прикладных исследований в научном коммунизме (на примере теории политической стратегии и тактики коммунистических партий) // XXI съезд КПСС и актуальные проблемы марксистско-ленинской философии: Методологические проблемы общественных наук / Под ред. В.А. Вазюлина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982; Дегтярёв А.А. К вопросу о разработке К. Марксом и Ф. Энгельсом общих принципов политической стратегии и тактики // К. Маркс и современность: философия, социология, идеология / Ред. кол. А.А. Дегтярёв, и др. М.: ФО СССР, 1984. С. 59-62; Железняк Н.Н. В.И. Ленин о разработке основоположниками марксизма стратегии и тактики классовой борьбы рабочего класса // Научный коммунизм. 1983. № 2.

А.А. Дегтярёва «Разработка К. Марком и Ф. Энгельсом концепции политики пролетарских партий»¹ и «Развитие В.И. Лениным теории политической стратегии и тактики коммунистических партий»², которые читались на философском факультете МГУ в 1984-89 гг. А в самом конце 1980-х гг., им же был также подготовлен и проведен даже экспериментальный спецсеминар «Марксистская концепция ситуационного политического анализа», материалы которого впоследствии легли в основу ряда авторских программ и публикаций по прикладному политическому анализу в 1990-е гг.³. Все эти разработки находили свое отражение также и в рамках докладов и сообщений на научных конференциях. К примеру, на Ломоносовских чтениях МГУ в апреле 1987 года, на Юбилейной кафедральной секции, посвященной 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, было подготовлено сообщение А.А. Дегтярёва по теме «Развитие В.И. Лениным марксистской теории политической стратегии и тактики на этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую».

А в итоге, в самом конце 1980-х гг., в «Вестнике Московского университета» (тогда ещё – сер. 12. Теория научного коммунизма), тем же самым автором были опубликован один из самых первых проектов программы академической университетской дисциплины «Основы политологии»⁴. После чего начался уже пост-марксистский этап развития теории политики на философском факультете, который привел вначале – к образованию на факультете отделения политологии, а в 2008 году – и к уже отпочкованию нового в Московском университете факультета политологии.

Библиография

1. Бочкарев Н.И., Дегтярёв А.А. Программы спецкурсов и спецсеминаров по истории научного коммунизма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 39 с.

2. Бурлацкий Ф. М., Шахназаров Г. Х. О развитии марксистско-ленинской политической науки // Вопросы философии. 1980. № 12. С. 10-23.

3. Дегтярёв А.А. К вопросу о разработке К.Марксом и Ф.Энгельсом общих принципов политической стратегии и тактики // К. Маркс и современность: философия, социология, идеология / Ред. кол. А.А.Дегтярёв, и др. М.: ФО СССР, 1984. С. 59-62.

4. Дегтярёв А.А. О соотношении фундаментальных и прикладных исследований в научном коммунизме (на примере теории политической стратегии и тактики коммунистических партий) // XX1 съезд КПСС и актуальные проблемы марксистско-ленинской философии: Методологические проблемы общественных наук / Под ред. В.А. Вазюлина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

5. Дегтярев А.А. Основы политологии (проект программы академического университетского курса) // Вестник Московского университета. Сер. 12. Теория научного коммунизма. 1989. № 4.

---

¹ Бочкарев Н.И., Дегтярёв А.А. Программы спецкурсов и спецсеминаров по истории научного коммунизма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 9-18.

² Бочкарев Н.И., Дегтярёв А.А. Программы спецкурсов и спецсеминаров по истории научного коммунизма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 18-23.

³ Дегтярев А.А. Прикладной политический анализ (программа курса для магистратуры) // Справочник слушателя МВШСЭН: Факультет политической науки. М.: МВШСЭН, 1998.

⁴ Дегтярев А.А. Основы политологии (проект программы академического университетского курса) // Вестник Московского университета. Сер. 12. Теория научного коммунизма. 1989. № 4.

6. Дегтярев А.А. Прикладной политический анализ (программа курса для магистратуры) // Справочник слушателя МВШСЭН: Факультет политической науки. М.: МВШСЭН, 1998.

7. Железняк Н.Н. В.И. Ленин о разработке основоположниками марксизма стратегии и тактики классовой борьбы рабочего класса // Научный коммунизм. 1983. № 2.

8. Куфтырев А.И. Политическая организация социалистического общества М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 256 с.

9. Павлов Ю. М. Региональная политика капиталистических государств. М.: Наука, 1970. 388 с.

10. Павлов Ю. М. Социально-философские проблемы общественного развития (На примере южно-азиатского субконтинента). М.: Знание, 1982.

11. Разин В.И. Политическая организация общества как категория исторического материализма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

12. Степанов А.С. Теоретические основы борьбы за демократию и социализм в Великобритании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 104 с.

13. Теория социалистического строительства / Под ред. А.Г. Лашина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 317 с.

14. Цыганков П.А., Степанов А.С. Учебная программа по курсу «Стратегия и тактика коммунистических и рабочих партий» для студентов отделения научного коммунизма философского факультета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 33 с.

Денильханов Асланбек Хаважович

Кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета, доцент Высшей школы бизнеса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

ГЕОРГИЙ (ЮРИЙ) ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ – ИДЕОЛОГ НАЦИОНАЛ-МАКСИМАЛИЗМА

Аннотация

В статье рассматривается деятельность представителя пореволюционной эмиграции Ю.А. Ширинского-Шихматова, его идеология, политические взгляды и практическая деятельность. Широкий панорамный взгляд этого мыслителя на историю России, из которого выстраивалась его концепция будущего страны, основывался на твердой позиции необходимости понимания пространства страны как территориального, ценностного и духовного единства.

Ключевые слова: Ю.А. Ширинский-Шихматов, национал-максимализм, русское зарубежье, сменовеховство, «утвержденцы».

В сегодняшнем сложном и многогранном историческом процессе обнаруживаются схожие явления, теоретически осмысленные деятелями российской эмиграции после известных революционных событий 1917 г. Более того, в логике поведения, последовательности действий некоторых участников событий прослеживается связь с сегодняшним периодом истории России в поисках духовных скрепов

национальной самоидентификации. Для исследователей открывается значительное проблемное поле: интерес вызывают как мировоззренческие дискуссии, так и биографии людей, которые несмотря на исторические зигзаги, отражавшиеся на их судьбах, не прерывали внутренней связи с Родиной. Этот аспект пульсирования внутренних поисков сопряжения базовых идеологических структур, на которых формировались личности целого поколения определенной социальной страты в новой, во многом чужеродной для них среде, актуализировался в настоящее время.

Период пореволюционной эмиграции дал глубоких мыслителей и активных деятелей, к поведению и творчеству которых полезно присмотреться с учетом сегодняшних геополитических конфликтов. В эмигрантских кругах не прекращались дискуссии о прошлом и будущем России. При этом идеологическое пространство беженства¹ было резко поляризовано: между активными подготовками и отчасти осуществлениями диверсионных акций на территории СССР и поисками точек примирения, казалось, практически непримиримых идеологических структур². Примиренческую позицию занимали сменовеховство³ и национал-максимализм⁴.

Одним из видных деятелей, сохранивших актуальную память о России в этот исторический период, был князь Георгий (Юрий) Ширинский-Шихматов, представитель значительного в истории России русско-татарского рода Ширинских-Шихматовых. Он родился в семье камергера Двора Его Императорского Величества, гофмейстера Высочайшего Двора, обер-прокурора Святейшего Синода, сенатора князя Алексея Александровича Ширинского-Шихматова. Георгий (Юрий) Алексеевич окончил Николаевское кавалерийское училище и после объявления войны в 1914 г. отправился на фронт как корнет запаса гвардейской кавалерии. Отличился в крупных сражениях в условиях тяжелой весенней распутицы на Восточном фронте Первой мировой войны. После окончания военных действий выехал в Германию, затем жил в Париже. Принимал активное участие в общественной жизни русской эмиграции. Возглавляемый им Союз российских национал-максималистов принадлежал к наиболее ярким политическим группам русского зарубежья 1920-30-х гг.⁵ Следует отметить широкий панорамный взгляд Ю. Ширинского-Шихматова на историю России, из которого выстраивалась его концепция будущего страны. При этом его взгляды не изменялись вслед за изменчивыми историческими обстоятельствами.

Идеология национал-максимализма впервые была представлена в докладе Ю.А. Ширинского-Шихматова «Национал-большевизм и свободно-избранные Советы как путь к национализации революции», прочитанном осенью 1920 г. в Берлине: «На смену духу насилия, эксплуатации, ненависти и борьбы должен прийти и

---

¹ См. Милуков П.Н. Эмиграция на перепутье. Париж: Изд. Респ.-Дем. объедин., 1926; Суржикова Н.В. Российское общество VS российское беженство – 1914-1922 гг. // Социологические исследования. 2017. № 9; Лихарева Н.В. Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918-1925 гг. (На примере Курской губернии). Изд-во: Курск, 1999; Бочарова З.С. Социально-правовая адаптация российской эмиграции 1920-1930-х годов (исторический анализ). Автореферат дисс. ... докт ист. наук. М., 2005.

² См. Гаспарян А.С. ОГПУ против РОВС: тайная война в Париже, 1924–1939 гг. М.: Вече, 2008; Цурганов Ю.С. Белоэмигранты и Вторая мировая война попытка реванша, 1939-1945. М.: Центрполиграф, 2010.

³ Идеино-политическое течение, возникшее в 1920-е гг. в русской эмиграции первой волны, получившее название от сборника статей «Смена вех» (Прага 1921 г.), авторы которого выступали за сотрудничество с Советской Россией.

⁴ Движение, порожденное стремлением сохранить внутреннюю связь с прежней Россией и найти пути сопряжения с новой.

⁵ См. Антропов О.К. Идеология российского «национал-максимализма» в эмиграции // Вестник РГГУ. 2012. № 4.

придет дух свободы, вселенского братства, любви и человеческой солидарности. Вот почему мы назвали свою идеологию – идеологией пореволюционного солидаризма»¹. В среде политической эмиграции их называли «национал-максималистами» или «утвержденцами»². В. Варшавский в книге «Незамеченное поколение» воспроизводит основные утверждения национал-максимализма Ю. Ширинского-Шихматова: «Критикуя популярные в эмиграции „рецепты спасения России“, Ширинский отвергал все виды интервенции. По его мнению, все они должны были в случае успеха привести к той или иной форме завоевания России и к „замене интернационала красного – интернационалом золота и биржи“ <...> Нужно не бороться с революцией, а овладеть ею, выбирая при этом путь „не снижения процесса“, а „интенсификации и углубления революции“»³.

Ю.А. Ширинский-Шихматов вел активную деятельность в русской эмиграции, выступал с речами на собраниях Республиканско-демократического объединения, участвовал в работе Парижской группы евразийцев, Религиозно-философской академии, выступал на собраниях редакции газеты «Дни» (1929), заседаниях объединений «Зеленая лампа» и «Кочевье» (1931-1932). В 1931-1932 гг. на свои деньги издавал журнал «Утверждения»⁴. Национал-максималисты старались объединить все пореволюционные силы в единый фронт. Они понимали, что их деятельность в зарубежье обречена на маргинальность и надеялись на развитие исторической ситуации в направлении национализации интересов в экономической и идеологической сферах, ожидая отказ от интернационалистской концепции в социально-политической структуре страны. В 1931 г. в журнале «Утверждения» были сформулированы основные положения политической программы национал-максималистов: «конфедеративное государство с сильной центральной властью <...> свобода религий <...> гражданские свободы (сосуществование государственной и частной промышленности) <...> в области внешней политики: всемерное стремление к мирной ликвидации конфликтов» и др.⁵ Это была праволиберальная позиция, базирующаяся на постулировании отсутствия любого насилия и максимального присутствия личных и общественных свобод. При этом на основе добровольного, в идеале, братского согласия.

Была и другая позиция в понимании роли эмиграции в судьбе России. Один из лидеров евразийцев К.А. Чхеидзе писал Ю.А. Ширинскому-Шихматову: «Сборник “Вселенское Дело” – показатель конкретного сотрудничества людей, очутившихся в силу превратностей судьбы на разных политических берегах и – через большие трудности – сумевших построиться в единый идеократический строй, обращенный лицом к будущему <...> Без сомнения, тот кол, который – вот уже десяток лет!!! – тешет “разум истории” на наших головах, в настоящий момент заострился до такой степени, что возможны лишь два варианта. Первый: мы (т.е. пореволюционные идеократические течения) так и не окажемся в состоянии объединиться – и тогда кол пронзит нашу никчемность и сбросит нас со счетов, отняв

¹ От редакции // Завтра, 1935. № 6. С. 2.

² Назывались так по названию журнала «Утверждения: Орган объединения пореволюционных течений». № 1-3. Париж, 1931-1932. Ему на смену пришел ежемесячник «Завтра» 1933-1935 гг.

³ Варшавский В. Незамеченное поколение. Москва. Изд.: Русский путь, 2010. С. 46-47.

⁴ Утверждения: Орган объединения пореволюционных течений. № 1-3. Париж, 1931-1932. В журнале сотрудничали многие видные эмигранты: Н. Бердяев, П. Баранецкий, Е. Скобцова, Ф. Степун, И. Степанов, Н. Рерих.

⁵ Утверждения: Орган объединения пореволюционных течений. 1931. № 1. С. 38-39.

от нас качество организационных ядер; второй – мы все-таки найдем нужные слова, идеи, методы; проявим волю к соборному действию и срастимся в такое целое, которое само сможет обрести копья, колы, тараны и иные предметы, необходимые для участия в огромной схватке, потрясающей мир»¹.

Разные мировоззренческие подходы в русских эмигрантских сообществах к проблеме будущего России привели к тому, что к началу 30-х годов окончательно оформился идеологический раскол между непримиримыми² и сменовеховцами. Сменовеховская позиция утверждалась в журналах Союза национал-максималистов «Утверждения» и «Завтра». В журнале «Завтра» были обозначены основополагающие социально-этические позиции этого эмигрантского сообщества: «Утвержденцы – не политическая партия, а политико-идеологическое объединительное движение, в котором принимают участие представители самых различных пореволюционных групп, организаций и направлений»³. Авторы издания были уверены, что формируется новое идеологическое направление, которое сможет изменить исторический путь России. Они верили «в российское мессианское призвание, в освободительную миссию России в мире, в то, что она призвана сказать этому миру новое слово»⁴. Разумеется, в регламентированности идеологического пространства советской страны историософские рассуждения были невозможны и оставались прерогативой эмигрантской мысли. Но именно потому они представляют сегодня особенный интерес: актуализировалось понимание пространства страны как территориального, ценностного и духовного единства; с важным уточнением: это общее единство включает в себя традиции разных народов, объединенных общей исторической судьбой. На такой концептуальной основе необходим и возможен учет особенностей культур и уклада жизни разных народов при безусловном осознании конституционно-правовых установок государства.

Библиография

1. *Антропов О.К.* Идеология российского «национал-максимализма» в эмиграции // Вестник РГГУ. 2012. № 4. С. 141-151.
2. *Бочарова З.С.* Социально-правовая адаптация российской эмиграции 1920–1930-х годов (исторический анализ): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 48 с.
3. *Варшавский В.* Незамеченное поколение. Москва. Издатель: Русский путь, 2010. 518 с.
4. *Гаспарян А.С.* ОГПУ против РОВС: тайная война в Париже, 1924–1939 гг. М.: Вече, 2008. 316 с.
5. *Завтра: Ежемесячник утвержденцев. 1933-1935, № 01-07.*
6. Из переписки Ю.А. Ширинского-Шихматова и К.А. Чхеидзе / К.А. Чхеидзе – Ю.А. Ширинскому-Шихматову. 28 июня 1934. Прага. // Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга вторая. СПб.: РХГА, 2008. С. 751-753.
7. *Лихарева Н.В.* Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918-1925 гг. (На примере Курской губернии). Изд-во: Курск, 1999. 28 с.

---

¹ Из переписки Ю.А. Ширинского-Шихматова и К.А. Чхеидзе / К.А. Чхеидзе – Ю.А. Ширинскому-Шихматову. 28 июня 1934. Прага // Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга вторая. СПб.: РХГА, 2008. С. 752.

² В эмиграции был создан Русский общевоинский союз (РОВС), целью которого являлась непримиримая борьба с коммунизмом.

³ От редакции // Завтра. 1933. № 1. С. 2.

⁴ Открытие Пореволюционного Клуба // Завтра. 1933. № 4. С. 29.

8. Милюков П.Н. Эмиграция на перепутье. Париж: Изд. Респ.-Дем. объедин., 1926. 136 с.
9. От редакции // Завтра. 1933. № 1. С. 1-3.
10. Открытие Пореволуционного Клуба // Завтра. 1933. № 4. С. 29-30.
11. Суржикова Н.В. Российское общество VS российское беженство – 1914-1922 гг. // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 88-98.
12. Утверждения: Орган объединения пореволуционных течений. № 1-3. Париж, 1931-1932.
13. Цурганов Ю.С. Белоэмигранты и Вторая мировая война попытка реванша, 1939–1945. М.: Центрполиграф, 2010. 285 с.

Жаде Зуриет Анзауровна

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии Института права Адыгейского государственного университета

Майкоп, Россия

КОНЦЕПТ «КАВКАЗСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ К.С. ГАДЖИЕВА¹

Аннотация

В статье рассмотрены основные направления научной деятельности известного российского историка и политолога К.С. Гаджиева. Особое внимание уделяется анализу концепта «кавказская идентичность» в его творческом наследии. Подчеркивается, что он одним из первых в отечественной социогуманитарной науке исследовал сложную проблематику, связанную с этнонациональной, геополитической и цивилизационной идентичностью Кавказа.

Ключевые слова: идентичность, Кавказ, кавказская идентичность, геополитика Кавказа, геополитическая идентичность, К.С. Гаджиев.

Гаджиев Камалудин Серажудинович (1940–2021) – российский историк, политолог и геополитик, доктор исторических наук, профессор. Его путь в науку начался с исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1970 г. защитил кандидатскую («Неолиберальное направление в современной американской буржуазной историографии: основные концепции и методологические принципы на примере творчества Артура М. Шлезингера-младшего, Ричарда Хофстедтера и Льюиса Харца»), в 1983 г. докторскую («Американская буржуазная идеология: история и современность») диссертации. Долгие годы К.С. Гаджиев работал главным научным сотрудником сектора теории политики Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, внес значительный вклад в становление и развитие российской политологии и геополитики.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2024-00049 «Макрорегиональная идентичность на Северном Кавказе: практики формирования, потенциал развития, влияние на национальную консолидацию».

Начав свою научную карьеру как специалист по американской идеологии, он постепенно расширяет область своих исследований. В круг его внимания входят значимые проблемы мировой политики и международных отношений, включая различные аспекты институционального развития, региональной безопасности и глобальных общественно-политических трансформаций. В своих работах К.С. Гаджиев остро реагирует на самые актуальные вопросы современности, глубоко анализирует происходящие события и проницательно раскрывает суть рассматриваемых явлений и процессов. Его познания являются поистине энциклопедическими, он находит в политической проблематике историко-культурологические и философские аспекты. Творческий подход К.С. Гаджиева к решению научных задач, сочетающий в себе мудрость и энтузиазм, служит примером для молодых исследователей¹.

По сути, он первый российский ученый, кто увидел необходимость геополитического знания для анализа современных политических реалий, и которому удалось с учетом научных достижений и теоретико-методологических подходов, соответствующих его времени, собрать, обобщить и проанализировать тенденции развития политологической и геополитической наук.

В конце XX столетия в издательстве «Логос» выходят в свет его учебники «Введение в политическую науку» и «Введение в геополитику», рекомендованные Министерством общего и профессионального образования РФ в качестве учебников для студентов высших учебных заведений. Помимо этого, он является автором ряда изданий по политической философии, политической социологии и сравнительной политологии, допущенных научно-методическим советом по политологии Министерства образования и науки РФ в качестве учебника для студентов вузов.

В копилку монографий Камалудина Серажудиновича входят: «Геополитика Кавказа» (2001), «Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка» (2007), «Кавказский узел в геополитических приоритетах России» (2010), «Большая игра» на Кавказе: вчера, сегодня завтра» (2010), «Сравнительный анализ национальной идентичности США и России» (2013) и другие. Как видно из названий этих фундаментальных трудов, политолог практически соединил воедино геополитическую тематику с идентитарной проблематикой. Благодаря научной основательности и фундаментальности, его труды крайне востребованы современными поколениями исследователей Кавказа.

В контексте обозначенной нами темы особый интерес представляет изданное в 2011 г. монографическое исследование, посвященное анализу системных характеристик и ключевых составляющих идентичности Кавказа как специфического региона, обладающего уникальными особенностями территориально-географического, исторического, социально-экономического, этнонационального, социокультурного и конфессионального характера и занимающего выгодное положение на одном из перекрестков мировых коммуникаций².

Важнейшим направлением научно-исследовательской деятельности К.С. Гаджиева является изучение проблем геополитики Кавказа. Будучи выходцем с Северного Кавказа, представителем лезгин – одного из наиболее многочисленных дагестанских народов, его волнуют проблемы, связанные с малой родиной. Лейтмотивом

---

¹ Гаджиев Камалудин Серажудинович (1940-2021). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/gadzhiev-kamaludin-serazhudinovich-1940-2021>

² Гаджиев К.С. Этнациональная и геополитическая идентичность Кавказа. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011.

многих трудов профессора является кавказская тема, начиная от природы политических режимов национальных республик Северного Кавказа до идентичности Кавказа на цивилизационном уровне.

Для нас, специалистов, занимающихся геополитической спецификацией Северного Кавказа в ее идентитарном преломлении, научные труды профессора Гаджиева являются бесценными. Он одним из первых в отечественной социогуманитарной науке исследовал сложную проблематику, связанную с этнонациональной, геополитической и цивилизационной идентичностью Кавказа. Формулой концепта «кавказская идентичность» могла бы стать его мысль: «Базовые характеристики Кавказа в большей степени определяются фактором месторасположения, физико-географическими, территориально-пространственными, климатическими и иными особенностями, которые на протяжении всей истории оказывали и продолжают оказывать глубокое влияние на его этнонациональный состав, исторические судьбы народов и стран, конфигурацию политической карты и т.д.»¹. Разделяя такую позицию автора, при анализе практик формирования, потенциала развития и влияния макрорегиональной северокавказской идентичности на национальную консолидацию россиян мы в очередной раз обращаемся к его творческому наследию.

При анализе научного наследия ученого следует учитывать исторический и политический контекст, в котором создавались его работы по идентичности и геополитике Кавказа. Сегодня в условиях нарастания глобальных вызовов и угроз новые измерения приобретает кризис идентичности. Граней понимания интенсивно трансформирующихся идентичностей в контексте новейших мегатрендов становится все больше: это и новые фиксации личностной и коллективных идентичностей, и новые аспекты традиционных идентичностей. Актуальной остается конструктивистская парадигма идентичности: большинство идентичностей можно рассматривать как активно и сознательно конструируемые². Именно к такому уровню идентичности мы относим северокавказскую макрорегиональную идентичность.

Следует отметить, что мы солидарны с позицией К.С. Гаджиева, согласно которой «само понятие “Кавказ” не имеет четкого определения, тем более, что на его территории этнонациональные границы не совпадают с государственными и даже с государственно-административными границами. Большой Кавказ включает несколько подпространств – географическое, культурно-языковое, историческое, этнонациональное, конфессиональное, экономическое и политическое. Они, налагаясь и дополняя друг друга, создают многомерное, сложное, обремененное противоречиями, конфликтами и нестабильностью геополитическое пространство»³.

Идеи политолога относительно того, что «у народов Северного Кавказа, возможно, и у народов национальных республик других регионов, обнаруживаются несколько уровней идентичности: этнический, республиканский и общероссийский – гражданский или политический»⁴, созвучны с концепцией многоуровневой

---

¹ Гаджиев К.С. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 2. С. 65.

² Жаде З.А., Куква Е.С. Идентичность в геополитических дискурсах // *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля* / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2023. С. 108.

³ Гаджиев К.С. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 2. С. 71.

⁴ Гаджиев К.С. Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // *Полис. Политические исследования*. 2018. Том 27. № 3. С. 138.

идентичности, разработанной в 2006 г. адыгской школой по исследованию идентичности¹.

Несмотря на значительные усилия кавказоведов, до сих пор актуальным и открытым остается вопрос К.С. Гаджиева, который обратил внимание на то, что «в отечественной политической науке еще не дан научно обоснованный ответ на вопрос: можно ли говорить о Кавказе как о едином в цивилизационном, социокультурном и политико-культурном отношении сообществе народов, единой для представителей всех народов региона кавказской идентичности? Если да, то в чем состоят содержание и системные составляющие этой идентичности?»².

Поиск ответов на этот вопрос диктует необходимость переосмысления сложившихся в отечественном политологическом дискурсе традиционных представлений об особости северокавказской макрорегиональной идентичности, в той или иной степени интегрированной в идентификационную матрицу жителей Северного Кавказа.

Библиография

1. *Гаджиев К.С.* К вопросу о цивилизационной идентичности Кавказа // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. Вып 3. С. 69-78.

2. *Гаджиев К.С.* Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // Полис. Политические исследования. 2018. Том 27. № 3. С. 130-146.

3. *Гаджиев К.С.* Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2. С. 64-74.

4. *Гаджиев К.С.* Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 531 с.

5. Гаджиев Камалудин Серажудинович (1940-2021). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/gadzhiev-kamaludin-serazhudinovich-1940-2021>

6. *Жаде З.А., Куква Е.С.* Идентичность в геополитических дискурсах // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2023. С. 108-118.

7. Многоуровневая идентичность / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляшова, А.Ю. Шадже. М.: Российское философское общество; Майкоп: ООО «Качество», 2006. 245 с.

---

¹ Многоуровневая идентичность / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляшова, А.Ю. Шадже. М.: Российское философское общество; Майкоп: ООО «Качество», 2006.

² *Гаджиев К.С.* К вопросу о цивилизационной идентичности Кавказа // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. Вып 3. С. 70.

Железняков Пётр Александрович

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

К.Н. ЛЕОНТЬЕВ КАК АПОЛОГЕТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация

В работе рассматривается отношение К.Н. Леонтьева к европейской цивилизации, её культуре, истории и цивилизационным основам. Для этого автор обращается к статьям «Византизм и славянство», «О всемирной любви», а также «Моё обращение и жизнь на св. горе Афон», а также к научным статьям, посвящённым политическим воззрениям мыслителя. Анализируя их, он объясняет, почему «русского Ницше» можно считать человеком, в котором жила искренняя любовь к старой средневековой Европе, которая выродилась и начала увядать вместе с установлением эгалитарных идеологий.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, Европа, цивилизация, христианство, византизм.

В последнее время в российском политическом дискурсе растёт интерес к творчеству Константина Николаевича Леонтьева, так как растёт запрос российского государства на обоснование своих особенных цивилизационных основ. При этом в своё время Леонтьев признавал, что среди своих современников не пользовался большой популярностью ни как политический публицист, ни как литератор: «Опять скажу: я ли не умел заинтересовать большинство читателей; обстоятельства ли сложились странно и невыгодно, не знаю; но если в течение 28 лет (от 61 года, например) человек напечатал столько разнородных вещей в повествовательном роде и иные из них были встречены совершенным молчанием, а другие заслужили похвальные, но краткие и невнимательные отзывы, то что же он должен думать?»¹. Стоит отметить, что его политические воззрения хоть и близки к славянофильским, но будет большой ошибкой ставить его в один ряд с такими мыслителями, как А.С. Хомяков, И.С. Аксаков, а также считать его противником Европы, европейской культуры и европейских аристократических начал, коими были классические славянофилы. Скорее наоборот, Леонтьева можно считать сторонником старой Европы и её культуры и ценностей.

Помочь подтвердить данный тезис может статья автора «О всемирной любви», в которой через спор с Пушкинской речью Ф.М. Достоевского Леонтьев критикует «неопределённо-евангельское»² христианство писателя, а также обосновывает необходимость уважения к старой Европе, её культуре и церкви. В ней Леонтьев признаётся: «О, как мы ненавидим тебя, {современная Европа}, за то, что ты погубила у себя самой все великое, изящное и святое и уничтожаешь и у нас, несчастных, столько драгоценного твоим заразительным дыханием!»³. Такая ненависть вызвана именно эстетизмом Леонтьева. Как у эстета «былой западный уклад и традиции (папство, рыцарство, замки, особая, недоступная нам дворцовая и политическая

¹ Леонтьев К.Н. Моё обращение и жизнь на св. горе Афон // К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993. С. 202.

² Леонтьев К.Н. О всемирной любви // Властитель дум. Ф.М. Достоевский в русской критике конца XIX – начала XX века. СПб., 1997. С. 87.

³ Там же. С. 99.

жизнь) вызывают у него неподдельное восхищение»¹. Более того, Леонтьев не противопоставлял Европу и Россию. Хотя в его концепции они и являются разными цивилизациями, но цивилизационные начала двух полюсов очень похожи. Так, Леонтьев считал, что «цивилизация европейская сложилась из византийского христианства, германского рыцарства (феодализма), эллинской эстетики и философии (к которым не раз прибегала Европа для освежения) и из римских муниципальных начал»². Именно эти начала и отражались в периоде цветущей сложности Европы, который выпадал на эпоху Возрождения, связанную с высочайшим уровнем развития культуры, искусства, феодализма, рыцарства. Именно эта сложность общества, его расслоение и высота культуры приносили эстетическое удовольствие Константину Николаевичу Леонтьеву, в противовес современным ему пост-революционным европейским государствам. Более того, в отличие от Ф.М. Достоевского, критиковавшего католицизм в «Легенде о великом инквизиторе», Леонтьев считал католиков перед лицом победившего европейского горожанина-бюргера единственными представителями христианства на Западе, а саму католическую церковь называл «великой и апостольской»³. Очевидно, что современные ему идеи либерализма и социализма он не мог соотносить с истинной средневековой Европой, поскольку они упрощали и разрушали возвышенную культуру и общественную жизнь великой цивилизации. Об этих идеях в современных ему российских реалиях, которые многие западники считали прогрессивными и нужными России, Леонтьев отзывался крайне негативно: «Повсеместное распространение либеральных идей в России неминуемо приведет к уничтожению ее национального своеобразия, духовных и культурных традиций, как следствие – к расшатыванию государственного строя и, в конечном счете, к гибели государства»⁴. Если обобщать всё вышесказанное, то схожие цивилизационные основы, общие христианские корни и цветущая сложность и величие Европы эпохи Возрождения направляли Леонтьева в сторону апологии той старой европейской цивилизации, которая была утрачена с приходом эгалитарных и космополитических идеологий на сцену европейской политики.

Всё вышеизложенное позволяет говорить о Константине Николаевиче Леонтьеве как о настоящем русском европейце, что ставит его особняком в ряду русских консервативных философов и мыслителей XIX века.

Библиография

1. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7 : Публицистика 1862–1879 годов. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 300-443.

2. *Леонтьев К.Н.* Моё обращение и жизнь на св. горе Афон // К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993. С. 200-217.

¹ Мамедов А.А., Донских К.Ю., Котусов Д.В. Судьба России в творчестве «ранних» славянофилов и К. Леонтьева // Социально-гуманитарные знания. 2021. №4. С. 71.

² *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7: Публицистика 1862–1879 годов. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 405.

³ *Леонтьев К.Н.* О всемирной любви // Властитель дум. Ф.М. Достоевский в русской критике конца XIX – начала XX века. СПб., 1997. С. 98.

⁴ *Столярова И.Ф.* Социально-политические идеи К. Н. Леонтьева по вопросу внутренней политики Российской империи // Русская политология. 2018. № 1. С.42. Ср.: *Шириняц А. А.* От редактора: о К.Н. Леонтьеве и о книге // Столярова И.Ф. «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева. М.: Социально-политическая мысль, 2020. С. 4–16.

3. Леонтьев К.Н. О всемирной любви // Властитель дум. Ф.М. Достоевский в русской критике конца XIX - начала XX века. СПб., 1997. С. 68-102.

4. Мамедов А.А., Донских К.Ю., Котусов Д.В. Судьба России в творчестве «ранних» славянофилов и К. Леонтьева // Социально-гуманитарные знания. 2021. №4. С. 66-74.

5. Столярова И.Ф. Социально-политические идеи К. Н. Леонтьева по вопросу внутренней политики Российской империи // Русская политология. 2018. № 1. С. 41–45.

6. Шириняну А. А. От редактора: о К.Н. Леонтьеве и о книге // Столярова И.Ф. «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева. М.: Социально-политическая мысль, 2020. С. 4–16.

Загирняк Михаил Юрьевич

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» БФУ им. И. Канта Калининград, Россия

БОГДАН КИСТЯКОВСКИЙ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ ТРАКТОВКА НАРОДА И НАЦИИ¹

Аннотация

В исследовании проанализировано, какое место занимают народ и нация в философско-правовом учении Б.А. Кистяковского. Выявлена неокантианская основа толкования социокультурного процесса. Определено значение права и государства в социальном развитии. Установлены принципиальные различия в трактовке народа и нации.

Ключевые слова: право, государство, народ, нация, неокантианство, русское неокантианство.

Богдан Александрович Кистяковский (1868–1920) в течение всей жизни был активным участником политической жизни Российской империи, занимался философско-правовыми вопросами. Однако до настоящего времени исследователи не обратили внимание на понятия, играющие важнейшую роль в осмыслении политического процесса – народ и нацию. В докладе я хотел бы обратить внимание на эти понятия в философии Кистяковского. Моя задача – выяснить, какую роль Кистяковский отводит народу и нации в социокультурном развитии человечества. Более того, могу сделать вывод, что, дав определения эти понятиям, Кистяковский представил своё понимание социокультурного развития.

Прежде всего следует заметить, что Кистяковский сформировал понятие социума, опираясь на социологию Георга Зиммеля, под руководством которого написал диссертацию, и Вильгельма Виндельбанда. Неокантианская основа понимания общества привела Кистяковского к акценту на свободе человека как необходимого условия развития общества. Важнейшая проблема в обосновании социума – определение соотношения социальных целей развития со свободой отдельного человека.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00651 «Онтология нации в русском неокантианстве», <https://rscf.ru/project/24-18-00651/>

Есть ли закономерности у истории человечества, существование которых не низводит отдельных индивидов до состояния «винтиков», не опровергает возможность свободы? Как соединить «стихийность социальной жизни с сознанием и творчеством отдельного человека»¹, вопрошает Кистяковский.

Деонтология неокантианства позволила Кистяковскому определить социальное развитие как нацеленность на осуществление долга². Долженствование в качестве условия социокультурного процесса даёт возможность сопоставить индивидуальную свободу с общественными целями развития³. Инструментом же сопоставления, сопряжения индивидуальных и коллективных стремлений является право. Главный социальный институт, в котором осуществляется право, – государство; оно позволяет соотнести индивидуальную свободу с общественными целями развития. По этому поводу совершенно справедливо заметил А. Валицкий: «Право можно рассматривать, подчеркивал Кистяковский, и как конечный продукт социальных процессов, причинно обусловленных, и в то же время право – это социальное воплощение определенных объективных, сверхисторических ценностей»⁴.

В результате обеспеченного правом образования и разветвления социальных отношений между индивидами возникает многосложная сеть социальных институтов, организаций и других коллективных образований. Результат правовой консолидации общества, позволившей найти способ соотнесения индивидуальной свободы и общественных целей развития, – это народ. Таким образом, народ в философии права Кистяковского – это форма социально-политической консолидации общества, которая позволяет формировать и выражать общую волю⁵.

Нация же, в отличие от народа, не ограничивается социально-политическим объединением. В сформированных правовых условиях взаимодействия индивидов она создаёт собственную культуру⁶. Любая нация, как считает Кистяковский, является народом, который формирует собственную культуру, тем самым делая вклад в историю человечества⁷. «Национальность и её проявления, особенно национальный язык, должны быть орудиями проведения гуманитарных или общечеловеческих идей в те или иные народные массы...»⁸.

Кистяковский представил правовое обоснование народа и нации, указав на их принципиальное различие, которое позволило ему представить собственную точку зрения на социокультурный процесс как путь от политической консолидации к формированию национальной культуры.

Библиография

1. *Валицкий А.* Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. 567 с.

---

¹ *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и права. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. С. 31.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 248.

⁴ *Валицкий А.* Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. С. 431.

⁵ *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и права. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. С. 528–529.

⁶ *Кистяковский Б.А.* Что такое национализм // Национальные проблемы. 1915. № 1. С. 3–4.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ *Кистяковский Б.А.* М. П. Драгоманов и вопрос о самостоятельной украинской культуре (К годовщине смерти) // Украинская жизнь. 1912. № 6 (подпись: А. Хатченко). С. 18.

2. *Кистяковский Б.А.* М.П. Драгоманов и вопрос о самостоятельной украинской культуре (К годовщине смерти) // Украинская жизнь. 1912. № 6 (подпись: А. Хатченко). С. 10–35.

3. *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и права. М. Издание М. и С. Сабашниковых. 1916. 704 с.

4. *Кистяковский Б.А.* Что такое национализм // Национальные проблемы. 1915. № 1. С. 3–5.

Зиганьшин Ринат Махмутович

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительного культуроведения Института востоковедения РАН

Москва, Россия

«ОБЯЗАННОСТИ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СТРАТЕГИИ» Е.И. МАРТЫНОВА

Аннотация

Сугубо военный человек, но с государственным мышлением и потрясающим политическим чутьем, дает рекомендации как с наибольшей пользой политикам использовать свои вооруженные силы, увязывая военную стратегию с долгосрочной политикой государства и его национальными интересами.

Не увязываясь в войны не нужные и даже пагубные для государства.

Ключевые слова: политика, стратегия, война, государство, национальные интересы.

Евгений Иванович Мартынов (1864–1937) выдающийся человек с трагической судьбой. Смелый и бесстрашный не только на поле боя, но и не боявшийся высказывать свое критическое мнение вышестоящему военному начальству и политическому руководству страны, невзирая на чины, звания и заслуги. Именно за это он неоднократно понижался в должности, лишался военных званий при царе, а затем и при большевиках подвергался арестам. В итоге, был расстрелян в 1937 г. «за антисоветские разговоры». Е.И. Мартынов хорошо видел и понимал пороки и недостатки политического и военного управления в России до и после установления Советской власти. И как истинный патриот и государственный не мог об этом молчать, за что неоднократно расплачивался карьерой, привилегиями, свободой и в итоге заплатил за это своей жизнью.

Он описал в своем труде «Обязанности политики по отношению к стратегии» (СПб, 1899) когда лучше в войну вступать, когда не вступать. Как выбирать себе союзников. В какие военно-политические союзы лучше не входить, когда России придется воевать за чужие интересы, и даже одержанные при этом победы будут выгодны другим государствам и ущербны для России. Все это он объясняет на конкретных исторических примерах, как положительных, так и отрицательных, делая экскурсы в историю войн Античности, войн России с Турцией, Францией, Пруссией и европейских стран между собой. Им сформулированы шесть пунктов, которые должна выполнить политика по отношению к стратегии не только для успешного ведения войны и достижения победы, но и как извлечь из этого максимальную выгоду для государства и его национальных интересов.

1. Политика должна создать для своей деятельности правильную руководящую идею и, сообразуясь с ней, выбирать союзников и противников.

У хорошей политики война является не бессмысленной бойней, а лишь последним орудием для достижения известной цели. Отдельные кампании приближают к осуществлению политического идеала, составляя как бы промежуточные этапы на избранном пути. Ясно осознанная руководящая идея связывает в одно стройное общее войны целой эпохи, тогда в истории получается логически осмысленный цикл войн. Только подобная политика и может привести к великим результатам¹.

2. Политика должна подготовить для деятельности стратегии благоприятную обстановку.

Для этого в руках дипломатии есть несколько средств: заключение союзов, обеспечение нейтралитета, возбуждение подданных неприятеля, финансовая подготовка и привлечение общественного мнения².

3. Политика должна выбрать удобный момент для начала войны.

Когда наш противник не готов к войне, а внимание же его союзников отвлечено собственными делами. Иногда это дело исторического случая, иногда результат искусной подготовительной работы нашей дипломатии. Во всяком случае, воспользовавшись таким моментом, политика не только облегчает деятельность стратегии, но и приобретает возможность извлечь из военных успехов наибольшую пользу, в случае же неудачи отделаться сравнительно небольшими жертвами³.

4. Политика должна установить политическую цель войны и затем предоставить стратегии полную свободу действий.

При постановке политической цели для войны следует, прежде всего, сообразоваться с той общей идеей, которая руководит нашей политикой в известную эпоху. При этом желательно поставить цель крупную, сделать возможно больший шаг на пути к достижению национального идеала; но нужно остерегаться увлечений. Дипломатия должна взвесить, чего она может достигнуть в известный исторический момент с имеющимися в ее распоряжении средствами. Ошибка в этом направлении – постановка для войны слишком крупной политической цели – может иметь своим последствием то, что стратегия надорвется в непосильной работе. Но кроме политической цели, изменяющейся в каждом частном случае, война имеет также и свою неизменную военную цель, сводящуюся к тому, чтобы сломить сопротивление противника и заставить его подчиниться нашей воле. Выбор способа действий для достижения этой второй цели лежит уже на обязанности стратегии, и политика не должна вмешиваться в эту специальную сферу⁴.

5. Политика должна дать в распоряжение стратегии достаточные средства.

Выполнение этой обязанности лежит в равной мере, как на внутренней, так и на внешней политике. От внутренней политики зависит определить общую численность армии и бюджет военного министерства. Внешняя политика может так неудачно выбрать момент для войны и так плохо ее подготовить, что большая часть этих сил пойдет на охрану границ и на обеспечение операционных линий. Все, что только возможно, следует бросить на театр войны. В этом отношении не может быть колебаний. Численное превосходство не только облегчает работу стратегии, но и уменьшает тяжесть войны для государства. Кампания, начатая сразу с полным

¹ Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М.: Издательский дом «Финансовый контроль», 2003. С. 15–16.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 34.

⁴ Там же. С. 43.

напряжением сил, кончается скорее, обходится дешевле; впечатление, ею произведенное, сильнее; другие государства не имеют времени вмешаться и ослабить результаты победы¹.

6. Политика должна умело эксплуатировать результаты, добытые стратегией.

При исполнении этой обязанности политике приходится бороться не столько с неприятелем, сопротивление которого уже сломлено оружием, сколько с вмешательством соседних держав. Как бы успешна ни была война, она временно ослабляет государство. Вслед за страшным напряжением всех сил наступает период материального и нравственного изнурения. Этим периодом временной слабости могут воспользоваться соседние государства и, под предлогом посредничества вмешавшись в мирные переговоры, отнять у победителя плоды его успехов. Много удачных войн было, таким образом, сведено на нет, не принеся ничего, кроме военного блеска и материальных потерь. Извлечь из успехов, одержанных стратегией, наибольшую пользу составляет венец дипломатического искусства, без которого теряют смысл все подготовительные труды. Ведя мирные переговоры, политика уже в это время должна наметить будущую вероятную войну и создать для нее благоприятное, в общих чертах, исходное положение. Таким образом, в тот момент, когда кончаются обязанности политики по отношению к стратегии прошлой кампании, начинается уже влияние ее на стратегию будущей войны².

Е.И. Мартынов в итоге отмечает, насколько тонко должна дипломатия понимать нужды стратегии. С другой стороны, от стратегии требуется постоянная готовность силою поддержать политику, а для этого ей необходимо знать не только планы своей дипломатии, но и особенности международного положения в данный момент. Таким образом, между политикой и стратегией должна существовать самая тесная, ни на минуту не прерывающаяся связь. Лучше всего это осуществляется, конечно, тогда, когда обе специальности соединяются в лице гениального государя. Только при подобных условиях и возможны успехи внешней политики. Как политика, так и стратегия требуют тайны и решительности, а это гораздо полнее соблюдается в государстве с самодержавным образом правления³. Это схоже с мнением А. Топоркова, что: «Только политика вправе занять верховное положение, из которого должны исходить главные линии, направляющие войну. Поэтому военное искусство в высшей своей точке становится политикой»⁴.

Таким образом, этот труд можно с полным основанием отнести к классике политической мысли, поскольку его положения не только не устарели, а в связи с усложнившейся сейчас политической обстановкой в мире приобрели еще большую актуальность. Идеи Е.И. Мартынова в плане взаимодействия политики и стратегии очень похожи на идеи китайского военного философа Сунь-цзы, понимающего войну в очень широком смысле: как культурное, политическое, экономическое противостояние государств. Непосредственно же вооруженную борьбу он считал худшей войной⁵. Его идеи также не устарели, поэтому его знают и тщательно изучают не только в странах конфуцианской культуры, но и в Европе, и на всем Американском континенте.

---

¹ Там же. С. 46–48.

² Там же. С. 49–50.

³ Там же. С. 51–52.

⁴ Топорков А. Метод военных знаний. Ленинград, 1927. С. 24.

⁵ Это хорошо описал в своих трудах академик Н.И. Конрад. См.: Конрад Н. И. Синология: / Репринт с изд. 1977 г. М.: «Ладомир», 1995.

Библиография

1. Конрад Н. И. Синология: / Репринт с изд. 1977 г. М.: «Ладомир», 1995.
2. Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М.: ИД «Финансовый контроль», 2003.
3. Топорков А. Метод военных знаний. Ленинград, 1927.

Корнилаев Леонид Юрьевич

Кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии гуманитарных факультетов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, научный сотрудник Балтийского федерального университета имени И. Канта

Москва, Россия;

Калининград, Россия

АКСИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО В ФИЛОСОФИИ П.И. НОВГОРОДЦЕВА

Аннотация

Особенностью философии права П.И. Новгородцева является то, что в ней наряду с безусловной ценностью личности отстаивается фундаментальная роль общества. Однако ценностная сторона общественной жизни не всегда им специально тематизируется, хотя логически следует из его общих аксиологических установок. В докладе представлена попытка раскрыть аксиологическое содержание трактовки общества у П.И. Новгородцева.

Ключевые слова: П.И. Новгородцев, философия ценностей, аксиология, общество.

Философия права П.И. Новгородцева выстраивается в соответствии с принципами аксиологической рациональности. Абсолютные идеалы, безусловные ценности, значащее долженствование оказываются основанием для рассмотрения центральных философско-правовых проблем: соотношения личности и общества, происхождения права и государства, приоритета естественного права над позитивным, соотношение нравственности и права и др.

Новгородцев известен как сторонник индивидуализирующего подхода в философии права и как противник коллективистских теорий. Но хотя он и отстаивал безусловную ценность личности в правовой жизни, его всё же нельзя назвать приверженцем тотального индивидуализма, так как обществу и всем следствиям общественной жизни русский философ отводил также фундаментальную роль. Высокая роль социального в концепции Новгородцева не раз подчеркивалась его учениками и исследователями его творчества. Так, например, Г. Гурвич пишет в некрологе: «В своей статье “Нравственный идеализм в философии права” и в своей книге “Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве” проф. Новгородцев стремился отмежеваться от одностороннего нравственного и правового индивидуализма Канта и восполнить его универсалистским учением Гегеля о конкретной целостности общения. Нравственный и правовой идеал, который строил проф. Новгородцев, должен был сочетать в высшем синтезе личное и общественное начало, раскрывал связь личности (понятой не как абстрактный представитель общего рода, а во всей полноте ее своеобразных определений) с конкретным целым общезначимым, суть кото-

рого – именно в единстве дополняющих друг друга индивидуальностей»¹. В книгах И.А. Кацаповой также отмечается, что «основным своеобразием творческого наследия П.И. Новгородцева можно считать то, что в основе его лежит не замысел создания философской системы и не решение конкретных проблем юридической науки, а разработка парадигмы естественно-правового мышления, которая органически связана, с одной стороны, с философским идеализмом и этико-философской проблематикой, а с другой – с осмыслением социально-регулятивных механизмов общественного развития. ... основное содержание естественно-правовой концепции мыслителя концентрируется вокруг анализа соотношения понятий права и нравственности в социальной реальности»². Такое синтетическое соединение, стремящееся наделить общественную сторону жизни особым статусом, связывают с влиянием Гегеля в части социально-философской доработки кантовской этики и В.С. Соловьева в его стремление к установлению «социально организованной нравственности». В докладе будет представлена попытка раскрыть аксиологическое содержание именно общественной стороны учения П.И. Новгородцева.

Хотя термин «ценность» встречается в сочинениях П.И. Новгородцева нечасто, и также им специально не приводит никаких терминологических отграничений, связанных с понятием ценности или близких с ним понятий (например, понятия «идеал»), тем не менее можно выделить ряд смысловых блоков, составляющих представления о ценности у Новгородцева: ценность как абсолютный и безусловный идеал, идеал как бесконечная цель, принципиальная невозможность окончательной реализации ценности, относительное и абсолютное понимание ценностей в контексте критики историзма, иерархия ценностей, автономия человеческой личности как высшая ценность, ценность как регулятив правосознания, ценность как необходимое условие для образования общества и др.

Абсолютной ценностью для Новгородцева является личность. Общество является полем реализации индивидуальных личностей. По отношению к автономной личности общество, с точки зрения Новгородцева, играет хотя и второстепенную, но фундаментальную и необходимую роль. Общество необходимое условие осуществления высшей ценности. Исходя «из конкретного рассмотрения личности во всей полноте её нравственных определений, обнаруживается её стремление к общему и сверхиндивидуальному»³, т.е. одним из нравственных определений личности является её стремление к общему. Стремление к общему заложено в самой автономии личности. Понятие общества трактуется Новгородцевым как союз лиц, значение которого, во-первых, «всецело обуславливается качеством составляющих его единиц», обладающих безусловным нравственным достоинством, во-вторых, общественный союз утверждается «на единстве присущего им идеала»⁴. Новгородцев призывает избегать крайних позиций в трактовке соотношения общества и личности. Необходимо избегать «как обособления личности и общества и возведения их на степень самобытных и самодовлеющих начал, так и сближения их в неразличимом единстве»⁵.

---

¹ Гурвич Г.Д. Проф. П.И. Новгородцев как философ права: [Некролог] // Современные записки. 1924. Кн. XX. С. 391-392.

² Кацапова И.А. Философия права П.И. Новгородцева. М.: ИФ РАН, 2005. С. 19

³ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Издательство «Пресса», «Вопросы философии», 1991. С. 105.

⁴ Там же. С. 104.

⁵ Там же. С. 196.

Новгородцев настаивает на существовании разнонаправленных процессов: с одной стороны, критерий нравственности личность получает в своей автономии и основе единства этого критерия возникает общество, но, с другой стороны, «личность созревает в обществе и из общественной среды получает конкретное содержание своих нравственных представлений»¹.

Автономия личности получает подпитку из общества. Общество, исходя из позиций Новгородцева нельзя трактовать исключительно как средство для личности. «Личность есть начало безусловное, но не самодовлеющее: общество, которое ей противопоставляется, ведь это другие лица, которые могут быть не средствами, а только целями для данной личности»². Будучи личностью претендующей на признание своей ценности необходимо признавать наличие безусловную ценность в других лицах. Соотношение общества и личность невозможно читать как изменяющееся соотношение целей и средств. За отношением общества и личности стоит сложный процесс взаимодействия целей, где общество как совокупность индивидов приобретает целевое значение и становится самостоятельной ценностью.

«Сдержанная» трактовка взаимодействия личности и общества, исключаящая как тотальное их разграничение, так и совпадение, является тем объяснением общественных процессов, которое способно преодолеть тупиковость крайних позиций. Личная сторона и общественная сторона принципиально отграничены друг от друга, но органически сочетаются высшей связью абсолютного идеала. Ни одна из сторон не является исключительной. Аксиологическое рассмотрение конституирования общества дает возможность Новгородцеву разработать специфическую модель общественного идеала как вариацию свободного объединения индивидов, которые имеют возможность осуществить свободу воли в рамках социального порядка. Общественная сфера при таком взгляде – это, во-первых, не просто арена взаимодействия автономных личностей, но необходимое условие для их существования, а, во-вторых, – это сфера, обладающая самостоятельным ценностным содержанием, в-третьих, это коллективный носитель особого вида ценностей – общественных ценностей.

Библиография

1. *Гурвич Г.Д.* Проф. П.И. Новгородцев как философ права: [Некролог] / Доц. Г.Д. Гурвич. // *Современные записки.* 1924. Кн. XX. С. 389–393.
2. *Кацанова И.А.* Философия права П.И. Новгородцева. М.: ИФ РАН, 2005.
3. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М.: Издательство «Пресса», «Вопросы философии», 1991.

---

¹ Там же. С. 197

² Там же.

Медоваров Максим Викторович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

Ю.С. КАРЦОВ КАК КОНСЕРВАТИВНЫЙ КРИТИК ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ С.Ю. ВИТТЕ¹

Аннотация

Исследование посвящено реконструкции взглядов русского дипломата и теоретика консерватизма Ю.С. Карцова на внешнюю и внутреннюю политику С.Ю. Витте. Особое внимание уделено вопросу об ответственности за активную дальневосточную политику России в 1895–1905 гг., окончившуюся геостратегическим поражением от Японии.

Ключевые слова: русский консерватизм, Юрий Карцов, дальневосточная внешняя политика России, политика Сергея Витте, общественное мнение в России.

Дипломат, государственный деятель, глубокий теоретик русского консерватизма Ю.С. Карцов (1857–1931) оставил недооцененное в историографии наследие в сфере политической мысли и мемуаристики. Он развивал стройную систему воззрений на цели, задачи и средства внешней и внутренней политики России и ее самодержавного строя. На определенном этапе сблизившись по службе с С.Ю. Витте, впоследствии он, как и другие видные консерваторы, превратился в его упорного противника и разоблачителя. Позиция Ю.С. Карцова отличалась подчеркиванием взаимосвязи между внешней и внутренней политикой министра.

Мыслитель систематически выступал против всякой активной политики России на Дальнем Востоке, оборону которого он считал невозможной с финансовой и геостратегической точек зрения, и рассматривал путь к русско-японской войне как прелюдию к дальнейшему провалу России на европейском направлении дипломатии. Будучи сторонником отказа от всякой экспансии в Маньчжурии и Корее, Карцов не мог поддерживать ни группу А.М. Безобразова, ни группу С.Ю. Витте, однако их оценки у него существенно различались. Мыслитель неоднократно встречался с великим князем Александром Михайловичем, наместником Дальнего Востока адмиралом Е.И. Алексеевым, адмиралом З.П. Рождественским, с членами пресловутой «клики» А.М. Безобразовым и А.М. Абазой. По личной просьбе Алексеева и Безобразова Карцов 20 сентября 1906 г. опубликовал сначала в журнале «Море», а затем отдельной брошюрой работу о причинах русско-японской войны и поражения в ней с развернутой критикой политики С.Ю. Витте, В.Н. Ламздорфа и А.Н. Куропаткина². Брошюра получила одобрение А.С. Суворина и вызвала благодарность ее заказчиков, но не смогла изменить общественного мнения в целом³. В дальнейшем мыслитель возвращался к этой теме в своих воспоминаниях.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

² Карцов Ю.С. О причинах нашей войны с Японией. Кто виноват? СПб., 1906.

³ Карцов Ю.С. Хроника распада // ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 127. Л. 147–154.

Ю.С. Карцов не оправдывал точку зрения Безобразова или Алексеева, однако отвергал обвинения в махинациях и личных выгодах в их адрес в связи с лесной концессией в Корее. Он представлял их борцами за независимость России от иностранного капитала: «Предложение Безобразова: поделиться влиянием и пойти в Москву, международные финансисты отвергли и вступили с ним в ожесточенную борьбу. Дальний Восток они считали исключительно своею монополиею и стороннего вмешательства не допускали»¹. «Движение России на Дальний Восток не только не совпадало с народнохозяйственными интересами русского народа, но и прямо им противоречило», – полагал Карцов, неоднократно подсчитывавший убытки от попыток содержания Дальнего Востока за счет российского бюджета². По убеждению мыслителя, «в результате нашей отрицательной политики на Востоке Ближнем явились наступательные действия на Востоке Дальнем. Последняя ложь вышла горше первой»³.

Группировка Витте после восстания ихэтуаней, по мнению Карцова, хотела умиротворить Японию уступкой ей сферы влияния в Корее, но не понимала, насколько важны для японцев Квантунский полуостров и Маньчжурия. Отказываясь увеличивать армию и флот в регионе, саботируя запросы наместника Е.И. Алексева (который тщетно пытался лавировать между группировками Безобразова и Витте), «виттевцы» в то же время нарушали территориальную целостность и суверенитет Китая, отказывались выводить русские войска из Маньчжурии и этим сочетанием неуступчивости с «умиротворением» и военной слабостью спровоцировали Японию на нападение в 1904 г. Однако «система улаживания дальневосточных дел посредством уступчивости в лице А.М. Безобразова нашла решительного антагониста»⁴. Считая задачу Безобразова и его группы безнадежной ввиду физической неспособности России защитить Порт-Артур, удержать Южную Маньчжурию и Корею или превратить пустующий Дальний Восток в рынок сбыта, Ю.С. Карцов все-таки доказывал читателям, что в сложившейся с 1900 г. критической ситуации они сделали всё возможное для предотвращения войны с Японией, отстаивая план переброски в регион крупных частей русской армии и создания буферной зоны на севере Кореи⁵. Для решения этой задачи лесная концессия на Ялу должна была стать государственным предприятием под эгидой императора, но под давлением Витте превратилась в стратегически бессмысленное частное предприятие: «Безобразов попал в тенета, расставленные Витте, и сталкивался с его агентами»⁶. Карцов упрекал Безобразова и Абазу в том, что они упустили благоприятный момент и подставили репутацию Николая II под удар: «С.Ю. Витте, который сам не стеснялся устраивать компании и концессии, причем сорил деньгами на подкупы, видел в Безобразове the coming man – царского фаворита и рад был утопить его в ложке воды»⁷. Мыслитель выдвигал и более тяжелое обвинение, утверждая, что Германия, подталкивая Россию к тихоокеанской экспансии, через банк Ротштейна – Ротшильда использовала

¹ Карцов Ю.С. Хроника распада // ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 145.

² Карцов Ю.С. О причинах нашей войны с Японией. Кто виноват? СПб., 1906. С. 4, 12; Карцов Ю.С. Хроника распада // ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 127. Л. 145.

³ Карцов Ю.С. О причинах нашей войны с Японией. Кто виноват? СПб., 1906. С. 2.

⁴ Карцов Ю.С. О причинах нашей войны с Японией. Кто виноват? СПб., 1906. С. 7; Карцов Ю.С. Хроника распада // ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 127. Л. 149.

⁵ Карцов Ю.С. О причинах нашей войны с Японией. Кто виноват? СПб., 1906. С. 3; Карцов Ю.С. Хроника распада // Новый журнал. Нью-Йорк, 1981. Кн. 144. С. 114.

⁶ Карцов Ю.С. О причинах нашей войны с Японией. Кто виноват? СПб., 1906. С. 8–14.

⁷ Там же. С. 15.

корыстные действия Витте. Тем самым экономическому развитию земледельческого центра и причерноморских областей был нанесен непоправимый ущерб дальневосточными авантюрами¹. Карцов доказывал, что даже в случае невероятной победы над Японией Россия очутилась бы в зависимости от Британии и США, поражение же дискредитировало российское правительство и придало силы революционерам, в сговоре с которыми в 1905 г. он обвинял Витте².

Корни внешней политики Витте в угоду иностранному капиталу Карцов, некоторое время работавший под его началом в министерстве финансов, усматривал в изначальных связях министра с иностранными капиталистами и его презрении к русским дворянам и крестьянам, проблемы и нужды которых были ему социально чуждыми: «России помещичьей, дворянской России он не знал и относился к ней пренебрежительно, как к началу уже отжившему»³. Этим мыслитель объяснял негативное отношение Витте к планам овладения Босфором, строительства Балто-Черноморского канала через Днепр, создания элеваторов для вывоза зерна вдоль границ России. Называя политику министра «капиталистической антинародной», Карцов обвинял его в сознательном подрыве самодержавия Николая II: «Типичный интеллигент, предпочел Витте вступить с царской властью в антагонизм, добился ее ограничения и этот свой успех, чтобы не сказать измену, ставил себе в заслугу перед родиной»⁴. Будучи близок к кругам дворянских экономистов – противников золотого рубля, Ю.С. Карцов разделял их критику финансовой реформы Витте как непосредственной причины крестьянской революции⁵.

Сравнивая С.Ю. Витте с М.М. Сперанским, мыслитель находил в них немало общего: «Источники познания у них одни и те же, происхождения чисто капиталистического»⁶. Обоих деятелей Карцов обвинял в желании стать чем-то вроде президента Российской республики и называл предтечами А.Ф. Керенского. Он опубликовал документы, свидетельствующие о неудачной попытке Витте в октябре 1905 г. спровоцировать вооруженный мятеж в Петербурге: «Распоряжаясь по своей прихоти экономическими ресурсами страны, консервативным элементам воспрепятствовал он организовать для борьбы с революцией»⁷. Изобразив Витте в своей повести «Тени прошлого» в легко узнаваемом художественном образе, Ю.С. Карцов обвинил его в корыстной раздаче незаконных концессий и кредитов и в сговоре с П.Б. Струве, который всю вину за подобные явления в своих журналах возлагал на императора⁸.

Ю.С. Карцов разъяснял: «Сокращением меновых знаков, отказом земледелию в кредитах и, в результате, понижением цен на хлеб, под предлогом привлечения иностранного капитала преследовал Витте цель: революционизировать народные массы. <...> Витте необходимо было уволить, но уволить с треском, дабы все поняли: уходит не просто министр, а с ним заодно падает его система»⁹. Борьба с таким деятелем была сложна, поскольку «преступления Витте были идейного тонкого

¹ Карцов Ю.С. О причинах нашей войны с Японией. Кто виноват? СПб., 1906. С. 16–18; Карцов Ю.С. Хроника распада // ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 127. Л. 145.

² Карцов Ю.С. Хроника распада // ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 127. Л. 123–132.

³ Там же. Л. 8, 61–68, 71–74, 242.

⁴ Там же. Л. 356.

⁵ Там же. Л. 69.

⁶ Карцов Ю.С. Хроника распада // ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 127. Л. 217.

⁷ Там же. Л. 72, 289–290.

⁸ Карцов Ю.С. Тени прошлого: повесть. Пг., 1915. С. 121.

⁹ Карцов Ю.С. Хроника распада // Новый журнал. Нью-Йорк, 1981. Кн. 144. С. 115.

свойства, поэтому не подходили под статью уголовного кодекса»¹. В 1906 г. отставка Витте всё же состоялась по сценарию, схожему с отставкой Сперанского. Карцов воспользовался этим для публикации своих инвектив против бывшего министра, но ввиду сохранения финансовой системы золотого рубля считал время для спасения России от революции упущенным.

Библиография

1. Карцов Ю.С. О причинах нашей войны с Японией. Кто виноват? СПб., 1906.
2. Карцов Ю.С. Тени прошлого: повесть. Пг., 1915.
3. Карцов Ю.С. Хроника распада // Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 2. Д. 127.
4. Карцов Ю.С. Хроника распада // Новый журнал. Нью-Йорк, 1981. Кн. 144. С. 95–132.

Пак Олег Александрович

Аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

М. С. ВОСЛЕНСКИЙ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СССР

Аннотация

В статье рассматривается процесс формирования советской политической элиты через призму авторского анализа М.С. Восленского. Основное внимание уделено развитию понятия «номенклатура» и механизмам, способствующим воспроизводству элиты в СССР. Рассматривается роль М. С. Восленского в формировании критического взгляда на правящую элиту советского государства.

Ключевые слова: политическая элита, номенклатура, советская власть, М. С. Восленский, социальная структура, СССР.

Одной из ключевых тем в исследовании советского общества является анализ политической элиты, обеспечивавшей управление страной в условиях централизованного контроля и монополии на власть. Михаил Сергеевич Восленский (1920–1977), советский и российский философ, историк и социолог, внес значительный вклад в понимание структуры и механизмов функционирования советской элиты. Исследование особенно ценно для понимания природы власти в СССР, поскольку оно помогает понять скрытые механизмы управления и контроля, которые поддерживали стабильность системы на протяжении десятилетий. В своём труде «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» (1970) автор рассматривает советскую номенклатуру как политический и социальный слой, который не только олицетворяет власть, но и обладает монополией на её воспроизводство².

¹ Там же. С. 116.

² Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия совм. с МП «Октябрь», 1991. С. 7.

Согласно М.С. Восленскому, номенклатура – это правящий слой общества, который обладает исключительным правом занимать ключевые посты в государственном аппарате и партийной иерархии. Это была особая привилегированная группа, формировавшаяся в условиях централизованного управления, идеологической монополии и строгого контроля¹. Основная мысль автора заключается в следующем: «уже революция создала в рамках партии монополистический привилегированный слой советского общества. В ходе дальнейшего процесса, состоявшего из ряда фаз, этот слой укрепил и узаконил свое положение. Он не только отгородил себя от общества, от народа, да и от всего мира; даже внутри него самого была воздвигнута иерархия чинов и социальных барьеров: это номенклатура»².

М.С. Восленский подчёркивает, что номенклатура в СССР представляла собой закрытую касту, воспроизводившую себя через систему назначения, а не через демократические выборы. Она обладала монополией на власть и доступ к ней, что позволяло управлять всеми ресурсами страны и влиять на все сферы жизни общества. В понимании автора политическая элита СССР была не просто группой партийных и государственных чиновников, но социальной кастой, которая целенаправленно ограничивала доступ к своим рядам извне.

Механизм формирования советской политической элиты, как отмечает М.С. Восленский, был тесно связан с централизованной системой управления, которая контролировала кадровые назначения³. Система назначения в номенклатуре подразумевала, что продвижение на любую важную должность происходило по решению высшего руководства. Это означало, что все значимые назначения в политике, экономике, науке, культуре и других областях осуществлялись по согласованию с партийными органами, находящимися на высших уровнях иерархии. Лица, входившие в номенклатуру, получали доступ к ряду привилегий, недоступных для остального населения, что в значительной степени способствовало их лояльности и приверженности системе⁴.

Принцип преемственности, который также выделяет М. С. Восленский, обеспечивал долгосрочный контроль над властью. Члены элиты готовили себе преемников, что позволяло поддерживать устойчивость системы, при этом минимизируя риск появления новых идей или реформ. Подбор кадров происходил на основе лояльности и проверки «идеологической чистоты», что способствовало сохранению идеологической и организационной монополии партии на власть⁵.

Советская политическая элита в представлении М. С. Восленского была не просто носителем власти, а структурным элементом, на котором держалась вся система. Номенклатура управляла распределением ресурсов и обеспечивала контроль над экономикой, что создавало привилегированные условия для её членов и способствовало консолидации власти. В отличие от западных демократий, где элита обновляется через выборные процессы, в СССР существовала замкнутая каста, которая руководствовалась, прежде всего, прагматическим интересом сохранения контроля⁶.

¹ Там же. С. 54.

² Там же. С. 132.

³ *Афанасьев М.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.: Ин-т практич. психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1996. С. 64.

⁴ *Модсли Э.* Портрет изменяющейся элиты: члены ЦК КПСС с 1939 по 1990 г. // Политические процессы в условиях перестройки. М., 1991. Вып. 2. С. 27.

⁵ *Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 30.

⁶ *Хайтун С. Д.* Феномен российской номенклатуры // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2017. № 3. С. 158.

Элита СССР находилась под жёстким контролем высшего руководства и формировалась в условиях постоянного давления на различные слои общества. М. С. Восленский отмечал, что советский привилегированный класс, несмотря на свою идеологическую риторику, был в первую очередь прагматичным и стремился к удержанию власти, а не к служению интересам народа. Это, по его мнению, делало его неспособным к переменам и способствовало деградации системы¹.

М.С. Восленский указывает на долгосрочные последствия существования номенклатуры для советского общества. Одной из основных проблем была стагнация и отсутствие социальных лифтов, что лишало советское общество возможности обновления и развития. Номенклатурная система приводила к тому, что люди, обладающие реальной властью, в значительной степени были оторваны от нужд общества и не имели мотивации к реформам или инновациям. Система поощряла лояльность и соблюдение правил, а не профессионализм и компетенцию, что приводило к её застою².

Исследователь также утверждал, что советская политическая элита была неспособна к самоочищению, поскольку любое проявление критики внутри партии воспринималось как угроза её существованию. Это создавало закрытую систему, в которой любое несогласие или инициатива к переменам подавлялись на корню. В итоге такая система привела к накоплению внутренних противоречий, которые впоследствии способствовали распаду СССР.

Исследования М.С. Восленского внесли значительный вклад в изучение советской политической системы, предоставив новое понимание природы советской власти и механизмов управления обществом. На основе его работ были построены дальнейшие исследования номенклатурных систем и элитных структур в других странах, а также помогла глубже понять причины кризиса и распада СССР. Концепция номенклатуры стала важным инструментом анализа и критики закрытых политических систем, позволяя оценить риски и недостатки замкнутых элит в условиях отсутствия демократического контроля³.

Таким образом, представления М.С. Восленского о советской политической элите позволяют глубже понять механизмы функционирования советской системы власти и её слабые стороны. Кроме того, номенклатура, по мнению М.С. Восленского, была одновременно как источником силы, так и слабости советского строя. С одной стороны, она обеспечивала стабильность и контроль, а с другой – была неспособна к реформам и переменам. Следовательно, теоретические положения М.С. Восленского относительно номенклатуры продолжают оставаться актуальными для исследования замкнутых элитных систем и их воздействия на общество и политику.

Библиография

1. *Афанасьев М.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.: Ин-т практич. психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.

---

¹ Горлов А. В. Историк и философ М. С. Восленский о господствующем классе советского общества // Вестник государственного и муниципального управления. 2020. Т. 9. № 4. С. 59.

² *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия совм. с МП «Октябрь», 1991. С. 206.

³ *Шиловцев А. В., Стожко К. П.* М. Джилас и М. Восленский: к вопросу о сущности современной бюрократии // Новая социальная реальность: теория и практика. Сборник научных статей. Уральский государственный аграрный университет; Уральский государственный экономический университет. Екатеринбург, 2022. С. 280.

2. *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия совм. с МП «Октябрь», 1991.

3. *Горлов А. В.* Историк и философ М. С. Восленский о господствующем классе советского общества // Вестник государственного и муниципального управления. 2020. Т. 9. № 4. С. 58-73.

4. *Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25-38.

5. *Модсли Э.* Портрет изменяющейся элиты: члены ЦК КПСС с 1939 по 1990 г. // Политические процессы в условиях перестройки. М., 1991. Вып. 2. С. 16-32.

6. *Хайтун С. Д.* Феномен российской номенклатуры // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2017. № 3. С. 152-171.

7. *Шиловцев А. В., Стожко К. П. М.* Джилас и М. Восленский: к вопросу о сущности современной бюрократии // Новая социальная реальность: теория и практика. Сборник научных статей. Уральский государственный аграрный университет; Уральский государственный экономический университет. Екатеринбург, 2022. С. 274-281.

Потапова Анастасия Сергеевна

Студентка бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

КОНЦЕПТ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК НАСЛЕДИЕ МНОГОВЕКОВОЙ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ (В РАБОТАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)

Аннотация

В статье раскрываются ценностные основания российского общества. Выделяются ключевые элементы в идейных воззрениях Ф.М. Достоевского, позволяющие сформировать представление об историческом содержании концепта традиционных духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: традиционные ценности, Ф.М. Достоевский, православие, народные основы, «почва».

Наблюдаемые сегодня нами кардинальные изменения, происходящие в международных отношениях, выработка альтернативных моделей мирового порядка и ценностных систем актуализируют исследования, направленные на поиск социально значимых аспектов, способных определить идейную и мотивационную базу для стабилизации общественной системы Российского государства. Особое значение имеют шаги, направленные на сохранение и трансляцию многообразия культурного наследия многовековой истории России. Подобные инициативы определяют особое отношение к проблеме ценностей и смыслов, составляющих основу как личностного совершенствования отдельного индивида, так и государственного строительства.

Закономерным и естественным представляется обращение к творческому наследию Ф.М. Достоевского как пророка своего времени. Ему удалось предсказать

будущую российскую революцию, и «именно Достоевский развернул в “Бесах” и других романах непревзойденную критику всяких социальных проектов “муравейников”»¹. Его точное сравнение России с рассадником бесов-революционеров во главе с интеллигенцией становилось предметом для исследований и четко отражало специфику социальной модели российского государства, дестабилизирующим фактором для которой может стать только внутренняя несогласованность и разобщенность населения². Интеллигенция не чувствовала себя органической частью народа даже тогда, когда она оформилась в народническое движение и верила в народ. Она всегда возвышалась над народом, считая его нищей, безграмотной, косной массой, не имеющей ни лица, ни идеи. Единственный выход русские интеллигенты видели в приобщении народа к грамоте и европейскому устройству жизни, опираясь на «отрицание абсолютных ценностей православного русского народа интеллигентным сознанием с его бесами и рациональными утопиями»³. Достоевский раскрывает политические потенции народа в организации своей политической жизни вопреки противоположным взглядам своих оппонентов. Он пишет следующее: «Русский народ неоднократно заявлял свою самостоятельность, заявлял своими судорожными усилиями... должно обратить внимание на то, с каким упорством народ отстаивал целые века свое общественное устройство и все-таки отстоял. Что же это за явление, как не доказательство того, что народ наш способен к политической жизни?»⁴. Достоевский видел силу народа в его правде, в духовных ценностях, в чистоте идеалов христианской справедливости. Писатель сумел увидеть, что носителем духовной правды выступает народ.

Ф. М. Достоевский обращает наше внимание на важнейшую роль христианства, которое наделяет людей свободой, при этом предупреждает и о возможной ответственности своих поступков. Писатель отмечает, что несмотря на незнание Евангелия, русский народ «носит в своем сердце Христа»⁵ и пусть неумело и по-детски наивно, но тянется к нему. Это определяет такие характеристики населения России, как глубокую духовность, жертвенность и невозможность терпеть несправедливость. Как пророк и мыслитель, Достоевский противостоял надвигающейся на человечество эпохе воинствующего атеизма и скрытого богоборчества. Он противопоставлял новым идеологиям либерализма и коммунизма русскую идею. Писатель сумел увидеть, что носителем духовной правды выступает народ, потому и звучат призывы Достоевского к единению с ним, направленные на представителей интеллигенции. Революционное движение, которое пытается воспитать новые поколения без учета этих традиционных характеристик и исторических особенностей, осуждается писателем. Таким образом, Достоевский порицает революционные течения и увлечения либеральными идеями, которые культивируют автономность личности, формируют эгоистические установки и презрение к традиционным проявлениям духа народа, строящегося на религиозности, вере в справедливость и единство перед лицом испытаний, победу в которых обеспечивает сплоченность и высокая нравственность.

---

¹ Нижников С.А. Ф. М. Достоевский и «Русская идея» // Вестник Калмыцкого университета. 2016. №1 (29). С. 109.

² См., напр.: Сараскина Л.И. «Бесы» — роман-предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990.

³ Свицова Л.Г. Ф.М. Достоевский об отношениях между интеллигенцией и православным русским народом // Интеграция образования. 2001. №1. С. 56.

⁴ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 20. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. С.21.

⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 77.

Стоит сказать, что писатель не отказывался от разрешения проблем социально-политического пространства через осуществление просветительской деятельности, элементов «нового христианства»¹, предполагающего большую духовную просвещенность, с целью преобразования личности. Так, совершенствование сознательной деятельности человека, повышение гражданского долга перед страной и созидательный труд во благо будущих поколений находили отражение в его работах и признавались ценностными понятиями для российского общества.

В истории и культуре русского народа содержится категория, способная остановить разрушающие процессы вестернизации и восстать против деградирующей материальной цивилизации запада, приводящей к духовному вырождению, воплощающемся в атеизме и кризисе нравственности. Именно такой является категория «почвы», с которой будет связан следующий блок идейных построений Достоевского: «Почва тесно связывала писателя с русским народом, народным началом, воспринималась как исток глубинной народной жизни»². По мнению писателя, быть почвенником – любить и воспевать свою страну, гордиться пройденным ею историческим путем, сознавать себя частью Отечества и не мыслить себя вне этой национальной категории. Он отдавал себе отчет в том, что общественная система уже «всех более готова к нигилизму»³, и лишь через народные элементы и последовательное восприятия исторического наследия возможно найти силы и получить импульс развития. Сблизиться с «почвой» для Достоевского означает соединиться с народом, объединить все слои общества общей темой – любви к Родине, ее идеалам и ценностям. В почвеннических позициях писателя на этом этапе творчества оформляется идея державности России, ее самобытного исторического пути и духовно-нравственных характеристик русского народа, образующих его менталитет.

Таким образом, Достоевский подчеркивает, что весь русский народ в своем своеобразии носит в глубинах национальной истории простые истины, регулярными обрядами жизни раскрывает духовное начало и стоит за правду, которая кроется в преемственности поколений и не допускает забвение родной истории, бережет традиционные ценности и защищает самобытные устои жизни. Исходя из этого, Россия не может себе позволить потерять национальное своеобразие, сохранение которого должно стать стратегической целью, так необходимой для выживания страны.

Библиография

1. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
2. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 20. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972.
3. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 21. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980.
4. *Екшибарова О.В.* Философия «нового христианства» Ф. М. Достоевского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2020. №4. С. 354-358.

---

¹ Подр. см.: *Екшибарова О. В.* Философия «нового христианства» Ф. М. Достоевского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2020. №4. С. 354-358.

² *Тонких В. А., Тонких Н. В.* Русская идея в творчестве Ф. М. Достоевского // Евразийский форум. 2011. № 1 (3). С. 112.

³ *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 21. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 255.

5. *Нижников С. А.* Ф.М. Достоевский и «Русская идея» // Вестник Калмыцкого университета. 2016. №1 (29). С. 104-111.

6. *Сараскина Л. И.* «Бесы» – роман-предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990.

7. *Свинцова Л.Г.* Ф. М. Достоевский об отношениях между интеллигенцией и православным русским народом // Интеграция образования. 2001. №1. С. 55-59.

8. *Тонких В. А., Тонких Н. В.* Русская идея в творчестве Ф. М. Достоевского // Евразийский форум. 2011. №1 (3). С. 111-117.

Прокудин Борис Александрович

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ИДЕАЛА П.И. НОВГОРОДЦЕВА И Б.П. ВЫШЕСЛАВЦЕВА

Аннотация

Идеал является одним из самых многофункциональных понятий в современном социо-гуманитарном знании. В общеупотребительном смысле представление об идеале связывается чаще всего с наилучшим состоянием какого-то явления или с высшей степенью человеческих способностей и личных качеств. Впервые в отечественной мысли попытку создания концепции общественного идеала предприняли П.И. Новгородцев и его последователи, в частности, Б.П. Вышеславцев. В этой статье предпринята попытка анализа их универсальной модели общественного идеала, которая конструировалась в соответствии с нормами, существующими априорно и «заданными свыше».

Ключевые слова: П.И. Новгородцев, Б.П. Вышеславцев, идеал, общественный идеал.

Будучи юристом и представителем неокантианства, П.И. Новгородцев интерпретировал общественный идеал в терминах естественного права, выстраивал свою концепцию на правовых принципах. Основную часть фундаментального труда «Об общественном идеале» (1917) он посвятил критике марксизма и позитивизма. Новгородцев осуждал любую «общественную философию», выступающую с притязаниями на создание «целостного мирозерцания, которое хочет быть новым исповеданием человека» и стремящуюся навязывать обществу собственный «путь спасения». Он критиковал социальные проекты Руссо, Конта, Маркса, Спенсера, которые, по его мнению, пытались создавать «философию земного рая». «Нет такого средства в политике, которое раз и навсегда обеспечило бы людям неизменное совершенство жизни, – писал Новгородцев. – Надо отказаться от мысли найти такое разрешительное слово, которое откроет абсолютную форму жизни и укажет средства осуществления земного рая»¹.

¹ *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М.: Издательство «Пресса», Вопросы философии, 1991. С. 33.

Все теории, содержащие конкретные пути построения «моделей совершенного общества» (в особенности – социалистические), Новгородцев признавал «утопичными» и утверждал невозможность осуществления их положений на практике¹. В качестве альтернативы теориям «конечного совершенства» он предлагал идею «бесконечного совершенствования», движения к абсолютному общественному идеалу, основой которого для него выступало соблюдение неотъемлемых прав человека. Речь идет, писал он, «о том всеобщем идеале, который всегда один и тот же, и стремление к которому составляет правду и смысл общественной жизни». Но на каждом этапе этого бесконечного развития, по Новгородцеву, проявляется «стремление к абсолютному», и каждый раз это стремление заканчивается лишь «относительным приближением к идеалу», созданием «изменчивых исторических идеалов», которые различаются «от времени и места, от национальных особенностей и партийных разделений»².

Таким образом, в своей концепции Новгородцев противопоставлял идеал утопиям (теориям, в которых регламентируется будущее) и выделял «абсолютное» и «относительное» в осуществлении общественного идеала. Абсолютный идеал дан на все времена и имеет «сверхисторическую природу», под относительным идеалом он понимал социально-политический строй, оптимальный для конкретного времени и конкретного государства³.

Б.П. Вышеславцев, как и Новгородцев, противопоставлял свое понимание общественного идеала утопиям, которым он давал исключительно негативную оценку, считая утопические социальные теории не способствующими прогрессу человечества и достижению его совершенства⁴. Работа, в которой выражена его концепция идеала – «Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии» (1914). Опираясь на труды Фихте, Вышеславцев писал о бесконечности этического прогресса. Прогресс он представлял в виде ряда ступеней, «этического ряда», который «немыслим без предела, управляющего движением всего ряда, и следовательно весь ряд представляет актуальную бесконечность. Актуальная бесконечность есть “хорошо упорядоченное многообразие”, в котором каждый член ряда имеет <...> свое особое индивидуальное место, определенное пределом ряда, идеалом»⁵. То есть общественный идеал Вышеславцев понимал в широком смысле как недостижимый предел, «как раскрытие Абсолюта в истории»; в узком смысле – как «индивидуальное место» в «актуальной бесконечности истории».

Таким образом, основанный на нравственном совершенстве общественный идеал имеет всеобщий характер для всего человечества, но находит свое временное выражение, реализуясь в конкретной стране и конкретное время, обретая формы экономики, «права и нравственности». Как и у Новгородцева, в работах Вышеславцева развитие эволюционно, люди на каждой ступени «этического ряда» усваивают нравственный закон на личном уровне, а затем формируют все более совершенную социально-политическую систему.

¹ См.: *Бойцова О.Ю.* Политика и политическое в общественном идеале: от утопии к антиутопии // *Философия политики и права.* 2016. № 7. С. 21-36.

² См.: *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. Издательство «Пресса», Вопросы философии, 1991. С. 55.

³ См.: *Шириняц А.А.* Либерализм в истории политики и мысли России второй половины XIX – начала XX вв. // *Русская социально-политическая мысль XIX - начала XX в.: Новгородцев П. И. М.: Издательский дом «Политическая мысль», 2012. С. 266-277.*

⁴ Подр. см.: *Царьков П.Е.* Русский либерализм сквозь призму неокантианства. Идеалы и воплощение. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. С. 60-68.

⁵ *Вышеславцев Б.П.* Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1914. С. 207.

Библиография

1. *Бойцова О.Ю.* Политика и политическое в общественном идеале: от утопии к антиутопии // *Философия политики и права.* 2016. № 7. С. 21-36.
2. *Вышеславцев Б.П.* Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1914. 437 с.
3. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М.: Издательство «Пресса». 640 с.
4. *Царьков П.Е.* Русский либерализм сквозь призму неокантианства. Идеалы и воплощение. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 88 с.
5. *Шириняню А.А.* Либерализм в истории политики и мысли России второй половины XIX – начала XX вв. // *Русская социально-политическая мысль XIX - начала XX в.:* Новгородцев П. И. М.: Издательский дом «Политическая мысль», 2012. С. 266-277.

Рублев Дмитрий Иванович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государственного и муниципального управления Факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

РАБОТА В.М. ВОЛИНА «ПИСЬМА О ПЕРЕЖИТОМ» И ЕЕ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «АНАРХИЧЕСКОГО СИНТЕЗА»

Аннотация

Предметом нашего исследования является комплекс социально-политических идей, сформулированных В.М. Волиным в работе «Письма о пережитом» (1922–1923 гг.), ставшей важной вехой в становлении социально-политической концепции «анархического синтеза», распространенной в анархистском движении России и Русского Зарубежья в 1918–1924 гг. и в анархистском движении Франции 1920 – 1930-х гг.

Ключевые слова: анархизм, анархический синтез, Волин Всеволод Михайлович, единый анархизм.

Всеволод Михайлович Волин (Эйхенбаум) (1882–1945) – выдающийся теоретик российского анархизма первой половины XX в., один из лидеров махновского движения. Его теоретические работы считаются классикой мировой анархистской мысли. Исследователи обращаются к изучению его биографии, деятельности в анархистском и махновском движениях¹. Работы же, посвященные комплексному анализу социально-политических идей Волина, отсутствуют.

¹ *Avrich P.* V.M. Eichenbaum (Volin): The Man and His Book // *Avrich P.* Anarchist Portraits. Princeton, 1988. P. 125–136; *Шубин А.В.* Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания 1917–1939 гг. М., 1998; *Его же.* Махно и его время: О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М., 2013; *Дамье В.В.* Всеволод Волин: жизнь ради революции // *Прямухинские чтения* 2015 года. М., 2016. С. 114–132; *Савченко В.А.* Діяльність анархістських організацій в Україні у 1903–1929 рр. Київ, 2017; *Скирда А.* Индивидуальная автономия и коллективная сила. Обзор либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г. Париж, 2022.

Волин рассматривал «анархический синтез» как течение, которое «стремится примирить, а затем “синтезировать” различные течения мысли», разделяющие анархистское движение «на несколько более или менее враждебных фракций»¹. 12-16 ноября 1918 г. на учредительной конференции Конфедерации анархических организаций Украины «Набат» (КАОУ) были сформулированы основополагающие принципы «единого анархизма». Автором декларации, выразившей их, был Волин². В понимании «набатовцев» «единый анархизм» соединял анархический коммунизм (как цель борьбы) и индивидуализм (как обосновывающую свободу личности философскую доктрину) с анархо-синдикалистской стратегией классовой борьбы³. В дальнейшем Волин рассматривал модель анархистского движения, предложенную КАОУ, как наиболее оптимальную и оправдавшую себя на практике⁴. Философской основой «анархического синтеза» стал позитивизм в трактовке П.А. Кропоткина, рассматривавшего процесс развития природы и общества, как равнодействующую множества факторов, сил и единичных волей. Так, Волин полагал, что окружающая действительность может быть познана лишь как «Великий синтез», «вечно движущийся, вечно меняющийся», «некая равнодействующая множества сил, факторов, энергий... вечно движущаяся равнодействующая»⁵. Синтез различных факторов исторического процесса ведет к необходимости гармоничного сочетания идейных принципов и форм борьбы различных течений анархизма и социальных движений⁶.

«Письма о пережитом» – одна из ключевых теоретических работ Волина периода 1920-х гг., не получившая значительного внимания исследователей. Написанная в Берлине в январе 1922 – июне 1923 гг., она состояла из 9 «писем». На русском языке первые 8 из них первоначально были изданы в анархистском журнале «Волна» в Детройте⁷. Девятое письмо вышло в берлинском журнале «Анархический вестник»⁸. «Письма» быстро получили международное признание и в 1922-1923 гг. были переизданы на немецком (в газете «Дер Синдикалист»), французском (в журнале «Ля Ревю Анаршист») и на идиш (в лондонской газете «Арбейтер фрайнд»). Интерес к «Письмам» в анархистской среде вновь проявился в конце 2010-х гг., после их частичного переиздания⁹.

«Письма» написаны под влиянием спада «революционной волны», охватившей европейские и азиатские страны в 1917–1923 гг. В этой работе Волин впервые попытался сформулировать собственную концепцию этапов мировой социальной революции. Рассматривая ее как многолетний «разрушительно-созидательный» процесс, Волин полагал, что мир находится в его первой, «стихийно-разрушительной», стадии. В качестве основного фактора успеха революции он рассматривал тотальное, всестороннее разрушение всех традиций, культурных ценностей, общественных институтов, технологий, связанных с индустриально-капиталистическим строем:

¹ Volin V. Synthesis (anarchist) // The Anarchist Encyclopedia: Abridged. Chico, Edinburgh, 2019. P. 197

² Ibid. P. 198.

³ Первая конференция анархистских организаций Украины «Набат». Декларация и резолюции. Б.м., 1918. С. 5-8, 16, 19.

⁴ Volin V. Synthesis (anarchist). P. 204-205; Волин В.М. Дело «Набата» (К вопросу об организации наших сил) // Дело труда. № 7-8. Декабрь 1925 – январь 1926. С. 4-6.

⁵ Волин В.М. О синтезе // Анархический вестник. № 3-4. Сентябрь – октябрь 1923 г. С. 14-15.

⁶ Волин В.М. О синтезе // Анархический вестник. № 7. Май 1924. С. 14, 16; Volin V. Synthesis (anarchist). P. 201.

⁷ Волин В.М. Письма о пережитом // Волна. № 26. Февраль 1922 г. С. 13-18; № 29. Май 1922. С. 5-13; № 30. Июнь 1922 г. С. 6-11; № 33. Сентябрь 1922 г. С. 7-13; № 34-35. Октябрь – ноябрь 1922 г. С. 7-10; № 36. Декабрь 1922 г. С. 6-9; № 38. Февраль 1923. С. 12-18; № 42. Июнь 1923 г. С. 11-19.

⁸ Анархический вестник. № 1. Июль 1923 г. С. 33-39; № 2. Август 1923 г. С. 20-26.

⁹ Volin V. Briefe über Erlebnisse in Russland. Moers, 2018.

«Всеохватывающее и до конца идущее разрушение нынешнего общественного строя, – всей современной “культуры”, со всеми ее устоями, ценностями, навыками и понятиями, с ее экономикой, политикой, правом, психологией, социальным бытом, техническими и организационными методами, – есть *conditio sine qua non* социальной революции и ее полной победы. С разрушения – с безысходного разрушения – должна начаться победоносная социальная революция. Место для постройки нового здания должно быть совершенно, до последних остатков, очищено от всего старого»¹.

Российскую революцию 1917–1921 гг. Волин рассматривал как всесторонний процесс разрушения, уничтоживший многовековые социальные нормы и институты во всех областях жизни общества. Новые, столь же устойчивые, на их месте так и не сформировались². В результате установилась социально-экономическая система, которая не является ни капиталистической, ни социалистической, а скорее «государственно-крепостнической», соединившая внеэкономическое принуждение к труду с попытками искусственного насаждения элементов капитализма в период НЭПа. Дискредитированы оказались капитализм и государственный социализм марксистов³, как и всевозможные этатистские политические режимы⁴. Государство достигло своей крайней, «тюремной» формы и держится лишь путем террора и обескровливания революции⁵. Из России разрушительный этап революции, полагал Волин, распространился на др. страны, положив начало разложению капитализма⁶.

В духе М.А. Бакунина Волин рассматривал революционное разрушение как основу процесса создания нового безвластного общества. Он утверждал, что оно развивает в трудящихся дух самостоятельности, активности, изживает дух мещанства, оппортунизма и реформизма, а главное – не дает возможности сохранить предпосылки для восстановления дореволюционных порядков⁷. Основу успешной стратегии анархистов, способной обеспечить переход ко второму, творческому периоду революции, Волин видел в сплочении (синтезе) «всех подлинных сил социальной революции в одну действенную силу»: ведущих течений анархизма (анархо-индивидуализм, анархо-синдикализм, анархо-коммунизм), а также социальных движений (синдикалистские профсоюзы, махновское повстанчество)⁸.

Идеи, изложенные в «Письмах о пережитом», получили развитие в последующих работах Волина. Концепция тотального разрушения социальных институтов капиталистического общества перекликалась с идеями, сформулированными в 1920-е гг. идеологами аргентинского анархо-синдикализма. Для последователей же Волина имела большее значение его концепция о формировании единой либертарной идеи-силы на основе синтеза теоретических и тактических установок различных течений анархизма и связанных с ними социальных движений.

Библиография

1. Анархический вестник. № 1. Июль 1923 г. С. 33-39; № 2. Август 1923 г. С. 20-26.

¹ Анархический вестник. № 2. Август 1923 г. С. 25.

² Волна. № 34-35. Октябрь – ноябрь 1922 г. С. 9.

³ Волна. № 30. Июнь 1922 г. С. 8-10.

⁴ Волна. № 33. Сентябрь 1922 г. С. 10-11.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Волна. № 36. Декабрь 1922 г. С. 6-7.

⁷ Волна. № 42. Июнь 1923 г. С. 11, 13-15.

⁸ Анархический вестник. № 2. Августа 1923 г. С. 25.

2. *Волин В.М.* Дело «Набата» (К вопросу об организации наших сил) // Дело труда. № 7-8. Декабрь 1925 – январь 1926. С. 4-6.
3. *Волин В.М.* Письма о пережитом // Волна. № 26. Февраль 1922 г. С. 13-18; № 29. Май 1922. С. 5-13; № 30. Июнь 1922 г. С. 6-11; № 33. Сентябрь 1922 г. С. 7-13; № 34-35. Октябрь – ноябрь 1922 г. С. 7-10; № 36. Декабрь 1922 г. С. 6-9; № 38. Февраль 1923. С. 12-18; № 42. Июнь 1923 г. С. 11-19.
4. *Дамье В.В.* Всеволод Волин: жизнь ради революции // Прямухинские чтения 2015 года. М., 2016. С. 114-132.
5. Первая конференция анархистских организаций Украины «Набат». Декларация и резолюции. Б.м., 1918.
6. *Савченко В.А.* Діяльність анархістських організацій в Україні у 1903–1929 рр. Київ, 2017.
7. *Скирда А.* Индивидуальная автономия и коллективная сила. Обзор либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г. Париж, 2022.
8. *Шубин А.В.* Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания 1917-1939 гг. М., 1998.
9. *Шубин А.В.* Махно и его время: О Великой революции и Гражданской войне 1917-1922 гг. в России и на Украине. М., 2013.
10. *Avrich P. V.M. Eichenbaum (Volin): The Man and His Book* // *Avrich P. Anarchist Portraits.* Princeton, 1988. P. 125-136.
11. *Volin V.* Briefe über Erlebnisse in Russland. Moers, 2018.
12. *Volin V.* Synthesis (anarchist) // *The Anarchist Encyclopedia: Abridged.* Chico, Edinburgh, 2019.

Саевская Мария Александровна

Кандидат политических наук, доцент кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Университета «Синергия»
Москва, Россия

ДУХОВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В.К. ПЛЕВЕ

Аннотация

В.К. Плевел, будучи сам религиозным человеком, был убежденным сторонником важности православия как духовно-нравственной основы жизни общества. Он придавал большое значение вере как фактору, скрепляющему единство царя и народа, общества и государства. Способствуя смягчению ограничительных мер в отношении старообрядцев и иноверцев, министр внутренних дел не шел на их полное уравнение в правах с православными.

Ключевые слова: В.К. Плевел, церковь, православие, самодержавие, царь.

Православный облик Российской империи к началу XX века все больше оставался лишь фасадом, за которым скрывался глубокий религиозный и нравственный кризис русского общества. В интеллигенции и студенчестве распространялись атеистические и материалистические теории, с которыми они шли в народ. Впрочем, и представители дворянства часто воспринимали религиозные обряды лишь

как формальности, в то время как более модными становились увлечения оккультизмом, спиритизмом или сектантством. В то же время сама Русская Православная Церковь со времен Петра Великого была лишена своего канонического главы – патриарха и управлялась, по сути, одним из государственных учреждений – Священным Синодом. Глава этого учреждения – обер-прокурор – не имел даже духовного сана, что, безусловно, не могло не повлиять на восприятие церкви как на одну из частей государственного механизма, и тем самым церковь лишалась своего независимого духовного авторитета.

Вступивший в 1902 г. в должность министра внутренних дел В.К. Плеве был родом из прибалтийских немцев. Немецкая фамилия и нерусское происхождение стали поводом к тому, чтобы его политические оппоненты распускали различные слухи о его прошлом с целью его дискредитации, в то время как русификаторская политика Плеве больше импонировала православным националистам, чем либералам, настроенным на нивелирование значения национальных и религиозных различий в Российской империи. Это противоречие собственного происхождения и проводимой политики одни объясняли искренними убеждениями министра, другие же, напротив, его притворством и желанием обрусевшего немца казаться не тем, кем он являлся на самом деле.

В.К. Плеве, по воспоминаниям своих современников, говорил о том, что Русское государство имеет божественное предназначение, наследственная власть монарха – божественное происхождение, и судьба России вверена царю «Божественным Промыслом»¹.

Информационную кампанию по мистификации прошлого В.К. Плеве начали еще его современники. Так, С.Е. Крыжановский упоминает о неких слухах, согласно которым Плеве «был незаконным сыном какого-то польского магната и был крещен в католичество, а затем перешел в лютеранство и наконец в православие», замечая правда, что «рассказы эти очень распространенные и проникшие впоследствии в печать, были происхождения легендарного»². Со слов самого С.Е. Крыжановского, «Плеве не мог быть крещен иначе, как в православии»³.

Вероятно, распространенными эти легенды стали благодаря мемуарам С.Ю. Витте, который в своих воспоминаниях утверждает о двукратной перемене религии В.К. Плеве и его польско-еврейских родителях. Полемицируя с Витте, директор департамента полиции в 1902–1905 годы, А.А. Лопухин, утверждал, что «ни фамилии своей, ни религии Плеве не менял»⁴. Другой сослуживец В.К. Плеве, Д.Н. Любимов, был убежден в искренней религиозности министра, передавшей ей от матери. В частности, он писал: «Преобладающее влияние в семье имела мать Вячеслава Константиновича, женщина выдающегося ума и характера. Вложив в воспитание сына всю душу, она передала ему свою религиозность, которую Вячеслав Константинович сохранил до конца дней»⁵.

В.К. Плеве осознавал необходимость поднятия авторитета церкви в русском народе. Военный министр Алексей Николаевич Куропаткин вспоминал об одном из

---

¹ Вячеслав Константинович Плеве // Книга русской скорби. СПб.: Рус. нар. союз им. Михаила Архангела, 1908. Вып. 2. С. 38.

² Крыжановский С.Е. В.К. Плеве // Новый журнал. Нью-Йорк, 1975. Кн. 118. С. 138.

³ Там же.

⁴ Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. (По поводу воспоминаний гр. С.Ю. Витте) / пред. М.Н. Покровского. М.; Пг.: ГИЗ, 1923. С. 11.

⁵ Любимов Д. Н. Памяти Вячеслава Константиновича Плеве. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1904. С. 6.

разговоров с Плеве, в котором он пытался убедить Вячеслава Константиновича в «необходимости приобрести доверие лучшей части населения, успокоить эти лучшие силы, привлечь их к борьбе вместе с правительством против революционных элементов». На что «Плеве возразил, что он и не думает идти путем ретроградным. Что путь ему представляется ясным. Что, прежде всего надо приподнять значение церкви. Вернуть церковному влиянию население. Увеличить значение прихода. Затем надо приподнять достаток сельского населения»¹.

Плеве считал, что церковный приход должен стать центром земской жизни, став основой широко обсуждавшейся в печати мелкой земской единицы². Скорее всего, задумывался В.К. Плеве и об учреждении патриаршества. Так, в мае 1903 г. министр внутренних дел рассказал митрополиту Антонию, что у него состоялся разговор с государем, и что он, Плеве, хотел бы переговорить с владыкой о необходимости церковного переустройства на основе канонов³.

Важным шагом в реализации программы Плеве стал Манифест 26 февраля 1903 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»⁴. Манифест призывал «благоговейно почитать Православную Церковь первенствующей и господствующей»⁵.

О религиозных взглядах В. К. Плеве говорит и его вступление в православно-монархическую организацию «Русское собрание». В программе этой организации отмечалось, что «православная вера должна быть господствующей в России, как исповедуемая Царем и народом и как непреложная основа русского просвещения и народного воспитания»; «Церкви православной должна принадлежать свобода внутренней жизни и управления»; «голос Церкви должен быть выслушиваем властью во всех государственных делах»; «устройство прихода должно быть положено в основание церковного строя, Церковные Соборы должны быть возрождены на точном основании канонов»⁶.

Радикально настроенная оппозиция и революционеры видели в церковной деятельности В.К. Плеве внешнюю демонстрацию набожности и притворство политического интригана. Сторонники же политики министра, среди которых были и его сослуживцы, и видные церковные иерархи, и сам монарх, считали В.К. Плеве человеком, искренне убежденным в своих религиозных взглядах и настойчиво проводившим их в жизнь.

Библиография

1. Вячеслав Константинович Плеве // Книга русской скорби. СПб.: Рус. нар. союз им. Михаила Архангела, 1908. Вып. 2.
2. Дневник А.Н. Куропаткина. Предисловие М.Н. Покровского // Из Дневника Куропаткина // Красный архив. Исторический журнал. 1923. Т.2. С. 5-117.
3. *Крыжановский С.Е.* В.К. Плеве // Новый журнал. Нью-Йорк, 1975. Кн. 118.

¹ Дневник А.Н. Куропаткина. Предисловие М.Н. Покровского // Из Дневника Куропаткина // Красный архив. Исторический журнал. 1923. Т.2. С. 43.

² *Соловьев К.А.* Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 182.

³ *Фирсов С.Л.* Русская церковь накануне перемен: (Конец 1890-х- 1918 гг.) М.: Культур. центр "Духов. б-ка", 2002. С. 139.

⁴ ПСЗ III, Т. XXIII. Отд. I. № 22581.

⁵ Там же.

⁶ *Платонов О. А., Степанов А. Д., Иванов А. А.* Черная сотня: историческая энциклопедия. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 472.

4. *Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний. (По поводу воспоминаний гр. С.Ю. Витте) / пред. М.Н. Покровского. М.; Пг.: ГИЗ, 1923.

5. *Любимов Д. Н.* Памяти Вячеслава Константиновича Плеве. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1904.

6. *Платонов О. А., Степанов А. Д., Иванов А. А.* Черная сотня: историческая энциклопедия. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

7. ПСЗ III, Т. XXIII. Отд. I. № 22581.

8. *Соловьев К.А.* Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

9. *Фирсов С.Л.* Русская церковь накануне перемен: (Конец 1890-х – 1918 гг.). М.: Культур. центр «Духов. б-ка», 2002.

Соболев Владимир Андреевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

А.М. КОВАЛЕВ О ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация

В статье проводится анализ проблемы социально-справедливого общества в творчестве А.М. Ковалева (1923–2010). Отмечается, что Ковалев исследовал различные аспекты социальной справедливости и несправедливости, а также охарактеризовал условия, при которых станет возможным достижение справедливого общества в будущем.

Ключевые слова: А.М. Ковалев, справедливое общество, философия, марксизм, политическая теория, социальная справедливость.

Обращаясь к проблеме построения справедливого общества, Александр Митрофанович Ковалев (1923–2010)¹ показывает, что социум «в его нынешнем состоянии в процессе своего развития может лишь ограничить несправедливость, но не сможет

¹ См.: *Гуторов В.А., Соболев В.А., Шириняц А.А.* Концепция справедливого общества А.М. Ковалева в контексте современных политико-философских дискуссий // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2023. Т. 1. № 3. С. 7–31; *Коваленко В.И., Соболев В.А.* «Закон политики — создавая новое, следует опираться на достигнутое, не ломать старого»: к 100-летию А.М. Ковалева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 330–347; *Соболев В.А.* А.М. Ковалёв о социально-политических преобразованиях в XX веке и их последствиях // SCHOLA-2023: сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М., 2023. С. 53–60; *Соболев В.А.* Вклад А.М. Ковалева в развитие политической науки и образования в Московском университете // История социально-политической мысли: полвека преподавания и исследований: сборник статей и материалов к 50-летию юбилею кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2022. С. 148–152; *Соболев В.А.* Вклад А.М. Ковалева в развитие политической науки и образования в России // Политическая наука и политологическое образование в России: основные вехи, проблемы, перспективы (к 30-летию образования отделения политологии в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова). М., 2022. С. 146–152; *Соболев В.А.* Значение идейно-теоретического наследия А.М. Ковалева для становления политологии в России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 2 (63). С. 136–141; *Соболев В.А.* История политической науки в России. М., 2022. С. 174–186; *Соболев В.А., Филимонов К.Г.* Советская политологическая традиция в университетах: о политике и политической науке в работах А.М. Ковалёва // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 161–168; *Шутов А.Ю., Соболев В.А.* Становление политической науки в СССР: к 30-летию официального признания // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 28–38.

преодолеть ее. В связи с этим возникает вопрос: в чем же заключаются причины, царящей в мире и обществе несправедливости и может ли она вообще быть устранена?»¹ Отвечая на этот вопрос, А.М. Ковалев пытается на основе уже существующего исторического опыта и материала дать свое обоснование причин наличия несправедливости в обществе: «При объяснении причин существования несправедливости следует, по нашему мнению, исходить из того, что общественная несправедливость есть лишь конкретное проявление процессов, царящих в природном мире в целом»².

Справедливость и несправедливость – общественные категории. Однако их корни и основы заложены в «неисчерпаемой природе и присущих ей законах. Не случайно и в рамках природы в результате столкновений планет и даже вселенных, а также всевозможных стихийных бедствий гибнут многие ее творения, над созданием которых природа трудилась миллионы лет. В растительном и животном мире гибнут не только особи, но и целые биологические виды, пожираемые другими особями и видами. Все эти и другие проявления несправедливости в природе и обществе в конечном счете представляют результат того, что мир един и в то же время разнообразен, что он состоит из неравных структур и развивается, причем развитие целого в нем осуществляется посредством преимущественного развития, а также смены его частей и элементов»³.

А.М. Ковалев считает, что «если бы мир и общество представляли лишь некую целостность и не состояли из элементов, то в них едва ли могла возникнуть несправедливость. Но так как мир и общество состоят из многообразных элементов и составных частей, которые обладают относительной самостоятельностью и активностью как по отношению друг к другу, так и к миру в целом, то закономерность реализуется через случайность и непредсказуемость, и, как следствие этого, наряду с действиями, соответствующими тенденции развития этого неисчерпаемого мира, могут возникать явления, противоречащие ему. Иными словами, в мире тенденции, обусловленные его целостностью, могут реализоваться как посредством явлений и процессов, способствующих его развитию, так и противостоящих развитию, вытекающих из его многообразия и, как следствие этого, стихийности и непредсказуемости»⁴.

По мнению А.М. Ковалева, справедливость – это то, что «соответствует закономерному развитию того целого, к которому принадлежит данная структура»⁵. Несправедливость – «устранение или ограничение тех элементов, которые призваны обеспечивать нормальное функционирование целого»⁶.

А.М. Ковалев отмечает, что «целое состоит из своих частей, а общество – из человеческих индивидов, то справедливость реализуется посредством этих индивидов или их сообществ. В соответствии с этим справедливо будет то, что способствует развитию и обеспечивает оптимальную самореализацию их жизненно здоровых, естественных и социальных начал и потенций, соответствующих развитию целостности. Несправедливо то, что ведет к их нарушению, ущемлению и, тем более,

---

¹ Ковалев А.М. Социально-справедливое общество – утопия или возможность. М., 2005. С. 681.

² Там же.

³ Там же. С. 681–682.

⁴ Там же. С. 682.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

к устранению. В соответствии с этим способствовать функционированию целого и тем самым поступать справедливо можно как путем активного обеспечения его развития, так и борьбы со всем тем, что стоит на его пути»¹.

В свою очередь мир и общество также состоят из «элементов, общностей, структур и т.д., одни из которых могут выступать в роли создателя целостности, способствуют его развитию, а другие – в роли ее разрушителя, то лишь поддержка и деятельность, направленная в интересах структур первого плана, может быть справедливой. И напротив, все то, что предпринимается в поддержку структур второго плана, которые стоят на пути развития, несмотря на самые благие намерения, не может быть справедливым. Из этого можно заключить, что справедливость в мире и обществе – это отражение тенденции к их целостности. Напротив, несправедливость проистекает из многообразия»².

Поэтому А.М. Ковалев заключает, что тот, кто «в большей степени способен отразить в своем поведении тенденцию целостности, поступает более справедливо в сравнении с тем, кто пренебрегает ею и свои собственные интересы ставит выше интересов целого, а тем более если он попирает их. В то же время поскольку справедливость исходит из многообразия, то именно справедливость занимает доминирующее положение в мире и обществе в сравнении с несправедливостью»³.

Для того, чтобы мир и общество могли развиваться, по мысли А.М. Ковалева, они не только должны «состоять их неравных и неоднородных элементов и структур, но и сами структуры должны сменяться по мере их развития, причем не произвольно, а в соответствии с законом преимущественного развития. Общество также построено по принципам мироздания в целом. В обществе целое также состоит из относительно самостоятельных элементов (индивидов), которые могут поступать как в интересах общества, так и вопреки ему, т.е. как по справедливости, так и несправедливости. В результате этого в рамках общества справедливость как доминирующая тенденция реализуется через несправедливость»⁴.

А.М. Ковалев подчеркивает, что «в условиях стихийности и непредсказуемости, когда в результате этого динамическое равновесие и адекватность между элементами целого могут нарушаться его структурные образования, для того чтобы существовать в таком мире, должны обладать определенным запасом прочности, а живые системы – запасом своей численности, чтобы противостоять разрушающему влиянию среды. Не случайно, что растения производят семян намного больше, чем может вырасти. Точно также и общество, функционирующее в мире, где значителен элемент стихийности и непредсказуемости, должно воспроизводить себя с расчетом на потери от стихийных бедствий и потому намного больше, чем позволяют условия, что естественно порождает борьбу между индивидами за жизненные блага, а тем самым жертвы и возможность несправедливости»⁵.

При этом, констатирует А.М. Ковалев, как и другие живые структуры, общество «не сразу после возникновения достраивает свою искусственную среду с целью противодействия неблагоприятным влияниям окружающей природы.

---

¹ Там же; ср.: Гуторов В.А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32 и сл.

² Там же.

³ Там же. С. 682–683.

⁴ Там же. С. 683.

⁵ Там же.

В результате этого между возникшими структурами, а также между целым и его элементами нарушается динамическое равновесие, возникает неадекватность с условиями существования, что вызывает необходимость адаптации этих структур к окружающей среде путем самоограничения и нередко жизни за счет жертвы собственных частей. Из этого следует, что и внутри этих структур царит неравенство, также сталкиваются различные элементы, в результате чего сильный оттесняет или даже уничтожает слабого, используя его ресурсы. Все это и порождает несправедливость в общественной жизни»¹.

А.М. Ковалев обращает внимание, что «по мере развития неживой и живой природы в ней с целью преодоления динамического неравновесия, обеспечения адекватности с условиями существования и ограничения таким путем стихийности и непредсказуемости, совершенствуются структуры: с повышенным запасом прочности, растения для ослабления разрушающего влияния среды создают корневую систему, лиственный покров, животные обретают возможность передвигаться для поиска пищи и т.д. В обществе преодоление динамического неравновесия со средой и создания адекватности с условиями поднимается на новый более высокий уровень. Человек и общество с целью ослабления динамического неравновесия и неадекватности со средой с помощью труда и производства создают вторую природу или искусственную среду, которая призвана оградить или во всяком случае ограничить общество от стихийных воздействий внешней природы и тем самым ослабить в нем проявления несправедливости. Однако для того, чтобы преодолеть динамическое неравновесие и создать адекватность условий с помощью развития производства, необходимо время»².

Общество, по мнению А.М. Ковалева, как и все живое, «своей численностью превосходит возможности окружающей его природы, а искусственная среда создается им не сразу, а постепенно, по мере прогресса производства, то общество длительное время испытывает острейшее динамическое неравновесие с природной средой и неадекватность своих потребностей с условиями существования. А это ведет к острейшему несоответствию между способом производства собственной жизни и способом материального производства во внутренней структуре общества. В результате динамическое неравновесие и неадекватность обществу приходится компенсировать своими собственными усилиями и, в частности, самоограничением и, как следствие этого, жизнью одних за счет других, нередко путем сокращения численности населения, обмана и стяжательства, что не может не усиливать несправедливость»³.

А.М. Ковалев выделяет два вида несправедливости в обществе – естественную и социальную: «Социальная несправедливость обусловлена недостаточным развитием материального производства. Она находит свое проявление в том, что человек рождается и стремится быть свободным, а между тем в определенных условиях он скован и не может реализовать свои естественные качества. Индивиды в основных своих качествах равны между собой, а в социальном положении они оказываются неравны, один владеет всем, а другой лишен самого необходимого и находится в подчинении другого и т.д. Что касается несправедливости

---

¹ Там же.

² Там же. С. 683–684.

³ Там же. С. 684.

иного естественного порядка, то она находит свое проявление в своекорыстии, жадности, себялюбии, обмане, насилии одних индивидов над другими и т.д., т.е. все то, что заключено в природе самого человека и присутствует в нем с момента рождения в целях предотвращения отрицательных воздействий окружающего мира»¹.

Кроме того, А.М. Ковалев, в соответствии с целостностью общества и его разделением на индивидов, пишет о существовании общественной и личной справедливости и несправедливости: «Высшая справедливость и несправедливость затрагивает естественные и социальные основы общества как целого (например, справедливые и несправедливые войны, революции и контрреволюции и т.д.). Что же касается личной несправедливости, то она сводится к тому, что затрагивает жизнь того и иного индивида. Личная несправедливость находит свое проявление тогда, когда человеку приходится поступать вопреки потенциям, заложенным в его природе (человек хочет есть, а он лишен этого). Такого рода несправедливость перекрывается лишь в том случае, если она совершается во имя высшей справедливости – т.е. интересов целого (например, гибель на справедливой войне)»².

А.М. Ковалев убежден, что «все структуры в рамках природного мира, а тем более, живой природы стремятся к тому, чтобы реализовывать себя за счет условий, а не путем собственного самоограничения и нередко даже самоистребления, как это нередко происходит во время голода. В этом как раз и залог того, что общество, создавая для себя адекватные условия, рано или поздно обеспечит для себя такую возможность функционирования и развития, которая не будет связана с ограничением и самоистреблением самого природно-социального организма, а будет совершаться за счет окружающей среды. А это как раз и будет означать утверждение социально-справедливого общества или то, что на протяжении веков называли коммунизмом, в условиях которого будет в значительной мере устранена социальная несправедливость»³.

Однако А.М. Ковалев предостерегает, что «человек и общество в процессе своего развития могут преодолеть социальную несправедливость, обусловленную недостаточным развитием производства, но не смогут преодолеть естественную несправедливость без изменения своей внутренней природы. Эта несправедливость, заключенная в потенциях человека, может реализовываться даже в самом социально-справедливом обществе»⁴.

Главную причину именно такого развития А.М. Ковалев видит в том, что человечество не сможет преодолеть естественную несправедливость, так как человек – «продукт не только социальной, искусственной среды, но и естественной природы, которая его породила. А окружающей общество природе... свойственны наряду с закономерностью стихийность и непредсказуемость, нарушение динамического равновесия и неадекватность условий, сменяемость одних структур другими по закону преимущественного развития, что с необходимостью порождает борьбу, насилие и жертвы»⁵.

---

¹ Там же.

² Там же. С. 685.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

А.М. Ковалев отмечает, что «поскольку человек создан природой и живет в ней, то он и наделен качествами этой природы и способностью ограничивать ее стихийные проявления. Не случайно, человеку наряду с сотрудничеством и взаимопомощью присуща способность подавления и даже истребления себе подобных, подчинение одних другими, корысть, жадность, обман и т.д. В результате этого, создавая искусственную природу, человек может лишь ограничить, ослабить отрицательные проявления своей внутренней природы, но отнюдь не устранить их. Для того чтобы устранить эти отрицательные проявления, заключенные в человеческой природе, необходимо новое существо с новыми качествами и потенциями и поэтому с новой внутренней природой»¹.

Поэтому, по мысли А.М. Ковалева, «пока будет жить человек, порожденный господствующей вокруг нас природой с его естественными качествами, преодолеть несправедливость внутри общества путем развития одной искусственной среды, едва ли возможно. Подобно тому как растения, создав корневую систему и листовый покров для получения необходимых им питательных веществ, а животные, обретя способность к передвижению лишь ограничили, но не смогли полностью преодолеть хищнические проявления в своей структуре и хищнический характер действия закона преимущественного развития в своей среде, так и человек с помощью орудий труда способен лишь ограничить, но не преодолеть то, что порождено в нем неисчерпаемой природой. Для этого необходимо изменение самой природы человека. И рано или поздно общество к этому приступит»².

Основываясь на вышеперечисленном, А.М. Ковалев делает вывод, что «человеческое общество, находясь в неадекватных условиях, создавая вторую природу через всевозможные препятствия, неуклонно движется по пути утверждения у себя справедливости и рациональности. Однако парадокс заключается в том, что, создавая справедливость и рациональность, внутри оно углубляет иррациональность своего развития с внешней природой. Из этого можно заключить, что в будущем человечеству, по всей вероятности, придется переключить свои усилия из устранения несправедливости и иррациональности внутри общества на преодоление иррациональности в отношениях с внешней природой»³.

А.М. Ковалев добавляет, что «до сих пор основное назначение второй природы состояло в том, чтобы соответствовать природе человека и создавать условия, адекватные ее потенциям и требованиям и влиять на некоренные факторы окружающей среды в интересах человека, подчиняясь ее коренным требованиям. В настоящее время вторая природа достигает таких размеров и масштабов, что может подчинить себе природу человека и оказать разрушительное влияние на окружающую природу. Если такое произойдет, если человек станет наносить больше вреда природе, чем приносить ей пользы, то природа не посчитается с ним, как она не посчиталась с мамонтами и другими видами, которые были устранены в процессе эволюции. Но будем надеяться, что такого не произойдет»⁴.

Таким образом, А.М. Ковалев рассмотрел проблему социально-справедливого общества и выявил возможные пути его достижения в будущем.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 686.

⁴ Там же.

Библиография

1. *Гуторов В.А.* О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43.
2. *Гуторов В.А., Соболев В.А., Ширинянец А.А.* Концепция справедливого общества А.М. Ковалева в контексте современных политико-философских дискуссий // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2023. Т. 1. № 3. С. 7–31.
3. *Ковалев А.М.* Социально-справедливое общество – утопия или возможность. М., 2005. 698 с.
4. *Коваленко В.И., Соболев В.А.* «Закон политики – создавая новое, следует опираться на достигнутое, не ломать старого»: к 100-летию А.М. Ковалева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 330–347.
5. *Соболев В.А.* А.М. Ковалёв о социально-политических преобразованиях в XX веке и их последствиях // SCHOLA-2023: сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М., 2023. С. 53–60.
6. *Соболев В.А.* Вклад А.М. Ковалева в развитие политической науки и образования в Московском университете // История социально-политической мысли: полвека преподавания и исследований: сборник статей и материалов к 50-летнему юбилею кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова / под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М., 2022. С. 148–152.
7. *Соболев В.А.* Вклад А.М. Ковалева в развитие политической науки и образования в России // Политическая наука и политологическое образование в России: основные вехи, проблемы, перспективы (к 30-летию образования отделения политологии в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова) / под общ. ред. проф. В.И. Коваленко. М., 2022. С. 146–152.
8. *Соболев В.А.* Значение идейно-теоретического наследия А.М. Ковалева для становления политологии в России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 2 (63). С. 136–141.
9. *Соболев В.А.* История политической науки в России. М., 2022. 200 с.
10. *Соболев В.А., Филлимонов К.Г.* Советская политологическая традиция в университетах: о политике и политической науке в работах А.М. Ковалёва // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 161–168.
11. *Шутов А.Ю., Соболев В.А.* Становление политической науки в СССР: к 30-летию официального признания // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 28–38.

Талеров Павел Иванович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры УСП инженерно-экономического факультета Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

Санкт-Петербург, Россия

ЛЕВ ТОЛСТОЙ ПРОТИВ НАСИЛИЯ И ГОСУДАРСТВА

Аннотация

Статья посвящена анализу христианского мировоззрения Л. Н. Толстого, взглядам писателя на социальную роль государства с его аппаратом принуждения. В своих философско-социологических рассуждениях Толстой приходит к анархистскому отрицанию государства со всеми характерными ему властными атрибутами. Этическое учение великого русского писателя и философа строится на принципах непротравления и любви.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, анархо-христианство, насилие, непротравление злу насилием, нравственность, государство.

Как известно, Толстой не относил себя к анархистам, даже активно выступал против таких высказываний, однако большинство его идей весьма органично укладываются в анархистскую доктрину. Это касается негативного отношения к государству и праву, собственности и насилию. Государство, по учению Толстого, объявляется "идолом", его необходимо отвергнуть, независимо от формы – будь то: «абсолютная монархия, конвент, консулат, империя первого или третьего Наполеона или Буланже, конституционная монархия, коммуна или республика». Собственность же основана «на насилии, на убийстве и на угрозах ими» и является господством имущего над неимущим, ведущим к тому, что «произведения человеческого труда всё более и более переходят от массы трудового народа в руки нетрудящихся людей». Единственным путём изменить такое положение в обществе – преобразовать человеческие взаимоотношения на началах *любви*: люди, познавшие христианскую истину, должны убедить как можно больше людей в том, как необходимо преобразование, а далее, через отказ в повиновении, в конечном счете, будут уничтожены государство, право и собственность и установлен новый порядок. Государство при этом заменит *общественная жизнь*, основанная на заповедях любви, которые будут спланировать в одно общественное целое то духовное влияние, которое оказывают развитые личности на своих менее развитых соплеменников. Распределение произведенного продукта Толстой представлял подобно тому, как это осуществляется при общинном землевладении и в артельном (кооперативном) производстве. При этом "*своими*" можно называть только результаты *своего* труда, которые дают «человеку столько, сколько ему надо»¹.

Источник несправедливости и жестокости современного общества Лев Толстой видит в поддерживающем иерархическое социальное устройство «эгоизме людей, продающих свою свободу и честь за свои маленькие материальные выгоды». Для того, чтобы прекратить угнетение народа и ненужные войны и чтобы «никто не возмущался на тех, кто кажется виновниками их, и не убивал их, надо <...>, чтобы люди понимали вещи, как они есть, и называли их настоящими именами», а также *пробуждались* от того гипноза, в котором их старательно держат правительства.

¹ Эльцбахер П. Суть анархизма. М., 2009. С. 195, 213, 212, 218.

Насильственные средства борьбы со злом бессмысленны, поскольку, наоборот, они усиливают зло в мире. *Не убийствами* надо бороться с революционерами, а *духовно*, предлагая этим людям такой идеал, который «был бы выше их идеала, включал бы в себя их идеал» (общий достаток, равенство, свобода), а также «идеал любви, прощения и воздания добра за зло». На смену «соединения людей, основанного на насилии» должно прийти, по мнению мыслителя, *христианское миропонимание* жизни, на котором и следует «основать свою жизнь и свое единение» – «царство Божие на земле», и для чего необходимо «признать только одну простую и ясную <...> истину о том, что человек не должен убивать человека»¹.

Писатель признаёт современное ему общественное устройство (а с тех пор оно, по сути, мало чем изменилось) противным *природе человека*, поскольку «всякое личное благо человека приобретает страданиями других людей», весь сложный механизм учреждений имеет целью насилие, а ответственность за совершаемые преступления организована таким образом, «чтобы никто не чувствовал противостественности этих поступков». Но только добром можно исправить мир насилия. «Только добро, встречая зло и не заражаясь им, побеждает зло». Насилие, по мнению мыслителя, это не столько *позорный* поступок, сколько поведение, которое лишает человека *истинного* счастья: «радость жизни есть только та, которую не нужно ограждать насилием, <...> высшее уважение заслуживает не тот, кто отнимает или удерживает своё от других и кому служат другие, а тот, кто больше отдаёт своё и больше служит другим». В своих рассуждениях о философском смысле христианского учения Толстой доходит до *анархистского отрицания* государства со всеми свойственными ему атрибутами насилия, служащими разделению людей и являющимися признаком дикого невежества².

Апофеозом христианскому анархизму стал философский трактат Л. Н. Толстого «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (1890–1893). Резко критикуя государство, писатель отмечает трудность избавления от насилия из-за сложности и хитрости государственного насилия, которое поддерживается четырьмя средствами: устрашением, подкупом, гипнотизацией и военной силой. И даже свержение государственной власти не избавит от этого насилия, поскольку в сознании людей издревле сохраняется *языческое* жизнепонимание. Освобождение, по искреннему мнению Толстого, совершится только при *изменении восприятия* человеком своей жизни, принятия истинного христианского жизнепонимания³...

Как сторонник непротивления злу насилием и народного совместного (*коммунального*) хозяйствования Лев Толстой выступал за сохранение *общинности* в крестьянском мироустройстве, полагая, что именно здесь скрывается основа *гармонии и справедливости* общественной жизни. Вряд ли можно достичь какого-либо успеха репрессиями со стороны правительства, но стоит только начать «содействовать уничтожению давней, великой, общей всем народам жестокой несправедливости земельной собственности» тотчас же примкнут «все лучшие люди всех партий, <...> стомиллионное крестьянство». Общественное мнение также будет на стороне такого реформатора⁴.

¹ Толстой Л. Н. Не убий (1900) // Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 34. М., 1952. С. 204–205; Письмо Императору Александру III. 8–15 марта 1881 г. // Там же. Т. 63. М., 1934. С. 52; Не убий никого (1907) // Там же. Т. 37. М., 1956. С. 49–50.

² Толстой Л. Н. В чём моя вера? // Там же. Т. 23. М., 1957. С. 318, 328, 332, 334, 369.

³ Толстой Л. Н. Царство божие внутри вас // Там же. Т. 28. М., 1957. С. 299–301.

⁴ Толстой Л. Н. Письмо П. А. Столыпину, 26 июля 1907 г. // Там же. Т. 77. М., 1956. С. 166–167.

Проповедуя идеи равенства, братства людей, общности имущества, *непротивления злу насиллием*, Лев Толстой считал, что эти христианские основы жизни сделаются со временем «столь же естественными и простыми, какими теперь нам кажутся основы жизни семейной, общественной, государственной». Это единственный путь *разорвать* круг насилия, созданный многовековыми усилиями государственной власти. Насилуемые при этом наивно верят, что «правительства существуют для их блага; что без правительств они погибли бы; что мысль о том, что люди могут жить без правительств, есть кощунство, которое нельзя даже и произносить; что это есть – почему-то страшное – учение анархизма, с которым соединяется представление всяких ужасов»¹.

Христианский анархизм Л. Н. Толстого занимает особое положение по отношению к анархистским воззрениям М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина. Если последние пришли к атеистическому отрицанию религии как основы социальной иерархии и, в конечном счёте – насилия над личностью, то Лев Николаевич, наоборот, именно в христианской религии видел основы *мироустройства*, перспективы *освобождения* общества от государственного и всех прочих разновидностей насилия. Сущность всякой религии великий русский писатель видел в *отношении* человека к окружающему его бесконечному миру, «или началу и первопричине его, и разумный человек не может не находиться к каком-нибудь отношению к нему». Поэтому человек *не может жить* без религии (без какого-либо отношения к миру), так же как невозможно представить человека без сердца².

Правила, которые диктовала церковь, нисколько не приближали Толстого к дорогому ему «христианскому настроению и, скорее, удаляли от него». Больше всего великого русского писателя возмущало то, «что всё зло людское – осуждение частных людей, осуждение целых народов, осуждение других вер и вытекавшие из таких осуждений: казни, войны, всё это оправдывалось церковью». С другой стороны, учение Христа о смирении, неосуждении, прощении обид, о самоотвержении и любви «на словах возвеличивалось церковью, и вместе с тем одобрялось на деле то, что было несовместимо с этим учением». В поисках христианской истины Толстой углубился в анализ Евангелия. По мнению мыслителя, слова «*не противиться злу или злему*», понятые в их прямом значении, были для него откровением – тем ключом, открывшим ему буквально всё. А не противься злему – значит «не противиться злему никогда, т. е. никогда не делай насилия, т. е. такого поступка, который всегда противоположен любви»³.

Выступив таким образом со своими откровенно анархистскими воззрениями в *оппозиции* к официально действующему духовному ведомству, Лев Толстой тем самым навлек на себя недовольство и репрессии со стороны Русской православной церкви, попытавшейся хотя бы формально отлучить строптивного писателя от церкви и отдавшей приказ повсеместно предавать его имя анафеме (что и было сделано). Хотя на самом деле конфликт сводился к *теологическому спору*, но уж очень неординарной личностью был Лев Николаевич, да и полюбовно решить проблему не представлялось возможным именно из-за особого статуса РПЦ. Как можно было изменить политику государства и церкви, устранившись от правления или хотя бы ослабив своё влияние на общее состояние дел в обществе?..

¹ Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас // Там же. Т. 28. М., 1957. С. 89, 134–136, 158.

² Толстой Л. Н. Религия и нравственность // Там же. Т. 39. М., 1956. С. 3–19.

³ Толстой Л. Н. В чём моя вера? // Там же. Т. 23. М., 1957. С. 311–313.

Подытоживая вышесказанное, можно констатировать особое, отличное от других классиков анархизма, отношение Л. Н. Толстого к насилию и государству, что продиктовано сформировавшимся во второй половине жизни русского мыслителя анархо-христианским мировоззрением с его концепцией непротivления злу насилием и христианской любви.

Библиография

1. Толстой Л. Н. В чём моя вера? // Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 23. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. С. 304–465.
2. Толстой Л. Н. Не убий (1900) // Там же. Т. 34. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1952. С. 200–205.
3. Толстой Л. Н. Не убий никого (1907) // Там же. Т. 37. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1956. С. 39–54.
4. Толстой Л. Н. Письмо Императору Александру III. 8–15 марта 1881 г. // Там же. Т. 63. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1934. С. 44–56.
5. Толстой Л. Н. Письмо П. А. Столыпину, 26 июля 1907 г. // Там же. Т. 77. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1956. С. 164–170.
6. Толстой Л. Н. Религия и нравственность // Там же. Т. 39. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1956. С. 3–26.
7. Толстой Л. Н. Царство божие внутри вас // Там же. Т. 28. М.: Гос. изд-во «Худ. лит.», 1957. С. 1–306.
8. Эльцбахер П. Суть анархизма. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2009. 351 с.

Тальская Ольга Дмитриевна

Кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ: ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация

Взаимоотношения Российской империи с Туркестаном складывались в условиях так называемой Большой игры, где крайне важным было отстоять свои геополитические интересы и не дать сопернику проникнуть в регион. Существует множество оценок этих событий и вопрос присоединения часто считают колониальной экспансией Российской империи, однако существовала объективная необходимость в подобном формате взаимодействия и возможно было бы сложно представить себе иную. Именно об этом и пойдет речь в данной статье.

Ключевые слова: история социально-политических учений, Российская империя, Большая игра, Центральная Азия, политико-текстологический анализ.

Процесс присоединения Средней Азии Российской империей был сопряжен со сложными геополитическими процессами, связанными не только с противостоянием России, Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Одним из важных аспектов,

усложнявших продвижение политики Российской империи в регионе, было соперничество с Британской империей. Взаимодействие двух империй было многогранным и неоднозначным, в связи с чем получило название «Большая игра».

В регионах Восточной и Средней Азии Российская империя столкнулась с колониальными амбициями Британской империи. Геополитическая битва в результате столкновения интересов двух мировых империй привела к тому, что в регионе возникла сложная и противоречивая система как противоборства, так и сотрудничества. Как отмечает Е.Ю. Сергеев, сложившаяся ситуация была ближе к соперничеству, чем к войне, страны стремились получить господство над регионом¹.

Усилия в Средней Азии Российской империи не ограничивались внешней политикой, однако в контексте имперской системы для благополучия внутренней политики необходимо было прежде всего покорение новых территорий. В этом контексте «Большая Игра», соперничество с Великобританией, оказалась положительным фактором, т.к. создавала возможность усиления влияния Российской империи в Средней Азии².

При этом реализация политики Российской империи в регионе была связана с преодолением множества вызовов и сложностей. Идеологическая политика проводилась без достаточного обоснования, ведь главная идея заключалась в том, что монарх вправе устанавливать свои порядки в своей империи, которые не требуют дополнительного пояснения. В случае с национальным вопросом проблема идеологического обоснования заключалась в подтверждении мощи Российского государства³. П.Б. Струве писал следующее: «Всякое сложившееся государство есть как бы некая личность, у которой есть свой верховный закон бытия. Для государства этот верховный закон его бытия гласит: всякое здоровое и сильное, т.е. не только юридически «самодержавное» или «суверенное», но и фактически самим собой держащееся государство желает быть могущественным. А быть могущественным значит обладать непременно «внешней» мощью»⁴. Таким образом, идея собирания национальных окраин, а также применение разных методов управления объясняется задачей сохранения сильной державы во главе с монархом.

Присоединение Средней Азии к Российской империи имело огромное значение, и прежде всего, в торговой сфере, где ханства для Российской империи становились более важными торговыми партнерами, чем европейские страны, с рынков которого российские товары постепенно вытеснялись. Интерес купеческих слоев возрастал день ото дня. Бурное промышленное развитие Российской империи продолжало требовать новых рынков сбыта. В министерства финансов и иностранных дел подавались петиции и докладные записки с ходатайствами о «создании в Средней Азии благоприятных условий для деятельности русского купечества»⁵.

Процесс присоединения Средней Азии к Российской империи к концу XIX в. позволил Российской империи установить контроль над среднеазиатским регионом.

¹ См.: *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 62.

² См. подр.: *Андерсон К.М., Тальская О.Д.* Обоснование среднеазиатской политики Российской империи в контексте «Большой игры» // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 2. С. 22–30.

³ *Тальская О.Д.* Национальный вопрос в отечественной общественно-политической мысли XIX века (среднеазиатский контекст) // Вестник Российской нации. 2017. №6. С. 63–75.

⁴ *Струве П.Б.* Великая Россия // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М. 2004. С. 210.

⁵ *Халфин Н.А.* Политика Российской империи в Средней Азии (1857–1868 гг.) М.: Издательство восточной литературы, 1960. С. 92.

Уже находясь в статусе сюзерена Бухары и Хивы, Российская империя приблизилась к границам британской колонии в Индии. Противостояние Российской империи и Англии оказалось тесно связанным с их политикой и амбициями в регионе. Попытки укрепить свое положение в Средней Азии и обезопасить свои владения привели к возникновению сложной и неоднозначной системы соперничества и сотрудничества, в рамках которой использовались дипломатические комбинации, в которые вовлекались как страны региона, так и другие заинтересованные государства. Сложная система этих комбинаций напоминала форму игры или соревнования, победа в котором предполагала контроль над обширными территориями. Именно неоднозначность этой системы взаимодействия, характер соперничества, а не прямого военного конфликта, привел к тому, что это явление получило название «Большая игра».

С геополитической точки зрения экспансия Российской империи в Туркестане обосновывалась необходимостью защиты географических границ Российской империи. Полагалось, что важной целью было расширение территорий до естественных непреодолимых рубежей, таких как водоемы, пустыни и горы. Кроме того, кочующие народы Средней Азии осуществляли набеги на русские земли. Считалось, что эффективным методом борьбы с этой проблемой было бы приведение этих народов к российскому подданству и принуждение их к российским законам. Одним из представителей данного направления мысли был М.А. Терентьев.

Политика Российской империи интересна следующим. Запад видел себя в качестве двигателя цивилизации, что делало Азию «придатком», территорией колониального владения. Российская империя в этом контексте обладала уникальным положением на стыке Европы и Азии, в связи с чем могла увидеть особую сторону межцивилизационного взаимодействия, а именно обратное воздействие Азии на Европу.

Одними из первых в русской культуре это отметили в середине XIX века С.С. Уваров и С.П. Шевырев. «Уваров и Шевырев показали как общее влияние Востока и Азии на европейскую культуру, так и частные примеры культурного влияния... При наличии единых нравственно-этических ценностей мировая культура не становится единообразной, наоборот, данные истины позволяют культуре того или иного народа раскрыться в полном многоцветии. Более того, сочетание этих истин и народных особенностей могут дать наивысший расцвет и подъем»¹. Так описывается концепция, согласно которой и «Восток», и «Запад» влияют друг на друга в процессе взаимодействия. Более того, такое взаимодействие показывается как желательное и позволяющее взаимодействующим культурам эффективно развиваться.

В свое время В.И. Вернадский отмечал, что «Российская империя по своей истории, по своему этническому составу и по своей природе – страна не только европейская, но и азиатская. Мы являемся как бы представителями двух континентов, корни действующих в нашей стране духовных сил уходят не только вглубь европейского, но и вглубь азиатского былого; силы природы, которыми мы пользуемся, более связаны с Азией, чем с Европой, и мне кажется, что название «Восточная Европа», которое почти совпадает с понятием «Европейская Российская империя», далеко не охватывает всего того различия, какое представляет сейчас наше государство

---

¹ Горохов А.А. Идея единства мировой культуры в русской консервативной социально-политической мысли XIX века // Вестник российской нации. 2012. №1. С. 100–101.

в общем сонме европейских стран...»¹. В этом контексте он обращает внимание на Азию: «Для нас, – писал В.И. Вернадский, – Сибирь, Кавказ, Туркестан – не бесправные колонии. На таком представлении не может быть построена база русского государства. Она может быть основана на равноправии всех русских граждан»². В его представлении Российская империя с цивилизационной точки зрения может создавать условия для равноправного сосуществования различных вопросов, тем самым положив конец национализму³. Несмотря на такое оптимистичное и патриотичное описание задач российской цивилизации В.И. Вернадским, необходимо отметить, что в рассматриваемый период Россия была именно империей и проводила соответствующую политику.

Таким образом, ситуация внешнеполитического давления, с одной стороны, и необходимость межкультурного диалога, продиктованная внутренними условиями, с другой, создали почву для подобного взаимодействия Российской империи и региона Центральной Азии.

Библиография

1. *Андерсон К.М., Тальская О.Д.* Обоснование среднеазиатской политики Российской империи в контексте «Большой игры» // Вестник Московского государственного областного университета, 2019, № 2. С. 22–30.
2. *Вернадский В.И.* Очерки и речи. М.: Наука, 1922.
3. *Вернадский В.И.* Публицистические статьи. М.: Наука, 1995.
4. *Горохов А.А.* Идея единства мировой культуры в русской консервативной социально-политической мысли XIX века // Вестник российской нации. 2012. № 1.
5. *Козиков И.А. Д.И. Менделеев и В.И. Вернадский о цивилизационных особенностях Российской империи* // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование, 2016. № 6. С. 123–131.
6. *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012.
7. *Струве П.Б.* Великая Россия // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М. 2004. С. 210.
8. *Тальская О.Д.* Национальный вопрос в отечественной общественно-политической мысли XIX века (среднеазиатский контекст) // Вестник Российской нации. 2017. №6. С. 63–75.
9. *Халфин Н.А.* Политика Российской империи в Средней Азии (1857–1868 гг.) М.: Издательство восточной литературы, 1960.

---

¹ *Вернадский В.И.* Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 63–64.

² *Вернадский В.И.* Очерки и речи. М.: Наука, 1922. С. 152.

³ *Козиков И.А. Д.И. Менделеев и В.И. Вернадский о цивилизационных особенностях Российской империи* // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование, 2016. № 6. С. 123–131.

Тарасов Иван Евгеньевич

Студент бакалавриата департамента политологии и социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

ПРОБЛЕМА НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В РАБОТАХ И. В. СТАЛИНА

Аннотация

Статья критически рассматривает подход И. В. Сталина в изучении проблем нации и национального самоопределения, определяя основные аспекты научного изыскания и находя некоторые противоречия сталинского подхода к разрешению национального вопроса и марксистской парадигмы.

Ключевые слова: нация, национальное самоопределение, национальная идентичность, классовая идентичность, культурно-национальная автономия, областная автономия.

Многонациональный характер российского государства является его системообразующей особенностью, требующей детальной разработки проблематики этноса, нации и национальности, теоретического осмысления понятий и их особенностей. Большую роль в изучении национального вопроса сыграл И. В. Сталин, рассматривая его в работах «Марксизм и национальный вопрос», «Марксизм и вопросы языкознания», «Национальный вопрос и Ленинизм» и др. Несмотря на явный идеологизированный оттенок наследия Сталина в этой отрасли, его работы необходимо изучать для совершенствования национальной политики и научной разработанности проблематики.

Сталин определяет нацию как исторически сложившуюся устойчивую общность людей, имеющую одновременно общность языка, территории, экономической жизни и духовный облик, который Сталин обозначает как «национальный характер» – своеобразный культурный, психологический склад, свойственный всем представителям нации¹. Если у общности людей отсутствует хоть один из перечисленных признаков, то нация не образовывается. Так, Сталин совместно с нацией выделяет государственную общность, которая в сравнении с нацией не имеет общности языка, а значит, не может ей являться.

Формирование наций неразвязно связано с процессом ликвидации феодализма и развитием капитализма – до этого, по мнению Сталина, нельзя говорить о существовании наций². Кроме того, установление капитализма, формирование национальных рынков и наций привели к образованию национальных языков³, которые одновременно ведут к усилению идентичности людей внутри нации и к осложнению интеграции всей человеческой общности.

Большую роль играет национальная буржуазия, которая манипулирует нацией ради своих собственных интересов: «Она апеллирует к “родным низам” и начина-

¹ Сталин И. В. «Марксизм и национальный вопрос» // Госполитиздат, 1952, С. 5-8. [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/dwLL6QAMYzuj7>

² Фадеичева М. А. Марксистские версии решения национального вопроса: Иосиф Сталин / М. А. Фадеичева // Вестник Российской нации. 2013. № 1-2(27-28). С. 66

³ Сталин И. В. «Марксизм и вопросы языкознания» // Госполитиздат, 1953, С. 13. [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/lC1xWJKl2fXV4>

ет кричать об “отечестве”, выдавая свое собственное дело за дело общенародное»¹. Такая парадигма ведет к устранению субъектности нации: нация, по мнению Сталина, не может иметь собственных интересов и, следовательно, продвигать их как общие интересы всех (или большинства) членов нации, а значит, и всех классов. Она служит тем, кто имеет власть – буржуазии и бюрократии (служащей буржуазии) или пролетариату, победившему буржуазию и установившему диктатуру пролетариата.

В работе «Марксизм и национальный вопрос» Сталиным формируются два на первый взгляд противоречащих друг другу тезиса:

1. В интересах пролетариата объединение всех членов класса в интернациональную общность вне зависимости от их национальной идентичности;
2. Нация имеет право на самоопределение.

Для определения характера взаимосвязи тезисов необходимо понимать: при каких условиях нация имеет право на самоопределение? При буржуазном или пролетарском государстве? Насколько целесообразно в марксистской парадигме давать право на самоопределение нации, которой двигает буржуазия, по определению антагонистичная в своих интересах пролетариату? Если нация живет по принципам диктатуры пролетариата, то насколько релевантно подыгрывать национальной идентичности, если реальной целью пролетариата в марксистской парадигме является разрушение всех национальных преград и единая классовая общность с дальнейшим уничтожением классов? Единственное, что указывает Сталин: национальный вопрос должен решаться в соответствии с исторической конъюнктурой. Однако, на наш взгляд, это не снимает существующего противоречия.

Единственным разрешением противоречия тезисов, на наш взгляд, может являться уточнение о присутствии временных наций, существующих в условиях победы пролетарских революций и стремящихся к своему замещению формирующейся общемировой идентичностью пролетариата исключительно на классовой основе, но такого уточнения, как минимум, в работе Сталина «Марксизм и национальный вопрос» нет. Замечание Сталина «Сплочение на местах рабочих всех национальностей России в единые и целостные коллективы, сплочение таких коллективов в единую партию – такова задача»² как средство против межеевания рабочих по национальностям на самом деле не разрешает данное противоречие: национальная идентичность, если она не будет разрушена, будет являться пороховой бочкой в интернациональном социалистическом государстве.

В работе «Марксизм и вопросы языкознания» Сталин частично подтверждает предложенное нами утверждение. Говоря об важнейшем элементе нации (языке), он подчеркивает: «Марксизм считает, что переход языка от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества»³. Значит, такая же ситуация аналогично может быть применена и к носителю языка – нации, которая со временем уступит свое место единой коммунистической общности. Только

---

¹ Сталин И. В. «Марксизм и национальный вопрос» // Госполитиздат, 1952, С. 15. [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/dwLL6QAMYzuj7>

² Там же. С. 58

³ Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания // Госполитиздат, 1953, С. 28. [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/IC1xWJKI2fXV4>

так самоопределение пролетарских наций на первых порах победы пролетарских революций может быть релевантно.

Рассматривая возможности самоопределения наций, Сталин категорично отвергает форму культурно-национальной автономии ввиду отсутствия у нее реальных возможностей управления, искусственного характера формирования, риска развития национализма¹ – такая форма самоопределения наций не только в действительности обостряет национальный вопрос, но и ведет к размежеванию рабочего класса, ставящего во главу угла национальную идентичность. Культурно-национальной автономии Сталин противопоставляет областную автономию, которая, по его мнению, является единственно верным решением. Такой формат самоопределения наций позволяет создать автономии с определенной территорией с определенным населением, имеющим кроме одной нации национальные меньшинства, что, по мнению Сталина, ведет к снижению национализма и национальной идентичности, которая при социалистическом устройстве общества будет заменена классовой идентичностью. Кроме того, областная автономия имеет уже сложившиеся органы управления и способна самостоятельно использовать имеющиеся у нее ресурсы для своего развития.

Таким образом, при рассмотрении работ И. В. Сталина по проблематике нации и национального самоопределения на наш взгляд можно выделить ряд тезисов:

1. Нация – определенная исторически сложившаяся устойчивая общность людей, имеющая одновременное наличие 4-х признаков: общность языка, общность территории, общность экономической жизни и национальный характер;

2. Нация не может одновременно удовлетворять интересы всех ее членов. Она служит только тому классу, который имеет власть на определенный момент;

3. Соотношение национального самоопределения и марксизма в работах Сталина имеет противоречивый характер: с одной стороны, нация, имеющая под собой преобладающую над остальным национальную идентичность, имеет право на самоопределение, а с другой – пролетариат должен превыше всего иметь классовую идентичность;

4. Культурно-национальная автономия не разрешает национальный вопрос, а значит, отвергается как форма национального самоопределения. Единственно верным решением вопроса является областная автономия.

Библиография

1. *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Госполитиздат, 1952. С. 64. [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/dwLL6QAMYzuj7>
2. *Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания // Госполитиздат, 1953. С. 60. [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/IC1xWJK12fXV4>
3. *Фадеечева. М. А.* Марксистские версии решения национального вопроса: Иосиф Сталин // Вестник Российской нации. 2013. № 1-2(27-28). С. 63–73.

---

¹ *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Госполитиздат, 1952, С. 56. [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/dwLL6QAMYzuj7>

Черепанова Розалия Семёновна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет
Челябинск, Россия

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ Н.В. ГОГОЛЯ

Аннотация

В статье реконструируется и идентифицируется как консервативно-романтическая утопия социально-политическая программа Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: антибуржуазность, авторитаризм, мессианство, морализм, утопия.

На карте русской социальной философии Н.В. Гоголь выступает одинокой фигурой. Православная церковь не приняла его религиозно-богословских опытов; официальный правительственный курс не одобрил его консерватизма; западники не согласились с его апологией государственности, а славянофилы не разделили его национализма.

При этом, вплоть до настоящего времени (и это подтверждают новейшие исследования) социально-политические идеи Гоголя остаются в тени его литературного или религиозного творчества, хотя сам он, напротив, с юного возраста главной своей миссией считал общественную проповедь.

Важнейшей исходной точкой для дальнейших теоретических построений Гоголя выступает острое ощущение им наступающей Апокалиптической битвы, вызванной победным шествием капиталистических отношений.

При поверхностном взгляде антибуржуазность Гоголя легко принять за антизападничество, как, видимо, и обманулись в свое время славянофилы, опрометчиво зачислив писателя в свой лагерь. Действительно, Гоголь достаточно нелюбезно описывал суету современной ему западной цивилизации. Однако идеал и спасение Гоголь видел поначалу не вне Запада, а в самом его ядре, центре его культуры, его родине – Италии, стране, в которой в то время экономическое и политическое развитие протекало чрезвычайно замедленно.

Не от Европы вообще отворачивалось сердце Гоголя, как посмели надеяться славянофилы, но от *современной ему буржуазной Европы*; и не Европу вообще видел он своим идеалом, как склонны были поначалу считать западники, но именно средневековую Европу, сам средневековый порядок вещей.

Когда же в конце 1840-х гг. стало совершенно очевидным, что «буржуазного разложения» не остановить даже в Италии, Гоголь перенес свою средневековую тоску, мечту и надежду в Россию.

Прежде всего, объяснял писатель, попытки построить счастье человечества на пути чисто внешних перемен, вне истины Христа, приводят в тупик: «стали уже сурьезно задавать друг другу вопросы: «Зачем эта скорость сообщений? Что выиграло человечество через эти железные и всякие дороги, что приобрело оно во всех родах своего развития и что пользы в том, что один город теперь обеднел, а другой делался толкучим рынком да увеличилось число праздношатающих по всему

миру?» В России давно бы завелась вся эта дрянь сама собою, с такими удобствами, каких и в Европе нет, если бы только многие из нас позаботились прежде о деле внутреннем так, как следует»¹. Потому как христианская истина все движет вперед, христианин везде полезен, он «на всяком месте мудрец», всегда «идет вперед», учится у жизни и своих братьев. В этом смысле особый спрос налагается на людей искусства, чей долг перед обществом и перед Богом – сеять семена созиданья, душевного примирения и успокоения; искусство, если угодно, – род проповеди, «поучение». Вот почему идейные искания художника могут быть прямо опасны для общества и нанести ему непоправимый моральный вред; что для художника было минутным заблуждением, отвергнутым последующими рассуждениями, то для общества может стать пагубным направлением целой эпохи².

Россия, в понимании Гоголя, должна воскресить человечество для жизни во Христе. Орудие же реализации Божественного Промысла в России – царская власть, а Европа потеряла подлинный смысл монархии, как потеряла подлинное понятие Церкви и Бога. Нынешнее состояние России есть подготовка великих перемен. Но не явился пока духовный вождь, который указал бы ясно цель и крикнул «вперед» русскому человеку, жаждущему повсеместно этого клича. В любом случае, рано или поздно, по мнению Гоголя, мы еще научим Европу мудрости³.

Заметим, что консерватор Гоголь заменяет социальный реформизм *духовной революцией*. Оттого Гоголь одновременно и охранитель существующего порядка, и революционер, взрывающий его.

Так же революционно, вместо заповеди любви Гоголь предлагает заповедь ограничения любви и привязанности к близким. Эта любовь от ума, а не от сердца, вносит в философию Гоголя тот рационализм, от которого писатель предварительно отрекался.

Рационален у Гоголя и истинно нравственный, христианский брак. В самом «основании христианского союза должно лежать спасение души» (а не любовь, заметим), считает Гоголь: «В него вступать как в Божью пустынь, монастырь...»⁴.

Монастырь у Гоголя при этом означает не столько возвышенную духовность и постижение истины, сколько рациональные аскетизм, смирение и труд.

Совершенно по-протестантски, у Гоголя труд приносит высшее наслаждение. Можно отыскать у Гоголя и своеобразный протестантский демократизм, и специфический вариант учения о преопределении⁵.

Женская красота также послана на землю не случайно: у нее тоже есть свой рациональный долг – служить воспитанию нравственности. Та же задача предписана и искусству. В итоге, все мы посланы на свои места Богом и наделены своим индивидуальным долгом. Следовательно, насущная программа на будущее заключается в осознании и исполнении каждым своего личного долга на том посту, куда поставила его судьба⁶. Каждый чиновник поставлен на свое место не только государем, но и Богом. Оттого и служить нужно государству, как Богу. Законы также необходимо создавать по божеской справедливости и с мыслью о Боге⁷.

¹ Гоголь Н. В. Духовная проза. М., 1992. С. 199.

² Там же. С. 54–55.

³ Там же. С. 190.

⁴ Там же. С. 435.

⁵ Гоголь Н. В. Мертвые души. М., 1980. С. 342, 354, 309, 312.

⁶ См. об этом: Гоголь Н. В. Духовная проза. С. 411, 99, 109, 158, 47, 98, 62, 46, 200, 201, 314, 316.

⁷ Там же. С. 189, 124.

Рецепт экономического процветания и искоренения бедности сводится к введению уравнительного потребления – «христианской умеренности»¹. Все общество, проникаясь христианским духом, становится живой Церковью². Но при этом общество еще и сливается с государством, становится одним из его звеньев. При всем своем антибюрократизме, при всей ненависти к чиновничеству, Гоголь не столько уничтожает в своем проекте бюрократию, как касту, сколько распространяет ее функции на все общество. Ибо любой закон можно обойти, полагает Гоголь, но только не с христианским светом в душе. Именно поэтому вопрос об идеальном государственном устройстве для Гоголя по сути дела снят. Наш существующий механизм уже хорош, надо лишь вдохнуть в него животворный дух христианства. Опорой ему служит традиционный русский земледельческий быт, который сам по себе есть воплощенное христианство. Помещик, словно отец, должен следить за религиозностью и общей нравственностью своих крестьян; он, так сказать, выступает наместником Бога на локальном уровне³.

Не следует при этом пренебрегать судом и расправой, показательно-принародной и обязательно суровой, ибо только так воспитывается и народ, и человек, не достигший духовной зрелости и самостоятельности⁴. Помещику необходимо осуществлять нравственный надзор даже над священниками ввиду их невысокого культурного и нравственного уровня. Кроме духовных бесед, всякая ученость крестьянам только вредна и русский народ инстинктивно от нее чуждается⁵. Всевозможные либеральные эксперименты в деревне развращают русского мужика и приводят лишь к упадку хозяйства⁶.

Таким образом, идеальный мирок Гоголя статичен, замкнут, а морально-нравственные оценки привносятся даже в сферу экономики. Очевидно, что перед нами – не утопия идеализации существующего порядка, и даже не теократическая утопия (духовенство не представляет единой руководящей силы в программе Гоголя, напротив, оно подчинено функционально и духовно светской власти. Рационализм и в то же время мистический способ постижения истины (монархом, церковью, общиной), замкнутость, строгая иерархичность и статичность социума, сведение мировых законов на землю и сакрализация власти, аскетизм, тоталитарные тенденции (контроль над массами, идеологизация экономики и искусства), антибуржуазность и бегство от цивилизации в патриархальные отношения, эсхатологизм и миллениаризм, общий эстетизм и вера в бесконфликтность «естественной» жизни при авторитарном правителе позволяют отнести социальную философию Гоголя к разряду консервативно-романтических утопий.

Библиография

1. Венгеров С.А. Гоголь // Венгеров С. А. Собр. Соч. Т. 2. СПб., 1913.
2. Вересаев В. Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. – Вересаев В. Соч. В 4-х томах. Т.4. М., 1990.
3. Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 1992.

---

¹ Там же. С. 143.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 161, 162, 165.

⁴ Там же. С. 185, 186.

⁵ Там же. С. 156, 165.

⁶ См., напр.: Гоголь Н.В. Мертвые души. С. 252–253.

4. Гоголь Н.В. Мертвые души. М., 1980.
5. Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом аспекте. СПб., 1997.
6. Зеньковский В.В. Гоголь // Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М., 1997.
7. Кривонос В.Ш. Гоголь в русском литературном пространстве XIX – XX вв. М., 2021.
8. Мочульский К. Духовный путь Гоголя // Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.
9. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Гоголь. СПб., 1907.

Шмелева Ольга Юрьевна

Доктор политических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВОСПРИЯТИЯ ЕДИНСТВА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей социальной модели восприятия единства в истории социально-политической мысли России. Акцентируется внимание на структурных составляющих концепта «единство», его антиномичной природе, отсутствии «органического единства», баланса между «внешним» (принудительным) единством и уровнем социальной сплочённости, солидарности российского общества.

Ключевые слова: единство, модели восприятия единства, антиномичная природа единства, внутреннее единство, внешнее единство, диахронический анализ, модуляция единства, политическая культура.

Идея единства проходила красной нитью через всю историю социально-политической мысли России, поддерживалась различными «интеграционными образами» и символами (Богородица, Александр Невский и пр.). Ключевое значение ей придаётся в современном официальном дискурсе власти «как основы для выстраивания новой России». На разных этапах политогенеза реализация идеи единства была связана с осознанием риска разобщения, ослабления, «расчленения России», пониманием того, что «само единство [России] представляется угрозой»¹ внешним политическим акторам, Особую актуальность идеологема единства приобретает в условиях активизации сепаратистской риторики, открытых декларативных заявлений Запада о желании «видеть Россию расчленённой» (символическими

¹ Ильин И.А. Россия есть живой организм // О русском национализме. Сборник статей. М.: Российский фонд культуры, 2007. 152 с. С. 47–48.

выражениями последних стали, например, карта разделённой на 17 частей России¹, надпись на футболке Зеленского «make Russia small again» и др.); деструктивных практик политических оппонентов РФ на фоне информационной войны (кейс Северного Кавказа, как пример); структурного усложнения современного общества, а также ревизии смыслового наполнения данного концепта в условиях утверждения постмодернистской парадигмы («единство в многообразии»), связанной с отрицанием единства как субстанционального свойства реальности.

Идеальный образ российского государства на разных этапах исторического развития строился на представлениях о нём как о едином, целостном образовании. Тема единства (духовного, политического, территориального) стала ключевой в памятниках древнерусской литературы как одна из базовых скреп российской государственности. В дальнейшем тема единства реализуется через концепт централизованного государства, самодержавного характера власти князя, получившие широкое обоснование в социально-политической мысли (Посланиях Филофея, Ивана Грозного А. Курбскому, произведениях Максима Грека, Соборном уложении 1649 г. и др. источниках).

Диахронический анализ дискурсивных практик позволяет говорить о признании философами, общественными деятелями, политиками значимости *внутреннего единства*, понимаемого как «единение верховной власти и нации»; «единство верховной власти», «олицетворяемое единством княжеского рода»²; «органически духовное единение граждан между собою и единение их с властью»³, основанное на «общем, всенародном интересе, а не частных вожделениях ...»⁴. Важными слагаемыми внутреннего единства выступают также *ценностный консенсус*, основанный на «кооперации чувств, представлений и желаний особей, вступающих в общественное между собой взаимодействие», «направление в одну сторону разнообразных чувств, хотений и представлений посредством власти»⁵. Внутреннее единство в концепции И.А. Ильина дополняется представлением об «общенациональном братстве», рассматривавшего Россию как единый живой организм: географический, стратегический, религиозный, языковой, культурный, государственный», «водворить братское единение между народами», «расовый синтез»⁶.

Созвучные представления о целесообразности сохранения внутреннего единства как имманентной характеристики государственной состоятельности, стабильности отличают современный официальный дискурс власти, в котором концепт единства выступает одним из столпов формирующейся идеологии, русской

---

¹ Деколонизация России: моральный и стратегический императив. 23 июня 2022 г. Официальный сайт Комиссии правительства США по безопасности и сотрудничеству в Европе. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csce.gov/briefings/decouonizing-russia-a-moral-and-strategic-imperative/>

² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность [Электронный ресурс], URL: https://legitimist.ru/lib/ideology/018_ltihomirov_monarhicheskaya_gosudarstvennost.pdf?ysclid=m3c3vkk49q85538203

³ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 гг. В 2-х тт. Т. 2. М.: «Рарог», 1992. С. 15, 30–31.

⁴ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 гг. В 2-х тт. Т. 1. С. 129.

⁵ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность [Электронный ресурс], URL: https://legitimist.ru/lib/ideology/018_ltihomirov_monarhicheskaya_gosudarstvennost.pdf?ysclid=m3c3vkk49q85538203

⁶ Ильин И.А. Россия есть живой организм // О русском национализме. Сборник статей. М.: Российский фонд культуры, 2007. С. 33-34.

национальной идеи, ключевой ценностью¹. Он раскрывается преимущественно через понятия духовного единства, общих побед и достижений, славного прошлого. Идеино-смысловое наполнение единства связывается официальными лицами с межнациональным согласием, территориальной целостностью, национальной и гражданской идентичностью², «единством действий и помыслов людей», которое делает Россию «сильной и непобедимой»³. Результаты контент-анализа текстов выступлений официальных лиц, нормативно-правовых актов и концептуальных документов, в ходе которого было выявлено и проанализировано 86 лексических единиц, семантически связанных со словом «единство», позволили выделить семантическое ядро смысловых категорий, представленное такими понятиями, как: единство/единый (11), общее (6), общероссийская/гражданская идентичность (5), сплоченность (4), консолидация (3), вместе (3), объединяющая/объединение (3), сопричастность, целостность, согласие.

Таким образом, можно говорить об амбивалентной, антиномичной природе концепта единства, связанной с семантическим развитием (модуляцией) последнего в темпоральном измерении и одновременно константностью отдельных структурных элементов единства, формирующих *особую социальную модель восприятия единства* в российском обществе, специфика которой обусловлена влиянием совокупности факторов – политико-культурных, геополитических, социальных, архетипических паттернов. В частности, особенность российского понимания единства выражается понятием «общинность», «соборность» (А.С. Хомяков), предполагающих особый характер принятия решений – сообща, «всем миром»; находит отражение в практике консолидации общества вокруг верховного правителя (князя, царя, президента) в кризисные периоды российской истории. *Антиномичность* как политико-культурная характеристика российского общества также обусловила сущность и специфику онтологической модели единства, получила философское осмысление в концепциях Н.А. Бердяева, И.А. Ильина и др. Антиномичная природа единства раскрывалась через антитезы единства и многообразия, «Востока-Запада», «внешнего» (принудительного, «сверху») и «внутреннего» (солидарности снизу) единства, амбивалентное восприятие власти (царь хороший – бояре плохие). Н. Бердяев отмечал такую закономерность, как отсутствие «органического единства», «сочетание антиномических начал» в русской истории⁴, фокусировал внимание на «внешнем принудительном единстве» и отсутствии «внутреннего единства», социальной «разорванности», расколе между народом и верхним правящим классом»⁵. Внутренние антиномии единства присутствуют в работах К.С. Аксакова («единство основано на свободном согласии» и не может держаться на насилии)⁶, И.А. Ильина:

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>; Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70284810/#friends>

² Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. 12 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66181>.

³ Стенограмма выступления В.В. Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям 19 мая 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71165>

⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Бердяев Н.А. Сочинения / Сост. А.В. Гулыга. М.: «Раритет», 1994. С. 246, 255.

⁵ Там же. С.252-253.

⁶ Аксаков К.С. Краткий очерк Земских Соборов // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды / Сост. А.А. Ширинянц, А.В. Мартынова, Е.Б. Фурсова. М.: РОССПЭН, 2010. С.310.

«русское государство должно быть единым, но дифференцированным. Оно должно иметь сильный центр, децентрализующий все, что возможно децентрализовать без опасности для единства России»¹,

В практической плоскости формирование модели восприятия единства гражданами сталкивается с различиями, обусловленными социальными расколами, дифференциацией, рассогласованием ценностно-нормативных оснований общественной жизни, низким уровнем мотивации относительно социальной интеграции, веры в оправданность идеи единства. По результатам опроса, реализованного в октябре 2023 года в пяти регионах ПФО (выборка 1048 чел.), только 24% выбрали единство в качестве ценности, которая, по мнению респондента, может стать основой развития российского государства и общества в будущем.

Исходя из вышесказанного, стратегически значимым направлением политики становится обеспечение роста уровня солидарности «снизу», «органического единства», основанного на балансе вертикальных и горизонтальных практик его формирования, достижение которого невозможно без решения актуальных проблем – коррупции, бедности, дифференциации, клиентелизма и пр. В противном случае единство становится гипотетической идеей, мифологемой в рамках традиционный сценария достижения единства «сверху», а наличие «слабых» мест политики в данном направлении становится фактором политических рисков, повышает уязвимость общества перед манипулятивными практиками и технологиями в условиях информационной войны.

Библиография

1. Аксаков К.С. Краткий очерк Земских Соборов. // Избранные труды. Сост. А.А. Ширинянц, А.В. Мартынова, Е.Б. Фурсова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 305–318.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. // Сочинения. Сост. А.В. Гулыга. М.: «Раритет», 1994.
3. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. // Статьи 1948-1954 гг. В 2-х тт. Т.1-2. М.: «Рарог», 1992.
4. Ильин И.А. Россия есть живой организм // О русском национализме. Сборник статей. М.: Российский фонд культуры, 2007. 152 с.
5. Поучение Владимира Мономаха // Антология мировой политической мысли в 5-ти тт. Т. 3. М.: Мысль, 1993.
6. Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. 12 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66181>
7. Стенограмма выступления В.В. Путина на заседании Совета по международным отношениям 19 мая 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71165>
8. Тихомиров Л. Монархическая государственность. [Электронный ресурс], URL: https://legitimizist.ru/lib/ideology/018_ltihomirov_monarhicheskaya_gosudarstvennost.pdf?ysclid=m3c3vkk49q85538203
9. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70284810/#friends>

¹ Ильин И.А. Наши задачи. Т. 1. С. 312.

10. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>.

11. *Шириняню А. А.* М.Н. Катков и М.П. Погодин о национально-политическом единстве и целостности России // Катковский вестник: религиозно-философские чтения: к 190-летию со дня рождения М. Н. Каткова: сборник. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. С. 90–103.

12. *Шириняню А. А.* Социально-политическое единство и целостность России в русской политической мысли второй половины XIX века // От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности: Материалы Международной научной конференции, Москва, 28–29 сентября 2012 года. М.: Издательство Алетей, 2013. С. 363–373.

Шубина Екатерина Дмитриевна

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ИДЕИ О ПРИРОДЕ КОНФЛИКТА И СПОСОБАХ ЕГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В ПОСЛАНИЯХ ЦАРЯ ИВАНА IV И КНЯЗЯ А. М. КУРБСКОГО

Аннотация

В статье предпринята попытка выделения идей о сущности конфликта и способах его разрешения, содержащихся в посланиях русских духовно-политических мыслителей XVI в.: царя Ивана IV и боярина А. М. Курбского. Ключевые идеи мыслителей о конфликте содержат представления о роли противоположностей, личности, христианской религии и формы устройства государства в возникновении и разрешении противоречий.

Ключевые слова: история конфликтологических идей, духовно-политическая мысль России XVI в.

Для поддержания мира, в полной конфликтов жизни человечества, необходимым является изучение истории становления конфликтологии. Хотя, наука «конфликтология» появилась в России только на рубеже XX–XXI вв., полезные знания о конфликте мы можем обнаружить при изучении идей русских духовно-политических мыслителей XVI века. Значительный вклад в развитие российской духовно-политической мысли внёс царь Иван IV¹. Идеи о конфликте царя Ивана IV в его произведениях включают размышления о предпосылках возникновения противоречий, нормах во взаимоотношениях сторон для их предотвращения. Послания А. М. Курбского также являются ценным источником по изучению отечественной конфликтологии, так как в них представлены идеи об особенностях социальных и политических конфликтов, характерных для Российского государства во второй половине XVI века.

¹ *Перевезенцев С.В.* Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. 2-е изд. испр., доп. М.: Квадрига, 2023. С. 422.

Определяющую роль в возникновении конфликтов царь Иван IV отводил противоположностям: «нечестия» в противовес ключевой ценности средневековой Руси «благочестию»¹. Царь Иван IV полагал, что с «нечестием» зачастую связаны конфликтные противоречия во внешней политике. Так, царем выстраивалась определённая иерархия, по которой Российское государство ставилось выше Речи Посполитой, Англии и Швеции. Главным доказательством для Ивана Васильевича был тот факт, что только в России сохранилась истинная православная вера.

Следующим источником внутри- и внешнеполитических конфликтов, выделяемым царем Иваном IV было сопротивление порядку самодержавного устройства государства. Власть монарха, по мнению Ивана IV, никем и ничем не могла быть ограничена. На примере гибели Рима, Византии и Израиля царь приводил аргумент невозможности участия представителей церкви («попов») в исполнении власти: «понеже убо тамо быша царие послушные епархом и сигклитом, и в какову погибель приидоша»².

Причиной конфликта царь Иван IV видел и негативную, грешную природу человека³. По мнению царя, народ, склонный к совершению грехов, не должен иметь права на восстание против власти, так как это было бы преступлением не только против царя, но и против христианской веры: «яко противляйся власти богу противится; аще убо кто богу противится, – сей отступник именуется, еже убо горчайшее согрешение»⁴. Разрешение конфликтов, детерминированных негативной природой человека, царь считал возможным при построении сильного централизованного государства, содействии становлению самодержавного устройства.

Войну, как высшую и наиболее интенсивную форму конфликта, царь Иван IV также представлял по-особенному. Вероятно, царь придерживался принципа «справедливой» войны, так как связывал участие государства в конфликтах со стремлением к укреплению христианской веры. Присоединение Казани, например, по справедливости связывалось с прекращением многовековых страданий русского народа, находившегося под властью Орды⁵. Важным при управлении конфликтом, по мнению царя, было установление путем политических уступок союзнических отношений с главами других государств. С помощью такого подхода царь Иван IV заручился поддержкой Англии Российского государства в период Ливонской войны: царь был готов идти на уступки английской королеве Елизавете I в сфере торгово-экономических отношений⁶.

Таким образом, царь Иван IV признавал право конфликта на существование и видел в нем пользу для сохранения порядка в государстве. Иван Васильевич считал необходимым использование монархом инструмента «страха» для предотвращения эскалации конфликтов внутри и за пределами государства⁷.

Князь А. М. Курбский, наоборот, считал конфликт негативным социальным явлением, приводящим к разрушительным последствиям. По мнению боярина, исходом конфликта могло становиться растление человеческой души и разрушение государств. Сущность конфликта А. М. Курбский видел в невозможности сосуществования

¹ Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука, 1979. С. 16.

² Там же. С. 23.

³ Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука, 1979. С. 130.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2022. С. 249.

⁷ Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука, 1979. С. 68.

противоположностей. В предисловии к Новому Маргариту боярин писал об обязательности противостояния и конфликта между крайностями: «Всяко сопротивное сопротивным вкупе пребывати не может»¹.

В представлении А. М. Курбского бесконфликтное общество могло быть основано только при такой форме правления, в которой монарх будет опираться на мнение своих советников, «стратиговъ», при принятии политических решений².

Вероятно, основополагающей причиной конфликтов, гибели государств и войн А. М. Курбский считал человеческие грехи. Во втором послании Вассиану Муромцеву боярин формулировал причину государственных конфликтов так: «И грѣх ради наших вмѣсто кротости сверепѣ звѣрей кровоядцовъ обрѣтаются, яко ни от естества подобново пощадѣти попустиша, неслыханые смерти и муки на доброхотных своих умыслиша»³. Как и царь Иван IV, боярин А. М. Курбский противопоставлял «нечестие» и «благочестие», представляя в «Ответе о правой вере» благочестие одним из важнейших моральных качеств христианина⁴. А. М. Курбский критиковал царя Ивана IV именно из-за его несоответствия образу «благочестивого царя», обязанного прислушиваться к советникам⁵.

Отказ от христианской религии также считался А. М. Курбским ключевой причиной конфликтов. В предисловии к «Диалектике» Иоанна Дамаскина А. М. Курбский объяснил, что отказ от догматов и христианского вероучения приводит государства к падению⁶.

Методы разрешения конфликтов, формулируемые в духовно-политической мысли А. М. Курбского, были различны. Первым, наиболее выделяемым А. М. Курбским, способом решения противоречий было покаяние. Так, «покаяниемъ ко спасению приводящъ», государь и народ могли исправить собственные грехи и спастись от наступающей их божественной кары⁷. Следующим инструментом разрешения конфликтов, по мнению А. М. Курбского, было осуществление «правильного» воспитания. В послании княгине Чарторыйской князь А. М. Курбский определял освоение детьми церковных писаний как действие, способствующее возвеличиванию личности ребенка в будущем⁸. В предисловии к «Диалектике» Иоанна Дамаскина боярин представлял чтение божественных текстов в качестве формирующих нравственное воспитание человека процессов, при которых каждый сможет обрести утешение⁹.

Таким образом, представления о конфликте царя Ивана IV и боярина А. М. Курбского, иллюстрирующие общий контекст эпохи и направления в сознании русского общества в XVI в., имели как общие черты, так и различия. И царь, и боярин усматривали сущность конфликта в несовместимости противоположностей «нечестия» и «благочестия», представляли основными источниками конфликта греховную природу человека и отход от христианской религии. Разнонаправленность

¹ Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. Т. 11: XVI век. СПб.: Наука, 2001. С. 532.

² Там же. С. 343.

³ Там же. С. 478.

⁴ Там же. С. 460.

⁵ *Перевезенцев С. В.* Грозный царь: известный и неведомый... Очерк-размышление // Наш современник. 2010. №4. С. 230.

⁶ Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. Т. 11: XVI век. СПб.: Наука, 2001. С. 544.

⁷ Там же. С. 377.

⁸ Там же. С. 514.

⁹ Там же. С. 541.

идей царя Ивана IV и боярина А. М. Курбского проявилась в понимании наилучшего общественного устройства. Царь Иван IV полагал, что избавиться от конфликтов возможно только при неограниченной власти монарха, а А. М. Курбский видел возможным избавление от противоречий при участии в управлении государством «мудрых советников».

Библиография

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI век. 683 с.
2. Лурье, Я. С. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука, 1979. 447 с. (Серия «Литературные памятники»).
3. Перевезенцев С. В. Грозный царь: известный и неведомый... Очерк-размышление // Наш современник. 2010. №4. С. 217–243.
4. Перевезенцев С. В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. 2-е изд. испр., доп. М.: Квадрига, 2023. 784 с.
5. Соловьёв, С. М. История России с древнейших времен // Иллюстрированное издание. М.: Эксмо, 2022. 1024 с.

Яковлев Никита Олегович

Аспирант историко-филологического факультета Ульяновского государственного педагогического университета

Ульяновск, Россия

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЫСЛИ В РОССИИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

В статье рассматриваются общественно-политические мысли в России в период Гражданской войны (1917–1922 гг.), когда страна находилась в состоянии глубокого социального и политического кризиса. Анализируются ключевые идеологические течения, которые формировались в это время, включая большевизм, анархизм, монархизм и либерализм.

Ключевые слова: история социально-политических учений, политическая история, новейшая история России.

Период Гражданской войны в России (1917–1922 гг.) стал временем «глубоких социальных и политических потрясений»¹, которые коренным образом изменили облик страны. В этот период возникло множество идеологических течений, каждое из которых предлагало свои решения для будущего России. Настоящая статья посвящена анализу основных общественно-политических идей, формировавшихся в это время, и их влиянию на ход событий.

Александр Керенский, лидер Временного правительства до Октябрьской революции, представлял либерально-демократическое направление. Его идеи о необходимости демократизации общества и установления правового государства находили отклик среди умеренных политиков и интеллигенции. Однако неспособность

удержать власть и предотвратить радикализацию политического процесса ограничила его влияние в последующие годы.

Большевизм, ставший доминирующей идеологией после Октябрьской революции 1917 года, основывался на марксистской теории классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Большевики стремились к созданию бесклассового общества через ликвидацию частной собственности и установление контроля над средствами производства. Их политика во время Гражданской войны включала национализацию промышленности, экспроприацию земель и подавление оппозиции, что вызывало как поддержку, так и сопротивление среди различных слоев населения.

Владимир Ильич Ленин, лидер большевиков, был центральной фигурой в разработке и продвижении марксистско-ленинской теории. Его работы, такие как «Государство и революция» и «Империализм как высшая стадия капитализма»³, стали основополагающими для понимания большевистской идеологии. Ленин адаптировал марксистские идеи к российским реалиям, обосновывая необходимость диктатуры пролетариата и революционного авангарда партии для достижения социалистических преобразований.

Анархистские идеи также получили распространение в этот период, особенно среди крестьян и рабочих. Анархисты выступали за децентрализацию власти и создание самоуправляемых коммун. Они отвергали любые формы государственного принуждения и призывали к свободному объединению людей на основе добровольного сотрудничества. Одним из ярких представителей этого движения был Нестор Махно, чьи действия на Украине стали символом анархистского сопротивления.

Нестор Махно был одним из наиболее известных анархистов того времени. Его деятельность в Украине стала символом анархистского движения, стремившегося к созданию самоуправляемых коммун без централизованной власти. Махно и его сторонники отвергали любые формы государственного принуждения, призывая к свободному объединению людей на основе добровольного сотрудничества.

Несмотря на свержение монархии в 1917 году, идеи восстановления царской власти продолжали существовать среди белогвардейцев и части дворянства. Монархисты видели в возвращении к старому порядку способ стабилизации страны и защиты традиционных ценностей. Однако отсутствие единства и четкой программы действий ослабляло их позиции в борьбе с большевиками.

Либеральные идеи, представленные кадетами и другими умеренными группами, основывались на принципах «конституционализма, правового государства и рыночной экономики»⁴. Либералы стремились к построению демократической республики с широкими гражданскими свободами. Однако их влияние значительно ослабло после Октябрьской революции, и они оказались между двух огней – радикальных большевиков и консервативных белогвардейцев.

Петр Струве, бывший марксист, а затем либеральный мыслитель и член кадетской партии, был видным представителем либеральной интеллигенции. Он выступал за конституционную монархию и рыночную экономику, подчеркивая важность правового государства и гражданских свобод. Струве критиковал как большевиков, так и радикальных консерваторов, предлагая умеренный путь развития страны.

Интеллигенция играла важную роль в формировании общественно-политических идей того времени. Многие представители «интеллигенции пытались осмыслить происходящие события»² и предлагали различные концепции государственного устройства и социальной справедливости. Их работы часто становились

предметом ожесточенных дискуссий, отражая сложность и многогранность политической ситуации.

Общественно-политические мысли периода Гражданской войны в России были разнообразны и противоречивы. Каждое из идеологических течений стремилось предложить свой путь развития страны, отражая интересы различных социальных групп. Влияние этих идей продолжало ощущаться в последующие десятилетия, оказывая значительное воздействие на формирование советского государства и дальнейшую эволюцию постсоветского пространства.

Библиография

1. *Бродский И.В.* Политические идеи в России: от декабристов до большевиков. СПб: Издательство «Наука», 2001.
2. *Пайнс Р.* Русская революция. М.: Издательство «Захаров», 2005.
3. *Смит С.А.* Россия в революции: Империя в кризисе 1890–1928. М.: Издательство «Альпина Паблишер», 2018.
4. *Фицпатрик Ш.* Русская революция. М.: Издательство «АСТ», 2017.

Ямамото Кенсо

Доктор философских наук, профессор факультета международных отношений Университета префектуры Симанэ
Хамада, Япония

ОТНОШЕНИЕ М.А. БАКУНИНА К НАЦИОНАЛЬНЫМ ДВИЖЕНИЯМ СЛАВЯН В ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация

В данной работе обсуждается отношение М.А. Бакунина к малороссам и белоруссам, а также контекст, в котором он мог формировать это отношение. Анализируется сущность его проекта «Славянской федерации» и права народов в рамках данного сообщества. Кроме того, рассматривается противоречивость его федерализма и права субъектов федерации.

Ключевые слова: М.А. Бакунин, Славянская федерация, великороссы, малороссы, белоруссы, поляки, национальность.

Известно, что М.А. Бакунин (1814-1876) проявлял серьезный интерес к славянскому вопросу и предложил проект «Славянской федерации» в попытке его решения. В XIX веке славянские народы находились под властью трех империй: Российской, Австро-Венгерской и Османской. По мнению Бакунина, с точки зрения «цивилизации» и «свободы», славяне представляли собой «пятно»¹ на карте Европы. Он выражал надежду на объединение раздробленных славян на основе разрушения имперского порядка в Европе. В настоящее время реализация такого проекта кажется маловероятной. Тем не менее, он сохраняет свою актуальность. Противостояние между «имперским» и «национальным», которое было объектом обсуждения в контексте данного проекта, остается актуальной темой и в XXI веке. Например,

¹ Michel Bakounine, “La théologie politique de Mazzini et l’Internationale,” *Arthur Lehning, ed., Michel Bakounine et l’Italie 1871–1872* (Leiden: E.J. Brill, 1961), p. 65.

в статье П. Роджека подтверждается значимость концепций «имперского» и «национального» при объяснении действий политических акторов¹.

Тема «Славянской федерации» вызывает интерес у исследователей². Однако данная проблематика недостаточно изучена. По мнению автора, одним из значительных недостатков является недостаточное исследование отношения Бакунина к национальным движениям славян на Западном крае Российской империи, которые не подпадают ни под русский, ни под польский этнический контекст, а именно к малороссам (украинцам) и белоруссам (белорусам). Бакунин считал, что решение вопросов этих народов должно быть достигнуто через реализацию свободы и независимости. Это подтверждается его последующими высказываниями: «Новая политика славянских народов будет не государственная политика, а политика народов, политика независимых свободных людей»³. Очевидно, что для Бакунина вопрос о характере участия малых народов в славянской федерации имел особое значение.

Единственным исследователем, касавшимся данной проблематики, является французский бакуниновед Ж.-К. Анго. Он сказал: «Вопреки мнению многих польских патриотов, Бакунин считал, что такое (польское – *цитатор*.) государство должно включать только те территории, где проживают этнические поляки, и поэтому ни «Малороссия», ни «Белороссия» (соответственно современная Украина и Беларусь) не должны входить в его состав»⁴. Однако это лишь указывает на взгляд Бакунина на отношение Малороссии и Белороссии к Польше. Его точка зрения на взаимоотношения этих народов с русскими остается неизвестной.

В данной работе обсуждается отношение Бакунина к малороссам и белоруссам, а также контекст, в котором он мог формировать такое отношение. С одной стороны, Бакунин часто обращал внимание на малороссов, в то время как, с другой стороны, упоминания о белорусах встречаются крайне редко. В этом контексте мы предполагаем, что термин «малоросс» охватывает оба народа, поскольку отсутствуют доказательства того, что Бакунин игнорировал белорусов.

Бакунин занимался славянским вопросом с середины 1840-х годов. В ходе революционной борьбы он считал, что ведущую роль должны играть славяне. По его мнению, ради свободы и справедливости в Европе в целом необходимо было поддерживать национальное движение славян с целью их освобождения⁵. Следует отметить, что в рамках рассмотрения славянского вопроса у Бакунина особое внимание уделялось русским и полякам. В его работах по славянской тематике в 1840-х годах обнаруживается незначительное количество упоминаний о малороссах или белороссах. Однако в прокламации «Воззвание к славянам» (1848) содержится замечание относительно малороссов, которое привлекает внимание. Это выражено

---

¹ Paweł Rojek, "Imperialism and Nationalism: The Nature of Russian Aggression in Ukraine," *Studies in East European Thought* (2022) 74, pp. 447-461 [https://doi.org/10.1007/s11212-022-09501-1].

² См.: *Шириняню А. А.* Анархизм: М.А. Бакунин // Ямамото К. Политическая философия Бакунина: концепт исследования. М.: Издатель Воробьев А.В., 2001. С. 131–155; *Матвеева Ю.А., Талеров П. И., Шириняню А.А.* Михаил Александрович Бакунин // Бакунин М.А. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 5–49; и др.

³ *Бакунин М.А.* Основы новой славянской политики // Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 97.

⁴ Jean-Christophe Angaut, "Revolution, Socialism, and the Slavic Question: 1848 and Michael Bakunin," *The 1848 Revolutions and European Political Thought*, edited by Douglas Moggach and Gareth Stedman Jones (Cambridge: Cambridge University Press, 2018), p. 410.

⁵ *Бакунин М.А.* Проект письма в редакцию берлинской «Реформы» // *Бакунин М.А.* Собрание собраний и писем. М.: Изд-во Всесоюз. О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В 4 т. Т. 3. 1934–1935. С. 320–321.

следующим образом: «три порабощенные ею нации, великороссы, малороссы и поляки» (курсив – цитатор)¹. Таким образом, Бакунин рассматривал великороссов, малороссов и поляков как отдельные национальности.

В феврале 1862 года Бакунин опубликовал статью «Русским, польским и всем славянским друзьям» в газете «Колокол» А.И. Герцена. Эта публикация заслуживает внимания тем, что Бакунин, развивая идею разграничения трех народов по национальному признаку в «Воззвании к славянам», подтвердил уникальность Украины: «... я думаю поляки ошибаются, когда, не спрашивая украинский народ, они вперед присваивают себе Украину, лишь на одном основании исторического права. Мне кажется, что Украина польская вместе с русинами галицийскими, вместе с нашею Малороссиею, – страна в пятнадцать миллионов говорящих одним языком, исповедующих одну веру, будет не Польшею, и не Россиею, само собою» (курсив – цитатор)².

Более того, примечательно, что в данной статье Бакунин высказывает мнение о возможности выхода членов из «Славянской федерации»³. В 1867 году Бакунин опубликовал главную работу «Федерализм, социализм и антитеологизм». Следует отметить, что он ясно признает необходимость права на выход из федерации: «Право свободного присоединения, и равно свободного отделения, есть первое и самое важное из всех политических прав, без которого конфедерация всегда будет лишь замаскированной централизацией»⁴. В соответствии с вышеуказанной концепцией федерации, предложенной Бакуниным, Славянская федерация должна состоять из независимых славянских наций, обладающих правом на свободный выбор. Однако в данном случае возникают сомнения относительно этой концепции. Что касается проблемы свободы, то концепция Бакунина носит не индивидуалистический, а коллективистский характер. Он однажды сформулировал коллективистское понимание человеческой свободы следующим образом: «Я становлюсь истинно свободным лишь благодаря свободе других, так что, чем больше количество свободных людей, окружающих меня, чем глубже и шире их свобода, тем распространенное, глубже и шире становится моя свобода»⁵. Очевидно, что такая концепция свободы более соответствует проекту «братского единения славян», чем упомянутой идее свободного отделения из федерации.

К данному «противоречию» мы можем подойти с двух позиций: 1) примирение с ним; 2) логическое раскрытие его сущности. Вместо заключения мы постараемся прокомментировать вторую позицию. С точки зрения автора, Бакунин разделяет общую концепцию права на собственность с анархическими предшественниками М. Штирнером (1806–1856) и П.-Ж. Прудоном (1809–1865), которые не одобряли абсолютизацию или обожествление права на собственность. Для Штирнера право является «силой», тогда как для Прудона, если речь идет о праве на собственность, это – «кража». Если Бакунин разделяет такую концепцию, возможно, его понимание

¹ Бакунин М.А. Воззвание к славянам русского патриота Михаила Бакунина, члена Славянского съезда в Праге // Бакунин М.А. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 105.

² Бакунин М.А. Русским, польским и всем славянским друзьям. Женева, 1888. С. 25.

³ Там же. С. 25-26.

⁴ Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 166.

⁵ Бакунин М.А. Бог и государство (2). // Избранные философские сочинения и письма. М.: «Мысль», 1987. С. 501-502.

свободы выхода совместимо с братским единством славян. Однако его истинные намерения остаются неизвестными. Дальнейшее исследование данной темы требует глубокого анализа.

Библиография

1. *Бакунин М.А.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
2. *Бакунин М.А.* Избранные философские сочинения и письма. М.: «Мысль», 1987.
3. *Бакунин М.А.* Русским, польским и всем славянским друзьям. Женева, 1888.
4. *Бакунин М.А.* Собрание собраний и писем: В 4 т. Т. 3. М.: Изд-во Всесоюз. О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1935.
5. *Матвеева Ю.А., Талеров П. И., Шириняц А.А.* Михаил Александрович Бакунин // Бакунин М.А. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 5–49
6. *Шириняц А. А.* Анархизм: М.А. Бакунин // Ямамото К. Политическая философия Бакунина: концепт исследования. М.: Издатель Воробьев А.В., 2001. С. 131–155.
7. Arthur Lehning, ed., Michel Bakounine et l'Italie 1871–1872 (Leiden: E.J. Brill, 1961).
8. *Pawel Rojek.* “Imperialism and Nationalism: The Nature of Russian Aggression in Ukraine,” *Studies in East European Thought* (2022) 74, pp. 447-461.
9. *The 1848 Revolutions and European Political Thought*, edited by Douglas Moggach and Gareth Stedman Jones (Cambridge: Cambridge University Press, 2018).

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Авакян Дарья Айрапетовна

Кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социологии социально-экономического факультета, ОУП «Академия труда и социальных отношений», доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой гуманитарно-прикладного института, НИУ «Московский энергетический институт»
Москва, Россия

СПИРИТИЗМ В ПЕРИОДИКЕ ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ

Аннотация

В статье предпринята попытка анализа социально-политических причин популярности спиритизма, спиритических сеансов в викторианской Великобритании, рассматриваются материалы английской спиритической периодики 1850–1880-х гг.

Ключевые слова: спиритизм, спиритические сеансы, периодические издания, викторианская Англия.

Истоки спиритизма как социокультурного явления зародились во второй половине XVIII века. Именно в этот период на фоне развития просветительских идей были предприняты первые попытки рационально обосновать возможность контакта с душами умерших. Некоторые элементы, которые впоследствии войдут в практику спиритических сеансов, стали использоваться известными авантюристами эпохи – Алессандро Калиостро и графом Сен-Жерменом. Правда тогда спиритические сеансы проводились исключительно в коммерческих целях. Сеансы представляли собой своеобразное мистическое театрализованное действо, способное принести авторитет тому, кто их проводил, и безусловно достаточно хороший доход.

Настоящая популярность спиритизма пришла на вторую половину XIX века, когда явление широко распространилось как в аристократической, так и в интеллектуальной среде. Возникший до этого позитивизм основывался на приоритете эмпирического познания над метафизическим, что закономерно отвечало критериям поиска объективного научного метода. Спиритизм в свою очередь стал своего рода интеллектуальным «ответом» на позитивизм. Эксперименты в спиритизме стали играть ведущую роль, а мистические практики имитировали научные способы познания мира.

Широкое развитие спиритизма началось с события, которое произошло в 1848 году в маленьком американском городке Гайдсвилл. Тогда сестрам Кэт и Маргарет Фокс явился «дух мистера Силитфута», когда-то погибшего в их доме. Девушки услышали странный ритмично повторяющийся стук и стали стучать в ответ. Новость об этой удивительной и необычной истории довольно быстро распространилась в Америке, а спустя всего десять лет мода на спиритизм уже широко проникла и в интеллектуальные круги Европы.

Но настоящее помешательство на спиритизме случилось в Англии. Правление королевы Виктории в Англии, начавшееся в 1837 году и продолжающееся до 1901 года, стало временем так называемого «death positive» или позитивного отношения к смерти. Англичане жили с ней по соседству, бок о бок и воспринимали её как нормальное, повседневное, само собой разумеющееся явление, как неизбежное окончание земного существования бессмертной души. Смерть приходила за каждым, и делом же каждого было принять её с достоинством. Эта позиция была возведена в настоящий культ.

Первые спиритические периодические издания стали появляться в Великобритании уже в 1850-е гг. Но в этот период они не имели широкого распространения, широкой аудитории, достаточно часто меняли название и издателей, либо вообще быстро закрывались. Эти издания ориентировались преимущественно на ограниченный круг читателей – небольшой спиритический кружок, чаще провинциальный.

В 1860 году стало издаваться первое общенациональное издание, посвящённое спиритизму – журнал «The Spiritual Magazine». На протяжении последующих почти десяти лет он оставался самым влиятельным среди сторонников направления. Его издателями были Т. Шортер и У. Уилкинсон при поддержке (в основном, в предоставлении материала) У. Ховитта. Именно У. Ховитт впервые предпринял попытку соединить спиритизм с древними традициями общения с потусторонним миром в работе «История сверхъестественного во все эпохи и у всех народов, и во всех церквях, христианских и языческих: демонстрирующая всеобщую веру»¹, опубликованной в 1863 году. Ховитт расширил спиритизм до универсальной религии. Рассчитана книга была на сторонников «христианского спиритизма», то есть читателей «Spiritual Magazine», которым необходимо было найти подтверждение существования загробного мира и истину религиозных догм.

«Spiritual Magazine» был нацелен на представителей среднего класса. Позднее такого рода изданий становилось всё больше и больше. Большинство из них имели одни и те же цели и задачи (апология спиритизма, стремление доказать истинность явлений), но решались они порой противоположным образом. Если отчёты с сеансов тяготели к попытке создания эффекта реальности, то рассказы о встречах с привидениями в большей степени тяготели к художественной литературе.

Спиритизм в Британии достиг пика популярности к 1880-м годам, но затем был в значительной степени дискредитирован после того, как некоторые крупные средства массовой информации всё чаще стали разоблачать медиумов, доказывая факты их мошенничества.

Тем не менее, у движения до сих пор остаётся некоторое количество последователей и сторонников. Спиритизм привлекает больше традиционных религий, ведь здесь достаточно только верить в загробную жизнь, не следуя никаким верованиям, ценностям, ограничениям и т.д.

Библиография

1. Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Издательство Института Гайдара, 2014.

---

¹ Howitt W. The History of the Supernatural in All Ages and Nations, and in All Churches, Christian and Pagan: Demonstrating a Universal Faith: in 2 vols. Philadelphia: J. B. Lippincott. 1863.

2. *Ахмедова Э.Т.* Спиритический сеанс в литературе Великобритании второй половины XIX – начала XX века // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т.17, вып. 3. С. 312–315.

3. *Раздьяконов В.С.* После Просвещения: западный спиритизм в поисках синтеза науки и религии // Обсерватория культуры. М.: РГБ, 2008. № 2. С. 146–152.

4. *Howitt W.* The History of the Supernatural in All Ages and Nations, and in All Churches, Christian and Pagan: Demonstrating a Universal Faith: in 2 vols. Philadelphia: J. B. Lippincott. 1863.

5. *Owen Alex.* The Place of Enchantment: British Occultism and the Culture of the Modern. Chicago, Ill.: University of Chicago Press, 355 p.

Алихаджиев Саидмагомед Хаважиевич

Доцент кафедры «Программирование и информационные технологии» ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Грозный, Россия

Идрисова Жарадат Вахидовна

Документовед кафедры «Программирование и информационные технологии» ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Грозный, Россия

Магомедова Хадижат Султановна

Студентка направления подготовки «Инфокоммуникационные технологии и системы связи» ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Грозный, Россия

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ НИМИ

Аннотация

В данной статье рассмотрена взаимосвязь между глобализацией и национализмом, выявлены их противоречия и исследованы возможности для синтеза в современных социальных учениях.

Ключевые слова: глобализация, национализм, экономическое неравенство, культурная унификация, политическая нестабильность.

Глобализация – это многогранный процесс, охватывающий экономические, социальные, культурные и политические аспекты, приводящий к объединению и взаимозависимости стран и народов. В то время как национализм является идеологией, которая ставит интересы нации в приоритет ее культуры и идентичности.

В XXI веке эти два понятия являются противниками, порождая острые дискуссии и противоречия в обществе.

Глобализация: особенности и вызовы

В целом глобализация включает в себя свободный оборот товаров, услуг, капиталов и людей по всему миру. Она является движущей силой экономического роста, культурного обмена и технологического прогресса. Но, несмотря на ее положительные стороны, глобализация вызывает ряд отрицательных эффектов.

Самыми основными из них являются приведение к экономическому неравенству, культурной унификации и политической нестабильности.

Экономическое неравенство. Глобализация нередко углубляет разрыв между развитыми и развивающимися странами, создавая экономические коллизии внутри государств.

В странах с развитой экономикой, таких как Индия или Бразилия, значительная часть населения может получать очень низкие доходы, в то время как верхний класс становится еще более богатым за счет глобальных рынков и инвестиций. Или в условиях глобализации качество и доступность образовательных и медицинских услуг могут сильно варьироваться. Узкая прослойка богатых имеет доступ к лучшему образованию и здравоохранению, тогда как бедный класс населения остается без необходимых ресурсов.

Культурная унификация. Влияние западной культуры проявляется в широком распространении англоязычных медиа, моды и образа жизни, что приводит к исчезновению уникальных национальных культур. Голливудские фильмы занимают значительную долю российского кинорынка, а популярные музыкальные тренды часто приходят из-за границы. Также глобальные бренды одежды и обуви занимают важное место на российском рынке, что влияет на стиль и предпочтения молодежи, а также приводит к унификации модных тенденций.

Политическая нестабильность. Миграция, вызванная глобализацией, может вызывать социальные и политические напряжения, усиливая антимиграционные настроения и националистические тенденции.

В условиях глобализации России сталкивается с давлением на внедрение демократических норм и прав человека. Усиление авторитарных тенденций, включая репрессии против оппозиции и независимых СМИ, может быть рассмотрено как ответ на внешние вызовы и влияние мировой общественности на внутреннюю политику.

Национализм: характер и влияние

Национализм как идеология возник в конце XVIII века и продолжает активно проявляться в XXI веке. Он основывается на стремлении народов к самоопределению, независимо от своего этнического, культурного или исторического фона. Ключевые моменты, характеризующие современный национализм, включают: возрождение идентичности, сопротивление глобальным структурам, политическое движение. Исходя из этого, в условиях глобализации народы восстанавливают свою идентичность, осознавая важность своих культурных корней и языков. Это проявляется в растущем национализме, который сопротивляется международным структурам и изменяет политическую карту мира.

Противоречия между глобализацией и национализмом

Противоречия между глобализацией и национализмом становятся особенно заметными в условиях кризиса.

Глобализация предполагает свободный рынок, но национализм может привести к протекционизму. Примеры того, как государства вводят тарифы и барьеры для защиты местных производителей, стали актуальными в последние годы (например, торговая война между США и Китаем). Также глобализация ведет к росту влияния международных организаций, в то время как национализм требует защиты суверенитета. Это приводит к конфликтам как внутри стран, так и на международной

арене, где страны выстраивают свои тактики зависимости от глобальных политических процессов.

Несмотря на эти противоречия, существует возможность создать синтез между глобализацией и национализмом.

Необходимо находить баланс между выгодами глобализации и защитой национальных интересов. Государствам следует разрабатывать стратегии, которые будут учитывать и адаптироваться к глобальным изменениям, обеспечивая при этом защиту своей экономики и культурной идентичности.

Национальные правительства могут поддерживать программы, способствующие уважению к культурному разнообразию на глобальном уровне, что поможет создать более инклюзивную и понятную среду для всех. Это может включать в себя сохранение языков, традиций и обычаев.

И создание региональных союзов, и сотрудничество между странами может снизить антагонизм между глобализацией и национализмом. Вместе государства могут решать общие проблемы, такие как изменение климата, миграция и безопасность, сохраняя свои традиционные ценности.

Глобализация и национализм – важные и противоречивые силы современности. Их взаимодействие требует глубокого анализа и поиска путей гармоничного сосуществования для достижения стабильного и равноправного развития. Синтез этих идей может стать основой для сотрудничества, основанного на взаимном уважении и учете интересов всех сторон.

Библиография

1. *Сергеева И.Ю., Радукан Н.В.* Международная конкурентоспособность стран в условиях глобализации: проблемы таможенного администрирования. М.: Российская таможенная академия. 2014.

2. Глобализация и пути сохранения традиционной культуры: сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Кемерово, 16 ноября 2009 года) / Е.Л. Кудрина [и др.]. Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры. 2009.

3. Диалог культур. Глобализация, традиции и толерантность: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической on-line конференции «Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность» (Кемерово, 16 ноября 2009 г.) / А.Н. Садовой [и др.]. Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры. 2009.

Бережко Ксения Александровна

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ЗАРОЖДЕНИЕ ФЕМИНИСТСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос формирования истоков феминистской мысли. Приводятся определение феминизма, основная классификация феминистских течений и хронология развития этого социально-политического движения. Особое внимание уделяется рассмотрению различных концепций раннего феминизма.

Ключевые слова: феминизм, ранний феминизм, протофеминизм, образование, равноправие, история социально-политических учений.

В наши дни феминизм является активно развивающимся социально-политическим движением по всему земному шару. Современный мир, особенно западный, сильно изменился благодаря завоеваниям феминизма, которые не очевидны незнакомому с этим движением человеку: от права на равное и совместное с мужчинами образование до права на ношение брюк. Но чтобы подобные достижения у женщин появились, наиболее образованным и отважным их представительницам приходилось на протяжении нескольких сотен лет воздействовать на общественное сознание и понимание нормы как у самих женщин, так и у мужчин – людей, в большинстве случаев, являющихся носителями власти и принимающих решения. Но чтобы каким-то образом повлиять на изменение положения женщин, нужно сначала несправедливость его, положения, осознать и выработать определенные теоретические основания к действиям. Здесь наиболее интересным представляется вопрос формирования истоков феминистской мысли, что и будет рассмотрено в данной статье.

Прежде всего прояснить понятие «феминизм». В современной науке не существует единой фундаментальной дефиниции для такого неоднородного явления – есть множество определений, описывающих тот или иной аспект теории, тогда как универсальное понимание термина еще только предстоит выработать¹. Согласно словарю гендерных терминов, «нередко феминизм понимается как теория равенства полов, лежащая в основе движения женщин за освобождение». Также употребляется более широкая трактовка: феминизм как действия в защиту прав женщин, основанные на этой теории². Существуют различные виды феминизма, среди которых наиболее ведущее положение занимают либеральный, радикальный, марксистский феминизм и их современные вариации³. Если говорить о хронологии, то однозначно можно выделить две волны феминизма. Первая волна (XIX – первая половина XX) была направлена на достижение юридического равенства женщин с мужчинами (особенно важен здесь суфражизм – борьба за право женщин участвовать

¹ Крыкова И.В. Феминизм: происхождение понятия и его трактования в современной науке // Аналитика культурологии. 2008. Т.11. №2. С. 66.

² Клименко Т.А. Феминизм // Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. С.188.

³ См.: Брайсон В. Политическая теория феминизма: Введение / Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. М.: Идея-Пресс, 2001.

в голосовании), в то время как вторая (60-80-е гг. XX века) отражала борьбу за фактическое равенство полов¹. В эти периоды образовалась основная теоретическая база феминизма, однако различные феминистские концепции возникали и до основных волн. Они получили название раннего феминизма или протофеминизма².

Изначально ростки феминистской мысли начали зарождаться задолго до первой волны, что мы можем проследить по доступным источникам (не исключено, что подобные мысли в устной форме появились гораздо раньше). Еще в далеком Средневековье французская писательница Кристина Пизанская (1364–1430) писала о правах и обязанностях своего пола, делилась наставлениями для женщин, что способствовало зарождению дискуссии о месте женщины в обществе и ее роли³. В XVII веке появилась первая критика текущего порядка вещей: в 1622 и в 1626 гг. французская эссеистка Мари де Гурне (1565–1645) опубликовала произведения «Равенство мужчин и женщин»⁴ и «Горе дам»⁵, а в 1673 г. представительница английской интеллигенции Батсуа Мейкин (1600–1675) написала «Эссе о возрождении древнего образования для дам в области религии, манер, искусства и языков с ответами на возражения против сего подхода к образованию»⁶. В этих произведениях писательницы выступали за доступность образования для женщин⁷. Эту же мысль развивала первая феминистка Англии Мэри Эстел (1666–1731), говоря о том, что женщины так же рациональны, как и мужчины, а видим мы обратное лишь из-за неправильного воспитания одного из полов. Более того, она советовала женщинам избегать замужества, и вместо этого сосредоточиться на развитии собственного ума. Средством освобождения зависимости от мужчин она видела создание женских сообществ типа светских монастырей в качестве учебных заведений нового типа⁸. Идею о равном доступе к знаниям развивала также и английская публицистка, историк К. Маколей (1731–1791). В 1790 г. вышла ее знаменитая работа «Письма об образовании»⁹, в которой озвучивалась мысль о том, что женщины слабы не в силу природных причин, а в силу отсутствия у них должного доступа к обучению. Критикуя концепцию воспитания Руссо, она выступала за равное просвещение и обучение представителей обоих полов обязанностям каждого.

Определенный толчок развитию феминистской мысли дала Великая Французская революция, на волне которой Олимпия де Гуж (1748–1793) в 1791 г. опубликовала

---

¹ Клименко Т.А. Феминизм // Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. – М.: Информация XXI век, 2002. С.188.

² Найденнова Р.Р. Протофеминизм Маргарет Этвуд // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 142.

³ Брайсон В. Политическая теория феминизма: Введение / Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. М.: Идея-Пресс, 2001. С. 17.

⁴ *De Gournay M. Égalité des hommes et des femmes. À la Reyne. – 1622.* // [https://fr.wikisource.org/wiki/%C3%89galit%C3%A9_des_hommes_et_des_femmes_\(1622\)](https://fr.wikisource.org/wiki/%C3%89galit%C3%A9_des_hommes_et_des_femmes_(1622)) (дата обращения 27.10.2024).

⁵ *De Gournay M. Grief des dames. – 1626.* // https://fr.wikisource.org/wiki/Grief_des_dames (дата обращения 27.10.2024).

⁶ *Makin B. An Essay To Revive the Antient Education of Gentlewomen, in Religion, Manners, Arts & Tongues. With an Answer to the Objections against this Way of Education. L.: J. D., 1673.* // <http://digital.library.upenn.edu/women/makin/education/education.html> (дата обращения 27.10.2024).

⁷ Ушакова Е.В., Катичникова О.Б. Работы первых английских феминисток в защиту женского образования (на примере трактата Батсуа Мейкин) // Проблемы современного образования. 2019. №6. С. 158-166.

⁸ Брайсон В. Политическая теория феминизма: Введение. Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. М.: Идея-Пресс, 2001. С. 17-22.

⁹ *Macaulay C. Letters on Education: With Observations on Religious and Metaphysical Subjects. Dublin: H. Chamberlaine and Rice, 1790.*

«Декларацию прав женщины и гражданки»¹, где говорилось о том, что по рождению женщины свободны и равны мужчинам, соответственно, целью прогрессивного общества должна быть защита неотъемлемых прав обоих полов. Так как нация состоит из мужчин и женщин, то законодательство должно быть выражением воли всего общества. У женщин с мужчинами должны быть равные избирательные права и равные возможности самореализации.

Идеи о равноценности мужчины и женщины, о необходимости равного образования и равноправия, которые высказывались авторами, приведенными ранее, были объединены и синтезированы в концепции Мэри Уоллстонкрафт (1759–1797) в работе «В защиту прав женщины»². Выступая за то, что женский разум ничем не хуже мужского, и, следовательно, его нужно развивать аналогичным образом, она говорила, что у обоих полов должна быть равная свобода действовать, и эта мысль приводила ее к идее равных прав: на образование, оплачиваемый труд, собственность и защиту закона.

Таким образом, ранний феминизм представляет собор набор концепций различных авторов, которые появились до основных волн феминизма. Общим местом был призыв к доступному образованию для женщин, который вскоре начал трансформироваться в тезис о необходимости равноправия. Отвечая на вопрос о том, почему все перечисленные здесь авторы-женщины высказали столь революционные для того времени мысли, стоит сказать, что у самих этих женщин был доступ к хорошему образованию. Они были представительницами «интеллектуальных семей»³, в которых родители не скупались на обучение дочерей. Именно поэтому они как никто другой понимали важность просвещения для женщин, которое бы открывало для них равные с мужчинами горизонты.

Библиография

1. *Брайсон В.* Политическая теория феминизма: Введение / Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. М.: Идея-Пресс, 2001.

2. *Крыкова И.В.* Феминизм: происхождение понятия и его трактования в современной науке // Аналитика культурологии. 2008. Т. 11. № 2. С. 65–70.

3. *Найденова Р.Р.* Протофеминизм Маргарет Этвуд // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 142–148.

4. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002.

5. *Ушакова Е.В., Капичникова О.Б.* Работы первых английских феминисток в защиту женского образования (на примере трактата Батсуа Мейкин) // Проблемы современного образования. 2019. № 6. С. 158–166.

6. *De Gouges O.* Declaration of the Rights of Woman and the Female Citizen. – 1971. //

<https://web.archive.org/web/20041011032318/http://www.pinn.net/~sunshine/book-sum/gouges.html> (дата обращения 27.10.2024).

---

¹ *De Gouges O.* Declaration of the Rights of Woman and the Female Citizen. – 1971. // <https://web.archive.org/web/20041011032318/http://www.pinn.net/~sunshine/book-sum/gouges.html> (дата обращения 27.10.2024).

² *Wollstonecraft M.* Vindication of the Rights of Woman – Philadelphia: Mathew Carey, 1794.

³ *Ушакова Е.В., Капичникова О.Б.* Работы первых английских феминисток в защиту женского образования (на примере трактата Батсуа Мейкин) // Проблемы современного образования. 2019. №6. С. 160.

7. *De Gournay M. Grief des dames.* – 1626. // https://fr.wikisource.org/wiki/Grief_des_dames (дата обращения 27.10.2024).

8. *De Gournay M. Égalité des hommes et des femmes. À la Reyne.* – 1622. // [https://fr.wikisource.org/wiki/%C3%89galit%C3%A9_des_hommes_et_des_femmes_\(1622\)](https://fr.wikisource.org/wiki/%C3%89galit%C3%A9_des_hommes_et_des_femmes_(1622)) (дата обращения 27.10.2024).

9. *Macaulay C. Letters on Education: With Observations on Religious and Metaphysical Subjects.* Dublin: H. Chamberlaine and Rice, 1790.

10. *Makin B. An Essay To Revive the Antient Education of Gentlewomen, in Religion, Manners, Arts & Tongues. With an Answer to the Objections against this Way of Education.* L.: J. D., 1673. // <http://digital.library.upenn.edu/women/makin/education/education.html> (дата обращения 27.10.2024).

Гладков Александр Константинович

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН

Москва, Россия

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ В ЧЕРЕДЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МЕТАФОР: ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XII–XIV ВВ.

Аннотация

Статья посвящена специфике средневекового «политического мышления», исследуемого на примере употребления ряда метафор («тело», «болезнь», «монстр»), отражающих представления интеллектуалов XII–XIV вв. о власти и обществе. Речь идет прежде всего о теории т.н. «политического тела» государства, важнейший вклад в разработку которой внес Иоанн Солсберийский, а затем – с появлением латинского перевода «Политики» Аристотеля – воспринятой и развитой французскими мыслителя – Николя Орезмом и Кристиной де Пизан.

Ключевые слова: история средневековой политической мысли, «политическое тело», «болезнь государства».

Средневековое «политическое мышление» (*political thinking*) и само его понятие, даже взятое в кавычки, поскольку является в терминологическом плане прежде всего историографическим конструктом, было символическим и образным. Авторы, писавшие на тему природы и функций верховной светской власти (*potestas*) – королевской или императорской, рассматривали не только сам институт, но и персону, его олицетворявшего, т.е. государя (*princeps, rex, imperator*), как явление символического и, конечно, мистического порядка.

Наиболее репрезентативным в идейном плане оказывался для средневековых мыслителей образ «тела» (*corpus*) общности, в церковной традиции уподоблявшегося «телу Христову» (*corpus Christi*), т.е. церкви (*corpus ecclesiae*), а в интеллектуальной литературе светского характера – «телу государства».

Сама по себе теория «политического тела» имеет античные истоки, однако именно в Средние века она получила обоснование и развитие, став моделью описания иерархии в отношениях власти и общества. Наиболее значительной фигурой, фактически разработавшей на почве латинской образованности базовые принципы этой теории, оказавшей значительное влияние на развитие западноевропейской политической мысли в целом, был англичанин Иоанн Солсберийский (1115/1120–1180). Именно он во второй половине XII века выпустил в свет сочинение, которое, как справедливо считают исследователи, ознаменовало новый этап развития политического знания в Средние века. Трактат «Поликратик или о забавах света и заветах философов» (*Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*, 1159 г.)¹ впервые четко формулирует основные положения теории «политического тела», отводя центральную – «руководящую» – роль именно королю – его главе. При этом в рамках трехчастной модели, обосновываемой в Средние века едва ли ни повсеместно, постулируется и уподобление каждого сословия и социальной группы органу и члену «политического тела». «Верхний» ряд – «голова», как уже было сказано, это государь; «средний» – «руки» – воины и чиновники, а «нижний» – «ноги» – крестьяне. В свою очередь функцию «души» осуществляла церковь². Как мы видим, данная логика вполне соответствует – пусть и с некоторыми уточнениями – трем *ordo* средневекового мира. От «головы» – т.е. короля – зависит многое, но, как следует из «Поликратика», далеко не все; ведь покоится государство не на знатных и сиятельных, а на тех, кто составляет т.н. «трудящихся», т.е. безмолвствующее большинство. Именно это абстрактное «большинство» (*plerique*) Иоанна Солсберийского или «множество» (*multiplicitas*) Фомы Аквинского является, по сути, коллективным источником власти, делегирующим ее правителю.

Отметим и еще один важный метафорический компонент средневекового «политического мышления», а именно представление о «болезни»³ (*morbus*) государства как следствии а) морального разложения подданных; б) злонамеренности правителя; в) божественного наказания за грехи; г) избыточности в той области внутреннего функционирования, которая отвечает за «пополнение» «политического тела» – «обжорство» (*edacitas*) ресурсами влечет за собой нарушение в работе всего государства.

Построения Иоанна были довольно популярны в Средние века, хотя зачастую они распространялись без указания их авторства; такова во многом логика «круговорота» тех или иных оригинальных идей, со временем становившихся анонимными, дополнявшихся все новыми и новыми смыслами и контекстами. С появлением латинского перевода «Политики» Аристотеля авторитет Иоанна поколебался великой фигурой Стагирита, а аристотелевская традиция обрела форму доминирующей в политической мысли. И все же следы влияния Солсберийца мы находим не только в Англии, что вполне ожидаемо, но и на Континенте, прежде всего в Италии и Франции.

Уникальный пример чтения, интерпретации и «адаптации» «Поликратика» обнаруживается при знакомстве с трудами Кристины де Пизан (*Christine de Pizan*) –

---

¹ *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis. Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum libri VIII. Recognovit et prolegomenis, apparatu critico, commentario, indicibus instruxit Cl.C.I. Webb, introd. by P. McNulty. N.Y., 1979, Vol. 1–2.*

² Подробнее см.: *Гладков А.К. Власть, общество, тело: антропоморфная парадигма в политической мысли средневековой Западной Европы // Вопросы истории. 2020. №12 (1). С. 125–138.*

³ *Гладков А.К. Союз добродетелей, король-мудрец и идея политической общности в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // Вестник КГУ. 2023. Т. 29. №4. С. 22–25.*

влиятельной и весьма одаренной писательницы, автора многих философских трактатов. Ее сочинение *Livre du corps de policie* представляет собой опыт осмысления ключевых положений учения Иоанна Солсберийского с позиций хорошо осведомленного в аристотелевских текстах исследователя.

Интерес к политической мысли древности и «недавнего прошлого» во многом культивировался при дворе Карла V Мудрого. К слову, именно этот монарх заказал перевод главного сочинения Иоанна Солсберийского на французский язык, поручив столь ответственное дело Дени Фульша. Конечно, стоит еще упомянуть и довольно распространенные литературные спекуляции на данную тему, встречающиеся, например, у Эсташа Дешана (*Eustache Deschamps*), также свидетельствующие, с одной стороны, о популярности идеи «политического тела», а с другой, – о масштабной рефлексии французских авторов на тему власти и общества.

Однако кроме Кристины, по сути являвшейся последовательницей своего великого английского предшественника в развитии теории «политического тела» и не только ее, ранее не обошел вниманием наследие Солсберийца и другой французский интеллектуал – Николя Орем [*Nicholas Oresme*] (или, как нередко, но ошибочно пишут отечественные исследователи, Орезм). На страницах его сочинения *De moneta* обнаруживается соединение сразу двух повествовательных линий: одна принадлежит Аристотелю, а другая – Иоанну Солсберийскому. Не удивительно, впрочем, что не только у Орема, но и у многих последующих интеллектуалов эти линии, а по сути – авторские позиции древнегреческого мыслителя и английского писателя, фактически сливаются, настолько близки и взаимодополняемы построения двух ученых мужей. Есть и еще один нюанс: Иоанн Солсберийский облек свои суждения о «политическом теле» в форму «литературной имитации», как писал Э.Р. Курциус, приписав наиболее важные положения Плутарху, который, якобы, в специальном послании увещевал императора Траяна. Так появилось «Наставление Траяну», «атрибутировавшееся» Иоанном и многими поздними авторами представителю античной традиции, однако имеющееся исключительно в «Поликратике». Именно к этому «письму Псевдо-Плутарха» и обратился Николя Орем, когда в XXV главе своего сочинения «О монете» затронул проблему соотношения тиранической и законной властей, а также государства, уподобляемого им «живому организму»¹. В сравнительно небольшой по объему главе французский интеллектуал прибегает к авторитету наиболее влиятельных писателей прошлого: Аристотеля, Плутарха, Цицерона, Сенеки, Кассиодора, и дело здесь кроется не столько в очевидной эрудиции Орема, сколько в желании укрепить собственные высказывания мнением тех, к кому всегда прислушиваются. По сути, Николя поднял актуальную для его времени проблему непомерного обогащения одних, и обнищания других, из-за чего разумная пропорциональность устройства государства – «политического тела» – нарушается. Очевидная дисгармония органов и членов, «питаемых» не так, как должно (избыточно или недостаточно), способствует перерождению «политического тела» в «монстра» (*monstrum*)². Орем приводит яркий образ человека с несоразмерно большой головой, столь великой, что ее невозможно нести, и заключает – долго жить такой «несчастный», конечно, не сможет. Говоря об абстрактном индивиде, автор *De moneta* подразумевает большую общность – государство, и отмечает: перераспределяя ресурсы не так, как того требует логика развития, оно обречено на скорую гибель.

¹ *Nicholas Oresme. De moneta. L., 1956. P. 42–46.*

² *Ibid. P. 44.*

В описании политической действительности средневековые авторы использовали термины, в первичном своем значении понятные не только искушенным интеллектуалам, но и простым людям, знающим, что такое «тело», «болезнь», «смерть», а потому способным понять высокое назначение государства через призму доступных им смыслов. Развитие теории «политического тела» – не только дань традиции, но и индивидуальный опыт описания современных тому или иному мыслителю политико-правовых и социальных процессов, нуждающихся в рефлексии.

Библиография

1. *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis. Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum libri VIII. Recognovit et prolegomenis, apparatu critico, commentario, indicibus instruxit Cl.C.I. Webb, introd. by P. McNulty. N.Y., 1979, Vol. 1–2.*
2. *Гладков А.К. Власть, общество, тело: антропоморфная парадигма в политической мысли средневековой Западной Европы // Вопросы истории. 2020. №12 (1). С. 125–138.*
3. *Гладков А.К. Союз добродетелей, король-мудрец и идея политической общности в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // Вестник КГУ. 2023. Т. 29. №4. С. 22–25.*
4. *Nicholas Oresme. De moneta. L., 1956.*

Голубев Сергей Игоревич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

«ВОЗМОЖНА ЛИ ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ?»: ФРИДРИХ II ВЕЛИКИЙ И ПАТРИОТИЗМ НЕМЕЦКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Аннотация

В рамках подготовки полного перевода политического трактата Фридриха II Великого (1740-1786) «Письма о любви к отечеству или переписка Анапистемона и Филопатра» (1779 г.) в настоящей статье публикуются отрывки из его третьей и четвертой частей, которые излагают взгляды монарха о природе патриотического чувства и его связях с понятиями общего блага и общественного договора.

Ключевые слова: немецкий патриотизм, Фридрих II, эпоха Просвещения.

Одним из главных вопросов политической философии эпохи Просвещения был вопрос о патриотизме, о правильном отношении индивида к общественным и государственным обязанностям, о соотношении его привязанности к своей стране с общечеловеческими идеалами. Помимо философов свой ответ пытались дать и действующие государственные деятели, взгляды которых представляют особый интерес.

Ярким примером этому служит политический трактат прусского короля Фридриха II Великого (1740-1786) «Письма о любви к отечеству или переписка Анапистемона и Филопатра» (1779 г.). Трактат написан в форме эпистолярного диалога двух образованных интеллектуалов. Анапистемон является сторонником распространённых в среде французских философов-энциклопедистов представлений обо всем мире как единственном истинном отечестве для просвещённого человека, отстаивает позицию невмешательства в государственные и общественные дела, Филопатр же выступает с прямо противоположной точки зрения и старается опровергнуть доводы собеседника.

В рамках подготовки полного перевода трактата на русский язык в настоящей статье публикуются отрывки из его третьей и четвертой частей, в которых Анапистемон задаётся вопросом о самой возможности существования патриотических чувств и получает от Филопатра развернутое обоснование их реальности и необходимости.

Перевод выполнен по изданию: *Œuvres de Frédéric le Grand. Hrsg. von Johann David Erdmann Preuss. Bd. 1-30, Berlin: Decker, 1846-1856. Band 9. Berlin: Decker, 1848. S. 241-278).*

Часть 3. Письмо Анапистемона

<...> Возможно ли по-настоящему любить отечество? Разве эта так называемая любовь не была выдумана каким-то философом или мечтательным законодателем, чтобы требовать от людей недостижимого для них совершенства? Как можно любить народ? Как мы можем жертвовать собой ради спасения принадлежащей нашей монархии провинции, если мы её даже никогда не видели? Все это сводится к тому, чтобы объяснить мне, как можно горячо и страстно любить то, чего совсем не знаешь. Эти размышления, которые так естественно приходят на ум, убедили меня в том, что самый подходящий удел для здравомыслящего человека – жить, подобно растению, тихо, без забот, без беспокойств, причиняя себе как можно меньше страданий. Я всегда направлял свою жизнь в соответствии с этим планом. <...>

Я радуюсь своей независимости, я свободен, я сам себе хозяин, сам себе государь, сам себе король; я оставляю неуёмным безумцам мечты о мнимом величии, за которым они гонятся; я смеюсь над алчностью скупцов, напрасно копящих сокровища, с которыми они, умирая, будут вынуждены расстаться; и, гордясь преимуществами, которыми обладаю, я превозношу себя над остальным миром. <...> Будьте добры, скажите мне, что Вы об этом думаете; возможно, мы совпадем в воззрениях; но, как бы то ни было, ничто не ослабит чувства уважения и дружбы, которые я к Вам испытываю.

Часть 4. Письмо Филопатра

<...> Неужели Вы поверили в то, что любовь к отечеству – это абстрактная добродетель, когда так много примеров в истории свидетельствуют о том, к скольким великим свершениям привела эта любовь, возвышая истинно великих людей над всем человеческим и вдохновляя их на самые благородные и самые славные начинания! Благо общества есть Ваше собственное. Сами того не подозревая, Вы так сильно связаны со своим отечеством, что не можете ни обособить себя, ни отделиться от него, не почувствовав для себя урона. Если правление благополучно, Вы будете процветать; если оно претерпевает несчастья, ответный удар его несчастий

обрушится на Вас; точно так же, если граждане наслаждаются честным достатком, государь процветает, если же они угнетены нищетой, положение суверена достойно сострадания. Следовательно, любовь к отечеству не является лишь порождением ума, она действительно существует. Не эти дома, эти стены, эти леса, эти поля я называю Вашим отечеством, а Ваших родителей, Вашу жену, Ваших детей, Ваших друзей и тех, кто работает на Ваше благо в различных областях государственного управления, и кто оказывает Вам повседневные услуги, без того чтобы Вы даже потрудились узнать об их работах. Как видите, таковы узы, которые связывают Вас с обществом: интересы людей, которых Вам нужно любить, Ваши собственные интересы и интересы правительства, все они, неразрывно соединенные вместе, составляют то, что называется общим благом всего сообщества.

Вы говорите, что нельзя любить ни простой народ, ни жителей другой провинции, которых не знаешь. Вы правы, если имеете в виду, что речь идет о тесном союзе, как между друзьями; но по отношению к народу речь идет только о той доброжелательности, с которой мы обязаны подходить ко всем и тем более к тем, кто живет с нами на одной земле и кто с нами связан; а что касается провинций, которые принадлежат нашей монархии, разве мы не должны, по крайней мере, выполнять перед ними те обязанности, которые мы несем перед союзниками? Предположим, что в Вашем присутствии незнакомец упадет в реку, разве не окажете ли Вы ему помощь, чтобы он не утонул? Что, если бы Вы повстречали прохожего, которому убийца был бы готов перерезать горло, разве мы бы не увидели, как Вы помчались бы первому на помощь, разве Вы бы не попытались его спасти? Именно те чувства жалости и сострадания, которые природа впечатала в наши души, побуждают нас, как бы инстинктивно, поддерживать друг друга и заставляют выполнять обязанности, которыми люди обладают по отношению друг к другу. Поэтому я прихожу к выводу, что если мы обязаны помогать даже незнакомым людям, то тем более мы должны помогать гражданам, с которыми нас связывает общественный договор. Позвольте мне сказать ещё одно слово о провинциях нашей монархии, к которым Вы, как мне кажется, относитесь очень тепло. Неужели Вы не понимаете, что, если бы правительство потеряло эти провинции, оно было бы этим ослаблено, и, следовательно, ему стало бы не хватать ресурсов, которые оно из них извлекало? И что оно было бы в менее способно, чем сейчас, поддерживать Вас, если бы Вы в этом нуждались?

Из изложенного Вы видите, мой дорогой друг, что государственные отношения очень обширны и о них невозможно получить справедливое представление, не углубившись в подробности; вот ещё одно утверждение, мимо которого я не могу пройти. Неужели! Вы, одаренный умом и талантами, осмеливаетесь заявлять, что неподвижное существование растений имеет преимущества перед двигательной свободой животных! Может ли разумный муж предпочесть праздный отдых почетному труду, а вялую бесполезную жизнь добродетельным поступкам, которые делают бессмертным имя того, кто их совершил? <...>

Я говорю здесь с Вами прямо, поскольку Вы созданы для правды; Вы достойны её услышать, и я слишком люблю Вас, чтобы что-либо скрывать. Единственная цель, к которой я стремлюсь, это вернуть Вас отечеству и предоставить ему в Вашем лице полезный инструмент, услугами которого оно сможет воспользоваться. Вот что руководит моим пером и обязывает изложить Вам всё, на что вдохновляет меня любовь к отечеству. Стремление к общественному благу служило принципом всех хороших правлений древности и современности, оно легло в основу их вели-

чия и процветания; неоспоримые последствия, вытекающие из этого, привели к появлению хороших граждан и тех великодушных и добродетельных душ, которые были славой и опорой своих соотечественников.

Библиография

1. Frédéric le Grand. Lettres sur l'amour de la patrie ou Correspondance d'Anapistémon et de Philopatros // Œuvres de Frédéric le Grand. Hrsg. von Johann David Erdmann Preuss. Bd. 1-30, Berlin: Decker, 1846-1856. Band 9. Berlin: Decker, 1848. S. 241–278.

2. Общественно-политическая мысль европейского Просвещения / В. С. Бондарчук, Н. В. Кирсанова, А. С. Медяков и др. Книжный дом Университет Москва, 2002. 384 с.

Горохов Андрей Анатольевич

Кандидат политических наук, главный редактор журнала «Русская политология», председатель АНО «Лаборатория гуманитарных проектов»

Москва, Россия

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ УЧЕНЫХ – ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ АКАДЕМИЙ (1899–1913) – КАК ЧАСТЬ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Аннотация

В статье раскрываются истоки научной дипломатии через призму создания Международной ассоциации академий (МАО) в 1899 году. На основе архивных материалов Российской академии наук рассматриваются ключевые фигуры, такие как Андрей Фаминцын и Карл Залеман и др., а также их вклад в развитие МАО. Рассматриваются воспоминания ученых и документы, которые освещают деятельность ассоциации. Автор подчеркивает необходимость возвращения этих источников в научный оборот для формирования всеобъемлющей истории научной дипломатии, опирающейся на исторический опыт, архивные материалы и социально-политическую мысль ярких представителей научной дипломатии прошлого, наследие которых чрезвычайно актуально в XXI веке.

Ключевые слова: история социально-политических учений, Международная ассоциация академий, история научной дипломатии.

Научная дипломатия – это современный концепт, но сама практика научной дипломатии начинается с момента институализации системного взаимодействия научных организаций на международном уровне. Такой уровень взаимоотношений научных организаций берет свое начало с учреждения в 1899 году Международной ассоциации академий (МАО, англ. International Association of Academies).

Первое предложение Императорской Санкт-Петербургской Академии наук принять участие в создании МАО поступило в 1898 году со стороны президента Лондонского королевского общества, создателя хирургической антисептики, сэра Джозефа Листера (1827–1912), а в 1899 году неприменный секретарь Берлинской академии наук Герман Дильс (1848–1922) уведомил Императорскую Санкт-Петербургскую Академию наук, что, «согласно постановлению съезда в Мюнхене немецких академий и по соглашению с Королевским обществом в Лондоне, он

приглашает, от имени Берлинской академии, Императорскую академию наук принять участие в конференции, назначенной в Висбадене на 9 и 10 октября (нов. стиля) и имеющей целью основание Международной ассоциации академий»¹.

Учредителями Ассоциации были десять академий: Королевская Прусская академия наук в Берлине, Королевское общество наук в Геттингене, Королевское Саксонское общество наук в Лейпциге, Королевское общество в Лондоне, Королевская Баварская академия наук в Мюнхене, Академия наук в Париже, Императорская Академия наук в Петербурге, Национальная академия деи Линчеи в Риме, Национальная академия наук в Вашингтоне, Императорская Академия наук в Вене. По итогам конференции 9–10 октября 1899 года в Висбадене было принято решение пригласить в состав МАА еще девять Академий – из Амстердама, Брюсселя, Будапешта, Христиании, Копенгагена, Мадрида, Стокгольма, а также Академию надписей и изящной словесности (Париж) и Академию нравственных и политических наук (Париж). На протяжении существования МАА состав участников пополнялся, в последующие годы в ее состав также вошли: Британская академия, «Императорская академия наук» из Японии, Швейцарское общество естествоиспытателей, Эдинбургское королевское общество и Финская академия наук в Гельсингфорсе.

Исходя из источников архива Российской академии наук², мы можем назвать ряд ученых, которые занимались созданием и развитием МАА в России, например, члены бюро МАА от России Андрей Сергеевич Фаминцын³ (1835–1918) и Карл Генрихович Залеман⁴ (1849–1916). В составе Петербургского бюро МАА состояли Оскар Андреевич Баклунд⁵ (1846–1916), Борис Борисович Голицын⁶ (1862–1916), К.Г. Залеман, Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский⁷ (1863–1919), Петр Васильевич Никитин⁸ (1849–1916).

---

¹ Фаминцын А.С. Первый съезд Международной ассоциации академий // Мир Божий. 1902. №1, январь. С. 158.

² Международная ассоциация академий. Научно-организационные документы МАА. Л.: Ленинградское отделение архива Академии наук СССР, 1980.

³ Андрей Сергеевич Фаминцын – один из выдающихся биологов России, основоположник отечественной физиологии растений, основатель Института физиологии растений Российской академии наук, организатор первой университетской кафедры физиологии растений и автор первого отечественного учебника по этому предмету, ординарный профессор Санкт-Петербургского университета, ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (см.: Кузнецов В.В., Дмитриев Г.А. Неоправданно забытое имя. К 175-летию со Дня рождения Академика А.С. Фаминцына // Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80. №8. С. 726–733).

⁴ Карл Генрихович Залеман – российский филолог-иранист, ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, директор Азиатского музея Академии наук (1890–1916). При К.Г. Залемане музей стал крупнейшим в мире хранилищем памятников письменной культуры народов Востока. Основные его научные работы посвящены иранской филологии, осетинскому языку, языкам Памира.

⁵ Оскар Андреевич Баклунд – российский и шведский астроном, ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, директор Николаевской Главной астрономической обсерватории в Пулковом (1895–1916). При Баклунде были созданы южные отделения Пулковской обсерватории: в Одессе (1898), Симеизе и Николаеве (1908–1912).

⁶ Борис Борисович Голицын — русский физик и геофизик, один из основателей сейсмологии, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1908).

⁷ Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский – историк, один из основоположников методологии исторической науки в России, ординарный академик Санкт-Петербургской Академии наук, был первым председателем Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского, инициатор создания в Петрограде Института социальных наук (1918), руководил семинаром по дипломатике частных актов, основоположник нового направления в российской дипломатике. Создал научную школу в области источниковедения. С 1917 г. – председатель Союза российских архивных деятелей, был сторонником масштабного реформирования архивного дела.

⁸ Петр Васильевич Никитин — филолог, археолог, исследователь древнегреческой и византийской литературы, ректор Императорского Санкт-Петербургского университета (1890–1897), академик, вице-президент Академии наук (1900–1916).

Также, судя по документам архива, активную деятельность в рамках МАА вели французский математик, член Парижской академии наук Жан Гастон Дарбу (1842–1917), французский математик, философ и лингвист Луи Кутюра (1868–1914), английский физиолог Майкл Фостер (1836–1907).

Конечно, это лишь единицы из сотни ученых разных стран мира, которые занимались созданием и развитием МАА.

Что касается воспоминаний, то в настоящий момент мы нашли несколько таких источников, которые датированы первыми годами XX века. О первом и втором Съездах МАА опубликованы воспоминания русского биолога А.С. Фаминцына¹. О создании МАА написана обзорная статья на французском языке математика Гастона Дарбу², о деятельности МАА сохранились статья русского ученого В.И. Вернадского³ и архивные документы американского астронома Джорджа Эллери Хейла⁴. Воспоминания А.С. Фаминцына, Г. Дарбу, Д.Э. Хейла не переиздавались, не переводились на разные языки ни в XX, ни в начале XXI века, что безусловно привело к информационному вакууму о создании и деятельности МАА. Возвращать в научный оборот источники о деятельности МАА чрезвычайно необходимо, так как современная концепция научной дипломатии, как нам представляется, не может быть сформулирована и теоретически обоснована без учета исторического опыта создания и деятельности такой организации, как МАА. Переоценить значение МАА очень сложно, поскольку это первая научная организация, которая воплотила научную дипломатию в реальную практику.

Также стоит отметить, что в 1901 году в Париже на заседании Общего Собрания МАА была вынесена только одна тема – полное издание сочинений Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1744). Озвучил на Собрании предложение французский философ Виктор Брошар (1848–1907). Вот несколько слов из его речи: «Научная деятельность Лейбница столь обширна, что интересует более или менее ученых всего мира, независимо от предмета исследования, и, не преувеличивая можно сказать, что Лейбниц, как бы воплощает идею, которую мы стараемся осуществить теперь. Он – сам всемирность. С 22-х лет он мечтал об устройстве Библиографического Обозрения, инвентаря всех человеческих знаний, энциклопедии, совмещающей в дедуктивной форме все науки. Всю жизнь он был озабочен мыслью о создании всемирного языка или письма. Наконец, как удачно указал в своей речи президент Дарбу, у него первого явилась мысль организовать федерацию ученых обществ. Он был предтеча нашей Ассоциации и справедливость требует, чтобы ему был посвящен наш первый труд»⁵. Наследие Г.В. Лейбница интересно с точки зрения составления всеобъемлющей истории научной дипломатии.

Мы считаем, что все вышеперечисленные источники необходимо переводить, переиздавать, что является необходимым вкладом в создание истории научной дипломатии, и этот исторический опыт должен быть известен современным

¹ Фаминцын А.С. Первый съезд Международной ассоциации академий // Мир Божий. 1902. №1, январь. С. 158–172; Фаминцын А.С. Второй съезд Международной ассоциации академий // Мир Божий. 1904. № 12. С. 231–241.

² Darboux G. L'association internationale des Académies // Revue internationale de l'enseignement. 1901. Т.41. Р. 193–210.

³ Вернадский В.И. Международная ассоциация академий // В.И. Вернадский. О науке. Т. II. Научная деятельность. Научное образование. СПб: Изд-во РХГИ, 2002. С. 17–22.

⁴ California Institute of Technology, Part of George Ellery Hale Papers. LOCAL IDENTIFIER: hale: 96212, local: GEN_2_49_2. Stable URL: <https://www.jstor.org/stable/community.31003705>.

⁵ Цит.: Фаминцын А.С. Первый съезд Международной ассоциации академий // Мир Божий. 1902. №1, январь. С. 164.

исследователям и практикам научной дипломатии в XXI веке. История научной дипломатии, опирающаяся на архивные материалы и социально-политическую мысль ярких представителей научной дипломатии прошлого – это то, что необходимо воссоздавать сегодня.

Библиография

1. Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2 кн. / сост. и отв. ред. д.и.н. И.В. Тункина. 2-е изд., испр. Кн. II. СПб.: Реноме, 2018. С. 937–938.

2. Вернадский В.И. Международная ассоциация академий // В.И. Вернадский. О науке. Т. II. Научная деятельность. Научное образование. СПб: Изд-во РХГИ, 2002. С. 17–22.

3. Международная ассоциация академий. Научно-организационные документы МАА. Л.: Ленинградское отделение архива Академии наук СССР, 1980.

4. Фаминцын А.С. Первый съезд Международной ассоциации академий // Мир Божий. 1902. №1, январь. С. 158–172.

5. Фаминцын А.С. Второй съезд Международной ассоциации академий // Мир Божий. 1904. №12. С. 231–241.

6. California Institute of Technology, Part of George Ellery Hale Papers. LOCAL IDENTIFIER: hale: 96212, local: GEN_2_49_2. Stable // URL: <https://www.jstor.org/stable/community.31003705>.

7. Darboux G. L'association internationale des Académies // Revue internationale de l'enseignement. – 1901. Т.41. Р. 193–210.

Журавлев Владислав Сергеевич

Студент бакалавриата факультета политологии Московского Государственного Университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ОБЩЕСТВО МОН ПЕЛЕРИН: ИДЕЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И РЕАКЦИЯ НА НОВЫЕ ЗАПАДНЫЕ ТЕЧЕНИЯ

Аннотация

XX в. в историографии известен как век противостояния различных идеологий. В центре внимания работы находится проблема интеллектуальной борьбы старых и новых идей в середине XX века. Демонстрируется, что этот процесс, во-первых, был заметным, а во-вторых, встречал сопротивление как в научной, так и общественной сфере. Наиболее ярко выражено это на примере Общества Мон Пелерин.

Ключевые слова: история социально-политических учений, либеральная мысль, политические ценности, политическая теория, европейская мысль.

В истории социально-политических учений сложились две магистральные традиции либерализма – классическая и современная. К началу второй половины XX века среди элит и остальной части населения стран Запада становятся популярными эгалитаризм и новый либерализм, что проявляется в феномене господства

социальной политики и зачастую изображается как закономерный процесс¹. Однако мы можем заметить, что «смена либерализма» произошла уже в первой половине XX века, а этот процесс на всём своём протяжении встречал интеллектуальное сопротивление.

Необходимо отметить, что традиционные наименования политических теорий (социализм, консерватизм, либерализм), в политическом процессе стали ярлыками, смысл которых отличается от того, что принято в философии академического стиля. При этом слово-символ, закрепившееся в общественном мнении, влияет также и на восприятие идеологии в науке². Сами наименования трёх ключевых политических теорий стали активно использоваться лишь в XIX в. В то же время, так называемый «триумф либерализма» в исторической перспективе был относительно коротким, но при этом достаточно влиятельным³. И, соответственно, одной из целей общества Мон Пелерин было возродить влиятельность идей свободы, отвечая на вызовы современной политики⁴.

Процесс социализации мысли (в значении внедрения элементов социализма в теории) происходил как в англо-саксонском мире⁵, так и в континентальной Европе⁶. Фридрих фон Хайек, один из основных деятелей Общества Мон Пелерин, декларировал необходимость совместной деятельности представителей интеллектуальных традиций этих двух регионов⁷. Кроме того, к началу XX века проясняется, что противостояние классическому либерализму идёт со стороны не только радикальных левых идеологий, но и интервенционистов и прогрессивистов⁸. К началу Великой Депрессии можно было сказать, что Либеральная партия Великобритании отказалась практически окончательно от своей платформы XIX века. Данный процесс отметил Л. Мизес: *«Мы уже упоминали, что даже в Англии то, что сегодня понимается под либерализмом, гораздо больше похоже на политику тори и социализм, чем на старую программу сторонников свободной торговли»*⁹.

Первая мировая война стала катализатором интенсификации этатистских настроений в Европе. Хотя можно было выделить в Западном мире блок государств с тенденциями к авторитаризму и тоталитаризму, а также блок буржуазно-демократических государств, тем не менее, это осталось опущенным в работе. Между тем, идеи о ведущей роли государственного аппарата в социальной жизни присутствовали и в тех, и в других режимах¹⁰. Феномен «социализации» мысли на Западе состоял в том, что социализм, будучи непривлекательным в чистом виде, привносился в дискуссии между либералами, консерваторами и прогрессивистами.

---

¹ Васильев Л.С. Всеобщая история. Том 5. От нового времени к современности: учебное пособие. М.: КДУ, 2022. С. 655–656.

² Ротунда Р. Либерализм как слово и символ: борьба за либеральный бренд в США / пер. с англ. А.В. Матешук и В.П. Гайдамака. М.; Челябинск: Социум, 2021. С. 12–16.

³ Мизес Л. Фон. Либерализм / пер. с англ. и комментарии А.В. Куряева. М.; Челябинск: Социум, 2019. С. 1.

⁴ Хайек Ф. фон. Судьбы либерализма в XX веке / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Т. Даниловой и А. Куряева. М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. С. 287.

⁵ Ротунда Р. Либерализм как слово и символ: борьба за либеральный бренд в США / пер. с англ. А.В. Матешук и В.П. Гайдамака. М.; Челябинск: Социум, 2021. С. 25–27.

⁶ Хайек Ф. фон. Судьбы либерализма в XX веке / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Т. Даниловой и А. Куряева. М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. С. 169.

⁷ Там же. С. 284.

⁸ Мизес Л. фон. Социализм: экономический и социологический анализ / пер. с англ. Б. Пинскера; науч. ред. Р. Левита. М.; Челябинск: Социум, 2020. С. 459–461.

⁹ Мизес Л. Фон. Либерализм / пер. с англ. и комментарии А.В. Куряева. М.; Челябинск: Социум, 2019. С. 3.

¹⁰ Васильев Л.С. Всеобщая история. Том 5. От нового времени к современности: учебное пособие. М.: КДУ, 2022. С. 383–384.

Наиболее проблемными представлялись следующие вопросы: размер государства в экономике, важность равенства и признание определённых прав человека. Решение этих интеллектуальных задач в ходе дискуссий также было одной из главных целей Общества Мон Пелерин¹. В работе концентрируется внимание не на антилиберальных течениях, а как раз на тех движениях, которые позиционировали себя как либеральные.

Политические и интеллектуальные процессы в англо-саксонском мире оказывали влияние на континентальную Европу больше, чем наоборот. Хотя, как уже было отмечено, события этих двух регионов взаимосвязаны. В США происходила активная борьба кандидатов за право называть себя «либералами». Преимущественно эту борьбу инициировала команда Франклина Делано Рузвельта. Начало политики Нового Курса породило первую масштабную реакцию: создание в 1934 г. Лиги свободы, в которую входили сторонники индивидуализма и доктрины *laissez-faire*, говорящие о «захвате либерализма». Активным нападакам общество подвергалось со стороны мыслителя Джона Дьюи, который подчёркивал необходимость перехода к «гуманитарному» направлению либерализма и, тем самым, оправдывал курс Ф. Д. Рузвельта².

В континентальной Европе интеллектуалы охотнее смотрели на интервенционизм. При этом, в интеллектуальной борьбе присутствовали другие точки зрения: марксизм, историцизм, шведская и австрийская школа³. Л. Мизес в 1926 году уже отреагировал на первые формы социального либерализма, выпустив статью о них. А в 1927 г. была издана работа «Либерализм в классической традиции», которая в кризисный период обозначила принципы данной идеологии в традиции XIX века.

Поворотной точкой для политической философии в первой половине XX в. стал Коллоквиум Уолтера Липпмана⁴. На организацию данного мероприятия повлиял неолиберальный манифест У. Липпмана «Исследование принципов хорошего общества». Известно, что к 1938 г. неолиберализм был неформальным движением. Луи Ружье, французским мыслителем, было решено созвать собрание для обсуждения проблем либерализма и капитализма. Можно отметить, что для политической философии на момент трансформации наиболее проблемными были вопросы экономической политики и смысла эгалитаризма. На коллоквиуме сформировалось 4 группы: неолибералы левого толка (большой компромисс с социализмом), неолибералы правого толка, среди которых выделился Ф. Хайек («местная» модернизация классического либерализма), ордолибералы антиэгалитаристы, представленные Александром Рюстоу (новая база либеральной идеологии без идеала равенства) и сторонники манчестеризма, наиболее ярким из которых был Л. Мизес (*laissez-faire* платформа на принципах XIX века)⁵. Коллоквиум У. Липпмана не стал решающим событием «либеральной схизмы». Однако был одним из важнейших процессов в контексте оппозиции пересмотру идеологических доктрин. Представители манче-

---

¹ Хайек Ф. фон. Судьбы либерализма в XX веке / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Т. Даниловой и А. Куряева. М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. С. 284.

² Ротунда Р. Либерализм как слово и символ: борьба за либеральный бренд в США / пер. с англ. А.В. Матешук и В.П. Гайдамака. М.; Челябинск: Социум, 2021. С. 103.

³ См.: Хюльсманн Й.Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса / пер. с англ. под ред. А.В. Куряева. М.; Челябинск: Социум, 2013. С. 478–479.

⁴ Там же. С. 531.

⁵ Там же. С. 532.

стеризма смогли переубедить многих участников Коллоквиума и представить контраргументацию интервенционистским идеям¹. Данное мероприятие стало одним из стимулов к созданию Общества Мон Пелерин.

События Второй мировой войны значительно повлияли на дискуссию о новом либерализме: большое число интеллектуалов в континентальной Европе приостанавливали свою деятельность и начинали эмигрировать, в то время как в США слово «либеральный» к 1940 г. закрепилось за фракцией Ф. Рузвельта². Однако в 40-е годы всё же оформилось реакционное направление, критиковавшее Новый Курс с индивидуалистических точек зрения, среди участников которого были И. Патерсон, Р. Лейн, Дж. Флинн, Ф. Морли, Дж. Чэмберлейн, Ф. Ханиген. Экономисты и мыслители континентальной Европы, мигрировавшие в США, инициировали обсуждение политической и экономической философии. Особенно на это повлиял семинар Мизеса в Нью-Йоркском университете, Фонд экономического образования и, собственно, Леонард Рид.

Непосредственно на образование общества Мон Пелерин повлияли встречи Л. Мизеса в Мексике и европейских странах после Второй мировой войны и знакомство с экономистом Ф. Нимейером. Главным инициатором создания международного общества либералов был Ф. Хайек³. При этом практическую деятельность осуществлял другой экономист из Норвегии Трюгве Хофф, который предлагал альтернативный проект Общества Актона-Токвиля, одобряемый Ф. Хайеком⁴.

Общество Мон Пелерин уже встретило проблему на пути своего становления: позиционируя себя как организацию либералов, борющихся против проявлений социализма, оно предполагало включение в свой состав представителей левого неолиберализма, идеи которых находились в противоречии с концепциями других участников Коллоквиума У. Липпмана. Поэтому Л. Мизес изначально скептически относился к первому варианту Общества⁵. Ф. Хайек, в свою очередь, утверждал, что в относительно плюральном обществе либералов получится интеллектуальным путём «очистить либерализм» и, таким образом, стать оппозицией новому либерализму⁶. В своих письмах Мизес писал, что нет смысла создавать организацию продвижения классического либерализма, если в неё входят те, кто принимает его неклассическую версию, как, к примеру, В. Рёпке, о котором, однако, Хайек высказывался одобрительно⁷.

На первом собрании Общества Мон Пелерин в 1947 г. оказались несколько идеологических групп, которые не принимали принципы классического либерализма в полной мере. Наиболее известными среди представителей этих группы были В. Ойкен, К. Поппер, Дж. Стиглер и Л. Роббинс. Проблемным оказалось восприятие Общества Людвигом фон Мизесом, представителем манчестеризма. Политический

---

¹ Там же. С. 534.

² Ротунда Р. Либерализм как слово и символ: борьба за либеральный бренд в США / пер. с англ. А.В. Матешук и В.П. Гайдамака. М.; Челябинск: Социум, 2021. С. 115–116.

³ Хюльсманн Й.Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса / пер. с англ. под ред. А.В. Куряева. М.; Челябинск: Социум, 2013. С. 619.

⁴ Хайек Ф. фон. Судьбы либерализма в XX веке / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Т. Даниловой и А. Куряева. М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. С. 250.

⁵ Хюльсманн Й.Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса / пер. с англ. под ред. А.В. Куряева. М.; Челябинск: Социум, 2013. С. 620–621.

⁶ Там же. С. 623.

⁷ Хайек Ф. фон. Судьбы либерализма в XX веке / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Т. Даниловой и А. Куряева. М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. С. 234.

философ не переносил тех «социалистов», которые называют себя либералами¹. Л. Мизес долго сохранял пессимизм в отношении будущего, но при этом участвовал в деятельности Общества до 60-х годов².

Общество Мон Пелерин сложилось как дискуссионный клуб тех, кто относил себя к течению либерализма. Если большинство участников принимали ключевые принципы данной политической теории, неприязнь тоталитарного социализма и, в большинстве ситуаций, воззрения на международные отношения, то в вопросах о задачах правительства, экономике, методологии наблюдались немалые расхождения. Ситуация на собраниях зачастую участника напоминала Коллоквиум У. Липпмана. Однако первая поставленная задача организации была выполнена: в Альпах действительно смогли вместе собраться знаменитые либералы из Европы и Америки. Также последующие встречи проводились в разных точках мира, в том числе в Латинской Америке и Азии.

Мон Пелерин не претендовало на статус широкого общественного движения. В Заявлении о целях Общества писалось: *«Группа не стремится вести пропаганду. Она не стремится устанавливать никакую скрупулезную и мешающую ортодоксальность. Она не присоединяется ни к какой конкретной партии. Ее цель — исключительно содействовать сохранению и совершенствованию свободного общества, способствуя обмену мнениями между умами, вдохновленными определенными идеалами и общими широкими концепциями»*³.

В первые годы функционирования Общества Мон Пелерин влияние идей Австрийской школы было обширным: это проявлялось в отклике американцев и европейцев на идеи свободного рынка. На устойчивость идей *laissez-faire*, помимо Л. Мизеса, повлияли Г. Хэзлит, Ф. Махлуп и Л. Рид. Однако в конце 50-х годов на замену манчестеристов всё больше начали приходить экономисты и мыслители из Чикагского университета. А к концу 60-х годов прошла «смена элит» в либеральном спектре мысли. В Обществе Мон Пелерин начинали доминировать популярные представители неолиберальной мысли, получившие в последствие премии памяти А. Нобеля по экономике: М. Фридман, Дж. Стиглер и другие. Классические либералы и либертарианцы объединялись в другие кружки. При этом традиционное австрийское крыло теряло влияние: более знаменитыми становились Айн Рэнд, Милтон Фридман, Мюррей Ротбард. С усилением идей анархо-капитализма и ослаблением австрийских либералов в Обществе Мон-Пелерин, организация по своему составу действительно стала неолиберальной.

Несмотря на то, что Общество Мон-Пелерин не осталось либеральным в традиции XIX века, его деятельность привела к ослаблению позиций новых либералов, которые были более «социализированными» для австрийского кружка, в послевоенное время. Представляется весьма непростым оценить качественное и интеллектуальное влияние. Однако его можно попытаться измерить, опираясь на популярность и признание участников Общества Мон Пелерин, их работ. Как уже было отмечено, часть членов Общества получили Премию по экономике памяти Альфреда Нобеля, что повысило авторитет организации в глазах политических и научных деятелей. При наличии должности президента Общества все остальные участники были равны, что поз-

---

¹ Хюльсманн Й.Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса / пер. с англ. под ред. А.В. Куряева. М.: Челябинск: Социум, 2013. С. 624.

² Там же. С. 316.

³ Statement of Aims – The Mont Pelerin Society. [Электронный ресурс]. URL: <https://montpelerin.org/statement-of-aims/>

воляло качественно выстраивать коммуникации и вносить вклад в обсуждение и решение проблем политической философии, политики и экономики.

Библиография

1. *Васильев Л.С.* Всеобщая история. Том 5. От нового времени к современности: учебное пособие. М.: КДУ, 2022.
2. *Кровь патриотов: введение в интеллектуальную историю американского радикализма.* 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Владимир Даль, 2024.
3. *Мизес Л. фон.* Либерализм / пер. с англ. и комментарии А.В. Куряева. М.; Челябинск: Социум, 2019.
4. *Мизес Л. фон.* Социализм: экономический и социологический анализ / пер. с англ. Б. Пинскера; науч. ред. Р. Левита. М.; Челябинск: Социум, 2020.
5. *Ротунда Р.* Либерализм как слово и символ: борьба за либеральный бренд в США / пер. с англ. А.В. Матешук и В.П. Гайдамака. М.; Челябинск: Социум, 2021.
6. *Собственность или смерть. Либертарианство: антология* / пер. с англ. К. А. Бакунина, сост. и предисл. Р. Ю. Бельковича. СПб.: Владимир Даль, 2024.
7. *Хайек Ф. фон.* Судьбы либерализма в XX веке / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Т. Даниловой и А. Куряева. М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009.
8. *Хюльсманн Й.Г.* Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвига фон Мизеса / пер. с англ. под ред. А.В. Куряева. М.; Челябинск: Социум, 2013.
9. Statement of Aims – The Mont Pelerin Society. [Электронный ресурс]. URL: <https://montpelerin.org/statement-of-aims/>

Зоткин Алексей Александрович

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

«КРИТИЙ»: ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

Аннотация

Тезисы посвящены обоснованию того, что с помощью введения сюжета войны в диалог «Критий» Платону предельно лаконично удалось выразить главную идею платонизма: помимо мира явного, материального и социального, есть мир неявный, божественный, мир нравственно-космический, и нарушение его законов, пусть даже самым мощным и преуспевающим меж прочих государством, карается неумолимо.

Ключевые слова: история социально-политических учений, Платон, идеальное государство, война.

К теме справедливого, или идеального, государства Платон непосредственно обращается трижды: в диалогах «Государство», «Законы», а также в парных диалогах «Тимей» и «Критий». Но если в «Государстве» он наряду с определением сущности справедливого государства¹ подробно обсуждает дела правителей-философов и воинов-стражей, живущих вне институтов семьи и частной собственности, а в «Законах»

¹ Эрн В.Ф. Верховное постижение Платона / Сочинения. М., 1991. С. 463–532.

досконально продумывает идеальное законодательство и образ жизни граждан в основываемом на новом месте совершенном полисе, то в «Тимее» и «Критии» о политическом строе, социальной структуре, законах, формах собственности, семейных отношениях и пр. идеального государства философ практически не пишет ничего¹.

Исследователи творчества Платона, объясняя этот факт, говорят, как правило, о незавершенности «Крития» и предполагают, что на закате жизни философу, всего скорее, не хватило времени и сил для его окончания. И все же, обращаясь к главному сюжету диалога, можно предположить, что незавершенность эта со стороны мыслителя могла быть делом осознанного выбора, поскольку и в том небольшом тексте, что дошел до нас, Платону удалось выразить главное, о чем он нам хотел поведать, и в то же время сделать это предельно лаконичным образом.

Основная мысль, которую Платон раскрывает, всячески обыгрывая, не только в «Критии», но и во всех упомянутых диалогах, высказана им еще в «Государстве», в центральном для всей его, в том числе политической, философии мифе о Пещере²: справедливое государство можно выстроить только тогда, когда у государства имеется прямая связь с идеей справедливости, и до предела выше – с идеей Блага. В «Государстве» эту связь, по мысли Платона, реализуют ее живые носители, правители-философы. В «Законах», где правят некие старейшины, а правителей-философов по сути дела нет (философы рождаются нечасто, и привести их к власти – почти неразрешимая проблема), эту связь хранят, хотя достаточно условно, идеальные законы³.

Как эту мысль Платон нам преподносит в «Критии»? Ее он начинает обосновывать еще в непосредственно предшествующем ему «Тимее», где один из собеседников Сократа, Тимей, дает идеальному государству подробнейшее космологическое обоснование (69с–92б). Лишь после этого философ переходит к следующему диалогу, намереваясь описать, как утверждает второй собеседник Сократа, Критий, реально процветавшее когда-то государство афинян (19d–20с; 26с–27b).

Впрочем, самому государству афинян в дошедшем до нас тексте отведено совсем немного места. По большей части в диалоге описано совсем другое государство, невероятно могучая и вместе с тем экспансионистски настроенная Атлантида, антагонист афинян, и это составляет первую особенность текста «Крития» в сравнении с «Государством» и «Законами». Второй его особенностью является смещение центра повествования с подробного описания достоинств идеального, в данном случае афинского, государства на факт его войны с атлантами. Вводя в текст диалога сюжет войны, Платон предельно выпукло подчеркивает то обстоятельство, что государства афинян и атлантов непримиримы в своей сути. И более того, здесь боги, силы свыше, оказываются сторонниками афинян, устраивая свой бескомпромиссный суд над гражданами Атлантиды. Описывая небезучастное и очень своевременное вмешательство в войну с атлантами богов (121с), философ с предельной ясностью вскрывает изначальную пагубность и катастрофичность избранного Атлантидой пути «цветущего оазиса», мнящего себя непотопляемым островом среди подлежащих освоению «джунглей», и жизненность – хранящих связь с истоком жизни государства, миром нравственно-космическим, божественным, афинян.

¹ Для демонстрации колоссальной разницы в «прописанности» первых двух диалогов и третьего можно привести их объемы по современным изданиям, приведенным здесь в Библиографии: «Государство» – 342 страницы, «Законы» – 367, «Критий» – 15.

² Бугай Д.В. Единство платоновского «Государства». М., 2016. С. 449–450.

³ Лосев А.Ф. Социальная природа платонизма / Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 773–904.

Таким образом, 1) показав невероятное материальное могущество атлантов на фоне умаления божественной¹ (нравственно-космической) природы их государства и 2) приведя Атлантиду к гибели в войне с хранящими связь с «миром горным» афинянами, Платону удастся, причем предельно лаконично, выразить главную мысль «Крития»: помимо мира явного, материального и социального, есть мир неявный, божественный, мир нравственно-космический, и нарушение его законов кажется неумолимо.

Библиография

1. Платон. Государство / Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 79–420.
2. Платон. Тимей / Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 421–500.
3. Платон. Критий / Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 501–515.
4. Платон. Законы / Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. М., 1994. С. 71–437.
5. Бугай Д.В. Единство платоновского «Государства». М., 2016.
6. Кузнецов К.А. Платон: Введение в анализ «Государства» и «Законов» // Платон: pro et contra. СПб., 2001. С. 476–510.
7. Лосев А.Ф. Социальная природа платонизма / Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 773–904.
8. Эрн В.Ф. Верховное постижение Платона / Сочинения. М., 1991. С. 463–532.

Кокурина Ольга Юрьевна

Доктор юридических наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ИНСТИТУТА НАГРАД ГОСУДАРСТВА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО АУТОПОЙЕЗИСА Н. ЛУМАНА

Аннотация

Развитие общественных отношений характеризуется процессами усложнения и дифференциации различных сфер общества. С позиции социального аутопойезиса Н. Лумана, право есть функционально дифференцированная, целостная, самовоспроизводящаяся, коммуникативная социальная система, имеющая в своей основе различие и единство прав и обязанностей. Используя схему коммуникативных кодов, автором показаны особенности механизма функциональной дифференциации института наград государства в рамках аутопойетической правовой системы общества.

Ключевые слова: институт наград государства, коммуникативный код, правовая система, правовой аутопойезис, теория социальных систем, функциональная дифференциация.

Можно согласиться с мнением видного правоведа Б.С. Эбзеева о том, что основная задача отечественной науки о государстве и праве на данном этапе развития РФ состоит в том, чтобы «найти такую государственно-правовую организацию

¹ «Небо, боги нужны Платону как проекции морального принципа в мир, как утверждение «справедливости» в качестве конечного, космического начала». См.: Кузнецов К.А. Платон: Введение в анализ «Государство» и «Законов» // Платон: pro et contra. СПб., 2001. С. 491.

общества, которая существование стабильного в своих устоях и динамичного в развитии государства и прочного правопорядка как необходимого условия поступательного развития общества, могла бы соединить с другим императивом эпохи – свободой личности»¹. Решение этой задачи предполагает критическое осмысление теоретических достижений современной мировой науки в социально-правовой сфере.

С телеологической точки зрения, обобщенная цель права состоит в поддержании устойчивой жизнеспособности и целостности общества как единого организма. При поиске оптимальных форм государственно-правовой организации общества, в российском праве немаловажно учитывать необходимый баланс между инструментами правовых ограничений и стимулов, наказаний и наград.

Аксиологическое значение государственных наград и наградного института государства заключается прежде всего в том, что его правостимулирующие нормы содержат набор целей, идей, образов и идеалов, характеризующих высшие устремления людей в сложившейся и развивающейся социальной системе². По существу, провозглашение и закрепление традиционных духовно-нравственных ценностей в символах наград и наградных нормах определяет социальное предназначение государственного наградного права и вектор наградной политики государства. Наградные нормы российского права базируются на национально-ориентированных социокультурных кодах, накопленных предшествующими поколениями россиян общественных и конституционных ценностях, на принятых в российском обществе правилах и нормах поведения, отвечают общему благу и интересам человека, семьи, общества, государства.

Совокупность материальных и процессуальных норм, регулирующих общественные отношения по поводу учреждения, присуждения, вручения, ношения, хранения государственных наград и их лишения, обычно рассматривается в юридической литературе в системно-структурном ключе, как внутриотраслевой правовой институт, межотраслевой институт, комплексный институт, подотрасль конституционного или административного права, или самостоятельная отрасль законодательства: государственное «наградное право»³. Такое многообразие предложенных исследователями вариантов свидетельствует о сложном, многоаспектном характере системы права и подтверждает тот факт, что проблематика выделения и обоснования статуса новых правовых образований в юридической науке разработана недостаточно и требует современного осмысления⁴.

К числу современных направлений в теоретической юриспруденции относится системная теория права Никласа Лумана. В развитие идей теории социального действия Т. Парсонса, известный немецкий социолог и правовед предложил и развил неординарное учение правового аутопойезиса⁵, научное обоснование которого

¹ *Эбзеев Б.С.* Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. С. 112.

² *Кокурина О.Ю.* О ценностно-телеологической природе наградного права в контексте позитивной юридической ответственности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2017. № 3. С. 8–15.

³ *Кокурина О.Ю.* Формирование наградного права как комплексного правового института РФ // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 7. С. 3–9.

⁴ *Сидорова Е.В.* Формирование комплексных правовых образований в системе права: дань моде или необходимость? // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 28–34.

⁵ *Luhmann N.* Law as a Social System / Trans. by K.A. Zieg-Trans. by K.A. Zieg-rans. by K.A. Ziegert. Oxford: Oxford University Press, 2004.

опирается на теорию социальных систем, концептуальные понятия и формы, отражающие природу живого и социального. Концепция аутопойезиса социальных систем заключается в том, что они, с помощью наблюдения и самоописания, отграничивают себя от окружающего мира и, осуществляя самореференцию, воспроизводят свои структурные элементы и взаимные отношения между ними¹.

Н. Луманом выдвинут тезис о ключевом характере социальной дифференциации в процессах функционирования и преобразования современного общества. Кроме нескольких выделенных им форм социетальной дифференциации, - сегментарной, иерархической, центрпериферийной, - немецкий ученый акцентировал ведущую роль и значение функциональной дифференциации, функциональных подсистем в современном обществе.

Согласно системно-функциональной концепции Лумана, право, как системное образование, достаточно автономно, и операционально отграничено от иных социальных подсистем общества, не исключая и политическую подсистему. Конечно, при этом право не может быть когнитивно изолированным от социокультурной, научной и политической сфер, и обязано взаимодействовать с иными социальными сферами своего окружения.

В процессах эволюционного развития права, относящиеся к внешней среде социальные и политические изменения не оказывали прямого воздействия на формирование автономной правовой системы. Как доказывает Н. Луман, изменения во внешней среде, образованной иными социальными системами, могут лишь стимулировать преобразования и развитие правовой системы. В процессах наблюдения других подсистем общества, только сама правовая система отбирает те аспекты, которые заслуживают внимания при формировании собственных элементов и структур. Тем самым, право оказывается операционально замкнутой, «нормативно закрытой, но когнитивно открытой системой», т.е. способной «учиться у окружающей среды»². Когнитивная оценка и избирательное реагирование на значимое влияние социальной, политической или экономической системы, осмысливается аутопойетично, в собственных категориях права, самостоятельно определяется содержание соответствующей правовой коммуникации: «Изменение правовых норм может происходить только внутри правовой системы. Это не вопрос власти или влияния, и здесь нет отрицания того, что окружающая среда, в особенности политическая система, воздействует на правовую систему. Но правовая система воспроизводит себя лишь посредством правовых явлений»³.

Согласно Луману, правовые решения не должны и не могут привноситься извне, а результаты внешних воздействий преобразуются в правовые нормы. Поскольку внешние влияния всегда трансформируются в правовую коммуникацию, то даже чрезмерное влияние экономических интересов либо политических сил не приводит к негативным последствиям и утрате автономии функционально дифференцированной правовой системы.

В целом, концептуальная установка теории социальных систем Н. Луман состоит в том, что каждая выделенная функциональная подсистема общества,

---

¹ Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.

² Luhmann N. The unity of the legal system // Autopoietic law: A new approach to law and society / Ed. by G. Teubner. Berlin: de Gruyter, 1988. P. 12–35; Luhmann N. Law as a Social System / Trans. by K.A. Ziegler. Trans. by K.A. Ziegler. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 117.

³ Luhmann N. The self-reproduction of law and its limits // Dilemmas of law in the welfare state / Ed. by G. Teubner. Berlin: de Gruyter, 1986. P. 113.

включая правовую, с необходимостью обладает определенной спецификой, поскольку никакая отдельная социальная подсистема не может эквивалентно выполнять социальную функцию другой. В качестве структуры, способствующей установлению, воспроизводству и поддержанию границ между функциональными системами, а также реализации в рамках каждой функциональной подсистемы общества, между участниками особых вариантов коммуникации, немецким ученым предложено использовать коммуникативные бинарные коды.

Наблюдая внешнее окружение, каждая функциональная система общества использует специфический коммуникативный бинарный код «свой/чужой» для различения и селекции тех коммуникаций, событий и операций, которые она считает своими и подвергает соответствующей коммуникационной обработке. Так, для экономической системы коммуникативный бинарный код может определяться как «прибыль/убыток», для политической системы – «власть/оппозиция», для морально-нравственной системы – «добро/зло», для науки – «истина/ложь» и т.д. Благодаря бинарному коду, социальная система справляется с постоянным усложнением общества и проблемными ситуациями, производя, так называемую, «редукцию сложности (комплексности)», - выявляя и упорядочивая только те воздействия, которые соответствуют установленной социальной кодировке.

В аутопойтетической правовой системе общества коммуникативная информация из внешней среды сначала кодируется по схеме «правовое/неправовое», тем самым разделяя все, что имеет отношение к праву (имеет юридический смысл), и коммуникативные события на внешней стороне не относящиеся к нему, т.е. утверждая целостность права на внешних границах.

В свою очередь, внутреннее функционирование правовой системы базируется на определенной специфике оперирования права, которое протекает как коммуникация, кодируемая через свой двухсоставный код «права-обязанности» (а не через веру, власть, добро, истину и др.), поскольку корреспондирующие права (правамолия) и обязанности принципиально не могут быть локализованы внутри одного правового статуса. Такая идентификация собственных операций права, реализуемая в связывании (высвобождении) прав и обязанностей, схемы которых содержатся в образующих систему нормах права, определяющих юридические смыслы и допустимые сценарии правовых коммуникаций¹.

Более глубокое и содержательное понимание правовой реальности формулируется и тематизируется в аутопойтетической правовой системе на основе бинарного кода «правомерное/неправомерное», выступающего основой качественного различения правовых коммуникаций. Таким образом идентифицируются отношения норм права к находящимся в сфере функционирования права событиям, распознавая их как правомерные или неправомерные (правонарушения), что фиксируется в соответствующих правах и обязанностях.

Как следствие правонарушения, возникает негативная юридическая ответственность, которая представляет собой вторичную правовую обязанность, подсединяемую при неисполнении (ненадлежащим исполнением) обязанности в рамках предшествующей правовой коммуникации, благодаря наличию возможности принуждения.

---

¹ Сняков Д.К. Концепция правового аутопойезиса. Теоретическое обоснование: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015.

Используя коммуникативные коды, развитое право призвано и имеет возможность различать не только негативные, но и позитивные для общества события правовой реальности. Так установление бинарного кода «заслуженное/обычное» позволяет тематизировать правомерные общественные отношения и выделить функциональную сферу действия правостимулирующих норм в правовой системе. При положительной фиксации в рамках предшествующей правовой коммуникации, предусмотренных наградными нормами права, признаков «заслуги»¹ или «сверхправомерности»², возникает позитивная юридическая ответственность, представляющая собой присоединяемый комплекс вторичных правомочий и обязанностей по поводу правового поощрения или государственного награждения. Отсюда, институт наград государства (наградное право) в рамках правового аутопойезиса можно рассматривать как функциональную правостимулирующую подсистему правовой системы общества, определяемую последовательными результатами действия цепочки бинарных кодов - «правовое/неправовое», «правомерное/неправомерное», «заслуженное/обычное», и двухсоставного кода «права-обязанности». Такой подход также дает возможность обосновать существование в праве позитивной юридической ответственности как ответной реакции общества на наблюдение положительного «сверхнормативного» коммуникативного события, вопреки спорной трактовке, что позитивная юридическая ответственность носит чисто схоластический характер³. Данный вид юридической ответственности реализуется как комплекс вторичных правомочий и обязанностей, возникающих по поводу государственного награждения (поощрения) в результате наблюдения основной правовой коммуникации с кодом «заслуженное».

В заключение следует согласиться с представленным в юридической литературе мнением, что традиционных способов систематизации правовых подразделений становится недостаточно для адекватного ответа правовой системы на вызовы внешней среды⁴. Выделенные функционально дифференцированные правовые образования способны регулировать общественную сферу системно-взаимосвязанными методами, обеспечивая целостное, согласованное, скоординированное воздействие на определенный круг социальных отношений.

Библиография

1. *Карташов В.Н.* Юридическая культура, антикультура и ответственность. Ярославль: Филигрань, 2019. 352 с.

2. *Кокурина О.Ю.* Заслуга как социально-правовое явление и понятие: определение, материальные и юридические признаки (часть 1) // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 194–199.

---

¹ *Кокурина О.Ю.* Заслуга как социально-правовое явление и понятие: определение, материальные и юридические признаки (часть 1) // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 194–199; *Кокурина О.Ю.* Заслуга как социально-правовое явление и понятие: определение, материальные и юридические признаки (часть 2) // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 286–293.

² *Титова Е.А.* «Сверхправомерность» как критерий юридической оценки фактического основания поощрения // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2020. № 1. С. 105–115.

³ *Карташов В.Н.* Юридическая культура, антикультура и ответственность. Ярославль: Филигрань, 2019. С. 317.

⁴ *Сидорова Е.В.* Комплексное правовое регулирование: монография. М.: Justitia, 2016.

3. *Кокурина О.Ю.* Заслуга как социально-правовое явление и понятие: определение, материальные и юридические признаки (часть 2) // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 286–293.

4. *Кокурина О.Ю.* Об основаниях российского института наград государства в свете концепции двух морально-ценностных измерений права Лона Фуллера // Административное право и процесс. 2021. № 3. С. 4–8.

5. *Кокурина О.Ю.* О ценностно-телеологической природе наградного права в контексте позитивной юридической ответственности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2017. № 3. С. 8-15.

6. *Кокурина О.Ю.* Формирование наградного права как комплексного правового института РФ // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 7. С. 3-9.

7. *Луман Н.* Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.

8. *Сидорова Е.В.* Комплексное правовое регулирование: монография. М.: Justitia, 2016. 303 с.

9. *Сидорова Е.В.* Формирование комплексных правовых образований в системе права: дань моде или необходимость? // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 28–34.

10. *Синяков Д.К.* Концепция правового аутопойезиса. Теоретическое обоснование: монография. М.: ЮНИТИ- ДАНА: Закон и право, 2015. 175 с.

11. *Титова Е.А.* «Сверхправомерность» как критерий юридической оценки фактического основания поощрения // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2020. № 1. С. 105–115.

12. *Эбзеев Б.С.* Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. 336 с.

13. *Luhmann N.* Law as a Social System / Trans. by K.A. Zieg-Trans. by K.A. Ziegert. Oxford: Oxford University Press, 2004. 512 p.

14. *Luhmann N.* The self-reproduction of law and its limits // Dilemmas of law in the welfare state / Ed. by G. Teubner. Berlin: de Gruyter, 1986. P. 111–127.

15. *Luhmann N.* The unity of the legal system // Autopoietic law: A new approach to law and society / Ed. by G. Teubner. Berlin: de Gruyter, 1988. P. 12–35.

Кузнецов Андрей Сергеевич

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ИДЕЙНОЕ ОБОСНОВАНИЕ Т. Б. МАКОЛЕЕМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В ИНДИИ В ЕГО «ДОКЛАДЕ» ОБ ИНДИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация

«Доклад» Т. Б. Маколея сохраняет свою высокую актуальность: этот памятник колониализма стал программным документом образовательной политики в Британской Индии, значительно повлияв на её дальнейшее развитие. В данной работе разбираются главные тезисы этого важного доклада и общие принципы, на которых строятся размышления, оценивается их место в творчестве и социально-политической концепции автора

Ключевые слова: история социально-политических учений, политическая текстология, английская социально-политическая мысль, колониальная политика, образовательная политика.

Работа знаменитого британского историка Т.Б. Маколея, описывающая его взгляд на основные принципы образовательной политики в Британской Индии, была опубликована 2 февраля 1835 года в виде официального доклада. К тому времени в колонии уже на протяжении долгого времени шла дискуссия между западниками и ориенталистами: первые считали, что вся система, в частности и образовательная, должна быть выстроена исключительно на западный манер, вторые – что и вся система в целом, и конкретно образование должны опираться на национальные традиции. Сама образовательная система была выстроена непоследовательно и противоречиво, так как Хартия 1813 г.¹ не давала точных формулировок по этому вопросу². Она подразумевала лишь обязанность Ост-Индской компании заниматься образовательными вопросами, предоставляя нерелигиозное образование.

Именно в таком контексте и с обозначенной выше целью был создан доклад прибывшего двумя годами ранее Т. Б. Маколея об образовании в Индии. Его начало посвящено полемике с трактовкой ориенталистами Хартии 1813 г. В ней упомянута необходимость «возрождения и популяризации литературы», трактуемая ориенталистами как призыв к сосредоточению внимания на местных письменных памятниках культуры для формирования «образованного индийца», что идёт в разрез с точкой зрения автора «Доклада». Он комментирует эту трактовку следующим образом: оппоненты считают образованным того, кто читал священные

¹ East India Company Act of 1813, section 43 // elections from Educational Records. Part 1. 1781–1839 / Ed. by Sharp H. Calcutta: Superintendent, Government Printing, 1920. P. 22.; Кузнецов А. С. Дискуссии об образовательной политике в Британской Индии первой половины XIX века // SCHOLA-2023: сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / Под ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца; сост. А. В. Мырикова, О. Е. Сорокопудова, А. Б. Страхов, А. А. Ширинянец; подг. текстов Д. Ю. Кургинова, А. Б. Страхов. М.: Издательство Московского университета, 2023. С. 79.

² Syed N., Naik J. P. A Students' History of Education in India (1800-1961). — Bombay, Calcutta, Madras and L.: Macmillan and Co., 1962. P. 49; Sirkin N. R., Sirkin G. The Battle of Indian Education: Macaulay's Opening Salvo Newly Discovered // Victorian Studies. 1971. Vol. 14. №. 4. P. 408.

тексты индуизма, но лишают такой привилегии индийца, знакомого с «метафизикой Локка, поэзией Мильтона и физикой Ньютона»¹.

Аналогично, по мнению Т. Б. Маколея, было бы странно, если власти Египта, бывшего некогда центром знаний мира, решили бы для «возрождения и популяризации литературы и мотивации образованного местного населения» изучать иероглифы и религиозные доктрины в мифах об Осирисе, а не знакомиться с «языками-ключами» к современным наукам — английским и французским².

Более того, автор «Доклада», ссылаясь на Хартию 1813 г., утверждает, что компания должна не только обращать внимание на литературу, но и на «представление и развитие научного знания среди населения британских территорий»³.

После освещения этих пунктов автор «Доклада» переходит к сути вопроса. Согласно документу 1813 г. на реализацию образовательной политики выделяется до ста тысяч рупий – внушительная сумма, которую стоит потратить рационально. Необходимо выяснить ценность каждого из языков, чтобы понять, на преподавание какого тратить ресурсы. Здесь для Т. Б. Маколея всё достаточно очевидно: впереди стоят западные языки, так как воплощение языков, предлагаемых оппонентами — восточная литература, достигшая своего пика в поэзии, даже по мнению убеждённых ориенталистов не может сравниться даже с «одной полкой хорошей европейской библиотеки»⁴. Из этого становится очевидным, что надо обучать местных иностранному языку. Выбор, безусловно, падает на английский, так как он, по мнению автора «Доклада», вбирает в себя все лучшие достижения европейской культуры и, как следствие, является к ней своеобразным ключом. Более того, английским уже пользуются местные элиты, что в будущем упростит их коммуникацию с восходящими колониями южной Африки и Австралии⁵.

Также подобная практика заимствования из чужих культур не является уникальной. Будущий знаменитый британский историк приводит два примера. Первым выступают западноевропейские страны начала XVI в.: тогда вся сокровищница стоящих знаний заключалась в источниках, написанных на латыни и на греческом. И именно обращение к ним, а не к англо-саксонским хроникам и нормандским романам, позволило Англии набрать силу⁶. Второй пример — Россия, которая стала сильным игроком мировой арены не благодаря «обольщению национальными предрассудками...»⁷, а благодаря обучению иностранным языкам и массе информации, которая записана на них.

Также Т. Б. Маколей отсылается к практике: обучающиеся арабскому и санскриту получают стипендии — им платят за учёбу. Те же местные, которые хотят освоить западный язык и науки, готовы сами заплатить за своё обучение⁸.

Последним аргументом, который автор «Доклада» приводит в пику ориенталистам, становится относительная простота овладения английским. Категорически не соглашаясь с убеждением своих оппонентов об отсталости коренного населения

---

¹ Minute by the Hon'ble T. B. Macaulay, dated the 2nd February 1835 // Selections from Educational Records. Part 1. 1781-1839 / Ed. by Sharp H. Calcutta: Superintendent, Government Printing, 1920. P. 107.

² Ibid.

³ Ibid., P. 108.

⁴ Ibid., P. 109.

⁵ Ibid., P. 110.

⁶ Ibid., P. 111.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid., P. 114.

Индии, он, отсылаясь к практике Хинду колледжа, в котором индийцы легко обучались всем тонкостям иностранного языка.

Резюмируя свои рассуждения, автор «Доклада» заключает, что, будучи не скованными единственной трактовкой Хартии 1813 г., все заинтересованные лица могут признать, что гораздо рациональнее обучать местное население английскому языку, учитывая, что на его изучение существует высокий спрос у местных. Главной задачей образовательной политики должно стать прежде всего формирование образованного высшего класса местного населения «индийского по крови и цвету кожи, но английского по вкусу, мнениям, морали и интеллекту»¹, который стал бы мостом между англичанами-колонизаторами и большинством населения Индии, которое необходимо будет воспитывать именно новым местным элитам. По справедливому замечанию З. Масани, наиболее общей целью Т. Б. Маколея было создание Индийской империи, вобравшей в себя лучшие элементы западного мира, которая бы выступала равным партнёром Великобритании².

Таким образом, автор доклада предстаёт перед нами в образе последовательно западника, что вполне соотносится с его общими социально-политическими взглядами. Его точка зрения хорошо вписывается в просвещенческую концепцию прогресса, согласно которой весь мир совершает поступательное движение вперёд, и развитие «отсталых» регионов можно ускорить с помощью правильных мер, в частности, верной образовательной политики. Тем не менее, деление регионов на объективно более и менее развитые у Т. Б. Маколея не связано с представлением об иерархии народов: как англичанин смог приобщиться к сокровищнице интеллектуального наследия Греции и Рима, так и индеец сможет приобщиться к обширному багажу английских знаний. Обобщая всю логику рассуждений докладчика, мы можем вывести ряд самых важных пунктов: необходимость качественного образования обуславливается потребностью наверстать отставание от других регионов, качественное образование должно опираться на лучшие сегодняшние практики, существующие в мире, обучение должно быть направлено на формирование просвещённых по заимствованному образцу элит, которые бы потом транслировали накопленные знания населению.

Библиография

1. Кузнецов А.С. Дискуссии об образовательной политике в Британской Индии первой половины XIX века // SCHOLA-2023: сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца; сост. А.В. Мырикова, О.Е. Сорокопудова, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянц; подг. текстов Д.Ю. Кургинова, А.Б. Страхов. М.: Издательство Московского университета, 2023. С. 78-80.

2. Masani Z. Macaulay, Britain's Liberal Imperialist. L.: The Bodley Head, 2013.

3. Selections from Educational Records. Part 1. 1781-1839 / Ed. by Sharp H. Calcutta: Superintendent, Government Printing, 1920.

4. Sirkin N.R., Sirkin G. The Battle of Indian Education: Macaulay's Opening Salvo Newly Discovered // Victorian Studies. 1971. Vol. 14. №.4. P. 407-428.

5. Syed N., Naik J P. A Students' History of Education in India (1800-1961). Bombay, Calcutta, Madras and L.: Macmillan and Co., 1962.

---

¹ Ibid., P. 116.

² Masani Z. Macaulay, Britain's Liberal Imperialist. L.: The Bodley Head, 2013. P. 113.

Мартыненко Николай Петрович

Доктор философских наук, советник Управления информации и взаимодействия со СМИ Аппарата Совета Федерации РФ. В 2010–2023 гг. приглашенный преподаватель (по совместительству) кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ ИЗ ГОДЯНЬ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ФОРМИРОВАНИЕ «ДАО ДЭ ЦЗИН» И ДАОССКОЙ МЫСЛИ

Аннотация

Исследование посвящено открытиям текстов из гробницы № 1 у деревни Годянь (Хубэй, 1993 г.), особенно с даосизмом и конфуцианством, включая древнейшую копию «Дао дэ цзин». Находки показывают сложный процесс формирования канонов, включая «Дао дэ цзин». Предполагается, что изначальная работа над текстом велась среди хранителей письменной традиции и наставников детей правителей. Подчёркнута важность различных интерпретаций даосизма, открывающих новые перспективы для исследований.

Ключевые слова: Китай, Лао-цзы, Дао дэ цзин, археология, текстология, история.

В мире науки важным событием стали археологические и текстологические открытия, сделанные в ходе раскопок в 1993 году гробницы № 1 возле деревни Годянь в китайской провинции Хубэй. Найденные здесь тексты на бамбуковых планках связаны с даосизмом и конфуцианством. Среди них – самые древние известные на сегодня копии текста «Дао дэ цзин», а также другие ранее неизвестные произведения. Эти материалы важны для изучения философской мысли древнего Китая. По итогам их дешифровки и анализа в 1998 году они были опубликованы и затем многократно переиздавались¹.

Тексты были созданы при дворе правителя древнего царства Чу во времена поздней эпохи Сражающихся царств (475–221 гг. до н. э.), точнее, до 278 года до н.э., когда царство Чу было завоевано царством Цинь. Открытия в Годянь стали началом нового значимого этапа в исследовании даосизма, подтверждая разнообразие даосской мысли и наличие множества интерпретаций Дао и других значимых философских понятий. По общему мнению исследователей, здесь был захоронен либо некий чуский аристократ, либо менее статусный персонаж – писец или помощник наставника наследника престола². По мнению одного из наиболее авторитетных исследователей годяньских текстов, профессора Ли Сюэциня из Университета Цинхуа, в этом могильнике был захоронен высокопоставленный сановник, исполнявший функцию наставника сына правителя царства Чу, сына Хуай-вана –

¹ Годянь Чу му чжуцзянь (Письмена на бамбуковых планках из Чуского захоронения, [обнаруженного в] Годянь. Цзинмэн ши боугуан бянь (Сборник музея города Цзинмэн). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1998. Годянь Чу му чжуцзянь (Письмена на бамбуковых планках из Чуского захоронения, [обнаруженного в] Годянь. Цзинмэн ши боугуан бянь (Сборник музея города Цзинмэн). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2005.

² *Пэн Хао*. Годянь ихао му дэ няндай ю цзяньбэнь Лаоцзы дэ цзие гоу (Датировка и структура текста Лаоцзы на бамбуковых планках). Даоцзя вэньхуа янцзю. (Исследования даоской культуры) Шанхай, 1999. Том 17. Стр.13-15.

Цин-сян-вана (297–263 гг. до н.э.). Погребенный здесь царедворец наставлял сына правителя царства Чу искусству политического управления.

Текстологическое исследование текста «Дао Дэ Цзин» из Годянь выявило существенные расхождения между этим самым ранним экземпляром текста и другими его версиями, найденными в других местах, а также теми, что сохранились благодаря культурной преемственности. Это указывает на то, что процесс становления канонического текста «Дао дэ цина» был сложным и многоуровневым, включал различные этапы переработки и адаптации текста под изменяющиеся исторические, культурные и политические условия. Обнаружение версий текста с существенными отличиями от традиционных подтверждает существование нескольких вариантов текста, создававшихся в разные периоды и в разных регионах, а также показывает, что текст «Дао дэ цина» подвергался изменениям и дополнениям на протяжении веков. Это усложняет точное установление авторства и даты создания текста.

Основываясь на упомянутых археологических находках и соответствующем текстологическом контексте, можно утверждать, что формирование текста «Дао дэ цина» происходило среди придворных хранителей письменной традиции и наставников детей правителей древнекитайских царств. Эта теория соответствует традиционным представлениям о происхождении и формировании текста, описанным в «Исторических записках» Сыма Цяня, но она дополняет их новыми данными и деталями, важными для понимания этого текста.

Исследование текстов из Годянь предоставило новые данные, важные для текстологии «Дао дэ цина». По мнению Ван Бо, который поддерживается многими китайскими текстологами, текст «Дао дэ цина», найденный в Годяне, представляет собой своего рода конспект или сокращённую запись оригинального текста. Гипотеза, предложенная Дин Сысюнем и поддержанная другими учёными, утверждает, что три набора копий «Дао дэ цина» из Годяна, отличающиеся по форме и стилю написания, происходят из разных эпох и письменных традиций. Они не имеют общего оригинала, а скорее отражают долгий процесс формирования даосского канонического текста.

В поддержку этой версии можно привести соображения, что текст мог формироваться в среде наставников детей правителей, наставления которых и легли в основу формирования текста канона. Важно подчеркнуть, что слово «лао» в имени Лао-цзы означает почтенного старца, заслуживающего большого уважения. Слово «цзы» буквально переводится как «ребёнок», но в переносном смысле может означать «учитель детей» или «мудрец». Поэтому имя Лао-цзы могло восприниматься как почётный титул, означающий «Почтенный, самый уважаемый учитель». Таким образом, это имя могло относиться к различным наставникам «го-цзы», то есть детям правителей и высокопоставленных чиновников, которые сменяли друг друга на посту учителя. Такое предположение согласуется с другим титулом Лао-цзы, упоминающимся в тексте Сыма Цяня, — «Учитель, ведущий за собой»¹.

Ляо Минчунь предполагает, что рукописи из Годяня могут представлять собой самую древнюю версию текста «Дао дэ цин». Учёный обоснованно отмечает логическую последовательность глав этих рукописей, составляющих единое тематическое целое. Это также позволяет предположить, что текст развивался в среде

---

¹ *Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). Аршилю Ши. Чжунхуа лиши взньку. (Двадцать шесть [династических] Историописаний. Собрание исторической китайской классики). Пекин, 2001. С. 1307-1310.*

наставников сыновей государственных деятелей, передававших свой пост из поколения в поколение.

Анализ текстов и артефактов, найденных в гробнице в Годяне, позволяет заключить, что первоначальная разработка текста «Дао дэ цзин» происходила среди хранителей письменной традиции и наставников детей правителей древнекитайских царств. Эти выводы добавляют новые детали к традиционной версии происхождения текста, представленной в «Исторических записках» Сыма Цяня. Учитывая эти археологические и текстологические открытия, можно считать текст «Дао дэ цзин» результатом коллективного труда, развивавшегося веками среди различных социальных групп и регионов.

До открытия текстов из Годяня считалось, что даосизм основывается на нескольких ключевых текстах, таких как каноническая версия «Дао Дэ Цзин». Однако Годяньские тексты показали, что в древности существовало множество различных интерпретаций даосизма, возникших ещё до формирования канона. Это привело к пересмотру и углублённому исследованию даосизма с учётом его многообразия и сложности. Раньше даосизм считался преимущественно философско-религиозной традицией, основанной на строгих правилах и ритуалах. Открытие текстов показало, что этот феномен намного шире и разнообразнее, чем предполагалось. Открытия в Годяне существенно расширили понимание «Дао дэ цзина», подчеркнув его значимость не только для философии и религии, но и для политической теории и практики.

Годяньские тексты подтвердили, что основные идеи даосизма сложнее и многослойнее, чем считалось ранее. Это вдохновило учёных на поиск новых подходов к пониманию и интерпретации даосизма. Возродило интерес к корням даосской мысли. Стимулировало диалог между классическими и современными интерпретациями, что способствовало более глубокому осознанию даосизма как живого и развивающегося философского течения. Открытия в Годянь продолжают привлекать внимание и стимулируют разнообразные научные исследования, образовательные проекты и культурные инициативы как в Китае, так и за его пределами.

Библиография

1. Годянь Чу му чжуцзянь (Письмена на бамбуковых планках из Чуского захоронения, [обнаруженного в] Годянь. Цзинмэн ши боугуан бянь (Сборник музея города Цзинмэнь). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1998.

2. Годянь Чу му чжуцзянь (Письмена на бамбуковых планках из Чуского захоронения, [обнаруженного в] Годянь. Цзинмэн ши боугуан бянь (Сборник музея города Цзинмэнь). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2005.

3. *Пэн Хао*. Годянь ихао му дэ няндай ю цзяньбэнь Лаоцзы дэ цзие гоу (Датировка и структура текста Лао-цзы на бамбуковых планках). Даоцзя вэньхуа янцзю. (Исследования даоской культуры) Шанхай, 1999. Том 17.

4. *Сыма Цянь*. Ши цзи (Исторические записки). Аршилю Ши. Чжунхуа лиши вэньку. (Двадцать шесть [династических] Историописаний. Собрание исторической китайской классики). Пекин, 2001.

Нестеров Глеб Эдуардович

Аспирант Института Философии Российской Академии Наук
Москва, Россия

КОЛОНИЯ ДЖОРДЖИСТОВ В АРДЕНЕ: ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ РЕФОРМЫ «ЕДИНОГО НАЛОГА»

Аннотация

В статье анализируется опыт колонии Арден, основанной джорджистами как попытка практической реализации теории «единого налога» американского политика и философа Генри Джорджа (1839–1897). Статья исследует проект коммуны в Ардене с акцентом на то, в какой степени его основателям удалось воплотить идеалы «единого налога» на практике, а также оценивает влияние этой системы на социальные и экономические аспекты жизни в поселении.

Ключевые слова: единый налог, джорджизм, утопия, идеология, история США.

Основание Ардена. В 1895 году группа сторонников «единого налога» – движения, проповедовавшего трансформацию общества на основе фискальной реформы, вдохновленной идеями Генри Джорджа, «вторглась» в штат Делавэр, чтобы продемонстрировать эффективность своих взглядов путем их практической реализации. Эта агрессивная политическая кампания завоевала новых сторонников, но не смогла добиться официального одобрения своей программы, так как джорджисты не учли, что Делавэр в 90-х годах XIX в. был не самым удачным местом для продвижения третьей партии¹.

После провала легального захвата власти джорджисты на собственном примере решили продемонстрировать, что потеряли жители, не поддержав их. В 1900 году сторонники Г. Джорджа Г. Фрэнк Стивенс (1859–1935) и Уильям Л. Прайс (1861–1916) приобрели участок земли в штате Делавэр, чтобы на практике воплотить утопию Джорджа. Их целью было построить сообщество на альтернативных капитализму принципах. Девизом Ардена стала фраза «Вам здесь рады».

Теоретическая основа колонии. Джорджизм, также известный как движение «За единый налог», — экономическая теория и политическая философия, возникшая в XIX веке на основании трудов Г. Джорджа. Главная идея джорджизма заключается в том, что вместо владения землей люди должны арендовать ее у правительства. Уплачиваемая ими арендная плата является единственным налогом².

Сторонники «единого налога» видят множество позитивных последствий его внедрения. Во-первых, «единый налог» устранил бы то, что Джордж считал источником неравенства и бедности: спекуляцию землей³. Земельные спекулянты скупают участки, которые вырастут в цене, и оставляют их пустующими до тех пор, пока не смогут продать их по максимально возможной цене. Эта практика особенно распространилась в XIX веке, когда железнодорожный бум вызвал спрос на западные земли. Если бы собственность на землю была ликвидирована (в джорджистском

¹ Wolfe N. T. The Single Taxers' 'Invasion' of Delaware // American Journal of Economics and Sociology. 1976. Vol. 35. №. 1. P. 95-104.

² Gaffney M. George, Henry // The New Palgrave Dictionary of Political Economy: Third Ed. London: The Macmillan Press, 2018. P. 5228-5230.

³ George H. Progress & poverty: an inquiry into the cause of industrial depressions, and of increase of want with increase of wealth: the remedy. London: William Reeves, 1884. 440 p.

понимании), человек больше не мог бы зарабатывать на жизнь, скупая и продавая пустую землю. Единственным способом заработать на ней оставалось бы сделать что-то продуктивное. Таким образом, земельные монополии были бы разрушены, а земля – занята людьми, создающими фермы, предприятия и дома. Результаты их усилий не будут облагаться налогом. Ничто не будет ограничивать их продуктивность, и бедность исчезнет.

Так выглядит утопический проект джорджистов. Арден до сих пор функционирует по этим принципам. Согласно переписи 2020 года, в коммуне проживает 430 человек (277 домохозяйств), а уровень бедности составляет 6,1%, что ниже уровня по штату на 4,4%¹. Земля никому не принадлежит – её арендуют у местных властей. Единственный налог, который жители Ардена платят, – это налог на стоимость земли. Формально Арден – это живой пример мечты Джорджа.

Вторым источником вдохновения для колонистов стал английский писатель Уильям Моррис, также известный своими стремлениями к социальным преобразованиям. Он был одним из ведущих сторонников возрождения средневекового способа производства и творчества. Утопический роман Морриса «Вести из ниоткуда» описывает идеальный мир, основанный на ценностях сообщества ремесленников². Прогулявшись по Ардену, можно с легкостью разглядеть средневековую эстетику в архитектуре и в организации сообщества: коммуна разделена на гильдии по интересам.

Практическая реализация утопии. Творческая среда невозможна без предварительного решения экономических вопросов. Чтобы устранить неравенство, основатели колонии первым делом установили систему «единого налога» Джорджа. Такая форма землевладения должна была помочь основателям Ардена создать место социальной гармонии — открытое сообщество, где были бы рады всем независимо от класса или политической идентичности. Стивенс и Прайс считали, что именно сочетание экономической реформы и работы по построению общества по средневековому типу станет наиболее действенным средством, избавляющим людей от нищеты и неравенства.

Хотя в намерения Прайса и Стивенса входило передать эту землю в вечное пользование, Арден по форме был создан как трастовый фонд с налогообложением ценности земли. В октябре 1901 года собственность была передана первым попечителям Ардена. Такая форма владения землей, по мнению основателей, превосходила частную собственность, позволяя всему сообществу получать выгоду от роста стоимости земли. Таким образом, соблюдался главный завет Джорджа — земля принадлежит всем. Жители Ардена получили 99-летнее возобновляемое право аренды. Улучшения участка не должны были влиять на арендную ставку, которая покрывала налог и работу госслужащих. Излишки доходов шли на благоустройства общины, гарантируя отсутствие земельных спекуляций.

Фрэнк Стивенс и Уилл Прайс использовали свои архитектурные и дизайнерские таланты, чтобы разработать план сообщества. Он был призван создать идеальные условия для мирной жизни, творчества, равенства, сотрудничества и любви к природе. Как только экономическая система была выстроена, Стивенс и Прайс принялись за социальную организацию коммуны. У Морриса они позаимствовали концепцию сообществ ремесленников, черпающих вдохновение, работая в среде,

---

¹ U.S. Census Bureau, "Arden village, Delaware" URL: https://data.census.gov/profile/Arden_village,_Delaware?g=160XX00US1001400, accessed on 27.10.2024.

² Morris W. News from nowhere. Martino Fine Books, 2018. 200 p.

где доминируют музыка, театр и другие виды искусства. Основной ячейкой социальной организации Ардена стала ремесленная гильдия в средневековом стиле. Каждая гильдия специализировалась на определенной области: спорт, музыка, ремесленничество и наука.

Физическая организация Ардена играет важную роль в достижении целей Стивенса и Прайса. Ландшафтные элементы плана Ардена подталкивали жителей к контакту с природой. Дома были небольшими, чтобы соседство развивалось путем социального взаимодействия. Почти 50% площади Ардена были отданы под общественные нужды¹.

Заключение. После смерти Г. Джорджа в 1897 году его философия постепенно утратила политический потенциал, но осталась мощным идейным стержнем для многих интеллектуалов и политиков XX в. от Уинстона Черчилля до Льва Толстого. Сегодня джорджизм трудно разместить на политических координатах. Джордж писал в эпоху, когда современное деление на «правых» и «левых», «республиканцев» и «демократов» еще не было настолько актуальным, как сейчас, а политическое будущее Америки представлялось неопределенным. Тот факт, что в наше время, когда большинство американцев имеет четкую политическую идентификацию и скованы взглядами, созданными средствами массовой информации, в штате Делавэр существует место, где все еще придерживаются не поддающихся классификации утопических взглядов, удивительно.

Не имея никакого существенного влияния на современную американскую политику, Арден, тем не менее, связан с ней. Все дело в том, что в возрасте 12 лет в коммуне проживал 46-ой президент США Джо Байден. На взгляды политика, как показало его президентство, это не оказало никакого влияния — в США по-прежнему не приняли систему «единого налога» на федеральном уровне.

Библиография

1. *Edwards E. H.* Arden: The Architecture and Planning of a Delaware Utopia: a Ph.D. Dissertation Presented to The University of Pennsylvania. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1993.
2. *Gaffney M. George, Henry* // The New Palgrave Dictionary of Political Economy: Third Ed. London: The Macmillan Press, 2018. P. 5228-5230.
3. *George H.* Progress & poverty: an inquiry into the cause of industrial depressions, and of increase of want with increase of wealth: the remedy. London: William Reeves, 1884.
4. *Morris W.* News from nowhere. Martino Fine Books, 2018.
5. U.S. Census Bureau, "Arden village, Delaware" URL: https://data.census.gov/profile/Arden_village,_Delaware?g=160XX00US1001400, accessed on 27.10.2024.
6. *Wolfe N. T.* The Single Taxers' 'Invasion' of Delaware // American Journal of Economics and Sociology. 1976. Vol. 35. №. 1. P. 95-104.

---

¹ *Edwards E. H.* Arden: The Architecture and Planning of a Delaware Utopia: a Ph.D. Dissertation Presented to The University of Pennsylvania. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1993. 169 p.

Попова Юлия Вениаминовна

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии факультета истории, теологии и международных отношений Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского
Омск, Россия

ФРАНЦУЗСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ О ПАРТИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ

Аннотация

В статье обозначается «незаметность» для французских просветителей появившихся в современной им Англии политических партий и партийных споров. На основе работ французских просветителей Вольтера и Монтескье, посетивших королевство, предлагается объяснение такой «невнимательности» особым «углом зрения»: конфликт с абсолютной королевской властью обесценивал необходимость межгрупповых конфликтов.

Ключевые слова: французские просветители, политические партии, Вольтер, Монтескье, английская монархия.

Французская просветительская мысль, критикуя современный ей французский государственный и общественный строй и выделяя в нем недостатки, ошибки и опасности, не могла не предлагать альтернативы. Источником идей и примером, который давал возможность видеть другое и служить назидательным образцом, была Великобритания. Хорошо известно англофильство старших французских просветителей. Многие из них находили там прибежище от преследований французских властей, источник новых знаний и опыт политических дискуссий.

Одним из примечательных результатов политических изменений в Англии в XVII в., было оформление партий. Как указывает Т.Н. Лабутина, «термин «партии» употребляли английские просветители XVIII в. Г. Болингброк, Д. Дефо, Дж. Свифт, Ф. Честерфилд»¹, но «но ни в одном из произведений просветителей не найдется положительных оценок возникшего в обществе деления на партии. Напротив, просветители нередко выступали с осуждающими речами по адресу партийных распрей»². Рассматривали ли французские просветители партии, политическую оппозицию как необходимые составляющие политического пространства? Обратимся к текстам двух столпов французского Просвещения – Монтескье и Вольтера.

Вольтер покинул Францию и прибыл в Лондон в августе 1726 года, пробыв в Англии три года. В 1731 г. были изданы его «Письма об Англии». В них главное внимание Вольтер обращает на актуальные для него как для француза вопросы: религию, развитие научного знания, отношения государства и писателей. Но есть в них и есть два письма: VIII «О парламенте» и IX «О правительстве», где речь идет о политических институтах. Характеризуя достигнутый англичанами результат, Вольтер пишет: «Англичане – единственный народ на земле, который смог ограничить власть королей, сопротивляясь им, и который ... установил мудрое правление, при котором принц всемогущ, чтобы творить добро, и в то же время сдержан от

¹ Лабутина Т.Л. Политические партии Англии в оценках ранних просветителей // *Historia provinciae* – журнал региональной истории, 2017, Т.1, № 2. С. 5-19. С.5.

² Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012. С. 62.

совершения зла; ... и где люди участвуют в управлении страной без какой-либо путаницы»¹. Вольтер ценит английскую систему за установленный баланс между палатами лордов и общин, что исключает конфликт. Он вообще крайне критично отзывается о любых спорах по поводу религиозных и политических вопросов, поскольку на опыте римлян приходит к заключению, что «раздоры ... ввергли их в рабство»². Но, характеризуя парламентскую жизнь, он не замечает в них партий. В IX письме, давая краткий экскурс в английскую историю, он также обходит вниманием неоднородность политических позиций парламентариев. Вольтер понимает политическую систему как на целое, где есть оппозиция: власть (король) – народ, и усматривает во внутригрупповых спорах источник ослабления целого и причину утраты свободы, предпочитая использовать термины, обозначающие целое: народ, нация. Для Вольтера важен баланс между частями политической системы, разлад внутри отдельной части – путь к утрате свободы: «гражданские войны Рима закончились рабством»³.

Ш.Л. Монтескье в своей работе 1748 г. «О духе законов», описывая государственный строй Англии и парламент, в частности, тоже не указывает на наличие в нем или хотя бы на возможность наличия разных политических позиций. Напротив, он в парламентариях видит только функцию территориального представительства интересов всей нации: «Люди гораздо лучше знают нужды своего города, чем нужды других городов.... Поэтому членов законодательного собрания не следует избирать из всего населения страны в целом, жители каждого крупного населенного пункта должны избирать себе в нем своего представителя. [...] ...Депутаты... являются представителями городов и местечек, как в Англии»⁴. Тем самым, с точки зрения Монтескье, цель представительства – формирование целостного интереса нации, а не заявление и отстаивание отдельных разнородных позиций. Наличие в английской политической системе разных партийных интересов он не замечает. Да, он понимает, что интересы благородных, знатных и народа, интересы разных городов и местечек различны, но парламент должен их объединять, а не поддерживать конкуренцию между ними. Разобщенное внутри себя государство не может быть устойчиво. Единство воли отдельных людей «и есть то, что ... называется гражданским состоянием»⁵. Рассуждая о республике, Монтескье указывает, что разделение народа на классы (т.е. на группы) – это результат сознательной деятельности законодателя: «В различных способах производить это разделение особенно наглядно проявился гений великих законодателей. Именно от правильности этого разделения и зависели всегда прочность и процветание демократии»⁶. И оно не отражает естественной противоположности общественных интересов.

В «Размышлениях и причинах величия и падения римлян» Монтескье, прослеживая исторический путь Рима от возвышения до гибели, сравнивая его с другими народами из римского мира, также делает акцент на балансе отношений

---

¹ *Voltaire. Letters on England.* / Ed. Henry Morley. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/2445/pg2445-images.html>

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Монтескье Ш.Л.* О духе законов [пер. на рус. яз. А. Горнфельда; вступит. ст. Д. Хаустова]. М., 2019. С. 153-154.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Там же. С. 17.

разных сил внутри государства. Секрет устойчивости и восхождения римского государства – в умении поддерживать баланс, уравнивать различные части общества. Когда внутренне неоднородному целому нет противовеса, то в государстве наступает хаос. Фактически, Монтескье воспроизводит идею смешанного правления, которая и обеспечивает для политического целого искомое равновесие: «Рим имел прекрасное правительство, поскольку он с самого начала имел такое устройство, что или дух народа, или сила сената, или авторитет известных магистратов могли всегда исправить всякое злоупотребление властью. [...] Свободное государство, т. е. постоянно волнуемое борьбой партий, может сохранять себя только в том случае, если оно способно исправлять свои ошибки благодаря своим собственным законам»¹. Но, опять же, Монтескье разнообразие интересов соотносит с имущественными, территориальными различиями, различиями в происхождении и вере. Но это не есть партия(и) как оппозиция власти, ценная своей критикой и замечаниями в адрес последней. Ценностью обладает баланс и достижение компромисса. Сам по себе спор как обозначение различий опасен: гражданские раздоры, «терзавшие Рим», не позволили ему дать отпор Понтийскому царю². Упомянув и в этой работе Англию, Монтескье не замечает партий, но делает акцент на балансе ветвей власти: «Мудрость английского правительства заключается в том, что в нем есть учреждение, которое все время проверяет правительство и в то же время проверяет самого себя; поэтому ошибки правительства никогда не бывают длительными и часто даже становятся полезными, благодаря тому что они обращают на себя внимание нации»³.

Французские просветители, наблюдавшие английские порядки, не замечали партий, поскольку они не вписывались в их миропонимание: имея как актуальный открытый конфликт с королевской властью, они не могли допустить мысль о пользе конфликтности внутри одной из сторон.

Библиография

1. *Лабутина Т.Л.* Политические партии Англии в оценках ранних просветителей // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2017, Т.1, № 2, С. 5–19.
2. *Лабутина Т.Л., Ильин Д.В.* Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012.
3. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов [пер. на рус. яз. А. Горнфельда; вступит. ст. Д. Хаустова]. М., 2019.
4. *Монтескье Ш.Л.* Размышления о причинах величия и падения римлян // Монтескье Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян / Пер. с фр.; Вступ. ст. и коммент. Н. Саркитова. М., 2002. С. 259–389.
5. *Voltaire.* Letters on England / Ed. Henry Morley. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/2445/pg2445-images.html>

---

¹ *Монтескье Ш.Л.* Размышления о причинах величия и падения римлян // Монтескье Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М., 2002. С. 259–389. С. 304.

² Там же. С. 298.

³ Там же. С. 304.

Пшенов Никита Максимович

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

«РЕСПУБЛИКА ДУХА» В РОМАНЕ ГЕРМАНА ГЕССЕ «ИГРА В БИСЕР»

Аннотация

В статье рассматривается социально-политическая проблематика утопического проекта «республики духа», представленного в романе Германа Гессе «Игра в бисер», и его анализ данной проблематики. На основе этого делается вывод об оценке возможностей данного проекта и социально-политических взглядах, выраженных Германом Гессе в романе «Игра в бисер».

Ключевые слова: социально-политическая проблематика, «республика духа», массовая культура, соотношение духа и политики.

Герман Гессе (1877–1962) – выдающийся немецкий и швейцарский писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии 1946 года по литературе. Как и многих его современников, очевидцев Второй мировой войны и развития массовой культуры, Германа Гессе заботил вопрос сохранения культурного богатства в индустриальном и постиндустриальном обществе. Его взгляды на проблему существования духа в индустриальном мире вызывают особый интерес у исследователей, в том числе и из-за малоизученности социально-политических идей Г. Гессе. Вопреки сложившемуся образу «одинокого анахорета, отвернувшегося от действительности», Г. Гессе, по выражению советского и российского литературоведа-германиста В.Д. Седельника, «был в высшей степени политическим писателем, более дальновидным и проницательным, чем многие профессиональные политики»¹. Именно поэтому, размышляя о сохранении культурного богатства, Г. Гессе уделяет большое внимание социально-политической проблематике этого вопроса, для демонстрации и анализа конструируя в своем романе «Игра в бисер» (1931–1942 годы) знаменитую «республику духа».

«Республика духа» (она же – Касталия и Провинция) – элитарное государство интеллектуалов². Понимание не только происхождения самого термина, но и сущности «республики духа» начинается с ее предыстории. Роман, написанный с позиции будущего, представляет ее нам как ответ группы неких европейских интеллектуалов на кризис культуры и духовности в XX веке, для которого Г. Гессе вводит понятие «фельетонная эпоха». По мнению Гессе, эта эпоха «отнюдь не была ни бездуховной, ни даже духовно бедной. Но она... не сумела отвести духовности подобающее ей место и роль в системе жизни и государства»³. Культура и духовность в фельетонную эпоху не имеют никаких высоких целей, находятся в обслуживающем положении.

«Республика духа» построена на контрасте с массовой культурой. Вместо низкокачественных, изданных для широкого потребления фельетонов – зачастую даже

¹ Седельник В.Д. «Я верю в законы человеческого рода» // *Гессе Г. Письма по кругу* // Сост., авт. пред. и ком. В.Д. Седельник. М., 1987. С. 6.

² Исследователь философии и творчества Г. Гессе Н.В. Бороденко называет Касталию «утопическим опытом». См. Бороденко Н.В. Противостояние двух миров в романе Г. Гессе «Игра в бисер» // *Известия Самарского научного центра РАН*, 2011. С. 1444.

³ *Гессе Г. Игра в бисер* / Перевод с немецкого С. Апта. М., 2022. С. 10.

слишком специализированные исследования, вместо обслуживающего положения писателей и публицистов — элитарность и полная свобода от материальных проблем, вместо погони за славой и дешевой популярностью — суровая дисциплина и практически монашеский отказ от внешнего мира, вместо «девальвации слова» — жесткий контроль за творчеством и ограничение всего нового. Само название «республики духа» говорит о том, что в ее основе — чистая, идеальная духовность, культура ради культуры. Г. Гессе связывает такую культуру с символом игры в бисер, через который он демонстрирует интеллектуальность и возвышенность, и при этом полную практическую бесполезность культуры ради культуры, которая не создает ничего нового.

Все устройство Касталии подчинено идее сохранения духовности, максимально отделенной от материальных интересов. «Назначение Касталии – сформировать механизмы сохранения культуры и интеллекта, превратившись в некую уникальную «коллективную» личность, отрешенную от повседневных земных забот обыкновенных людей»¹, - указывает Н.В. Бороденко. Формирование такой коллективной личности начинается с самого детства жителей Провинции. Касталийцы отбирают по всей стране лучших учеников, достойных обучаться и работать в Провинции, предпочитая при этом сирот, как практически несвязанных с внешним миром. В Касталии они получают возможность заниматься наукой и искусством, не заботясь при этом о материальном благополучии, но взамен отказываются от семьи, собственности, жизни вне Касталии и, что самое главное – от индивидуального творчества. Именно отказ от индивидуального творчества становится главной основой касталийского коллектива и духовности. Об этом же пишет Г. Гессе: «Один из высших принципов нашей духовной жизни – это как раз стирание индивидуальности, как можно более полное подчинение отдельного лица иерархии Педагогического ведомства и наук»². Строгая иерархия поддерживается Орденом, в состав которого входят все, живущие в Провинции. Его правление осуществляет руководство Провинцией и ее связь с внешним миром. Под таким же строгим контролем находится деятельность в науках и искусствах - ее контролирует избираемая коллегия магистров, каждый из которых представляет свою сферу, как, например, магистр музыки, магистр Игры и т.д.

Как уже говорилось выше, «республика духа» создана Г. Гессе для демонстрации и анализа социально-политической проблематики сохранения культурного богатства. Свой анализ Г. Гессе излагает через авторские замечания, а также через беседы Кнехта, который ведет их как с выходцами из «внешнего мира» (т.е. из среды людей, живущих вне Касталии) Плинио Дезиньори и отцом Иаковом, так и с настоящими жителями Провинции -Фрицем Тегуляриусом и Дюбуа. Ключевая социально-политическая проблема Касталии заключается в том, что она представляет собой культуру ради культуры, следовательно, практически ничего не производит для государства, но при этом зависима от него во всем. Содержание Касталии удовлетворительно лишь настолько, насколько государство готово уважать и содержать «республику духа», поэтому любые изменения политического климата в нем могут тяжело сказаться на Провинции. При этом Г. Гессе замечает, что жители Касталии намеренно игнорируют социально-политическую жизнь, замыкаясь в «политической невинности и наивности» и даже считают политику едва ли не нечистым делом. Этим

---

¹ Бороденко Н.В. Противостояние двух миров в романе Г. Гессе «Игра в бисер» // Известия Самарского научного центра РАН, 2011. С. 1444.

² Гессе Г. Игра в бисер / Перевод с немецкого С. Апта. М., 2022. С. 4.

Гессе демонстрирует, как аполитичность, которая могла бы представляться достоинством интеллектуалов, становится их опасным недостатком, ведь в силу этой отвлеченности они не представляют себе ни причины возникновения, ни будущего Касталии. Для людей, оторванных от истории и политики, она представляется чем-то естественным, вечным, само собой разумеющимся. И это становится второй важной социально-политической проблемой.

Г. Гессе выдвигает решение проблемы зависимости от внешнего мира с помощью подвижничества, строгого морального облика, дисциплины и аскетизма. Только они становятся для Ордена единственной возможностью оправдаться в глазах внешнего мира за свою практическую неприменимость, элитарность и те средства, которые тратятся на содержание Провинции. Для поддержания такого образа жизни в Ордене действует особая форма касталийской духовности, заключающаяся в медитации и самопознании. Касталийская духовность направлена на самодисциплину духа, на осознание своего места в мире и в Провинции. Однако на примере Фрица Тегуляриуса Г. Гессе показывает, каким становится касталиец, не задумывающийся о политике и, следовательно, не понимающий смысла поддерживать такой образ жизни. Его свойства – болезненное сознание собственного аристократизма, ненадежность, недисциплинированность, неуживчивость. Торжество элитарности и эгоцентризма вопреки политической реальности должно привести к появлению новой Касталии, «где у высокоразвитой и вольной духовности не было уже других целей, кроме любования собственной изоэщренностью»¹. «Стоило лишь Касталии, – размышляет Гессе посредством своего персонажа Кнехта, – чуть выше поднять стены своей аристократической изолированности, стоило ослабеть орденской дисциплине... как Тегуляриус перестал бы быть чудачком-одиночкой, а стал бы представителем вырождающейся и гибнущей Касталии». Вряд ли такая Касталия по-прежнему бы пользовалась уважением и материальной поддержкой внешнего мира. «Касталийцы обречены, ибо они аристократы, каста. Сословие аристократов духа, замкнутое в себе и не служащее обществу, неизбежно приходит к вырождению и гибели, считает писатель»². Следовательно, мы видим, как проблема соотношения духа и политики становится непреодолимым препятствием не только на пути решения проблемы зависимости, но и на пути «республики духа» в целом.

Таким образом, Гессе принадлежит внушительный и тщательно прописанный утопический проект «республики духа». Оценка самим Г. Гессе этого проекта интерпретируется неоднозначно. Исследователь творчества и философии Гессе Н.В. Рожкова пишет: «С упорством, достойным уважения, Гессе отстаивает право некоторой части населения заниматься исключительно духовной деятельностью, право духовной культуры на уважение и почитание»³. Однако автор, хоть и действительно описывает Касталию с любовью и симпатией, но признает социально-политические риски ее существования, как это видно из его анализа. Более того, Г. Гессе признает, в некоторой степени, обреченность этого утопического проекта, поскольку главный герой произведения, Иозеф Кнехт, в конечном итоге отказывается от поста магистра Игры и покидает Провинцию, чтобы стать простым учителем и приносить пользу людям во внешнем мире. Свое отношение к одной из главных затронутых социально-

¹ Гессе Г. Игра в бисер / Перевод с немецкого С. Апта. М., 2022. С. 245.

² Маркович Е.И. Герман Гессе и его роман «Игра в бисер». М., 1969. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/literature3/markovich-69.htm>

³ Рожкова Н.В. Мировоззренческие странствия Германа Гессе: путь писателя в поисках истинного бытия. СПб, 2014. С. 95.

политических проблем – проблеме соотношения духа и политики – сам Герман Гессе красноречиво выразил в письме Томасу Манну: «Когда дух чувствует себя обязанным участвовать в политике, когда мировая история призывает его к этому, он, по кнехтовскому и моему мнению, непременно должен следовать этому зову»¹.

Можно сделать вывод о том, что, по мнению Германа Гессе, разрыв между духом и политикой, который лежит в основе социально-политической специфики «республики духа», пагубен для нее. Утопическая Провинция, которая ради сохранения культуры откажется от истории и политики, станет жертвой непонимания своих жителей того образа жизни, который диктует им политическая необходимость, социально-политических проблем, связанных с зависимостью «республики», а также нежелания разбираться в них.

Библиография

1. *Бороденко Н.В.* Противостояние двух миров в романе Г. Гессе «Игра в бисер» // Известия Самарского научного центра РАН, 2011.
2. *Гессе Г.* Письма по кругу / Сост., авт. пред. и ком. В.Д. Седельник. М., 1987.
3. *Гессе Г.* Игра в бисер / Перевод с немецкого С. Апта. М., 2022.
4. *Маркович Е.И.* Герман Гессе и его роман «Игра в бисер». М., 1969.
5. *Рожкова Н.В.* Мироззренческие странствия Германа Гессе: путь писателя в поисках истинного бытия. СПб, 2014.
6. *Седельник В.Д.* «Я верю в законы человеческого рода» // Гессе Г. Письма по кругу. М., 1987.

Разумкова-Красавина София Артемовна

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

ТЕЛЕМСКАЯ УТОПИЯ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ФРАНСУА РАБЛЕ

Аннотация

Аннотация Работа посвящена творчеству одному из деятелей эпохи Возрождения Ф. Рабле, который в своем произведении «Гаргантюа и Пантагрюэль», используя различные формы народной смеховой культуры, показал стремление того времени к обновлению государственной и церковной идеологии. Одним из таких эпизодов является проект Телемского аббатства.

Ключевые слова: Рабле, Возрождение, «Гаргантюа и Пантагрюэль», Телемское аббатство.

Франсуа Рабле – один из деятелей эпохи Возрождения, которая характеризуется переменами в историческом сознании. В своем произведении «Гаргантюа и Пантагрюэль» он отразил эти тенденции, используя различные формы народной смеховой культуры, достигшие к тому времени пика в своем стремлении к обновлению государственной и церковной идеологии, а также, в некоторых эпизодах, официальный

¹ *Гессе Г.* Письма по кругу / Сост., авт. пред. и ком. В.Д. Седельник. М., 1987. С. 270.

стиль эпохи Ренессанса, соответствовавший передовой и прогрессивной позиции французского гуманиста. Одним из таких эпизодов является проект Телемского аббатства.

Телем (от греч. «желание») – это традиционная гуманистическая утопия, где люди пользовались полной свободой как от принуждения, так и от бытовых нужд¹. Догмы официальной церкви их не ограничивали, и они могли заниматься самообразованием, имея в распоряжении обширные коллекции книг на разных языках, в том числе те, которые запрещала церковь. Телемиты были гармонично развитыми личностями, прекрасными не только внешне, но и внутренне. Свободу монахам и монахиням гарантировало единственное правило монастыря: делай, что хочешь. Однако эта свобода не превращалась у них в бесправие. Они обладали той честью, что наставляет человека на добрые дела и отвлекает от порока в свободном обществе. В несвободном же эта сила, по мнению Рабле, нацелена на то, «чтобы сбросить с себя и свергнуть ярмо рабства»². Таким образом, вся жизнь телемитов была подчинена «их собственной доброй воле и хотению»³, причем в своих желаниях они достигли полного согласия: делали все вместе то, чего хотелось одному.

Телемскую утопию можно понимать по-разному, а через нее – по-разному понимать Рабле.

Александр Николаевич Веселовский, филолог и историк литературы, говорит, что ни в коем случае не следует видеть в Телеме пародию, так как этот эпизод слишком серьезен и далек от реального положения дел. Также невозможно считать Телем идеалом общественного устройства, ведь на содержание телемитов работает немало людей, а значит благополучие достается не всему обществу, а лишь ее части. Веселовский видит в Рабле рядового придворного гуманиста, мечтавшего о создании некоего подобия Телема, где такие мыслители, как он, могли бы свободно развивать свои идеи. По мнению историка литературы, Рабле пишет для гуманистов, не для всего общества⁴.

В полемику с ним вступают литературоведы С.Д. Артамонов и Л.Е. Пинский. Последний подчеркивает, что идеалы Телемской жизни, хоть и показали свою несостоятельность, задумывались, как полезные для перевоспитания всего общества, в котором человечность будет свободна от капишула и устава⁵. Артамонов же, в свою очередь, считает, что во времена Рабле вопрос необходимости труда, нравственной и физической потребности в нем, вследствие которой исчезла бы необходимость принуждения одних другими, еще не был решен, и автор не выбирает путь эксплуатации телемитами мастеров сознательно, а лишь заходит в характерный для своего времени тупик⁶.

Свое понимание Телема и самого Рабле предлагает философ, культуролог и литературовед М.М. Бахтин. Он согласен с Веселовским в том, что Телемская утопия напоминает придворный «гуманистический кружок», но вместе с тем убежден, что тот рассмотрел лишь «официального Рабле», не увидев в его произведении глубоко народные идеи. Телемская гуманистическая утопия – это искреннее и серьезное

¹ Артамонов С. Д. Франсуа Рабле. М.: Художественная литература, 1964. С.121.

² Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. с французского Любимова Н. М. М.: Художественная литература, 1973. С. 154.

³ Там же.

⁴ См.: Веселовский А.Н. Рабле и его роман. Опыт генетического объяснения // Веселовский А. Н. Избранные статьи. Л.: Художественная литература, 1939. С. 398–463.

⁵ См.: Пинский Л. Е. Реализм эпохи Возрождения. СПб.: ЦГИ Принт, 2015.

⁶ См.: Артамонов С. Д. Франсуа Рабле. М.: Художественная литература, 1964. С.154.

рассуждение автора, но не она его «последнее слово»¹. Смех, призванный не просто перевоспитать, но обновить, возродить старое общество, закованное в изжившие себя феодальный строй и религиозные догмы, – вот главное в книге Рабле. Создавая Телем, Рабле тут же смеется над ним веселым народным смехом, понимая, что «народная широта и требовательность» смотрят гораздо дальше любых прогрессивных утопий, ограниченных эпохой. Это несомненно выделяет его среди гуманистов эпохи Ренессанса.

Таким образом, всестороннее понимание эпизода Телемского аббатства и отношения автора к нему является ключом к социально-политической идее Франсуа Рабле, глубоко народной по своей сути и устремленной в будущее.

Библиография

1. *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. с французского Любимова Н. М. М.: Художественная литература, 1973.
2. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965.
3. *Веселовский А. Н.* Раблэ и его роман. Опыт генетического объяснения // Веселовский А. Н. Избранные статьи. Л.: Художественная литература, 1939. С. 398–463.
4. *Пинский Л. Е.* Реализм эпохи Возрождения. СПб.: ЦГИ Принт, 2015.
5. *Артамонов С. Д.* Франсуа Рабле. М.: Художественная литература, 1964.

Семенова (Зверева) Мария Семеновна

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

ИДЕЯ ОБЩНОСТИ В УЧЕНИИ СЕН-СИМОНИСТОВ

Аннотация

В современных исследованиях становится актуальным вопрос общности и социального планирования развития общества. В учении сен-симонистов идея общности становится одной из ключевых, что отличает доктрину сен-симонизма от концепции их учителя Сен-Симона. В статье рассмотрены основные направления развития идеи общности в работах Сен-Симона и сен-симонистов, а также опыт реализации этих принципов.

Ключевые слова: история социально-политических учений, сен-симонисты, Сен-Симон, социализм, концепция общности.

Учение Анри де Сен-Симона оставило след в европейской общественной мысли XIX и XX веков. Более того, его собственные идеи и наследие его учеников оказали влияние на концепции русских мыслителей XIX столетия. Доктрина Сен-Симона недостаточно систематизирована и довольно запутана. Попытку создать на её основе структурированное учение, которое может стать реальным базисом

¹ См.: *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. С. 153, 501.

для общественного движения и нового устройства общества, предприняли его ученики, развив в результате собственные взгляды на его идеи и превратив сен-симонизм в секту.

Идеи Сен-Симона отличаются особым подходом к пониманию исторического процесса. Сен-Симон полагал, что в основе человеческого развития лежат этапы, отличающиеся между собой по формам эксплуатации человека человеком. При переходе с одной стадии общественного устройства на другую человеческая цивилизация развивается качественно и поднимается на новую ступень. При этом реорганизация общества происходит не насильственно и одномоментно, а постепенно и посредством реформ – люди сами должны осознать свою потребность в ученых и промышленниках, которые и поведут это общество дальше. Именно ученые и индустриалы должны, по мнению Сен-Симона, возглавить человечество в будущем.

Сен-Симон считал, что антагонизм и конкуренцию в конечном итоге сменит сотрудничество и согласованный труд на благо всего общества. Это будет сообщество новых людей, живущих по обновленным христианским принципам в согласии и гармонии. Как отмечает А.А. Тесля, выбор именно христианства как основы для нового порядка неслучаен, так как религия пронизывала все общество XIX века и была чем-то самым собой разумеющимся¹. Кроме того, сам Сен-Симон признавал проповедь одним из наиболее эффективных инструментов пропаганды и распространения своих идей среди масс населения и считал, что религию необходимо использовать для объединения людей.

После смерти Сен-Симона его ученики продолжили развивать данную доктрину, создав свою собственную и превратив её в иерархизированную секту. Если сравнивать идеи Сен-Симона и сен-симонистов в разрезе социалистической доктрины, то его ученики смогли придать взглядам французского утописта социалистическое направление. Одно из самых ярких отличий идей Сен-Симона и сен-симонистов – отношение к частной собственности. В работах Сен-Симона нет упоминаний о ликвидации частной собственности. Сен-симонисты же указывали, что необходимо установить общность всего имущества. Сен-симонисты выступали за упразднение всех прав наследования, а частная собственность, по их мнению, постепенно должна превратиться в общественную и управляться производственными фондами. И именно в частной собственности они видели все беды и причины кризисов современной им общественной системы. Сен-Симон связывал возникновение кризисной ситуации с тем, что политическая система перестает справляться с запросами общества. Выходом из кризисной ситуации, в представлении Сен-Симона, является переход на новую стадию развития человечества.

Сен-симонисты противопоставляли свою политическую и экономическую систему существующей, основанной на принципе *laissez faire*². Необходимо упомянуть, что в числе сен-симонистов было много банкиров, финансистов и чиновников, оставивших после себя ряд работ, посвященных экономической стороне общественной жизни и её реорганизации. Сам Анфантен в опубликованных лекциях

---

¹ Тесля А.А. Опыт о братстве: политическая мысль модерна // Вестник Свято-Филаретовского института. 2021. № 38. С. 184.

² Мишель А. Идея государства: критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М.: Территория будущего, 2008. С. 182; см. также: Гуторов В.А. К вопросу об эволюции веберовской концепции социализма в политическом и научном дискурсе XX в. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2012. Т.8. № 1. С. 5 и сл.

уделял много внимания именно экономической стороне устройства общества¹. Одна из новых идей сен-симонистов заключалась в том, чтобы использовать кредитно-банковскую систему для непосредственного контроля за предприятиями.

Отличительной особенностью сен-симонистов было то, что они пытались реализовать свои концепции на практике. Во время колонизации Францией Алжира и Египта в экспедициях принимало участие много сен-симонистов, которые организовывали в Африке коммуны по принципу ассоциации². Некоторые сен-симонисты, например, Исмаил Урбен, состояли на государственной службе в колониях и влияли на политику, проводимую в них. Во время колонизации Алжира у французской администрации было три варианта взаимодействия с местными жителями: их истребление, ассимиляция, то есть превращение алжирцев во французов, и ассоциация, то есть попытка мирного сожительства двух культур. Сен-симонист Исмаил Урбен, уехавший в Алжир в качестве военного переводчика, придерживался стратегии ассоциации и старался в своих статьях доказать выгоду данной политики как для Алжира, так и для Франции³.

Попытки реализации собственных идей сен-симонистов выражались также в устройстве их школы. После суда над Проспером Анфантенем в 1832 году он вместе с 40 своими единомышленниками поселился недалеко от Парижа в усадьбе своей матери – Менильмонтан. В этой усадьбе они организовали собственную трудовую коммуну, которая жила в соответствии с установленными сен-симонистами правилами. Эти основы были прописаны в “*Le Livre Nouveau des Saint-Simoniens*”, что означает в переводе “Новая Библия Сен-симонистов». Как отмечалось ранее, религия неслучайно становится основой общества. Но если Сен-Симон рассматривал религию скорее с практической точки зрения, а христианство должно было стать нравственной основой общества, то сен-симонисты превратили свое учение в религиозный культ, перенеся акцент с научной составляющей на мистицизм. Сен-симонисты провозглашали полное уничтожение индивидуальности, в том числе и в семье⁴.

Отдельно стоит упомянуть отношение к женщинам у сен-симонистов. В учении Сен-Симона женскому вопросу уделяется не очень много внимания, даже несмотря на то, что после Французской революции проблема эмансипации женщины и её политических прав и свобод стала довольно острой и начал развиваться ранний французский феминизм. Сен-симонисты же, в частности П. Анфантен и С.-А. Базар, в своих лекциях и работах развили тему положения женщины в обществе. Так, они поддерживали равенство полов, считали женщин членами своей школы и называли их «дочерьми» или «сестрами», обсуждали вопрос возможности развода и свободного права вступления в брак. Однако именно разные взгляды на брак и семейные отношения стали камнем преткновения в школе сен-симонистов, из-за которого она распалась в 1830-х, а позднее Анфантен был арестован за нарушение моральных принципов французского общества. В.И. Ионе отмечает, что Анфантен хотел

¹ Кучеренко Г.С. Сенсимонизм в «Политической экономии и политике» Проспера Анфантена // Новая и новейшая история. № 5. 1974. С. 59.

² *Abi-Mershed O.W.* Apostles of Modernity Saint-Simoniens and the Civilizing Mission in Algeria. Stanford University Press, 2010. P. 4.

³ Зверева М.С. Из Франции в Алжир: социально-политические воззрения Исмаила Урбена // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2022.

⁴ Мишель А. Идея государства: критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М.: Территория будущего, 2008. С. 184.

возродить древнее право сеньора, назвав его «правом священнослужителя»¹, что нивелирует суть брака и семьи как отдельной ячейки общества, на чем настаивал Базар. Тем не менее, и А.И. Тургенев², и Базар³ отрицали принцип «общности жен» у сен-симонистов.

Таким образом, в учении сен-симонизма можно найти идеи общности, которые последователи Сен-Симона развили на основе работ своего учителя. Эти концепции развивались и становились всё более радикальными, что привело к распаду школы. Некоторые идеи впоследствии были использованы отечественными мыслителями и марксистскими теоретиками⁴. Сама школа сен-симонизма и её идеи превратились из научной доктрины в мистико-религиозное учение, создавшее культ из Сен-Симона и организовавшее свою закрытую секту.

Библиография

1. Гуторов В.А. К вопросу об эволюции веберовской концепции социализма в политическом и научном дискурсе XX в. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8. № 1. С. 5–17.

2. Гуторов В.А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43.

3. Зверева М.С. Из Франции в Алжир: социально-политические воззрения Исаи Урбена // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛЮМОНОСОВ-2022» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2022.

4. Ионе В.И. Вопросы семейного права и этика межполовых отношений в религиозных дискуссиях сенсимонистов // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. №1. С. 268–276.

5. Кучеренко Г.С. Сенсимонизм в «Политической экономии и политике» Проспера Анфантена // Новая и новейшая история. №5. 1974. С. 55–70.

6. Мильчина В. Частная и общественная жизнь сен-симонистов глазами русского наблюдателя (Из писем А.И. Тургенева 1830 г.) // Новое литературное обозрение. № 13. 1996. №13. С. 315–325.

7. Мишель А. Идея государства: критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М.: Территория будущего, 2008.

8. Сен-Симон К.А. Избранные сочинения / Сен-Симон; Пер. с фр. под ред. и с коммент. Л. С. Цетлина; Вступ. статья В. П. Волгина; М.-Л.: 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1948.

9. Тесля А.А. Опыт о братстве: политическая мысль модерна // Вестник Свято-Филаретовского института. 2021. № 38. С. 180–195.

10. *Abi-Mershed O.W.* Apostles of Modernity Saint-Simonians and the Civilizing Mission in Algeria. Stanford University Press, 2010.

---

¹ Ионе В.И. Вопросы семейного права и этика межполовых отношений в религиозных дискуссиях сенсимонистов // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. №1. С. 271.

² Мильчина В. Частная и общественная жизнь сен-симонистов глазами русского наблюдателя (Из писем А.И. Тургенева 1830 г.) // Новое литературное обозрение. №13. 1996. №13. С. 318.

³ Ионе В.И. Вопросы семейного права и этика межполовых отношений в религиозных дискуссиях сенсимонистов // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. №1. С. 274.

⁴ См. Гуторов В.А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 42–43.

Сморгунов Леонид Владимирович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета

Санкт-Петербург, Россия

**ЗНАЧЕНИЕ РАБОТЫ НИКОЛЯ ДЕ КОНДОРСЕ
«ЭССЕ О ПРИМЕНЕНИИ АНАЛИЗА ВЕРОЯТНОСТИ РЕШЕНИЙ,
ПРИНЯТЫХ БОЛЬШИНСТВОМ ГОЛОСОВ» (1785)
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРАДОКСОВ В ПОЛИТИКЕ**

Аннотация

В статье рассматривается значение парадокса голосования Н. де Кондорсе для изучения коллективного выбора, основанного на правиле большинства и рациональности участников голосования. Описываются общие правила голосования по Кондорсе и предпосылки рационального выбора. Дальнейшее развитие концепция Кондорсе находит в теореме «невозможности» Кеннета Эрроу, который развил теоретические основы коллективного принятия решений. Анализируются ограничения теоремы «невозможности» Эрроу.

Ключевые слова: парадокс голосования Кондорсе, правило большинства, коллективный выбор, теорема «невозможности» Эрроу, ограничения парадоксов.

В теории публичного выбора отмечается анализ ряда парадоксов, которые сопровождают агрегативные модели политических порядков, основанных на принятии решений голосованием по правилу большинства. Одним из таких парадоксов выступает парадокс голосования Кондорсе, выявленный им в работе «Эссе о применении анализа вероятности решений, принятых большинством голосов»¹ (1785). Кондорсе установил, что если существует разный порядок предпочтений у трех индивидов, и они принимают коллективное решение на основе правила простого большинства, то удовлетворительное решение демократическим путем не может быть найдено. Оно может быть достигнуто либо «диктаторски», либо с помощью манипуляции.

Пусть имеются три индивида (1, 2, 3) с предпочтениями А, В, С, которые упорядочены следующим образом:

1. $A > B > C$
2. $C > A > B$
3. $B > C > A$

А, В и С являются альтернативами, из которых осуществляется выбор. Альтернативы могут касаться различных политических идеологий (капитализм, социализм, коммунизм), различных политических программ (повысить налоги, понизить налоги, оставить все по-прежнему), различных кандидатов и т.д. Если выбор осуществляется последовательно из пары альтернатив, то при сравнении альтернатив А и В по большинству голосов должна победить альтернатива А, так как первый и второй индивид А предпочитают В. Если речь идет об альтернативах В и С, то выберут альтернативу В. При сравнении альтернатив С и А преимуществом обладает альтернатива С. Так

¹ *Condorcet M. Essai sur l'application de l'analyse à la probabilité des décisions rendus à la pluralité des voix. Paris: Imprimerie Royale, 1785.*

как групповые предпочтения здесь не являются транзитивными, т.е. отсутствует условие, при котором, если $A > B$, а $B > C$, то $A > C$, следовательно групповой выбор в соответствии с правилом большинства сделать невозможно, т.е., при рациональном коллективном выборе решений возникает нерациональный результат.

В теории общие предпосылки теоретического описания объединения предпочтений посредством голосования сводятся к следующему:

1. Индивиды знают свои предпочтения, и они являются фиксированными.
2. Они знают и способны оценивать все альтернативы.
3. Правила игр известны и поняты всеми.
4. Каждый индивид является рациональным и не страдает от информационной перегрузки или от вычислительных проблем при принятии решения.

5. Возможно рассматривать проблему социального выбора в статическом контексте, т.е. статическая модель служит в качестве разумного приближения к такому реальному процессу социального выбора, как голосование¹ (см.: Shubik, 1982, p. 386).

Парадокс Кондорсе был положен в основание своего исследования теоремы «невозможности Кеннет Эрроу – лауреат Нобелевской премии по экономике. Суть теоремы «невозможности» Эрроу, представленной им в опубликованной в 1951 г. докторской диссертации «Социальный выбор и индивидуальные ценности»², состоит в том, что не существует возможность найти демократические правила для коллективного выбора решения относительно общего блага, основываясь на порядке предпочтений отдельных индивидов.

Эрроу наряду с этим особо выделяет такие предпосылки рационального выбора, совокупность которых никогда, по его мнению, не может быть одновременно обнаружена в коллективном выборе, т.е. последний всегда будет или «диктаторским» (навязанным) или достигнут с помощью манипуляции. К числу таких предпосылок относятся: (1) транзитивность предпочтений, т.е., если $A > B$, а $B > C$, то $A > C$; (2) результативность выборов, т.е. выбор возможен при любом сочетании предпочтений; (3) «независимость иррелевантных альтернатив», т.е. возможность попарного сравнения имеющихся альтернатив безотносительно к другим альтернативам; (4) «позитивная связь индивидуальных и социальных ценностей», т.е. переупорядочивание одним индивидом своих предпочтений в пользу альтернативы X, когда никто другой не изменял своих предпочтений, не должно вести к понижению этой альтернативы при коллективном упорядочивании; (5) оптимальность выбора, при которой он не должен быть ни диктаторским, ни навязанным (манипулируемым). Под диктаторским он понимает выбор, при котором принимается упорядочивание одного индивида независимо от других порядков предпочтений. Под навязанным понимается выбор между двумя альтернативами, независимо от всех возможных комбинаций индивидуальных порядков.

Теорема «невозможности» Эрроу, однако, имеет свои ограничения, связанные с положенными в ней предпосылками и с общим выводом о невозможности коллективной рациональности³. Во-первых, коллективный выбор может зависеть от порядка рассматриваемых пар предпочтений. Во-вторых, ограниченным считается

¹ Shubik M. Game Theory in the Social Sciences. Concepts and Solutions. Cambridge, M., London, 1982, p. 386.

² Arrow K. Social Choice and Individual Values. New York, 1951.

³ См.: Alker H.R. Mathematics and Politics. New York; London, 1964, p. 144-145; Shubik M. Game Theory in the Social Sciences. Concepts and Solutions. Cambridge, M., London, 1982, p. 386-388; Stefánsson B. On the Fundamental Thought behind Voting Rules // Quality & Quantity. 1995. Vol. 29. № 3. P. 433-438; Mihara H.R. Arrow's Theorem and Turning Computability // Economic Theory. 1997. Vol. 10. № 2. P. 257-276.

рассмотрение Эрроу предпочтений «в одном пакете» при однолинейном их расположении. В-третьих, теорема не допускает интервального измерения полезности предпочтений, следовательно, влияния иррелевантных альтернатив. Решения, полученные при использовании «дилеммы узника» и теоремы Нэша, которые основываются на интервальных шкалах, показали иной результат. В-четвертых, подчеркивается значение так называемого стратегического аспекта голосования, при котором важное значение приобретает знание об альтернативах других акторов. В-пятых, как указывает Даль, при дальнейшем ограничении условий индивидуального выбора (например, порядок предпочтений должен быть однопиковым) метод большинства приведет к решениям, которые будут одновременно транзитивными и не навязанными, и не диктаторскими¹. В России изучение парадокса Кондорсе и теоремы «невозможности» Эрроу сопровождаются их дальнейшим математическим анализом², в контексте общих проблем концепции парадоксов в политике³, а также преференциальных систем голосования⁴.

Библиография

1. Даль Р. А. Введение в теорию демократии. М., 1992.
2. Зобнин А. В. Парадоксология выбора: Выбор в условиях парадоксальности и неопределенности // Политика и общество. 2015. Т. 132. № 12. С. 1633–1652.
3. Савватеев А., Филатов А., Шварц Д. Проблема коллективного выбора, теорема Эрроу и ее короткое доказательство // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2018. № 4. С. 5–22.
4. Худoley Д. М. Парадоксы Кондорсе и их решение // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 288–302.
5. Alker H.R. Mathematics and Politics. New York; London: The Macmillan Company, 1964.
6. Arrow K. Social Choice and Individual Values. New York: John Wiley and Sons, 1951.
7. Condorcet M. Essai sur l'application de l'analyse à la probabilité des décisions rendus à la pluralité des voix. Paris: Imprimerie Royale, 1785.
8. Mihara H.R. Arrow's Theorem and Turning Computability // Economic Theory. 1997. Vol. 10. № 2. P. 257-276.
9. Shubik M. Game Theory in the Social Sciences. Concepts and Solutions. Cambridge, M., London: The MIT Press, 1982.
10. Stefánsson B. On the Fundamental Thought behind Voting Rules // Quality & Quantity. 1995. Vol. 29. № 3. P. 223-240.

---

¹ Даль Р. А. Введение в теорию демократии. М., 1992. С. 49.

² Савватеев А., Филатов А., Шварц Д. Проблема коллективного выбора, теорема Эрроу и ее короткое доказательство // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2018. № 4. С. 5–22

³ Зобнин А. В. Парадоксология выбора: Выбор в условиях парадоксальности и неопределенности // Политика и общество. 2015. Т. 132. № 12. С. 1633-1652.

⁴ Худoley Д. М. Парадоксы Кондорсе и их решение // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 288–302.

Сурганова Ангелина Владимировна

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

НА ГРАНИ РЕВОЛЮЦИИ: РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ НАЧАЛА XIX ВЕКА В РАБОТАХ ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА

Аннотация

Массовость российской галломании, будучи следствием западно-ориентированного политического курса предшественников императора Александра I, достигла небывалого масштаба на начало XIX века. Остаточная политическая самобытность и независимость империи оказывались под угрозой европейских идеологических догм, постепенно формировавших политический ландшафт зарубежья, но неспособных найти применение в чуждых для них российских реалиях. Перед Россией, находящейся на грани поглощения революционными настроениями Европы, стоит выбор: поддаться или оказать сопротивление.

Ключевые слова: история социально-политических учений, консервативная мысль, религия, революция, государственная власть.

Тенденция к универсализации мирового пространства и постепенному примыканию России к этому процессу была начата, по мысли философа, Петром I, который повернул вспять самобытный путь Российского государства, убил свою нацию, вверив страну иностранному вольнодумству, «отняв собственные обычаи, нравы, характер и религию, ... сделал игрушкой нескончаемых перемен»¹. Вырваться из пучины обобществления и постепенного ассимилирования уникального российского организма возможно «лишь посредством революции»². Однако де Местр не раз упоминает о неготовности России к столь радикальным переменам, империя не способна выстоять идеологическое дыхание Европы ввиду отсутствия многовекового культурного иммунитета – с одной стороны, и неустойчивости опоры государственной власти – с другой.

Зыбкость властного аппарата объясняется многолетним порабощением большей части населения: «рабство существует в России потому, что оно необходимо, и потому, что император не может править без рабства»³. Такое положение объясняется условиями становления России XI – XII веков. Сопоставляемая с пустым сосудом, являющая собой только зачатки государственности, Россия подвергается нападкам со стороны монголов, что отчуждает её от процессов, происходивших на Западе, и формирует отличный от Запада конструкт.

«Самое слабое место в такой большой империи»⁴ – это законы, закрепляющие и оберегающие крепостничество масс. Однако, в отношении законов – как инструмента «власть реализующего», де Местр справедливо подмечает, что законы не могут быть главной опорой власти в любом государстве, это место автор закрепляет

¹ Местр Ж. де. Петербургские письма. СПб., 1994. С.179.

² Там же.

³ Местр Ж. де. Четыре неизданные главы о России. СПб., 2007. С. 33.

⁴ Там же. С. 34.

за религией: «гений Франции оседлал гения России,... противу такого превосходства нет иного лекарства, кроме религиозного чувства»¹.

Всепроникающее влияние христианской религии миновало Россию, оно поверхностно, не способно обуздать субстрат личности и искоренять её «преступные желания»². Отсутствие довлеющего положения исконных христианских догм в умах русского народа лишает верховное правление империи необходимой опоры, которая находят себя в устройении дальнейшего «рабства» народа, как единственного источника опоры власти.

Лишённая фундамента российская цивилизация не готова «даровать свободу народу, прежде её вообще не знавшему»³, поскольку такое устройство дел чревато или чередой общественных волнений под личиной революции как реакции на неведомое ранее «освобождение», будоражащее страстный дух русского человека, или отречению в пользу атеистических воззрений, или делегированием властных полномочий центра местным органам власти, использующие метод насильственного притеснения населения «во имя государя».

Постепенное, «бесконечно долгое» освобождение страты закрепощённых России нуждается в успешном поиске опоры власти, которую де Местр, как отмечалось ранее, находит именно в религии. Однако православие, прежде довлевшее, отличалось «античной простотой»⁴, теперь же не имеет былого влияния, народной опоры, оно не способно освободить империю от оков надвигающейся угрозы. С веянием философских умонастроений Запада, обращающих взоры на ещё неподготовленную и несозревшую российскую цивилизацию, фаталистичность восприятия христианской веры сменяется пронизывающей силой республиканского духа протестантизма. «Он протестует против всего, и для России он опасен как ни для какой другой страны»⁵. Находящиеся под влиянием «зародыша мятежа»⁶, веками бытующие религиозные догматы российской цивилизации подвержены народному пересмотру, влекущее «за собой такое же обсуждение политических положений». Опасность, по мысли философа, состоит в неподготовленности России, в отсутствии внутреннего созревания в отношении должного восприятия и последующей интерпретации западных умонастроений, сформированных на основе уникального многовекового Европейского опыта.

«...Русская цивилизация совпала с эпохой наибольшей испорченности человеческого разума»⁷, что чревато не только утратой национального здравого смысла, но и постепенным разрушением стержня российской власти, терпимо поощряющей сосуществование с протестантизмом. Творец как «верховой власти», так и, в целом, «всего сущего», – «сделал верховное правление необходимым»⁸, эта мысль подтверждает богоугодность, неприкосновенность и независимость власти правителя, в единоличном ведении которого и находятся полномочия решения религиозного противоречия, от сути которого зависит дальнейшая судьба империи.

¹ Местр Ж. де. Петербургские письма. СПб., 1994. С.161.

² Местр Ж. де. Четыре неизданные главы о России. СПб., 2007. С. 36.

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ Там же. С. 71.

⁷ Местр Ж. де. Петербургские письма. СПб., 1994. С.185.

⁸ Местр Ж. де. Четыре неизданные главы о России. СПб., 2007. С. 71–72.

Верховенство монарха должно быть иерархически обоснованно и сохраняемо сословной стратификацией российского общества с довлеющей ролью первого сословия – дворянства. «Нет ничего лучше, ничего прочнее наследной монархии»¹, престол которой переходит в руки достойных собственников, по-настоящему являющиеся гражданами, обладающими врождённой благородностью, просвещённость, а главное – умением управлять людьми.

Однако властвованию знати противостоит наука: она опасна, поскольку являет собой канал социального продвижения, тяготеющий к разложению общества посредством предоставления возможности выражать властные притязания народному началу. «Если люди науки займут место знати..., система управления изменится и разрушится»², поскольку «низы, преисполнившиеся гордостью»³, влекомы претворением в жизнь личных амбиций, в таком случае «революция представляется неизбежной»⁴.

Автор видит спасение надвигающейся угрозе разложения общества и власти, как зачатка революционных движений, в отказе от посягательств в отношении распространяющегося среди населения, наделённого смиренностью и верующим духом – католичества⁵. Именно в сосуществовании двух основополагающих вер, взаимно сдерживающих друг друга, вместе борющихся против протестантских сект, сеющих дух противоречия⁶, разлагающих целостную иерархическую систему, ниспровергая тем самым монарха, – заключается спасение России, укрепление религиозной опоры для освобождения народа от оков крепостничества, минующее радикальный революционный исход.

Таким образом, Жозеф де Местр находит ключ к сохранению исторической иерархичности российского общества, оберегая его от силы, сокрушившей не одну европейскую державу, именно в религии, способной противостоять его разложению, исходящему от разрушительных, научно-протестантских преобразований Запада.

Библиография

1. *Местр Ж. де.* Четыре неизданные главы о России. СПб., 2007.
2. *Местр Ж. де.* Петербургские письма. СПб., 1994.
3. *Местр Ж. де.* Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб., 2007.
4. *Местр Ж. де.* Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998.

---

¹ Там же. С. 55.

² Там же. С. 54.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же. С. 74.

⁶ Там же. С. 76.

Тищенко Ростислав Романович

Студент кафедры политического анализа и управления факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени П. Лумумбы

Москва, Россия

ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ ТЕОДОРА КАЧИНСКОГО

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые элементы социально-политического учения Теодора Качинского, а именно «процесс власти» и «самовоспроизводящаяся система». Анализируется, как по мнению Качинского непредсказуемое и непрерывное развитие «самовоспроизводящейся системы» ведёт к подрыву «процесса власти», что ограничивает личную свободу людей и вызывает необходимость её разрушения с помощью революции.

Ключевые слова: антитехнологическая революция, процесс власти, самовоспроизводящаяся система.

Теодор Качинский, известный как «Унабомбер», — американский террорист, математик и философ, чьи идеи об антитехнологической революции и критика существующей цивилизационной модели развития человечества, мир-системы внесли большой вклад в развитие отдельных элементов неолуддизма, постлевого анархизма и прочих радикальных теорий и учений. Несмотря на деятельность и характер учения Качинского, его отдельные части представляют большой интерес для изучения как незаурядного и интересно сложенного взгляда на мир и процессы в нём происходящие. В интернет-пространстве последнее десятилетие Качинский как личность и теоретик набирают определённую популярность, получают признание от медийных личностей, например от Илона Маска¹ или Джо Рогана², однако в отечественной науке стоит большой пробел в теме изучения современных примитивистских учений запада. В связи с этим хотелось бы восполнить часть знания, которая может стать фундаментом для дальнейших исследований и выделить две ключевые концепции (помимо зелёной теории), запускающие общий теоретический маховик учения Качинского.

Одной из первичных идей в учении Качинского является концепция «процесса власти». Стоит конкретно отделить привычный для нас термин «власть», используемый обычно в значении возможности контроля одними индивидуумами других, посредством ряда механизмов, ресурсов и инструментов, которым Унабомбер также пользуется, от «процесса власти» Качинского, обозначающий конкретную комплексную теорию о социально-психологической природе человека, его потребности в стремлении к контролю, собственно властью над своей жизнью, окружением и результатом. По мнению Качинского, так называемый процесс власти состоит из 4 этапов, первые 3 из которых жизненно необходимы для нормального человеческого

¹ 'He might not be wrong': Elon Musk echoes the anti-tech take of notorious terrorist 'the Unabomber' Theodore Kaczynski // Fortune. URL: <https://fortune.com/2023/06/12/elon-musk-ted-kaczynski-unabomber-technology-destroy-humanity/> (дата обращения: 17.10.2024).

² Joe Rogan Experience #1152 - John Joseph. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=_5dMj7iFfGM (дата обращения: 17.10.2024).

существования, последний же является вторичным для некоторой части людей, то бишь необязательным.

1. Цель: человеку необходимо ставить личные цели и интересы, которые он считает важными для своего комфортабельного существования.

2. Усилие: для достижения целей требуются активные действия и работа.

3. Достижение: успешное выполнение цели или части поставленных целей приносит чувство удовлетворения.

4. Независимость: автономность и самостоятельность личности в достижении цели без помощи или при минимальной помощи внешних факторов, личностей или организаций (касательно вторичности этого пункта относительно первых трёх, Качинский пишет о том, что незначительное стремление к власти, удовлетворение самоидентификации с организацией и пассивность отдельных личностей в области решения личных проблем могут нивелировать желание независимости индивидов в контексте процесса власти).

Качинский считает, что существует 3 группы человеческих потребностей¹.

1. Потребности, удовлетворяемые минимальным усилием.

2. Потребности, удовлетворяемые значительным усилием.

3. Потребности, которые не могут быть удовлетворимы полностью вне зависимости от приложенных усилий.

Процесс власти относится к потребностям второй группы, т.к. лишь в условиях потребности этой группы имеются условия, позволяющие достичь цель и применить некоторое усилие. Также это говорит о том, что потребности второй группы ключевые для человека. В случае их неудовлетворения человек оказывается подвержен «комплексу неполноценности: низкой самооценке, ощущению беспомощности, депрессивным тенденциям, поражёнчеству, чувству вины, ненависти к самому себе и т. д.»²

Для избежания возникновения «комплекса неполноценности», Качинский считает, что люди инстинктивно пытаются защититься двумя способами: частично удовлетворяют потребность власти идентификацией с могущественной организацией или массовым движением (личность, полностью растворяясь в аффилиации с организацией, реализует свой «процесс власти» благодаря тому что перенимает цели организации, соответственно, при достижении организацией поставленных задач, радуется им будто его, пускай даже незначительные усилия, сыграли в этом значимую роль), либо же занимаются суррогатной деятельностью³. Суррогатная деятельность, по мнению Качинского, это попытка симитировать проведение «процесса власти», ставя себе искусственные цели, которые невозможно полноценно удовлетворить, отсюда непрерывное стремление к карьеризму, постоянной модификации тел, политической власти (что в том числе играет роль в усилении неравенства и кристаллизует часть общества в элитарные прослойки), признанию и прочему.

Вторая концепция Качинского восходит к анализу и раскрытию сущности, истоков современного индустриального общества. Впадая в органицизм, Качинский приходит к оригинальному мнению того, что современная индустриально-технологическая система, находящаяся в симбиозе с политико-властными институтами стран, является самовоспроизводящейся системой – структурой, которая

---

¹ Качинский Т. Индустриальное общество и его будущее. М.: Опустошитель, 2023. С. 43.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 60–61.

стремится к собственному расширению и самосохранению за счёт автоматизации процессов и технологий. Эта система включает в себя не только экономические и технические аспекты, но и политические институты, социальные нормы и идеологии, которые обеспечивают её стабильность¹. При этом власти человека над системой не существует, он может её разрушить, но не может обуздать или направить по выверенному курсу, потому что она непредсказуема и не поддаётся прогнозированию². Она формирует слишком сложные технологические и социальные процессы, которые выходят за пределы человеческого понимания и контроля.

В нескольких предложениях Качинский даёт общий принцип работы и распространения самовоспроизводящихся систем в своеобразных законах их существования и функционирования:

1. Системы возникают в любой среде, наиболее сложные и изощрённые из них выживают в конкурентной борьбе и впоследствии поглощают оставшиеся, после поглощения более мелких систем они формируют суперсистемы.

2. Естественный отбор благоволит системам, которые преследуют краткосрочные выгоды.

3. Подсистемы зависят от суперсистем и их условий существования.

4. В рамках социально-политических суперсистем ограничение их географического расширения заключается лишь в транспортных и коммуникационных сложностях.

5. Когда коммуникационные ограничения распространения суперсистем минимальны, естественный отбор стремится к заключению власти в руках небольшого числа глобальных суперсистем.

Для обеспечения своей устойчивости, по мнению Качинского, система подвергает человека социализации, которая с раннего детства подвергает индивида воспитанию, процессу рецепции норм, правил сосуществования и направления интересов. Это постепенно ведёт к вытеснению исконной человеческой свободы. Каждый технологический шаг, каждая новая социальная инновация усиливают контроль над жизнью индивидов, уменьшая пространство для личной автономии. Свобода выбора и действия всё больше заменяются на эфемерные выборы, ограниченные заранее заданными опциями и исходами.

Исходя из теории того, что самовоспроизводящаяся мир-система (совокупность глобальных систем, составляющих текущий мировой порядок), уничтожает человеческую свободу тем, что не даёт осуществлять процесс власти, Качинский в ходе своей жизни пришёл к выводу о необходимости революционной борьбы против неё, т.к. та не может быть реформирована из-за своей непредсказуемости. Его учение пришло к тому, что технологическая система постоянно усиливает контроль, ограничивая пространство для личной свободы и превращаясь в непредсказуемый, бесконтрольно расширяющий область воздействия механизм, который человек не может остановить, если полностью её не разрушит.

Библиография

1. *Качинский Т.* Индустриальное общество и его будущее. М.: Опустошитель, 2023.
2. *Качинский Т.* Антитехнологическая революция: как и зачем. М.: Опустошитель, 2024.
3. *Kaczynski T.* Technological Slavery. LA.: Feral House, 2008

¹ *Качинский Т.* Антитехнологическая революция: как и зачем. М.: Опустошитель, 2024. С. 70–80.

² Там же. С. 22–30.

4. Loyalty to the System Versus Loyalty to Traditional Social Groups // The Ted K Archive. URL: <https://www.thetedkarchive.com/library/ted-kaczynski-loyalty-to-the-system-versus-loyalty-to-traditional-social-groups> (дата обращения: 17.10.2024).

5. Loyalty to the System Versus Loyalty to Traditional Social Groups // Progress versus Liberty. URL: <https://www.thetedkarchive.com/library/progress-versus-liberty> (дата обращения: 17.10.2024).

Фэн Юэжуй

Аспирантка факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Санкт-Петербург, Россия

ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ ИЗОЛЯЦИОНИЗМА И ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

Аннотация

Изоляционизм и интервенционизм — важные составляющие политической идеологии США, которые чередовались или сосуществовали в разные периоды истории и вместе определяли американскую внешнюю политику. Изоляционизм и интервенционизм в американской внешней политике — две противоположные, но взаимосвязанные концепции, которые развивались на протяжении всей дипломатической истории США и оказали глубокое влияние на американскую дипломатическую практику.

Ключевые слова: США, изоляционизм, интервенционизм, неоизоляционизм, неоинтервенционизм.

Американский изоляционизм. Изоляционизм берёт своё начало в ранней дипломатии Соединённых Штатов Америки как до войны за независимость, так и после неё, и был широко распространён в США в двадцатом веке. По мнению Джона Чалберга, изоляционизм — это набор идей о США и их месте в мире, которые сильно повлияли на внешнюю политику США в конце XVIII — начале XX века¹. Под термином «изоляционизм» следует понимать внешнеполитическую макростратегию военного и политического невмешательства в международные дела и во внутренние дела суверенных государств².

Идея изоляционизма неоднократно доминировала во внешней политике США. Первым идею изоляционизма предложил Джордж Вашингтон. В 1796 году первый президент США Джордж Вашингтон в своем знаменитом «Прощальном обращении» выдвинул основные принципы изоляционизма в отношении внешней политики зарождающихся США. С тех пор как Вашингтон установил дипломатический принцип изоляционизма до начала Первой мировой войны в 1914 году, во внешнеполитической практике США всегда преобладал унилатерализм.

¹ John C. Chalberg. Isolationism: Opposing Viewpoints [M]. San Diego, Cal.: Greenhaven Press, Inc., 1995. P. 15-16.

² Артюхов А.А. Концептуальные характеристики термина «изоляционизм» на современном этапе истории // Международный научно-исследовательский журнал. 2022, №8 (122). [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.54> (дата обращения: 17.10.2024).

Вступая в XX век, США начали становиться мировой державой. Первоначальная относительная географическая изоляция исчезла благодаря научно-техническому прогрессу и достижениям в области транспорта и коммуникаций. Политическая изоляция также начала разрушаться под влиянием экономической, военной мощи и вступлением США на этот путь зарубежной экспансии. Примерно во время Первой мировой войны стала выдвигаться политика «интернационализма», призывающая США отказаться от традиционного изоляционизма и активнее участвовать в мировых делах. Под давлением изоляционизма США вернулись к изоляции после Первой мировой войны. В 1930-е годы изоляционизм пережил свой расцвет и достиг своего исторического пика. Но к концу 1930-х годов изоляционизм пошел на спад. 7 декабря 1941 года мир потрясло событие в истории человечества – нападение на Перл-Харбор. Это событие привело к началу Второй мировой войны, в которую вступили США, что означало полный крах изоляционизма.

В период холодной войны было два явных возврата американского изоляционизма. Первый произошел в 1950-х годах. Вторым произошел в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Два возврата изоляционизма во время холодной войны не оказали большого влияния на внешнюю политику США в то время.

После окончания холодной войны изоляционизм перерос в неоизоляционизм. Неоизоляционизм сосредоточился на экономических, военных и международных обязательствах в более широком масштабе, чем раньше, выступая за унилатерализм и торговый протекционизм и отстаивая приоритет американской экономики.

Во время правления Джорджа Герберта Уокера Буша и Уильяма Джефферсона Клинтона неоизоляционизм не был принят основной частью американской политики, но голоса в пользу изоляционизма не умолкали. Когда к власти пришел Джордж Уокер Буш (также известный как Джордж Буш – младший), в односторонней политике, проводимой правительством США, был замечен сильный изоляционистский привкус. Барак Хусейн Обама пришел к власти в разгар финансового кризиса, и в этот период внешняя и внутренняя политика правительства США стали более ориентированы на внутреннюю политику. С момента вступления в должность Дональд Трамп провел ряд внешнеполитических мероприятий с явным неоизоляционистским уклоном, например Трамп объявил о выходе США из Транстихоокеанского партнерства, и в 2017 году – из Парижского соглашения. Джозеф Робинетт Байден – типичный «глобалист», который отдавал предпочтение «глобализму» при разработке внешней политики. Например, в вопросе изменения климата правительство Байдена снова присоединилось к Парижскому соглашению.

Американский интервенционизм. Интервенционизм – это более активная внешняя политика, чем изоляционизм, выступающая за повышение роли США в международных делах, вмешательство в дела других стран с помощью дипломатических, экономических, военных и других средств для защиты национальных интересов и ценностей США.

Любая дискуссия об истоках идеи раннего американского иностранного вмешательства может взять в качестве наиболее подходящей отправной точки только «Доктрину Монро» 1823 года¹. В своем послании к Конгрессу президент Монро изложил основные положения по формированию внешней политики. В дальнейшем эти положения обозначили «Доктрину Монро». Масштабная практика иностранного

---

¹ Alexis Heraclides and Ada Dialla. Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the Precedent[M]. Manchester University Press, 2015. P. 197.

вмешательства в американской дипломатической истории началась с испано-американской войны в 1898 году. Лишь после того, как президент Теодор Рузвельт пришел к «расширению» или «следствию» «Доктрины Монро», традиция невмешательства, продолжавшаяся более века в истории международных отношений США, официально подошла к концу. Появление «Следствия Рузвельта» ознаменовало собой первый случай выдвижения США систематической доктрины иностранного вмешательства. «Доктрина Вильсона» – важная веха в современной американской интервенционистской мысли. Вудро Вильсон во время Первой мировой войны и после нее, через «Четырнадцать пунктов» и выступая за создание Лиги Наций и другие действия, систематически формулировал принципы и цели американского внешнего вмешательства. Только во времена Вильсона была заложена основная схема современного американского интервенционизма. После Второй мировой войны, когда американская дипломатия вступила в фазу «глобализма», серия президентских доктрин США, от «Доктрины Трумэна» до «Доктрины Рейгана», провозгласила самопровозглашенное право США на глобальное вмешательство.

Неоинтервенционизм – это идея и модель, использующая гуманизм и защиту общих западных ценностей в качестве предлога для силового вмешательства во внутренние дела других стран с целью продвижения гегемонии и построения нового порядка международных отношений в пользу Запада. Неоинтервенционизм возник в период после окончания холодной войны, особенно после распада Советского Союза и появления США в качестве единственной сверхдержавы. Война в Персидском заливе и Война в Косово были важными практиками неоинтервенционистской внешней политики. Важной вехой в усилении интервенционистских настроений среди консервативного крыла стали события 11 сентября 2001 г.¹ После окончания холодной войны правительство Клинтона, опираясь на силу и статус США, широко практиковало интервенционизм. После «Трагедии 11 сентября 2001 г.» борьба с терроризмом стала основой внешней политики Джорджа Уокера Буша. Внешняя интервенционистская политика правительства Обамы – прагматичная дипломатия. Джо Байден выступает за интервенционизм. По мнению экспертов, Байден представляет собой типичный интервенционизм со времен Второй мировой войны, с активным участием во вмешательстве в различные международные дела.

Оглядываясь на историю внешних отношений США, можно сказать, что изоляционизм доминировал на протяжении большей части периода, предшествовавшего Второй мировой войне. С 1796 года, когда Вашингтон сформулировал принципы изоляционизма в своей доктрине «Прощальное обращение», и до Второй мировой войны изоляционизм управлял историей внешних отношений США на протяжении примерно 140 лет. Хотя неоизоляционизм так и не стал доминирующей дипломатической идеологией в США после холодной войны, голоса в пользу изоляционизма не переставали раздаваться.

Библиография

1. *Артюхов А.А.* Концептуальные характеристики термина «изоляционизм» на современном этапе истории // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2022, №8 (122). [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.54> (дата обращения: 17.10.2024).

---

¹ *Соколыцик Л.М.* Американский консерватизм и вызовы внешней политике США в XXI веке: между интервенционизмом и изоляционизмом // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2020. № 4. С. 280.

2. Соколыцк Л.М. Американский консерватизм и вызовы внешней политике США в XXI веке: между интервенционизмом и изоляционизмом // *Контур* глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. №4. С. 278–291.

3. John C. Chalberg. *Isolationism: Opposing Viewpoints* [M]. San Diego, Cal.: Greenhaven Press, Inc., 1995.

4. Alexis Heraclides and Ada Dialla. *Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the Precedent* [M]. Manchester University Press, 2015.

Холов Суруш Холович

Аспирант факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ДЖИХАДИЗМА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация

Статья посвящена характеристике трансформации политического дискурса джихадизма в контексте цифровизации общества. Анализируются стратегии распространения экстремистской идеологии в интернете, рассматриваются кейсы онлайн-активности террористических организаций и обсуждаются методы противодействия радикализации в цифровом пространстве. Представлены перспективы развития джихадистского дискурса в условиях дальнейшего технологического прогресса.

Ключевые слова: джихадизм, цифровизация, политический дискурс, социальные медиа, радикализация, кибербезопасность, дерадикализация.

Феномен терроризма обладает многогранностью и многоаспектностью¹. Одним из таких аспектов является изменение дискурса террористов (в данном случае джихадистов) в контексте цифровизации общества. Актуальность исследования джихадистского дискурса в цифровом пространстве обусловлена необходимостью глубокого понимания механизмов функционирования и воспроизводства экстремистских нарративов в современной медиасреде. Анализ трансформации риторики и методов коммуникации джихадистских группировок позволяет не только выявить особенности их идеологической адаптации к новым технологическим реалиям, но и разработать эффективные стратегии противодействия распространению радикальных идей в интернете. Интернет-технологии позволили джихадистским организациям преодолеть географические и языковые барьеры, создавая виртуальные сообщества единомышленников и потенциальных рекрутов по всему миру. Анонимность и децентрализованная структура сети способствуют формированию "эхо-камер" радикализма, где экстремистские идеи находят благодатную почву для распространения и укоренения в сознании уязвимых групп населения².

¹ Гуторов В. А., Шириняц А.А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 3. С. 30–54.

² Suryanatha I.B., Selvia F., Ayu K.P. Millennial Jihad in the Digital Age: Critical Discourse Analysis of Self-Radicalization and Self-Recruitment among the Millennial Generation // *Digital Muslim Review*, 2023. Т.1. №. 2. P. 131-141.

Применение мультимедийных технологий значительно повысило эффективность джихадистской пропаганды, позволяя создавать визуально привлекательный и эмоционально насыщенный контент. Профессионально смонтированные видеоролики, инфографика и интерактивные материалы апеллируют к чувствам аудитории, усиливая воздействие радикальных нарративов и облегчая процесс индоктринации новых последователей¹.

Мессенджеры с функцией шифрования предоставили джихадистам надежные каналы для координации деятельности и обмена конфиденциальной информацией, значительно усложнив задачу правоохранительных органов по выявлению и пресечению экстремистской активности. Социальные медиа, став неотъемлемой частью современной коммуникационной экосистемы, превратились в мощный инструмент распространения джихадистской пропаганды, значительно расширив возможности экстремистских групп по вовлечению новых сторонников и координации своих действий. Платформы, изначально созданные для объединения людей и обмена информацией, парадоксальным образом стали каналами радикализации и вербовки, эксплуатируемыми джихадистскими организациями с беспрецедентной эффективностью.

Механизмы вирусного распространения контента, характерные для социальных сетей, позволяют джихадистским нарративам молниеносно охватывать огромные аудитории, преодолевая традиционные барьеры цензуры и государственного контроля.

Интерактивность социальных платформ предоставляет джихадистам уникальную возможность для установления прямого диалога с потенциальными рекрутами, позволяя адаптировать свои послания к индивидуальным особенностям и потребностям целевой аудитории. Персонализированный подход в сочетании с эмоциональным воздействием мультимедийного контента создает иллюзию личной связи и принадлежности к глобальному движению, что значительно усиливает эффективность пропаганды.

Тактика "роения" в социальных сетях, когда множество аккаунтов координированно распространяют экстремистский контент, затрудняет попытки модерации и блокировки, создавая эффект постоянного присутствия джихадистской риторики в информационном пространстве². Быстрое создание новых профилей взамен заблокированных и использование хэштегов для объединения разрозненного контента позволяют поддерживать непрерывность пропагандистских кампаний, несмотря на противодействие платформ и правоохранительных органов.

Центральным элементом цифровой стратегии ИГИЛ³ стало создание разветвленной медиа-инфраструктуры, включающей официальные информационные агентства, такие как «Аль-Фуркан» и "Аль-Хайят", специализирующиеся на производстве высококачественного пропагандистского контента. Профессионально смонтированные видеоролики, стилизованные под голливудские блокбастеры, сочетают в себе элементы насилия с романтизацией джихада, апеллируя к чувству

---

¹ *Downing J.* Social Media, Security and Terrorism in the Digital Age // *Critical Security Studies in the Digital Age: Social Media and Security.* – Cham: Springer International Publishing, 2023. P. 109-139.

² *Czornik K.* E-Jihad or the Way Islamic Fundamentalists Utilize Digital and ICT Progress // *Journal for the Study of Religions and Ideologies*, 2024. P. 95-108.

³ Организация запрещена в Российской Федерации.

авантюризма и жажде справедливости у молодежи¹. Особое внимание в онлайн-стратегии ИГИЛ² уделяется многоязычности контента, что позволяет охватывать аудиторию далеко за пределами арабоязычного мира. Журнал «Дабик», выпускаемый на нескольких европейских языках, служит инструментом идеологической индоктринации, сочетая религиозную аргументацию с геополитическим анализом и призывами к действию³.

Тактика «информационных каскадов», применяемая ИГИЛ⁴ в социальных сетях, заключается в координированном распространении контента через сеть симпатизирующих аккаунтов, создавая иллюзию массовой поддержки и неизбежности победы джихадистского движения. Использование популярных хэштегов и трендовых тем позволяет внедрять экстремистские нарративы в мейнстримные дискуссии, расширяя охват аудитории. Центральным элементом онлайн-присутствия Аль-Каиды⁵ остается распространение идеологических трактатов и проповедей лидеров движения через специализированные форумы и закрытые группы в мессенджерах. Акцент делается на глубокую теологическую аргументацию и геополитический анализ, призванные обосновать легитимность джихада в глазах образованной мусульманской аудитории. Стратегия "тысячи порезов", принятая Аль-Каидой⁶ в цифровом пространстве, заключается в рассредоточении пропагандистской активности по множеству мелких каналов и платформ. Такой подход затрудняет централизованное противодействие и позволяет сохранять присутствие в сети даже при блокировке отдельных ресурсов⁷.

Противодействие джихадистскому дискурсу в интернете представляет собой комплексную задачу, требующую синергии политических, технологических и социальных мер. Эффективная стратегия борьбы с онлайн-радикализацией должна учитывать динамичный характер цифровой среды и адаптивность экстремистских группировок к новым условиям. На политическом уровне ключевым аспектом является международное сотрудничество в сфере кибербезопасности и обмена информацией. Создание глобальной системы мониторинга и раннего предупреждения позволит оперативно выявлять и блокировать источники распространения экстремистского контента⁸. Разработка унифицированных правовых норм, регулирующих ответственность интернет-платформ за размещение материалов террористического характера, способствует формированию единого фронта противодействия джихадистской пропаганде.

Прогресс в области искусственного интеллекта и машинного обучения, вероятно, будет использован экстремистскими организациями для автоматизации и персонализации пропагандистских кампаний. Возможности AI-driven контент-генерации позволят создавать убедительные нарративы, адаптированные под

¹ Kapsokoli E. *Isis's Digital Jihad // National security and the future*, 2023. Т. 24. №. 3. Р. 39-66.

² Организация запрещена в Российской Федерации.

³ Hadzhiev B. *Adaptation of Propaganda and Communication: The Online Magazines of al-Qaeda and the Islamic State Compared // How Terrorists Learn.* – Routledge, 2023. Р. 103-122.

⁴ Организация запрещена в Российской Федерации.

⁵ Организация запрещена в Российской Федерации.

⁶ Организация запрещена в Российской Федерации.

⁷ Winkler C., El Damahoury K. *Proto-state media systems: The digital rise of Al-Qaeda and ISIS.* – Oxford University Press, 2022. Р. 145-168.

⁸ Мурадова А. Г., Таяновский М. В., Сэнсук Д. Социальные сети как инструмент для пропаганды терроризма и противодействие террористическим структурам в СМИ в странах СНГ // *Постсоветские исследования*, 2023. Т. 6. №.1. С. 30-41.

индивидуальные психологические профили потенциальных рекрутов, повышая эффективность радикализации в онлайн-среде. Развитие децентрализованных сетей и технологий распределенного реестра может привести к формированию устойчивых экосистем экстремистского контента, устойчивых к традиционным методам цензуры и блокировки¹.

В контексте этих тенденций ключевой задачей становится развитие адаптивных стратегий противодействия цифровому экстремизму, основанных на принципах проактивности и технологического лидерства. Формирование глобальной культуры цифровой безопасности и критического мышления представляется необходимым условием для минимизации рисков распространения джихадистской идеологии в эволюционирующем информационном пространстве.

Библиография

1. Гуторов В. А., Ширинянц А.А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 30–54.

2. Мурадова А. Г., Таяновский М. В., Сэнсук Д. Социальные сети как инструмент для пропаганды терроризма и противодействие террористическим структурам в СМИ в странах СНГ // Постсоветские исследования, 2023. Т. 6. №.1. С. 30-41.

3. Barnard I. K., Winter C. Reframing Jihadism // The Handbook of Media and Culture in the Middle East, 2023.

4. Czornik K. E-Jihad or the Way Islamic Fundamentalists Utilize Digital and ICT Progress // Journal for the Study of Religions and Ideologies, 2024.

5. Downing J. Social Media, Security and Terrorism in the Digital Age // Critical Security Studies in the Digital Age: Social Media and Security. – Cham: Springer International Publishing, 2023. P. 109-139.

6. Hadzhiev B. Adaptation of Propaganda and Communication: The Online Magazines of al-Qaeda and the Islamic State Compared // How Terrorists Learn. – Routledge, 2023. P. 103-122.

7. Kapsokoli E. Isis's Digital Jihad // National security and the future, 2023. Т.24. №.3. P. 39-66.

8. Suryanatha I. B., Selvia F., Ayu K. P. Millennial Jihad in the Digital Age: Critical Discourse Analysis of Self-Radicalization and Self-Recruitment among the Millennial Generation // Digital Muslim Review, 2023. Т.1. №2. P. 131-141.

9. Winkler C., El Damanhoury K. Proto-state media systems: The digital rise of Al-Qaeda and ISIS. – Oxford University Press, 2022. P. 145-168.

---

¹ Barnard I. K., Winter C. Reframing Jihadism // The Handbook of Media and Culture in the Middle East, 2023. P. 396.

Чанышев Александр Арсеньевич

Кандидат философских наук, доцент кафедры политической теории МГИМО
(У) МИД РФ
Москва, Россия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НИЦШЕ: ВОЗМОЖНОСТЬ ИСТОРИКО-ПОНЯТИЙНОГО АНАЛИЗА

Аннотация

Гуманистические установки раннего периода творчества Ницше противоречат волюнтаризму периода позднего: «воля к жизни» может быть истолкован как философема, спровоцировавшая возникновение ряда политически значимых ориентиров национал-социализма. Для ответа на вопрос о действительном содержании ницшевской мысли предлагается применить историко-понятийный подход Р. Козеллека.

Ключевые слова: философия Ницше (ранний и поздний периоды), «воля к власти», национал-социализм, историко-понятийный подход (Р. Козеллек).

Для современных отечественных и зарубежных исследователей актуальной остается весьма сложная в решении проблема аутентичного прочтения ницшевского философского наследия. Дело – в принципиальной неоднозначности и противоречивом его содержании, – в том числе и применительно к социально-политическому содержанию ницшевской мысли. Эта сложность заключается, прежде всего, в следующем.

- В *противоречивой двойственности* политического дискурса ницшевской философии: дело в том, что творчество Ницше, взятое как целое, предполагает наличие в нем диаметрально противоположных установок раннего периода творчества («Несвоевременные размышления»), связанного пусть и с элитарным, но гуманистически-возрожденческим социокультурным идеалом, и мировоззренческими ориентациями более поздних периодов (от «переоценки ценностей» до критики «нигилизма» и концепций «воли к власти» и «сверхчеловека»).

- На эту двойственность налагается *двусмысленность* логики текстов самого Ницше, полагавшего, что «все значительное нуждается в маске»¹. Иными словами, речь идет о своеобразной манере «скрытого письма» (идея Л. Штрауса) у Ницше, необходимой для защиты элитарного «гения», творца *новых* целей / ценностей от профанирующе-агрессивного воздействия массы и влияния современной буржуазно-утилитарной культуры (специально – в области образования – подчинения господствующему модусу «историзма»).

- Двусмысленность ницшевских суждений, т. е. отсутствие твердых оснований для их однозначного прочтения, усугубляется «сократовской» установкой мыслителя на *постоянное* преодоление – «от противного» – достигнутого, застывшего результата работы своей мысли – продукта уже готового к социокультурному «потреблению». В таком «позитивном» виде «истина» неприемлема для Ницше и представляется ему «вороном, сидящем на трупе лошади».

¹ Ницше, оглядываясь назад, характеризовал стадии своей философской эволюции, как множество масок, отмечал Коплстон. – См.: Коплстон Ф. От Фихте до Ницше М., 2004. С. 440. – Ясперс писал об этой двусмысленности, что в этом случае не остается никакой «подлинной мысли» Ницше, которую можно было бы утверждать в терминах определенных философских теорий. – См.: Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб., 2004.

• В синтезе с предыдущим пунктом данная установка заставляет подозревать мыслителя в сознательной *провокативности* и в намеренном смысловом удвоении содержания создаваемых им текстов. Одним смысловым слоем или целью его сообщения является введение читателя в заблуждение относительно действительных намерений автора – через имитацию «позитивного» результата. Второй целью – научение «подлинной философской свободе мышления»¹.

Между тем, Ницше – и это общепризнано – принадлежит к плеяде неклассических мыслителей, определивших во многом пути эволюции последующей философии и других областей интеллектуального творчества (с подачи М. Фуко, его имя часто фигурирует в одном ряду с Марксом и Фрейдом²).

Наконец, по мнению многих исследователей, с Ницше отнюдь не снято «обвинение» в том, что он был духовным предтечей национал-социализма или, по крайней мере, спровоцировал возникновение ряда политически значимых установок, использованных последним³. В частности, речь идет о децизионизме К. Шмитта, который можно рассматривать в качестве политико-правового основания «нового порядка» в гитлеровской Германии. Если же говорить о сегодняшнем дне, то для нас станет очевидной деградация «западной традиции права» (традиции, имевшей глубокие философски-мировоззренческие и религиозные корни)⁴, а в настоящее время – разрушение самой несущей конструкции этой традиции, автономии права (покоившейся на трансцендентном источнике), что является одним из признаков духовного и политического кризиса западного мира.

На основании сказанного, основной вопрос может быть сформулирован двояко: 1) *как* можно понимать вытекающие из ницшевского волюнтаризма явные милитаристские утверждения позднего Ницше: интерпретируя их в качестве лишь провокационно-масочной «риторической стратегии» мыслителя, – или же полагать, что он таким образом выразил свою твердую и окончательную мировоззренческую убежденность в безусловной значимости утверждения воли к жизни и «неумолимой подлинности войны»; 2) *почему* (по каким основаниям) необходимо однозначно встать на ту или иную точку зрения – и возможен ли синтез этих, на первый взгляд, взаимоисключающих истолкований?

Полагаю, что ключ к ответу на поставленный вопрос можно найти в применении историко-понятийного подхода (Р. Козеллек). В рамках последнего **изменения социальной реальности семантически проявляются в модификации важнейших политико-социальных понятий, исторически накапливающих – в зависимости от данных изменений – множество семантических слоев, которые не просто соседствуют друг с другом, но взаимно проникают друг в друга и модифицируются.**

¹ См.: *Ясперс К.*, там же.

² См. *Фуко М.* Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр. 1994, № 2.

³ Например, Д. Уэйт пишет о содержании учения Ницше, которое нацелено на «воспроизводство жизнеспособной формы добровольного рабства»: «Те, кто не способен выдержать мысль о Вечном Возвращении», по словам Ницше, не пригодны для жизни: «Кого можно уничтожить фразой “не существует никакого спасения”, те должны вымереть. Я хочу *войн*, в которых те, у кого есть смелость жить, *изгонят* остальных». – *Ницше Ф.* Черновики и наброски. Весна 1884. Т. 11. С. 86. – Цит. по: *Булл М.* Анти-Ницше. М., 2016. – А Аппель утверждает, что поздний Ницше – в социально-политическом содержании его философии – никогда не отказывается от «бескомпромиссного уничтожения как этики добра, так и понятия равенства личностей, отстаивая радикально-аристократический взгляд о превосходстве одних людей над другими». Элитизм Ницше, по словам Аппеля, не только фундаментален для его целостного мировоззрения, он настолько глубок, что естественным образом приводит к выводу, согласно которому «большинство людей не имеет права на существование». – *Appel F.* Nietzsche Contra Democracy. Ithaca, 1999. P.2.

⁴ См.: *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 48–54.

Исследование модификации значения «основных понятий» осуществляется поэтому в диахронной ретроспективе. В этих модификациях «базовых понятий» Козеллек видел отражение и фиксацию «исторического опыта» – и, соответственно, возможность восстановления и изучения политической истории и объективной оценки социально-политической теории.

В нашем случае, как представляется, в интересах ответа на поставленные вопросы возможно применить проекцию того же самого подхода, анализируя дрейф понятийного содержания, но на малых временных дистанциях и в рамках эволюции творчества отдельного мыслителя – Ницше.

Для понимания того, что будет ответом на поставленный исследовательский вопрос, сообразно избранному подходу, необходимо определить структуры повторения в понятийных изменениях анализируемой концепции: только поняв, что повторяется и где моменты разрывов понятийных смыслов, мы сможем распознать, что является новым и уникально-беспрецедентным в результате ее (концепции) видоизменения и какова общественно-политическая значимость этих новаций.

Библиография

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
2. Булл М. Анти-Ницше. М., 2016.
3. Коплстон Ф. От Фихте до Ницше М., 2004.
4. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб., 2004.
5. Koselleck R. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte // Koselleck R. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. 3. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995.

Чэн Син

Аспирант факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия

КИТАЙСКАЯ ИДЕЯ «ХЭХЭ» И ЕЁ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Аннотация

Идея «хэхэ» имеет долгую историю, и воплощенные в ней образцы поведения и нормы мышления всегда пронизывали все аспекты китайской дипломатии. Она не только служит ориентиром для Китая в его внешних делах, но и указывает путь для развития международных отношений и подталкивает глобальное сотрудничество к более гармоничному и справедливому пути.

Ключевые слова: Китай, хэхэ, конфуцианство, даосизм, дипломатия, Глобальная инициатива по безопасности

Иероглиф хэ¹ (和, гармония) и хэ² (合, соединение) впервые появились на гадательных костях по отдельности. Иероглиф хэ¹ первоначально означал взаимный отклик между звуками, а хэ² - смыкание верхней и нижней губ¹. Феномен совместного использования «хэхэ» впервые появился в Китае в период Чуньцю. В конце правления

¹ Хань Сюлань, Дун Цин. Исследование мысли о «хэхэ» и ее современных практик // Вестник Северного университета Китая. Серия 34. 2018. №3. С. 93–100.

династии Западная Чжоу мыслитель Ши Бо считал, что гетеросексуальные существа рождаются, а гомосексуальные – нет. Это говорит о том, что идея «хэхэ» признает неоднородность вещей и единство противоречий. Иными словами, разные вещи объединяются в единое целое, в процессе гармонии они дополняют друг друга, продвигая вещи вперед, и тем самым способствуют созданию новых вещей¹.

В периоды Чуньцю и Чжаньго идея «хэхэ» получила дальнейшее обогащение и развитие. Иероглиф хэ¹ входит в состав слов со значением согласие: мир, гармония и т.д. Иероглиф хэ² представлен в словах семантического поля соединение: сотрудничество, интеграцию и т.д. Важное место заняла философия «хэхэ» в конфуцианстве и даосизме. Согласно конфуцианству, социальное устройство человечества требует гармоничных межличностных отношений, и при установлении межличностных отношений особое внимание уделяется гармонии, а не однородности. Основоположник конфуцианства, Конфуций, даже выдвинул тезис о том, что «Благородные мужи при разногласии находятся в гармонии; у малых же людей гармонии не может быть и при согласии» в «Лунь юй – Цзы-лу»². Однако «хэ», которую подчеркивает конфуцианство, не произвольное и беспринципное примирение, а гармония в рамках приличия и праведности.

Даосская идея «хэхэ» подчеркивает гармонию между человеком и природой. Дао – это корень всех вещей во Вселенной, прослеживаемость и основная идея даосизма. Оно состоит из двух ци – инь и ян, и любая сущность создается в «нейтральном» состоянии инь и ян. В «Дао дэ цзине» Лаоцзы говорится, что «Дао рождает одного, одно рождает два, два рождает три, и три рождает все существа», «Человек следует законам земли, земля следует законам неба, небо следует законам Дао, а Дао следует самому себе». Даосизм приписывает корень всего живого природе и делает акцент на гармонии между человеком и природой³.

Основоположник государственного конфуцианства, Дун Чжун шу выдвинул идею «искоренить сто школ и почитать только конфуцианство» при династии Западная Хань. Взяв за основу конфуцианство, впитав и перенеяв идеи даосизма и легализма, Дун Чжуншу предложил считать, что «хэ» – это «правильность неба и земли, уравновешенность инь и ян и лучшая ци, которая является рождением всех вещей» в «Чуньцю фаньлу», что раскрывает универсальный принцип рождения всех вещей в гармонии.

Возникшее впоследствии неоконфуцианство также представляло собой систему мысли, основанную на конфуцианстве и созданную на основе интеграции сильных сторон различных школ мысли, и основоположник неоконфуцианской школы Чжан Цзай даже рассматривал весь мир как одну большую семью, еще более унаследовав и развив культурный дух «хэхэ». В династии Мин и Цин идея гармонии и различий приобрела особое значение в процессе западного обучения на восток.

Китайская дипломатическая идея «хэхэ» восходит к временам Яо, Шуня и Юя, более 4 000 лет назад, когда было сказано, что должна быть гармония между всеми народами. На протяжении всей истории Китая система союзов, политика заключения мира с родственниками и система данничества были основными проявлениями идеи «хэхэ». На протяжении 70 лет унижительной истории от Опиумной войны до Синьхайской революции, несмотря на подписание ряда неравноправных договоров, Китай по-прежнему придерживался дипломатической стратегии сохранения мира и

¹ Хуан Сяошань, Чжао Цзинькэ. Дипломатическое развитие Китая под руководством идеи «хэхэ» // Вестник Хайнаньского университета радио и телевидения. Серия 18. 2017. №4. С. 52–55.

² Линь Цзыбо. Интерпретация «Гармонии и различия джентльменов» // Народный форум. 2005. №4. С.78-79.

³ Лао Цзы / перевод и комментарии Фэн Гочао. М., 2024.

политики мягкости и нежности. «Три принципа народа» Сунь Ятсена также проникнуты культурной традицией «хэхэ».

Основной смысл идеи «хэхэ» в новую эпоху заключается в том, чтобы искать точки соприкосновения, сохраняя различия, и примирять разногласия для достижения новой гармонии и единства. После основания нового Китая Коммунистическая партия Китая (КПК), унаследовав идею «хэхэ», систематически выдвигала и разрабатывала «Пять принципов мирного сосуществования»¹, которые в основном основываются на принципах уважения суверенитета и территориальной целостности друг друга, взаимного ненападения, взаимного невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды и мирного сосуществования».

В новую эпоху «сообщество человеческой судьбы»², предложенное председателем КНР Си Цзиньпином, это очередная конденсация и сублимация идеи «хэхэ» с точки зрения благополучия всего человечества, которая не только включает в себя краеугольный камень независимой дипломатии, но и направлена на построение нового международного политического и экономического порядка инклюзивности и гармоничного сосуществования.

Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул глобальную инициативу развития, которая предусматривает соблюдение принципов приоритетности развития, ориентированности на человека, инклюзивности, инновационности и жизни в гармонии с природой³. Инициатива призывает к беспроигрышному сотрудничеству и общему развитию и поддерживает реализацию повестки дня ООН в области устойчивого развития, отражая логику «хэхэ».

Председатель КНР Си Цзиньпин, опираясь на будущее и судьбу человечества, торжественно выдвинул инициативу в области глобальной безопасности, выступая за беспроигрышное мышление для решения различных традиционных и нетрадиционных рисков и вызовов безопасности⁴. В условиях нынешней сложной ситуации, характеризующейся обострением отношений между крупными державами и глобальной нестабильностью, глобальная инициатива по безопасности, выдвинутая Китаем, всегда воплощала в себе идею «хэхэ». На практическом уровне Китай применяет глобальную инициативу по безопасности на практике, активно содействует миротворчеству и переговорам, вносит мудрость и силу в управление глобальной безопасностью. Перед лицом кризиса на Украине и израильско-палестинского конфликта Китай предложил практические решения и успешно способствовал историческому примирению между Саудовской Аравией и Ираном⁵.

¹ Выступление на юбилейном собрании в честь 70-летия провозглашения пяти принципов мирного сосуществования // МИД КНР, 2024. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202406/t20240628_11443855.html, дата обращения: 20.10.2024).

² Программная речь Председателя Си Цзиньпина на ежегодной конференции Боаского азиатского форума 2015 г. // Агентство «Синьхуа», 2015. [Электронный ресурс] URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-03/29/c_127632707.htm (дата обращения: 20.10.2024).

³ Ван Минго. Глобальные инициативы развития и изменение системы управления глобальным развитием // Вестник Современного мира. 2024. №3. С. 28–33.

⁴ В Китае опубликован доклад о воплощении в жизнь Инициативы по глобальной безопасности // СИНЬХУА Новости, 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://russian.news.cn/20240718/7f74cda02fcc4fceb5e5ccd3a239763/c.html> (дата обращения: 20.10.2024).

⁵ Письменное послание товарища Ван И в связи с созданием Исследовательского центра Глобальной инициативы по безопасности и церемонией запуска Доклада о ходе реализации Глобальной инициативы по безопасности // МИД КНР, 2024. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbz_673089/zyjh_673099/202407/t20240719_11456705.shtml (дата обращения: 20.10.2024).

С древних времен и до наших дней, будь то феодальная династия или новый Китай, проникновение и влияние идеи «гармонии» всегда можно увидеть в дипломатической культуре. В современном мире, где главными темами являются мир и развитие, идея «хэхэ» должна обрести новую силу и стать не только руководящим принципом китайской дипломатии, но и важной концепцией, которая будет вести развитие международных отношений в более гармоничном направлении.

Библиография

1. Хань Сюлань, Дун Цин. Исследование мысли о «хэхэ» и ее современных практик // Вестник Северного университета Китая. Серия 34. 2018. №3. С. 93–100.
2. Хуан Сяошань, Чжао Цзинькэ. Дипломатическое развитие Китая под руководством идеи «хэхэ» // Вестник Хайнаньского университета радио и телевидения. Серия 18. 2017. №4. С. 52–55.
3. Линь Цзыбо. Интерпретация «Гармонии и различия джентльменов» // Народный форум. 2005. №4. С.78-79.
4. Лао Цзы / перевод и комментарии Фэн Гочао. М., 2024.
5. Ван Минго. Глобальные инициативы развития и изменение системы управления глобальным развитием // Вестник Современного мира. 2024. №3. С. 28–33.

Шелистов Юрий Ивлонович

Доктор философских наук, профессор кафедры российской политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ ЭПОХИ И ТРАКТОВКА ФЕНОМЕНА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация

Из всех современных ему историков именно Гизо можно рассматривать с наибольшим основанием как главу и теоретика доктрины. Эпоха Гизо усматривает разнообразие подходов к анализу исторического процесса от романтизма до крайнего позитивизма, от либерализма до абсолютизма. Все эти подходы нашли отражение в работах Гизо. Идея прогресса, сила обстоятельств, тесно связанных с экономической структурой общества, сила идей, внушенных обстоятельствами и их определяющих, идей коллективных и всеобщих, разум общественный, выражающий волю прогрессивных классов, волю провидения, гарантирующее конечное торжество справедливости.

Ключевые слова: история социально-политических учений, необходимость и свобода, исторический процесс, великие люди, нравственность, провидение и история. Судьба человека, человеческая история.

Громадное и разностороннее образование, знакомство с иностранной литературой, владение иностранными языками, неутомимая энергия выдвинули Гизо в первые ряды французских историков. Кроме того, он пишет статьи по философии, литературе и искусству, переводит и составляет словари.

Франсуа Гизо происходил из старой протестантской семьи, пронесшей свою непокорность королю и католицизму вплоть до революции. Однако уже со второй

половины 18 века, преследования протестантов почти прекращаются, и предки Гизо, позабыв свой прежний религиозный фанатизм, переходят на «философские позиции». Хотя мировоззрение Гизо выработано им самостоятельно и складывается вне семейных традиций.

Гизо оказывается на высоте положения, когда неожиданно для самого себя его назначают профессором новой истории в Сорбонне. Он чувствует недостаток эрудиции и, кроме того, сомневается в самой возможности исторического знания. Восполнить пробелы, неизбежные во всяком историческом знании, по мнению Гизо, следует при помощи разума, также недостаток силы восполняется техникой.

Причины революции Гизо видит в том, что королевская власть, порывает свои связи с «третьим сословием», которое теряет свое бывшее политическое значение и большую часть политических свобод. Тогда королевская власть и аристократия, сохранившая свои политические права, но утратившая всякое социальное значение, становится тормозом для общественного развития. Естественным следствием для этого является революция.

Так же, как Тьерри, Гизо утверждает, что под двумя народами, борющимися во Франции в течение тринадцати веков, следует разуметь не прямых биологических потомков франков и галлов, а два общественных класса, которые возникли в результате завоевания и феодализма.

Английская революция вызвала во Франции большой интерес, однако Гизо не искал аналогий и сопоставлений. Он был уверен в том, что внешнее сходство событий не объясняет их подлинного смысла. «Я не придаю значения историческим сравнениям», — заявлял он в 1828 году. Он в латентной форме говорит о принципе детерминизма в историческом развитии, носящего универсальный характер.

В основе исторического мировоззрения Гизо лежит та же идея эволюции, или выражаясь термином эпохи, идея тождества. С точки зрения Гизо, эволюция составляет содержание исторического процесса. Определить формы, цель есть высшая задача исторического исследования.

Почти все философского-исторические споры того времени вращаются вокруг цели исторического процесса. Трудно представить, что страдания и катастрофы, пережитые человечеством, не имеют цели и что человечество бредет, влекомое своими страстями и капризами. Закономерность исторического развития многие трактовали как некую руководящую разумную силу. Говоря об историческом провидении, они имели ввиду законы исторического развития, осуществляющегося в сложных и противоречивых формах.

Накануне июльской революции, Гизо в письме к жене высказывался с откровенностью: «Когда мое умственное развитие завершилось, когда установились мои взгляды, я стал думать об общем целом, о судьбе человечества, о законах. Здесь с особенной яркостью обнаружили высшая мысль и воля, я вижу присутствие Бога в законах, управляющих совершенствованием человеческого рода. В истории человечества есть огромные для меня пробелы, но тайн нет»¹.

По его мнению, то, что с нравственной точки зрения непонятно и неприемлемо в судьбе отдельного человека, становится объяснимым и естественным в контексте человеческой истории. Гизо улавливает корреляцию между онтогенетическим принципом формирования политических и моральных убеждений и филогенетическим процессом — историей.

---

¹ Реизов В.С. Французская романтическая историография (1815-1830). Ленинградский университет. 1949.

У Гизо метод мышления, несомненно, исторический, для него существуют конкретные исторические обстоятельства, создающие различные политические формы лишь внешне схожие: «Провидение, дающее народам разное происхождение и разные судьбы, также открывает справедливости и свободе много путей, чтобы они могли принять участие в управлении».

Поэтому нельзя ограничивать возможные формы представительного правления только одной какой-либо системой. Это значило бы закрывать всякие другие возможности для политического развития страны. Тем самым утверждается принцип многовариантности исторического развития, а значит и возможного влияния людей и их идей на направленность такого развития.

Обычно полагают, говорит он, что свобода связана с определенными политическими учреждениями: там, где их нет, нет будто бы и свободы. Это неверно: как в свободных формах правления существует абсолютная власть, так и в формах правления кажущихся абсолютными, существует свобода.

Гизо предполагает, что абсолютная власть в XVII веке также соответствовала потребностям французского общества, как представительная власть – потребностям английского. Таким образом, под свободой Гизо понимает соответствие правительства интересам общества. В философско-исторической концепции Гизо это положение имеет важное значение.

Библиография

1. Гизо Ф. История английской революции. М., 1868. Т.1.
2. Гизо Ф. История цивилизации во Франции. М., 1877. Т.2.
3. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М., 1860.
4. Реузов В.С. Французская романтическая историография (1815-1830). Ленинградский университет. 1949.

Юберова Мария Алексеевна

Студентка направления «Политология» Института Истории и Социологии Удмуртского государственного университета
Ижевск, Россия

ИДЕОЛОГИЯ «НОВОГО ГОСУДАРСТВА»

Аннотация

Режим А. Салазара является дискуссионной темой среди ученых-политологов. Нет точного определения этого режима из-за спорности аспектов «Нового государства». Салазар не похож на обычного диктатора, именно поэтому его стоит изучать. Объектом исследования является идеологическая база режима А. ди Салазара. Цель данной работы – проанализировать аспекты идеологии, опираясь на «Декалог Нового государства».

Ключевые слова: салазаризм, Португалия, Антониу ди Салазар, диктатура, национализм.

«Новое Государство» – это режим, существовавший в Португалии с 1933 по 1974 год и связанный с Антониу ди Оливейра Салазаром, португальским диктатором. Чтобы изучить идеологию и причины становления этого режима,

важно изучить, как формировалась идеология и каковы предпосылки для ее появления.

Предпосылки для создания «Нового государства»

В 1911 году после разрушения монархии в Португалии была создана парламентская республика во главе с президентом, избираемым парламентом сроком на четыре года. Однако необходимо сказать, что новая власть не смогла преодолеть старые проблемы, оставшиеся от прежней политической системы. После выборов в нижнюю палату парламента элита консолидировалась в закрытых кабинетах. Из этого следует вторая причина. В начале двадцатого века в Португалии возникли проблемы с коррупцией, которая начала разрушать ценности нового государства. Страна продолжала погружаться в кризис. Государственный долг Португалии был таким большим, как никогда раньше. Инфляция также росла¹. Кроме того, либеральные реформы не сработали, они встретили сопротивление во многих регионах. Общественный порядок оставался старым, и люди не могли принять новые ценности.

В 1914 году в Португалии возникло движение, получившее название Лузитанский интегрализм. Его основная концепция была связана с идеей португальского традиционализма: Португалия должна быть монархией, иметь традиционалистские ценности и создавать корпоративные организации, которые могли бы объединить общество и положить конец социальной борьбе². Также в 1917 году Демократическая партия решила войти в союз с Антантой в Первой войне, когда в Португалии был большой экономический кризис. В результате в стране был нарушен консенсус.

В 1918 году был установлен новый режим, который стал идеологической предпосылкой последующей авторитарной трансформации политической системы. Она называлась «Новая республика». Режим был установлен с подачи избранного президента Сидониу Паиша. Его идеология была построена на следующих концепциях: христианское восстановление, защита стабильного общественного порядка и, следовательно, защита основ цивилизации. Они повлияли на идеологию Салазара³.

Идеология режима «Нового государства»

Сейчас нет точного понятия, что такое режим Салазара, но обычно его обозначают как личную диктатуру. Дискуссия вокруг этого режима строится вокруг того, является ли он фашистским. Поэтому обратимся к определению фашизма, с точки зрения Майкла Манна: «Фашизм – это попытка создать трансцендентное национальное государство, при помощи парамилитаризма провести народ через чистки»⁴.

Салазар не сразу стал диктатором. В 1928 году он был министром финансов, потому что военные не знали, как разрешить кризис в Португалии. С 1933 года Салазар был главой государства. В 1934 году документ под названием «Декалог Нового Государства» был опубликован. Он определил идеологию Португалии при режиме Салазара. Он состоит из десяти правил, ниже приведены 5 наиболее важных:

1. Новое государство выражает согласие и синтез всего постоянного, всего нового, самых ярких традиций Родины и ее самых передовых устремлений, одним словом, выражает моральный, социальный и политический авангард.

¹ Политический атлас современности Южная Европа /Португалия/ Португалия в XX веке.

² Щелчков А.А. Салазар и революционеры справа: «Новое Государство» и национал-синдикализм в Португалии // Латиноамериканский исторический альманах № 24. 2019.

³ Нестеров А.Г. Сидониу Паиш и «Новая Республика» в Португалии (1917-1918). Первый опыт европейской диктатуры «нового типа» // Генезис политических режимов в XX веке: сборник материалов Зимней школы, Екатеринбург, 4-15 января 2000 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. С. 90–97.

⁴ Манн М. Фашисты // Фонд Историческая память, Санкт-Петербург; 2023.

2. Враги Нового государства поддерживают врагов нации. Таким образом, на службе Нации, есть порядок, общее уважение, справедливость для всех, мы должны применить силу, которая в данном случае обеспечит законную защиту Родины.

3. Для Нового государства индивид существует с социальной точки зрения только как член естественных (семейных), профессиональных (профессиональных и корпораций), территориальных (муниципалитетов) групп.

4. Чтобы государство было сильным, в первую очередь, исполнительная власть должна быть сильной.

5. «Мы обязаны пожертвовать всем ради всех; но не жертвовать всеми ради немногих»¹.

Что касается основных характеристик режима Салазара, то можно выделить следующие:

1. Христианская мораль;
2. Корпоративная организация как механизм контроля населения и экономики;
3. Сильный пропагандистский аппарат;
4. Репрессивный инструмент в форме Международной полиции и государственной обороны;
5. Превосходство исполнительной власти над законодательной².

Что касается вышеупомянутых терминов, то парамилитаризм режиму Салазара вообще не свойствен. Сам диктатор был против создания вооруженных объединений. При нем существовала организация, которая называется «Португальский легион», который была создана для борьбы с «красной угрозой». Радикальные идеи участников постоянно подавлялись правительством, а самые ультраправые (Ролан Прету) были вынуждены «уйти в подполье». Репрессивный аппарат в Португалии безусловно был, однако каких-то массовых чисток за время нахождения Салазара не было (12 тыс.). Большинство из них не были отданы под суд, но провели до шести месяцев в предварительном заключении. Примерно 23 % оправданы, амнистированы, оштрафованы или подвергнуты административным взысканиям. Около 20 % приговорены к тюремному заключению сроком до 1 года 6 месяцев, 5,5 % – до 2 лет, 4 % – до 3 лет. Приговоры к длительным срокам были нечастым явлением. Оно не затрагивало людей, в принципе далёких от политики и попавших под репрессии с известной долей случайности. Национализм идеологии Эштаду Нову свойствен, это мы можем проследить в Декалоге Нового государства, где прописано, что враги Нового Государства есть враги Нации. Исходя из определения этатизма, можно сказать, что в режиме Салазара его не было, так как сам диктатор не любил к себе внимания, следовательно принципа ярко выраженного вождизма не было. Также Салазар провозгласил три базовые ценности португальского общества: бог, родина, семья, среди которых нет государства. Диктатор сам был очень набожным человеком, поэтому католическая церковь, чей статус пошатнулся после революции 1910 года, вновь обрела былое влияние. Что касается трансцендентности, то в первом же пункте Декалога Нового Государства прописано, что оно отчасти состоит из традиционных ценностей Родины и всего постоянного, а фашисты отрицали старый порядок.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что режим Салазара нельзя относить к фашистским режимам, с точки зрения позиции М. Манна.

¹ Decalogue of New State, system of government of Salazar. French version given at the World Fair of 1937 in Paris. 1937.

² Марио Ивани. Кризис либеральной демократии в Португалии и Новое государство Салазара. Перевод с итальянского Н.Н. Поташинской. – Берегиня. 777. Сова, №4 (23). 2014.

Библиография

1. *Ивани Марио*. Кризис либеральной демократии в Португалии и Новое государство Салазара – Перевод с итальянского Н.Н. Поташиной. – Берегиня. 777. Сова, №4 (23).2014. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-liberalnoy-demokratii-v-portugalii-i-novoe-gosudarstvo-salazara> (дата обращения: 08.04.2024)
2. *Кутырев Г.* «Новое государство» в Португалии: формирование, эволюция, крах // Неприкосновенный запас. №120 НЗ 4. 2018. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/120_nz_4_2018/article/20122/
3. *Манн М.* Фашисты // Фонд Историческая память, Санкт-Петербург; 2023.
4. *Нестеров А.Г.* Сидониу Паиш и «Новая Республика» в Португалии (1917–1918). Первый опыт европейской диктатуры «нового типа» // Генезис политических режимов в XX веке: сборник материалов Зимней школы, Екатеринбург, 4-15 января 2000 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. С. 90-97.
5. *Щелчков А.А.* Салазар и революционеры справа: «Новое Государство» и национал-синдикализм в Португалии // Латиноамериканский исторический альманах № 24. 2019. URL:<https://ahl.igh.ru/uploads/article/file/111/%D0%A9%D0%B5%D0%BB%D1%87%D0%BA%D0%BE%D0%B2.pdf> (дата обращения: 08.04.2024)
6. Decalogue of New State, system of government of Salazar. French version given at the World Fair of 1937 in Paris. 1937. URL: <https://www.topfoto.co.uk/asset/2436290/> (дата обращения: 08.04.2024)
7. Политический атлас современности Южная Европа /Португалия/ Португалия в XX веке. URL: <https://www.hyno.ru/tom1/1327.html> (дата обращения: 08.04.2024)

Языкова Екатерина Андреевна

Аспирант Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
Саратов, Россия

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РОБЕРТА САУТИ В РАБОТАХ 1809–1832 ГГ.

Аннотация

В центре внимания работы – одна из основных прозаических работ английского интеллектуала Роберта Саути – «Эссе о морали и политике» (1832). Двухтомник включал в себя дополненные и переработанные статьи Р. Саути за 1809–1828 гг. Цель данной работы – показать, что, публикуя «Эссе...», Р. Саути надеялся, что сможет оказать влияние на интеллектуальное сообщество Великобритании. В заключение делается вывод о том, что «Эссе о морали и политике» стали одновременно и квинтэссенцией, и итогом социально-экономических и политических воззрений Р. Саути.

Ключевые слова: Великобритания, история социально-политических учений, английский интеллектуал, Роберт Саути.

«Эссе о морали и политике» (1832) стало одним из основных прозаических произведений английского публициста и поэта-лауреата – Роберта Саути. Пятидесятивосьмилетний мыслитель решил переиздать ряд своих статей, вышедших

в «The Quarterly Review» с 1809 г. по 1828 г., а также ряд статей из «The Edinburgh Annual Register»¹. Результатом работы стал двухтомник, включающий тринадцать эссе по различным социальным, экономическим, политическим и религиозным темам. Эссе представляют собой дополненные и несколько переработанные статьи Р. Саути, написанные, как им лично, так и в соавторстве.

Не оставляя надежд реформировать современное общество, мыслитель в «Эссе...» представил ряд социально-экономических и политических проектов реформ. Р. Саути говорит о реформах со всей осторожностью, сравнивая заботу о благоустройстве государства с благоустройством дома.

Будучи «службой времени» (но все же не рабом), Р. Саути не за что упрекнуть себя, кроме разве что финансового провала «Эссе...». В 1832 г. для него настало время, когда он открыто мог опубликовать под своим именем те рассуждения, касающиеся проблем английского общества, которые уже на протяжении двадцати двух лет высказывались анонимно².

Роберт Саути имел весьма успешную литературную карьеру, в английском обществе его знали как поэта-лауреата, читали его стихи и поэмы, но в то же время отдавали должное его обзорам и эссе в периодических изданиях. Тем не менее, современные исследователи большее внимание уделяют изучению его прозаических работ, показывающих мнение мыслителя о социальных, политических и экономических проблемах Великобритании первой трети XIX в. Одним из основных произведений, отражающих сумму мнений поэта-лауреата по всем вопросам, волнующим английское интеллектуальное сообщество, стало «Эссе о морали и политике».

Осознав свое жизненное предназначение – стать поэтом, Р. Саути не был готов всю жизнь провести, сочиняя хвалебные оды монархам или работая над мифологическими поэмами. Ему нужно было больше, он хотел стать рупором эпохи, выразителем общественного мнения. И медленно, но весьма точно он шел к этой цели, публикуя свои размышления в периодических изданиях, а позже, издав «Эссе...», весьма подробно показал, какие проблемы его волнуют в современном английском обществе и как, по его мнению, их можно решить. Социально-экономическое развитие Великобритании, моральная деградация англичан, последствия промышленной революции – вот лишь самые общие проблемы, которое Р. Саути обозначает в своих работах. И предлагая выход из столь сложной ситуации, в которой оказалось английское общество конца XVIII – первой трети XIX вв., мыслитель предлагает ряд идей, способных, по его мнению, решить все затруднения: необходимо ввести национальное образование; сформировать единую английскую культуру, которая будет способствовать привязанности к Церкви и государству; эмиграция и общественные работы – наилучшие способы борьбы с пауперизмом; а ограничение свободы прессы станет еще одним способом улучшения нравственного облика английского общества.

Большая часть социальных комментариев Р. Саути была направлена на индустриальный мир и его последствия, ожидающие английское общество. «Эссе...» прошли практически незамеченными современниками Р. Саути, но сейчас, когда уже видны все последствия проблем, о которых предупреждал мыслитель, можно отметить, что его опасения, касающиеся английского общества, не были напрасными.

---

¹ *Southey R.* The Life and Correspondence of Robert Southey. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1850. 6 vols. Vol. 6. P. 170–171.

² *Curry K.* New Letters of Robert Southey. New York and London: Columbia University Press, 1965. 2 vols. Vol. 2. P. 316–319.

Для современных исследователей эпохи романтизма в целом и культурного наследия Роберта Саути в частности «Эссе о морали и политике» представляют собой, с одной стороны, обобщение зрелой социальной и исторической мысли поэта-лауреата, а с другой – показывают яркий и доступный автопортрет эпохи романтизма первого поколения в его консервативной фазе.

Библиография

1. *Андерсон К. М.* «Беседы» Роберта Саути // История социалистических учений: сб. статей. М.: изд-во АН СССР. 1981. С. 159-177.
2. *Андерсон К.М.* Избранные труды. М.: Аквилон, 2024.
3. *Southey R.* The Life and Correspondence of Robert Southey. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1850. 6 vols.
4. *Curry K.* New Letters of Robert Southey. New York and London: Columbia University Press, 1965. 2 vols.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Абрамов Андрей Вячеславович

Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

РУССКАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА КАК ИСТОЧНИК НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОЛИТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация

Рассматривается русская волшебная сказка как источник представлений о политике в традиционном обществе. Обозначаются сложности политологического анализа народной сказки: трудности установления хронологических границ описываемых в ней событий и сложно-составной характер произведения. По заключению автора, политологическому анализу следует подвергать не полные тексты, но конкретные политические образы и сюжеты в сказках

Ключевые слова: политическая текстология, сказка, волшебная сказка, представления о политике, общественно-политическое сознание, народное сознание.

Одно из последних фундаментальных исследований по истории общественной мысли России с древнейших времен, помимо прочих, рассматривает и такой сюжет как восприятие народом светской власти, ее легитимность в период Древней Руси¹. Но, широко используя древние письменные источники – летописи, публицистику соответствующего периода, следственные дела бунтовщиков XVII–XVIII вв. и т. п., – авторы-историки совершенно игнорируют фольклорные материалы (в том числе и волшебные народные сказки).

Такая недооценка фольклорных источников при характеристике народного сознания традиционного общества объяснима. В отличие от датированных письменных документов, сказки сложно отнести к конкретному историческому периоду. Их интенсивный сбор и публикация приходится на XIX в., однако датировать народные произведения этим периодом неверно. Волшебные народные сказки подобны снежному кому, сформировавшемуся вокруг «ядра», отражающего архаические представления. Именно таким «напластованием» можно объяснить порой встречающиеся в волшебных сказках анахронизмы. Вот образчик такового из сказки «Семь Симеонов»: «...Царь и вздумал попытать одного Семёна: «Ну-ка, Семён, узнай, где чего делается?» Семён забился куда-то наверх, посмотрел по сторонам и рассказал: «Тут вот то-то делается, там то-то». После *сличили с газетами* (выделено мной. – А.А.) – точно так!»².

В датировке и интерпретации событий, относящихся к архаическому «ядру» сказки, исследователи не согласны друг с другом.

¹ Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX в.: в 4-х тт. М., 2020. Т. 1, 2.

² Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т.1. М., 1985. № 145

Одна группа авторов видит в фольклорном материале отражение *реальных* социально-политических процессов. Так, советский историк Б.А. Рыбаков полагал, что волшебные истории являются народной памятью о борьбе древних славян с врагами. «Краткий обзор восточнославянских восточных волшебных богатырских сказок сразу вводит нас в определенную историческую обстановку... Основное содержание рассмотренных сказок – это борьба славян (символизированных одним или тремя героями) со степными кочевниками (символ – Змей, змеихи)»¹.

Филологи В.Я. Пропп и Е.М. Милетинский видели в народных произведениях описание иных социальных процессов. По мнению первого, волшебная сказка является собой искаженный временем рассказ о существовавших в первобытную эпоху обрядах инициации подростков. О полном опасных испытаний ритуале, по мнению В.Я. Проппа, свидетельствуют такие сказочные сюжеты как увод (похищение) детей, дом в лесу, отрубание героям конечностей, их смерть и оживление и т. п. «Эти соответствия, – резюмирует исследователь, – позволяют нам утверждать, что цикл инициации – древнейшая основа сказки»².

Е.М. Милетинский концентрирует свое внимание на героях сказки – обижаемых близкими и родственниками сиротах и младших сыновьях. По заключению исследователя, такое внимание к обездоленным позволяет датировать волшебные сказки временем разложения родоплеменной патриархальной организации и утверждения частнособственнических отношений и соседской общины³. Сочувствие сироте и «дураку», по мнению Е.М. Милетинского, представляет собой коллективную ностальгию социума по былым временам.

Другая группа исследователей относится к волшебной сказке как к феномену, отражающему не материальные, но исключительно *духовные процессы*.

Наиболее известным представителем данной группы следует признать швейцарского психолога К. Юнга⁴. Он и его современные российские последователи⁵ считают фольклорные произведения своего рода «контейнерами», с помощью которых в индивидуальную психику доставляются архетипы – восходящие к древности образы и сюжеты, выступающие шаблонами восприятия и подсознательными регуляторами индивидуального и коллективного поведения современных людей.

К интерпретаторам сказок как духовного процесса можно отнести и самого известного собирателя народного фольклора А.Н. Афанасьева. В своем трехтомном исследовании «Поэтические воззрения славян на природу» ученый исходил из того, что в сказках иносказательно сообщается об обожествлении славянами природы, что позволяет ученому реконструировать древнерусские языческие традиции и верования⁶.

Как представляется, абсолютизация каждого из вышеизложенных подходов непродуктивна. По нашему мнению, в разных волшебных сказках находят свое

¹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1994. С.589

² Пропп В. Исторические корни волшебной сказки // Пропп В. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки. М., 2021. С.622

³ Милетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М.- СПб., 2005.

⁴ Юнг К. Душа и миф: шесть архетипов. М.-К., 1997.

⁵ Сергеева А.А. Дорога в тридесятое царство: Славянские архетипы в мифах и сказках: В 2-х тт. М., 2016; Шомова С.А. От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М., 2016.

⁶ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3-х тт. М.: Современный писатель, 1995.

выражение и реальные исторические события, и социальные процессы, и архаичное мировоззрение людей.

Другой проблемой, помимо хронологической идентификации событий, описываемых в сказке, является *сложность анализируемого текста произведения*. В отличие от большинства известных нам письменных источников, практически любая сказка представляют собой не один текст, но несколько объединенных между собой фрагментов. В этой связи, при исследовании сказок лучше производить не анализ определенного произведения народного творчества, но выделять и сопоставлять между собой конкретные сказочные *сюжеты и образы*.

Как нам представляется, народные представления о политике и власти, нашедшие отражение в волшебных сказках, могут быть «прочитаны», если осуществить анализ:

Во-первых, образов героев, связанных с властью. К их числу относятся такие персонажи как правители («цари» или «короли»), претенденты на престол («царевичи», «королевичи»), царевны-невесты, а также антагонисты главных героев (враждебные цари или сверхъестественные персонажи, угрожающие правителю или его государству).

Во-вторых, народные представления о власти и политике могут быть реконструированы при исследовании таких процессов как обретение власти (приключения младшего царевича как его политическая инициация) и осуществление властных полномочий (описание имеющихся в сказках функций правителя)¹.

Полагаем, что по мере углубленного изучения волшебных сказок список образов и сюжетов может быть значительно расширен, что даст более «объемное» представление об отношении к власти как в традиционном российском обществе, так и в современном.

Библиография

1. *Абрамов А.В.* «Царь, царевич, король, королевич»: образ правителя в народной русской сказке // Диалог со временем. 2020. № 71. С.173–181.
2. *Абрамов А.В.* Харизма и трон: представления об обретении царской власти в народных русских сказках // Диалог со временем. 2024. № 88. С.70–82.
3. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3-х тт. М.: Современный писатель, 1995.
4. *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки. М. – СПб: Академия Исследований культуры, Традиция, 2005.
5. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т.1. М.: Наука, 1985.
6. Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX в.: в 4-х тт. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 1, 2.
7. *Пропп В.* Исторические корни волшебной сказки // Пропп В. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки. М.: КоЛибри, 2021.
8. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1994.
9. *Сергеева А.А.* Дорога в тридесятое царство: Славянские архетипы в мифах и сказках: В 2-х тт. М.: Клуб Касталия, 2016;

---

¹ Скромные попытки автора продвинуться в этом направлении см.: *Абрамов А.В.* «Царь, царевич, король, королевич»: образ правителя в народной русской сказке // Диалог со временем. 2020. № 71. С.173-181; *Абрамов А.В.* Харизма и трон: представления об обретении царской власти в народных русских сказках // Диалог со временем. 2024. № 88. С.70-82.

10. *Шомова С.А.* От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М. Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

11. *Юнг К.* Душа и миф: шесть архетипов. М.-К.: Совершенство; Port-Royal, 1997.

Алексушин Глеб Владимирович

Доктор исторических наук, профессор кафедры Маркетинга, логистики и рекламы Самарского государственного экономического университета
Самара, Россия

ОТСУТСТВИЕ ГОСУДАРСТВА В 1917–1918 ГГ. КАК СЛЕДСТВИЕ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ

Аннотация

В статье опровергается факт создания государства в России в ноябре 1917 г. с опорой на подборку разных документов и политических текстов. Приведено множество разных противоречивших друг другу названий. Доказаны противоречия между приведёнными названиями.

Ключевые слова: РСФСР, столица, государство, государственный переворот, власть, документ.

25 октября (7 ноября) 1917 г. большевики захватили власть в стране¹. Однако, во многих изданиях это событие состыковывают с созданием государства. Даже в Большой российской энциклопедии указано: «Российская советская федеративная социалистическая республика (РСФСР) – **государство**, образованное в результате Октябрьской революции 1917 на части территории Рос. империи»². И до 10 июля 1918 г., когда была принята Конституция РСФСР, никакого государства в России не было. Попытки сформулировать дату создания государства в этом хронологическом отрезке бездоказательны и противоречат известным документам и политическим текстам.

Авторы статьи в БРЭ утверждают: «Название менялось: Сов. Рос. Республика, Республика Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (с янв. 1918), Рос. Социалистич. Федеративная Сов. Республика (с принятием первой Конституции 10.7.1918)». Как можно менять 3 раза название (в реальности ещё чаще) как один из базовых признаков государства, который устанавливает только конституция?

¹ «Россия – священная наша держава»: прошлое с нами: Учебное пособие в 5 книгах / Л.В. Горожанин, В.В. Рыбников, Г.М. Ипполитов, В.Я. Ефремов, Г.В. Алексушин; под общей редакцией В.В. Рыбникова. Книга.4. Россия, век XX: годы великих потрясений и строительство нового мира (1900-1945 гг.). Самара: ООО "Научно-технический центр", 2004. С. 120; Русь – Россия – СССР – Россия: этапы большого пути: Учебное пособие для ВУЗов по курсу «Отечественная история» / А.В. Горожанин, В.В. Рыбников, Г.М. Ипполитов, В.Я. Ефремов, Г.В. Алексушин; под общей редакцией В.В. Рыбникова. – Т.2. По исторической спирали взлетов и падений бурного XX века: «в года разлук, в года сражений, когда свинцовые дожди...». Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. С. 131,132.

² Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика // Пустырник – Румчерод. 2015. (Большая российская энциклопедия: В 35 т. / гл. ред. Ю.С. Осипов; 2004–2017, т.28. С. 670.

Часто указывают названием государства в это время Россия. Но это – название страны (территория с политическими, физико-географическими, культурными и историческими границами), а у государства (политическая организация для управления страной) название должно быть иное.

Утверждение, что Постановлением II Всероссийского Съезда Советов 7 ноября 1917 г. провозглашена Российская Советская Республика, безосновательно. В Декрете о мире СНК назвал себя "Правительство России" и правительство страны (что юридически безграмотно – у страны не может быть правительства).

Декреты О гражданском браке от 18 (31) декабря 1917 г. и от 26 января 1918 г. О введении в Российской республике западноевропейского календаря называют государство Российской Республикой. Но это название от Временного правительства от 1 (14) сентября 1917 г.

Большевики 10(23)–18(31) января 1918 г. провели III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. На нём 12(25) января в изменённой редакции была принята Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа с хаосом из 3-х разных названий «государства»:

«I. 1) *Россия* объявляется Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов...

2) Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик....

II. 2) *Как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и пр. средств производства и транспорта в собственность Советской Рабоче-Крестьянской Республики*¹.

В принятом 15 января 1918 г. Декрете о создании Рабоче-Крестьянской Красной армии не сказано, какое государство она будет защищать. Чуть позже в 1-м варианте присяги воина Красной армии государство названо Советская Республика. Ближе к концу текста – уже Российская Советская Республика.

21 января (3 февраля) 1918 г. в Декрете об аннулировании государственных займов впервые указано: «...получают взамен именные свидетельства нового займа Российской Социалистической Федеративной Советской Республики».

Но в Брест-Литовском мирном договоре от 3 марта 1918 г. применено новое название: Советская Россия.

В газете с объявлением о переезде ВЦИК и СНК Федеративной советской республики 10 марта 1918 г. в Москву из Петрограда, кстати, ни слова о столице, что логично при отсутствии государства. Декретом ВЦИК от 14 апреля 1918 г. «О флаге Российской Республики» установлено: «Флагом Российской Республики устанавливается Красное Знамя с надписью «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика»». В июне 1918 г., кстати, в ноте германского посла Мирбаха «российским военным и морским флагом будет признан только красный флаг с надписью „Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика“».

В декрете О реорганизации и централизации архивного дела от 1 июня 1918 г. вновь просто Россия.

И лишь в Конституции от 10 июля 1918 г. страна Россия получила государство Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942.). С. 234–235.

Таким образом, государства с 25 октября (7 ноября) 1917 г. по 10 июля 1918 г. в России не было.

Библиография

1. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика // Пустырник – Румчерод. 2015. (Большая российская энциклопедия: В 35 т. / гл. ред. Ю.С. Осипов; 2004–2017, т.28).

2. «Россия – священная Наша держава»: прошлое с нами: Учебное пособие в 5 книгах / Л.В. Горожанин, В.В. Рыбников, Г.М. Ипполитов, В.Я. Ефремов, Г.В. Алексушин; под общей редакцией В.В. Рыбникова. Книга.4. Россия, век XX: годы великих потрясений и строительство нового мира (1900–1945 гг.). Самара: ООО "Научно-технический центр", 2004.

3. Русь – Россия – СССР – Россия: этапы большого пути: Учебное пособие для ВУЗов по курсу «Отечественная история» / А.В. Горожанин, В.В. Рыбников, Г.М. Ипполитов, В.Я. Ефремов, Г.В. Алексушин; под общей редакцией В.В. Рыбникова. – Т.2. По исторической спирали взлетов и падений бурного XX века: «в года разлук, в года сражений, когда свинцовые дожди...». Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2006.

4. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942.

Артамонова Юлия Дмитриевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

«ВИЗУАЛЬНОСТЬ» VERSUS «ТЕКСТ», ИЛИ ЧТО ТРАНСФОРМИРУЕТ ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ?

Аннотация

Исследования в русле «визуального», «пикторального» и других поворотов, которые начинаются в 90-е гг. XX века, ставят вопрос о новой парадигме социо-гуманитарных исследований, проблематизирующих понятия «текст» и «знак», и связанные с ними подходы. В статье суммируются основные аргументы в пользу такой точки зрения и показывается их проблематичность.

Ключевые слова: текст, знак, визуальный поворот, пикторальный поворот, репрезентация, биоизображение.

Визуализация культуры, идущая на наших глазах, трансформирует логику восприятия мира и ставит ряд новых вопросов перед исследователями. Выявленные различия заставляют ряд авторов говорить о пересмотре всего спектра методов социальных и гуманитарных наук и тем самым новом «визуальном повороте» в них.

Сначала систематически перечислим эти различия:

1) Визуальное не предполагает системности – картинку можно прочитывать в любой логике, структура самой организацией картины не задана;

2) Интерпретатор активен и может порождать гораздо больший спектр «релевантных» смыслов;

3) Картинка проблематизирует «общие» понятия – визуально представить себе, например, «капитал» или «свободу» крайне сложно;

4) В интерпретации включено «все существо целиком» – отделить смысл от восприятия (цвета, формы и т. д.), эмоций и т. д. не представляется возможным – не случайно речь идет о «биоизображении»;

5) Общение сводится к подтверждению, что оба на связи – обмен смыслами жестко не предусмотрен;

6) Проблематизируется то общее, что позволяет говорить об адекватности/неадекватности интерпретации (восприятия);

7) Картинка предполагает любые связи с другими картинками – в отличие от текстов, где есть логическая, затем линейно-грамматическая структура, семантический минимум и т. д. ограничивают и связи, и произвол интерпретации;

8) Вопрос «очевидности» (или опыта): необходима изначальная «солидаризация» с автором – либо в тезисе «мир таков», либо в логике конструирования – но тем самым любая логика конструирования «признается», а не проблематизируется; поэтому проблема «виртуализации» реальности, создания своей среды становится центральным – речь идет о механизме не презентации, а репрезентации мира;

9) Появляется множественность сконструированных миров без возможности найти их единую основу (ее просто нет) – а это по-новому ставит вопросы очевидности и власти.

Однако здесь необходимо заметить, что тезис о том, что наш опыт определенным образом организован (в том числе исторически размерно) не является новым. Сама идея «простого взгляда», например, как и связанные с ней реализм и натурализм, появляются только в XIX веке. Понятие «текст» тоже не универсально и, скорее, говорит о специфическом способе организации нашего опыта. Однако оно охватывает довольно большой исторический сегмент, и оснований для радикального отказа от него и связанного с ним инструментария просто не просматривается. В частности,

1) Поскольку понятие «текст» и связанный с ним инструментарий исследований не были постоянными, то ряд положений (в частности, о системности и линейности текста, а также о существовании единой основы культуры) являются исторически размерными и в этом смысле «необязательными» для толкования;

2) Принципиальная идея – речь идет о знаковом выражении вовне некоего состояния (и мыслей) – остается; поэтому базовый инструментарий как раз воспроизводится;

3) Действительной проблемой является иная логика восприятия и мышления, диктуемая визуальной сферой, а в этом русле исследования только разворачиваются.

Белоус Владимир Григорьевич

Доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета

Морозова Светлана Сергеевна

Кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета

Санкт-Петербург, Россия

ГОСУДАРСТВО КАК ОБЩЕЖИТИЕ, ИЛИ ОПЫТ ПЕРЕВОДА ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ КЛАССИКИ¹

Аннотация

Работа посвящена сравнительному анализу двух небольших отрывков из «Левиафана» на русском и английском языках с целью поиска расширения смыслов «Левиафана».

Ключевые слова: государство, гражданин, общежитие, Левиафан, полис.

Очевидно, самый простой путь к открыванию новых смыслов в классическом зарубежном историко-философском тексте – это его новый перевод. В настоящем случае речь идет о «Левиафане» Т. Гоббса – англоязычном философском тексте, имеющем огромную историю публикаций и интерпретаций, Авторы интересуют тема гражданина, поставленного на одну линию соизмеримости с государством в современном изменяющемся цифровом мире. Мы хотим обратить внимание на разрыв, существующий между переводами и комментариями. Как правило, отечественные переводчики «Левиафана» не занимались его комментированием, и, наоборот, комментаторы вынуждены были довольствоваться результатами чужих редакций и переводов. В идеале читатель должен коммуницировать с оригиналом без посредников. Однако что говорить о русскоязычных читателях, если даже для тех, у кого английский – родной, издатели выпускают «Левиафан», адаптированный к актуальным стилистическим и лексическим нормам.

Далее мы представим результаты анализа двух небольших отрывков из «Левиафана» (русского перевода в последней редакции 1991 года² и извлечений из англоязычного текста, сделанных из переиздания классического текста, подготовленного Эдвардом Уайтом (Edward White) и Дэвидом Уиджером (David Widger) в 2009 году³). Сравним английские (**Part 1. OF MAN. Chap. 16. Of PERSONS, AUTHORS, and things Personated [16. О ПЕРСОНАХ, АВТОРАХ, и предметах Персонифицированных], Part 2. OF COMMON-WEALTH. Chap. 17. Of the Causes, Generation, and Definition of a COMMON-WEALTH [17. О Причинах, Образовании и Определении ОБЩЕ-ЖИТИЯ]**) и русские варианты (**Глава XVI. О личностях, доверителях и об олицетворенных вещах, Глава XVI. О причинах, возникновении и определении государства**), можно не только наглядно удостовериться в «трудностях перевода», но и прямо поучаствовать в расшифровке философского потенциала великой книги.

¹ Данное исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 22-78-10049, Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности» (руководитель проекта – С.С.Морозова).

² Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Соч. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 3–545 (пер. А. Гутермана).

³ The Project Gutenberg EBook of Leviathan, by Thomas Hobbes / Produced by Edward White, and David Widger. 2009. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/3207/3207-h/3207-h.htm>

В настоящий момент мы не решаем задачу сравнительного анализа многочисленных редакций «Левиафана» на родном языке. Но даже элементарное сопоставление двух современных *переизданий* Т. Гоббса показывает, что англоязычная наука никогда не оставляла и до сих пор не прекращает текстологическую работу при подготовке главного произведения философа к печати.

К сожалению, большинство пост-гоббсовских английских публикаторов данный контекст игнорировали, считая возможным подменять авторскую *волю* редакторским *произволом*. Тот же трюк проделали и переводчики-редакторы «Левиафана» на русский: проигнорировав метафорику, они представили Гоббса как юридического позитивиста. Ограничимся двумя примерами.

Так, в переводе первого фрагмента *Actor* превращается в *представителя*, *Author* – в *доверителя*, *Authority* – в *полномочие*. Нарисованная переводчиком и дорисованная редакторами картина живописует отношения, возникающие между адвокатом и его клиентом при судебном разбирательстве. Очевидно, что такая трактовка уместна: как аналогия. Гоббс сам указывает на театр и суд – два вида деятельности, где человек наделяет доверием тех, кто его представляют. Между тем, базовый постулат «Левиафана» заключен в другом тезисе: «каждый человек – Автор». *Автор* – носитель воли, свое-волия. Это тот, «кому принадлежат его слова и действия»; в конце концов, он единственный, кто может применить к себе местоимение «Я».

В современной иноязычной научной литературе данная тема давно и успешно рассматривается в качестве «теории авторизации» Гоббса¹. Возможно ли концептуализировать нечто подобное, следуя концептам из «канонического» перевода? Вопрос риторический, и ответ на него отрицательный: говорить о присутствии таковой теории в русскоязычном научном пространстве не приходится.

Другой пример потенциального расширения смыслов «Левиафана» соотносится со вторым фрагментом. Большинство специалистов в области политической философии называют английского философа одним из основоположников идеи «общественного договора» и конструктором «договорной теории государства». При этом упускается из виду логическое несоответствие этих посылок: что именно является финальной целью *Договора* – общество или государство? В самом тексте книги существительное «договор» нигде не отягощается прилагательным «общественный». Другое дело, что целевой функцией *Договора* действительно является образование новой сущности, которая может быть истолкована в обоих смыслах.

Ключевому концепту «Левиафана», которым оперирует Гоббс – *Common-Wealth*, русские переводчики и комментаторы без колебаний присвоили значение «государство». Во втором фрагменте присутствует еще и латинский аналог *Civitas*. Мы привычно ассоциируем сегодня «полис» с «государством», хотя перевод середины XIX столетия подсказывает возможность иной интерпретации: полис есть «форма общежития граждан»².

Справедливости ради следует сказать, что во «Введении» к «Левиафану» автор усложняет формулу, добавляя в нее третий (средний) элемент – *State*: «For by Art is created that great LEVIATHAN called a COMMON-WEALTH, or STATE, (in latine CIVITAS)»³. В современном словаре это слово первостепенно определяется как

¹ Gauthier D. P. The Logic of Leviathan: The Moral and Political Theory of Thomas Hobbes. Oxford: Clarendon Press, 1969. 217 pp.

² Политика Аристотеля. М.: Университетск. тип., 1865. 369 с. (пер. Н. Скворцова).

³ The Project Gutenberg EBook of Leviathan, by Thomas Hobbes; 2009

«государство». Но релевантно ли данное значение для середины XVII века? В словарях ранненовоанглийского языка мы не находим подтверждения: речь идет о состоянии, положении и т. п. Куда ближе к «государству» другой термин Гоббса – *Body Politique*; впрочем, толкование данного концепта требует более тщательных изысканий.

В заключение хотелось бы отметить, что намеренная «архаизация» перевода закономерно ведет к усложнению и умножению комментариев. Новый перевод «Левиафана» должен быть ориентирован не только на «читателя», но и на «понимателя». «Пониматель» – он же «герменевт»: так именовали в древнехристианской Церкви толкователя Библии и одновременно ее переводчика. Современный герменевт должен взять на себя миссию толкования; иначе говоря, переводчик не должен игнорировать комментарии, а комментатор (в идеале) представлять иноязычные тексты в собственном переводе.

Библиография

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Соч. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 3–545 (пер. А. Гутермана).
2. Политика Аристотеля. М.: Университетск. тип., 1865. 369 с. (пер. Н. Скворцова).
3. Gauthier D. P. The Logic of Leviathan: The Moral and Political Theory of Thomas Hobbes. Oxford: Clarendon Press, 1969. 217 pp.
4. The Project Gutenberg EBook of Leviathan, by Thomas Hobbes / Produced by Edward White, and David Widger. 2009. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/3207/3207-h/3207-h.htm>

Бронников Иван Алексеевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

МЕТАВСЕЛЕННЫЕ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА ИЛИ ГОСУДАРСТВО ДЛЯ МЕТАВСЕЛЕННЫХ

Аннотация

Развитие цифровых технологий актуализирует исследование проблем и перспектив совершенствования государственного управления. Сегодня развитие концепции цифрового правительства связывается с технологией метавселенной. Использование метавселенной позволит государственному сектору решить ряд довольно обширных вопросов.

Ключевые слова: государство, метавселенная, социальные медиа, интернет.

В современном мире информационно-коммуникационное пространство изменяется невероятными темпами. В последние годы во многих странах исследовате-

лями¹ фиксируются тревожные тенденции: коммуникационные сбои в системе государственного управления, низкая инклюзивность, имитационная соревновательность политических программ. Однако практика показывает, что уже в настоящее время в развитых странах возможно создание серьезных предпосылок для формирования эффективных коммуникационных процессов в триаде «государство – метавселенные – граждане».

Искусственный интеллект, большие данные, блокчейн, криптовалюта, метавселенные – новые технологии, создающие цифровую реальность. Ряд технологий Web 3.0 относят к категории прорывных, среди которых последние два года особо выделяется метавселенная.

Отметим, что тема метавселенной является новой для исследований. Однако данному вопросу посвящены труды как отечественных (Володенков С.В., Гуров О.Н., Костикова А.А., Мамычев А.Ю., Савченко А.В., Сегал А.П., Федорченко С.Н., Юхно А.), так и зарубежных (Interrante V., Knox J., Mystakidis S., Venkatesan M.) авторов.

В центре внимания – вопросы определения содержания концепции и характерных черт метавселенной, возможности применения новых технологий в различных сферах, включая государственное управление, экономику, образование и т. д.

Впервые понятие метавселенной возникло в работах американских писателей-фантастов в XX веке. Пионером в этом направлении стал Н. Стивенсон, в своем романе «Лавина» 1992 г. использовавший понятие метавселенной как некоего виртуального мира, где не проводится граница между реальностью и воображением. На сегодняшний день существует множество авторских подходов и трактовок метавселенной, которые зачастую акцентируются на конкретном аспекте данной технологии, не рассматривая явление комплексно.

Одним из наиболее часто употребляемых является определение, данное Кембриджским словарем: метавселенная – это виртуальный мир, где люди, как аватары, взаимодействуют друг с другом в трехмерном пространстве, имитирующем реальность². В докладе McKinsey отмечается, что метавселенная – это развивающееся цифровое пространство с поддержкой 3D, которое использует виртуальную реальность, дополненную реальность и другие передовые интернет-технологии, полупроводниковые технологии, позволяющие людям получать опыт онлайн³.

Чтобы внести некоторую ясность в представление о сути концепции метавселенной, М. Болл назвал семь признаков, которые характеризуют это явление⁴: бесконечность, синхронность, отсутствие ограничений для одновременного нахождения пользователей, полностью функционирующая экономика, возможности цифровых и аналоговых миров, совместимость и синхронность, генерирование.

Сегодня глобальность тренда и перспективы развития метавселенной отмечают многие эксперты и аналитические компании. По данным Gartner, в 2026 году

---

¹ Соловьев А.И. Гражданин в потоках цифровизации: коллизии политики и культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022а. № 67. С. 216–230; Вилсов М. В., Телин К. О., Филимонов К. Г. От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2020. № 1. С. 7–27.

² Metaverse // Cambridge dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/metaverse>

³ What is metaverse? // McKinsey & Company. 2022. 18 Aug. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/mckinsey-explainers/what-is-the-metaverse>

⁴ Ball M. The metaverse: What it is, where to find it, and who will build it [Э] // Matthew L. Ball website. 2020. 13 Jan. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.matthewball.vc/all/themetaverse>

25 % пользователей будут проводить в метавселенных около часа в день, имея доступ к множеству сервисов¹.

Постепенно метавселенные проникает и в государственный сектор. Экосистема метавселенной предоставляет широкий спектр инструментов и возможностей для решения целого перечня задач современного государства. Метавселенные и сопутствующие интернет-технологии уже появляются в реальных практиках государственного управления. Так, пристальное внимание и повышенный интерес государственного сектора к NFT и метавселенной отмечены в Японии, Республике Корея, Китае.

Одной из первых стран, на государственном уровне официально заявивших курс на использование Web 3.0, стала Япония. Взятый Японией вектор на Web 3.0 представляется довольно масштабным в рамках страны и получает поддержку со стороны политической элиты и государственных деятелей.

Республика Корея первой в мире приняла стратегию создания метавселенной на национальном уровне. Используя широкий спектр возможностей, предоставляемый метавселенной, правительство страны фокусируется на области управления и предоставления государственных услуг.

Начиная с 2015 г. правительство Китая отдает приоритет передовым технологиям: искусственному интеллекту, большим данным, блокчейну и 5G. Вектор на развитие метавселенной является вполне закономерным с учетом всего предшествующего опыта Китая в сфере цифровой трансформации. Власти КНР стремятся не просто закрепить достигнутый прогресс, но и стать лидером в области инноваций.

На сегодняшний день именно эти страны первыми начали активно разрабатывать проекты по внедрению Web 3.0 на государственном уровне. Метавселенные целесообразно рассматривать как многоуровневые, взаимосвязанные интернет-технологии, развитие которых может подтолкнуть позитивные изменения и вместе с тем способствовать расширению угроз и вызовов социально-политическим процессам.

Библиография

1. *Бронников И.А., Беденкова А.С.* Метавселенные и государства: вместе и порознь // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15. № 2. С. 224-250. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-224-250>

2. *Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г.* От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2020. № 1. С. 7–27. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27>

3. *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Новые социально-политические вызовы государственному суверенитету в цифровую эпоху (по материалам международного экспертного исследования) // *Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки*. 2023. № 6. С. 31–57

4. *Соловьев А.И.* Гражданин в потоках цифровизации: коллизии политики и культуры // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022а. № 67. С. 216–230. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/19>

---

¹ *Rimol M.* Gartner predicts 25 % of people will spend at least one hour per day in the Metaverse by 2026. Metaverse hype to transition into new business models that extend digital business // Gartner. 2022. 7 Feb. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2022-02-07-gartner-predicts-25-percent-of-people-will-spend-at-least-one-hour-per-day-in-the-metaverse-by-2026>

5. Ball M. The metaverse: What it is, where to find it, and who will build it [Э] // Matthew L. Ball website. 2020. 13 Jan. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.matthewball.vc/all/themetaverse>

6. Metaverse // Cambridge dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/metaverse>

7. Rimol M. Gartner predicts 25 % of people will spend at least one hour per day in the Metaverse by 2026. Metaverse hype to transition into new business models that extend digital business // Gartner. 2022. 7 Feb. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2022-02-07-gartner-predicts-25-percent-of-people-will-spend-at-least-one-hour-per-day-in-the-metaverse-by-2026>

8. What is metaverse? // McKinsey & Company. 2022. 18 Aug. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/mckinsey-explainers/what-is-the-metaverse>

Вантеевский Макар Михайлович

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН, младший научный сотрудник Молодежной научной лаборатории ФГБНУ «ИНТИ»

Донецк, Москва, Россия

АНТИУТОПИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ТРЕНД ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация

В данном исследовании раскрываются содержательные и инструментальные особенности идеологических нарративов в российской антиутопии XXI века: рассматривается эволюция жанра антиутопии, а также современные формы репрезентации этого направления. Выдвигается тезис о том, что, с одной стороны, антиутопия – центр социального процесса не только в литературе, в отечественной массовой культуре, но и в социально-политическом прогнозировании, а, с другой стороны, это пространство конструирования политической идеологии в России: читатель, благодаря декодированию знаковых систем художественного произведения, создает свою «усреднённую версию», которая может претендовать на роль как индивидуальной, так и массовой политической идеологии.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, дистопия, практопия, гетеротопия, политическая идеология, массовая культура.

Сегодня понятие политической идеологии является достаточно сложным и неоднозначным в политической науке. С одной стороны, существует классический подход, который разрабатывался в середине XIX и первой половине XX века как концепт «ложного сознания» (К. Маркс) или в контексте дихотомии «утопии» и «идеологии» (К. Мангейм), а, с другой стороны, современные исследователи

предлагают изучать политическую идеологию сквозь призму художественных нарративов и массовой культуры (К. Гирц, Ф. Джеймисон, П. Рикер, Дж. Б. Томпсон). Несмотря на бескомпромиссную популярность теорий «конца идеологии» (Р. Арон, Д. Белл, Ф. Фукуяма, Э. Гидденс) во второй половине XX и начале XXI века, политические идеологии трансформировались и остались важными акторами социально-политических процессов в мире.

Вслед за изменением политического контекста поменялись и методы анализа идейно-ценностных концептов. Усложнение политических процессов, активное применение эмпирических исследований предоставили возможность изучения отражений идеологий не в среде интеллектуалов, а в обыденном общественном сознании – массовой культуре. Популярные артефакты культурных индустрий сегодня являются более мощными инструментами символической политики, нежели партийные уставы и манифесты: фиксирование политических интенций современного художественного процесса предоставляет возможность для интерпретации политической идеологии. Таким образом, сегодня массовая культура является, с одной стороны, материалом или инструментом идеологического конструирования политического процесса, а, с другой стороны, сама выступает в роли субъекта и не только предлагает идейно-ценностные концепции, но и формирует идеологическое пространство с помощью мощной семантики образов и художественных нарративов.

Антиутопия как направление социально-политической мысли долгое время рассматривалось как протест против утопического сознания и мироощущения: произведения Т. Мора, Д. Свифта, Дж. Лондона являются как примерами зарождения антиутопических нарративов в массовой культуре, так стремлением создать альтернативный политический проект нашей цивилизации. Современные писатели и разработчики видеоигр в основном отказываются от создания утопии и работают в антиутопическом жанре¹. Более того, в начале XXI века в России антиутопия оказывается центром современного социального процесса в литературе, так как, в отличие от других жанров, она дает возможность высказываться на любую тему, используя любой контекст и обстоятельства². Тем не менее, если антиутопические произведения 2000-х годов являются отчасти реакцией на нереализованную либеральную утопию, которую в нашей стране провозгласили после развала СССР³, то литературные проекты 2010-х – переосмыслением политических решений руководства страны, на основе которого строятся прогнозы относительно дальнейшего развития.

Таким образом, можно выделить следующие поколения современных писателей-антиутопистов: 1) в 1990-е годы можно было наблюдать характерное доминирование политического дискурса, связанного с развалом СССР и установлением нового политического режима (А.А. Проханов, Э.В. Лимонов); 2) 2000-е годы – осмысление нынешнего социально-политического порядка, роли России в мире (В.Г. Сорокин, Б. Акунин*⁴, В.О. Пелевин); 3) в 2010-е доми-

¹ Чанцев А.В. Дистопический дискурс в российской литературе середины 2000 // Новое литературное обозрение. 2007, № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/cha16.html#top>

² Кузнецов И.И., Вантеевский М.М. Теоретико-методологические основания изучения современных антиутопий: политические идеологии как социальные альтернативы в художественной литературе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, № 3. С. 325–333.

³ Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.: Издательство «Весь Мир», 2010.

⁴ Минюстом России признан иностранным СМИ, выполняющим функции иностранного агента. Тут и далее при знаке *.

нировал страх перед технологизацией общества (Д.А. Глуховский*), происходил анализ итогов последних десятилетий социально-политической модернизации политической системы (С.А. Шаргунов, Е.Н. Прилепин) или усиление желания создания мифа единой и непрерывной исторической идентичности (М.Ю. Елизаров, А.В. Иванов). Период, начавшийся с 2020 года, в основном связан с анализом возможного изменения политического курса и усилением зависимости от стран Востока (И.С. Техликиди, Э.Н. Веркин, В.О. Богданова, Д.С. Захаров).

Более того, сегодня можно говорить о том, что некоторые произведения современных писателей являются скорее не политическим прогнозом, а острой социальной сатирой и могут идентифицироваться как дистопия (Д.А. Глуховский* «Метро 2033» и «Пост») или гетеротопия (М.Ю. Елизаров «Библиотекарь», С.А. Шаргунова «1993»), которые влияют на носителей идеологии: политиков, журналистов, писателей, лидеров общественного мнения.

Почти у всех писателей можно встретить сюжеты, которые связаны с актуальными запросами и проблемами общества и могут послужить отличным материалом для социально-политического исследования: например, С.С. Минаев в своей трилогии («Духless», «The Телки» и «Р.А.Б.») раскрыл проблему социального расслоения российского общества, роли отдельного человека в нем, Г.Ш. Яхина и Л.Е. Улицкая отразили исторические травмы ряда социальных групп населения по отношению к СССР, а Г.У. Садулаев в сборнике «Я – чеченец!» раскрывает тему многонациональности России. Тем не менее выделение отдельных поколений писателей необходимо для того, чтобы показать, во-первых, антиутопические нарративы – это стабильный тренд в художественной среде современных интеллектуалов, а, во-вторых, проследить связь между характером идейно-ценностных моделей в антиутопии и социальными группами, которые поддерживают писателя, читают его произведения и следят за его деятельностью: сегодня возможно усмотреть связь между идеологическими взглядами большинства писателей и их политическим выбором, за которым следует фанатское сообщество. Таким образом, антиутопические нарративы становятся в определенной степени идеологемами современного общества: с одной стороны, являются зеркалом российского социума, а, другой стороны, рождают новые идеи и смыслы.

Антиутопии – это набор знаковых систем и семантических полей, составляющих основу любого художественного произведения. Современные книжные тексты являются примерами политических интенций представителей разных социальных групп, однако затем их активно используют режиссеры, продюсеры для «массовизации» получившегося политического высказывания. В результате декодирования основных идеологических нарративов получается усредненная версия, реализованная в видеоформате, которая, с одной стороны, остается носителем идей и ценностей первоисточника, а, с другой стороны, фильм или видеоигра являются примерами самостоятельного массового продукта, влияющего на общественно-политическое сознание, т. е. на политическую идеологию общества. В итоге изучение основных идеологических нарративов в антиутопиях позволяет понимать идейно-ценностную карту российской культурной индустрии и рассматривать образы будущего разных социальных групп.

Библиография

1. Кузнецов И.И., Вантеевский М.М. Теоретико-методологические основания изучения современных антиутопий: политические идеологии как социальные альтернативы в художественной литературе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, № 3. С. 325–333.
2. Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.: Издательство «Весь Мир», 2010.
3. Чанцев А.В. Дистопический дискурс в российской литературе середины 2000 // Новое литературное обозрение. 2007, № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/cha16.html#top>

Вартумян Арушан Арушанович

Доктор политических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Пятигорского института (филиал) «Северо-Кавказского федерального университета»

Пятигорск, Россия

Поздняков Константин Константинович

Кандидат экономических наук, докторант кафедры международных отношений Северо-Кавказского федерального университета

Ставрополь, Россия

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ В КОНТЕКСТЕ КОМПАРАТИВИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

Аннотация

В представленной статье категория риск исследуется с точки зрения существующих определений. В предложенной авторской трактовке «политический риск» определены новые характеристики, связанные с новыми явлениями этнополитических и этнодемографических реалий.

Ключевые слова: политический риск, санкционное давление, государственное управление, сетевое взаимодействие, технологическая революция.

Категория «риск» исследуется и используется в различных науках, которые изучают опасность возникновения непредвиденных потерь ожидаемой прибыли, дохода или имущества, денежных средств в связи со случайными изменениями¹. Существует огромное количество определений «рисков»: социально-экономический риск, экологический риск, политический риск, отраслевой риск, страновой риск, демографический риск и т. д.

В настоящей статье, на основе типологизации политических рисков, авторы предпринимают попытку «осовременить» теоретическую основу дефиниции «политический риск» применительно к современным реалиям России и сложившихся новых геополитических реалий.

¹ Нечкин Д.А. Эволюция понятия «политический риск»: классические и современные концепции // Вестник Московского университета. Сер.25. Международные отношения и мировая политика, 2018, № 4. С.109

Событие на Украине заставляют переоценить тактику и стратегию российской внутренней и внешней политики, санкционное давление заставляет изыскивать внутренние ресурсы, ревизия международных отношений приводит к отказу от прежней конфигурации партнерских отношений и созданию международного сотрудничества. Прошедший XVI саммит «БРИКС», собравший делегации из 35 стран и шести международных организаций, принял целый ряд принципиальных новшеств, которые существенным образом обогатят политическую науку новым прочтением категории «политический риск»¹.

Существенным образом принятие решений в России повлияют состоявшиеся выборы в Молдавии и Грузии. Политические последствия расстановки политических сил по периметру России должны повлиять на геополитическую стратегию России, чтобы переоценить и пересмотреть проблемы политического риска.

В России появляется признанный центр по изучению новой природы «политических рисков». В МГУ на кафедре политического анализа регулярно рассматривается вопрос о соответствии классических теорий политических рисков реальному российскому содержанию феномена. Так, Борковских А.Н., рассматривая новые формы политических рисков определяет их ключевые характеристики, а именно: «сетевые глобальные алгоритмы развития, актуальная география, особый пространственный формат распространения, раскрывая содержание гибридных экополитических и информационно-политических рисков»².

Мы вынуждены констатировать появление новой логики политических рисков, которая выходит за рамки просуществовавшей до настоящего времени теоретической модели. В российском проблемном поле появляются явления, связанные с новыми явлениями этнополитических и этнодемографических реалий: исход русскоязычного населения с Северного Кавказа и появление моноэтнических субъектов Российской Федерации (Чеченская Республика, Республика Ингушетия); трудноконтролируемая миграционная политика, создающая угрозу национальной безопасности; реализация Турцией проекта «Туран» в тюркоязычных регионах России; ухудшение демографического баланса населения по отношению к территориальному обустройству страны; усиление этнократической составляющей властных элит в управлении национальных субъектов и т.д.³

Разумеется, в Российской Федерации в параметрах государственного управления в анализе политического риска имеет развитие вне территориальных сетевых форм взаимодействия. Фактически, «сетевая революция» многократно усиливает развитие политических рисков. События в аэропорту в г. Махачкале продемонстрировало мгновенную реакцию радикалов на сетевые мобилизационные установки⁴.

Новым источником политического риска в России следует рассматривать последствия технологической революции, которая позволила произвести смещение

---

¹ Городилов М. Как прошел саммит БРИКС-2024 в Казани: главное // Экономика. 25.10.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/brics-2024-summit-summary/?ysclid=m2sr45iik2992279289>

² Бордовских А.Н. Политические риски в условиях глобальных вызовов традиционным системам государственного управления. Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 1. С. 63–73.

³ См.: Шибзухова Т.А., Вартумян А.А., Лимарева М.В. Политический процесс в полиэтничном регионе: Монография. – Пятигорск: Издательство РИА КМВ, 2024.

⁴ Дело о погроме в аэропорту Махачкалы // Кавказский узел. 3 октября 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://newizv.ru/tags/kavkazskiy-uzel?ysclid=m2sr1v0ih6833074794>

центра от привычных информационно-коммуникативных узлов информационным бизнес-узлам близким к GAFAM (Google, Amazon, FaceBook, Apple, Microsoft)¹.

Таким образом, авторская трактовка политического риска включает усиление влияния негосударственных акторов, обозначает неопределенность среды, в которой действуют все не рыночные силы, сами риски являются нейтральными и могут способствовать возникновению положительных или отрицательных эффектов в зависимости от текста.

Библиография

1. *Бордовских А.Н.* Политические риски в условиях глобальных вызовов традиционным системам государственного управления. Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2020. №1. С. 63–73.

2. *Городилов М.* Как прошел саммит БРИКС-2024 в Казани: главное // Экономика. 25.10.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/brics-2024-summit-summary/?ysclid=m2sr45iik2992279289>

3. Дело о погроме в аэропорту Махачкалы // Кавказский узел. 3 октября 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://newizv.ru/tags/kavkazskiy-uzel?ysclid=m2sr1v0ih6833074794>

4. *Нечкин Д.А.* Эволюция понятия «политический риск»: классические и современные концепции // Вестник Московского университета. Сер.25. Международные отношения и мировая политика, 2018, № 4. С. 109

5. *Шебзухова Т.А., Вартумян А.А., Лимарева М.В.* Политический процесс в полиэтническом регионе: Монография. - Пятигорск: Издательство РИА КМБ, 2024.

6. *Bailey D.* The Environmental Paradox of the Welfare State: The Dynamics of Sustainability. *New Political Economy*, 2015, vol. 20, no. 6, pp. 793-811. DOI: 10.1080/13563467.2015.1079169

7. Le regard des Français sur le mouvement des "Gilets jaunes". Ifop pour Le Journal du Dimanche, 2018, Novembre, no. 115970, pp. 1-18. Available at: <https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2018/11/115970-Rapport-JDD.pdf> (accessed 15.01.2020).

8. *Vilmer J., Escorcía A., Guillaume M., Herrera J.* Information Manipulation: A Challenge for Our Democracies. Paris, CAPS (Ministry for Europe and Foreign Affairs) and IRSEM (Ministry for the Armed Forces), 2018. 207 p. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/information_manipulation_rvb_cle838736.pdf (accessed 15.01.2020).

9. *Vilmer J., Escorcía A., Guillaume M., Herrera J.* Information Manipulation: A Challenge for Our Democracies. Paris, CAPS (Ministry for Europe and Foreign Affairs) and IRSEM (Ministry for the Armed Forces), 2018. 207 p. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/information_manipulation_rvb_cle838736.pdf (accessed 15.01.2020).

---

¹ *Bailey D.* The Environmental Paradox of the Welfare State: The Dynamics of Sustainability. *New Political Economy*, 2015, vol. 20, no. 6, pp. 793-811. DOI: 10.1080/13563467.2015.1079169; Le regard des Français sur le mouvement des "Gilets jaunes". Ifop pour Le Journal du Dimanche, 2018, Novembre, no. 115970, pp. 1-18. Available at: <https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2018/11/115970-Rapport-JDD.pdf> (accessed 15.01.2020); *Vilmer J., Escorcía A., Guillaume M., Herrera J.* Information Manipulation: A Challenge for Our Democracies. Paris, CAPS (Ministry for Europe and Foreign Affairs) and IRSEM (Ministry for the Armed Forces), 2018. 207 p. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/information_manipulation_rvb_cle838736.pdf (accessed 15.01.2020); *Vilmer J., Escorcía A., Guillaume M., Herrera J.* Information Manipulation: A Challenge for Our Democracies. Paris, CAPS (Ministry for Europe and Foreign Affairs) and IRSEM (Ministry for the Armed Forces), 2018. 207 p. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/information_manipulation_rvb_cle838736.pdf (accessed 15.01.2020).

Володенков Сергей Владимирович

Доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСЛОВИЯХ ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация

Эволюция технологий искусственного интеллекта и самообучаемых нейросетей формирует значимый потенциал создания цифровых актантов, способных осуществлять в автономном режиме свою деятельность по генерации контента и его таргетированной трансляции на основе анализа цифровых следов пользователей при выстраивании коммуникационных связей с целевыми группами воздействия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративные нейросети, синтетический контент, массовое сознание.

На сегодняшний день ИИ-актанты, функционирующие на базе нейросетевых технологий, способны самостоятельно генерировать и осуществлять трансляцию различных типов контента, предлагая целевым аудиториям воздействия информацию, максимально учитывающую характерную для них специфику представлений о социально-политической реальности, особенности субъективных мировоззренческих представлений об окружающем мире.

Такой потенциал применения ИИ-актантов стал возможным благодаря глобальному сбору, обработке и алгоритмическому анализу цифровых следов пользователей, которые, сами того не понимая, «раскрывают» в цифровом пространстве свои индивидуальные особенности и предпочтения, включая политические, религиозные, духовные и иные.

В результате алгоритмического изучения цифровых следов ИИ-актанты приобретают возможности осуществления коммуникации с целевыми аудиториями информационно-коммуникационного влияния, эффективность которого обеспечивается заранее просчитанным на основе выявленных индивидуальных особенностей воздействием на убеждения, представления, взгляды, а, следовательно, и поведенческие паттерны «жертвы». Ввиду высокого потенциала манипулятивно-пропагандистского воздействия и его достаточно низкой стоимости, широких возможностей масштабирования, экстерриториальности и оперативности организации и реализации информационных проектов подобные ИИ-технологии все в большей степени и все более активно применяются современными политическими акторами. Отметим, что по мере технологической эволюции технологий искусственного интеллекта ИИ-актанты все в большей мере становятся перспективным инструментом для осуществления цифровой коммуникации и воздействия на массовое сознание.

Анализ современной практики применения ИИ-технологий свидетельствует о том, что цифровые инструменты уже сегодня обладают потенциалом осуществлять подмену человека нейросетевыми алгоритмами, одной из задач которых является адаптированная к индивидуальным особенностям реципиента генерация и трансляция контента, вступление в информационно-коммуникационное взаимодействие,

учитывающее результаты алгоритмического анализа цифровых следов. При этом ИИ-актанты обладают в рамках осуществляемого ими взаимодействия с людьми способностью коммуницировать от лица как реальных, так и симулированных личностей. Сам же реципиент информации в большинстве случаев может даже не догадываться о том, что имеет дело не с реальным человеком, а с ИИ-актантом.

Очевидно, что информационно-коммуникационная деятельность ИИ-актантов имеет значительно более высокий уровень эффективности по сравнению с традиционными субъектами влияния на массовое сознание. В первую очередь, это связано с активным применением в процессах цифровой коммуникации массивов данных (Big Data), формирующихся на основе упомянутых нами пользовательских цифровых следов, активно собираемых, анализируемых и используемых в пропагандистской практике субъектами цифровой коммуникационной деятельности и их бенефициарами.

Очевидно, что на основе анализа персональных цифровых следов онлайн-пользователей формируется потенциал для профилирования и таргетирования целевых аудиторий информационно-коммуникационного воздействия с учетом их субъективных (психологических, ценностно-смысловых, мировоззренческих и др.) особенностей, что многократно повышает эффективность манипулятивно-пропагандистской деятельности.

Обратим особое внимание на то, что технологически возможно формирование таргетированных информационных потоков не только на уровне перспективных целевых групп, но и отдельных, представляющих особый интерес индивидов, для которых могут формироваться персональные информационные потоки, преследующие своей целью оказание воздействия на сознание человека с учетом его индивидуальных личностных особенностей, представлений, ожиданий, предпочтений по итогам персонального профилирования на основе анализа цифровых следов. Ни одно из традиционных средств массовой информации не обладает аналогичным потенциалом таргетирования.

Если же учесть возможности осуществления подобной персональной информационно-коммуникационной работы в пространстве персональных чатов (например, на площадках мессенджеров, имеющих шифрование трафика), то сложность выявления деструктивной деятельности в цифровом пространстве становится еще более высокой, т.к. «большая пропагандистская река» может разделяться на бесчисленное количество невидимых индивидуальных и групповых «информационных ручейков», а блокировка миллионов личных сообщений представляется если не невозможной, то крайне затрудненной.

В случае массового внедрения в интересах тех или иных политических интересов значительного числа реалистичных ИИ-актантов, действующих в автономном режиме и способных выстраивать таргетированные коммуникации с целевыми аудиториями (зная о них значительно больше, чем они сами о себе) в пространстве личных коммуникационных потоков, формируются значимые риски, угрозы и вызовы для современных государств и институтов власти в аспекте противодействия оппозиционной, радикальной и экстремистской пропаганде.

ИИ-актанты при этом могут внедрять в обсуждения и дискуссии радикальный и экстремистский контент, искажать и радикализировать смысл изначальных публикаций, «заражать» уязвимые группы пользователей симпатией к радикальным и экстремистским идеям, а также дискредитировать авторов постов, снижая степень

достоверности (на уровне восприятия пользователями) «невыгодных» публикаций, в то же самое время «продвигая», «усиливая» пропагандистские посты и повышая степень доверия к ним и содержащемуся в них ценностно-смысловому и идейному контенту.

Результатом такой деятельности становится рост сторонников пропагандируемых идей, обеспечивается радикализация настроений пользователей, а также происходит «разжигание» эмоций по отношению к «врагам» за счет автоматизированного управления дискуссиями и обсуждениями, а также восприятием содержания публикаций пользователями.

Кроме того, алгоритмы автоматически способны управлять видимостью и масштабами распространения информации, представленностью различных точек зрения и мнений в цифровом пространстве посредством применения таких технологий продвижения информации, как лайки, ретвиты, комментарии, в конечном итоге повышая или снижая видимость ценностно-смыслового и пропагандистского контента для реальных пользователей в условиях интенсификации информационных потоков.

В связи с указанными обстоятельствами мы приходим к выводу о том, что автоматизированные потоки генеративной пропаганды формируют существенные риски в сфере управления массовым сознанием и поведения, формирование которых в необходимом направлении обеспечивается посредством генерирования и трансляции информации, служащей «сырьем» для формирования представлений о социально-политической реальности.

Библиография

1. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции интернета: особенности и сценарии трансформации // Политическая наука. 2021. № 3. С. 37–53.

2. Володенков С.В. Социальные медиа как инструмент современной публичной политики: Особенности и перспективы применения // Политическая наука. 2017. № 5. С. 290–305.

3. Володенков С.В. Технологии Big Data в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 205–212.

4. Unver H. Akin. Digital Challenges to Democracy: Politics of Automation, Attention and Engagement // Journal of International Affairs. 2017. Vol. 71. No. 1. P. 127–146.

5. Василькова В.В., Садчиков Д.И. Фейки и боты как механизмы информационных искажений в социальных сетях // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2019. № 2. С. 24–30.

6. Каишур В.В., Барышев А.А., Чудинов С.И., Щекотин Е.В., Сербина Г.Н. Способы репрезентации радикального контента в условиях государственной антиэкстремистской цензуры на материале социальной сети «ВКонтакте» // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6, вып. 1. С. 7–18.

Зорин Владимир Юрьевич

Доктор политических наук, председатель комиссии Общественной палаты Российской Федерации по международным, межрелигиозным отношениям и миграции, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Москва, Россия

Орешин Сергей Александрович

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Москва, Россия

О ПОДГОТОВКЕ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ДОКЛАДУ М.С. ГОРБАЧЕВА НА XXVIII СЪЕЗДЕ КПСС

Аннотация

Работа посвящена XXVIII съезду Коммунистической партии Советского Союза, которому суждено было стать последним в истории Советского Союза. Особое внимание уделено острой дискуссии, которая проявилась в ходе подготовки резолюции по Политическому докладу М.С. Горбачева на съезде. Значительная часть делегатов критически оценивала выступление Генерального секретаря. В этой очень непростой ситуации Редакционная комиссия съезда оказалась в трудном положении и оказалась перед необходимостью в крайне сжатые сроки выработать необходимые документы. В этих условиях удалось организовать эффективную работу комиссии (в работе которой принимал участие один из авторов – В.Ю. Зорин), которая в рекордно короткие сроки сумела выработать компромиссный текст резолюции, получившей одобрение большинства делегатов съезда.

Ключевые слова: XXVIII съезд КПСС, М.С. Горбачев, Редакционная комиссия, рабочая группа по подготовке резолюции по Политическому докладу.

19 сентября 1989 г. пленум ЦК КПСС принял решение созвать очередной, XXVIII съезд КПСС и утвердил предварительную повестку дня. В период подготовки XXVIII съезда проходили съезды коммунистических партий союзных республик, областные и краевые партийные конференции, на которых обсуждались проекты предсъездовских документов. В феврале 1990 г. состоялся очередной пленум ЦК КПСС, который одобрил платформу ЦК к предстоящему партийному съезду. В ней, в частности, говорилось о переходе к многопартийности, рыночной экономике, правовому государству¹. По мнению ряда исследователей, речь, по сути, шла об отказе КПСС от ортодоксально-коммунистических позиций и смещении в сторону еврокоммунизма и даже социал-демократии. Новый пленум ЦК КПСС в марте 1990 г. утвердил порядок избрания делегатов на XXVIII съезд КПСС. В частности, были впервые допущены прямые выборы по партийным одномандатным и многомандатным округам наряду с традиционным выдвижением на нижестоящих партийных конференциях. Кроме того, был рассмотрен проект Устава

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 5–7 февраля 1990 г. — М.: Политиздат, 1990. С. 94–115.

КПСС, в котором нашли отражения новые принципы формирования партии, которые делали ее более открытой и плюралистической¹.

Первоначально партийный форум намечалось провести в октябре 1990 г., но вследствие того, что внутривластная ситуация стремительно изменялась, было принято решение провести партийный съезд летом 1990 г. Незадолго до открытия общепартийного съезда, 19—23 июня 1990 г. была созвана Российская партийная конференция, которая позиционировала себя как Учредительный съезд Компартии РСФСР (в составе КПСС). В конференции-съезде приняли участие 2768 делегатов, избранных на XXVIII съезд КПСС от партийных организаций РСФСР. 22 июня первым секретарём ЦК КП РСФСР был избран И.К. Полозков, примыкавший к консервативному лагерю². Создание российской коммунистической партии, лидеры которой критически относились к реформам М.С. Горбачева, знаменовало собой проявление острого кризиса не только правящей партии, но и всей советской «вертикали власти».

Съезд начал свою работу 2 июля 1990 г. Примечательно, что его заседания транслировались по центральному телевидению СССР. Они проходили в весьма напряженной обстановке, отражавшей остроту происходивших в стране событий. Так, в первый же день работы съезда, делегат от Магаданской области В.Д. Блудов, взявший слово, предложил делегатам немедленно отправить М. С. Горбачёва в отставку. Участники съезда критиковали М.С. Горбачёва, Политбюро ЦК и ЦК КПСС. Их обвиняли в некомпетентности и доведении страны до кризисного состояния.

При этом жесткая критика звучала не только из уст отдельных делегатов, но и от лидеров союзных коммунистических партий. Политический курс перестройки критиковали, например, даже первые секретари союзных компартий, многие высокопоставленные партийные деятели из автономных республик, краев и областей Советского Союза. Это свидетельствовало о росте недовольства республиканскими элитами политикой союзного руководства, которая приводила к обострению обстановки, особенно чувствительной на окраинах Советского Союза.

В докладе «Политический отчет ЦК КПСС XXVIII съезду КПСС и задачи партии» М.С. Горбачёв признал справедливость выдвинутых в адрес Политбюро ЦК КПСС обвинений и предложил, оставаясь в рамках существующего социалистического строя, углублять экономические и политические реформы для преодоления кризиса, а также принять временное программное заявление и начать работу над очередной программой партии.

Однако выступление Генерального секретаря было негативно встречено частью делегатов съезда. В развернувшихся прениях присутствующие обрушились с критикой (подчас весьма острой) не только на отдельные тезисы из речи М. Горбачева, но и подвергли сомнению правильность всех реформ, которые пытался реализовать советский лидер за время нахождения у власти. Так, лидер ЦК Коммунистической партии Казахской ССР Н.А. Назарбаев заявил, что М. С. Горбачёв и Политбюро не советуются с республиками по такому важному вопросу, как переход страны на рельсы рыночной экономики. Казахстанский лидер отметил: «Мне лично,

---

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 11, 14, 16 марта 1990 г. — М.: Политиздат, 1990. С. 192–206.

² Политическое бюро ЦК КП РСФСР // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. [Электронный ресурс]. URL: http://www.knowbysight.info/1_RSFSR/06736.asp

товарищи, такая лихорадочная, поспешная подготовка перехода к рыночным отношениям напоминает отчаянное отступление армии, не имеющей за спиной заранее подготовленных позиций»¹. Назарбаева поддержал лидер Азербайджанской ССР А.Н. Муталибов, который подчеркнул, что что «за пять перестроечных лет сломано и разобрано куда больше, чем возведено. И винить в этом некого, кроме КПСС, её лидеров, решившихся на апрельский (1985 г.) поворот»².

На этом же съезде Б.Н. Ельцин, имевший в то время репутацию лидера радикально-демократического крыла в партии, тоже критиковал М.С. Горбачева, но уже ставил ему в вину промедление в осуществлении назревших реформ, непоследовательность и половинчатость на пути к переменам. Председатель Верховного Совета РСФСР предложил переименовать КПСС в Партию демократического централизма и разрешить в ней свободу фракций. Его предложение не встретило поддержки. Попытки демократов добиться преобразования КПСС в демократическую партию парламентского типа успеха не имели. Однако и жесткая, беспепелляционная критика перестройки со стороны консерваторов также не встречала поддержки у большинства делегатов.

Вскоре стало очевидно: заготовленная заранее резолюция по отчетному докладу М.С. Горбачева, безоговорочно поддерживавшая реформаторский курс главы государства, не имела никаких шансов быть принятой. Это, в свою очередь, было чревато серьезными последствиями, вплоть до раскола партии, ведь ни на одном из предыдущих партийных форумов отчетный доклад лидера правящей партии не подвергался столь жесткой критике. Нужно было спешно искать выход из возникшей крайне непростой ситуации.

По воспоминаниям очевидцев, М.С. Горбачев находился в растерянности относительно судьбы резолюции по своему отчетному докладу. Заканчивая свою речь по итогам обсуждения политического отчета ЦК, он счел необходимым высказать мысль о том, что «если перестройка в чем и виновата, то в том, что она проводилась недостаточно последовательно и решительно». Допуская среди коммунистов самый широкий плюрализм — от откровенного сталинизма Н.А. Андреевой до социал-демократических течений в лице таких групп, как Демократическая платформа в КПСС, М.С. Горбачев вовсе не собирался корректировать программные документы партии в духе воззрений той же Демократической платформы, но не сумел оценить всю степень идеологической опасности этих воззрений³.

В первые дни работы съезда социологами Уральского научного центра АН СССР в Свердловске был проведён опрос. Среди 700 респондентов 50% составляли рабочие, а доля членов КПСС составляла 60%. Опрос выявил скептическое отношение к Отчётному докладу ЦК, с которым выступил М.С. Горбачёв. 55% респондентов оценили доклад и выводы Генерального секретаря как неудовлетворительные. Весьма нелицеприятно оценили линию руководства ЦК, изложенную в докладе, и многие делегаты съезд, также опрошенные социологами. Наиболее острая дискуссия шла вокруг перехода страны к рынку⁴.

---

¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г. Стенографический отчёт. Т. I. С. 335.

² Там же. С. 401.

³ См.: Константинов С. Съезд обреченных // Независимая газета. 2000. 12 июля. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/style/2000-07-12/16_siezd.html?ysclid=mls8ii9kjc615352704

⁴ Трушков В. Дата в истории. Статья в «Правде» К 30-летию последнего съезда в летописи КПСС // Правда. 2020. 10 июля. [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/ruso/195843.html>

Словом, наступил самый критический момент в ходе съезда, простое одобрение деятельности ЦК КПСС было уже невозможно, но и готового проекта, который мог бы стать проходным вариантом, тоже не было. Членов Редакционной комиссии по громкой связи пригласили в перерыве перед вечерним заседанием пройти в комнату Президиума, куда направился и М.С. Горбачёв со своими ближайшими соратниками.

В.Ю. Зорин, на тот момент 2-й секретарь обкома Каракалпакской АССР, был делегатом съезда, и он вспоминает: «После прозвучавшего объявления меня кто-то взял за локоть и повлёк за собой. Это был Владимир Антонович Ивашко (он был избран председателем Редакционной комиссии), и, через две минуты я оказался в комнате, в уголке которой находился М.С. Горбачёв. Там я увидел несколько лиц с первомайских портретов членов Политбюро, знакомых делегатов из братских среднеазиатских республик, работников ЦК КПСС. Практически уже началась ни-кем и нигде не запланированная встреча типа планёрки на стройке. Началась она с крайне реалистичной оценки обстановки. Далее следовал классический вопрос: кто виноват и почему недооценили настроения делегатов? И, наконец, ленинское: что делать? На первые два вопроса ответы долго искать не пришлось. А по третьему – одно из главных предложений внес В.А. Ивашко, смысл его был простой и понятный: пора начинать работу над проектом. М.С. Горбачев посетовал на то, что при подготовке проектов постановления по его докладу не были учтены настроения делегатов, часть из которых была настроена весьма критически. Некоторые из присутствующих высказывали сомнения в том, что удастся в столь сжатые сроки подготовить и согласовать текст резолюции.

В этот момент я уверенно заявил о том, что текст новой резолюции может быть подготовлен в сжатые сроки, буквально в течение суток. Не все из присутствующих поначалу оценили это предложение. Кто-то даже решил одернуть: мол, какой-то второй секретарь обкома из Средней Азии вносит свои предложения. Однако В.А. Ивашко поддержал меня, отметив, что предложение В.Ю. Зорина – здоровое, не лишённое смысла. Тем более, что ему однажды уже доводилось вместе с В.Ю. Зориным в Афганистане буквально за три часа подготовить проект резолюции пленума ЦК НДПА, посвященной вопросам партийной критики и самокритики».

М.С. Горбачев вместе со своими ближайшими сподвижниками (среди них были секретари ЦК КПСС, члены Политбюро А.Н. Яковлев и В.А. Медведев) ухватились за эту идею. Была оперативно сформирована рабочая группа по доработке проекта резолюции, которую возглавил председатель Верховного Совета Украинской ССР В.А. Ивашко.

7 июля 1990 г. состоялось десятое, вечернее, заседание партийного съезда. М.С. Горбачев отметил, что наступил важный этап принятия решений съезда. Генеральный секретарь призвал делегатов посвятить время выработке подходов к составлению Резолюции по Политическому отчету ЦК КПСС. Завершив обмен мнениями, следовало поручить Редакционной комиссии в течение суток выработать проект Резолюции по Политическому отчету, который можно было бы оперативно обсудить всем делегатам.

Далее продолжилось обсуждение работы Редакционной комиссии. В.А. Ивашко от её имени доложил собравшимся о ситуации, сложившейся вокруг документов съезда. Утвержденная повестка дня и сформулированные позже поручения съезда обусловили необходимость подготовки и обсуждения целого ряда важнейших

документов, начиная от Программного заявления и Устава КПСС и заканчивая резолюциями о путях выхода из кризисного состояния экономики или в защиту коммунистов, подвергающихся гонениям в некоторых зарубежных странах. Все эти документы готовились параллельно, в большинстве случаев разными группами делегатов, избранных в те или иные комиссии съезда.

В.А. Ивашко отметил, что на прошлых партийных съездах резолюция была очень короткой, содержала слова одобрения положением и выводам отчетного доклада и рекомендации для реализации этих положений в практической работе партийных организаций. Однако в текущих реалиях такой подход казался неприемлем. С другой стороны, невозможно было предложить и такую резолюцию, которая охватывала бы все направления деятельности партии. В этой связи Редакционная комиссия съезда пришла к выводу, что можно было бы ограничиться средним вариантом – Политической резолюцией, в которой можно было бы отразить и те изменения, которые произошли в обществе после XXVII съезда партии в ходе перестройки, и те направления работы, по которым следовало идти. Редакционная комиссия усердно старалась прийти к какому-то компромиссному выводу и предложить съезду наиболее рациональное предложение, содержащее качественно-политические оценки¹. В результате Проект резолюции, подтвердив приверженность курсу перестройки на коренное реформирование социально-экономической и политической системы советского общества, констатировал серьезные недостатки в процессе осуществления преобразований. Было отмечено, что страна переживает трудное время. Как никогда, необходима консолидация всех демократических сил. КПСС предлагает всем сторонникам социалистической идеи сплотиться в широкую коалицию в Советах, общественных организациях и движениях в повседневной практической деятельности. Она готова вести равноправный диалог, отстаивая все конструктивное во имя человека труда, гражданского мира и общенационального согласия. Со своей стороны КПСС предлагает обществу и государству на предстоящий период свою программу действий. Она изложена в Программном заявлении съезда «К гуманному, демократическому социализму», в Уставе КПСС, в резолюциях по важнейшим проблемам развития страны².

В помощь основной рабочей группе под руководством В.А. Ивашко, М.С. Горбачев выделил двух своих помощников — советника Президента СССР, председателя подкомитета конституционного законодательства Верховного Совета СССР Г.Х. Шахназарова и помощника Президента СССР по международным делам А.С. Черняева.

Рабочая группа выехала на так называемую «Ближнюю дачу» И.В. Сталина в Кунцево (в настоящее время расположена в черте города Москвы, в районе «Фили-Давыдково»). В этом историческом месте, где, к слову сказать, всесильный «вождь народов» скончался 5 марта 1953 г., предстояло экстренно подготовить и согласовать текст резолюции. Следует отметить, что для этого были созданы все условия, включая бесперебойное снабжение всех членов группы горячим питанием, обеспечение связи с Кремлем, предоставление им мест отдыха и т.п. Впрочем, об отдыхе им фактически пришлось забыть и сконцентрироваться на документе. А его согласование проходило очень непросто.

---

¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г. Стенографический отчет. Т. II. М.: Политиздат, 1990. С. 28–30.

² Там же. С. 36.

...Представленный текст резолюции был одобрен М.С. Горбачевым. Генеральный секретарь высоко оценил деятельность рабочей группы, поблагодарив ее членов за высокий профессионализм и самоотдачу. Утром подготовленные варианты были розданы делегатам съезда для внимательного ознакомления и обсуждения. При этом за основу было предложено взять тот вариант, который разработала рабочая группа В.А. Ивашко.

9 июля 1990 г., открывая 11-е заседание съезда, председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков указал на важность принятия Резолюции по Политическому отчету Центрального Комитета партии XXVIII съезду. Обращаясь к делегатам, он напомнил: «Мы с вами договаривались в субботу, после часового обсуждения, что надо передать свои замечания в Редакционную комиссию товарищу Ивашко, с тем чтобы там могли их учесть в максимальной степени в новой редакции. Такая работа проведена, и вчера вечером, в 7–8 часов, новая редакция, выправленная редакция этого документа, была вручена делегатам. Но часть делегатов, насколько мы информированы, не получила его вчера вечером, а получила только сегодня утром». С учётом данного обстоятельства представленный документ решено было взять за основу, и предложено до 12 часов в письменном виде представить соображения по его окончательной доработке.

Это позволило В.А. Ивашко 10 июля 1990 г., на 13-м заседании съезда доложить об окончательных результатах работы Редакционной комиссии. Он отметил, что в адрес комиссии поступило более полутора тысяч замечаний и предложений. При этом почти половина из них касалась вопросов, по которым планировалось принять отдельные документы съезда: о бюджете и имуществе КПСС, о политике КПСС в области образования, науки и культуры, о средствах массовой информации КПСС, об отношении КПСС к политическим партиям, общественным движениям и организациям, в защиту демократических прав, против гонений на коммунистов в зарубежных странах, о национальном вопросе, об основных направлениях военной политики партии на современном этапе, о политике КПСС в проведении экономической реформы и неотложных мерах по стабилизации социально-экономического положения, о положении крестьянства и реализации аграрной политики КПСС, о молодежной политике КПСС, о привилегиях. Поэтому они перенаправлялись в соответствующие комиссии. Ряд записок и предложений носил сугубо хозяйственный характер, касался в основном деятельности правительства, и был тоже передан по соответствующим адресам.

Мнения, высказанные в адрес Редакционной комиссии по проекту резолюции, нередко были противоречащими, а подчас носили полярный характер, согласовать их было попросту невозможно. Например, поступил ряд предложений убрать из текста с первой страницы фразу: «преодолевается тоталитарная сталинская система». Не меньшее количество предложений было о том, чтобы из текста резолюции убрать содержащиеся там предложения о коммунистической перспективе. Редакционная комиссия не имела возможности каким-то образом учесть и ту и другую точки зрения¹.

Нужно отметить наиболее важные аспекты, которые были учтены Редакционной комиссией в ходе работы над документом. Перечислим их.

---

¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г. Стенографический отчет. Т. II. М.: Политиздат, 1990. С. 203–204.

На странице 1, второй абзац: «Преодолевается тоталитарная сталинская система...» – добавлено: «нанесшая огромный урон стране, народу, партии, самой социалистической идее». Члены комиссии сочли, что такое добавление раскрывает людям глаза на отношение партии к социализму, к социалистической идее и к тем извращениям, которые проявились в период сталинизма.

Страница 2, третий абзац: «Съезд подчеркивает, что судьба партии и ее исторические перспективы прямо связаны с достижением цели перестройки...» — добавлено: «улучшением жизни народа». Все-таки это была главная глобальная задача, которая стояла перед страной в то время. В конце четвертого абзаца, после фразы: «Это неотделимо от ее приверженности общечеловеческим, гуманистическим ценностям, социальной справедливости...» — добавлено: «Большинство коммунистов честно служили и служат народу. Они не несут ответственности за преступления Сталина и его сообщников, за ошибки политического руководства в годы застоя». На странице 3, третий абзац, там, где сказано: «Съезд отвергает попытки насаждать и культивировать в обществе антикоммунизм и антисоветизм...», добавлена такая фраза: «...выражает свое твердое намерение всеми законными средствами противодействовать попыткам экономического или политического притеснения партии».

Страница 4. После подтверждения съездом того, что курс КПСС на перестройку и революционное обновление отвечает коренным интересам страны, было предложено записать в соответствии с пожеланиями очень многих делегатов: «Вместе с тем при его реализации ЦК КПСС, Политбюро, Секретариат ЦК не принимали должным образом в расчет экономические, социальные и нравственные последствия предпринимавшихся конкретных шагов: кампания по борьбе с пьянством, практика организации кооперативов, переход к региональному хозрасчету и самостоятельности предприятий и ряд других крупных акций проводились несистемно, без предварительной основательной проработки в партийных организациях». В тексте было сказано о том, чем обусловлены трудности и сбои в практическом осуществлении курса на перестройку, и подчеркнуто, что отчеты членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК КПСС подтвердили, что деятельность Центрального Комитета по организации исполнения принятых решений была недостаточной, комиссии ЦК КПСС слабо опирались на интеллектуальный потенциал партии, творчество партийных организаций.

Страница 5. Там, где речь шла о самых крупных негативных общественных явлениях, во втором абзаце, после слов «резкое ослабление государственной и трудовой дисциплины, рост преступности, коррупция...» добавлено: «спекуляция, пьянство и наркомания...» и далее по тексту: «...упадок нравственности вызывают тревогу, усложняют политическую обстановку». По многочисленным предложениям в следующем абзаце, там, где речь шла о бедственном состоянии науки, образования и культуры, добавлено: «здравоохранения». В абзаце, который касался экологических аспектов жизни советского общества, сказано, что решения по экологическим проблемам выполняются крайне медленно. Была высказана тревога по поводу выполнения государственных программ ликвидации последствий землетрясения в Армении и других регионах страны. Там, где речь идет об Арале, добавлено: «в Приаралье».

Абзац в старой редакции об обострении межнациональных отношений Редакционной комиссией был существенно проработан. Теперь он звучал в следующей

редакции: «Съезд отмечает, что обострение межнациональных отношений, сопровождающееся насилием, гибелью людей, появлением беженцев, застало партию врасплох, ЦК зачастую не владел инициативой при урегулировании конфликтов, мирился с половинчатыми мерами в центре и на местах. Заключение нового Союзного договора затянулось, под угрозой оказались целостность и само существование Союза ССР».

Страница 6. Во втором абзаце, там, где сказано, что работа ЦК, Политбюро, Секретариата требует коренного совершенствования, добавлено: «а кадровая политика — обновления». В этом же абзаце появилось новое утверждение, которое звучит так: «Нужны принципиально новые подходы в работе среди женщин, молодежи, ветеранов, учёт специфики их положения в обществе, полнокровное включение этих групп населения в партийную жизнь и общественные структуры». Далее приводились новые положения резолюции, которых не было в предыдущей редакции: «Съезд поручает новому составу Центрального Комитета КПСС в трехмесячный срок проанализировать критические замечания и предложения делегатов, разработать на базе документов съезда практические меры по их реализации».

Учитывая сложную социально-политическую обстановку в стране, рекомендовать обсуждать на заседаниях ЦК и ЦКК КПСС текущий момент, отчеты Политбюро и Секретариата. Поручить ЦК КПСС рассмотреть в течение года вопрос об обновлении идеологической работы в партии. Признать целесообразным реорганизовать Академию общественных наук, Институт марксизма-ленинизма, Институт общественных наук при ЦК КПСС с учетом новых задач партии».

На странице 7, вверху. Здесь было добавлено всего два слова, но, на наш взгляд, они имеют принципиальнейшее значение в отношении к перестройке экономики, к выводу ее из кризисного состояния, к внедрению или выработанию из новой экономики регулируемых рыночных отношений. Здесь сказано так: «Партия должна проводить сильную и понятную народу социально-экономическую политику». Был добавлен новый абзац: «Любые акты, направленные на устранение партийных организаций из трудовых коллективов, и другие ликвидаторские проявления съезд расценивает как нарушение демократии и закона». В середине следующего абзаца, где речь идет о политической реформе и Советах, после слов «становлению, как органов реальной власти» добавлены слова: «оказывать действенную поддержку на выборах рабочим и крестьянам».

На странице 8, второй абзац были добавлены следующие слова: «Положительные сдвиги на международной арене не снимают задачи обеспечения надежной безопасности страны на принципах разумной достаточности. Вопросы военной политики, забота о военнослужащих и их семьях должны постоянно находиться в поле зрения государства и партии».

Второй снизу абзац на странице 8 был записан теперь так: «Радикальное обновление партии требует радикального обновления ее Программы. Съезд считает необходимым создать комиссию по подготовке новой Программы партии и вынести ее проект на обсуждение первичных партийных организаций».

Собравшиеся положительно восприняли доклад председателя Редакционной комиссии. Предложенный проект резолюции был одобрен 3390 делегатов, против проголосовало 804 человека, 75 участников съезда воздержались¹.

---

¹ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г. Стенографический отчет. Т. II. М.: Политиздат, 1990. С. 206–209.

Необходимо отметить, что принятие результативных документов съезда было одним из самых продолжительных из большинства партийных съездов, пленумов и различных форумов. Оно заняло три дня. Рабочей группе Редакционной комиссии, в состав которой был включен и В.Ю. Зорин, удалось решить весьма сложную и нетривиальную задачу: подготовить такой текст, который могли бы поддержать как сторонники М.С. Горбачева (включая самого Генерального секретаря), ратовавшие за продолжение реформ, так и большинство представителей консервативного лагеря, не скрывавшие своего скепсиса как в отношении самой перестройки, так и ее «прорабов». Помимо этого, было принято решение сформировать несколько рабочих групп, которые могли бы работать над составлением текстов резолюций по различным актуальным вопросам, которые затрагивались в ходе выступлений руководителей партии в начале работы съезда.

Таким образом, принятие подготовленной компромиссной резолюции позволило несколько сбить накал страстей на съезде, перевести дискуссию в более конструктивное русло. Самое главное – удалось предотвратить открытый раскол партии, который неизбежно возник бы в случае вынесения недоверия политическому отчету Генерального секретаря (напомним еще раз, что все заседания съезда транслировались по телевидению). А это могло повлечь за собой уже тогда неконтролируемые политические процессы. Партия сумела показать, что, несмотря на имевшие место разногласия, она может консолидировано принимать решения. И все же съезд выявил глубокий кризис в партии: консерваторы на съезде оказались в меньшинстве, однако и сторонники реформ не смогли заручиться поддержкой большинства делегатов. В разгар партийных дискуссий на более чем 100 шахтах Донбасса прошла 24-часовая забастовка, участники которой потребовали не только отставки председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова, но и закрытия партийных комитетов на предприятиях и национализации имущества КПСС. Это свидетельствовало о падении в обществе авторитета и влияния правящей партии.

Библиография

1. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г.: Стеногр. отчет. Т. 1. М.: Политиздат, 1991. 639 с
2. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г.: Стеногр. отчет. Т. 2. М.: Политиздат, 1990. 623 с.
3. *Константинов С.* Съезд обреченных // Независимая газета. 2000. 12 июля. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/style/2000-07-12/16_siezd.html?ysclid=mls8ii9kjc615352704
4. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 11, 14, 16 марта 1990 г. М.: Политиздат, 1990. 208 с.
5. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 5–7 февраля 1990 г. М.: Политиздат, 1990. 383 с.
6. Политическое бюро ЦК КП РСФСР // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991 [Электронный ресурс]. URL: http://www.knowbysight.info/1_RSFSR/06736.asp
7. *Трушков В.* Дата в истории. Статья в «Правде» К 30-летию последнего съезда в летописи КПСС // Правда. 2020. 10 июля. [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/ruso/195843.html>

Зурнаджян Гор Сейранович

Преподаватель факультета международного регионоведения и регионального управления ИГСУ РАНХиГС
Москва, Россия

КНИГА О РУССКОМ ХРАНИТЕЛЬСТВЕ

Аннотация

Статья посвящена книге профессоров Московского университета – С.В. Перевезенцева и А.А. Ширинянца, разрабатывающих концепцию истории русского хранительства – патриотического, национально-консервативного течения русской общественно-политической мысли XIX века.

Ключевые слова: история социально-политических учений России, русское хранительство, духовно-политическая мысль.

Русское хранительство — патриотическое, национально-консервативное течение русской общественно-политической мысли XIX века, системообразующими элементами которого стали антиреволюционность и антиевропеизм, антилиберализм и национализм, идея органического развития и монархизм, ориентация на христианские православные ценности. «Хранительство» шире политического консерватизма, так как включает идею патриотизма, защиты традиционных ценностей и традиционной духовности, национального исторического опыта, национальной культуры, языка, веры¹.

Наиболее полное понимание феномена русского хранительства представлено в монографии профессоров факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова д.и.н. С.В. Перевезенцева и д.полит.н. А.А. Ширинянца «Очерки истории русского хранительства»². Авторы осуществляют исследование специфики отечественной общественно-политической и религиозно-философской мысли. Анализ политического и религиозного аспектов в трудах отечественных мыслителей позволяет авторам сделать концептуальное заключение о том, что национальная идейно-политическая традиция, а, равно, русская социально-политическая мысль, в сущности своей, имеет духовно-политическое содержание. Ученые осуществляют реконструкцию идей русских мыслителей XIX–XX в. через призму духовно-политического подхода. Результаты данного исследования показывают, что идеи русских мыслителей в культурно-историческом контексте, а также современная интерпретация их взглядов и концепций раскрывается в ракурсе, который позволяет выявить возможные преломления и прояснить то, что могло быть ранее скрыто от понимания.

Исследователи указывают на эволюцию социально-политических идей русских мыслителей XIX–XX в. на базе историософских и духовно-политических учений X–XVII вв. В этой связи проявление «истинного консерватизма» в России рассматривается как явление исключительно «хранительное». Русские консерваторы-хранители — это «приверженцы идеи сохранения исторических начал общества и

¹ См.: Перевезенцев С. В., Ширинянец А.А. В поисках самобытности. Об истоках отечественного национально-консервативного дискурса // Тетради по консерватизму. 2017. № 3. С. 61–73.

² Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А. Очерки истории русского хранительства: Монография. Ч. I. М.: Издательство Московского университета, 2021. (Серия: Русская социально-политическая мысль, 25).

государства»¹. Истинное «хранительство», по мнению авторов, «с одной стороны, исключает возможность отрицания существующего общественного строя и, с другой, не приемлет реакционных порывов и вождельний, направленных на возрождение прошлого»². Само понятие «хранительство» авторы определяют с точки зрения православного вероисповедания, как действия Ангела-хранителя, духовного наставника, ведущие к спасению.

Рассматривая особенности русского средневекового политического и религиозного сознания, ученые приходят к важным выводам: «С принятием христианства важнейшей традицией в социально-политической мысли России стала христианская традиция, а именно православие... В силу православного мировосприятия русская социально-политическая мысль основывалась не столько на рациональном, сколько на интуитивном знании... Русская социально-политическая мысль в X–XVII вв. развивалась в русле православной традиции и была, прежде всего, духовно-политической»³. Политическое сознание в средневековой Руси отличалось приверженностью традиции, в первую очередь, православной традиции. «Значимость социальных и политических идей в этот период определялась их духовным содержанием, тем, насколько они способствуют реализации в социально-политической практике православных идеалов»⁴. Также для средневековых русских духовно-политических мыслителей было характерно религиозно-мистическое мировосприятие: «...политическая мысль практически не существовала как самостоятельное, оторванное от православия явление»⁵. Вопросы происхождения и сущности власти, представления о главе государства связывались с идеей Божиего Промысла, христианскими идеалами.

«Рубеж XV–XVI вв., – по мнению С.В. Перевезенцева и А.С. Хелика, – особое время в истории русской духовно-политической мысли»⁶. В XV–XVI вв. размышления отечественных мыслителей приводят к созданию оригинальных духовно-политических учений. Авторы связывают это с тем, что впервые за долгое время Русское государство обрело политическую свободу и независимость, Русская Церковь стала автокефальной, падение Византийской империи (1453 г.) заставило русское общество задуматься о христианском мире и русской роли в этом мире, ожидание «конца миру» усилило апокалиптические настроения в обществе⁷. Важно отметить, что в указанный период развития Русского государства религиозные вопросы имели ключевое значение для русского общества, а Церковь играла существенную роль в государстве за счет того, что обеспечивала единство в народе независимо от сословий и формировала представления людей о мире, государстве и власти на основе толкования Священного Писания. Учитывая важную роль Церкви в обществе, вопросы церковного управления имели исключительную важность для государя и при необходимости требовали его вмешательства⁸. Также

---

¹ Перевезенцев С.В., Шириняц А.А. Очерки истории русского хранительства: Монография. Ч. I. М.: Издательство Московского университета, 2021. С. 7.

² Там же.

³ Там же. С. 19–20.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Там же.

⁶ Перевезенцев С.В., Хелик А.С. Идеиные источники русской духовно-политической мысли конца XV–XVI вв. // Вестник Российской нации. 2017. № 2. С. 154.

⁷ См.: там же.

⁸ См.: там же.

С.В. Перевезенцев и А.С. Хелик указывают на традицию «наставничества», когда церковные деятели делились своим мнением с государем и могли иметь политическое влияние.

Таким образом, интеллектуальные силы русских мыслителей X–XVII вв. были направлены на формирование идей о месте, смысле и цели существования России, которые и легли в основу русской хранительной мысли XIX – начала XX вв. С.В. Перевезенцев и А.А. Ширинянец выделяют три основные целевые установки существования России, сформировавшиеся на базе духовно-политических идей на рубеже XVI – XVII веков: «Первое: Россия – это особая цивилизация, богоизбранное государство, единственное на земле, хранящее правую веру. Второе: смысл существования России заключается в сохранении истинной веры для того, чтобы в решающий час вступить в битву с антихристом и, тем самым, заслужить спасение и жизнь вечную. Третье: силой, способной повести Россию и к земному величию, и к посмертному спасению, является светская власть (а именно государь), которая, конечно же, в союзе с Церковью, может взять на себя исполнение божественных предначертаний»¹.

Авторы «Очерков...» отмечают, что русские консерваторы-хранители ориентировались на православные ценности. Для многих русских консерваторов в XIX веке православная святоотеческая традиция становится новым источником вдохновения. При этом многие консерваторы-хранители сами являлись служителями Русской Православной Церкви².

Библиография

1. *Перевезенцев С.В., Хелик А.С.* Идеиные источники русской духовно-политической мысли конца XV–XVI вв. // Вестник Российской нации. 2017. № 2.

2. *Перевезенцев С. В., Ширинянец А.А.* В поисках самобытности. Об истоках отечественного национал-консервативного дискурса // Тетради по консерватизму. 2017. № 3.

3. *Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А.* Очерки истории русского хранительства: Монография. Ч. I. М.: Издательство Московского университета, 2021. (Серия: Русская социально-политическая мысль, 25).

4. *Перевезенцев С. В., Ширинянец А.А.* Страницы истории русского «хранительства»: литература и политика // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 4. [Электронный ресурс] URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27811181_78673837.pdf

---

¹ *Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А.* Очерки истории русского хранительства: Монография. Ч. I. М.: Издательство Московского университета, 2021. С. 38.

² См.: там же. С. 117.

Коваленко Валерий Иванович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ПОЭТ В РОССИИ – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ (К ВОПРОСУ О СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ТОТАЛИТАРИЗМА)

Аннотация

В статье уделяется внимание проблеме методологии и категориального аппарата отечественной политологии.

Ключевые слова: Россия, демократия, тоталитаризм, СССР, Германия, политический режим.

Политическая наука и политологическое образование в России находится сегодня в состоянии качественного перелома. В условиях новой политической реальности резко возрастает потребность в самоопределении политологического сообщества и общества в целом в отношении цивилизационной специфики России, природы ее национальных интересов. В этой связи как крайне важная определяется и проблема качества используемой методологии, самого категориального аппарата отечественной политологии, его соответствия политическим реалиям. Принципиальной при этом выступает оценка научной состоятельности тех универсалий, которые рассматриваются евроатлантическим глобализмом в качестве конституирующих оснований современной политической науки. Элитологи России все чаще начинают выражать неудовлетворение утвердившимися представлениями о природе политической элиты, определяемой исключительно статусными ее характеристиками вне императива ответственности перед обществом. Существенные коррективы требуется внести в имеющиеся разработки характера современных политических идеологий. В проблемной зоне оказываются трактовки гражданского общества. Серьезный дискомфорт вызывает и излагаемая в наших учебниках типология политических режимов.

В большей степени в центре внимания оказываются проблемы демократии, ибо именно они в современных информационных войнах определяются той доминантой, которая определяет качество и состоятельность политических систем. В целом приходит понимание того, что либеральные ее трактовки эпохи постмодерна не просто крайне далеки от принципов народовластия, но становятся разрушительными для общества и моральных скреп человечества. Либеральные режимы на практике демонстрируют все большую нетерпимость к инакомыслию, все шире используют возможности манипулирования общественным сознанием. Seriously обсуждается сегодня и тема авторитаризма, в политологии особенно интенсивно в контексте т. н. «авторитарной модернизации». Есть смысл, очевидно, внимательнее присмотреться и к концепту тоталитаризма.

В изданной в нашей стране в 1999 году двухтомной «Политической энциклопедии», прямо утверждается, что под тоталитаризмом «подразумеваются те политические режимы, которые существовали до конца 2-й мировой войны в гитлеровской Германии и Италии, а также в бывшем СССР и до распада двухполюсного миропорядка в странах Восточной Европы, а также в Китае»¹. Самое главное, однако,

¹ Типологизация политических режимов // Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1999. С. 499.

в дальнейшем развитии этого положения: «Есть принципиально общее между национал-социализмом и сталинизмом – тоталитарная природа и сущность»¹.

Вот здесь и встают вопросы, которые требуют своего предметного рассмотрения и которые определяют сомнения в безупречности либерально-демократической методологии. Нужно, во-первых, отдавать отчет в том, что в предлагаемой конструкции – тоталитаризм, авторитаризм, демократия – тоталитаризм является неотъемлемой частью триады, ее ступенью. Тоталитаризм в этом смысле включается в цепочку формулируемого «демократического транзита» – непрямого движения в сторону норм и образцов «развитых демократий» со всей системой присущих им ценностей и стандартов. Движения, причем, – исключительно по определенным лекалам. В этом своем качестве западнцентристская типология политических режимов фронтально противостоит концепту России как государства-цивилизации со всеми вытекающими из этого следствиями.

Несостоятельность предлагаемой классификации заключается, во-вторых, в том, что понятием «тоталитаризм» обнимаются два типологически разных режима – фашизм и социализм (сталинизм – в суженной редакции). Можно (и нужно), очевидно, говорить о схожести их некоторых характеристик, но с понятием сущности необходимо обращаться осторожнее. Их сущность, как и социальная база, как раз и были различными, и это четко выразил Г. Димитров на VII конгрессе Коминтерна. Будучи жестко репрессивными (применительно к социализму – в известный период), они резко расходились в своих целевых установках. Идеология национал-социализма была полностью адекватна его практике, советский социализм являет собой другую картину: «Государство сильно сознательностью масс» (В.И. Ленин) – «Лги-лги, что-нибудь да останется!» (Й. Геббельс); «Бог вручил мне Германию» (А. Гитлер) – «Закон о возрастании роли народных масс в истории» (истмат). И такие примеры можно продолжать бесконечно долго. «Моральный кодекс строителя коммунизма», утвержденный КПСС, критиковали за то, что партия, вступившая в период своей вялости, не была способна ни на что другое, как просто перелицевать евангельские заповеди. Справедливо! Но вопрос можно поставить и по-другому: была ли способна гитлеровская Германия на введение в свою программу христианских ценностей? Могло бы прийти в голову нацистским вождям в их планах на победу поставить в Москве памятник, хоть как-то сопоставимый с тем памятником, который мы установили в Трептов-парке? Да, практика в СССР зачастую расходилась с заявленными целями. Но ценности не уходили никуда. Был воспитан иной тип человека. Можно вспомнить пронзительные строки Павла Антокольского, которые он посвятил памяти своего сына Владимира, младшего лейтенанта, павшего смертью храбрых летом 1942 года. Поэт как бы обращается тоже к отцу-немцу, потерявшему сына в войсках вермахта:

Передний край. Восточный фронт Европы.

Вот место встречи наших сыновей.

Мы на поле с тобой остались чистом, –

Как ни вывёртывайся, как ни плачь!

Мой сын был комсомольцем,

Твой – фашистом.

Мой мальчик – человек,

А твой – палач.

---

¹ Тоталитаризм // Там же. – С. 505.

Поэт в России – больше, чем поэт. «Тоталитаризм – это прежде всего антигуманизм», – правильно отмечается в цитируемой энциклопедии. И тем не менее у меня как у представителя профессионального политологического сообщества возникает чувство сильнейшего неуюта, когда поэзия, кристаллизуя чувства миллионов советских людей, выражает сущность реалий и тоньше, и глубже, чем это формулируется в наших учебниках. Советский Союз и фашистская Германия были не только главными противниками, но и главными антагонистами в мировой схватке. Гитлер обещал немцам, покорив СССР, оставить в нем лишь столько людей, сколько потребно немецким колонистам для работы в качестве бесправных рабов. И эта политика последовательно проводилась нацистами.

«Я освобождаю вас от химеры, которая называется совестью», – звучало в фашистской Германии. Гитлеровцы напали на СССР как завоеватели, не имея чувства личной мести, но прошлись по нему растирающим людей в пыль катком. Советские воины-мстители пришли в Германию, потеряв своих жен, родителей, детей. Они могли бы легко «исправить статистику» потерь, но мстили они не немецкому народу, а фашизму. Показательна и позиция советского руководства. Если в первые годы войны бойцы обменивали на последнюю пачку махорки вырезки из газет со статьями Ильи Эренбурга, проникнутыми мотивами, которые он выразил в своем известном стихотворении «Убей немца» («Так убей же его хоть раз, – Так убей же его скорей, – Сколько раз увидишь его, – Столько раз его и убей!»), то со вступлением наших войск на территорию Германии пропаганда резко поменялась В «Красной Звезде» появилась статья «Товарищ Эренбург упрощает», и антинемецкая риторика была заменена на чисто антифашистскую. К мародерам, насильникам применялись меры самого жесткого порядка.

Менее всего, я бы хотел, чтобы эти мои доводы воспринимались как попытка обелить самые, быть может, трагичные страницы нашей истории. Речь уж тем более не идет об определении политического режима в СССР как высшей формы демократии – этого изобретения партийной пропаганды. Мне важно подчеркнуть другое: невозможность и неспособность категориального аппарата либеральной парадигмы объяснить все сложности политического бытия, парадигмы, в рамках линейного прогрессизма располагающей страны и народы на единой шкале исторического развития. Понятие тоталитарного режима, повторяю, сегодня в полной степени вписывается в мнимо внеидеологичную концепцию «демократического транзита», предписывающую единственный рецепт его выздоровления – игры по правилам либеральных демократий. Правил, которые очень часто основываются на принципах плоской инверсии – последышей прислужника фашистского фюрера Бандеры объявить «борцами за свободу», а «путинскую» Россию.? В равной степени объединение в рамках одного политического режима фашизм и советскую модель общества дает возможность поставить под сомнение подлинную роль Советского Союза во Второй мировой войне, активизировать тему «оккупации» им Восточной Европы и далее по списку.

Политический режим в СССР, будучи «материей» политической системы, воплотил в себе все ее черты. Равнозначными должны быть и их оценки. Трудно заключить сегодня, какими терминами будет определяться советский режим, сталинизм, прежде всего, – дискуссии продолжаются. Вряд ли это выльется в появление какого-либо «новояза», но смысл понятийного ряда современного глобализма мы должны определять точно – с определением научной состоятельности концептов,

допускающих совмещение в своем содержании типологически разных систем, и с необходимой увязкой этих концептов с их современным идеологическим предназначением.

Библиография

1. Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1999.

Козлова Дарья Андреевна

Студент магистратуры факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

«ВЕРДЕНСКАЯ РЕЧЬ» Э. ЮНГЕРА: ПОЛИТИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация

Статья посвящена политико-текстологическому анализу «Верденской речи» немецкого мыслителя XX века Эрнста Юнгера. В рамках работы автор освятил историко-политический контекст появления воззвания, провел анализ на предмет использования средств аргументации и художественной выразительности. Кроме того, исследователь проследил эволюцию тем, поднимаемых мыслителем в рамках социально-политических работ разного периода, и установил значение «Верденской речи» для изучения творчества Юнгера с позиции историка социально-политической мысли.

Ключевые слова: Э. Юнгер, социально-политическая мысль Германии, политическая текстология.

Творчество немецкого мыслителя XX века Эрнста Юнгера можно разделить на два периода¹. Первый складывался под влиянием исторических событий, связанных с поражением в Первой мировой войне и послевоенным кризисом, слабостью политических решений Веймарской республики и ее развалом, развитием концепции консервативной революции и захватом власти Гитлером и его сторонниками. Для этого этапа были характерны рефлексия по поводу итогов войны, очарование ее мифической природой, желание стать арбитром солдатского братства и закрепить за собой звание «сеймографа эпохи», встать во главе новых социально-политических процессов внутри Германии, которые должны были помочь обрести немецкой нации былое величие. Все эти цели нашли свое отражение в таких произведениях, как «В стальных грозах», «Рабочий. Господство и гештальт», «Тотальная мобилизация» и др.

Второй этап, берущий свое начало от разрыва отношений с партией национал-социалистов из-за несогласия по еврейскому вопросу и основным положениям национализма, принял свое оформление к концу 1930-х гг. Данный период отличается уходом во «внутреннюю эмиграцию», обращением к теме конфликта государства и личности, оппозицией к режиму Гитлера и гуманизацией социально-

¹ Веннер Д. Эрнст Юнгер. Иная европейская судьба. М.: Тотенбург, 2019. С.63.

политический проектов. Среди ключевых событий, повлиявших на работы второго этапа, можно выделить антисемитскую политику национал-социалистов, Вторую мировую войну и Холодную войну.

Именно ко второму периоду творчества относится «Верденская речь», произнесенная Юнгером в 1979 году на дне памяти битвы при Вердене¹. Работа является важным источником для реконструкции социально-политических взглядов автора, так как содержит в себе многие темы, характерные для «мирного» периода, критикуемого бывшими сторонниками² за уход мыслителя в метаисторическую область и поворот к гуманистическим идеям.

В своей речи Юнгер вновь обратился к теме трансформации войны в результате технического прогресса, а также к проекту единого геополитического пространства. Не отрицая все же возможных конфликтов в будущем, Юнгер произнес: «Симпатизировать друг другу, как Фридрих и Вольтер, всегда возможно, будь то в барочные или нынешние, куда более трудные, времена. Рассматривать другого как соперника, но не врага. Не воевать – соревноваться» [Перевод мой. – Д.К.]³.

В той же «Верденской речи» Юнгер вновь обратил внимание на те опасности, которые несет в себе технологический прогресс. Автор подчеркивает, что мир уже сталкивался с притязанием техники и новых технологий на превосходство над человеком в материальной сфере, ознаменовав конец классических войн. С этим притязанием были связаны колоссальные потери двух мировых войн, а также катастрофа, произошедшая в Хиросиме. Теперь же под ударом оказалась сфера интеллектуальной и творческой свободы личности, благодаря появлению шахматных программ, побеждающих гроссмейстеров, и прогрессу в оцифровке мира.

Таким образом, характерными чертами для автора можно назвать отсутствие четких исторических прогнозов, которые в изобилие встречались в работах первого периода творчества, а также обращение к таким темам, как негативные черты технического прогресса, трансформация войны и необходимость создания социально-политического проекта, объединяющего государства Европы.

Приложение 1. Перевод текста Э. Юнгера «Верденская речь»⁴

Дорогие друзья всех народов и наций, старые боевые товарищи и бывшие противники!

Я был глубоко тронут приглашением на землю печально-известного древнего города Вердена вместе с любезным Генри Амблардом на празднование дня памяти Великой битвы⁵, которая пролила немало крови в этих землях. Благодарю вас за честь, оказанную мне и моим соотечественникам. Я считаю это приглашение благоприятным толчком к установлению нового мира, поскольку мэр сопроводил его словами «Годовщина битвы при Вердене должна перерасти из сугубо националистической демонстрации в призыв к миру между народами».

¹ Юнгер Э. Семьдесят минуло (1971–1980). М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2015. С. 559.

² Jünger E. Brief an Armin Mohler vom 15. 1946 // Lieber Chef... Briefe an Ernst Jünger 1947-1961. Verlag Antaios, 2015.

³ Jünger E. Ansprache zu Verdun // Sämtliche Werke, Band 7, Stuttgart, 1980. P. 530.

⁴ Перевод дается по тексту: Jünger E. Ansprache zu Verdun // Sämtliche Werke. Band. 7: Betrachtungen zur Zeit. Stuttgart: Klett-Cotta, 1978.

⁵ Битва при Вердене (21.02.1916 – 18.12.1916) – совокупность вооруженных столкновений между немецкой и французской армиями в годы Первой мировой войны. Верденская битва считается одним из наиболее кровавых сражений наряду с битвой на Сомме (01.07.1916 – 18.11.1916).

***

С большой радостью я последую такому призыву. Я убежден, что это не только лишь взаимный жест доброй воли, но объявление исторического поворота в сторону снижения общей напряженности.

Бургомистр желает, чтобы Верден стал столицей мира, Capitale de la Paix¹. Место мне кажется не только подходящим, но и исторически обусловленным, потому что именно с договора о разделе Франкской империи² в 843 году началось разобщение наших народов³.

***

Сегодня битва при Вердене предстает перед нами иначе, нежели в 1916 году, и, вероятно, через сто лет ее образ в человеческом сознании вновь изменится. Идеи преобразуются вместе с поколениями; в ретроспективе факты приобретают новый и часто более пугающий вид.

Похоже уже тогда эпоха национальных войн уходила в прошлое как нечто устаревшее, отжившее. Отсюда тягостность боев и бесконечная их длительность, их безысходность и бессмысленность. Форт Дуомон⁴ – воплощенное страдание, Голгофа: отнюдь не генеральное сражение, не Аустерлиц и не Седан.

Со временем все очевидней видится – фронты сливаются и, кажется, противники находятся в одной всепоглощающей опасности, которая сильнее воли генерала и мужества отдельного бойца: материальное довлеет, сама земля становится вулканом, огонь которого грозит испепелением и другу, и врагу. Тогда, ввинчиваясь в воронки, мы безусловно верили, что человек сильнее техники. Но это оказалось заблуждением.

***

Повседневный прогресс идет медленно словно эрозия. Затем опять скачками, как будто вот-вот обрушится свод. Нам нужно либо смириться с тем, что мы обречены, либо, что правильно, изменить систему.

В частности, я помню два таких посягательства на внутреннее равновесие. Первое потрясение я разделил вместе со многими – оно настигло меня, когда я услышал новости о Хиросиме летом 1945 года; сначала показавшееся мне шепотом, доносившимся из преисподней.

Титанический предвестник ознаменовал конец старой эпохи и начало новой. История, казалось, потеряла смысл – разрушение этого города, среди прочего, отражало конец классических войн вместе с их славой, от Ахиллеса до Александра, от Цезаря до Фридриха Великого и Наполеона.

***

Вторым таким посягательством, вселившим в меня ужас, стала услышанная мною недавно новость о том, что инженеры преуспели в создании компьютерной шахматной программы, которую вскоре не сможет победить даже самый сильный игрок.

Почти каждый день мы слышим о прогрессе в оцифровке мира, переживая новый ход в наступлении, которое грозит поставить мат всем нам. Речь идет о сфере игр и интеллектуальной свободы, особенно свободы художника и его творческой силы.

---

¹ Столица мира (фр).

² Имеется в виду соглашение о разделе Франкской империи 843 г., заключенное в Вердене.

³ Речь идет о народах Франции и Германии.

⁴ Форт Дуомон – один из объектов, который стоял на пути немцев во время Верденской битвы. Форт был взят немцами, однако затем отвоеван французами обратно. Сегодня по близости форта располагается солдатское кладбище Вердена.

***

Эта же проблема, будучи еще чисто материальной, стояла перед нами в Вердене и на Сомме, но мы этого не осознавали. Теперь мы отдаем себе отчет, и что еще важнее – действительно можем справиться с этим вызовом, вновь взяв за истину, что человек есть мера всех вещей.

Растущая мощь техники и автоматического мышления, зашифрованность жизни, которая угрожает каждому человеку и делает из него марионетку, уже тогда заставляли нас чувствовать, что мы встали на путь, где ставки, какими бы высокими они ни были, обречены на провал.

Это дремучий лес для размышлений. Чтобы окончательно не заблудиться в нем, я бы лучше вернулся в воспоминания, которые лично связывают меня с городом Верден; их три.

***

Впервые я ступил в цитадель Вердена в 1913 году, сбежав из школы и записавшись в Иностранный легион. Пусть отец вскоре вернул меня из Сиди-Бель-Аббеса, но могу сказать, что я тоже носил французскую форму, хотя и недолго.

Я бы хотел почтить память доблестного сержанта де Виле, с которым я столкнулся в призывном пункте. Добрый человек посмотрел на меня и в ужасе сказал: «Мой бедный юный друг, делай что угодно, только не это».

Я благодарен ему после долгих лет. В военное и мирное время я часто встречал неизвестных друзей, которые хотели мне помочь, но я редко к ним прислушивался.

Во второй раз я оказался у стен города, так и не войдя в него, весной 1915 года в Эпарже. В то время это называлось «боевым крещением»; мы шли в хорошем настроении – энтузиазм был безграничен. Все было так, как мы слышали от наших дедов, учили в школе.

В самом начале я получил ранение и попал в госпиталь. В отличие от моего достопочтенного сопредседателя, который был ранен под Верденом примерно в то же время, мое здоровье вскоре поправилось. Тем не менее, мой полк, ганноверский гибралтарский стрелковый, вновь не принял участие в этом Великом сражении, находясь на Сомме.

Итак, сегодня я в третий раз соприкоснулся с городом – и самое приятное: крепость распахнула ворота другу.

***

В заключение позвольте мне сказать, что время вражды между двумя нашими народами, вражды, в которой нас воспитывали с малых лет, закончилось. Я никогда не принимал ее. Конечно, человек не может избежать больших конфликтов, и, точно так же, он ведет их со своей семьей и внутри нее. Симпатизировать друг другу, как Фридрих и Вольтер¹, всегда возможно, будь то в барочные или нынешние, куда более трудные, времена. Рассматривать другого как соперника, но не врага. Не воевать – соревноваться².

---

¹ Отец Фридриха II всячески противился воспитанию сына в духе Просвещения: сжигал книги, учинял расправы на преподавателей. Будущему королю приходилось учиться в домах своих друзей, сбегая по ночам из дворца. Принц подражал Вольтеру, но в переписку с ним вступил только в 1736 г., окончательно выйдя из-под власти отца. Отношения прусского короля и мыслителя носили сопернический характер: Вольтер критиковал стихи Фридриха, а тот в свою очередь – политические заметки поэта о положении дел в Европе.

² На немецком языке предложение выглядит следующим образом: «Adversaire, wenn die Umstände es gebieten, doch nicht ennemi. Agon, doch nicht polemós», однако в нем употреблены слова древнегреческого происхождения, что отразилось на художественном переводе. «Agon» переводится с древнегреческого языка как состязание, а «Polemós» в переводе с древнегреческого – война.

***

Человек мало учится у истории – иначе, как и во многих других случаях, мы были бы избавлены от Второй мировой войны. По крайней мере, в нашем случае, кажется, удалось создать неповторимый урок для будущих поколений.

Когда мы рассматриваем конфликты, которые угнетают нас сегодня, возникает вопрос: не должны ли мы теперь, на планетарной основе, начать именно там, куда привело нас так много окольных путей и так много жертв?

Библиография

1. *Веннер Д.* Эрнст Юнгер. Иная европейская судьба. М.: Тотенбург, 2019.
2. *Юнгер Э.* Семьдесят минуло (1971–1980). М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2015.
3. *Jünger E.* Ansprache zu Verdun // Betrachtungen zur Zeit. Klett-Cotta, 2015.
4. *Mohler A.* Lieber Chef... Briefe an Ernst Jünger 1947-1961. Verlag Antaios, 2015.

Кузнецов Игорь Иванович

Доктор политических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Москва, Россия

«САМАЯ ЧИТАЮЩАЯ СТРАНА» СЕГОДНЯ: РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СТРУКТУРЕ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация

Статья посвящена изучению роли художественной литературы в предпочтениях студенческой молодежи России. Базовым предположением работы является гипотеза о связи процесса социализации студенческой молодежи и опыта чтения художественной литературы, позволяющей освоить значимый потенциал образов, смыслов и ценностей отечественной истории и культуры. Эмпирическая основа работы выстроена на основе материалов всероссийского количественного опроса на основе формализованного гайда по репрезентативной выборке. Анализ данных представлен на основе комбинирования структурного и сравнительного анализа.

Ключевые слова: молодежь, студенты, художественная литература, культура чтения, функциональная грамотность, количественный опрос.

Благодарности: Проект «Роль массовой культуры в формировании представлений о Будущем России молодежной аудитории: образы, идеи, установки» госномер 124101700543-6 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Российская политическая культура в большой степени логоцентрична, неразрывно связана с традициями русской художественной литературы, ее образами, смыслами, достижениями, признанными не только в России, но и во всем мире.

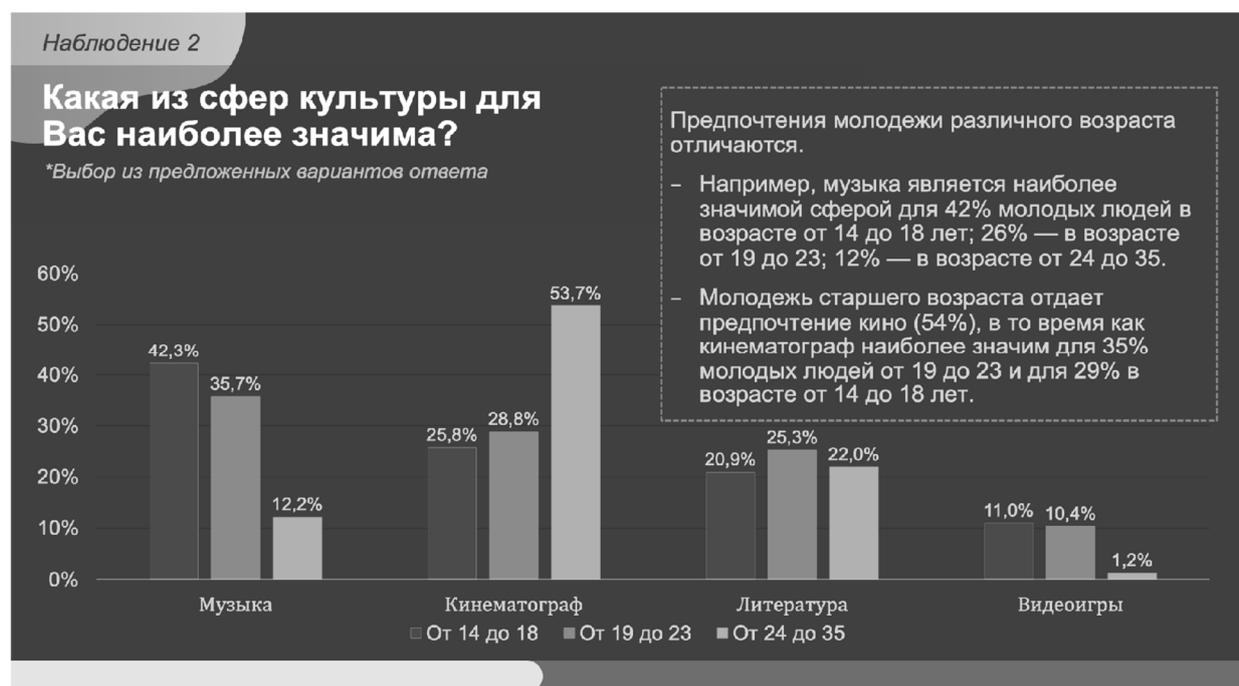
Изучение литературы в рамках школьной программы наряду с историей, географией, русским языком и рядом других предметов призвано повлиять на становление молодых людей как полноценных граждан, творческих, патриотичных, способных к защите интересов Родины. Насколько это получается и как устроена современная модель социализации – отдельный интересный и сложный вопрос, который в рамках данного исследования не является главным. Попробуем задаться несколько другим вектором научного любопытства: какое место занимает чтение сегодня в структуре предпочтений российской молодежи? В нынешних условиях информационного общества, когда в массовой культуре преобладают аудиовизуальные средства, большую популярность приобретают те артефакты (в книгоиздании, музыке, кино и сериалах, комикс-культуре, видеоиграх и др.), которые получают максимальное тиражирование за счет маркетинга, продвижения, таргетирования аудитории. Поэтому книга зачастую не может на равных конкурировать с другими источниками информации, знаний, эстетического и социального опыта. В то же время, многие современные фильмы, комиксы, игры в «анамнезе» имеют именно художественную литературу, книгу или даже цикл изданий, что по-прежнему обеспечивает «связность» культуры, трансляцию социального опыта, воспроизводство исторической памяти (пусть и в несколько иных, чем ранее условиях).

В рамках исследовательского проекта «Роль массовой культуры в формировании представлений о Будущем России молодежной аудитории: образы, идеи, установки» удалось выяснить, что молодежь очень неоднородна в способах проведения своего свободного времени: нет единой, безусловно предпочитаемой формы досуга. В то же время очевидно, что интерес к прослушиванию музыки встречается у молодых людей чаще, нежели склонность проводить время за видеоиграми. Промежуточное положение в предпочтениях занимают серфинг Интернета, а также просмотр фильмов и сериалов. Чтение книг занимает третье место после музыки и кино и эту тенденцию фиксируют социологи уже на протяжении нескольких десятилетий¹.

¹ См.: Кондратьева О.Н., Самохина М.М. Молодые читатели в Интернете. М.: РГБМ, 2011.

Сложившаяся ситуация с чтением требует особого внимания, поскольку в данном случае мы наблюдаем несколько связанных между собой процессов. Одним из них является давно фиксируемая исследователями тенденция снижения интереса к чтению у молодежи по сравнению с более старшими поколениями. Наблюдается распространение так называемой *функциональной неграмотности*, которая ограничивает возможности развития интеллекта, но в то же время не является серьезной преградой для социализации, формирования необходимых навыков социального общения. Экс-министр просвещения России, президент РАО О.Ю. Васильева в одном из публичных выступлений отметила, что навыками функционального чтения, или, иначе говоря, навыками понимания прочитанного не владеет четверть населения нашей страны. Это замечание прежде всего касается молодого и среднего поколений российских граждан, наиболее активных в профессиональном отношении¹.

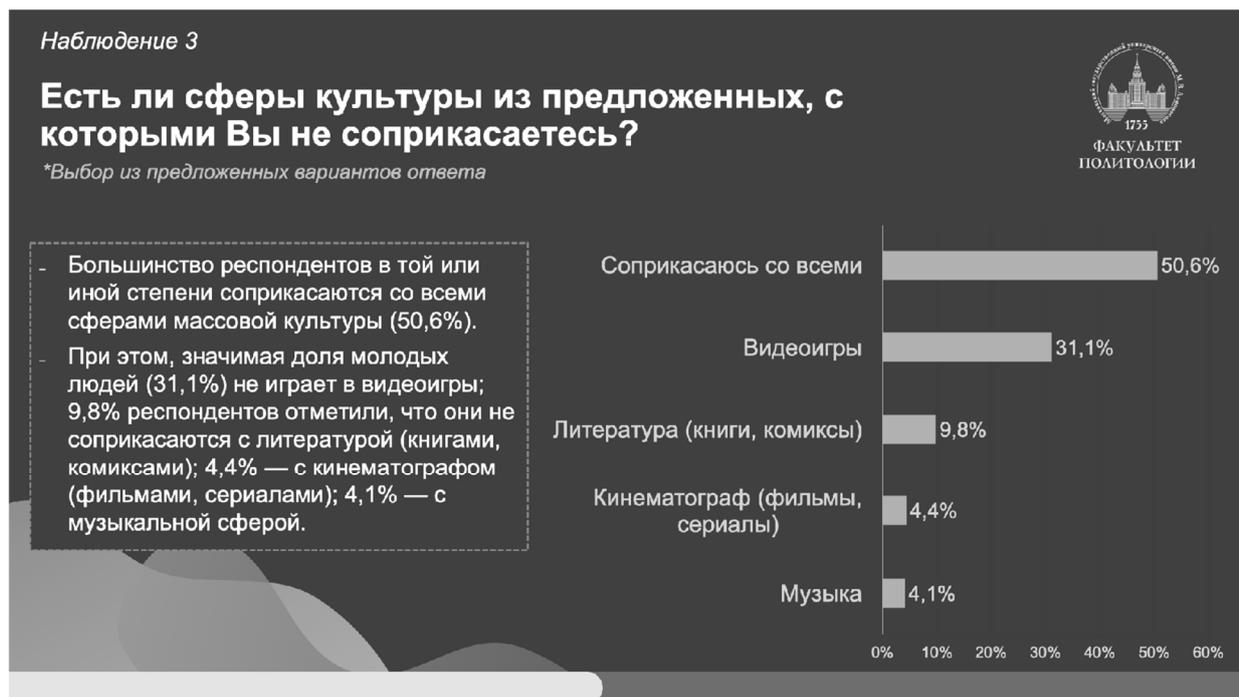
Как видно на слайде 2 значимость художественной литературы довольно стабильна и не детерминируется возрастом (и совсем юные 14 – 18 лет, и «средние» - 19 – 24 года, и «зрелая» молодежь 24 – 35 лет) свои предпочтения в этой сфере фиксируют достаточно стабильно: от 20,9 до 25,3%. Некоторый «всплеск» данных в «среднем» возрасте можно связать с активной практикой чтения в период вузовского обучения, выбора профессии, поиска себя.

Что влияет на снижение популярности чтения? По-видимому, заполнение коммуникативного пространства различными видами знаков, которые могут быстро распространять имитацию как доминирующую в информационном потоке и нейрофизиологически простую операцию. Среди таких знаков выделяют эмодзи, мемы, фотожабы, рекламу без слов и др². Особенностью этих знаков, помимо их

¹ Васильева О.Ю. Четверть россиян не владеют функциональным чтением // RG.RU. – 2018. – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2018/07/30/olga-vasileva-chetvert-rossiian-ne-vladeiut-funkcionalnym-chteniem.html> (дата посещения: 12.03.2023).

² Пищальникова В.А. Функциональная неграмотность как следствие утраты доминирующей функции языкового знака в цифровом информационном пространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 36–45.

способности ускорять ситуативное общение в цифровой среде, является искажение естественной коммуникации, детерминированной языком, поскольку эти знаки активно редуцируют одно и то же содержание в форме, претерпевающей незначительные модификации. Так как одним из значимых параметров функционирования информационных ресурсов является частотность использования знаков, воспроизводящих клишированное содержание (это напрямую связано с маркетинговыми технологиями развития информационных ресурсов, а, значит, и с финансовыми показателями), то их тиражирование одновременно ведет к снижению языковой компетентности индивидов и порождению дефектных познавательных структур.

По данным нашего исследования около 10% молодых людей не соприкасаются с литературой вообще, и эта цифра настораживает. Конечно, она пока ниже, чем отторжение практики видеоигр, но тенденция весьма тревожная.

Роль чтения в структуре досуговой практики молодежи носит амбивалентный характер. С одной стороны, это органичная часть учебного процесса, связанного со школьной и вузовской программой. С другой стороны, это сформированная (или отсутствующая) привычка, связанная с актуализированной потребностью именно в такой форме приобщения к художественной культуре. Возможно, что полученное в ходе исследования парадоксальное распределение ответов отражает именно такое состояние дел в молодежной среде: есть и те, кто активно читают и рассматривают литературу в качестве привлекательного ресурса для себя лично, но есть и те, кому чтение не нравится или выглядит менее привлекательным по сравнению с другими активностями.

Широкая дисперсия ответов проявляется и в мнениях экспертов – специалистов, работающих с молодежью на регулярной основе. Вопрос звучал следующим образом: «Если взять пять элементов – кино, сериалы, видеоигры, музыку, литературу, то какие из них, по Вашему мнению, сильнее всего влияют на мышление и

поведение молодежи? Какие, наоборот, меньше всего влияют?» Большинство экспертов сошлись в позиции, что сильнее всего на молодых людей влияют фильмы и сериалы (десять из 15 экспертов отметили данный вариант ответа), а также видеоигры (восемь экспертов). В качестве элемента массовой культуры, имеющего наименьшее воздействие на молодых людей, восемь из 15 экспертов выделили книги и литературу. Важно отметить, что эксперты имели возможность дополнить предложенный список сфер, предположительно влияющих на молодых людей. Так, пять экспертов указали в качестве такого фактора Интернет, предложив дополнить список социальными сетями, видеохостингами и короткими видео. В частности, Эксперт 1 (м.; организатор воспитательной работы в вузе) предложил: «Я бы добавил к перечисленному Вами списку сам по себе Интернет как средство массовых коммуникаций. И как минимум видеохостинги, которые могут поспорить со всеми перечисленными Вами каналами связи». Эксперт 2 (ж.; декан факультета вуза) отметила: «Социальные сети – это то место, куда они уходят с головой»; «У нынешнего поколения доминирует фрагментарное мышление, им интересны короткие видео или голливудские блокбастеры».

Два эксперта обратили внимание на место комиксов в структуре предпочтений молодежи. В частности, Эксперт 3 (м.; менеджер в сфере культуры) сообщил: «Я бы даже еще назвал теперь комиксы, тоже как часть западной культуры. Они начали играть огромную роль, гораздо больше, чем раньше. Не такую ключевую, как в американской культуре, например, но они стремительно отвоевывают у нас то же пространство».

Таким образом, в современных условиях аудиовизуальной культуры наблюдается снижение привлекательности чтения и молодежи это касается в наибольшей степени. Но этот процесс не линейный и не односторонний: место классического освоения большого текста по-прежнему остается значимым и важным в нашей жизни. Но, постепенно меняется и само понятие «чтение»: от ранее принятого «широкого» определения (истинное чтение как духовная коммуникация текста и читателя, понимание образов, смыслов, интенций, представленных в книге) наблюдается движение в сторону «узкого». Последнее рассматривается как «быстрое», неглубокое, и вообще – «квазичтение» (прагматичная передача информации, мультимедийная модальность – смешение всех способов «визуального, аудиального и сенсорного», просмотр технических текстов, подсказок, титров и др.).

Постепенно происходит «размывание» чтения как самостоятельного занятия: все чаще это связано с переходом от просмотра кино и/или сериала к его литературной основе или обратно, причем с использованием аудиокниги. Более того, если ранее комикс и манга вообще не рассматривались как практика именно чтения (хотя признавались формой развлекательной, массовой культуры), то сегодня об этом говорят не только молодые респонденты, но и эксперты. Это связано с расширением понятия «текст»: гипертекст, как известно, нелинеен, открыт, принципиально не завершен. Не случайно крайне популярным приемом некоторых современных авторов (например, С. Лукьяненко) стала публикация фрагментов своих произведений в Интернет с призывом к читателям обсудить замысел, предложить варианты развития судеб героев, сюжета, то есть отказаться от авторского права (пусть даже хотя бы частично) на целостность текста, на его смысл и эстетику. Читателям (в частности, молодым) это нравится. На основе таких обсуждений формируются молодежные сообщества в Сети, там появляются идеи фанфиков –

сиквелов и приквелов широко известных книг (фильмов, сериалов и др.) с разнообразными поворотами сюжетов и новыми эпизодами. При этом могут быть существенно изменения отношения персонажей, положительные герои стать отрицательными и т.д. Фанфик-сообщества с тысячами членов, где авторы и читатели вместе продолжают тексты друг друга – новая форма общения и творчества. Причем, как правило, некоммерческая! Лишь единицы, набрав мощную сетевую поддержку, затем могут коммерциализировать успех издав «продолжение» или «альтернативную» версию известного сюжета. Иногда в молодежной среде чтение становится формой организации сообществ с новой, «текстовой» в своей основе, но весьма своеобразной в реальной жизни идентичностью. Наиболее яркие примеры здесь – поттероманы (поклонники творчества Дж.Роулинг), толкиенисты (фанаты саги Дж.Р.Р.Толкиена) или анимешники. Это уже настоящие субкультуры со своим взглядом на мир, своей эстетикой, стремлением выделиться, быть заметными и др.

По-видимому, в современных российских условиях поддержание культуры чтения среди молодежи крайне необходимо. Здесь масса возможностей помимо школьных и вузовских курсов. Наиболее важными представляются такие формы как читательские клубы, семейное чтение, встречи с известными писателями и разнообразные литературные конкурсы и викторины. Чтение – не только личный опыт, который каждый может получить, но и общение с родителями, ровесниками, с теми людьми, которые готовы поделиться собственным опытом. А книга в таком случае – всегда хороший повод!

Библиография

1. Белов С.И., Кузнецов И.И. Развлекательные и просветительские предпочтения молодежи как ресурс политической социализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология, 2024. том 24, № 2. С. 196-200.

2. Васильева О.Ю. Четверть россиян не владеют функциональным чтением // RG.RU. – 2018. – Режим доступа:/ URL: <https://rg.ru/2018/07/30/olga-vasileva-chetvert-rossiian-ne-vladeiut-funkcionalnym-chteniem.html> (дата посещения: 12.03.2023).

3. Кондратьева О.Н., Самохина М.М. Молодые читатели в Интернете. М.: РГБМ, 2011.

4. Кузнецов И.И., Вантеевский М.М. Теоретико-методологические основания изучения современных антиутопий: политические идеологии как социальные альтернативы в художественной литературе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология, 2023. том 23, № 3. С. 325-333

5. Кузнецов И.И., Куликова Е.В., Петрова Ю.В. Пространство героев в сознании российской молодежи: разнообразие предложений при неясных предпочтениях // Политическая наука, издательство ИНИОН РАН (М.), 2023. № 2. С. 179-202

6. Пищальникова В.А. Функциональная неграмотность как следствие утраты доминирующей функции языкового знака в цифровом информационном пространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 36–45.

7. Самохина М.М. Чтение молодежи: что произошло за полвека (цифры, факты, воспоминания и размышления) // Новое литературное обозрение. 2022. № 5 (177). С. 386-400.

8. *Стефановская Н.А.* Экзистенциально-коммуникативные основы чтения: теория, методология и методика социологического исследования: Дис. ... д-ра социол. наук. Тамбов, 2009.

Курдин Юрий Александрович

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий сектором проектно-исследовательской работы ЦГБ им. А. М. Горького г. Арзамаса
Арзамас, Россия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ XII ВЕКА В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты политических событий, связанных с походом князя Игоря в 1185 году. Основное внимание уделяется генеалогии русских князей, в образах которых сфокусирована политическая жизнь Киевской Руси XII века.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», Киевская Русь, князь Игорь, князь Всеволод.

«Слово о полку Игореве» до сих пор являет собой плодотворную почву для исторических и лингвистических исследований¹. Выдающийся памятник литературы XII века зеркально отразил все перипетии той трагической эпохи. Так, в «Слове о полку Игореве» содержится огромное количество сведений по политической истории Древней Руси XII века. Особо много данных по генеалогии княжеского дома Рюриковичей. Сразу подчеркнем основное: именно князья были тогда политическими субъектами, именно они решали основной круг вопросов, связанных с жизнью народа. Во всяком случае, в «Слове» княжеский элемент полностью затеняет и городские вечевые собрания, и дружинные сходки бояр. Однако, каждый должен помнить, что и вече городов, и определенная боярская самостоятельность существовала и в X-XI и даже в XII-XIII вв., просто наш автор об этом не пишет, но пишут другие источники. Все знают о силе новгородского народного собрания, недаром Новгород Великий называли вечевой республикой. Большую роль вече играло и в Смоленском княжестве при князьях из рода Ростислава Мстиславича (Мстислав – сын Владимира Мономаха).

Автор «Слова» упоминает имена более чем 30 князей. Этих правителей можно разделить на группы (круги) или «гнезда», как называли их древнерусские писатели. Ближайшим кругом, «любимым гнездом» для автора «Слова» являются потомки Олега Святославича, внука Ярослава. Все потомки Олега связаны с двумя точками на карте русских земель – Черниговом и Тьмутараканью. И та и другая земля, несомненно, весьма экономически развиты. Прекрасные плодородные почвы бассейна реки Десны и ее притоков, едва ли не еще более плодородные низовья реки Кубань.

¹ *Кузнецов Е.В., Курдин Ю. А.* Античные реминисценции «Слова о полку Игореве» // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 45-56; «Слово о полку Игореве» – зеркало эпохи: учебное пособие / Авт. Е. В. Кузнецов, Ю. А. Курдин, Р. В. Шиженский, А. Н. Белохвостов. Арзамас: АГПИ, 2012.

Думается, что эти степные черноземы давали достаточно ресурсов не только горожанам и сельскому населению, но и главному политическому классу – князьям в его различных поколениях. Сам князь Игорь был сыном Святослава и внуком уже упомянутого Олега, а стало быть, правнуком Святослава и праправнуком Ярослава Мудрого. В «Слове» упомянуты ближайшие родственники – родные и двоюродные братья Игоря. Среди них особое место принадлежит Святославу Всеволодовичу – киевскому князю, двоюродному брату Игоря по более старшей линии. Наш автор описывает его как человека, болеющего душой за единство русской земли, как лидера, проводившего активную внешнюю политику в первую очередь на южных рубежах русских княжеств. В 1184 году он успешно действует против половцев на днепровском левобережье. Им было нанесено кочевникам ряд поражений, и из летописей мы узнаем, что в Киев был приведен огромный полон – 7 тысяч человек. Пленные послужили источником обогащения верховной власти через работорговлю или через пожалования нужным вассалам киевского князя. Собственно события 1184 года и послужили толчком к активным действиям Игоря Святославича, который вместе со своими родными решил провести самостоятельный поход против кочевников в надежде на богатую добычу (в том числе и рабов). Еще раз вспомним слова из произведения о том, что в случае удачи половецкий полон мог быть продан в столицу. Дескать, «чага» - половецкая девушка - продавалась за серебряную денежку, а половецкий мужчина – за резану (часть денежки). Чтобы избежать конфликта со Святославом, Игорь заручился поддержкой его брата Ярослава Всеволодовича, сидевшего в Чернигове, и получил от того в помощь отряд ковуев (легко вооруженных половецких всадников). После поражения и счастливого побега из плена, Игорь едет в Киев к Святославу, надо полагать, с необходимыми объяснениями и с обязательством действовать против половцев в координации с великим князем. Такие боевые действия проходили позднее в 1187, 1189 гг. и др¹.

Несколько слов следует сказать о близком родственнике Игоря, участнике похода Всеволоде Святославиче. Всеволод, родной брат Игоря, князь трубчевский и курский. Среди Ольговичей Всеволод отличался особой храбростью и мужеством. Рассказывая о его смерти в 1196 г., летописец написал: «...во Ольговичех всих удалее рожаем и воспитаемь и возрастом и всею добротою и мужьственною доблестью». Одной из интереснейших загадок является вопрос о количестве сыновей, выступивших вместе с Игорем в трагический поход. «Слово» и Ипатьевская летопись называют одного сына – Владимира Игоревича. Лаврентьевская говорит о двух. Можно предположить, что младший из детей князя едва ли был старше 10 лет. Таким образом, потомки Святослава Ольговича контролировали довольно значительную территорию, раскинувшуюся по берегам рек Десна (и ее притоки), Сейма. Сейчас эти земли входят частично в состав России и Украины. В России – значительная часть современной Курской и Брянской областей, в Украине – северная часть Сумской области и юго-восток Черниговской. Все они принадлежат к богатым, изобильным хлебом районам. Потомки Олега Святославича держали свою территорию согласно решению Любечского съезда 1097 г. За счет этих земель они содержали дружины, часть территорий раздавалась детям, племянникам,

---

¹ Отечественные источники молчат о деталях этих боевых походов, но, судя по всему, борьба шла с переменным успехом и такой трагедии, которая случилась в 1185 году, больше не было.

внукам. Князьям, принадлежавшим к другим ответвлениям разросшегося рода Рюриковичей, из этих земель ничего не выделялось. Естественно, что рядом с землями Ольговичей находились земли потомков Владимира Мономаха. Это Переяславское, Смоленское княжества, на северо-востоке – Владимиро-Суздальское. О Мономаховичах в тексте «Слова» также содержится немало интересных сведений. В первую очередь речь должна идти о Всеволоде Юрьевиче, последнем сыне Юрия Владимировича Долгорукого (он же младший внук Владимира Всеволодовича Мономаха). Автор произведения признает большое военное и политическое могущество Всеволода. Как и Андрей Юрьевич (старший брат Всеволода), погибший в 1174 г., Всеволод являлся старшим среди русских князей того времени. Это произошло в первую очередь из-за того, что он был реально старшим князем из рода Рюриковичей. Он очень долго жил – 62 года (его брат Андрей – 63 года) в то время как на юге большинство князей не доживало и до 50 лет. Полезно напомнить, что, хотя закон Ярослава действовал, но сосчитать старшинство становилось все сложнее и сложнее. Поэтому старшего искали не по генеалогическому древу, а смотря на его «седины». Конечно, кроме того, нужно было иметь богатство, дружину, политическую активность и т.д. Именно эти качества позволили Всеволоду подчинить своей воле рязанских князей «удалых сынов Глебовых»¹. Судя по всему, эти князья были внуками смоленского князя Ростислава Мстиславича и стало быть входили в то «подразделение» рода Рюриковичей, которое вело свое происхождение от Владимира Мономаха.

Значительно меньше сведений о тех, кто правил в западнорусских землях. Из большого перечисления имен выделим Ярослава Осмомысла, который являлся тестем Игорю. Автор «Слова» уважает его ум: «Ярослав занимал галицкий стол с 1153 по 1187 г. Прозвище «Осмомысл», известное только по «Слову о полку Игореве», имеет самые различные толкования: у него восемь мыслей, т.е. у него много забот военных и политических; он очень мудр – умен за восьмерых и т.п.»².

С большим уважением автор «Слова» пишет о князьях полоцких, которые хотя и подчинялись воле великих киевских, но использовали малейшую возможность расширить свою самостоятельность. В первую очередь наш автор пересказывает дошедшее до него сказание о полоцком князе Всеславе, возможно на основе былин легендарного Бояна. В битве на Немиге 3 марта 1067 года Всеслав потерпел поражение, был обманом захвачен в плен на мирных переговорах и отвезен «триумфатором» Ярославичей (Изяслав, Святослав, Всеволод) в Киев, где его и двоих его сыновей посадили в «поруб» (подземелье). Обман Ярославичей дорого обошелся русской земле, так как через несколько лет на границе киевских владений появился половецкий хан Шарукан, нанеший в 1068 году поражение князьям на реке Альте. Разбив князей, половцы двинулись на Киев, где произошло известное восстание, руководимое киевским вече. Поводом был отказ Изяслава вооружить киевлян, чтобы они могли защищать от врагов родной город. Изгнанный народом из Киева, Изяслав бежал в Польшу, оттуда вскоре возвращается с большим войском, которым командовал польский король Болеслав. Киев в течение нескольких месяцев был управляем выпущенным киевскими вечниками Всеславом. Он, однако,

---

¹ «Удалые сыны Глебовы» – сыновья рязанского князя Глеба Ростиславича – Роман, Игорь, Владимир, Всеволод, Святослав, принимавшие участие в походе Всеволода на волжских болгар в 1183 г. Рязанское княжество в 80-х гг. XII в. политически зависело от Всеволода Юрьевича. «Слово о полку Игореве». М.: Худож. лит., 1983. С. 211.

² «Слово о полку Игореве». М.: Худож. лит., 1983. С. 213.

роль народного вождя исполнять не пожелал и бежал из города перед лицом польского войска. Автор «Слова» так же, как и некоторые летописцы приписывают Всеславу особенные свойства – оборотничество, преодоление огромных расстояний («Всеслав князь... ночью волком рыскал: из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя...»).

В произведении есть информация и о происхождении полоцких князей. Их родоначальником был Изяслав – сын Рогнеды. С ним и Рогнедой связан некий «романтический» эпизод русской истории. Владимир, стремясь подчинить Полоцкое княжество, насильно берет замуж Рогнеду. В дальнейшем Изяслав неоднократно защищал свою мать во время участвовавших конфликтов с отцом, строившихся на обычных в полигамных сообществах отношениях – появлении новых жен. В итоге боярский совет уговорил князя отпустить Рогнеду в Полоцк. В 1132 г. Полоцк был первым городом, который отказался подчиняться воле Киева и заявил о своей полной независимости. Четырьмя годами позже унитарное Киевское государство прекратило свое существование благодаря решению новгородского вече – приглашать князя в Новгород по своей воле. Киев лишился, кроме того, тех денежных средств, которые он получал от Новгорода и Полоцка, что не могло не ослабить мощи правящих киевских князей. Несомненно, ослабление Киева как центра Древнерусского государства имело негативные последствия. Усиливались центробежные силы, пытавшиеся разорвать связи между отдельными территориями Руси. Однако Киевское государство все-таки сохранялось. В первую очередь волею князей, которые рассматривали всю совокупность земель как владения рода Рюриковичей. Княжеские уделы были частями огромного «тела» Киевской Руси, но все-таки они были связаны с этим «телом» неразрывными узами. О единстве, сплоченности русских земель писал Владимир Мономах, эту же линию проводит автор «Слова». Только так можно объяснить его призывы к могущественным Владимирским и Галицким князьям прийти на помощь к Игорю Северскому. Сама терминология «Слова» говорит о том, что писатель мыслит русскую землю как нечто единое, целое. («О Русская земля! Уже ты за холмом!»). У него речь идет о русской земле, а не о землях, князья – братья друг другу. Борьба с половцами, по мнению автора, ослабела, так как каждый князь стал говорить: «Это мое и то мое».

Такова историческая канва похода Игоря и его брата Всеволода на половцев в 1185 г., а также некоторые аспекты политических событий, связанных с походом.

Библиография

1. Кузнецов Е. В., Курдин Ю. А. Античные реминисценции «Слова о полку Игореве» // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 45-56.
2. «Слово о полку Игореве» – зеркало эпохи: учебное пособие / Авт. Е. В. Кузнецов, Ю. А. Курдин, Р. В. Шиженский, А. Н. Белохвостов. Арзамас: АГПИ, 2012. – 140 с.
3. «Слово о полку Игореве». М.: Худож. лит., 1983. 224 с.

Литвинова Ольга Александровна

Переводчик научного вестника Воронежского государственного технического университета, преподаватель английского языка
Воронеж, Россия

ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ КАК ИНСТРУМЕНТА ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ И МЕДИАГРАМОТНОСТИ

Аннотация

Автор рассматривает возможности, предлагаемые политическим текстом как жанром, помогающим формировать не только языковые навыки изучающих английский язык, а также их критическое мышление и медиаграмотность.

Ключевые слова: политический текст, идентичность, герменевтика, медиаграмотность.

Текст как дидактическая единица является неотъемлемой методической составляющей обучения иностранным языкам. Являясь сложной и богатой семиотической системой, общественно-политические тексты, в частности, имеют неоценимый потенциал в формировании навыков письменной и устной речи обучающихся на средних и высоких уровнях овладения языком.

Не секрет, что по своей природе процесс обучения и изучения иностранного языка напрямую диктуется текущими политическими веяниями, идеологиями и т. д. Находясь в статусе самого широкого употребляемого языка межкультурной коммуникации, английский язык тем более не может находиться вне политики – очень нелегкой, но такой питающей письменную и устную полемику теме. В ходе проведения занятий английским языком как преподаватели мы обсуждаем огромный спектр тем, прежде всего, связанных с гуманитарными науками. Политология как одна из социальных наук, открывающих путь для междисциплинарности, не может быть исключена из занятий, конечной целью которых является развитие межкультурных компетенций обучающихся.

В список таковых компетенций несомненно должно быть включено умение быть осознанным и ответственным послом своей культуры. В процессе формирования образа самого себя в данной роли обучающийся вынужден осмысливать и пересматривать свою собственную идентичность – категорию, рассматриваемую особенно активно в эпоху постструктурализма рядом социальных наук, в том числе и в политологии. Впоследствии сформированный концептуальный аппарат использовался также и в лингвистике и педагогике, где данная тема изучается все более активно, в особенности с началом эпохи неолиберализма.

Существуют различные, тесно переплетенные виды идентичности, в том числе национальная. Осознание себя как гражданина своего государства, а также, как было указано выше, представителя своей культуры в процессе освоения иностранного языка требует глубоких знаний политической системы своего государства, а также его положения в системе международных отношений в условиях меняющегося миропорядка. В данном контексте можно также говорить о так называемой политической идентичности, которая несомненно претерпевает трансформации в процессе соприкосновения с культурами стран изучаемого языка, а в случае с английским языком – сразу со всем миром.

Общественно-политические тексты как особенный вид языкового дискурса, включающие в себя новостные сообщения в печатных и цифровых ресурсах, аналитические статьи и политические комментарии работников государственных и негосударственных организаций, журналистов, а также ученых-исследователей в области политологии и международных отношений, научные статьи в данных областях исследований должны быть неотъемлемой частью формирования лингвистических, культурологических и, конечно же, политических компетенций уверенного пользователя английского языка.

Обладая такими языковыми и жанровыми особенностями, как, например, использование ряда стилистических и синтаксических средств для выражения экспрессивности, а также прямой и косвенной манипуляции мнением аудитории (в особенности в ходе информационной войны), изменении или поддержании текущей политической обстановки, информирования аудитории и т. д., политический текст (устный и письменный) имеет огромный потенциал как источник ценнейшего языкового материала, так и инструментом для формирования навыков чтения, письма и говорения.

Так, например, являясь четко структурированной аналитическим произведением, политический текст помогает в укреплении навыков критического чтения, а впоследствии – и создания собственных письменных речевых произведений. Ярким примером такового является аргументационное эссе, широко используемое, в частности, как средство оценивания на международных языковых экзаменах. Помимо этого, обсуждение прочитанных текстов политической тематики является мощным инструментом формирования навыков монологической и диалогической речи и освоения соответствующих прагматических и стилистических маркеров политического дискурса.

Так как на английском языке создается огромное количество общественно-политических текстов, работа с ними на занятиях поможет обучающимся приобретать знания о работе различных локальных, национальных и международных политических систем. В силу своей аналитической и зачастую идеологической природы политические тексты открывают возможности для применения герменевтики – методу текстуальной интерпретации и истолкования письменного текста. Нельзя также не отметить потенциал данного жанра текстов в формировании такого необходимого в эту эпоху политической турбулентности и волатильности навыка как медиаграмотность. Соприкосновение с плюрализмом мнений о волнующих локальное и/или мировое сообщество политических вопросов и проблем также служит основой для развития навыков критического мышления.

Автор предлагает дидактические разработки для использования политических текстов в формировании языковых (грамматических, лексических), экстралингвистических, а также навыков аналитического письма у обучающихся, которые могут быть применены и по необходимости персонализированны в преподавании английского языка студентам или аспирантам-международникам, политологам, журналистам, а также более широкому кругу лиц. В процессе ожидается достижение более глобальной цели – а именно формирования более глубинного понимания мировых политических процессов, то есть развития политической грамотности, активизма и гражданской ответственности.

Библиография

1. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов: учебное пособие. М.: Университетская книга; Логос, 2006. 384 с.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. М., 2008.
3. Малахов, В. С. Неудобства с идентичностью [Текст] / В. С. Малахов // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43-53.
4. Мороз Н. Ю., Кабазова А. В. Реферирование новостной статьи как метод коммуникативной практики в обучении студентов английскому языку на IV-V курсах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 668. С. 185-189.
5. Москвин В.П. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 176с.
6. Родоман Н.В. Английский для магистрантов. Курс политперевода. М., 2009.
7. Тортунова И. А. К вопросу о жанровой классификации политических PR-текстов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2006. Вып. 32. С. 78–87.
8. Федоров А.В. Медиаобразование и медиаграмотность в обществах знаний. М.: Изд-во Института развития информационного общества, 2005. С. 329–339.
9. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
10. Харламова Н. С., Фролова И. Ю. Дебаты как профессиональная составляющая в обучении иностранным языкам в области политических наук // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 668. С. 148-161.
11. Чёрный Ю. Ю., Мурована Т. А. Медийно-информационная грамотность в цифровом мире: как научить учителей. Москва: Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, Программа ЮНЕСКО «Информация для всех», 2021. 81 с.
12. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов. М.: Флинта; Наука, 2006. 176 с.
13. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. №2(40). С. 53–59.
14. Шакова Б. М. Различные подходы к исследованию политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9. Ч. 1. С. 195-198.
15. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Е.И. Шейгал. Волгоград, 2000. 416 с.
16. Fairclough N. Genres in political discourse // Encyclopedia of Language and Linguistics. Oxford, Elsevier, 2005. P. 33.
17. Petrenko V.V., Potapova A.S. Political linguistics as a constituent part of modern political theory // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2014. № 154. 580 p.

Миронов Денис Владимирович

Младший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета М.В. Ломоносова

Москва, Россия

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА РОССИИ И ГЕРМАНИИ В XXI ВЕКЕ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация

Для сравнения ценностей российского и немецкого обществ, которому посвящена данное выступление, выбран период с начала девяностых годов двадцатого века по сегодняшний день в России и Германии. Проводится сравнительный анализ перемен политических, социальных и моральных ценностей в России и Германии. При этом упор делается на ситуацию в Германии.

Ключевые слова: трансформация, политические ценности, Федеративная Республика Германия, Российская Федерация.

Девяностые годы XX века стали ключевым моментом в истории обоих государств, так как в это время происходили события, которые существенно повлияли на их дальнейшее развитие.

Если мы говорим о России, здесь речь, в первую очередь идет о распаде СССР и образования Российской Федерации в качестве государства. С этим связан глубокий процесс трансформации во всех областях, повлекший за собой глубочайший кризис в политической и социально-экономических сферах, продлившейся вплоть до начала 2000 годов.

В Германии этот период так же можно назвать ключевым, так как в конце 80 – начале 90 годов был запущен процесс воссоединения ФРГ и ГДР, что естественно тоже коренным образом повлияло на развитие этой страны.

Что можно сказать о политических целях и ценностях России в девяностых годах? – На мой взгляд, однозначного утверждения здесь быть не может, но можно сказать, что они, безусловно, подверглись огромному влиянию извне. Кризис в экономике и политическом устройстве привел к сильной внешней зависимости России от США и других западных государств. При поддержке либеральных элит новой России, пошел процесс отторжения традиционных политических и моральных ценностей, которые хоть и не совсем в нашем сегодняшнем понимании, но все-таки имели место быть в СССР, но они стали рассматриваться как нечто устаревшее из прошлого дня. Данная точка зрения активно продвигалась СМИ. Одновременно активно навязывались западные, прежде всего американские политические ценности, которые под прикрытием демократизации общества, должны были искоренить такие понятия как патриотизм и любовь к родине и вовлечь общество под абсолютное информационное влияние запада. Похожая картина наблюдалась и во внешней политике, где Россия под давлением стран запада, практически отказалась от защиты своих геополитических интересов, что во многом поспособствовало расширению НАТО на Восток.

Германия, как часть коллективного запада, в девяностые годы пошла другим путем, хотя стоит отметить, что, несмотря на традиционно огромное влияние США на политику Германии, данный период можно охарактеризовать, как консервативный,

что в первую очередь было связано с канцлерством Гельмута Коля, представителя тогда еще консервативной партии ХДС. Более того, наблюдались очень сильные патриотические настроения, связанные с ожиданиями от объединения Германии, в первую очередь у восточных немцев, которые в итоге не были оправданы.

В России в XXI веке, с приходом к власти В.В. Путина, сложилось государство с четкими политическими и моральными ценностями, перечислять которые я не стану, так как они достаточно широко обсуждается в политическом и общественном пространстве современной России¹. Стоит лишь отметить, что влияние извне существенно сократилось и Россия стала абсолютно суверенным государством, четко продвигающим свои национальные интересы как во внутренней, так и во внешней политике с практически полной консолидацией общества.

В Германии мы наблюдаем совершенно противоположную картину. Приход к власти Ангелы Меркель в 2005 году и проводимая ей внутренняя политика привели к смещению, можно сказать, даже к краху, устоявшейся партийной системы, потому что консервативные партии под влиянием левых и либеральных тенденций во всем мире, и в первую очередь ХДС сместились в левую сторону политического пространства, что в свою очередь освободило пространство для Альтернативы для Германии (АдГ), которая по опросам сегодня является второй-третьей политической силой в Германии. На последних региональных выборах в восточногерманских землях она смогла набрать около 30% в Саксонии, Тюрингии и Бранденбурге. В Тюрингии АдГ и вовсе стала самой сильной политической силой². Так же необходимо отметить образование нового политического движения под руководством Сары Вагенкнехт, которое на тех же выборах с ходу показала высокие результаты, и без участия которого создание региональных правительств выглядит весьма затруднительным. Внутренняя, в первую очередь миграционная политика, ЛГБТ³ и т.д., которые усугубились после того, как к власти пришло правительство Олафа Шольца и привела к глубокому расколу в немецком обществе, который имеет, в частности, региональный характер, а именно деление на «осси» и «веси», что обосновано тем, что несмотря на то, что воссоединение произошло более тридцати лет назад, уровень заработной платы и соответственно жизни в западных землях существенно выше, чем в восточных землях. Можно с полным основанием говорить о «кризисе немецкой идентичности»⁴. Так же наблюдается существенное отличие взглядов населения по таким вопросам, как миграционная политика. (Только за 2023 год в Германию приехало более двух миллионов беженцев, в основном из Украины и Сирии)⁵, внешняя политика, где существенно отличаются позиции по предоставлению военной помощи Украине, что в итоге привело к политическому кризису и, возможно, повлечет за собой досрочные выборы в Бундестаг, а также по оценке действий Израиля на Ближнем Востоке. Это еще подогревается и тем, что СМИ безоговорочно поддерживают этот курс и превратились из независимых в орган государственной пропаганды. Во внешней политике Германия полностью утратила свою и до того

¹ См., например, Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» - <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

² <https://www.bundeswahlleiterin.de/europawahlen/2024/ergebnisse/bund-99/land-16.html>

³ ЛГБТ – движение, деятельность которого призвана экстремистской и запрещена на территории РФ

⁴ <https://www.msn.com/de-de/finanzen/top-stories/sozialforscher-andreas-herteux-wer-sind-wir-identitätssuche-ist-ein-zentrales-thema-unserer-gesellschaft/ar-AA1t13yR>

⁵ https://m.focus.de/panorama/lagebild-des-bundeskriminalamts-zuwanderer-straftaten-massiver-anstieg-bei-sexualverbrechen-und-gewaltdelikten_id_260441280.html

не полноценную самостоятельность и превратилась в прислужника США, который очевидно действует в ущерб собственным национальным интересам.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в России и Германии наблюдается совершенно противоположная картина. В России произошла консолидация общества, что четко доказывают результаты последних президентских выборов и общая позиция населения по основным внутривнутриполитическим и внешнеполитическим вопросам. Существуют четкие ориентиры, такие как патриотизм и традиционные ценности. В Германии ситуация обстоит совсем иначе. Начиная с 2005 года, в стране все больше усиливаются раскол общества. Политический и экономический кризис, резкая попытка смены моральных ценностей, обусловленной современной политической повесткой и влиянием СМИ, которые навязывают эти ценности населению страны и пытаются представить их как мнение абсолютного большинства, привели к сильным противоречиям и неуверенности в завтрашнем дне.

Библиография

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» - <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>, дата обращения 09.11.2024
2. Gabriel M. Moralischer Fortschritt in dunklen Zeiten. UNIVERSALE WERTE FÜR DAS 21. Jahrhundert, Berlin 2020
3. <https://www.msn.com/de-de/finanzen/top-stories/sozialforscher-andreas-herteux-wer-sind-wir-identitätssuche-ist-ein-zentrales-thema-unserer-gesellschaft/ar-AA1t13yR>, дата обращения 09.11.2024
4. https://m.focus.de/panorama/lagebild-des-bundeskriminalamts-zuwanderer-straftaten-massiver-anstieg-bei-sexualverbrechen-und-gewaltdelikten_id_260441280.html, дата обращения 06.11.2024

Мухарямов Наиль Мидхатович

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права Казанского государственного энергетического университета
Казань, Россия

«НОВОЯЗ»: ОТ КОНЦЕПТА ДО МЕМА

Аннотация

В материале рассматривается место термина «новояз» в контекстах исследовательского поля политической лингвистики, его применения в качестве универсального концепта и притязаний на онтологический статус, с одной стороны, и, напротив, в виде притягательного вымышленного художественного образа из антиутопии, доступного для упрощенной адаптации к идейно маркированным публицистическим занятиям.

Ключевые слова: язык, политическая лингвистика, «новояз», мем.

Роман Дж. Оруэлла «1984» в переводе В. Голышева, увидевший свет в журнале «Новый мир» в 1989 году и с тех пор многократно переизданный – с тиражами, могущими, вероятно, претендовать на рекордные – положил начало бурной биографии

слова «новояз» как русскому аналогу авторского образа “*newspeak*”. Как было отмечено лингвистами, в более ранней («тамиздатовской») версии перевод выглядел как «новоречь», что, формально говоря, выглядит более точным.

В самом скором времени это литературный вымысел начал получать экстраординарное распространение как орудие критики тоталитарного режима, языка политики и языка власти советского, прежде всего, прошлого. При этом «оруэлловская» мотивация, как совершенно правомерно показывает П.Б. Паршин, стала одним из импульсов в развитии такой дисциплины, как политическая лингвистика. Неологизмы «новояз», «двоемыслие», «Большой Брат» выступили «опознавательными знаками, а зачастую и элементами концептуального аппарата исследований»¹.

Рассматриваемый концепт был наделен собственной онтологией в виде самостоятельной лингвистической сущности с системными свойствами и соответствующим эпистемическим статусом.

К примеру, ссылаясь на авторитет Патрика Серию, Ю.Л. Воротников определяет язык политических текстов советской эпохи как «новояз». Один из его признаков – это номинализация, итогом чего «становится «исчезновение субъекта, агента того, о чем говорится»². В развитие метафоры М. Хайдегера о языке как «доме бытия», автор пишет, что «если язык классической русской литературы был «усадебой бытия», то «новояз» сталинско-брежневских времен – «ГУЛАГом бытия, духа и мысли»³.

Ю.Л. Воротников, анализируя трансформации в русском языке, берет в качестве отправной методологемы оппозицию *энкратического* и *акартического* языков, гипотетически выдвинутую Роланом Бартом в середине 1970-х годов. Проекция такого противостояния на советские реалии по Ю.Л. Воротникову суть – «новояз» сталинско-брежневских времен», на одном полюсе, и стёбом или «домом новой, препарирующей мысли и нового, оппозиционно-деструктивного бытия». То, что происходит сегодня, – это вопрос, «в современно российском языкознании не затрагиваемый: если стёб находился с «новоязом» в отношениях противостояния, ...не приходится ли признать еще один факт: русский язык сегодня существует в разделенном виде. ...однако это – дело специального исследования, пока никто не сумел (или не захотел?) осуществить». Если «новояз» разрушен, то «стёб продолжает существовать в своей главной функции – функции своего рода интеллектуальной лаборатории». В современном российском обществе сегодня функционирует акратический (вневластный) дискурс, но не сформирован энкратический (властный) дискурс. Вопрос о том, чем будет занято сегодня место «новояза» не изучен. При этом, однако, автор констатирует факт - «...” возвращение совка” в политический язык»⁴.

На противоположном академическом фланге еще в начале 1990-х годов стали звучать скептические суждения относительно эвристической значимости концепта «новояз». Польский лингвист В. Писарек писал уже тогда: сам этот концепт и приписываемые ему значения «стали серьезным вкладом лингвистов в торжество демократии над советским тоталитаризмом. Однако ни термин, на само понятие

---

¹ Паршин П.Б. Исследование практики, предмет и метод политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. М., 2001. С. 181.

² Воротников Ю.Л. Русский язык сегодня. Несколько штрихов к портрету. М., 2017. С. 26, 28.

³ Там же

⁴ Там же

не имеют существенной научной ценности, более того – они вредны...»¹. Смысл приводящихся при этом контраргументов состоит в том, что манипулятивность – универсальная характеристика языка в его политических или властных применениях, но не исключительная принадлежность (про)советских коммуникативных реалий. Логика здесь фокусируется на том, что «новояз» — это реальность, которую не следует рассматривать лишь в каких-то отдельно взятых единичных исторических контекстах. Говоря об этой лингвистической данности, российский языковед Татьяна Савина приходит к выводам: еще в 1970-е годы диссиденты использовали сам термин, под который «попадало все, что несло на себе отпечаток авторитетного политического высказывания, и в основном относилось к языку политической верхушки и партийной бюрократии». Однако, по мнению автора, «Русский язык советского периода совершенно не укладывается в рамки «новояза», искусственной языковой системы политической пропаганды, в первую очередь за счет активного языкового сопротивления»².

Несколько иной смысл имеют критические суждения М. Кронгауза, которые отказывают этому понятию в самостоятельной системной онтологии и относят его к области мифа. «Очевидно, – пишет автор, – что и оруэлловская программа не оказала принципиального влияния на развитие новояза в советскую эпоху, а осталась замечательным художественным приемом, реализованным в рамках одной антиутопии»³.

Еще один способ аргументации, отрицающей филологическую – в академическом смысле – релевантность «новояза», связан с конечным целеполаганием проекта Дж. Оруэлла. Предполагалось, что к 2050 году «старояз» будет окончательно вытеснен, а еретические мысли (несовместимые с принципами «Ангсоца» и «Большого Брата») «станут в буквальном смысле невозможными, по крайней мере, в том отношении, в каком мышление зависит от слов»⁴. Нет необходимости специально соотносить эту сторону антиутопии с тем, что происходило в советские времена во всех сферах культивирования литературных языков народов страны – как с точки зрения языкового строительства, так и сохранения классических образцов прошлого.

Уместным во всех смыслах, по-видимому, будет расценивать «новояз» не в качестве исследовательской парадигмы или аналитического инструмента, но в виде стереотипной и идейно маркированной фигуры речи, ходячего слова, знак лексической моды и проч. Если его брать в политико-лингвистических контекстах, то играет роль эмблемы, обозначающей определенные идеологические диспозиции по отношению не только к советской, но шире – отечественной историко-культурной реальности. Если же пытаться определить место «новояза» в актуальном смысловом русскоязычном пространстве, то это, скорее, такая единица хранения и передачи информации, которая получила название «мемов». Это, – как разъясняет М. Кронгауз, репликаторы, «объекты, которые копируют и воспроизводят сами себя, или, говоря простым языком, умеют размножаться»⁵.

¹ Цит. по: *Бугайский М.* Язык коммуникации / Пер. с польск. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2010. С. 156.

² Как изменился русский язык за 100 лет: влияние СССР, что такое «советский новояз»: Наука: Наука и техника: Lenta.ru <https://lenta.ru/articles/2024/04/20/novoyaz/>

³ *Кронгауз М.А.* Слово за слово: о языке и не только. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 480 с.

⁴ *Мизина И.* Учебник новояза. М.: Яуза-каталог, Дримбук, 2023. С. 187.

⁵ *Кронгауз М.* Самоучитель олбанского. М.: АСТ-CORPUS, 2013. С. 315.

К «новоязу» как логическому и грамматическому субъекту с его способностями к семантической валентности присоединятся самые разнообразные предикаты: не только «советский», «перестроечный», «бюрократический», «аппаратный», но и «корпоративный», «менеджерский», «офисный», «сетевой», «цифровой», «блатной», какой угодно еще. По существу, любая профессиональная сфера деятельности или социокультурно обособленная группа порождает какие-то жаргонные или сленговые разновидности социолектов, которые в разговорном обиходе часто номинируются как «новояз».

Отталкиваясь от образа Уинстона Смита – героя оруэлловского романа «1984», который углублялся в сокровенные чувства в виде противоядия «новоязу», современные исследователи веяний языковой моды, говорят об «эмоциональном» и «терапевтическом» повороте, о поп-психологии, о «новоязе чувств». «Эмоциональный новояз» с его «абьюзом», «газлайтингом», «токсичностью», «ресурсом», «личностным ростом» – способы самоидентификации «продвинуто» чувствующей части общества,¹ прибегающего к своим чувствам как противоядию «новоязу».

Элементы русского языкового обихода наших дней в великом множестве могут ассоциироваться с атрибутами «новояза».

Что такое «оптимизация», если не очевидный случай номинализации или «исчезновения агента»? Или: пресловутое использование аббревиатур и сложносокращенных слов в номинации структур, институций, должностных позиций, все эти современные «межправкомиссии», «мундепы», «дептрансы» или «депздравы», «подведы», “B2B”, “B2C” и проч., и проч. Не предоставляют ли эти лингвистические уродцы такой же простор для ироничного пародирования, как их аналоги советских времен?

Как, спрашивается, рядовой обыватель должен относиться к этим бесконечным «повесткам» или «нарративам», которые так любят «публиковать» в эфире эксперты-завсегдатаи ток-шоу?

В заключительных выводах следует, по-видимому, отметить, что содержательный политико-лингвистический анализ и в ретроспективе, и в синхронной актуальности должен исходить из принципиальной антиномии двух подходов. Один из них связан с эвристическими возможностями апробированного категориального аппарата языкознания и политической науки. Другой – со следованием навязчивым штампам с высокой, используя медицинскую терминологию, контагиозными (заразительными) рисками. Эти последние сами по себе могут составлять предмет довольно увлекательных исследовательских разысканий, но использовать их в качестве аналитических инструментов контрпродуктивно.

Библиография

1. Бугайский М. Язык коммуникации / Пер. с польск. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2010. 544 с.
2. Воронников Ю.Л. Русский язык сегодня. Несколько штрихов к портрету. М., 2017. 50 с.
3. Как изменился русский язык за 100 лет: влияние СССР, что такое «советский новояз»: Наука: Наука и техника: Lenta.ru // <https://lenta.ru/articles/2024/04/20/novoyaz/>

¹ Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности. М.: Individuum, 2022. С. 17.

4. *Кронгауз М.* Самоучитель ольбанского. М.: АСТ-CORPUS, 2013. 416 с.
5. *Кронгауз М.А.* Слово за слово: о языке и не только. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 480 с.
6. *Мизинина И.* Учебник новояза. М.: Яуза-каталог, Дримбук, 2023. 192 с.
7. *Паршин П.Б.* Исследование практики, предмет и метод политической лингвистики // *Scripta linguisticae applicatae*. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. М., 2001. С. 181-208.

Мырикова Анна Валериевна

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

АНТИСОВЕТСКАЯ «АЛЬТЕРНАТИВА» В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ЮГОСЛАВИИ¹

Аннотация

В статье представлен перевод фрагментов параграфа «антисоветская «альтернатива»» главы «Коммунистическая Югославия и Сербия» книги «Русофобия среди сербов. 1878–2017» Деяна Мировича (р. 1972), доктора философии, доцента юридического факультета Университета Приштина-Косовска-Митровица. Д. Мирович провел глубокий анализ большого фактического материала, показал генезис русофобии в сербском обществе и обрисовал определенные тенденции развития этого феномена.

Ключевые слова: Д. Мирович, русофобия, Югославия, коммунизм, И. Броз Тито, Сербия, Россия, элиты.

После окончания Второй мировой войны и освобождения от нацистов, в котором решающую роль сыграло вступление советских войск в Сербию осенью 1944 года, была образована Демократическая Федеративная Югославия (позже Федеративная Народная Республика Югославия, затем Социалистическая Федеративная Республика Югославия). Новое государство получает признание международной преемственности со стороны Запада после принятия на себя долгов Королевства Югославии в 1946 году.

В новом югославском обществе выражалась большая признательность Советской России из-за факта гибели почти 5000 советских воинов при освобождении Белграда и Сербии. На белградской Площади Республики даже был возведен памятник благодарности русским/советским воинам. Газеты извещали о «трогательных и братских встречах» с «непобедимыми» бойцами Красной Армии.

Однако в 1948 году после политического конфликта с Москвой русофобия вновь начинает доминировать в сербской и югославской элитах.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00182 «Русский вопрос» в истории политики и мысли XIX – начала XXI вв.: истоки и смысл современной русофобии, <https://rscf.ru/project/23-28-00182/>

Англичане больше не являются главными подстрекателями такого отношения властной элиты. Источником русофобского вдохновения становятся США.

В этом дискурсе русофобский лексикон, который Джордж Кеннан¹ ввел в обиход в знаменитой «Длинной телеграмме»² из 8000 слов (отправленной Госдепартаменту из Москвы в 1946 году), почти полностью усваивается югославскими политическими элитами. Русские изображаются как «невротичные» землепашцы, которые на протяжении всей истории были в подчиненном положении по отношению к передовому Западу. Это народ, желающий уничтожить Запад, поскольку они «завистливые», безнравственные, суровые и примитивные люди, которые испытывают «инстинктивный страх» перед внешним «миром», и которые «с незапамятных времен» думали только о своих интересах на Балканах и завоевании Царьграда.

Югославские интеллектуальные элиты подхватывают русофобские «научно-политические» идеи, такие как из книги сына Сетона-Уотсона³. В этом дискурсе русские ближе всего к монголам, в Московской Руси господствовал «татаризм». Православная церковь не была «просветительской», как протестантская и католическая. Русский народ настроен «крайне агрессивно националистически». Русские в 1876–1878 годах «сербов приносили в жертву». Россия защищала Сербию в 1914 году из «своих интересов». Из русского панславизма появилась «гегемония». Российская Империя «трансформировалась» в СССР, который проводит колониальную политику. В СССР существует «великорусский фашизм», хуже того, что был в немецком Третьем рейхе.

Отмена многопартийной системы освободила коммунистические элиты от проблемы легитимности русофобской политики. Более того, для тех, кто не соглашался с новой русофобской политикой, были открыты концентрационные лагеря на острове Свети-Гргур (женский) и на Голом острове (мужской) в период 1946–1961 годов. У коммунистических властей не было проблем с законностью, потому что большинство узников было отправлено в лагеря на основе законодательства о правонарушениях.

Югославская политика не меняется и с изменением власти в Москве в 1953 году. Русские (Хрущев) после смены власти в Москве и смерти Сталина зря пытаются нормализовать отношения с Югославией. Хрущев даже посетил Югославию в 1955 году. Как жест доброй воли югославский долг СССР в 500 миллионов рублей был конвертирован в кредит на выгодных условиях. Однако (согласно русским источникам) уже после вмешательства Югославии в советско-венгерский конфликт 1956 года⁴,

---

¹ Кеннан Джорж Фрост (англ. George Frost Kennan, 1904–2005) – американский дипломат, историк, публицист, советолог, основатель Института Кеннана. Известен как «архитектор холодной войны», идейный вдохновитель «политики сдерживания» и доктрины Трумэна.

² «Длинная телеграмма» – устоявшееся название телеграммы № 511 посольства США в Москве, отправленной Джорджем Ф. Кеннаном в Вашингтон 22 февраля 1946 г., в которой он обрисовал невозможность сотрудничества с СССР. Результаты анализа американским правительством и общественностью этой телеграммы и последовавшей статьи «Х», также написанной Кеннаном, привели к тому, что взгляды Кеннана стали определяющим фактором подхода США к отношениям с Советским Союзом и холодной войны.

³ Сетон-Уотсон Джордж Хью Николас (англ. George Hugh Nicolas Seton-Watson, 1916–1984) – британский историк и политолог, специализирующийся на России. Сын Сетона-Уотсона Роберта Уильяма (англ. Robert William Seton-Watson, 1878–1951) – британский государственный деятель, публицист и историк.

⁴ Вооружённое восстание против просоветского режима в Венгерской Народной Республике (ВНР) в октябре-ноябре 1956 г., подавленное советскими войсками.

особенно поддержки Имре Надя¹ и открытой критики Москвы, стало ясно, что отношения между Советской Россией и коммунистической Югославией никогда больше не будут союзническими. <...> Так коммунистическая Югославия становится разновидностью западного «авангарда» в борьбе против Советской России. Она «альтернатива» и «пример» другим социалистическим странам. Точнее, после 1956 года становится более чем понятно, что для Югославии противник уже не Сталин, а Советская Россия как государство. <...>

После смерти Сталина русские не смогли нормализовать даже партийные отношения с СКЮ². <...>

В таком провокативном дискурсе накануне конгресса СКЮ в Любляне был принят проект программы, целью которого было стать «ответом» на Совещание представителей коммунистических партий³ в Москве. Проект был настолько скандальным, что был воспринят в Москве как «вызов», «борьба» и «оскорбительный выпад» против Советской России. <...>

Тито на самом конгрессе обвинил Советскую Россию в том, что она «виновата» в создании НАТО. Ранкович⁴ был еще наглее, он обвинил Советскую Россию в «сотрудничестве» с гитлеровской Германией, что вызвало скандал и выход из зала советского и восточноевропейских послов. <...>

То, что речь шла о новой разновидности русофобии (карьерной), демонстрируют и факты из биографий главных югославских дипломатов. Некоторые из них, как Эдвард Кардель⁵, провели два года в Москве в секции Коминтерна и посещали Международную Ленинскую школу⁶. Остальные <...> были с ранней молодости рьяными коммунистами. Тем не менее, они из карьерных соображений стали самыми большими противниками Советской России и превратили министерство иностранных дел в своеобразную русофобскую «крепость».

Библиография

1. *Мировић Д.* Русофобија код Срба. Catena Mundi, Beograd, 2022. 302 с.

---

¹ Надь Имре (венг. Nagy Imre, 1896–1958) – венгерский государственный и политический деятель. 24 октября – 4 ноября 1956 г. Надь возглавлял венгерское правительство (1–4 ноября 1956 г. также министр иностранных дел), пытался примирить противоборствующие стороны, выступал за прекращение огня, вывод советских войск, введение многопартийности и формирование правительства на многопартийной основе. 1 ноября 1956 г. объявил о нейтралитете страны и её выходе из Организации Варшавского договора, 2 ноября 1956 г. обратился к ООН за помощью. Надь вместе с семьёй и ближайшими сотрудниками 4 ноября 1956 г. укрылся в посольстве Югославии.

² СКЮ – Союз коммунистов Югославии.

³ Совещание представителей коммунистических и рабочих партий, 14–16 ноября 1957 г., г. Москва.

⁴ Ранкович Александр (серб. Александар Ранковић, известен также как Лека Марко; 1909–1983) – югославский государственный и партийный деятель, второй президент СФРЮ, официальный преемник Иосипа Броз Тито. Народный герой Югославии.

⁵ Кардель Эдвард (словен. Edvard Kardelj, 1910–1979) – югославский политический деятель, видный идеолог правящей партии Союз коммунистов Югославии. Главный теоретик рабочего самоуправления в Югославии, один из авторов Конституции СФРЮ 1974 г. и Закона об объединённом труде 1976 г.

⁶ Международная Ленинская школа (МЛШ) – учебное заведение Коминтерна, основанное в Москве с целью обучения деятелей революционного движения стран Европы и Америки для коммунистических партий и аппарата Коминтерна, действовала с сентября 1925 по май 1938 гг., как секретная кадровая школа – в 1941–1943 гг.

Николаев Илья Викторович

Старший преподаватель кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета

Ростов-на-Дону, Россия

ПОСТМАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ Э. ЛАКЛАУ И Ш. МУФФ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ

Аннотация

В статье рассматриваются концептуальные основания постмарксистской теории Э.Лаклау и Ш. Муфф в контексте применения для анализа политических символов. Утверждается, что теория дискурса постмарксистов является комплементарной для анализа символической коммуникации в части концепта «дискурсивной гегемонии», а также типологии знаков, ряд которых могут быть интерпретированы как вербальные символы.

Ключевые слова: постмарксизм, символ, символическая политика, гегемония, вербальный символ, политический дискурс.

«Постмарксизм» – это условное название социально-философского и политического течения, базирующегося на работах К. Маркса и в заметной степени пересматривающее его основные постулаты с позиций постмодернистской философии. К теоретикам данного направления можно отнести Э. Лаклау, Ш. Муфф, С. Жижек, М. Кастельс, А. Бадью, а также других исследователей, мыслящих в традициях «весны 1968-го». Большинство их работ посвящены тематике неравенства, свободы, справедливости, политэкономическим вопросам, однако под влиянием «дискурсивного поворота» в постмарксистских исследованиях актуализируется проблематика языка и дискурсивного конструирования реальности. В представленной работе мы попытаемся обосновать методологический вклад представителей постмарксизма Э. Лаклау и Ш. Муфф в исследования политической символики, в частности вербальных символов.

В понимании исследователей «социальное» представляет собой дискурсивное поле. Взаимодействия и объекты опосредованы репрезентативными отношениями, т. е. происходят через призму знаково-символической среды. Лейтмотивом исследования Э. Лаклау и Ш. Муфф являются идеи дискурсивной гегемонии. Данная проблематика является существенной со времен А. Грамши, который поднял вопрос о «культурной гегемонии» и «позиционной борьбе»¹. Развивая эти концепты, постмарксистские исследователи выводят понимание гегемонии как специфической дискурсивной практики в политическом пространстве, ключевой признак которой заключается в том, что «частная социальная сила начинает представлять тотальность, радикально несводимую к ней»². Как полагают Э. Лаклау и Ш. Муфф, мир наполняется значением только через язык, а то, что дискурсивно неозначено – не включено в процессы нашего сознания и игнорируется им. «Завершенная структура, как и «общество», – это лишь то, что мы представляем в своем воображении, чтобы

¹ См.: Грамши А. Тюремные тетради // Грамши А. Искусство и политика: В 2-х т. Т. 1. М.: Искусство, 1991. 432 с.

² Discourse theory and political analysis: identities, hegemonies, and social change / Edited by Howarth D., Norval A., Stavrakakis Y. Manchester; N. Y.: Manchester University Press, 2000. P. 55.

сделать наши действия осмысленными»¹. При этом символическое наполнение общества не является его целостным отражением, а представляет собой только частные символы. Доминирование символических элементов ограничено присутствием «Другого», при этом его отрицание является показателем общности, которая обеспечивается не более, чем «гегемонистской универсальностью».

В теории постмарксизма Э. Лаклау и Ш. Муфф общество является пространством перманентной борьбы за дискурсивную гегемонию, то есть за право означивания. По мнению исследователей, политический дискурс состоит из трех видов знаков:

- моменты — зафиксированные и содержательные знаки благодаря наличию антагонистического понятия;

- элементы — знаки, не имеющие четко определенного значения и потенциально способные разрушить дискурсивную систему;

- узловые точки — это ключевые знаки социального пространства. «Узловые точки — это привилегированные знаки, вокруг которых организуется дискурс. Но эти знаки сами по себе “пусты”»². Именно за придание значения этим знакам борются различные дискурсы. Это символическая война и представляет собой политику.

Подобные узловые точки социальной реальности, на наш взгляд, могут являться базисом для формирования вербальных символов в политическом, так как они обладают общими с ними характеристиками — отсутствием содержательного наполнения, с одной стороны, и способностью выражать большее, нежели они представляют самостоятельно. Термины политического и околополитического характера захватываются и эксплуатируются политическим дискурсом или его подструктурами в лице дискурса власти, бюрократии или партии. Наделение политическим смыслом происходит путем насыщения существующего слова специфическими ассоциациями, необходимыми субъектам формирования подобных символов. Происходит наслоение смыслов, обеспечивающее универсальность, ценностную мотивированность и конъюнктурную применимость знака.

При этом важную роль играет «артикуляция», под которой постмарксисты понимают практику, устанавливающую отношение между элементами таким образом, что их идентичность модифицируется³. Дискурс в этом случае является тотальностью, сформированной артикуляционной практикой, т. е. образует некоторый порядок и внутренние закономерности. Символы в этом случае выступают в качестве знаковой системы артикуляции, инструментами формирования идентичностей, тотальности и в целом общности.

Несмотря на то, что Э. Лаклау и Ш. Муфф в своих исследованиях непосредственно не касались проблем символической политики, мы можем заключить, что их вклад в развитие методологического подхода в этой сфере значителен и заключается в нескольких тезисах. Во-первых, теория дискурса, разработанная Э. Лаклау и его последователями в рамках Эссекской школы дискурс-анализа, подразумевает включение в проблемное поле социально-политических символов. Во-вторых, идея дискурсивной гегемонии, лежащая в основе подхода исследователей к определению

¹ Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. С. 78.

² Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. С. 60.

³ См.: Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 240 p. Pp. X-XII.

общества, представляет собой некоторый аналог понятия «войны символов», подразумевающего борьбу групп символов за доминирование в обществе и возможность формирования идеологии. И наконец, в-третьих, концепция «узловых точек» является прямым посылом к идеям вербальных политических символов.

Библиография

1. *Граммши А.* Тюремные тетради // Граммши А. Искусство и политика: В 2-х т. Т. 1. М.: Искусство, 1991. 432 с.
2. *Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
3. *Discourse theory and political analysis: identities, hegemonies, and social change* / Edited by Howarth D., Norval A., Stavrakakis Y. Manchester; N. Y.: Manchester University Press, 2000.
4. *Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001.

Панов Александр Ростиславович

Доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, обществознания и права Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Арзамас, Нижегородская область, Россия

АВСТРАЛИЙСКИЕ ГАЗЕТЫ О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ В РОССИИ ПОСЛЕ СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА I

Аннотация

В работе анализируются материалы австралийских газет¹, освещающие события междуцарствия 1825 г. в России. Вопрос о наследовании российского престола оказался связан для колонистов с вероятностью военного столкновения России с Великобританией, и пока сведения из Старого Света были неопределенные, эта угроза вызывала определенное беспокойство, что отражалось на тоне публикаций.

Ключевые слова: история XIX века, междуцарствие 1825 г., австралийская пресса.

Первые сведения о кончине Александра I, произошедшей 1 декабря 1825 г.², австралийские читатели получили 12 мая 1826 г. Заметка с говорящим названием «Убийство императора Александра» извещала, что Александр I «был найден задушенным в ванне»³, причем неизвестный нам автор связывает его убийство с внешнеполитическими проектами. По его словам, то ли император решил вторгнуться в Турцию и перенести столицу в древний Византий, то ли Александр I был, наоборот, против этой идеи, за что и поплатился.

¹ Мы уже не в первый раз обращаемся к анализу австралийской прессы. Некоторые общие замечания о ней см.: *Курдин Ю. А., Панов А. Р., Шириняц А. А.* Сербско-турецкая война 1876 г. в освещении австралийской прессы (на примере Sydney Morning Herald) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 2. С. 39–47.

² Здесь и далее все даты по григорианскому стилю.

³ Assassination of the Emperor Alexander // Colonial Times and Tasmanian Advertiser. 1826. May 12. P. 2.

Параллельно сведения о ситуации в России появились и в других австралийских газетах, но источник информации был явно иной. *The Hobart Town Gazette* пишет о кончине Александра I после болезни, без каких-либо признаков насильственной смерти, а далее разъясняет своим читателям, что хотя наследником является следующий по старшинству Константин, возможен его отказ от притязаний на трон в пользу Николая. Любопытно, что такой исход событий оценивается как способный вызвать «гражданскую войну (civil war)», поскольку Константин популярен в армии, и с ним связываются надежды на утверждение российской власти в Константинополе¹.

Наибольшей информативностью отличаются материалы *The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser*, опубликованные в номере от 20 мая 1826 г. Здесь приводятся заимствованные из французских газет сведения о том, что смерть Александра I была естественной, но скрывавшейся несколько дней, и далее подробности о взаимоотношениях императора со своими братьями, причем упомянуто, что женитьба Константина подорвала его права на престолонаследие². Далее следует манифест о вступлении на престол Николая I от 24 декабря 1825 г., к которому прилагались пять дополнительных документов, служивших обоснованием сложившегося порядка престолонаследия. Также газета дает информацию о том, что произошло в российской столице под названием «Восстание в Санкт-Петербурге». Рисует масштабный размах восстания: говоря об «ужасных беспорядках и кровопролитии», газета сообщает о многочисленных жертвах среди людей, присоединившихся к повстанцам, а также передает слухи о гибели военного министра и двух генералов в этом противостоянии³. Со ссылкой на некий приватный источник информации делается предположение, что восстание не подавлено, и что армия отказывается признавать императором кого-либо, кроме Константина⁴.

Спустя несколько дней вышла статья аналитического характера в *The Hobart Town Gazette*: ее автор рассуждает о международных отношениях в Европе. По его мнению, Александр I во внешней политике сделал ставку на Священный Союз, что заставило его отказаться от наступательных акций против турок, тогда как большинство народа, армия и знать в России озабочены религиозным единством с греками, и Константин мог бы вступить на престол при условии ввода войск в Турцию⁵. При таком раскладе в конфликт неминуемо была бы вовлечена и Англия, чьи интересы не оставляют иного выбора, кроме поддержки турецких властей против греческих повстанцев. Более того, в случае подчинения Турции рост мощи Российской империи поставил бы под угрозу все государства Западной Европы. Общий вывод звучит, что при вступлении на престол Николая можно надеяться на продолжение мира, но если подтвердится известие о восшествии Константина, это «повлечет войну и ее последствия»⁶. Говоря о возможности столкновения, *The Hobart Town Gazette* успокаивает колонистов, что российский военно-морской флот находится в плачевном состоянии, так что Австралии ничто не угрожает, но военные действия в Европе приведут к сокращению ввоза товаров в колонии и росту цен⁷. Тем самым,

¹ Miscellany, original and select // *The Hobart Town Gazette*. 1826. May 13. P. 4.

² British Extracts // *The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser*. 1826. May 20. P. 3.

³ Insurrection at St. Petersburg // *The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser*. 1826. May 20. P. 4.

⁴ Ibidem.

⁵ On the Power and Policy of Russia // *The Hobart Town Gazette*. 1826. June 3. P. 4.

⁶ Shipping Intelligence // *The Hobart Town Gazette*. 1826. June 3. P. 4.

⁷ Ibidem.

политическая ситуация в далекой России неожиданно обретает для австралийских колонистов живой и непосредственный интерес.

Утолить его решило и издание *The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser*. Правда, газета воздержалась от военно-политических прогнозов, но поместила весьма пристрастный очерк, озаглавленный «Русский характер». В нем давалась характеристика русских, и по большей части перечислялись негативные черты. Русские, по словам автора, «вкрадчивы и коварны, лживы и вероломны, чувственны и безнравственны; склонны к легкомыслию, любят новизну и недальновидны»¹. Без сомнения, подобный культурно-исторический экскурс едва ли имел отвлеченную направленность, и его можно трактовать как выражение антироссийских настроений, пусть и в ограниченной и осторожной форме.

Лишь в самом конце июня 1826 г. до Австралии дошли более свежие известия, сводку которых первым опубликовало издание *Colonial Times and Tasmanian Advertiser*. Первым в этом ряду было помещено самое важное для колонистов сообщение: «император Николай спокойно восседает на троне», так что более не кажется определенным, что «мир в Европе будет нарушен»².

Получение известий из Европы полностью рассеяло все страхи и домыслы, и тон газетных публикаций в середине июля 1826 г. резко меняется. *The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser* удивляется тому, как можно было прийти к заключению о возможности вступлении Великобритании в войну с Россией: автор прямо заявляет, что нет ни малейших предположений подобного рода ни в одной из английских газет, и нет «никаких обстоятельств, которые могли бы спровоцировать начало военных действий»³.

В целом, австралийская пресса освещала обстоятельства, связанные со сменой монарха на российском престоле в 1825 г. Первые сообщения о событиях в Санкт-Петербурге были достаточно противоречивы, и было непонятно, кто же закрепится на российском престоле, причем для колонистов это стало представлять прямой интерес. Распространение слухов об амбициозных внешнеполитических планах Константина Павловича вкупе с нежеланием Англии мириться с перспективами усиления российского влияния на Балканах создало угрозу войны в Европе, последствия которой докатились бы и до британских колоний. При этом надежды на сохранение мира стали связываться с установлением власти Николая, от которого ожидали преемственности в проведении внешнеполитической линии. Лишь получение новых известий в середине июля позволило покончить с неопределенностью: император Николай укрепился на троне, а подписание Петербургского протокола снизило остроту греческого вопроса и угрозу войны между великими державами.

Библиография

1. Курдин Ю. А., Панов А. Р., Ширинянц А. А. Сербско-турецкая война 1876 г. в освещении австралийской прессы (на примере *Sydney Morning Herald*) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 2. С. 39–47.

2. Assassination of the Emperor Alexander // *Colonial Times and Tasmanian Advertiser*. 1826. 12 May. P. 2.

¹ Russian Character // *The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser*. 1826. June 3. P. 3.

² English News down to the 13th March Last // *Colonial Times and Tasmanian Advertiser*. 1826. June 30. P. 2.

³ Australasian Politics // *The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser*. 1826. July 15. P. 2.

3. Australasian Politics // The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser. 1826. 15 July. P. 2.
4. British Extracts // The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser. 1826. 20 May. P. 3.
5. English News down to the 13th March last // Colonial Times and Tasmanian Advertiser. 1826. 30 June. P. 2.
6. Insurrection at St. Petersburg // The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser. 1826. 20 May. P. 4.
7. Miscellany, original and select // The Hobart Town Gazette. 1826. 13 May. P. 4.
8. On the Power and Policy of Russia // The Hobart Town Gazette. 1826. 3 June. P. 4.
9. Russian Character // The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser. 1826. 3 June. P. 3.
10. Shipping Intelligence // The Hobart Town Gazette. 1826. 3 June. P. 4.

Рыхтик Павел Павлович

Доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук
Нижний Новгород, Россия

ПРИМЕНЕНИЕ ВЕБ-АНАЛИТИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТАРИЕВ ПРИ АНАЛИЗЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация

Рассматриваются теоретико-методологические возможности применения веб-аналитических инструментариев для задач исследования политических нарративов в социальных сетях, на примере русскоязычного нарратива о будущем российского государства в «Телеграмм» в сентябре 2023 – августе 2024 гг.

Ключевые слова: нарратив, веб-аналитика, «Телеграмм», образ будущего, образ российского государства.

Понятие «нарратив» свойственно для зарубежной¹ и отечественной² научной среды, в том числе и для прикладных исследований³. «Нарратив» используется и в актуальных предметных областях российской политологии. Среди таковых: проблемы выявления и противодействия фейковой политической информации в СМИ⁴; процессы противостояния деструктивным практикам мобилизации памяти⁵; а также витальный для современных государств вопрос обеспечения своего цифрового

¹ Шейгал Е.И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. 2007. №22. С. 86-93.

² Магун А.В., Микиртумов И.Б., Пархоменко А.А. Нарратив и аффект в анализе внешнеполитической риторики // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. №57. С. 60-73.

³ Салиева Л.К. Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2012. №3. С. 116-128.

⁴ Зайцев А.В., Ахунзянова Ф.Т. Типология фейков о спецоперации на Украине в цифровой публичной сфере // Коммуникология. 2023. №4. С. 100-111.

⁵ Чемериская Л.Д. Практики низовой исторической политики в современной России: конструирование и политическая репрезентация 1990-х гг. youtube-блогерами // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. №3. С. 99-111.

суверенитета¹. Представляется, что причины его популярности в последнее время кроются в трех факторах:

1. Происходит признание нарративного характера человеческого мышления², а исторические³ и политические⁴ нарративы становятся инструментами воздействия на массы в среде «новых медиа», что открывает возможности для разработки новых технологий манипуляции мнениями⁵.

2. Обострение экономических, социальных, политических, культурно-мировоззренческих проблем современности требует разработки новых подходов к политической коммуникации⁶. Государство ищет: новые способы воздействия на общественное мнение; новые средства мобилизации общества; новые инструменты поддержки нарративов о конструктивных ценностях и противодействия деструктивным общественным тенденциям⁷.

3. С 2013 по 2022 г. шла революция цифровой коммуникации, выразившаяся в переходе большинства социальных сетей и видеохостингов к работе с алгоритмической лентой⁸, т.е. механизмом удержания внимания пользователей стала лента рекомендаций, контент для которой подбирается алгоритмом, оперирующим данными о сетевой активности пользователей, включая сетевой нарратив. В итоге, параметры сетевого нарратива стали важной частью bigdata, а их мониторинг – стандартной задачей для машинной обработки данных в IT-компаниях и структурах, занятых в сфере PR.

Важной составляющей исследований нарратива остается вопрос о методах сбора эмпирических данных, на основе которых можно было бы делать содержательные выводы. В качестве такого инструмента могут успешно выступать веб-аналитические онлайн сервисы, изначально разработанные в коммерческих целях для задач мониторинга электронных СМИ. Как итог, все чаще при анализе проблем политического дискурса исследователи опираются на анализ публикаций в «новых медиа», а также на различные метрики оценки реакции аудитории социальных сетей, такие как «лайки», репосты, число просмотров и комментариев⁹.

Приведем пример использования такого инструментария, применительно к исследованию динамики нарратива о будущем российского государства в сети «Телеграмм»¹⁰. Указанные далее в таблице данные были собраны при помощи

¹ Ромашкина А.Б., Киричук Д.А. Политическая субъектность цифровых актантов в контексте обеспечения цифрового суверенитета // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2023. №4. С. 848-861.

² Обдалова О.А., Левашкина З.Н. Понятие "нарратив" как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. 2019. №48. С. 332-348.

³ Гизатова Г.К., Иванова О.Г. Исторический дискурс и национальные нарративы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2019. №5-6. – С. 166-173.

⁴ Абрамова Е.Н. Россия в политическом нарративе Украины // Обозреватель - Observer. 2018. №9 (344). С. 95-105.

⁵ Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А., Нечай Е.Е. Дипфейк как феномен политической коммуникации // Вестник ЗабГУ. 2021. №6. С. 101-106

⁶ Шевченко Л.В. Трансформация общественно-политической коммуникации в условиях цифровизации общества // Гуманитарий Юга России. 2022. №6. С. 191-200.

⁷ Степанов П.Э. Анализ основных последствий цифровой трансформации для сферы политических коммуникаций // История. Культурология. Политология. 2024. №1. С. 128-132.

⁸ Никитина О.О. Тренды SMM-продвижения и их влияние на решения бизнеса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. №4 (841). С. 268-279.

⁹ Парма Р.В., Давыдова М.А., Сушкевич М.А., Копытина Е.А. Социальные и политические акторы массовых политических протестов в Российской Федерации и Республике Беларусь 2020-2021 гг. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2021. №4. С. 69-78.

¹⁰ Зимарин Р.А. Альтернативные каналы коммуникации как новый тренд получения политической информации (на примере политических Telegram-каналов) // Социально-гуманитарные знания. 2020. №4. С. 350-357.

сервиса «Пресс-индекс». Он позволяет вести мониторинг на следующих крупных площадках: Телеграмм, ВКонтакте, Одноклассники, Дзен, Rutube, Пикабу, Twitter, YouTube, Facebook, Instagram, Tiktok, а также в комментариях на новостных порталах и развлекательных агрегаторах. Представляется, что посты пользователей в социальных сетях отражают общественный нарратив, хотя и формирующийся под влиянием СМИ, но далеко не всегда следующий за ним.

Период мониторинга: сентябрь 2023 – август 2024 гг.

Теги мониторинга: «Будущее страны», «Будущее России», «Будущее государства», «Россия будущего», «Будущее общества».

Данные собирались по сети «Телеграмм» в целом, и отдельно по ключевым ТГ-каналам 5 регионов РФ. Политические «ключевые» каналы регионов на период мониторинга определены по данным сервиса «TGStat» – ТОП 5 по числу подписчиков и ТОП 5 по цитируемости.

Условия мониторинга	сен. 23	окт. 23	ноя. 23	дек. 23	январь. 24	февр. 24
<i>По всему «Телеграмм»</i>	8220	13156	12703	14320	8880	16187
<i>По каналам Кировской обл.</i>	0	1	1	3	0	6
<i>По каналам Нижегородской обл.</i>	0	1	3	1	1	0
<i>По каналам Республики Татарстан</i>	0	0	1	0	3	4
<i>По каналам Республики Мордовия</i>	0	0	2	1	1	3
<i>По каналам Республики Башкортостан</i>	2	0	5	8	3	5
Показатель	март 24	апрель 24	май 24	июнь 24	июль 24	август 24
<i>По всему «Телеграмм»</i>	32277	11113	12343	15569	9024	9811
<i>По каналам Кировской обл.</i>	12	1	3	1	0	0
<i>По каналам Нижегородской обл.</i>	2	0	1	2	1	1
<i>По каналам Республики Татарстан</i>	4	0	0	1	1	0
<i>По каналам Республики Мордовия</i>	3	1	2	0	0	0
<i>По каналам Республики Башкортостан</i>	4	1	4	1	1	4

Некоторые наблюдения по мониторингу следующие. В среднем в русскоязычном «Телеграмм» число постов в рамках нарратива о будущем российского государства (по указанным тегам) составлял 13634 шт. в месяц. Пик публикаций

приходится на март 2024 года, что очевидным образом связано с периодом активной предвыборной кампании выборов Президента РФ 2024, достигая показателя в 270% от среднегодового (без учета марта). Причем тенденция к росту числа постов обозначается еще в феврале 2024 г., когда вокруг предстоящих выборов начинает раскручиваться информационная кампания, подстегивающая и соответствующий нарратив. Наименьшие количественные показатели по данному нарративу в сентябре 2023 г., а также в январе и летом 2024 г. При переносе фокуса мониторинга на «региональное измерение «Телеграмм», в среднем, наблюдается схожая динамика по четырем, из пяти регионов, особенно ярко проявляясь по анализу каналов Кировской области. Исключением в данном случае является мониторинг по Республике Башкортостан, где пик наблюдается в декабре 2023 г., хотя показатели в марте 2024 г. и сопоставимы с показателями других регионов.

В заключении, отметим, что использование машинного метода сбора данных исключает влияние субъективного фактора конкретной исследовательской позиции на этапе сбора информации. Также, применение веб-аналитического инструментария позволяет с опорой на количественные показатели судить об уровне и динамике актуальности определенного нарратива для общества.

Библиография

1. *Абрамова Е.Н.* Россия в политическом нарративе Украины // *Обозреватель - Observer*. 2018. № 9 (344). С. 95-105.
2. *Гизатова Г.К., Иванова О.Г.* Исторический дискурс и национальные нарративы // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2019. № 5-6. С. 166-173.
3. *Зайцев А.В., Ахунзянова Ф.Т.* Типология фейков о спецоперации на Украине в цифровой публичной сфере // *Коммуникология*. 2023. № 4. С. 100-111.
4. *Зимарин Р.А.* Альтернативные каналы коммуникации как новый тренд получения политической информации (на примере политических Telegram-каналов) // *Социально-гуманитарные знания*. 2020. № 4. С. 350-357.
5. *Магун А.В., Микуртумов И.Б., Пархоменко А.А.* Нарратив и аффект в анализе внешнеполитической риторики // *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 57. С. 60-73.
6. *Никитина О. О.* Тренды SMM-продвижения и их влияние на решения бизнеса // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2020. № 4 (841). С. 268-279.
7. *Обдалова О.А., Левашкина З.Н.* Понятие "нарратив" как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // *Язык и культура*. 2019. № 48. С. 332-348.
8. *Парма Р.В., Давыдова М.А., Сушкевич М.А., Копытина Е.А.* Социальные и политические акторы массовых политических протестов в Российской Федерации и Республике Беларусь 2020-2021 гг. // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. 2021. № 4. С. 69-78.
9. *Ромашкина А.Б., Киричук Д.А.* Политическая субъектность цифровых актантов в контексте обеспечения цифрового суверенитета // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2023. №4. С. 848-861.
10. *Салиева Л.К.* Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2012. № 3. С. 116-128.

11. *Степанов П.Э.* Анализ основных последствий цифровой трансформации для сферы политических коммуникаций // История.Культурология.Политология. 2024. № 1. С. 128-132.

12. *Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А., Нечай Е.Е.* Дипфейк как феномен политической коммуникации // Вестник ЗабГУ. 2021. № 6. С. 101-106.

13. *Чемериская Л.Д.* Практики низовой исторической политики в современной России: конструирование и политическая репрезентация 1990-х гг. youtube-блогерами // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. № 3. С. 99-111.

14. *Шевченко Л.В.* Трансформация общественно-политической коммуникации в условиях цифровизации общества // Гуманитарий Юга России. 2022. № 6. С. 191-200.

15. *Шейгал Е.И.* Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. 2007. № 22. С. 86-93.

Савинова Селена Павловна

Студент бакалавриата Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ XIX ВЕКА КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ТВОРЧЕСТВА ДЖОРДЖА ЭЛИОТА

Аннотация

Джорджа Элиота безусловно можно назвать одной из самых значимых и влиятельных английских писательниц. Данная работа посвящена анализу социально-политическому аспекту её литературного творчества, а именно изучению роли, которую сыграли утопические социалистические теории начала XIX века в создании романа "Миддлмарч".

Ключевые слова: политическая текстология, утопический социализм, британская литература.

Литературное творчество Джорджа Элиота всегда высоко ценилось критиками, но несмотря на большую популярность в англосаксонском мире редко становилось предметом нелитературоведческих исследований, а присущий её работам социально-политический аспект практически никогда не подвергался анализу. Однако отрицать эрудированность Джорджа Элиота в вопросах политической науки не представляется возможным: многочисленные факты её биографии, содержание её дневников и писем, а также непосредственно сюжетная составляющая её книг исключают такую точку зрения. Ряд учёных¹ (не слишком, впрочем, распространяясь) отмечают наличие аллюзий к социалистическим теориям во многих романах авторства Элиота, главным образом в небезызвестном

¹ *Henry N.* The Life of George Eliot: A Critical Biography. New York: 2012. 357-358 с.

“Миддлмарч”¹, написанном в 1872 году. Именно они и стали объектом данного исследования.

Выбор романа можно объяснить следующим. Именно “Миддлмарч” является абсолютной вершиной творчества Элиот, её магнум опусом, что, однако, не способствовало его популярности среди политологов. В этом он явно проигрывал пятому роману Элиот – “Феликс Голд, радикал” – её “политическому” роману². Таким образом, проблема отражения утопических социалистических теорий в тексте романа остаётся практически неизученной западными учёными и находится вне поля зрения наших соотечественников.

Логично предложить следующую гипотезу: теории утопических социалистов первой половины XIX века (а именно А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна) повлияли как на взгляды самой Джордж Элиот, так и на содержание многих её работ, в том числе “Миддлмарч”.

В ходе работы был изучен непосредственно текст романа в оригинале, личные дневники Джорджа Элиота, а также ряд статей, посвящённых её биографии, культурному контексту и истории написания романа, а также некоторым социальным вопросам в нём поднятых.

Биографы Элиота подчёркивают её осведомлённость в политической жизни родной ей Британии, а также её интерес к теориям Оуэна, Фурье и Сен-Симона не только в юности, но и в зрелом возрасте³ (который, однако, никогда не перерастал в фанатизм, что уберегло роман от участи псевдолитературной апологии неудачных утопических проектов). Дневники и письма писательницы также подтверждают факт её знакомства с социалистическими теориями⁴.

Принципиально важной оказалась статья за авторством Марка Эллисона. Это практически единственное исследование, посвящённое социалистическому аспекту “Миддлмарча”, пусть и рассматривающее его лишь в свете “женского вопроса”. Эллисон считает, что социалистические теории не только вдохновили Элиота на написание романа, но и стали его неотъемлемой частью.

Об истории написания романа известно сравнительно немного⁵, в дневниках Элиота, практически не упоминается её работа над ним⁶, однако важно отметить, что в 60-е годы XIX века в Англии наблюдался рост заинтересованности в вопросе женской эмансипации, что, вероятно, заставило Элиот вспомнить и переосмыслить учения “уже отживших своё” социалистических школ.

Проанализировав непосредственно текст, можно сделать вывод, что социалистические теории действительно нашли отражение в нескольких сюжетных арках романа. Более того каждый из трёх главных героев был наделён характерными чертами наиболее известных парадигм. Таким образом, концепции Р. Оуэна,

---

¹ Graver S. *George Eliot and Community: A Study in Social Theory and Fictional Form*. Berkeley: Univ. of California Press, 1963.

² Gallagher C. *The Failure of Realism: Felix Holt* // University of California Press. С. 372-384.

³ Gordon S. *Haight George Eliot: A Biography*. London: Oxford Univ. Press, 1963.

⁴ Eliot ed. *Margaret Harris and Judith Johnston The journals of George Eliot*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.

⁵ Allison M. *Utopian Socialism, Women's Emancipation, and the Origins of Middlemarch* // Ohio Wesleyan University Press. 2011. С. 717.

⁶ Eliot ed. *Margaret Harris and Judith Johnston The journals of George Eliot*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.

Ш. Фурье и А. Сен-Симона представлены в лице Доротеи Брук¹, Уилла Лэдислоу и Тертиуса Лидгейта соответственно. На примере каждого из этих персонажей Элиот показывает сильные и слабые стороны каждой теории².

Стоит также отметить, что аллюзии на теории Р. Оуэна и Ш. Фурье едва ли можно назвать навязчивыми³. В тексте не встречаются ни их имена, ни имена их последователей. Единственная прямая отсылка касается деятельности Р. Оуэна: на протяжении всего романа Доротея Брук работает над планом своей коммуны, называя его “the Plan”, именно так в своих работах Оуэн называл проект Новой Гармонии⁴. Все остальные параллели читатель вынужден проводить сам.

Библиография

1. *Allison M. Utopian Socialism, Women's Emancipation, and the Origins of Middlemarch* // Ohio Wesleyan University Press. 2011. P. 715-739.
2. *Claeys G. Introduction to Owen* // *The Selected Works of Robert Owen*. Routledge, 2014. P. 316-324.
3. *Eliot G. Middlemarch: A Study of Provincial Life*. New York: Penguin, 1994. 1048 p.
4. *Eliot G. Quarry for “Middlemarch,” in Middlemarch*. - New York: Norton, 1977. 638 p.
5. *Eliot, The Journals of George Eliot*, ed. Margaret Harris and Judith Johnston (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988)
6. *Hardy B. George Eliot: a critic's biography*. New York. 2006. 233 p.
7. *Henry N. The Life of George Eliot: A Critical Biography*. New York. 2012. 453 p.
8. *Lerner L. George Eliot's Middlemarch Notebooks: A Transcription* // *Comparative Literature*. Routledge, 1980. P. 431-432.
9. *Owen R. The Book of the New Moral World* // *The Selected Works of Robert Owen*. Routledge, 2014. P. 340-353.
10. *Фурье Ш. Теория четырёх движений и всеобщих судеб*. М.: Государственное социально-экономическое издание, 1938. 313 с.
11. *Шамина Н. В. Женщины-писательницы в английской литературе викторианской эпохи / Н. В. Шамина* // *Английская литература в контексте мирового литературного процесса: тез. докл. Междунар. науч. конф. и XV съезда англистов, 19–22 сент. 2005 г. / отв. ред. В. Г. Решетов. Рязань, 2005.*
12. *Шамина Н.В. Интерпретации образа Доротеи Брук в англоязычном литературоведении* // *Филологические исследования. 2002: межвуз. сб. науч. тр.Саранск, 2003.*

---

¹ *Шамина Н. В. Интерпретации образа Доротеи Брук в англоязычном литературоведении* // *Филологические исследования. 2002: межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 2003. С. 50–54.*

² *Allison M. Utopian Socialism, Women's Emancipation, and the Origins of Middlemarch* // Ohio Wesleyan University Press. 2011. С. 728.

³ *Allison M. Utopian Socialism, Women's Emancipation, and the Origins of Middlemarch* // Ohio Wesleyan University Press. 2011. С. 724.

⁴ *Owen R. The Book of the New Moral World* // *The Selected Works of Robert Owen*. Routledge, 2014. С. 340-353.

Сазонова Татьяна Алексеевна

Магистр политологии, выпускница аспирантуры кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

«НЕМЕЦКИЙ ВОПРОС»: ОТ ПРУССИИ К РЕЙХУ

Аннотация

Значимую роль в межгосударственных спорах всегда играла аргументация сторон. Показательным использованием такой аргументации стали дискуссии Венского конгресса, в ходе которых решалась политическая судьба ряда немецких земель, в том числе Саксонии. Аргументы, выдвинутые Б. Нибуrom, легли в основу дискурса об особом историческом пути прусского государства.

Ключевые слова: национальные государства, немецкий вопрос, малогерманский путь объединения, Нибуr, Саксония.

В том, что историю пишут победители, не приходится сомневаться. Однако это суждение так же верно и при обратном прочтении: победители *пишут* историю, они вынуждены делать это. Распад Священной Римской империи в начале XIX века привёл к необходимости «пересобирания» немецких земель заново; её преемницей в этом вопросе была Австрия, знаменовавшая собой «великогерманский» путь объединения (Großdeutsche Lösung der Deutschen Frage). Однако такая модель решения «немецкого вопроса» не была единственной. Один из пунктов, вызывавших наибольшие споры в ходе Венского конгресса, касался Саксонии. И в борьбе за право присоединения бывшего курфюршества, с лёгкой руки Наполеона обретшего статус королевства, а ныне способного лишь уповать на милость победителя, конкуренцию австрийскому императору составил прусский король, предложивший для германских государств и городов альянс под своим началом – программу «малогерманского» пути (Kleindeutsche Lösung). Изменение границ в пользу Пруссии требовало усиления аргументации, и один из лучших историков своего времени Бартольд Нибуr (1776-1831) подкрепил переговорные позиции, выпустив трактат, в котором последовательно доказывал правомерность этого шага.

«Пруссия, – пишет историк, – не закрытая страна, а общая родина каждого немца, который преуспевает в науке, вооружении и управлении. <...> Но пусть сами саксонцы поразмыслят, не было ли их государство в этом отношении совершенно противоположным – в администрации, армии, научных учреждениях?»¹. В то время как Пруссия всегда стояла на страже собственных рубежей, тщеславие толкало саксонских королей и курфюрстов на коллаборационизм – с последствиями, губительными для них самих и их подданных; продолжать иметь столь ненадёжного соседа для Пруссии было бы попросту опасно. После распада империи, с учётом поддержки Франции саксонский государственный конгломерат зиждился, по мнению Нибура, на весьма сомнительных основаниях – тогда как территориальные владения Пруссии были законны во всех отношениях. Как должен был, по выражению историка, признать каждый «искренний немец», Фридрих II завоевал эту страну

¹ Niebuhr B.G. Preußens Recht gegen den sächsischen Hof. Von B. G. Niebuhr. Berlin: in der Realschulbuchhandlung, 1814. S. 79.

«под руководством Бога», являясь освободителем угнетённых протестантов. В доказательство Нибура приводит пример аннексированной Силезии (1740), многие жители которой с радостью приветствовали этот шаг. В отличие от аристократического общества Саксонии, в Пруссии не было классовых барьеров, и каждый юноша мог стать прародителем нового дворянского рода¹. Наука и образование в Саксонии оказались на «бесплодии и холоде», опять-таки в резком контрасте с Пруссией, которая в ситуации глубокого угнетения французской интервенцией нашла в себе силы открыть университет в Берлине. И если бы саксонские учебные заведения попали под власть Пруссии, они бы управлялись «совершенно в другом духе», получая щедрую финансовую поддержку – средства, которые в ином случае были бы растрочены на «кастратов и певичек» Дрезденской оперы².

Для Нибура именно Пруссия воплощает в себе немецкий национальный характер – потенциал Саксонии же на данном историческом отрезке отнюдь не велик. И потому для собственного спасения она должна быть присоединена. Саксонцы, которые в отрыве от других германских народов не образуют никакой нации, приобретая прусское гражданство, приобретают самоидентичность. Это представляется историку важным шагом на пути к политическому и национальному единству Германии, до которого, по его мнению, ещё далеко, но которому можно способствовать путём образования сильных государств, наподобие Пруссии³.

Таким образом, аргументация Нибура сочетала в себе комбинацию различных доводов: от апелляции к праву сильного и божественному замыслу до деления на «своих» и «чужих» путём противопоставления «прусского духа» «саксонскому». Квинтэссенцией всей работы являлось констатирование спасительной миссии королевства и утверждение его как столпа, вокруг которого должны быть объединены немецкие земли. Защита Пруссией протестантизма, её образцовая военная мощь, современная структура управления, превосходящая саксонские принципы организации (что также считывалось в названии работы – «Прусское право против саксонского двора»), развитость в сфере наук и образования в глазах историка не просто оправдывали её притязания на лидирующие позиции, но, более того, к ним обязывали. «Положение обязывает» – гласила древняя максима. Такая формулировка отвечала интересам Пруссии в решении «немецкого вопроса» путём реализации «малогерманской» программы. Что же касалось Австрийской империи, то распространённость в южной части Германии католицизма делало, по мнению Нибура, объединение по «великогерманскому» принципу если не невозможным, то как минимум маловероятным⁴.

По итогам Венского конгресса к Пруссии перешла территория княжества Саксен-Виттенберг, ставшая частью прусской провинции (Preußisch-Sachsen). Несмотря на то, что это была далеко не вся Саксония, присоединение было весьма удачным. Княжество представляло собой политическое и культурное «ядро» Саксонии. По «Золотой булле» 1356 года Виттенбергская ветвь Саксонского дома обладала правом

---

¹ Положение, которое не всегда имело отношение к реальности, но которое Нибура не переставал отстаивать, говоря о внутреннем устройстве Пруссии – *прим. автора*.

² Niebuhr B.G. Preußens Recht gegen den sächsischen Hof. Von B. G. Niebuhr. Berlin: in der Realschulbuchhandlung, 1814. S. 83.

³ Döring D. Brandenburg-Preußen und Sachsen in der Frühen Neuzeit im Vergleich. In: Neues Archiv für sächsische Geschichte. 85 (2014). S. 153-158.

⁴ Niebuhr B.G. Preußens Recht gegen den sächsischen Hof. Von B. G. Niebuhr. Berlin: in der Realschulbuchhandlung, 1814. S. 90.

выбирать императора. В XVI веке в Виттенберге находилась резиденция курфюрста, здесь начинали свою деятельность Мартин Лютер и Филипп Меланхтон.

Между тем, аргументы, выдвинутые Нибуrom, стали продолжением дискурса об особом характере Пруссии, её историческом пути. Эти идеи уже содержали в себе работы С. фон Пуфендорфа в конце XVII века¹. Впоследствии они были развиты в XX веке – у Г. фон Трейчке, М. ван ден Брука, Р. Шнайдера. Пруссия всё больше наращивала военную и территориальную мощь, ведя наперегонки с Австрией политику собирания немецких земель. Это не могло не заботить другие страны, в числе которых была и Россия. Показательна в связи с этим статья 1892 года, опубликованная в русском «Историческом вестнике» и посвящённая немецкому герцогству Саксен-Веймар-Эйзенах – как находившемуся под «далеко не мягкой» гегемонией Прусского королевства, но ещё не подвергнувшемуся окончательной нивелировке². «Уцелевшее» герцогство представлено островком мирной, добродетельной монархии, а герцог Карл-Александр, внук русского императора Павла I и сын великой княгини Марии Павловны – идеалом просвещённого правителя³. И если Нибуr в начале столетия ратовал за воссоединение немецких территорий, исповедующих протестантизм, то русский автор к концу века видел в нём угрозу не только своей стране, но и всей Европе – будто предвидя последовавшие затем катастрофы.

Библиография

1. *В. 3-в.* Уцелевшее герцогство. (Один из германских дворов в 1892 году) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Том XLIX. С.-Петербург: типография А. С. Суворина, 1892. С. 185-199.

2. *Сазонова Т.А.* «Уцелевшее герцогство»: русское назидание немецкому пути // SCHOLA-2023: сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / Под ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца; сост. А. В. Мырикова, О. Е. Сорокопудова, А. Б. Страхов, А. А. Ширинянец; подг. текстов Д. Ю. Кургинова, А. Б. Страхов. – М.: Издательство Московского университета, 2023. С. 134-137.

3. *Döring D.* Brandenburg-Preußen und Sachsen in der Frühen Neuzeit im Vergleich. In: Neues Archiv für sächsische Geschichte. 85 (2014). S. 153-185.

4. *Döring D.* Samuel von Pufendorfs Berufung nach Brandenburg-Preußen. In: Döring, D. Samuel Pufendorf in der Welt des 17. Jahrhunderts. Untersuchungen zur Biographie Pufendorfs und zu seinem Wirken als Politiker und Theologe. Frankfurt a. M.: Klostermann, 2012. S. 131-154.

5. *Niebuhr B.G.* Preußens Recht gegen den sächsischen Hof. Von B. G. Niebuhr. Berlin: in der Realschulbuchhandlung, 1814.

---

¹ *Döring D.* Samuel von Pufendorfs Berufung nach Brandenburg-Preußen. In: Döring, D. Samuel Pufendorf in der Welt des 17. Jahrhunderts. Untersuchungen zur Biographie Pufendorfs und zu seinem Wirken als Politiker und Theologe. Frankfurt a. M.: Klostermann, 2012. S. 131-154.

² *В. 3-в.* Уцелевшее герцогство. (Один из германских дворов в 1892 году) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Том XLIX. С.-Петербург: типография А. С. Суворина, 1892. С. 185-199.

³ *Сазонова Т.А.* «Уцелевшее герцогство»: русское назидание немецкому пути // SCHOLA-2023: сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / Под ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца; сост. А. В. Мырикова, О. Е. Сорокопудова, А. Б. Страхов, А. А. Ширинянец; подг. текстов Д. Ю. Кургинова, А. Б. Страхов. – М.: Издательство Московского университета, 2023. С. 134-137.

Степанченко Данил Андреевич

Студент магистратуры факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

«НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ» (1671 Г.) С. КОЛЛИНСА КАК ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация

В статье рассматривается работа С. Коллинса «Нынешнее состояние России» (1671 г.) как историко-политический источник. Автор приходит к выводу, что произведение содержит в себе не только и не столько исторические сведения, сколько критические комментарии автора о российской действительности. Можно говорить о том, что тезисы, изложенные в произведении, сыграли роль в формировании идеологии русофобии.

Ключевые слова: Россия, Англия, XVII в., русофобия, политическое устройство, русский народ.

Одной из наиболее актуальных проблем современной отечественной политической науки является информационная война, которая ведется против России. Поэтому особый интерес представляет изучение исторических предпосылок формирования антироссийских тезисов, используемых в рамках информационной войны и составляющих основу западноевропейской русофобии. Следует заметить, что ее существенные элементы основываются на стереотипах, закрепленных в сочинениях XVI–XVII вв. Одной из наиболее важных работ того времени можно считать «Нынешнее состояние России» (1671 г.) за авторством С. Коллинса, личного врача царя Алексея Михайловича. Она содержит как ценные сведения об истории России, так и негативные авторские суждения о российском государстве и обществе, которые повлияли на формирование идеологии русофобии. Однако подробного анализа в рамках политической науки оно до сих пор не получило.

Следует заметить, что сведения о жизни Сэмюэля Коллинса носят путанный характер. Дело в том, что в XVII в. жили еще двое врачей с таким же именем. Это, а также анонимность публикации сочинения Коллинса (о чем будет сказано далее), привело к смешению их биографий. Например, автору «Нынешнего состояния России» ряд историков (как отечественных¹, так и зарубежных²) приписывают также работу над произведением «*Samuel Collins systema anatomicum of the body of man, birds, fishes, with its diseases, cases and cures*», хотя он не причастен к созданию этого текста. Лишь во второй половине XIX в. были опубликованы исторические статьи, в которых были разграничены биографии трех врачей с одинаковым именем.

Итак, Сэмюэль Коллинс (Samuel Collins) родился в 1619 г. в семье викария в городе Брейнтри графства Эссекс. В 1635 г. он поступил в Кембридж, однако не окончил его. После этого он уехал в Падую, где получил звание доктора медицины. В 1659 г. Коллинс вторично получил ту же степень в Оксфордском университете. Около 1660 г. в Голландии он встретил Дж. Гебдона, англичанина на службе

¹ Киреевский П.В. Предисловие // Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича/ пер. с англ., предисл. П. Киреевский. М.: Университетская типография, 1846. С. 5–6.

² Richter W.M. Geschichte der Medizin in Russland. Moskau, 1815. S. 276–281.

у российского царя, который предложил тому должность личного доктора Алексея Михайловича. Коллинс согласился и приехал в Москву вместе с Гебдоном¹. В течение семи лет он работал при российском дворе, однако впоследствии попросил царя уволить его со службы, чтобы он мог вернуться на родину. Впрочем, хотя почетная отпускная грамота была ему выдана в 1667 г.², в Англию он приехал только спустя два года, в 1669 г.³, проведя в России в сумме девять лет. Вскоре после этого Коллинс отправился в Париж, где скончался 26 октября 1670 г.⁴.

Его произведение было опубликовано в Лондоне в 1671 г. без указания авторства⁵. Некоторые исследователи упоминают об изданиях 1667 и 1668 гг., однако достоверных сведений о том, что таковые существовали, нет⁶. В 1679 г. работа Коллинса появилась в печати на французском языке также без упоминания его фамилии и имени⁷. Его сочинение приобрело определенную популярность в Европе; об этом может говорить тот факт, что целые отрывки из текста выдавались другими авторами в качестве своих собственных. Так, французский путешественник П.М. де Ламартинаьер в своей работе «Путешествие в северные страны» дословно перепечатал сочинение Коллинса, выдав его за рассказ встреченного в России друга⁸.

На русский язык «Нынешнее состояние России» было переведено в 1841 г. с французского издания 1679 г.⁹. Перевод с английского издания 1671 г. был сделан в 1846 г. П.В. Киреевским, который озаглавил его как «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича»¹⁰. Его версия была перепечатана в 1997 г. в сборнике «Утверждение династии»¹¹. Следует заметить, что Киреевский, переводя название работы, четко обозначил фамилию Коллинса в названии. Однако в изданиях 1671 и 1679 гг. этого сделано не было, что привело в том числе как к смешению биографий трех врачей по имени Сэмюель Коллинс, так и к плагиату оригинальной работы другими авторами. Поэтому представляется более корректным следующий перевод английского заглавия: «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему

---

¹ Collins, Samuel (1619-1670) // Dictionary of national biography. Vol. XI. London: Smith, Elder & Co., 1887. P. 375.

² Память в Посольский Приказ о повелении Царя Алексея Михайловича отпустить англичанина Самуила Коллинса в свое отечество с похвальной за радетельную службу его грамотою // Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при императорском Московском университете. Часть VIII, содержащая летописи Общества с 1828 по 1836 год. М.: Университетская типография, 1837. С. 397–400.

³ Collins, Samuel (1619-1670) // Dictionary of national biography. Vol. XI. London: Smith, Elder & Co., 1887. P. 375.

⁴ Dr. Sam. Collins, provost of king's coll.; Samuel Collins, vicar of Braintree, and three contemporary physicians of that name // Notes and queries: a medium of intercommunication for literary men, artists, antiquaries, genealogists, etc. 1860. ser. 2. Vol 10. P. 42.

⁵ The present state of Russia, in a letter to a Friend at London; written by an eminent person residing at the Great Tzar's Court at Moscow for the space of nine years. London, 1671.

⁶ *Осипов И.А.* Обзор сведений об изданиях и переводах в XVII столетии сочинения Сэмюеля Коллинса «The Present State of Russia». Сыктывкар: ред.-изд. отд. Института языка, литературы и истории, 2007. С. 6–8.

⁷ Relation curieuse de l'état présent de la Russie, traduite d'un auteur anglais qui a été neuf ans à la Cour du Grand Czar. Paris, 1679.

⁸ *Осипов И.А.* Обзор сведений об изданиях и переводах в XVII столетии сочинения Сэмюеля Коллинса «The Present State of Russia». Сыктывкар: ред.-изд. отд. Института языка, литературы и истории, 2007. С. 29–30.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича / пер. с англ., предисл. П. Киреевский. М.: Университетская типография, 1846.

¹¹ *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова. Рита Принт, 1997.

в Лондоне; написанное выдающейся особой, проживавшей при дворе Великого царя в Москве в течение девяти лет»¹.

По структуре произведение подразделяется на 26 глав, а также включает в себя авторские иллюстрации. Впрочем, как замечает издатель в «Обращении к читателю», изначально текст не был структурирован, и главы и отделы были добавлены уже на этапе подготовки к публикации. Издатель также обращает внимание на то, что редактура работы была проведена после смерти автора, из-за чего в итоговый текст могли попасть неточности и ошибки².

Что касается содержания произведения, то Коллинс в деталях описывает различные аспекты жизни российской действительности. Читатель может узнать, как называются церковные и государственные чины, какую одежду носят русские люди, какую пищу употребляют, как отмечают праздники, как у местных проходят похороны и т.д.

Однако при этом Коллинс не пытается быть объективным, когда выражает свое мнение по поводу увиденного. Например, практически в самом начале произведения автор заявляет: «В самом деле, ни один человек с дарованиями и способностями не имел еще до сих пор возможности быть в России, потому что русский народ очень недоверчив и подозревает всех иностранцев, которые расспрашивают о политике или религии. Он совершенно предан невежеству, не имеет никакой образованности ни в гражданских, ни в церковных делах. И видя в науках чудовище, боится их как огня...»³. Русские, по мнению Коллинса, «лукавы, не держат мирных договоров, хитры, алчны, как волки и с тех пор, как начали вести торговлю с голландцами, еще больше усовершенствовались в коварстве и обманах», а главным их пороком является пьянство⁴.

Говоря о религии русских, Коллинс подмечает, что местные исповедуют греческую христианскую веру, подражая грекам и в обрядах, и в архитектуре церквей⁵. Свою неприязнь к ней он выражает опосредованно: «Иностранцы прежде часто принимали русскую веру, но теперь они сделались благоразумнее и не хотят продавать душ своих. Замечено некоторыми из здешних старожилов, что из двухсот англичан, шотландцев и голландцев, оставивших веру свою, почти ни один не умер естественной смертью»⁶.

Что касается российского государства в целом, то оно, по мнению Коллинса, устроено плохо. С одной стороны, это вызвано внешними факторами — войнами и болезнями, опустошившими страну: «Всего здесь стало мало; все вшестеро дороже прежнего, а медные деньги потеряли цену»⁷. С другой стороны, на то есть причины внутреннего характера. К ним он относит запутанность местной системы государственного управления и судопроизводства, а также малое количество законов, что порождает самоуправство и коррупцию⁸. Коллинс едко замечает: «Я желал бы, чтоб англичане взяли с русских судов пример в скорости решений, не подражая им в подкупности»⁹.

---

¹ The present state of Russia, in a letter to a Friend at London; written by an eminent person residing at the Great Tzar's Court at Moscow for the space of nine years. London, 1671.

² *Newman D.* The stationer to the reader // The present state of Russia, in a letter to a Friend at London; written by an eminent person residing at the Great Tzar's Court at Moscow for the space of nine years. London, 1671.

³ *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне... // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова. Рита Принт, 1997. С. 188.

⁴ Там же. С. 194, 226.

⁵ Там же. С. 188.

⁶ Там же. С. 189.

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Там же. С. 199.

⁹ Там же. С. 191.

К царю Алексею Михайловичу Коллинс относится положительно, замечая, что тот «строг в наказаниях, хотя очень заботится о любви своих подданных»¹. Он считает, что «великий император» ничем не ограничен во власти, хотя и «следует, однако же, мнениям совета и в государственных, и в частных делах»². Его власть проявляется в том, что считается владельцем собственности «каждого из своих подданных», что он может в любой момент вмешиваться в дела других государственных служащих и что у него «шпионы по всем углам», и поэтому он знает обо всем, что происходит в стране³. «Русский император равняется в благочестии, великодушии, милосердии и доброте со всеми другими государями; что же касается до его министров, то и они так же, как народы и министры прочих государств, на все готовы за деньги и рады обмануть всякого, кого только могут», — подытоживает Коллинс⁴.

Таким образом, «Нынешнее состояние России» является важным историческим и политическим источником. С одной стороны, он содержит подробное описание российской действительности XVII в. Коллинс описывает многие сферы жизни, от быта до государственного устройства, что дает ценные исторические сведения о жизни в России в то время. С другой же стороны, работа английского врача представляет большой интерес для политической науки. Образ России, сформированный в работе Коллинса, имеет негативный характер. Несмотря на положительное отношение к Алексею Михайловичу, он характеризует Россию как бедную страну под властью абсолютного монарха, где живут люди, обладающие «дурными нравами» и исповедующие «неправильное» христианство. Можно утверждать, что подобное описание оказало влияние на закрепление у европейцев негативных стереотипов о России и, как следствие, на возникновение идеологии русофобии.

Библиография

1. *Киреевский П.В.* Предисловие // Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича/ пер. с англ., предисл. П. Киреевский. М.: Университетская типография, 1846.

2. *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича/ пер. с англ., предисл. П. Киреевский. М.: Университетская типография, 1846.

3. *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова. Рита Принт, 1997.

4. *Осипов И.А.* Обзор сведений об изданиях и переводах в XVII столетии сочинения Сэмюэля Коллинса «The Present State of Russia». Сыктывкар: ред.-изд. отд. Института языка, литературы и истории, 2007.

5. Память в Посольский Приказ о повелении Царя Алексея Михайловича отпустить англичанина Самуила Коллинса в свое отечество с похвальной за радетельную службу его грамотою // Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при императорском Московском университете. Часть VIII,

---

¹ Там же. С. 221.

² Там же. С. 199.

³ Там же. С. 205, 223.

⁴ Там же. С. 225.

содержащая летописи Общества с 1828 по 1836 год. М.: Университетская типография, 1837. С. 397–400.

6. Collins, Samuel (1619-1670) // Dictionary of national biography. Vol. XI. London: Smith, Elder & Co., 1887.

7. Dr. Sam. Collins, provost of king's coll.; Samuel Collins, vicar of Braintree, and three contemporary physicians of that name // Notes and queries: a medium of intercommunication for literary men, artists, antiquaries, genealogists, etc. Ser. 2. Vol 10. London, 1860. P. 42-43.

8. *Newman D.* The stationer to the reader // The present state of Russia, in a letter to a Friend at London; written by an eminent person residing at the Great Tzar's Court at Moscow for the space of nine years. London, 1671.

9. Relation curieuse de l'état présent de la Russie, traduite d'un auteur anglais qui a été neuf ans à la Cour du Grand Czar. Paris, 1679.

10. *Richter W.M.* Geschichte der Medizin in Russland. Moskau, 1815.

11. The present state of Russia, in a letter to a Friend at London; written by an eminent person residing at the Great Tzar's Court at Moscow for the space of nine years. London, 1671.

Усманов Рафик Хамматович

Доктор политических наук, профессор, профессор кафедры востоковедения и политических наук Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева
Астрахань, Россия

Миркушина Лия Рафиковна

Кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина
Москва, Россия

ЗНАЧЕНИЕ И АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Аннотация

Статья рассматривает истоки, эволюцию и анализ текстов работ классиков партологии по теории политических партий, а также их роли и месте в политической системе. Подчеркивается возрастающее значение на начальном этапе становления политических партий в избирательной системе и фракционной деятельности в парламентах государств. Дана оценка и характер функций, форм организации, методов политической деятельности партий, теоретическое осмысления данного общественно-политического явления на современном этапе. На основе сравнительного анализа рассматривается значение и влияние отечественной и зарубежной теории политических партий в России.

Ключевые слова: партия, политическая система, парламент, избирательная система, политический текст.

Прототипы современных политических партий, существовавшие в XVIII – XIX вв., отличались тем, что были небольшими по численности, носили характер элитарных клубов и действовали преимущественно в списках парламента, объединяя

в своих рядах в основном депутатский корпус. Научному осмыслению проблем данного исследования способствовали труды классиков философской, правовой и политической мысли Ф. Бэкона, Г. Гегеля, Т. Гоббса, Дж. Локка, Н. Макиавелли, Ж.-Ж. Руссо и др.,¹ в трудах которых обозначается проблема взаимоотношения партий и общества.

Общепризнано, что началом формирования научного знания о партиях является середина XIX – начало XX вв., когда появились исследования, специально посвященные данному социальному феномену. Понять сущность политических партий, их значение и роль в общественно-политическом развитии на начальном этапе предприняли К. Маркс, Ф. Энгельс, Ф. Меринг².

Ф. Меринг выделил в текстах изложенных трудов наиболее существенное, касающееся движений и партий XIX в. не только в Германии, но и во Франции, в Англии. Впервые была сделана попытка определить роль партии при проведении выборных кампаний, а также проанализировать формы и методы устной пропаганды и партийной печати. В результате были сделаны интересные выводы о месте фракций в парламентской деятельности.

Введение всеобщего избирательного права в конце XIX – начале XX вв. привело к качественным изменениям в характере функций, формах организации, методах политической деятельности партий, что, разумеется, потребовало теоретического осмысления данного общественно-политического явления.

Следует выделить две категории авторов, стремившихся на рубеже веков осмыслить эти проблемы: ученые-политологи – Б.Н. Чичерин, Ю.С. Гамбаров, П.А. Берлин, М.Я. Острогорский, М. Вебер, Р. Михельс, А. Грамши и др.³, а также российские политические деятели, лидеры образующихся тогда политических партий – В.И. Ленин, Ю.О. Мартов, П.Н. Миллюков, Г.В. Плеханов, В.М. Чернов и др.⁴

Представители политической мысли проанализировали эволюцию партийной теории, глубоко проработав многие проблемы теоретической и практической партологии. В результате были определены и аргументированы понятия и терминология текстов, касающихся политических партий.

По мнению исследователей того времени, существование в обществе классов, социальных групп, имеющих собственные экономические и политические цели,

---

¹ См.: *Бэкон Ф.* Опыты и наставления нравственные и политические. Атлантида // Бэкон Ф. Соч. В 2-х т. М., 1977, Т. 2; *Гегель Г.* Философия права. М., 1990; *Гоббс Т.* Философские основания учения о гражданине. М., 1914; *Локк Дж.* Сочинения. М., 1991; *Макиавелли Н.* История Флоренции. М., 1973; *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре или начале политического права. М., 1938.

² *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 18. М., 1961; *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4., М., 1955; *Меринг Ф.* История германской социал-демократии. В 4-х тт. М., 1924.

³ См.: *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990; *Берлин П.* Политические партии на Западе. СПб., 1907; *Гамбаров Ю.С.* Политические партии в их прошлом и настоящем. СПб., 1904; *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3, 5, 5, 9, 11, 13, 15, 17; 1991. №3; *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. В 2-х т. М., 1988, 1990; *Чичерин Б.Н.* История политических учений в 5-ти т. М., 1902.

⁴ *Ленин В.И.* Опыт классификации русских политических партии // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 14. М., 1872. С. 21-27; Социалистическая партия и беспартийная революция // Там же. Т. 12. М., 1968. С. 121-132; Отношение к буржуазным партиям // Там же. Т. 15. М., 1972. С. 368-388; Политические партии в России и задача пролетариата // Там же. Т. 21. М., 1968. С. 191-206; Партии на выборах в районные Думы Петрограда // Там же. Т. 32. М., 1969. С. 190; Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Там же. Т. 41. М., 1981. С. 30-31; *Мартов Ю.О.* Политические партии в России. СПб., 1907; *Плеханов Г.В.* Дневник социал-демократа. №1-7 // Плеханов Г.В. Собрание сочинений. Т.15. М., 1926; *Миллюков П.Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906. СПб., 1907; Воспоминания. М., 1990; *Чернов В.М.* Коалиция без коалиции. СПб., 1982.

делало необходимым оформление политических организаций, возникающих на почве солидарности общих интересов. В изложенных текстах работ дается подробный анализ партийнообразующих признаков, рассматриваются проблемы не только соотношения классов и партий, но их взаимоотношения с избирателями и депутатами. В данных текстах аргументировано обосновывается вывод о том, что партии занимают особое место среди различных организаций, действующих в политической системе общества.

Глубокий анализ развития основных политических организаций Великобритании и США позволил М.Я. Острогорскому выявить анализ важного противоречия между партией как группировкой свободных граждан, преследующих удовлетворение своих политических целей, и партией как объединением политиков-профессионалов, борющихся за власть. Р. Михельс со своей стороны раскрыл механизм внутрипартийной легитимности «партийной олигархии» для снятия противоречия природы самой партии, оказывающей влияние на возможности политического представительства¹.

Следует отметить, что В.И. Ленин, как и Р. Михельс, считал, что партия действует в интересах класса. Партия всегда рассматривалась ими как некий инструмент, как средство для решения классовых задач. Этим методологическим требованиям в полной мере отвечало выработанное В.И. Лениным учение о партии нового типа – авангардной классовой организации пролетариата, возглавляющей борьбу рабочего класса за завоевание политической власти.

В одно и то же время с Р. Михельсом и В.И. Лениным создает свою политическую теорию и немецкий социолог и политолог М. Вебер. В своей теории М. Вебер полагал, что партия действует в узких интересах партийных лидеров. Противовесы бюрократизации партийных структур он усматривал, с одной стороны, в демократии, а с другой, в харизме партийных лидеров².

Видный российский политический деятель и политолог П.Н. Миллюков считал, что установление в России конституционного режима во многом связано с деятельностью партий. В спектре действовавших партий в тот период П.Н. Миллюков сам создал партию, как он отмечает, «не революционную, а конституционную, задачей которой должна была стать борьба парламентскими средствами»³.

Многие отечественные политические деятели того времени анализируют участие партий в выборных процессах, стратегию и тактику их парламентской деятельности. В текстах их работ содержится немало плодотворных идей и положений, обогащающих современные представления о власти, политических партиях, исторически и объективно обусловленных границах из взаимоотношений⁴.

Однако в России, особенно на этапе становления советской власти долгое время знание о политических партиях как общественно-политических институтах ограничивались лишь рамками партийного строительства, дававшего теорию и практическую деятельность только одной партии – КПСС. Изучение широкого круга политических текстов о партийной теории, изложенных в работах политических деятелей и мыслителей того времени было крайне ограничено, что, разумеется, существенно повлияло на становление институтов политической системы общества.

¹ Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3. С. 64.

² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 168.

³ Миллюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907. С.49.

⁴ См.: Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография. СПб: РХГА, 2016. С. 167.

Только на современном этапе, партология как самостоятельная наука отдельного раздела политологии, занимающаяся историей и теорией политических партий в общепринятом смысле получила новый импульс. В настоящее время повысился интерес к политической роли партий как социальных групп и социальных институтов, что позволяет определять объективное представление о роли политической системы в современном обществе.

Библиография

1. *Берлин П.* Политические партии на Западе. СПб., 1907.
2. *Бэкон Ф.* Опыты и наставления нравственные и политические. Атлантида // Бэкон Ф. Соч. В 2-х т. М., 1977. Т. 2.
3. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
4. *Гамбаров Ю.С.* Политические партии в их прошлом и настоящем. СПб., 1904.
5. *Гегель Г.* Философия права. М., 1990.
6. *Гоббс Т.* Философские основания учения о гражданине. М., 1914.
7. Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография. СПб.: РХГА, 2016.
8. *Ленин В.И.* Социалистическая партия и беспартийная революция // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 12. М., 1968.
9. *Ленин В.И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 41. М., 1981.
10. *Ленин В.И.* Опыт классификации русских политических партии // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 14. М., 1972.
11. *Ленин В.И.* Отношение к буржуазным партиям // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 15. М., 1972.
12. *Ленин В.И.* Партии на выборах в районные Думы Петрограда // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 32. М., 1969.
13. *Ленин В.И.* Политические партии в России и задача пролетариата // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 21. М., 1968.
14. *Локк Дж.* Сочинения. М., 1991.
15. *Макиавелли Н.* История Флоренции. М., 1973.
16. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 18. М., 1961.
17. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.4. М., 1955.
18. *Мартов Ю.О.* Политические партии в России. СПб., 1907.
19. *Меринг Ф.* История германской социал-демократии. В 4-х тт. М., 1924.
20. *Миллюков П.Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906. СПб., 1907: Воспоминания. М., 1990.
21. *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3, 5, 5, 9, 11, 13, 15, 17; 1991. №3.
22. *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. В 2-х т. М., 1988, 1990.
23. *Плеханов Г.В.* Дневник социал-демократа. №1-7 // Плеханов Г.В. Собрание сочинений. Т.15. М., 1926.
24. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре или начале политического права. М., 1938.

25. Чернов В.М. Коалиция без коалиции. СПб., 1982.

26. Чичерин Б.Н. История политических учений в 5-ти т. М., 1902.

Худайбергенов Георгий Рустамович

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

О МАРКСИСТСКОМ МЕТОДЕ ИСТОРИИ ИДЕЙ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Аннотация

Статья посвящена исследованию марксистского метода в истории идей, отталкиваясь от его применения в работе Г. В. Плеханова и описания в труде Н. Вуда. Автор анализирует исторический материализм как основу для изучения генезиса и развития идей. Особое внимание уделяется категориям базиса и надстройки, процессам формирования социарного сознания, проблеме соотношения идеального и идеологии.

Ключевые слова: марксизм, история идей, идеальное, идеология.

В начале нашего века вышла намеренно «старомодная»¹ книга британского историка политической теории Н. Вуда, который провозгласил необходимость переосмысления марксистского подхода к истории идей. Отвергая упрощённый экономический детерминизм, Вуд утверждает, что политическая теория – это не просто отражение классовых интересов, а сложный продукт взаимодействия идейного и материального. «Идеология, – пишет Вуд, – состоит из взгляда на мир, разделяемого членами социальной группы <...> который побуждает их действовать определённым образом»². Задача исследователя – выявить эту взаимную связь между идеями и «материальными условиями общества»³, не впадая в «радикальный релятивизм»⁴. Как пишет Дж. Кеннеди в своей рецензии, «старомодность» в том и выражается, что Вуд отходит от современных дискурсивных подходов, даже от «реалистских» по своим эпистемологическим основаниям (например, от Кембриджской школы, для которой «политическая теория состоит из слов (парадигм) о словах (текстах) о словах (политике)»⁵.

Вместе с тем век назад (в 1912 г.) Г.В. Плеханов пишет «переделку “реферата”»: «Искусство и общественная жизнь», где применяет марксистские методологические принципы к исследованию вопроса о том, как общественные условия влияют на возникновение и развитие двух противоположных взглядов на искусство: «искусства для искусства» и «утилитарного» искусства. В центре внимания Плеханова –

¹ Вуд Н. Размышления о политической теории: Голос разума из прошлого = Reflections on Political Theory: A Voice of Reason from the Past. London: Palgrave, 2000. P. 1.

² Там же. P. 127.

³ Там же. P. 117.

⁴ Там же. P. 123.

⁵ Кеннеди Дж. Власть, дискурс и политическая теория = Power, Discourse and Political Theory // Исторический материализм = Historical Materialism. 2006. Т. 14, № 3. P. 319.

не трансцендентная сущность искусства, а конкретные общественные факторы, формирующие то или иное отношение к нему. Ставя перед собой задачу проанализировать «наиболее важные из тех общественных условий, при которых у художников <...> возникает <...> склонность к искусству для искусства»¹, Плеханов приходит к выводу, что эта склонность «возникает на почве безнадежного разлада [художников] с окружающей их общественной средой»². И наоборот, «утилитарный взгляд на искусство»³, стремление использовать искусство для выражения социальных идей, формируется там, «где есть взаимное сочувствие между значительной частью общества и людьми, более или менее деятельно интересующимися художественным творчеством»⁴. Однако, как отмечает Плеханов, само противопоставление этих двух подходов к искусству должно быть историзировано. Чем острее классовые противоречия, тем труднее сохранять верность идее «искусства для искусства», которая «как нельзя лучше, соответствует равнодушию к общественным <...> интересам»⁵. Подобное внимание к исторической обусловленности эстетических идей предвосхищает тезис Вуда о необходимости социально-исторического контекстуализирования политической теории. В свете этого становится очевидным, что при разговоре о марксистском подходе к истории идей следует, во-первых, посмотреть на метод К. Маркса в целом, а во-вторых, место вопроса об идее и ее истории в этом самом целом.

В первую очередь, следует обозначить «ядро» марксизма – материалистический взгляд на историю, который предполагает, что «необходимым условием существования людей является производство материальных благ»⁶. Ключевым является «тезис о материальности экономических (производственных) отношений»⁷, о существовании социальной материи, социального бытия⁸. Система экономических отношений первична по отношению к общественному сознанию, т. е. «экономические отношения определяют <...> сознание и волю, а тем самым и их действия», то есть «система экономических (производственных) отношений является не чем иным, как объективным источником общественных идей»⁹. Развивая эту мысль, Ю.И. Семёнов уточняет, что Маркс различал два вида «общественного бытия»¹⁰: объективное социальное бытие, или базис (производственные отношения), и субъективно-объективное социальное бытие (волевые общественные отношения, «производные от сознания и воли людей»¹¹), включающее социальное сознание (знания общества о себе) как надстройку. Именно социальное сознание, объективно существующее «вне индивидуального сознания, но зависящее от него»¹², формируется под воздействием

---

¹ Плеханов Г.В. Искусство и общественная жизнь // Плеханов Г. В. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 14: Искусство и литература. М.: Госиздат, 1924. С. 124.

² Там же. С. 132.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 161.

⁶ Семёнов Ю.И. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // Философия и общество. 1998. № 3. С. 191.

⁷ Там же. С. 192.

⁸ Семёнов Ю.И. Введение в науку философии: в 7 кн. Кн. 4: Марксистский прорыв в философии. Изд. 3-е, суц. перераб. и доп. М.: Ленанд, 2023. С. 75-76.

⁹ Семёнов Ю.И. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // Философия и общество. 1998. № 3. С. 192.

¹⁰ Семёнов Ю.И. Введение в науку философии: в 7 кн. Кн. 4: Марксистский прорыв в философии. Изд. 3-е, суц. перераб. и доп. М.: Ленанд, 2023. С. 77.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

базиса. «Императивы, имеющие корни в общественных отношениях, – пишет Семёнов, – имплантируются в человеческий дух»¹. Именно в этом смысле следует понимать слова Маркса о том, что человек в своей действительности «есть совокупность всех общественных отношений»². Специфика идей в такой теории будет проявляться в том, что они есть идеальное явление, а идеальное в целом является отражением мира, опыта в человеке, т. е. оно объективно по содержанию и субъективно по форме³.

В связи с этим сразу встает проблема отношения идеального и идеологии. Вуд придает идеологии в первую очередь императивную, побуждающую к действию силу, отходя от классического взгляда, что идеологией является «процесс, который совершает <...> мыслитель <...> с сознанием ложным»⁴; «люди и их отношения оказываются поставленными на голову»⁵. Если рассмотреть вопрос об идеологии в контексте марксистского понимания абсолютной истины, и в соответствии с методом смотреть на нее исторически, то идеология есть ложное мышление в смысле его исторической ограниченности; идеология настолько идеология (*ложна*), насколько она отходит от объективной, конкретно-исторической истины, которая всегда есть только ступень на пути познания истины абсолютной. Поэтому любая идея и может «становится материальной силой, как только она овладевает массой»⁶, так как она всегда потенциально либо истинная, либо ложная, и тогда представляется возможным *оценить* эту идею, что, в общем, чуждо современному научному дискурсу. Тем не менее, такая постановка вопроса помогает говорить не просто об истории идеи, а связи идеи с практикой⁷, и только поэтому имеющей историю. Когда классики марксизма писали о том, что «самостоятельность» истории надстроечных явлений есть заблуждение⁸, что у них «нет истории, у них нет развития»⁹, что они «мало вечны, как и выражаемые ими отношения»¹⁰, все это говорилось ради доказательства того, что «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание, что следует объяснять “не практику из идей, а <...> идейные образования из материальной практики”»¹¹.

Из этого не следует бесполезность изучения идей, ущербность истории идей, как и их абсолютная внешняя детерминация; из это следует то, что «производство

¹ Там же. С. 85.

² Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 3.

³ Семёнов Ю.И. Введение в науку философии: в 7 кн. Кн. 2: Великие открытия философии: проблема природы знания и познания. 3-е изд., суц. перераб. и доп. М.: URSS: Ленанд, 2022. С. 67.

⁴ Энгельс Ф. Письма об историческом материализме, 1890-1894. М.: Политиздат, 1983. С. 16; ср.: Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. С. 19 и сл.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 25.

⁶ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 422.

⁷ Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 29: Философские тетради. М.: Политиздат, 1969. С. 183; Там же. С. 194; Семёнов Ю.И. Введение в науку философии: в 7 кн. Кн. 4: Марксистский прорыв в философии. Изд. 3-е, суц. перераб. и доп. М.: Ленанд, 2023. С. 195.

⁸ Энгельс Ф. Письма об историческом материализме, 1890-1894. М.: Политиздат, 1983. С. 17.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 25.

¹⁰ Маркс К. Ниццета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 133.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 37.

идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»¹, и соответственно написание их истории предполагает органическое рассмотрение идей как части субъективно-объективного социального бытия и социального сознания, обусловленных социальным бытием.

История идей, таким образом, есть составная часть «развития общественного производства»², а ее относительная дисциплинарная самостоятельность обосновывается способностью человека эти идеи абстрагировать и передавать через поколения с помощью культуры³. Тем не менее, эти абстракции, не историческая, а теоретическая сторона – любые идеи «сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности. Они могут пригодиться лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоев»⁴. Это «упорядочение» предполагает, однако, исследование с помощью метода, который бы отвечал на вопросы о конкретных путях хода образования идеологических представлений⁵, что, в свою очередь, и обуславливает требование междисциплинарности в современной политической текстологии: объединение результатов развития лингвистической, философской, исторической, источниковедческой, психологической наук. Поэтому и требуется сложный материалистический метод, который бы привел к появлению не вульгарного, а истинно диалектико-материалистического понимания истории идей⁶.

Библиография

1. Вуд Н. Размышления о политической теории: Голос разума из прошлого = Reflections on Political Theory: A Voice of Reason from the Past. London: Palgrave, 2000. 178 p.

2. Гуторов В.А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43.

3. Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. 352 с.

4. Кеннеди Дж. Власть, дискурс и политическая теория = Power, Discourse and Political Theory // Исторический материализм = Historical Materialism. 2006. Т. 14, № 3. С. 315–329.

5. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 29: Философские тетради. М.: Политиздат, 1969. С. 77–218.

6. Ленин В.И. План диалектики (логики) Гегеля // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 29: Философские тетради. М.: Политиздат, 1969. С. 297–302.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 24.

² Семенов Ю.И. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // Философия и общество. 1998. № 3. С. 193.

³ См. подробнее: Гуторов В.А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 26.

⁵ Энгельс Ф. Письма об историческом материализме, 1890–1894. М.: Политиздат, 1983. С. 16.

⁶ О том, что последовательный материализм есть материализм диалектический, см. Семенов Ю.И. Введение в науку философии: в 7 кн. Кн. 4: Марксистский прорыв в философии. Изд. 3-е, сущ. перераб. и доп. М.: Ленанд, 2023. С. 103; Ленин В.И. План диалектики (логики) Гегеля // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 29: Философские тетради. М.: Политиздат, 1969. С. 301.

7. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 414–429.

8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7–544.

9. *Маркс К.* Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 65–185.

10. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 1–4.

11. *Плеханов Г.В.* Искусство и общественная жизнь // Плеханов Г.В. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 14: Искусство и литература. М.: Госиздат, 1924. С. 120–183.

12. *Семенов Ю.И.* Введение в науку философии: в 7 кн. Кн. 2: Великие открытия философии: проблема природы знания и познания. 3-е изд., суц. перераб. и доп. М.: URSS: Ленанд, 2022. 224 с.

13. *Семенов Ю.И.* Введение в науку философии: в 7 кн. Кн. 4: Марксистский прорыв в философии. Изд. 3-е, суц. перераб. и доп. М.: Ленанд, 2023. 216 с.

14. *Семенов Ю.И.* Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // Философия и общество. 1998. № 3. С. 190–233.

15. *Энгельс Ф.* Письма об историческом материализме, 1890–1894. М.: Политиздат, 1983. 32 с.

Шашкова Ольга Александровна

Кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ)

Москва, Россия

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТЕЗЯ СЕРГЕЯ МСТИСЛАВСКОГО (МАСЛОВСКОГО). ЖИЗНЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Аннотация

Исследование посвящено политическому деятелю России начала XX в., впоследствии востоковеду, писателю Сергею Дмитриевичу Мстиславскому (наст. Масловский; 1876–1943). Однако литературу автор бестселлеров своего времени: повести «Грач – птица весенняя», романа «Накануне», очерка «Пять дней. Начало и конец Февральской революции» и др. рассматривал не как цель, а средство пропаганды Революции 1917 г.

Ключевые слова: Сергей Дмитриевич Мстиславский (Масловский), РГАЛИ, востоковедение, литературный процесс, революция.

Этот человек-загадка, неутомимый этнограф и разведчик, писатель, улавливавший не только дух времени, но его потребности, который обладал даром быть всюду одновременно и нигде, разменяв шестой десяток лет, так сказал о собственном творчестве: «Всякое литературное произведение есть, в существе своем,

политический акт; тем самым писатель не видится мне вне прямого непосредственно «делом» участия в практической политике...»¹.

Несмотря на самое активное внедрение эсера С.Д. Мстиславского в российскую предреволюционную оппозицию (чего стоит его участие в 1905 г. в истории с пароходом «Джон Графтон», или деятельность в Военной комиссии Временного комитета Госдумы), – востоковедение и литература оставались главными «музами» Сергея Дмитриевича.

Большинству советских школьников он был известен увлекательной повестью о жизни Николая Баумана «Грач – птица весенняя», которая оставляла предчувствие перемен и героики революции, а переиздавалась, начиная с 1937 г., бесчисленное количество раз.

Для профессионалов-историков важными источниками являлись очерки С. Мстиславского «Пять дней» и «Накануне», вышедшие новыми изданиями даже в XXI в.

Несмотря на множество ипостасей, в которых сумел проявить себя за 66 лет жизни этот человек, только архивные материалы дают возможность проследить десятки лет его жизни, о чем позаботились он сам и супруга Софья Павловна, дочь священника и сестра историка Н.П. Павлова-Сильванского.

Ключ к разгадке большинства тайн жизни и творчества С.Д. Мстиславского – его личный фонд в РГАЛИ². Собрание документов поражает не только своей величиной, но также тем, что практически все эти десятки тысяч листов – в рукописи чернилами или карандашом.

Неслучайно, до сих пор С.Д. Мстиславскому не посвящено ни одной серьезной работы. Если не считать скромных статей в энциклопедиях³, а также обоснованных упоминаний в исследованиях по истории масонства⁴ и событий 1917 г.⁵, – то единственной работой является диссертация А.Ф. Седовой⁶ об эволюции творчества С.Д. Мстиславского. Однако она крайне скупо касается перипетий его собственной судьбы, сосредотачиваясь на литературных трудах Сергея Дмитриевича, да и то – не всех.

Если бегло анализировать жизнь этого незаурядного человека, то можно сказать следующее. Интерес к «глобальному Востоку» и его истории, социальной структуре азиатского общества, зародившись еще в подростковом возрасте, сопровождал всю жизнь Мстиславского, но никогда не носил авантюрного характера. Это был его научный интерес, а все многочисленные поездки в Среднюю Азию и на Кавказ – как в период Российской империи, так и в советское время – всегда подчинялись конкретной цели и от нее не отклонялись.

Столь же постоянным являлось и стремление донести результаты своих исследований до широкой общественности, поскольку литературным талантом С.Д. Мстиславский обделен не был. Как он сам писал, – «с 1900 годов – публи-

¹ РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. Д. 510. Л. 11.

² РГАЛИ. Ф. 306. Мстиславский Сергей Дмитриевич (наст. фам. Масловский; 1876–1943) – писатель, драматург. Оп. 1, 7, 8; 1079 ед. хр. за 1856–1944 гг.; также в фондах архива хранится еще около 500 ед. хр., относящихся к С.Д. Мстиславскому.

³ Мстиславский Сергей Дмитриевич / Б. Гроссман // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le7/le7-5211.htm>;

⁴ Серков А.И. Русское масонство 1731—2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 562–563.

⁵ Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2005.

⁶ Седова А.Ф. Сергей Мстиславский – прозаик: идейно-эстетическая эволюция писателя. Дис. на соискание ученой степени канд. филолог. наук. (10.01.02) / Ташк. гос. ун-т им. В.И. Ленина. Ташкент, 1974. 25 с.

цистическая работа в нелегальной прессе». Ее он отлично сочетал с постоянным сотрудничеством с вполне респектабельными изданиями: «Русским биографическим словарем» РИО, Энциклопедическим словарем Брокгауза и Эфрона, «Русским антропологическим журналом» и рядом других. Чуть позже к этому списку присоединились «Русское богатство», «Русские ведомости», «Киевская мысль», а накануне и в годы Первой мировой войны – редакторские обязанности в организованном М. Горьким журнале «Заветы». Переломным для дальнейшей карьеры С.Д. Мстиславского, и не только как публициста, стало участие в 1916–1918 гг. в редколлегии сборников «Скифы» (которое, впрочем, как и всегда, шло параллельно с трудами на благо оппозиции).

Здесь можно задать вопрос: а как, собственно, можно было сочетать постоянную нелегальную работу эсера Мстиславского с его должностью библиотекаря Военной академии Генерального штаба Российской империи (каковым Мстиславский являлся с конца XIX в.) и авторством в консервативных журналах того времени? Особенно учитывая, что не единожды он попадал в поле зрения III Отделения С.Е.В.К.?

Внятного ответа на эти вопросы не дают даже многочисленные, не повторявшие одна другую автобиографии Сергея Дмитриевича, написанные в советский период. Более того, создается впечатление, что своим многословием они уводят от главного в его натуре, – стремления к некоей тайне. Вероятно, сначала таковой для него был Восток¹, но почти сразу с этим откуда-то пришло стремление подрубать основание государства, которое давало Мстиславскому ощущение целостности. Явное желание жить одновременно «в двух измерениях» (если не в трех или больше) сопровождало всю его бурлившую энергией жизнь.

Сразу после Октября 1917 г. он – участник советской делегации по мирным переговорам в Брест-Литовске, однако поняв внутренним чутьем (или получив сигнал?), что ситуация накаляется, после краткого участия в комиссии по расследованию событий, связанных с разгоном Учредительного собрания, и выхода из эсеровской партии Мстиславский перемещается на Украину. Здесь в качестве «комиссара партизанских формирований и отрядов» для «содействия Главковерху Антонову-Овсеенко» Сергей Дмитриевич почти ничего не достиг², а был, однако, отозван в центр, в Москву. По решению, в том числе, И.В. Сталина началась его работа в Профинтерне, которая сопровождалась многочисленными поездками во Францию, в Бельгию, а также во вновь созданные советские республики Средней Азии. Единственным «публичным» результатом тех поездок были его статьи в ряде энциклопедий.

Параллельно Сергей Дмитриевич активно налаживает связи с главной редакцией БСЭ, чтобы чуть позже стать одним из ее выпускающих редакторов, с новыми советскими издательствами. Так, постоянно меняя «амплуа», он подошел к своему 50-летию, которое совпало с коренным переломом во внутренней политике советского государства – отходом от линии на мировую революцию, а по сути, – с отказом от глобалистических интернациональных планов советской власти.

Как истинный солдат, Мстиславский быстро и организованно ушел на те позиции, которые ему были близки. В уже упоминавшейся автобиографии он писал, что «о литературной деятельности как “профессии” я никогда в жизни не думал, хотя

---

¹ Масловский С.Д. Гальча. Первобытное население Туркестана. М., 1901. // РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 1. Д. 153. Л. 1–10об.

² РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 1. Д. 269.

огромная жизнетворческая сила литературы всегда была для меня ясна: я, скорее, переоценивал, чем недооценивал ее. Но в представлении моем – уже от самых юношеских лет – воля к творчеству жизни, без которой, конечно, не мыслится писатель, неизбежно (если воля эта подлинная) должна привести, в первую очередь, к творчеству “делом”, и лишь в итоге, и в прямой неразрывной связи с этим делом, – творчеству “словом”. Литературное произведение – не самоцель, а средство к воспитанию определенной ... поставленной творческой цели»¹.

Успех (и тиражи, и переиздания!), которым сопровождалось все его дальнейшее литературное творчество, – лишь подтверждает, что «перемена участи» пошла на пользу как карьере, так десятилетием позже – и жизни Мстиславского.

Новым и основным приложением его сил становится литература. Легкое перо выводит сотни листов, которые складываются в десятки редакций романов и повестей, очерков и рассказов, перелаживаются в сценарии и радиопостановки. Хотя самый первый художественный рассказ Сергея Дмитриевича «Живец» появился в декабрьском номере «Русского богатства» за 1910 г., настоящую литературную карьеру автор начал после 1925 г.

Именно тогда выходят «Крыша мира», «На крови», «Восстание сусликов», «Повесть о Чёрном Магоме», «Как прапорщик Дронов брал Смольный», «Буревестники», «Партионцы», «Силы небесные», «Мюриды» («Судьба гор»), «Грач – птица весенняя», «Приключения святого халата», «Я» («Цепь») и множество др. Некоторые произведения впоследствии переделывались, редактировались, перерабатывались в сценарии для театральных постановок, либретто опер, о которых сегодня давно забыли. Если добавить к долгому перечислению литературных трудов Мстиславского его регулярные поездки в Среднюю Азию, то и тогда, наверное, советский период неполно отобразит тот поток энергии, которым он обладал.

Существенную «запятую» в творчестве поставил, как ни странно, государственный заказ на официальную биографию В.М. Молотова, который поступил Мстиславскому в 1937 г. Вышедшая в 1940 г. книга, казалось бы, согласованная с самим героем биографии, была мгновенно изъята из продажи, а следов ее не обнаружено даже в личном фонде Сергея Дмитриевича. В том же году он начал продавать свой архив сначала Литературному музею, а затем продолжили его родственники – после скоростижной кончины Мстиславского в 1943 г. в Иркутске – уже в Центральный государственный литературный архив (ныне РГАЛИ). И хотя в 1941 г. в Москве должны были выйти некоторые переиздания его произведений, а в Сибири Сергей Дмитриевич написал несколько детских рассказов, литературная стезя автора зашла в тупик.

Библиография

1. *Масловский С.Д.* Гальча. Первобытное население Туркестана. М., 1901. // РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 1. Д. 153.
2. Мстиславский Сергей Дмитриевич / *Б. Гроссман* // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le7/le7-5211.htm>;
3. *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2005.

¹ РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. Д. 510. Л. 11.

4. *Седова А.Ф.* Сергей Мстиславский – прозаик: идейно-эстетическая эволюция писателя. Дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. (10.01.02) / Ташк. гос. ун-т им. В.И. Ленина. Ташкент: [б. и.], 1974. 25 с.

5. *Серков А.И.* Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 562–563.

6. РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 1. Д. 269.

7. РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. Д. 510.

Якушева Екатерина Андреевна

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

КРИТИКА АНГЛИЙСКИХ ПРАВОВ XVIII В. В ЭССЕИСТИКЕ ДЖОЗЕФА АДДИСОНА: ПОЛИТИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация

Статья посвящена критике английских нравов XVIII в. в эссеистике Джозефа Аддисона. Влияние политической распри между партиями вигов и тори на общественность, распространение политической журналистики, критическое отношение к новым тенденциям в литературе и воспитательные взгляды публициста отражены в его просветительских журналах.

Ключевые слова: просветительские журналы, Джозеф Аддисон, политическая борьба в Англии XVIII в., литературная критика, воспитание.

Джозеф Аддисон является автором многочисленных эссе, пьес и политических памфлетов. Его творчество оказало существенное влияние на развитие английской литературы и формирование общественной мысли XVII-XVIII вв.

Аддисон вел активную политическую деятельность с 1705 г.¹ и даже входил в партию вигов. В период конкурентной борьбы между партиями вигов и тори он просвещал публику о последних политических спорах на страницах своих журналов. Стоит отметить, его заслуга главным образом заключалась в умении литературным языком² рассказать общественности о сложных партийных прениях. В дальнейшем журналистика выступала в роли политического оружия, разделяла людей на два лагеря в рамках партийной борьбы вигов и тори. Пагубность таких настроений в общественности впоследствии заметил Аддисон: «Нам нужны хорошие журналы, где не печатают все, что угодно, где есть порядок и смысл»³.

¹ *Ерохин В.Н.* Политические партии и общество в Великобритании в конце XVII – начале XIX вв.: историографический очерк // Политические партии Англии. Исторические очерки. СПб.: Алетейя, 2017. С. 201-202.

² *Маколей Т.Б.* Аддисон, жизнь его и сочинения // Отечественные записки: Журнал литературный, политический и ученый, издаваемый А. Краевским. Санкт-Петербург: Тип. Королева и К°, 1856. Т. 106. [№ 5 и 6]. Июль. [Отд. 1-4, 6]. С. 213.

³ *Addison J.* On Jealousy // The Works of The Right Honourable Joseph Addison. With notes by Richard Hurd, D.D. Lord Bishop of Worcester. A new addition, with large additions, chiefly unpublished, collected and edited by Henry G. Bohn. In six volumes. Vol. III. London: Bell & Daldy, York Street, Covent Garden. 1872. P. 21-26.

В марте 1711 г. выходит в свет первый номер журнала, в котором «Зритель» (*Spectator*¹) делает мудрые замечания об окружающей его действительности. Этот образ выдумал Аддисон, и разумеется, был во многом идентичен ему самому. В «Зрителе» он уделял внимание теме политики, но в большей степени рассматривал вопрос ее влияния на общественность. Часто в эссе встречались сатирические зарисовки, где люди готовы ползть в драку, если не могут найти согласия в политических воззрениях². Журналист опасался, что англичане начнут видеть в своих друзьях либо врага, либо соратника. В обществе зарождалась взаимная неприязнь³, во многом из-за литературы, именуемой граб-стрит⁴. Ее издавали «торговцы»⁵, которые публиковали статьи, выполненные на заказ. Содержание подобного рода журналов определялось той ценой, что заплатит популярный в обществе политик. К примеру, одним днем газета публиковалась в поддержку тори, в другой день, получив значительно больший гонорар, воспевала взгляды партии вигов⁶. То есть людям сложно было определить, в каком из журналов публиковалась верная информация.

Аддисон ценил в писательстве сатиру, но осуждал тех писателей, что пользовались ею неумело. В «Зрителе» приводится статья о «ложном остроумии»⁷. Юмористические произведения многих молодых авторов лишь развлекали публику, но не приносили в литературу ничего полезного. Так, к примеру, публицист создает аллегорические несоответствия: дельфины обитают на суше, птицы поют человеческим голосом, эхо не вторит звукам, а отвечает на них⁸. Здесь прослеживается мысль о неестественности литературных образов, их неуместности в обычной жизни. Важно выбирать правильную просветительскую литературу, к которой относятся журналы Аддисона. Тем не менее появление низкосортных рассказов на страницах английских газет говорит о возросшем спросе на них. Стало быть, именно английская общественность требует перевоспитания⁹. «Литература должна служить истине и добродетели, она должна воспитывать в людях нравственные ценности и делать их лучше»¹⁰.

---

¹ *Елистратова А.А.* Нравописательная журналистика // История всемирной литературы: В 9 томах. Т. 5. М.: Наука, 1988. С. 549.

² *Шайтанов И.О.* Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII в. М.: Прогресс, 1987. С. 26.

³ *Лазурский В.Ф.* Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона: Из истории английской журналистики XVIII в. Т.2. Одесса: Техник, 1916. С. 201.

⁴ *Шайтанов И.О.* Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII в. М.: Прогресс, 1987. С. 57.

⁵ Там же. С. 58.

⁶ Там же. С. 63.

⁷ *Addison J.* 12 May 1711. The Spectator, no. 63. In: Op. Cit. 188-190.

⁸ *Addison J.* Use to be made of Enemies // The Works of The Right Honourable Joseph Addison. With notes by Richard Hurd, D.D. Lord Bishop of Worcester. A new addition, with large additions, chiefly unpublished, collected and edited by Henry G. Bohn. In six volumes. Vol. III. London: Bell & Daldy, York Street, Covent Garden. 1872. P. 342-344.

⁹ *Якушева Е.А.* Дж. Аддисон о формировании публицистических пристрастий англичан XVIII в. // Суверенитет – безопасность – интеграция как константы устойчивого государственного развития: международный опыт и национальные реалии. К 30-летию Института Президентства Республики Беларусь. Белорусская политология: многообразие в единстве: материалы X междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 31 мая – 1 июня 2024 г.). В 2 ч. Ч. 1 / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: В. Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2024. С. 217-220.

¹⁰ *Addison J.* On Temperance // The Works of The Right Honourable Joseph Addison. With notes by Richard Hurd, D.D. Lord Bishop of Worcester. A new addition, with large additions, chiefly unpublished, collected and edited by Henry G. Bohn. In six volumes. Vol. III. London: Bell & Daldy, York Street, Covent Garden. 1872. P. 63-67.

Предлагая критику английской общественности в XVIII в., Аддисон размышлял о вопросах воспитания¹. Он считал, что в первую очередь нужно начинать с женщин. Они служат носителями морали и передают ее новым поколениям. В «искусстве формировать разум и характер человека»² именно женщинам отводится главная роль. Более того, в педагогическом отношении привлекает внимание статья о родительском долге. В качестве примера для читателей Аддисон приводит рассказ своего друга о самом правильном методе воспитания³. В его семье дети получают одобрение родителей лишь в том случае, если их поступки и слова не обижают других братьев и сестер, а скорее вытекают из благих побуждений. Такое наставление способно нивелировать соперничество между детьми, стать основой их взаимной доброжелательности. Стоит добавить, что проявление равной родительской любви к каждому ребенку предотвращало появление недоверия или желания бунтовать против тех нравственных правил, что им преподносились. Аддисон видел в этом возможность преодолеть порочность общества и укоренить в нем идею о необходимости грамотного воспитания⁴. Безусловно, нельзя недооценивать значения воспитания в становлении нравственного облика человека. По своему опыту Аддисон знал наверняка, что родители оказывают значительное влияние на ребенка и его моральные принципы. Его отец, священнослужитель, всегда вел с ним открытые беседы о нравственности⁵ с самого детства.

Критика английских нравов в эссеистике Аддисона является важной частью его творчества. Он рассматривал свои произведения как средство просвещения и воспитания, был глубоко убежден в том, что правильная литература способна наставить общественность XVIII в. Его эссе оказали значительное влияние на английскую литературу и культуру, сохраняя свою актуальность и по сей день. Читатели рассуждали вместе с публицистом о вопросах морали, обличали неразумное поведение сограждан. Ежедневные журналы стали общим пространством для высказывания критики и обсуждения важных проблем английской публики. Статьи не просто информировали людей о политических новостях, но формировали разумное отношение к окружающему миру.

Библиография

1. *Елистратова А.А.* Нравоописательная журналистика // История всемирной литературы: В 9 томах. Т. 5. М.: Наука, 1988. 882 с.

2. *Ерохин В.Н.* Политические партии и общество в Великобритании в конце XVII – начале XIX вв.: историографический очерк // Политические партии Англии. Исторические очерки. СПб.: Алетейя, 2017. 358 с.

---

¹ *Нарский И.С.* Из истории английской эстетической мысли XVIII века: Поп, Аддисон, Джерард, Рид: [сборник]/[сост., вступ. ст. и общ. ред. И.С. Нарского ; пер. Е.С. Лагутина и А.Л. Субботина]. М.: Искусство, 1982. С. 151.

² *Addison J.* Vanity of Honours and Titles // The Works of The Right Honourable Joseph Addison. With notes by Richard Hurd, D.D. Lord Bishop of Worcester. A new addition, with large additions, chiefly unpublished, collected and edited by Henry G. Bohn. In six volumes. Vol. III. London: Bell & Daldy, York Street, Covent Garden. 1872. P. 98-102.

³ *Нарский И.С.* Из истории английской эстетической мысли XVIII века: Поп, Аддисон, Джерард, Рид: [сборник. М.: Искусство, 1982. С. 342.

⁴ *Лазурский В.Ф.* Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона: Из истории английской журналистики XVIII в. Т.2. Одесса: Техник, 1916. С. 201. С. 31.

⁵ *Якушева Е.А.* Джозеф Аддисон об английских нравах XVIII в. // SCHOLA-2023: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М., 2023. С. 93-94.

3. *Лазурский В.Ф.* Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона: Из истории английской журналистики XVIII в. Одесса: Техник, 1916. Т. 2. 363 с.

4. *Маколей Т.Б.* Аддисон, жизнь его и сочинения // Отечественные записки: Журнал литературный, политический и ученый, издаваемый А. Краевским. Санкт-Петербург: Тип. Королева и К, 1856. Т. 106. [№ 5 и 6]. Июль. [Отд. 1-4, 6]. С. 187-222, 381-416.

5. *Нарский И.С.* Из истории английской эстетической мысли XVIII века: Поп, Аддисон, Джерард, Рид: [сборник]/[сост., вступ. ст. и общ. ред. И.С. Нарского ; пер. Е.С. Лагутина и А.Л. Субботина]. М.: Искусство, 1982. 367 с.

6. *Шайтанов И.О.* Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII в. М.: Прогресс, 1987. 529 с.

7. *Якушева Е.А.* Джозеф Аддисон об английских нравах XVIII в. // SCHOLA-2023: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М., 2023. С. 93-94.

8. *Якушева Е.А.* Дж. Аддисон о формировании публицистических пристрастий англичан XVIII в. // Суверенитет – безопасность – интеграция как константы устойчивого государственного развития: международный опыт и национальные реалии. К 30-летию Института Президентства Республики Беларусь. Белорусская политология: многообразие в единстве: материалы X междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 31 мая – 1 июня 2024 г.). В 2 ч. Ч. 1 / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: В.Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2024. С. 217–220.

9. *Addison J.* 12 May 1711. The Spectator, no. 63. In: Op. Cit. 188-190.

10. The Works of The Right Honourable Joseph Addison. With notes by Richard Hurd, D.D. Lord Bishop of Worcester. A new addition, with large additions, chiefly unpublished, collected and edited by Henry G. Bohn. In six volumes. Vol. III. London: Bell & Daldy, York Street, Covent Garden. 1872. 537 p.

РАЗДЕЛ II. ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ КРУГЛЫХ СТОЛОВ

ИЗ МАТЕРИАЛОВ КРУГЛОГО СТОЛА «ИСТОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ В КОНКРЕТНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ»

Андреянов Никита Андреевич

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

СИМВОЛИЧНО-АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В СОЗДАНИИ ОБРАЗА ПРАВИТЕЛЯ РУСИ В «СЛОВЕ О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА

Особая роль символично-аллегорического метода безусловно связана с моделью сознания, существовавшего у человека эпохи Средневековья. Для того времени привычное нам построение причинно-следственных связей, или по крайней мере стремление к логико-эмпирическому обоснованию явлений, процессов и событий является совершенно чуждой моделью¹. Мысль Средневековья основана в первую очередь на целостности восприятия картины мира, в которой любое конкретное событие является лишь частью чего-то большего. Именно поэтому, мир представляется как «паутина символов», призванная показать преемственность процессов в рамках исторического и общественного развития². Неудивительно, что в рамках отечественной духовно-политической мысли попытка объяснить место зарождающегося в X веке Русского государства сопряжена с поиском смысловых единиц, способных продемонстрировать преемственность нового политического образования к уже существующей картине мира.

В «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона попытка объединения истории Руси и «остального» мира проявляется даже в самой структуре произведения. Первая часть посвящена именно рассмотрению пути распространения христианской веры от самых истоков до момента ее «воцарения» на территории проживания восточных славян. Но ключевое положение занимает именно символично-аллегорическая связь происходящих политических событий с уже существовавшими ранее библейскими сюжетами, или, по крайней мере – ключевыми периодами в развитии христианского учения. Таким образом, митрополит Иларион ставит перед собой задачу именно объяснить интеграцию Руси в уже существующую систему, обосновать право на существование самого государства, а главное – создать особое восприятие его правителей, обладающих своими прообразами.

Одна из первых аллегорий, связанных с личностью князя Владимира Святославича, связана с ветхозаветным описанием правления царя Давида и его сына

---

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Издательство «Искусство», 1984. С. 20-23.

² Бицилли П.М. Элементы Средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. С. 12-15.

Соломона. Иларион, восхваляя Ярослава Мудрого, пишет: «Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твои Георгии, егоже сътвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычству, не рушаща твоихъ уставъ, нѣ утвержающа, ни умаляюща твоему благовѣрию положениа, но паче прилагающа, не казяща, нѣ учиняюща. Иже недокончаная твоя законъча, акы Соломонъ Давыдова»¹. Так, Владимир подобен царю Давиду – владыке Израильского царства, а его сын Георгий (это имя в крещении получил Ярослав Мудрый) – царю Соломону. Интересно, что глубина этой аллегии раскрывается и далее – Иларион обращает внимание, что при Ярославе будет построена церковь Благовещения в Киеве: «еи же и церковь на Великихъ вратѣхъ създа въ имя первааго Господьскааго праздника – святааго Благовѣщенна»². Упоминание этого события в контексте описания Киева не случайно: если обратиться ко Второй книге Царств, мы увидим, что Господь, обращаясь к Нафану, говорит, что сын Давида построит «дом имени Моему» (2 Цар., 7:4–16), и действительно – царь Соломон воздвигнет Иерусалимский храм (также именуемый Храмом Соломона), который станет религиозным центром Израильского царства. Таким образом, мы можем увидеть глубину символично-аллегорического метода, применяемого Иларионом. Автор не останавливается на повторении ветхозаветного сюжета для Руси – он придает событию то же символическое значение, что существует в Священном Писании. Храм в Киеве становится символом религиозного единения зарождающегося Русского государства.

Еще одной аллегией, заслуживающей внимания, является сопоставление Константина Великого и князя Владимира. Иларион пишет: «Подобниче великааго Коньстантина, равноумне, равнохристоролюбче, равночестителю служителемъ его! <...> Егоже убо подобникъ сыи, съ тѣмъ же единая славы и чести обещаика сътворишь ты Господь на небесѣхъ»³. В данном случае стоит обратить внимание на жизнь самого Константина. Как и предшествующие ему императоры, он являлся язычником, но, согласно Евсевию Кесарийскому, удостоился видения «составившегося из света и лежавшего на солнце знаменна креста»⁴ и в конце жизни принял христианство. Владимир Святославич также проходит подобный переход от язычества к христианству, и подобно Константину, распространившему христианство по всей Римской Империи, устанавливает новую веру по всей Руси. При этом важно отметить, что Иларион видит в жизни Владимира даже большее чудо и духовный подвиг, так как князь не был удостоен видений Господа и не встречал святых апостолов, но все равно обрел христианскую веру: «Не видѣ апостола, пришедша въ землю твою и нищетою своею и наготою, гладомъ и жаждою сердце твое на съмѣрѣние клоняща. Не видѣ бѣсъ изгонимъ именемъ Исусовомъ Христовомъ, болящихъ съдравѣють, нѣмыихъ глаголють, огня на хладъ прилагаема, мертвыхъ встають. Сихъ всѣхъ не видѣвъ, како вѣрова?»⁵.

В силу вышеупомянутой особенности обретения веры Владимиром Святославичем Иларион наделяет князя особой ролью. Эта роль следует не только из качеств самого князя, но и из исторического контекста. Напомним, что Иларион ставит

¹ «Слово о Законе и Благодати» митрополита Киевскаго Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 50.

² Там же.

³ Там же. С. 48.

⁴ *Евсевий Памфил.* Сочинения. В 2-х т. Т. 2. СПб.: тип. Е. Фишера, 1852. С. 77-78.

⁵ «Слово о Законе и Благодати» митрополита Киевскаго Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 46.

перед собой конкретную цель – интегрировать историю Руси в общемировую картину¹, и вопрос религии занимает здесь одно из ключевых положений. Поэтому, автор «Слова о законе и благодати» провозглашает Владимира учителем и наставником христианской веры для народа Руси, сравнивая с апостолами (и даже обращаясь к Владимиру: «Радуйся, въ владыкахъ апостоле»²), принесшими христианскую веру в разные страны, так же, как Владимир принес её на Русь: «Хвалить же похвальными гласы Римьскаа страна Петра и Паула, имаже вѣроваша въ Исуса Христа, Сына Божиа; Асия и Ефесь, и Патмъ Иоанна Богословьца, Индия Фому, Египеть Марка. Вся страны и гради, и людие чтуть и славятъ коегождо ихъ учителя, иже научишаа православнѣи вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыими похвалами великаа и дивнаа сътворьшааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера»³.

Отдельно необходимо упомянуть еще одну аллегорию, смысл которой понять значительно сложнее, чем те, что были рассмотрены ранее. Как подчеркивает А.С. Десницкий, одной из ключевых особенностей аллегории является простор ее толкования, особенно в рамках библейской экзегезы, и вследствие такой «свободы» иногда мы не способны полностью объяснить ее значения, или пытаемся найти смыслы, которые изначально не были заложены автором⁴. С этой ситуацией мы сталкиваемся и у Илариона, обращающемуся к князю Владимиру: «Въстани, о честнаа главо, от гроба твоего! Въстани, оттряси сонъ! Нѣси бо умерль, нѣ спиши до обещааго всѣмъ въстаниа. Въстани, нѣси умерль! Нѣсть бо ти лѣпо умрѣти, вѣровавшу въ Христа, живота всему миру. Оттряси сонъ, възведи очи, да видиши, какая тя чѣсти Господь тамо съподобивъ, и на земли не беспамятна оставилъ сыномъ твоимъ». Здесь мы находим аллегорию, подобную той, которая встречалась в книге Бытия. Царь Мелхиседек уподобляется Христу (Быт., 14:18–20) с помощью ряда символов: хлеба, вина, отсутствия указания на рождение и смерть и пр. Как отмечает А.С. Десницкий, нам следует понимать подобную аллегорию как «удобную иллюстрацию» деяний и качеств человека, а не как уподобление Христу⁵. Иларион использует этот прием, чтобы вновь подчеркнуть идею, пронизывающую все произведение, – князь Владимир является правителем, подобным ветхозаветным героям, и его роль для Руси во многом аналогична той, что была у его прообразов.

Подводя итог, мы можем с уверенностью сказать, что митрополит Иларион не просто использовал символично-аллегорический метод как основу своего произведения, но и прекрасно понимал возможность свободного объяснения аллегории и символа для создания образа правителя Руси и зарождающегося государства в целом. Автору «Слова о законе и благодати» удалось создать образ русского князя-апостола, равного по своему духовному могуществу и значимости не только римскому императору Константину, но и правителям Ветхозаветных сюжетов, которых зачастую отождествляют с образом идеальных христианских государей. Иларион

¹ См., напр.: *Торговец Т.А.* Метод символично-аллегорической экзегезы в древнерусской философской мысли (на примере творчества Илариона Киевского и Кирилла Туровского): дис. ... канд.фил.наук : 09.00.03 / Торговец Татьяна Анатольевна; Москва, 1998.

² «Слово о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 52.

³ Там же. С. 42.

⁴ Подр. см.: *Десницкий А.С.* Введение в библейскую экзегетику. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. С. 101-106.

⁵ Там же.

даже совершает аккуратные шаги и в направлении преемственности государств – крест переходит из Израильского государства в Константинополь, а после – усилиями князя Владимира Святославича обретает свое место и на Руси.

Библиография

1. *Бицилли П.М.* Элементы Средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995.
2. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Издательство «Искусство», 1984.
3. *Десницкий А.С.* Введение в библейскую экзегетику. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011.
4. *Евсевий Памфил.* Сочинения. В 2-х Т. Т. 2. СПб.: тип. Е. Фишера, 1852.
5. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 26-61.
6. *Торговец Т.А.* Метод символично-аллегорической экзегезы в древнерусской философской мысли (на примере творчества Илариона Киевского и Кирилла Туровского): дис. ... канд.фил.наук: 09.00.03 / Торговец Татьяна Анатольевна; Москва, 1998.

Болдин Владимир Алексеевич

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ЦЕННОСТИ СОГЛАСИЯ И СОЛИДАРНОСТИ В РУССКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ТРАДИЦИОННЫЕ ТРАКТОВКИ И ПРОЧТЕНИЯ¹

Исследования ценностей, с одной стороны, уже утвердившаяся область предметного поля современных социально-гуманитарных наук. С другой стороны, подобное внимание не сделало процесс их исследования менее сложным, а растущие количество работ лишь порождает череду научных вопросов, требующих своего осмысления.

Традиционно ценности выступают объектом изучения со стороны философии, рамках которой отдельно развивается целая субдисциплина — аксиология². При этом со второй половины XIX в. ценности постепенно попадают «в прицел» и других социально-гуманитарных наук, прежде всего социологии, психологии и, конечно, политологии.

---

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Аксиологические константы российской государственности в контексте развития страны: нормативная модель и возможности ее реализации», № FZNF-2024-0009, рег. номер ЕГИСУ НИОКР 1024030100141-9-5.6.1

² *Анисимов С.Ф.* Введение в аксиологию. М., 2001.

В современной политической науке ценности обычно рассматриваются как некие общественные идеалы, базовые ориентиры политического развития, принципы организации взаимоотношений в государстве и обществе и т.п.¹ Как отмечает А.В. Селезнева: «одним из ключевых направлений политологического анализа ценностей в современной науке является их изучение в контексте пространства распространения и возможностей влияния на политическое устройство разных обществ»². Важным вопросом в современных политологических исследованиях ценностей становится поиск соотношений и антиномий между т.н. «универсальными» и «культурно-цивилизационными» ценностями, которые зачастую не только конфликтуют друг с другом, но и «сожительствуют» и сочетаются в рамках не только отдельно взятой личности, но и страны, народа, социума.

В данном исследовании мы остановимся на рассмотрении двух ключевых «базисных традиционных ценностях»³ – согласии и солидарности. Предложенные для анализа ценностные категории, несмотря на кажущуюся на первый взгляд разноплановость, имеют укоренённую традицию определённого смыслового наполнения в русской социально-политической и духовной мысли.

В русской духовно-политической традиции ценность «согласия» оказывается тесно связанной с другим важнейшим понятием «самодержавие»: «самодержавие обеспечивало сохранение согласия; согласие давало санкцию самодержавию»⁴. Несмотря на многозначность и полифоничность смыслов термина «согласие», можно выделить следующие, важные в контексте социально-политического наполнения: значение согласованности, идентичности, соответствия. Как отмечает А.Б. Страхов: «И самодержавие, и согласие исходили из одного корня – Божественного установления. И самодержавие, и согласие были направлены на поддержание мощи и независимости Русского государства («Российского самодержавства»). Думается, именно поэтому оба этих понятия сохранились в русском общественно-политическом сознании до наших дней как значимые ценностные ориентиры»⁵. При этом важно отметить, что категории «“независимость”» (в значении “государственная независимость”, “суверенитет”) и “служение” особое значение в российских источниках приобрели в начале XVI столетия ... идея “государственной независимости” (“суверенитета”) с начала XVI в. выражалась, прежде всего, в понятиях “самодержец”/“самодержавие”»⁶.

---

¹ См., например: Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. С. 93 и сл.

² Селезнева А.В. Ценности в фокусе междисциплинарных исследований // Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.В. Селезневой. М., 2024. С.43.

³ Базисные традиционные ценности в данном исследовании понимаются как «ценности, выработанные в результате многовекового исторического и духовно-политического развития народа в сложившихся природно-климатических, географических, конкретно-исторических, духовно-нравственных и социально-политических условиях, и являющиеся неперенным фактором формирования общенациональной и политической идентичности народа» (Перевезенцев С.В., Сорокопудова О.Е., Страхов А.Б. Методологические принципы изучения базисных традиционных ценностей // Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.В. Селезневой. М., 2024. С.28).

⁴ Страхов А.Б. «Самодержавие» и «согласие» в русской духовно-политической традиции XI–XVII вв. // Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.В. Селезневой. М., 2024. С. 495.

⁵ Там же. С. 495.

⁶ Перевезенцев С.В., Боронин А.Р. «Самодержавие», «независимость» и «служение» в русской духовно-политической традиции XVIII в. // Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.В. Селезневой. М., 2024. С. 497.

Подобное понимание «согласия» напрямую связано с понятием «солидарности», а далее и «служения». Однако в сочинениях авторов XVIII в. «служение» параллельно с религиозными все больше наполняется и светскими коннотациями. По убеждению большинства авторов различных сочинений этого времени человек должен жертвовать личной свободой во имя общественного «согласия» и государственной пользы. В отечественной литературе XVIII в. оправданность этой жертвы объяснялась чаще всего необходимостью служения каждого жителя России государству и Отечеству по той причине, что не служить государству и Отечеству – «подло»¹.

Безусловно, на протяжении истории идейно-смысловое наполнение, стоящее за этими ценностями, могло меняться, но сами по себе эти ценности оставались константами, определяющими мировоззрение. В связи с этим крайне интересной становится задача изучения того, как эти ценности отражаются в сознании современных людей, особенно молодежи. Подобный подход намечает дальнейшие ориентиры и перспективы для междисциплинарных исследований.

Библиография

1. *Анисимов С.Ф.* Введение в аксиологию. М., 2001.
2. Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016.
3. *Перевезенцев С.В., Боронин А.Р.* «Самодержавие», «независимость» и «служение» в русской духовно-политической традиции XVIII в. // Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С.В.Перевезенцева, А.В.Селезневой. М., 2024. С. 496-517.
4. *Перевезенцев С.В., Сорокопудова О.Е., Страхов А.Б.* Методологические принципы изучения базисных традиционных ценностей // Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С.В.Перевезенцева, А.В.Селезневой. М., 2024. С. 15-31.
5. *Селезнева А.В.* Ценности в фокусе междисциплинарных исследований // Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С.В.Перевезенцева, А.В.Селезневой. М., 2024. С. 32-44.
6. *Страхов А.Б.* «Самодержавие» и «согласие» в русской духовно-политической традиции XI–XVII вв. // Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С.В.Перевезенцева, А.В.Селезневой. М., 2024. С. 486-495.

---

¹ Там же. С.516.

Боронин Артем Романович

Студент магистратуры факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; младший научный сотрудник Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления Государственного академического университета гуманитарных наук
Москва, Россия

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОНЯТИЯ «СЛУЖЕНИЕ» В РИТОРИКЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II¹

Российская империя, будучи непрерывно действующей на протяжении последней тысячи лет в разных формах государственностью, к началу XX века сохраняла традиционные представления о служении в качестве «принесения сердца», «божественного долга» и самоотверженного труда. Пожалуй, основным хранителем русской традиции в тех условиях выступала русская монархия, что заметно из публичных документов и частных разговоров Николая II. Обращаясь к первому, отметим выражения из Манифеста 26 февраля 1903 года: «Изволением промысла Божия, вступив на Прародительский Престол, Мы приняли священный обет пред Лицом Всевышнего и совестью Нашею свято блюсти вековые устои Державы Российской и посвятить жизнь Нашу служению возлюбленному отечеству». Здесь же и видим указанные выше черты «божественности долга» («Изволением промысла Божия»), «принесения сердца» («обет пред... совестью Нашею») и самоотверженного служения («обет... принести жизнь... служению»)². Другую сторону служения, уже собственно монархическую, видим в Манифесте в честь рождения наследника престола: «Возносим вместе с верными Нашими подданными горячие молитвы ко Всевышнему о благополучном возрастании и преуспевании Нашего Первородного Сына, призываемого быть Наследником Богом врученной Нам Державы и великого Нашего служения»³. Здесь царская власть воспринимается в качестве особого служения, связанного с заботой о врученном Богом народе, более того — такое служение наследственно, что предполагало продолжение в династии указанной традиции отношения к служению как долгу. Примечательно, что и в годы революционных потрясений Николай II демонстрировал схожие настроения, и в Манифесте об усовершенствовании государственного порядка можно найти следующие слова: «Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты»⁴. И потому уже в приветственном обращении императора к Государственной Думе

---

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Исторические модели российской государственности: аксиологические константы в конкретно-политических условиях», № FZNF-2024-0011, рег. номер ЕГИСУ НИОКР 1024030100143-7-5.6.1)

² Высочайший Манифест 26 февраля 1903 года // Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса: Тип. Одесских Новостей, 1912. С. 3.

³ Высочайший Манифест 30 июля 1904 года // Ежегодник Министерства Иностранных Дел. 1905. (Исправлено и дополнено по 24 февраля 1905 г.). СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1905. С. XXXV.

⁴ Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка // Законодательные акты переходного времени. 1904- 1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. Изд. 3-е, пересм. и доп. по I сентября 1908 года / Под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревского. СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1909. С. 150-151.

1906 года звучит: «Трудная и сложная работа предстоит вам. Верю, что любовь к Родине, горячее желание послужить ей, воодушевят и сплотят вас. Я же буду охранять непоколебимыми установления, Мною дарованные, с твердой уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение Отечеству»¹. Отсюда видно, что для императора было важно, чтобы новые политические институты России восприняли ту свойственную русской монархии традицию служения, а целью такой деятельности в коронационном Манифесте Николай II указал «мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устройство счастья всех наших верноподданных»². В результате, согласно логике феномена служения, независимость личная жертвовалась в пользу независимости государственной, а потому служение служащему монарху было в то же время служением России, в чем и виделась воля Бога. Потому даже в последние месяцы своей жизни император сохранял это убеждение в необходимости служения, и в воспоминаниях полковника Н.А. Артабалева можно найти показательный эпизод, когда вокруг семьи Николая II на вокзале перед отправлением в Тобольск собрались люди. Сам полковник так описывает те события: «Тогда Царская Семья начала свой страдальный путь и толпа русских людей, Их подданных, свидетельствовала его своим священным молчанием и тишиной... Бледное лицо Государя и Его незабвенный взор навсегда останутся в моей памяти... В необъяснимом порыве, я припал лицом к Его плечу. Государь позволил мне побыть так несколько мгновений, а потом осторожно отнял мою голову от Своего плеча и сказал: "...Спасибо вам за службу, за преданность... за все... за любовь к нам... от меня, Императрицы и моих детей... Служите России так же, как служили мне... Верная служба родине ценнее в дни ее падения, чем в дни ее величия... Храни вас Бог"»³. И хотя этот отрывок не является выдержкой из манифестов или официальных речей, но он вполне соответствует настроению из публичных документов, и особенно внимательная заслуживает желание Николая II сохранить в подданных традицию служения («Служите России так же, как служили мне»). Пожалуй, именно таковым представляется ценностный контекст понятия «служения» в риторике императора Николая II.

Библиография

1. Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. Изд. 3-е, пересм. и доп. по I сентября 1908 года / Под ред. пр.-доц. Н.И.Лазаревского. СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1909. С. 150-151.
2. Высочайший Манифест 26 февраля 1903 года // Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса: Тип. Одесских Новостей, 1912. С. 3-5.
3. Высочайший Манифест 30 июля 1904 года // Ежегодник Министерства Иностранных Дел. 1905. (Исправлено и дополнено по 24 февраля 1905 г.). СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1905. С. XXXV-XXXVI.

¹ Приветственное слово Его Императорского Величества Государя Императора Государственному Совету и Государственной Думе (27.04.1906) // *Ерофеев Н.Д.* Российская монархическая государственность на последнем этапе своей истории 20 октября 1894 г. — 3 марта 1917 г. Сборник документов. М., 2014. С. 341.

² Цит. по: *Орчакова Л.Г., Козловская Г.Е., Палагина М.В.* Коронационные манифесты XIX в. как способ презентации императорской власти // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* 2020. №1 (62). С. 17.

³ *Якобий И.П.* Император Николай II и революция. Tallinn, 1938. С. 379-380.

4. Орчакова Л.Г., Козловская Г.Е., Палагина М.В. Коронационные манифесты XIX в. как способ презентации императорской власти // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. №1 (62). С. 15-19.

5. Приветственное слово Его Императорского Величества Государя Императора Государственному Совету и Государственной Думе (27.04.1906) // Ерофеев Н.Д. Российская монархическая государственность на последнем этапе своей истории 20 октября 1894 г. — 3 марта 1917 г. Сборник документов. М., 2014. С. 341.

6. Якобий И.П. Император Николай II и революция. Tallinn, 1938.

Палитай Иван Сергеевич

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук

Москва, Россия

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ О СВОБОДЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ¹

Проблема ценностных ориентаций общества на сегодняшний день весьма актуальна в связи с тем, что в условиях многочисленных вызовов и угроз именно ценности могут послужить объединяющим началом для общества. При этом из всего их множества нами особенно выделяются традиционные духовно-нравственные ценности, сложившиеся в ходе многовековой истории нашего государства. Однако необходимо отметить, что в контексте обозначенных выше проблем и задач, важным является не просто наличие у граждан схожей системы ценностей, а именно ее смысловое наполнение.

В рамках проведенного нами исследования было выявлено представление молодых людей как самой «уязвимой» в ценностном смысле категории граждан о свободе, представляющей собой одну из констант российской государственности. В результате проведенного анализа нами были сделаны следующие выводы.

В понимании и интерпретации свободы молодыми людьми мы находим элементы, которые складывались на протяжении российской истории. Большинство респондентов придерживаются рационалистического понимания свободы (независимость, безопасность), близкого к основным направлениям социально-политического дискурса, впервые получившим свое развитие в работах мыслителей XIX века. Не случайно на первом месте в ответах на вопрос «Для чего нужна свобода?» оказывается вариант «для самореализации», который отражает рациональное, можно сказать, прагматичное понимание вопроса. В то же время не менее значимым стало видение свободы в качестве самостоятельной ценности. Данный факт можно интерпретировать как отражение заложенных в российском мировоззрении более

---

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Аксиологические константы российской государственности в контексте развития страны: нормативная модель и возможности ее реализации», № FZNF-2024-0009, рег. номер ЕГИСУ НИОКР 1024030100141-9-5.6.1).

глубоких тенденций, отражающих понимание свободы в качестве своеобразного дара, значение которого в XI–XVII веках интерпретировалось в христианском контексте как благодать и спасение.

Понимание анализируемой ценности у молодых людей различных возрастных когорт расходится. В целом у всей молодежи основными ассоциациями с понятием «свобода» являются такие категории как «независимость», «безопасность» и «воля, вольность». При этом, если первая из обозначенных является крайне значимой для всех возрастных групп, то место двух других категорий в системе представлений о свободе постепенно меняется с возрастом респондентов. Так, для самой младшей когорты — школьников — понимание свободы как безопасности встречается гораздо реже, чем у более старших молодых людей. А вот представление о свободе, как о воле и вольности у респондентов 14-17 лет фиксировалось нами чаще, чем у более возрастных. Последним в принципе свойственно более взвешенное отношение к содержанию ценностей и представлениям о том, для чего нужна свобода: значимое место занимает ответ «свобода имеет ценность сама по себе», что, возможно, объяснимо наличием у них большего социального опыта. Школьники же, напротив, выбирают такой вариант довольно редко, отдавая предпочтение ответам, близким к интерпретации свободы как воли, вольности: свобода — это отсутствие принуждения или необходимости следовать традиционным правилам и нормам. Можно предположить, что данный выбор связан с желанием избавиться от семейных или школьных обязанностей, ассоциирующихся с зависимостью от «взрослых».

В ходе исследования нами было зафиксировано следующее противоречие в ценностных ориентациях молодых людей. Наряду с запросом на автономность и личную свободу у респондентов фиксируются патерналистские ориентации, свойственные в целом отечественной политической культуре. Молодые люди субъектом реализации своих ценностей и удовлетворения потребностей видят государство. Эта же тенденция проявляется и в ответах на вопрос о том, как должны строиться отношения между гражданином и государством.

С одной стороны, большинство респондентов из предложенных вариантов таких отношений выбирают тот, который предполагает роль государства только в качестве субъекта нормативного регулирования общественных отношений и обеспечения правопорядка. А во всех остальных сферах выбирают значительную степень свободы для гражданина.

С другой стороны, при выборе того, кто должен обеспечивать свободу, представители всех когорт называют органы государственной власти и в меньшей степени — самого человека. Данная характерная черта присутствует во всех группах респондентов, однако, в самой младшей когорте она проявляется особенно ярко.

Выявленные особенности в восприятии ценности свободы и представлении о том, в чем ее основной смысл, связаны, прежде всего, не с возрастом респондентов. Объяснить их можно, с одной стороны, отсутствием у школьников и частично у студентов серьезного опыта участия в социальной и политической жизни. А с другой — тенденцией, как со стороны родителей, так и со стороны государственных структур в какой-то степени оградить их от опасностей реального мира. Кроме того, семья, школа, а часто и ВУЗы не всегда дают подросткам достаточную информацию о специфике социально-политических или экономических отношений в обществе, что иногда приводит к влиянию на более юных представителей молодежи манипулятивных технологий групп радикальной идеологической направленности или финансовых групп мошеннического типа.

Перевезенцев Сергей Вячеславович

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; главный научный сотрудник Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления Государственного академического университета гуманитарных наук

Москва, Россия

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ НОРМАТИВНОЙ МОДЕЛИ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ¹

Одной из важнейших задач сохранения и развития российской государственности является обеспечение и защита духовного, политического и национальной суверенитета. Эта задача напрямую связана с сохранением исторической памяти и национально-гражданской идентичности, которая опирается на комплекс базисных идеалов и духовно-нравственных ценностей², основанных на собственном историческом опыте, но вбирающих в себя все те положительные новшества, которые несет с собой социальный, информационный и технологический прогресс.

В тоже время, в российской общественной науке продолжается дискуссия о существе, формах и принципах духовно-нравственных ценностей, разнятся определения этих понятий. В данной статье, опираясь на традиционалистско-консервативную методологию³, предпринята попытка построить возможную нормативную модель духовно-нравственных ценностей, очерченных в Указе №809, и рассмотреть их смысловое содержание.

Можно предложить нормативную модель, которая включает в себя три блока, сформированных по функциональному принципу, т. е. исходя из той или иной деятельной функции каждой из духовно-нравственной ценности.

Первый блок составляют ценности, отвечающие на вопрос «зачем?» и потому являющиеся религиозно-философскими ценностями. Эти ценности раскрывают основные смыслы существования российской цивилизации, а, значит, определяют смыслы и цели существования государства, основные задачи, стоящие перед данным государством. В данном случае такими ценностями можно считать: *жизнь, высокие нравственные идеалы, справедливость*.

Жизнь — наивысшая ценность, без которой для человека ничего нет; земное существование; в традиционном русском понимании — дар Божий человеку как

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Исторические модели российской государственности: аксиологические константы в конкретно-политических условиях», № FZNF-2024-0011, рег. номер ЕГИСУ НИОКР 1024030100143-7-5.6.1)

² Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 15.11.2024).

³ См. об этом: *Перевезенцев С. В., Пучнина О. Е., Страхов А. Б., Шакирова А. А.* К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 113–133; см. также: Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С. В. Перевезенцева, А. В. Селезновой / Авт. С. В. Перевезенцев, А. В. Селезнова, Т. В. Евгеньева, О. Е. Сорокопудова, А. Б. Страхов, И. С. Палитай, Д. Д. Тулегенова, Н. С. Скипин, А. Р. Боронин, А. А. Шакирова, Е. А. Турков. М.: Квадрига, 2024. С. 15–31.

лучшему своему творению; высшая форма жизни — вечное блаженное пребывание в Царстве Божиим.

Высокие нравственные идеалы — комплекс духовно-нравственных ценностей и идеальный образ высокообразованной нравственной личности, патриота и гражданина, основным источником которых служат традиционные для России религиозные истины, в первую очередь, христианские.

Справедливость — важнейший принцип нравственного общежития, в традиционном русском православном понимании дарованный самим Господом; краеугольный камень традиционного российского представления об идеальном общественном и государственном устройстве на любом историческом этапе; в реальном воплощении — политическое и социальное равноправие, общепризнанные правила распределения плодов труда, достойное вознаграждение и наказание, должное место каждого человека в обществе, а нации в системе международных отношений.

Ценности, определяющие основные идеальные качества личности, как члена общества, входят во второй блок и отвечают на вопрос «кто?», т. е. о том, какие идеальные качества должны служить ориентирами личностного становления каждого члена того или иного общества. В этот блок можно включить: *достоинство, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, взаимопомощь и взаимоуважение.*

Достоинство — осознание максимального приближения к идеальному духовно-нравственному образу человека, сформированному в той или иной духовно-политической традиции того или иного народа, в русском понимании — в православной традиции.

Приоритет духовного над материальным — основополагающая российская ценность, доказанное многовековой историей служение высшим духовно-нравственным идеалам, основным источником которых являются традиционные для России религиозные истины, в первую очередь, христианские.

Гуманизм — в традиционном русском понимании любовь к человеку, идеал свободной, нравственно ответственной личности, когда истинно свободной личностью может считаться лишь тот, кто понимает пределы своей свободы, т. е. свобода начинается только тогда, когда человек знает о существовании очень жестких границ, которые он не имеет право переступить.

Милосердие — деятельное сострадание к ближним, помощь людям, нуждающимся в духовной, социальной и иной поддержке, способность не только разделить и облегчить бремя забот, трудностей, болезней и скорбей других людей.

Взаимопомощь и взаимоуважение — традиционные для российской цивилизации проявления коллективистского (общинного) мировоззрения и поведения, особый тип взаимоотношений, основанный на нравственных принципах, милосердия, справедливости, чувствах братской любви и доверия.

Наконец, в третий блок входят ценности, составляющие основной инструментарий, необходимый государству и обществу для обеспечения достижения своих целей и интересов личности. Включенные в эту группу ценности, отвечают на вопрос «как?», т. е. о способах обеспечения основных смыслов существования той или иной цивилизации: *патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, права и свободы человека, коллективизм, созидательный труд, крепкая семья, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.*

Патриотизм — осознанное или неосознанное чувство любви к Отечеству и народу, к его культуре и религии, уважение к его истории, к свершениям прежних поколений.

Гражданственность — устойчивый комплекс идейно-политических принципов, определяющих социально-политическую роль человека в государстве и обществе, его формальный политико-правовой и социальный статус, предписываемый ему политической системой и религиозно-культурными традициями.

Служение Отечеству и ответственность за его судьбу — основанное на нравственных убеждениях сознательное ограничение человеком личной свободы во имя общественных интересов, деятельное проявление патриотизма и гражданственности, способность взять на себя обязательства перед своей страной и народом и достойно их выполнять; в традиционном русском понимании единое для многих народов Отечество — это земное воплощение Высшего Единства.

Права и свободы человека — комплекс духовно-политических констант, основанных на традиционных нравственных принципах, направленных на реализацию достоинства личности, помогающих восхождению личности к добру, охраняющих ее от внутреннего и внешнего зла, позволяющих ей положительно реализоваться в обществе, неразрывно связанных с обязанностями и ответственностью перед обществом и государством.

Коллективизм — характерная черта русского и, шире, российского мировоззрения, воспитанная многовековым преобладанием общинного мироустройства русского общества; приоритета общности над индивидом; сознательное служение индивида общественным интересам во имя достижения общепризнанных значимых целей.

Созидательный труд — деятельное стремление к благу общества и государства, осознанная творческая деятельность человека, направленная на создание духовных и материальных ценностей.

Крепкая семья — первичный и важнейший институт общества в традиционной для России форме союза мужчины и женщины, основанный на чувстве взаимной любви, нравственной и правовой ответственности, осуществляющий несколько основных функций в обществе, как то, репродуктивную (воспроизводство населения), хозяйственно-экономическую, функцию социального контроля и воспитания, духовную и эмоциональную. Сегодняшняя задача — возвращение к традиционной многодетной семье, установление духовного единства детей и родителей, возвращение семье ее подлинного смысла и назначения, утверждение родителей и детей в нравственных ценностях, удовлетворение их духовных и материальных потребностей.

Историческая память и преемственность поколений — комплекс важнейших исторических событий, единая оценка которых отточена веками общей исторической судьбы, а признание этой оценки и обозначает, собственно говоря, принадлежность к народу; это и вполне реальное ощущение человеком причастности собственной, отдельной, частной судьбы к чему-то большому, значимому, великому, причастности современных поколений к исторической судьбе своего народа, понимание ими собственной исторической и нравственной ответственности за свою землю и свой народ перед прошлыми и будущими поколениями.

Единство народов России — важнейший принцип существования российской цивилизации, многоцветие народов, сплоченных государствообразующим русским

народом в общей исторической судьбе, решающих общие исторические задачи, сохраняющих при этом свои традиционные культуры и религии, плодотворное переплетение традиций различных народов, религий и культур.

Ценностным ядром в данной нормативной модели являются ценности, входящие в третий блок, т. к. именно они соединяют в себе и смыслы существования российской цивилизации, и способы их обеспечения, и основные идеальные качества членов российского общества.

Библиография

1. *Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А.* К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 113–133.

2. Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С. В. Перевезенцева, А. В. Селезневой / Авт. С. В. Перевезенцев, А. В. Селезнева, Т. В. Евгеньева, О. Е. Сорокопудова, А. Б. Страхов, И. С. Палитай, Д. Д. Тулегенова, Н. С. Скипин, А. Р. Боронин, А. А. Шакирова, Е. А. Турков. М.: Квадрига, 2024. С. 15–31.

3. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 15.10.2024).

Соловьев Константин Анатольевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственного и муниципального управления, факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заслуженный профессор Московского университета

Москва, Россия

СИМВОЛИКО-ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ (XI – XIII ВВ.)

Одно из направлений в изучении древней русской государственности может быть обозначено как выявление, описание и анализ деятельности по самопрезентации государства, необходимой, во-первых, для выработки элитой общих представлений о целях, задачах и способах реализации своих властных полномочий, а во-вторых, для подтверждения легитимности принимаемых управленческих решений. В этой связи можно говорить о необходимости разработки модели государственного управления, которая в своем полном выражении должна отвечать нескольким параметрам:

указание на то, каково его *целеполагание* и на то, какие *задач* нужно решать в процессе управления; обозначение тех, кто имеет право на управление (то есть обладает *субъектностью*);

набор *принципов* (общих, организационных, инструментальных) на которых строится практика управления; перечень *функций* управления;

приемлемый в данной модели *инструментарий* управления;

указание на то, по каким *критериям* можно оценивать результаты управленческой деятельности.

Становление управленческой мысли Древней Руси проходило под влиянием нескольких факторов, которые вступали между собой в сложные сочетания при доминировании тех или иных факторов или же при их относительном равновесии. *Первым фактором* такого рода была традиция управленческого воздействия, первоначально сформировавшаяся в догосударственную эпоху (вождества), а затем трансформирующаяся под воздействием новых условий.

Вторым фактором стало знакомство с теоретическими конструкциями, сложившимися за рубежом, у народов с более ранним началом государственной жизни (прежде всего Византии), что облегчалось принятием христианства и приходом на Русь как носителей христианского сознания, так и текстов, содержащих в том числе готовые модели властного поведения.

Третьим фактором стала собственная практика управления, в рамках которой необходимо было решать возникающие «здесь и сейчас» управленческие задачи, используя как тот инструментарий, что был отобран опытом предыдущего управления, так и новый, появляющийся чаще всего методом «проб и ошибок», но требующий затем осмысления. В рамках *княжеской власти* задачи по управлению решали военные структуры: бояре-воеводы (выполнявшие функции наместников в малых городах и советников князя) и княжеские дружинники на должностях мечников, вирников и мытников т.п.¹, что позволяет современным авторам говорить о начальном этапе древнерусской государственности как о «дружинном государстве»². В рамках *вечевого управления* это были избираемыми свободным населением «сотские», привлекаемые князьями к участию в Совете³.

Первый текст, в котором христианские представления о власти и управлении транслировались на Русь, – это «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. В нем государственное управление представлено как функция монарха – «самодержца». Эта функция метафорически описывается как образ жизни «пастыря» (пастуха), который «с твердостью и мужеством пасет землю свою». Эта деятельность конкретизируется через традиционный, со времен Ветхого завета набор задач «пастыря», который управляет «просящим подавая, нагих одевая, жаждущих и алчущих насыщая, болящих утешением всяческим утешая, должников выкупая, рабам даруя свободу»⁴.

Отметим, что в данном случае, и *целеполагание* управления («пасти землю») и набор *задач* не имеют практического содержания. Их значение символическое – продемонстрировать готовность следовать в управлении библейскому идеалу. Модель управления, предлагаемая Иларионом, – это *модель символического поведения*. В ней управление осуществляется примером: князь совершает поступки, смысл

¹ Подробно см.: *Верецагина А.В., Омеляненко М.Е.* Институализация юстиции в нормах Русской Правды // Актуальные проблемы российского права. 2020. №1 (110). С. 11-23.

² *Риер Я. Г.* О начальных этапах формирования древнерусской государственности // Вестник славянских культур. 2016. №2. С. 13-32; *Серегин А.В.* Древнеславянские дружины в системе раннесредневекового государственного управления: историко-правовой анализ юридического статуса зарождающегося служилого сословия // Труды Института государства и права РАН. 2020. №2. С. 9-30.

³ *Исаев Б.А.* Демократическая тенденция в политической истории средневековой Руси: политические системы, институты и группировки // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. №15. С. 29-42.

⁴ «Слово о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 47, 49.

которых в том, чтобы показать пример праведного и справедливого поведения носителя власти. Но с реальностью эта модель соотносилась слабо, поскольку задача символического поведения — не решение задач управления, а *демонстрация способности* к их решению в рамках христианского учения.

Практически ориентированный вариант модели поведенческого управления представлен в «Поучении» Владимира Мономаха. В этом тексте теории символического (демонстративного) поведения носителя власти представлена в виде концепции «трех малых дел», в качестве которых Мономах называет «покаяние, слезы и милостыню»¹. «Покаяние» правителя – это *демонстративное поведение*, в котором князь, прежде чем принять решение (или начать его выполнение) обращается к церкви с символическим актом покорности: «Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение»². Более важен в «Поучении» фрагмент, в котором Владимир Мономах пишет о практике управления: «Что надлежало делать отроку моему, то сам делал – на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал»³.

Символично-поведенческая модель княжеского управления была прямым продолжением власти военного предводителя периода вождества: он должен сам уметь делать все то, что поручено его подчиненным, и делать лучше них, чтобы подавать пример, одновременно утверждая свое первенство в управлении. Но в этой модели князю не нужно доказывать свое право на управление, предписанной богом. Ему нужно личным действием *утверждать справедливость* в подвластных ему землях. И в этом утверждении справедливости наиболее отчетливо выявляется *компенсаторная функция* княжеского управления. Его главные (декларируемая) обязанности: а) заботиться о тех, кто не имеет сил и средств для получения благ и б) корректировать деятельность тех, кто, от имени княжеской власти принимает решения и «исправлять» эти решения, если они принимаются только исходя из интересов правящей элиты.

Важнейшая черта поведенческой модели управления – совет князя с «мудрыми советниками». Правитель сам принимает решения и ответственен за них. Но эту ответственность с ним делят те, кто предлагают ему эти решения. Этот *принцип управления*, распространяющий *субъектность князя* на его советников, зафиксирован в «Слове Даниила Заточника»: «С мудрым советником совещаюсь, князь высокий престол займет, А с плохим советником совещаюсь – меньшего лишен будет»⁴. А в максимально точном (хотя и чрезвычайно образном) виде – в «Наставлении тверского епископа Семена», который на вопрос князя, где окажется после смерти тиун (управитель), который «неправедно судит, взятки берет, имущество людей с торгов продает, мучит, злое все делает», ответил: «как взбесившегося человека напустить на людей, вручив ему меч, – так и князь, дав округу злому человеку, губит людей. Тут и князь – в ад, и тиун с ним – в ад!»⁵.

Соответственно в первой модели управления мы можем видеть *пастырское целеполагание* с решением задач по *внесению справедливости* в обществе. В этой модели ключевой *организационный принцип* – принятие решений советом. А главная его *функция* – компенсаторная.

¹ Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 461.

² Там же. С. 463.

³ Там же. С. 471.

⁴ Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997. С. 279.

⁵ Наставление тверского епископа Семена // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997. С. 395.

Библиография

1. *Верещагина А.В., Омеляненко М.Е.* Институализация юстиции в нормах Русской Правды // Актуальные проблемы российского права. 2020. №1 (110). С. 11-23.
2. *Исаев Б.А.* Демократическая тенденция в политической истории средневековой Руси: политические системы, институты и группировки // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. №15. С. 29-42.
3. Наставление Тверского епископа Семена. // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997. С. 394-395.
4. Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 456-475.
5. *Риер Я.Г.* О начальных этапах формирования древнерусской государственности // Вестник славянских культур. 2016. №2. С. 13-32.
6. *Серегин А.В.* Древнеславянские дружины в системе раннесредневекового государственного управления: историко-правовой анализ юридического статуса зарождающегося служилого сословия // Труды Института государства и права РАН. 2020. №2. С. 9-30.
7. Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997. С. 268-283.
8. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 26-61.

Сорокопудова Ольга Евгеньевна

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления Государственного академического университета гуманитарных наук

Москва, Россия

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Несмотря на достаточно серьезное внимание современного научного сообщества к проблемам возникновения, содержания и функционирования традиционных ценностей², историческому и культурному своеобразию цивилизационно-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Исторические модели российской государственности: аксиологические константы в конкретно-политических условиях», № FZNF-2024-0011, рег. номер ЕГИСУ НИОКР 1024030100143-7-5.6.1).

² *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Скитин Н.С., Тулегенова Д.Д.* Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 1. С. 233-251; *Перевезенцев С.В., Ананьев Д.А.* Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 1. С. 21-37; *Перевезенцев С.В., Сорокопудова (Пучнина) О.Е.* Петр I как политический мыслитель: традиционные ценности и идеологические новации // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 3. С. 50-73; *Сорокопудова (Пучнина) О.Е., Миронов Д.В.* Исследование аксиологических оснований российской государственности: перспективы использования метода политико-текстологического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 2. С. 455-470 и т.д.

го пути России и осознанию их связи с политической идентичностью, вопросами национальной безопасности и перспективами устойчивого развития, в отечественной науке до сих пор не представлен комплексный и методологически обоснованный взгляд на эти аспекты проблемы в их взаимосвязи. Нет единства и в определении содержания феномена базисных традиционных ценностей, сущности и форм их проявления. Такая ситуация сложилась в силу нескольких причин.

Во-первых, несмотря на внутреннюю концептуальную инвариантность базисных традиционных ценностей российской цивилизации, на протяжении истории они претерпевали собственную эволюцию, видоизменялись и дополнялись новыми смыслами и акцентами, отвечая потребностям и вызовам конкретной исторической ситуации. Это не могло не привести к появлению противоречий внутри ценностного комплекса, а также к тому, что на разных этапах исторического развития на первый план могли выходить те идеалы и ценности, которые были востребованы обществом в большей степени, что, однако, не означало отказ от остальных традиционных для отечественной культуры идейных доминант.

Во-вторых, на текущий момент в российской научной литературе все еще недостаточно проработана теоретическая и методологическая база исследования феномена базисных традиционных ценностей и их влияния на формирование политической идентичности общества вообще и российского общества в частности.

Это, в свою очередь, обуславливает третью причину сложности изучения этой темы – несмотря на провозглашение принципа научной нейтральности и объективности, значительная часть современных исследователей рассматривает базисные традиционные ценности с точки зрения либеральных моделей исторического развития, в рамках которых само явление традиционализма и феномен традиционных ценностей могут быть восприняты лишь критически, что значительно сужает и обедняет исследовательское поле.

Общеизвестно, что выбор методологии обладает большим идеологическим потенциалом, поскольку в основе этого выбора неизбежно лежат вполне определенные ценностные принципы. И в этой ситуации как никогда важна собственная рефлексия ученого по поводу своей деятельности. Так называемый рефлексивный поворот в науке заключается в осознании того, каким образом наука сама «создает» свой предмет в зависимости от методологических установок, формулирования проблемы исследования, выбора материала и источников, социально-политических взглядов и психологических свойств ученого, а также тенденций и логики развития самой науки.

И вот здесь сегодня обнаруживается парадоксальная ситуация. Если в публичном дискурсе либеральная идеология, которая стремится к доминированию в мировом масштабе, за последние тридцать лет уже с очевидностью показала свою тоталитарную, по сути, интенцию, то в науке ее влияние проследить гораздо сложнее, поскольку научное познание продолжает декларировать себя как ценностно-нейтральное и объективное, однако очевидно, что оно точно так же входит в общую социально-гуманитарную парадигму, а значит подвержено тем же процессам.

Классическая либеральная идеология провозглашает, что самое главное и в истории, и в современности – личность человека, его права, его свобода. С точки зрения классического либерализма, история во всех ее проявлениях существует только для того, чтобы сделать человеческую личность как можно более свободной в выборе своих жизненных принципов и своего поведения, в реализации собственных желаний. Иначе говоря, смысл истории, с либеральной точки зрения, заключается в достижении человеком полной свободы. Однако если говорить о классическом либерализме, то речь идет не только о правах, но и об обязанностях человека перед другими людьми и обществом в целом, именно поэтому в свое время либерализм и считался символом свободы.

К сожалению, к сегодняшнему дню либерализм выродился в совершенно иные, крайние, формы, в рамках которых неограниченная свобода личности и ее права приобрели абсолютную ценность, а главной обязанностью перед другими людьми и обществом стало считаться навязывание ультралиберальной идеологии всему миру, всем народам, государствам и цивилизациям. В научной сфере можно проследить аналогичные процессы, являющиеся, с одной стороны, закономерным следствием развития научного познания, которое не существует в отрыве от общего развития человеческой цивилизации, но, с другой стороны, очевидно обедняющие и искусственно сужающие пространство и возможности полноценного интеллектуального поиска.

Библиография

1. *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Скипин Н.С., Тулегенова Д.Д.* Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 1. С. 233-251.

2. *Перевезенцев С.В., Ананьев Д.А.* Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 1. С. 21-37.

3. *Перевезенцев С.В., Сорокопудова (Пучнина) О.Е.* Петр I как политический мыслитель: традиционные ценности и идеологические новации // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 3. С. 50-73.

4. *Сорокопудова (Пучнина) О.Е., Миронов Д.В.* Исследование аксиологических оснований российской государственности: перспективы использования метода политико-текстологического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 2. С. 455-470.

Страхов Александр Борисович

Кандидат политических наук, специалист по учебно-методической работе кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления Государственного академического университета гуманитарных наук
Москва, Россия

САМОДЕРЖАВИЕ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В «СЛОВЕ ПОХВАЛЬНОМ» ИНОКА ФОМЫ¹

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» подчёркивает, что «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России»². При этом, как видится, и сам суверенитет является ценностью, которую необходимо защищать. Как складывалось её развитие?

В первую очередь стоит отметить, что сам термин «суверенитет» довольно поздний и появился значительно позже того, как сложилось само содержание его ценности. В каком термине она выражалась? Это термин «самодержавие»³. Однако стоит обозначить некоторые аспекты его бытования в русской книжности до начала XV века. При помощи Национального корпуса русского языка удалось определить, что до начала XV века слова «самодержавие» и «самодержец» встречались в 13 текстах 27 раз. Из этих текстов пять переводные с греческого, но зато в них встречается 19 словоупотреблений. На один оригинальный русский текст из обнаруженных приходится лишь одно использование слова «самодержец». Причём в двух текстах слово «самодержец» входит в титул польского наместника в Галицко-Волынской земли. Это позволяет сделать осторожный вывод о том, что самодержавие для древнерусских книжников было лишь дословным переводом греческого «автократия», а своё содержание русская мысль в него ещё не вложила.

Но вот в 1412–1414 гг. было создано «Сказание о нашествии Едигея», где впервые за долгое время появляется термин «самодержец»: «Боголюбивому и православному самодръжцу великому князю Василью Дмитриевичю, столь руския хоругви дръжашу, и христиане благоденьствовахуть в дръжавѣ его, и земля Русския миром украшаема в сихъ добрыхъ исполнися благоцветяше»⁴. В этом небольшом отрывке обращают на себя внимание несколько аспектов. Во-первых, «самодержец» здесь – не официальный титул великого князя, а восприятие книжником Василия Дмитриевича в качестве такового. Это может свидетельствовать об особо остром ощущении ценности самодержавия в русской духовно-политической мысли, такого

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Исторические модели российской государственности: аксиологические константы в конкретно-политических условиях», № FZNF-2024-0011, рег. номер ЕГИСУ НИОКР 1024030100143-7-5.6.1)

² Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 15.11.2024).

³ Подр. см.: *Страхов А.Б.* Аксиологические основы российской цивилизации: самодержавие и согласие в идейно-политическом дискурсе XI–XVII вв. // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2023. № 5. С. 85–96.

⁴ Сказание о нашествии Едигея // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. С. 242.

актуального в условиях ига. Можно предположить, что в условиях зависимости князей от Орды самодержавие остаётся идеалом независимости, к которому необходимо стремиться, политической целью русского народа. Во-вторых, правление Василия Дмитриевича характеризуется тем, что наступил мир для христиан, спокойствие, надёжно защищаемое княжеским войском. Самодержавие как ценность обрывает важным дополнением – недостаточно быть независимой страной, необходимо быть также благочестивым, процветающим и сильным государством.

Однако в полной мере концептуальная разработка самодержавия как специфически русской ценности содержится в более позднем тексте – в «Слове похвальном» тверского инока Фомы. Стоит отметить, что сохранилось «Слово» случайно и в единственном списке плохой сохранности было обнаружено Николаем Петровичем Лихачёвым в начале XX века. Кроме механических повреждений на тексте остался и тяжёлый след не очень вдумчивого переписчика. «Слово» было создано около 1453 года и имело конкретного адресата – великого князя Тверского Бориса Александровича. Но примечательно, что именно в этом тексте впервые появляется прилагательное «самодержавный», которое употребляется даже чаще, чем существительное «самодержец». Можно предположить, что самодержавие само по себе с этого момента отделяется от конкретного правителя и становится ценностью самой по себе, принадлежностью не человека, но государства.

Текст имеет претенциозный, даже, как отмечал Лихачёв, вычурный характер. Но благодаря панегирическому характеру текста легко реконструировать, каким содержанием Фома наполнял понятие «самодержавие» в середине XV века. Во-первых, понимание самодержавия как Божьего дара: «Въсхотѣ быти единъ самодержецъ, а не веды, кому же Богъ хоцетъ власть дати, тому и дастъ»¹. Во-вторых, самодержавие невозможно без независимости: «Сего самодержавнаго великаго князя Бориса Александровичя... увеличися власть его»². В-третьих, самодержавие должно быть православным: «О Христе самодержавный государь, милосердуй о всѣх по обычаю доброму»³. Однако и в этом пожелании скрывается ещё один смысл, до того в источниках нераскрываемый. Самодержавие должно опираться на «добрый обычай» и не идти вразрез с устоявшимися традициями. Можно допустить, что самодержавие само становится интегральной традицией, которое собирает в себе все остальные и защищает их от внешнего или внутреннего покушения, а значит, выходит на первый план по сравнению с другими ценностями. В-четвёртых, самодержавие — это высшая форма политического бытия, равноранговая империи: «И сий же самодержавный государь, великий князь Борисъ Александровичъ, не такъ, но бесчисленно даа людемъ своимъ, и повелевая въ своей полате въ красныхъ блистаниихъ пред собою ходити, а самъ же царскимъ вѣнцемъ увязеся»⁴.

Таким образом, понятие «самодержавие» отвязывается от личности конкретного правителя, но сохраняет в себе Божественную волю, независимость, мощь, благочестие, а также опирается на традицию. Только соответствуя этим критериям, государство может считаться самодержавным, что становится общим местом в русской средневековой мысли: «И бысть великая власть державы Руския и оттолѣ назвася самодержавный великий князь Московский»⁵.

¹ Инок Фомы Слово похвальное // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. С. 114.

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. С. 278.

В академической среде вокруг самого «Слова» сложился определённый консенсус. «Слово похвальное» признаётся излишне старательным панегириком, а сам Фома в своём подобострастии, прошу прощения за низкий стиль, перегибал палку. О.Р. Хафизова в своей диссертации указывала, что «Слово» содержало «откровенные выпады автора против московского князя, поэтому по понятным причинам не могло войти в московскую книжную культуру»¹.

М.В. Первушин отмечал: «почему же слово это было забыто даже в тверской земле? Пытаясь ответить на него, историки указывали на Москву, как причину уничтожения славного панегирика тверскому княжению, которая боялась возникновения сепаратистских настроений в ближайшем княжестве. Скорее не Москва была против «Слова», а сами тверичи видели в нем источник “всякой неправды”»². Но значит ли это, что самодержавие в том смысле, в каком его описал инок Фома, прошло мимо русской традиции?

Дерзну предположить, что нет. Во всяком случае, многие идеи, впервые вышедшие из-под пера Фомы, нашли отражение в московских текстах общерусского значения. Впервые появившееся у Фомы понятие «новый Израиль» в 1480 году использует Вассиан Рыло в своём Послании на Угру. Концепция самодержавия, которую разработал Фома, ложится в основу понимания русского самодержавия вообще и встречается даже в посланиях Ивана Грозного. Разумеется, это зыбкие основания, требующие более глубокой разработки, однако концептуальная новизна Фомы в вопросе самодержавия не вызывает. Возможно, что идеи Фомы заимствовали напрямую; но не менее вероятно, что труд Фомы стал сконцентрированным выражением общих настроений, бродивших в умах и сердцах русских людей, для которых суверенитет – самодержавие и независимость – стал целью, а потому и ценностью.

Библиография

1. Инока Фомы Слово похвальное // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. С. 72–131.
2. Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. С. 252–509.
3. Первушин М.В. «Смирненного инока Фомы слово похвальное»: автор и его герой сквозь призму библейской нарратологии // Герменевтика древнерусской литературы. 2014. №16-17. С. 948-961.
4. Сказание о нашествии Едигея // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. С. 242–253.
5. Страхов А.Б. Аксиологические основы российской цивилизации: самодержавие и согласие в идейно-политическом дискурсе XI–XVII вв. // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2023. № 5. С. 85-96.
6. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
7. Хафизова О.Р. Инока Фомы «Слово похвальное» и книжная традиция: автореф. дис. ... к.ф.н.: 10.01.01 / М., 2010. 22 с.

¹ Хафизова О.Р. Инока Фомы «Слово похвальное» и книжная традиция: автореф. дис. ... к.ф.н.: 10.01.01 / М., 2010. С. 1.

² Первушин М.В. «Смирненного инока Фомы слово похвальное»: автор и его герой сквозь призму библейской нарратологии // Герменевтика древнерусской литературы. 2014. №16-17. С. 961.

**ИЗ МАТЕРИАЛОВ КРУГЛОГО СТОЛА
«ЛИБЕРАЛИЗМ И КОНСЕРВАТИЗМ
В ПОЛИТИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ»**

Андерсон Кирилл Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

**УТОПИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹**

Можно утверждать, что специфической чертой российского идеологического дискурса является особая предрасположенность к восприятию утопических идей, которые в конце XX века повсеместно стали довольно характерным посткоммунистическим «брендом»². Антикоммунистические движения вдохновлялись традиционным набором утопических ценностей, в центре которых находились окрашенные исторической эсхатологией категории добра и зла. «Эта антикоммунистическая ценностная система состояла из спасительных идеализированных элементов докоммунистического прошлого, особенно национализма, который возбуждал ту иллюзию, что национальная свобода неизбежно приведет к индивидуальной свободе и экономическому благосостоянию, причем и то, и другое воспринималось в мистифицированной западной версии»³. Нет ничего удивительного в том, социалистический утопизм в России легко мог трансформироваться в неолиберальный, поскольку последнему утопические тенденции были свойственны не в меньшей степени. Данная тенденция была констатирована еще в начале 1980-х гг. Э. Тоффлером, рассматривавшим социализм и либерализм как разновидности вполне однотипной *суперидеологии* индустриализма в основе которой лежали три фундаментальные цели: 1. Оба направления, решительно расходясь во взглядах на способы производства и распределения материальных ресурсов и благ, рассматривали природу как объект

---

¹ Работа выполнена в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 г. по теме «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция и современные тенденции эволюции» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКТР 124082300044-4) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

² Об утопиях и утопизме см. работы автора: *Андерсон К.М.* Утописты и прагматики: эпизоды истории общественной мысли Запада. М.: Издательство Московского университета, 2019; *Андерсон К. М.* Идеи кооперации в западноевропейской общественной мысли начала XIX века. М.: Издательство «Российская политическая энциклопедия», 1999; *Андерсон К.М.* Реализм утопии: Социальные проекты Роберта Оуэна // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія.* 2020. Т.12, N 2. С. 142–147; *Андерсон К.М.* Избранные труды. М.: Аквилон, 2024; см. также: *Гуторов В.А.* К вопросу об эволюции веберовской концепции социализма в политическом и научном дискурсе XX в. // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* 2012. Т.8. № 1. С. 5-17. и др.

³ *Schöpflin G.* Culture and Identity in Postcommunist Europe // *Developments in East European Politics.* Ed. by S. White, J. Batt, P.G. Lewis. Houndmills, London.: The Macmillan Press Ltd. 1993, p. 23.

безудержной эксплуатации, отравляя окружающую среду и приближая экологический кризис; 2. Обе идеологии в различных формах разделяли социал-дарвинистские теории, оправдывающие идею превосходства сильных, промышленно развитых наций над слаборазвитыми народами, которая лежала в основе политики гегемонизма и империализма; 3. И либералы, и социалисты в равной мере были ревностными сторонниками утопической идеи неудержимого прогресса цивилизации, развивающейся от низшего, примитивного состояния общества к всеобщему расцвету¹.

Новый взрыв утопических иллюзий на Западе в 1990-е годы, причиной которых была всеобщая эйфория, связанная с крахом мирового социализма, лишь усилил тенденции, сложившиеся в социальных науках еще в 1950–1960-х гг., то есть в период интенсивного формирования теорий «деидеологизации» и «конвергенции». Как справедливо отмечал С. Фуллер, «главное устремление социологии – и социальных наук в целом – состояло в том, чтобы всецело способствовать реализации обещания Просвещения XVIII века “создать рай на земле”». В чисто научном плане это устремление выражалось «в систематической секуляризации и обнаучивании (scientization) монотеизма, способствовавших усилению привилегированного положения человеческих существ, сотворенных по образу и подобию Бога»². Такому пониманию социальными науками на Западе собственной миссии (в предельно идеологизированных общественных науках в советской России, а в послевоенный период и в странах «народной демократии», коммунистическая утопия «земного рая» была исходной точкой практически любого теоретизирования) помогало и то обстоятельство, что после Второй мировой войны возникает тенденция к формированию структур «государства всеобщего благоденствия», которая способствовала «установлению равновесия между капиталистическими и социалистическими эксцессами даже среди таких наций как Великобритания и США, отличавшихся сильными либертарианскими традициями»³. Как непосредственное следствие этих процессов постепенно укреплялось убеждение относительно того, что между идеологиями социалистического типа и идеологическими направлениями, ориентированными на поддержку традиционных капиталистических структур, не существует непроходимой пропасти. Именно это убеждение ранее составляло одну из основ концепции «деидеологизации».

Напротив, в 1990-е гг. типичным примером обозначенной выше утопической тенденции стала насквозь политизированная версия «академической эсхатологии», представленная в книге Ф. Фукуямы «Конец истории» (1992 г.) в виде известной формулы – либеральная демократия может составлять «конечный пункт идеологической эволюции» и «финальную форму человеческого правления», тем самым обозначая «конец истории»⁴. Концепция неолиберализма разрабатывалась по тем же социологическим лекалам, и правы были ученые, отмечавшие, что «мы можем говорить о неолиберализации либо как об *утопическом проекте*, призванном воплотить теоретическую модель реорганизации международного капитализма, либо как о *политическом проекте*, связанном с воссозданием условий для накопления капитала и восстановлением власти экономических элит»⁵.

¹ См.: Toffler A. The Third Wave. New York: Bantam Books, 1981; см. также: Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. С. 155–204.

² Fuller S. The New Sociological Imagination. London; Thousand Oaks; New Dehli: Sage Publications, 2006, p. 1.

³ Fuller S. The New Sociological Imagination, p. 3.

⁴ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York; Toronto: The Free Press, 1992, p. XI.

⁵ Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 19.

В настоящее время большинство исследователей признает, что утопическая идеология неоллиберализма в ряде важных аспектов активно влияет на формирование нормативно-ценностных и символических структур политического дискурса посткоммунистических стран; она органически «встроена» в программы политических партий, парламентские дебаты и структуры массмедиа¹. Россия в этом плане, конечно, не является исключением. Вместе с тем формирование идеологического дискурса осуществляется по большей части ситуационно, в зависимости от складывающейся внешне- и внутривнутриполитической конъюнктуры. Нередко граждане – основной потребитель дискурсивной продукции – с трудом могут понять истинный смысл политических речей и принимаемых решений.

Необходимо знать и понимать уровень соотношения официальных идеологических стратегий и содержащихся в них ценностных ориентиров с массовыми гражданскими и политическими установками российской молодежи и других социальных групп. Это позволит выработать практические сценарии гармонизации идеологической и ценностной повестки дня, эффективным образом ответить на вызовы и потребности в условиях формирования в России идеологического и политико-экономического суверенитета, патриотической атмосферы, которые основаны на парадигме традиционных российских цивилизационных ценностей, провозглашенной в выступлениях и посланиях Президента РФ В.В. Путина.

Библиография

1. *Андерсон К.М.* Утописты и прагматики: эпизоды истории общественной мысли Запада. М.: Издательство Московского университета, 2019.
2. *Андерсон К. М.* Идеи кооперации в западноевропейской общественной мысли начала XIX века. М.: Издательство «Российская политическая энциклопедия», 1999.
3. *Андерсон К.М.* Избранные труды. М.: Аквилон, 2024.
4. *Андерсон К.М.* Реализм утопии: Социальные проекты Роберта Оуэна // *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія.* 2020. Т.12, N 2. С. 142–147.
5. *Гуторов В.А.* К вопросу об эволюции веберовской концепции социализма в политическом и научном дискурсе XX в. // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* 2012. Т.8. № 1. С. 5-17.
6. *Гуторов В.А.* Неустойчивая ответственность: контуры утопии // *Власть и элиты.* 2019. Т. 6. № 2. С. 176–195.
7. *Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.].* СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. 352 с.
8. *Ширинянц А. А.* Миф и утопия демократии / А. А. Ширинянц // *Арзамасская сторона: Альманах. Том Выпуск 5.* Арзамас: Арзамасский государственный педагогический институт, 2012. С. 386–392.
9. *Ширинянц А. А.* «Неолиберализм»: слово и смыслы // *SCHOLA-2021: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.* М.: Издательство Московского университета, 2021. С. 945–952.
10. *Fuller S.* *The New Sociological Imagination.* London; Thousand Oaks; New Dehli: Sage Publications, 2006.

---

¹ См.: *Ширинянц А. А.* «Неолиберализм»: слово и смыслы // *SCHOLA-2021: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.* М.: Издательство Московского университета, 2021. С. 945–952.

11. *Schöpflin G.* Culture and Identity in Postcommunist Europe // Developments in East European Politics. Ed. by S. White, J. Batt, P.G. Lewis. Houndmills, London: The Macmillan Press Ltd. 1993.

12. *Toffler A.* The Third Wave. New York: Bantam Books, 1981.

Гуторов Владимир Александрович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии СПбГУ; ведущий научный сотрудник ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия

К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПЦИЙ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И КОНСЕРВАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Прежде всего нужно отметить, что любое исследование концепций ценностей с неизбежностью становится сравнительным исследованием. Поэтому говоря о нашем проекте «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция и современные тенденции эволюции» мы имеем в виду сравнительное исследование современных концепций либеральных и консервативных ценностей².

¹ Работа выполнена в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 г. по теме «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция и современные тенденции эволюции» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКТР 124082300044-4) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

² См. подробнее: *Гуторов В.А.* Еще раз о ценностях и «Капитале» // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 126–143; *Гуторов В.А.* Российский либерализм как исторический и политический феномен // Идеологии и генезис ценностей современного общества. Коллективная монография. СПб.: РХГА. 2016. С. 155–204; *Гуторов В.А.* Толерантность как универсальный ценностный фактор мировой политики? // Вестник Московского университета. Сер. 12 Политические науки. № 3. 2012. Май-Июнь. С. 29–34; *Gutorov V.A.* On the historical roots of transformation of ideological values in post-communist Russia // Демократия и управление. Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП - РАПН) № 1 (15) 2013. С. 25–28; *Гуторов В.А.* Концепция политической элиты Роберта Даля: актуальные аспекты анализа // Власть и элиты. 2023. Т. 10, №. 2. С. 44–64; *Гуторов В.А.* Традиция британской конституции в современном политико-философском дискурсе: некоторые теоретические проблемы // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. 2016. Том 17. Выпуск 2. С. 225–239; *Гуторов В.А.* Политология Вудро Вильсона в контексте эволюции американских университетов: аналитика современных дискуссий // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Том 19. № 3. С. 362–384; *Гуторов В. А., Шириняц А. А.* Свобода личности против «свободного государства». Иллюзорная дилемма или реальность? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2022. Выпуск 79. С. 374–380; *Гуторов В.А.* Политическая теология в дисциплинарном измерении: споры о дефинициях // Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна. Коллективная монография / Под общ. ред. Д. В. Масленникова. СПб.: Издательство РХГА, 2023. С. 556–578; *Гуторов В.А.* О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т.12. № 1. с. 4–28; *Гуторов В. А., Шириняц А. А.* Государство как личность: традиция и основные тенденции теоретической интерпретации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Том 13. Выпуск 5 (115) – URL: <https://history.jes.su/s207987840021546-9-1/>; *Гуторов В.А.* Консервативная традиция в прошлом и настоящем: основные уроки для посткоммунистической России // Вестник Поволжского института управления (г. Саратов) № 6 (57) 2016. С. 29–40; *Гуторов В., Шириняц А.* «Русофобия»: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. 2023. № 1. С. 231–237; *Гуторов В.А.* Наследие Н.Я. Данилевского в свете современных *fascist studies* Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20, № 4. С. 307–312; *Гуторов В.А.* Российский консерватизм в историческом и культурном измерениях: опыт сравнительного анализа // Идеологии и генезис ценностей современного общества. Коллективная монография. СПб.: РХГА. 2016. С. 69–136; *Гуторов В.А.* Либерализм или консерватизм? Дискуссии // Русская политическая мысль: О государстве, о стране, о народе: Учебник для вузов / Под ред. Г.Т. Сардаряна, Т. А. Алексеевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. С. 617–631.

За основу такого исследования целесообразно взять следующую классификацию теоретических подходов к аналитике ценностей, разработанную К.П. Скворонским в книге «Ценности и возможности: перечитываем философскую традицию американского прагматизма»¹.

Онтологический подход акцентирует внимание на том, существуют ли ценности автономно и независимо от любого типа отношений находящихся вне их самих (в первую очередь индивидов и их оценок)? *Эпистемологический подход* определяется следующими вопросами: каким образом мы можем приобрести знание о ценностях или ценностных свойствах объектов и состояний вещей? Изучаем ли мы ценности с помощью нашего чувственного опыта? Или, наоборот, их понимание приобретается путем философских спекуляций, а также с помощью интуиции и веры?²

В рамках *антропологического подхода* мы можем спросить: в какой степени человеческие существа определяют ценности? Иными словами, был ли Протагор прав, утверждая, что человек является мерой всех вещей? Если протагоровский тезис правомерен, то мы должны принять такой взгляд в качестве рационального основания для резкого противопоставления человеческих и нечеловеческих ценностей («ценностей животных» и т.п.).

В рамках *социологического подхода* мы можем спросить, какие ценности должны быть реализованы: индивидуальные или социальные? Это, в свою очередь, относится к ответу на вопрос о том, что является более фундаментальным или базовым в общем взгляде на общественную жизнь – индивид или группа (будь то общество, социум или нация)?

Рассматривая *психологические аспекты* ценностей, мы можем задаться вопросом, определяются ли ценности потребностями и ожиданиями человеческого разума, и все ли, в чем люди нуждаются, следует рассматривать как ценность или как нечто полезное?

В *типологическом плане* основная проблема заключается в том, следует ли разделять ценности на типы, и если да, то на какие типы? Можно ли трактовать ценность как категорию, которая является общим знаменателем «добра» в этике, «прекрасного» в эстетике, «ценности» в экономике и «истины» в эпистемологии?

В *структурном плане* вопрос стоит так: правы ли мы, полагая, что ценность – это часть (чего-то) или это некое объемное (самодостаточное) целое? И возможно ли рассматривать ценность как организованную систему? Оценивая *иерархическую точку зрения*, мы вправе спросить, существует ли какой-либо восходящий (и нисходящий) порядок ценностей? Например, располагается ли *summum bonum* на самом верху, как это виделось схоластам, или же оно означает, как утверждали утилитаристы, наибольший масштаб удовлетворенности для наибольшего числа людей? Можем ли мы следовать идее калькуляции удовольствия Дж. Бентама и предлагать что-то вроде «арифметики ценностей» для того, чтобы подсчитать увеличение ценности в вещах, индивидах и в том или ином положении вещей?

Рассуждая *деонтологически*, мы вправе спросить, должны ли ценности превращаться в обязательства, как предполагали неокантианцы? Должны ли ценности быть преобразованы в нормы? Если мы согласны с тем, что нечто является ценным, равнозначно ли это необходимости его реализации?

¹ Skowronski K. P. Values and Powers: Re-Reading the Philosophical Tradition of American Pragmatism. Amsterdam; New York Rodopi, 2009.

² Corbi M. Principles of an Epistemology of Values: The Permutation of Collective Cohesion and Motivation. Dordrecht: Springer, 2015.

Если же рассуждать *методологически*, то можем ли мы определять ценности путем нахождения в них сущностного ядра? Или, может быть, мы должны попытаться определить и понять ценности по-другому, например, как настоятельно рекомендуют нам прагматики, говорить только об оценках, чтобы избежать ассоциаций с метафизическим типом эссенциализма?

Представленные в современной политической науке и политической философии парадигмы (концептуальные схемы, модели) анализа ценностей соотносятся с тем или иным теоретическим подходом или комбинацией нескольких из них. В этом плане представляется необходимым обозначение следующих наиболее перспективных научных и философских парадигм, в рамках которых анализ традиции и ценностей может осуществляться наиболее эффективным способом¹.

Аксиологическая парадигма наиболее активно используется в современной политической философии. В структуре политической аксиологии категория «ценность» рассматривается как основная категория, лежащая в основе исторических и социальных практик. Одной из основных проблем аксиологического подхода является анализ связи между субъективностью и объективностью ценностей. Аксиологический подход выделяет системы ценностных значений и ориентиров, придающих смысл жизни, целям и идеалам и составляющих основу «ценностного опыта» жизнедеятельности человеческих коллективов. В последнее десятилетие в плане исследования комплексов ценностей данный подход постоянно используется преимущественно западными специалистами².

В рамках *морально-психологической парадигмы* различные версии неолиберализма и либертарианских ценностей исследуются в целях выявления многочисленных противоречий либеральных трактовок свободы³.

Анализ ценностей в структуре *этической парадигмы* стал привлекать внимание вследствие популярности коммунитаристской критики либеральной философии и политики в работах А. Макинтайра⁴. Вместе с тем, многие современные аналитики, даже те из них, которые не разделяют полностью идеи коммунитаризма, обычно придерживаются следующей позиции, обозначенной в одной из многочисленных работ Дж. Маккарти, крупнейшего современного историка классической политэкономии:

---

¹ См.: Гуторов В.А. Прогресс и политика: современные философские апории и дилеммы // Политическая Экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14. № 2. С. 190–225; Гуторов В.А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43; Гуторов В.А. О некоторых актуальных аспектах интерпретации теории модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 2. С. 193–214; Гуторов В.А. Европейский союз на лингвополитическом перекрестке: Современные коллизии и дилеммы // Политическая наука. 2017. № 2. С. 200–214; Гуторов В.А. О некоторых «критических точках» современного политико-теологического дискурса // Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна. Коллективная монография / Под общ. ред. Д. В. Масленникова. СПб.: Издательство РХГА, 2023. С. 578–595.

² см.: Values of Our Times: Contemporary Axiological Research in China. Ed. by Deshun Li. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2013.

³ см.: Moral Psychology Today: Essays on Values, Rational Choice, and the Will. Ed. by David K. Chan. Dordrecht: Springer, 2008.

⁴ MacIntyre A. Whose Justice? Which Rationality? Notre Dame, Indiana, University of Notre Dame Press, 1989; MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory. 3rd ed. Notre Dame: Indiana, University of Notre Dame Press, 2007; MacIntyre A. Ethics in the Conflicts of Modernity: An Essay on Desire, Practical Reasoning, and Narrative. Cambridge, Cambridge University Press, 2016; см. также: Гуторов В.А. Споры о Макинтайре: этика и политическая философия (рецензия на книгу: Gregson J. Marxism, Ethics and Politics: The Work of Alasdair MacIntyre. Cham, Switzerland: Springer; Palgrave Macmillan, 2019. 234 p.) // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15. № 3. С. 434–440.

«И Аласдер Макинтайр в работе “После добродетели”, и Агнес Хеллер в книге “За пределами справедливости” признают, что в эпоху модерна с рождением Просвещения, либерализма и индивидуализма моральная философия и связанные с ней вопросы о добродетели, характере, интеллекте и морали были отделены от традиционной социально-политической справедливости и ее связи с природой права, дружбы, политического сообщества и экономики, основанной на морали; этика была отделена от социально-политической теории, современный индивидуализм – от добродетельной хорошей жизни и, наконец, моральная философия – от социологии и социальной справедливости. Эти формы разделения выражают непоследовательность и предрассудки либерализма»¹.

Характеристики либеральной традиции и ценностей в рамках *этической парадигмы* нередко осуществляются в научной литературе по принципу «от противоположного». В этом плане они предельно сближаются с анализом ценностей, характерных для парадигм конфликта и «культурных войн» (см. ниже). Например, исходя из широко распространенной констатации, согласно которой либеральные ценности с наибольшей полнотой характеризуют политику и культуру европейского модерна, они определяются путем их противопоставления традиционным ценностям, свойственным культуре не только европейской классической античности с ее приверженностью принципам долга, иерархии и власти, но этическим принципам древневосточных культур. Если этика конфуцианства и даосизма ориентирована на поддержку «традиционных категорий социальной структуры, ... уважении к правителям и учителям», а также «традиционных обязательств, предписываемых специфическими отношениями родства и авторитета», «сегодня сентенции Конфуция и Аристотеля представляются очень странными философам-моралистам и политическим комментаторам, которые пребывают в рамках доминирующей либеральной традиции, охватывающей почти весь политический спектр – от обычного радикализма до господствующего консерватизма. Оба направления Аласдер Макинтайр называет “просто заслонными лошадьми либерализма”»².

В структуре *коммуникативной парадигмы* анализ ценностей исходит из предпосылки, согласно которой общение и язык неотделимы как от экономики, так и от осмысленного понимания современных социальных институтов³.

Экономическая парадигма анализа ценностей своей популярностью во многом обязана работам немецкого экономиста и философа П. Козловски⁴. Исходный тезис Козловски состоит в следующем: «Альтернативные возможности использования некоторого блага не являются данными, а зависят от способностей пользователя их употребить, от его способности к восприятию и переживанию, от формирования его восприимчивости к материальным ценностным качествам. Экономическая ценность не является независимой от эстетической, этической и культурной ценности блага»⁵. Идеи Козловски созвучны современной концепции «моральных рынков», сторонники которой, опираясь на данные нейробиологии, социальных наук, права и философии,

¹ *McCarthy G. E. Marx and Social Justice: Ethics and Natural Law in the Critique of Political Economy. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 19–20.*

² *Fleming Th. The Morality of Everyday Life: Rediscovering an Ancient Alternative to the Liberal Tradition. Columbia: University of Missouri Press, 2007. P. 102.*

³ см.: *Dolfsma W. Institutions, Communication and Values. London; New York: Palgrave Macmillan, 2009.*

⁴ *Koslowski P. Der Homo Oeconomicus und die Wirtschaftsethik // Neuere Entwicklungen der Wirtschaftsethik und Wirtschaftsphilosophie. Peter Koslowski (Hrsg.). Berlin; Heidelberg, Springer, 1992 и др.*

⁵ *Козловски П. Принципы этической экономики. СПб.: Экономическая школа, 1999. С. 117.*

доказывают, что современный рыночный обмен работает только потому, что большинство людей во многих случаях действуют добродетельно. Конкуренция и жадность, безусловно, являются частью экономики, но «моральные рынки» показывают, каким образом правила рыночного обмена способствуют нравственному поведению и сам обмен может сделать людей более добродетельными. Изучая биологическую основу экономической морали, прослеживая связи между моралью и рынками, теоретики «моральных рынков» стремятся одновременно обосновывать принципиально новый взгляд на экономику и восстановить связь с позицией А. Смита, согласно которой мораль имеет биологическую основу¹. Разработка теории «моральных рынков» – результат широкого сотрудничества между ведущими специалистами в области социальных и естественных наук нейроэкономиста П.Зака, экономистов Р.Х. Франка, Г.Гинтиса, В. Смита (лауреат Нобелевской премии 2002 г. по экономике) и Б.Уилсона, правоведов О. Гуденофа, Э. О’Хара и Л. Стаута, философов У. Кейсбира и Р. Соломона, приматологов С. Броснан и Ф. де Ваала, биологов К. Бергстрема, Б. Керра и П. Ричерсона, антропологов Р. Бойда и М. Лахманна, политологов Э. Остром и Д. Шваба, теоретика менеджмента Р. Хурана и многих др.²

Исследования в рамках парадигмы конфликта и примыкающих к ней *глобальной парадигмы* и *парадигмы культурных войн* ориентированы преимущественно на изучение различных аспектов глобального кризиса либеральных ценностей в современном мире и их радикального неприятия не только в мусульманских странах, но и в некоторых интеллектуальных кругах западных государств³. Тесная взаимосвязь обозначенных выше трех парадигм подтверждается и тем непосредственным фактом, что их синтез представлен уже в ранней работе Р. Петтмана и А. Сомита «Биополитика и международные ценности»⁴.

Особое внимание в проекте уделяется анализу литературы, ориентированной на *социальную парадигму*, проблематика которой затрагивает практически все аспекты эволюции либеральной традиции и ценностей в государствах «всеобщего благосостояния». В рамках данной парадигмы рассматриваются не только отношения между культурными изменениями и структурной перестройкой благосостояния, основанной на эмпирических данных анализа политических реформ в современной Европе, но также проблема «моральной легитимности» благосостояния. При этом

---

¹ См.: Гуторов В. А., Ширинянц А. А. О формировании парадигмы конкуренции в политической философии раннего модерна (Т. Гоббс и И. Кант) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2024. Выпуск 88. С. 17–30; Гуторов В. А., Ширинянц А. А. Идея конкуренции в международной политической теории: некоторые актуальные аспекты дискуссии // Вестник Волгоградского государственного университета // Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 2. С. 133–144.

² См.: Moral Markets: The Critical Role of Values in the Economy. Ed. by Paul J. Zak. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2008; Fennell L.A. The Unbounded Home: Property Values beyond Property Lines. New Haven; London: Yale University Press, 2009.

³ См.: Culture Matters: How Values Shape Human Progress. Ed. by Lawrence E. Harrison, Samuel P. Huntington. New York: Basic Books, 2000; Hunter J.D., Wolfe A. Is There a Culture War?: A Dialogue on Values and American Public Life. Washington, D.C.: Pew Research Center, 2006; Solomon H., Tausch A. Islamism, Crisis and Democratization: Implications of the World Values Survey for the Muslim World. Cham, Switzerland: Springer, 2020; Tausch A., Obirek S. Global Catholicism, Tolerance and the Open Society: An Empirical Study of the Value Systems of Roman Catholics. Cham, Switzerland: Springer, 2020.

⁴ Pettman R., Somit A. Biopolitics and International Values. Investigating Liberal Norms. New York: Pergamon Press, 1981. Их единство сохраняется и в новейших исследованиях глобальных ценностей (См.: Globalization, Value Change and Generations: A Cross-National and Intergenerational Perspective. Ed. by Peter Ester, Michael Braun, Peter Ph. Mohler. Leiden; Boston: Brill, 2006; Pettman R. Intending the World: A Phenomenology of International Affairs. Carlton, Vic.: Melbourne University Publishing, 2008; Hurrell A. On Global Order: Power, Values, and the Constitution on International Society. Oxford: Oxford University Press, 2008 и др.).

особое внимание уделяется трансформации базовых либеральных ценностей в кризисных условиях¹.

Дискурсивная парадигма анализа либеральных ценностей во многом опирается на пионерские исследования Д. Лакоффа. В них американский лингвист формулирует ответы на вопрос какие категории языка и мысли выражают различные состояния человеческого рассудка? Разум, по Лакоффу, это физическое, в основном бессознательное, метафорическое, эмоциональное и привязанное к эмпатии состояние; за нашими моральными и политическими мыслительными процессами скрываются биологические объяснения. Лакофф анализирует проблему «бессознательного» в мировоззрении либералов и консерваторов, выявляя причины, по которым они не могут сойтись во взглядах по многим, далеко не всегда взаимосвязанным вопросам, таким как налоги, аборт, государственное регулирование и социальные программы. Различия, утверждает Лакофф, – это не просто вопрос пристрастия, а следствие возникновения радикально различных концепций морали и ценностей «идеальной семейной жизни», которые находятся в центре американской политики².

Такова краткая характеристика методологических оснований исследования либеральных и консервативных ценностей в их концептуальном измерении.

Библиография

1. Гуторов В.А. Европейский союз на лингвополитическом перекрестке: Современные коллизии и дилеммы // Политическая наука. 2017. № 2. С. 200–214.
2. Гуторов В.А. Еще раз о ценностях и «Капитале» // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 126–143.
3. Гуторов В.А. Концепция политической элиты Роберта Даля: актуальные аспекты анализа // Власть и элиты. 2023. Т. 10, №. 2. С. 44–64.
4. Гуторов В.А. Наследие Н.Я. Данилевского в свете современных *fascist studies* // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20, № 4. С. 307–312.
5. Гуторов В.А. О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т.12. № 1. С. 4–28.
6. Гуторов В.А. О некоторых «критических точках» современного политико-теологического дискурса // Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах

¹ См.: Segal E.A. Social Welfare Policy and Social Programs: A Values Perspective. 2nd ed. Belmont, CA: Brooks/Cole, 2009; Culture and Welfare State: Values and Social Policy in Comparative Perspective. Ed. by Wim Van Oorschot. Cheltenham, Northampton, Mass.: Edward Elgar, 2008; International Differences in Well-Being. Ed. by Ed Diener, Daniel Kahneman, John Helliwell. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010; см. также:

Гуторов В. А., Шириняц А. А. Никколо Макиавелли как символическая личность: от политической теории к политической педагогике // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Том 14. Выпуск 4 (126) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/S207987840026412-2-1>; Гуторов В. А., Шириняц А. А. Государственная политика в сфере образования: актуальные проблемы теоретической дискуссии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Выпуск 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840029105-4-1/>; Гуторов В.А. О некоторых тенденциях интерпретации теории государства в современном гуманитарном знании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2013. Вып. 4. С. 60–70; Гуторов В.А. «Чего не делать»: интеллектуальная политика и античная традиция // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. № 1. С. 139–159.

² См.: Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980; Lakoff G. Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think. Chicago: University of Chicago Press, 2002; Lakoff G., Dean H., Hazen D. Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate -The Essential Guide for Progressives. White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing, 2004; Lakoff G. The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics. New York: Penguin Books, 2009 и др.

зрелого модерна и постмодерна. Коллективная монография / Под общ. ред. Д. В. Масленникова. СПб.: Издательство РХГА, 2023. С. 578–595.

7. Гуторов В.А. О некоторых тенденциях интерпретации теории государства в современном гуманитарном знании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2013. Вып. 4. С. 60–70.

8. Гуторов В.А. Политическая теология в дисциплинарном измерении: споры о дефинициях // Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна. Коллективная монография / Под общ. ред. Д. В. Масленникова. СПб.: Издательство РХГА, 2023. С. 556–578.

9. Гуторов В.А. Политология Вудро Вильсона в контексте эволюции американских университетов: аналитика современных дискуссий // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Том 19. № 3. С. 362–384.

10. Гуторов В.А. Прогресс и политика: современные философские апории и дилеммы // Политическая Экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14. №. 2. С. 190–225.

11. Гуторов В.А. Российский либерализм как исторический и политический феномен // Идеологии и генезис ценностей современного общества. Коллективная монография. СПб.: РХГА. 2016. С. 155–204.

12. Гуторов В.А. Споры о Макинтайре: этика и политическая философия (рецензия на книгу: Gregson J. Marxism, Ethics and Politics: The Work of Alasdair MacIntyre. Cham, Switzerland: Springer; Palgrave Macmillan, 2019. 234 p.) // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15. № 3. С. 434–440.

13. Гуторов В.А. Толерантность как универсальный ценностный фактор мировой политики? // Вестник Московского университета. Сер. 12 Политические науки. № 3. 2012. Май-Июнь. С. 29–34.

14. Гуторов В.А. Традиция британской конституции в современном политико-философском дискурсе: некоторые теоретические проблемы // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. 2016. Том 17. Выпуск 2. С. 225–239.

15. Гуторов В. А., Шириняц А. А. Государство как личность: традиция и основные тенденции теоретической интерпретации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Том 13. Выпуск 5 (115) – URL: <https://history.jes.su/s207987840021546-9-1/>.

16. Гуторов В., Шириняц А. «Русофобия»: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. 2023. № 1. С. 231–237.

17. Гуторов В. А., Шириняц А. А. Свобода личности против «свободного государства». Иллюзорная дилемма или реальность? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2022. Выпуск 79. С. 374–380.

18. Гуторов В. А., Шириняц А. А. О формировании парадигмы конкуренции в политической философии раннего модерна (Т. Гоббс и И. Кант) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2024. Выпуск 88. С. 17–30.

19. Гуторов В. А., Шириняц А. А. Идея конкуренции в международной политической теории: некоторые актуальные аспекты дискуссии // Вестник Волгоградского государственного университета // Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 2. С. 133–144.

20. Гуторов В. А., Шириняц А. А. Никколо Макиавелли как символическая личность: от политической теории к политической педагогике // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Том 14. Выпуск 4 (126) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/S207987840026412-2-1>

21. *Гуторов В. А., Шириняц А. А.* Государственная политика в сфере образования: актуальные проблемы теоретической дискуссии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Выпуск 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840029105-4-1/>
22. *Гуторов В.А.* «Чего не делать»: интеллектуальная политика и античная традиция // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. № 1. С. 139–159.
23. *Козловски П.* Принципы этической экономики. СПб.: Экономическая школа, 1999.
24. *Corbí M.* Principles of an Epistemology of Values: The Permutation of Collective Cohesion and Motivation. Dordrecht: Springer, 2015.
25. Culture and Welfare State: Values and Social Policy in Comparative Perspective. Ed. by Wim Van Oorschot. Cheltenham, Northampton, Mass.: Edward Elgar, 2008.
26. Culture Matters: How Values Shape Human Progress. Ed. by Lawrence E. Harrison, Samuel P. Huntington. New York: Basic Books, 2000.
27. *Dolfsma W.* Institutions, Communication and Values. London; New York: Palgrave Macmillan, 2009.
28. *Fennell L.A.* The Unbounded Home: Property Values beyond Property Lines. New Haven; London: Yale University Press, 2009.
29. *Fleming Th.* The Morality of Everyday Life: Rediscovering an Ancient Alternative to the Liberal Tradition. Columbia: University of Missouri Press, 2007.
30. Globalization, Value Change and Generations: A Cross-National and Intergenerational Perspective. Ed. by Peter Ester, Michael Braun, Peter Ph. Mohler. Leiden; Boston: Brill, 2006.
31. *Hunter J.D., Wolfe A.* Is There a Culture War?: A Dialogue on Values and American Public Life. Washington, D.C.: Pew Research Center, 2006.
32. *Hurrell A.* On Global Order: Power, Values, and the Constitution on International Society. Oxford: Oxford University Press, 2008.
33. International Differences in Well-Being. Ed. by Ed Diener, Daniel Kahneman, John Helliwell. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010.
34. *Koslowski P.* Der Homo Oeconomicus und die Wirtschaftsethik // Neuere Entwicklungen der Wirtschaftsethik und Wirtschaftsphilosophie. Peter Koslowski (Hrsg.). Berlin; Heidelberg, Springer, 1992.
35. *Lakoff G.* Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think. Chicago: University of Chicago Press, 2002.
36. *Lakoff G.* The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics. New York: Penguin Books, 2009.
37. *Lakoff G., Dean H., Hazen D.* Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate -The Essential Guide for Progressives. White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing, 2004.
38. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
39. *MacIntyre A.* Whose Justice? Which Rationality? Notre Dame, Indiana, University of Notre Dame Press, 1989.
40. *MacIntyre A.* After Virtue: A Study in Moral Theory. 3rd ed. Notre Dame: Indiana, University of Notre Dame Press, 2007.
41. *MacIntyre A.* Ethics in the Conflicts of Modernity: An Essay on Desire, Practical Reasoning, and Narrative. Cambridge, Cambridge University Press, 2016.

42. *McCarthy G. E. Marx and Social Justice: Ethics and Natural Law in the Critique of Political Economy.* Leiden; Boston: Brill, 2017.
43. *Moral Psychology Today: Essays on Values, Rational Choice, and the Will.* Ed. by David K. Chan. Dordrecht: Springer, 2008.
44. *Pettman R., Somit A. Biopolitics and International Values. Investigating Liberal Norms.* New York: Pergamon Press, 1981.
45. *Pettman R. Intending the World: A Phenomenology of International Affairs.* Carlton, Vic.: Melbourne University Publishing, 2008.
46. *Segal E.A. Social Welfare Policy and Social Programs: A Values Perspective.* 2nd ed. Belmont, CA: Brooks/Cole, 2009.
47. *Skowroński K. P. Values and Powers: Re-Reading the Philosophical Tradition of American Pragmatism.* Amsterdam; New York Rodopi, 2009.
48. *Solomon H., Tausch A. Islamism, Crisis and Democratization: Implications of the World Values Survey for the Muslim World.* Cham, Switzerland: Springer, 2020.
49. *Tausch A. Obirek S. Global Catholicism, Tolerance and the Open Society: An Empirical Study of the Value Systems of Roman Catholics.* Cham, Switzerland: Springer, 2020.
50. *Values of Our Times: Contemporary Axiological Research in China.* Ed. by Deshun Li. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2013.

Денильханов Асланбек Хаважович

Кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета, доцент Высшей школы бизнеса Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Москва, Россия

**ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНАЯ ПАРАДИГМА
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ XIX ВЕКА**

Общественно-политические события, происходящие в настоящее время во всем мире, заставляют пересмотреть сущность и перспективы развития либерализма как одной из основополагающих доктрин прогресса. Понятие «либерализм» было и остается объектом исследования разных наук – философии, политологии, истории, социологии, психологии, – которые раскрывают разные аспекты этого философского и общественно-политического направления. В конце XX века появились научные труды о кризисе либерализма¹, «конце социокультурной эволюции человечества»² и т.п. Поэтому особое внимание современные исследователи уделяют проблеме семантической эволюции самого понятия «либерализм» на протяжении столетий.

В середине XIX века русская политическая мысль вырабатывает самобытную политическую идеологию – «либеральный консерватизм», яркими представителями которого стали Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, Б.П. Струве, А.Д. Градовский, Н.И. Новгородцев, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков и др. Эти мыслители стремились

¹ Гюнтер Р. Кризис либерализма: [Пер. с нем.]. М.: ИФРАН, 1996.

² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015; ср.: Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016.

найти подходящее именно России соотношение властной вертикали и представительской горизонтали в структуре государственного управления. При этом талантливые либеральные мыслители оказались на высоте задачи вывести формулы либерального развития страны с учетом особенностей ее исторического развития и стремились удержать традиционное устройство страны, слом которого, как они справедливо предполагали, приведет к деструкции и непредсказуемым последствиям, что и произошло в начале XX века в результате Октябрьской революции 1917 года. Они ставили перед собой консервативную цель, но при этом стремились добиться реформирования страны в сторону либерализации. Задача заключалась в легитимной и последовательной реорганизации существующих учреждений (Государственный совет, Сенат) путем введения земских представителей с правом совещательного голоса. В частности, правовед, философ, историк Б.Н. Чичерин, известный гегельянец, основатель «государственной школы» в русской историографии, считал, что отстаивать права личности можно только на основе твердой власти, готовой и способной эти права защитить. Ученый полагал, что стремление к силовому решению исторических вопросов губительно. Он не пользовался авторитетом в демократических кругах, но к его советам прислушивалось правительство. Современный исследователь пишет: «...конституционно-правовые взгляды Б.Н. Чичерина носят оригинальный-государственный, “охранительный”, консервативный характер. В теории Чичерина это проявилось в первую очередь в признании государственной власти основной силой, влияющей на процесс строительства приемлемых для того времени конституционных учреждений в Российской империи»¹. Б.Н. Чичерин предполагал, что для России идеальной формой является конституционная монархия. Именно в ней, по его мнению, наиболее полно отразились идеи свободы и идеал человеческого общежития: «Истинный либерализм состоит не в отрицании государственных начал; цель его должна быть водворение в обществе законной свободы согласно с условиями народной жизни, а правильное развитие свободы обеспечивается только сильным развитием власти»². Принцип ненасилия в государственном развитии обосновывался и другими представителями «охранительного» либерализма. По их мысли, для глубинного проникновения определенных идей в народное сознание требовалось время и терпеливая работа.

Вместе с тем либерализм до конца XIX века был скорее умонастроением, характеризующим нравственное состояние личности. Не было даже попыток создания политической организации, да и разработанной политической идеологии. Крестьянство либералам не доверяло, дворянство по большей части занимало консервативные позиции, а предприниматели, которые начали формироваться как класс капиталистической формации и могли бы стать сторонниками либеральных принципов, не видели необходимости политической деятельности. Они решали свои экономические проблемы в системе монархической власти.

Во второй половине XIX века русские либеральные мыслители трудились над осмыслением особой парадигмы развития, которая могла бы сочетать творческие возможности свободного экономического, личностного развития и строгие рамки государственной защиты общенациональных интересов. Поставили проблему, которая обрела столь зримую актуальность в начале XXI века. Тенденции к редуцированию

---

¹ См. Березко В.Э. Конституционно-правовые взгляды Б.Н. Чичерина. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Березко В.Э. М., 2003. С. 3.

² Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции [Соч.] Б. Чичерина. Москва: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1858. 357 с. С. 11–12.

личности до положения экономической функции отмечались в XIX веке как западными, так и отечественными мыслителями. Наиболее яркий пример – идеи Н.К. Михайловского¹. В настоящее время эти тенденции развились в выраженные явления. Именно это обстоятельство требует на новом этапе общественного развития переосмысления общих позиций либеральной доктрины, освобождения от идеализации, в том числе критического пересмотра исторических этапов в развитии либеральных концепций. Безусловно, историки, политологи и философы делают попытки выработать новые схемы развития либеральных идей в России, ищут «...основания рассматривать русский либерализм как становящееся идейное течение, в котором можно выделить не только окончательную модель либерализма, но и его субмодели, отражающие содержание различных этапов идеологического процесса. Взгляд на русский либерализм как на идеологическую доктрину, протяженную в историческом времени, позволяет корректно анализировать проблему его типологии»². Пророческим оказалось наблюдение известного философа и правоведа С.И. Гессена: «Если в целом ряде стран, в том числе и в России, либерализму в ближайшем будущем и предстоит еще пережить, по-видимому, свой новый расцвет, то в масштабе мировой истории он, несомненно, вступил в полосу идейного кризиса, свидетельствующего уже о начале его заката»³.

Глубокий, и как мы можем со всей уверенностью утверждать, продуктивный спор о путях развития России в либерально-консервативной парадигме был прерван в 1917 году. В стране надолго установилось торжество теории социалистической демократии, основывавшейся на мощной базе марксизма-ленинизма. Либерализм в Советском Союзе мог быть только буржуазным. Вновь продуктивный интерес к либерализму возник только в период перестройки, когда ставилась задача преобразовать социализм на основе либеральных идей, построить, как тогда провозгласили, «социализм с человеческим лицом».

Таким образом, в развитии либеральных идей в стране, за столетие трижды поменявшей свое политическое устройство, образовался огромный, почти семидесятилетний разрыв. Понятно, что в связи с этим возникает естественный вопрос: «В какой связи с традицией находятся сегодняшние либеральные концепции развития общества?» Это важно понять хотя бы потому, что идеи, обретшие устойчивость конструкции в форме доктрины, становятся руководящими моделями для строительства институтов будущего.

Сегодня мы наблюдаем тенденцию очевидного ослабления значения либерализма в мире. Собственно, эта тенденция начала формироваться в середине XX века, усилившись к его концу, и стала предметом философского дискурса большинства современных философов и политологов⁴. Теоретики, размышляющие о перспективах либерализма, ставят следующие вопросы: «Равен ли либерализм демократии?», «Равна ли демократия свободе?» Цивилизация столкнулась с нарастающим хаосом, вызванным ценностным вакуумом, как следствием разрушения

¹ См. *Н.К. Михайловский. Что такое прогресс?* // Сочинения: в 6 т. Т. 4. СПб., Изд. Тип. (б) А.М. Котомина, 1883.

² *Карпов Б.Н. Концептуальные основы политической русского классического либерализма* // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политика. 2011, 3(15). С. 120–121.

³ *Гессен С.И. Обоснование правового социализма* // Гессен С.И. Избранное (сост., автор вступ. ст., Е.Л. Петренко, авторы коммент. М.И. Иванов, Т.В. Иванова). М., 2010. С. 62.

⁴ *Валлерстайн И. После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003.; Его же. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004.*

традиционных социально-культурных структур. Человек, поставленный перед выбором между экономическими интересами и нравственными идеалами, оказался объектом технологии управления и, по сути, лишен свободы – базовой ценности либерализма. Наиболее адекватно выразил суть кризиса профессор Лондонской школы экономики политолог Дж. Грэй в своей работе «Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности»¹. В ней проанализированы результаты распространения либеральной универсальной модели во всех регионах мира и делается вывод, что применение либеральных моделей развития ко всем исторически по-разному сформированным обществам не приводит к однозначному успеху. Великая идеологическая парадигма Просвещения, в центре которой стояла свободная, не ограниченная ничем, кроме юридического или морального закона, личность, исчерпала себя. Возникли серьезные, до конца еще непонятые проблемы не только морально-этического, но и экономического плана. Главное – поставлен вопрос, подходят ли для всех исторически сложившихся культурных образований классическая либеральная модель, основанная на идее общечеловеческих ценностей и рациональной морали. Подвергаются серьезной проверке на продуктивность в современных условиях важнейшие постулаты либерализма. Глобализация мировой экономики привела к невозможности дальнейшей экспансии рынка, свобода частного предпринимательства упирается в расширение деятельности транснациональных корпораций, наметился процесс перерождения свободы и права личности на самоопределение в полное попрание традиционных ценностей. Возник вопрос о соотношении рыночных свобод и национальных интересов отдельных государств. Словом, стоит задача осмысления основных постулатов либерализма в соотношении с новыми задачами и вызовами современности.

Сегодня вновь и в теоретической, и в практической плоскостях остро обозначились проблемы сочетания гражданских свобод и сильной государственной власти. Решились ли они хоть где-то в мире окончательно? Вопрос пока риторический. Собственно, по сегодняшний день ведутся споры, что предпочтительно для России – централизм управления или коллегиальность. Либерализм в России, даже в начальной форме либеральных идей, воодушевлявших отдельных свободолобцев, противостоял традиционной системе воззрений, на которой была выстроена государственная система, по крайней мере, теоретически. В определенные исторические моменты либеральные идеи становились элементом государственной политики. Широко образованные и ориентированные на ценности западной культуры люди оказывались в высших эшелонах власти России. Но преодолеть разрыв между фундаментальными ценностями, на которых строилось сознание крестьянства, составлявшего в то время подавляющее большинство населения, и ценностями свободного индивидуалистического развития так и не удалось.

Либерализм в классических формах, которых пытались реализовать в России на протяжении двух веков, завершился вместе с самодержавной империей, основы которой и подрывали либеральные модели конституционного устройства страны. Современным исследователям с учетом исторического опыта необходимо проанализировать соотношение органичного развития идей свободы и экономической независимости, а также идеологически мотивированное стремление к идеальным формам государственности, выработанным передовой западноевропейской либеральной

---

¹ Грэй Дж. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. Изд.: Праксис. М., 2003.

мыслью в качестве универсальных. Такой анализ ретроспективы развития России необходим для определения правильных путей ее развития.

Библиография

1. *Березко В.Э.* Конституционно-правовые взгляды Б.Н. Чичерина. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2003. 134 с.
2. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004. 368 с.
3. *Валлерстайн И.* После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
4. *Гессен С.И.* Обоснование правового социализма // Гессен С.И. Избранное / сост., автор вступ. ст., Е.Л. Петренко, авторы коммент. М.И. Иванов, Т.В. Иванова. М.: РОССПЭН, 2010. 960 с.
5. *Грэй Дж.* Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. Изд.: Праксис. М., 2003. 367 с.
6. *Гюнтер Р.* Кризис либерализма: [Пер. с нем.] / Предисл. А. Френкина. М.: ИФРАН, 1996. 289 с.
7. Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. 352 с.
8. *Карипов Б.Н.* Концептуальные основы политической русского классического либерализма // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политика. 2011, 3(15). С. 120–125.
9. *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? Сочинения в 6 тт. Т. 4. СПб.: Изд. Тип. А.М. Котомина, 1883. С. 1–188.
10. Сочинения Б. Чичерина. Москва: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1858. 357 с.
11. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ; 2015. 259 с.

Дергунова Нина Владимировна

Доктор политических наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова

Ульяновск, Россия

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НЕДОСТАТКАХ ДЕМОКРАТИИ В КЛАССИЧЕСКОМ ЕВРОПЕЙСКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ

Классический либерализм в начале XIX века отдельно выделял права гражданские (защита личности от воздействия общества и власти) и права политические, которые организуют участие граждан в коллективной жизни. Однако исторически либерализм отстаивал, прежде всего, гражданские права, а демократия - политические. Эти течения до середины XIX века развивались фактически самостоятельно. С точки зрения либералов между индивидуальной свободой и демократическим правлением нет необходимой связи. Это направление в первой половине XIX века получило свое развитие во взглядах И. Бентама, В. Гумбольдта и Б. Константа.

Взгляды Бентама первыми отразили сближение либерализма и демократического движения в борьбе против земельной аристократии и против тех слоев самой буржуазии, интересы которых приходили в противоречие с прогрессом промышленности. Он выступал против имущественного равенства, но за политическое. Чтобы политика властвующих не противоречила интересам подвластных, надо, по мнению Бентама, слить властвующих и подвластных, надо передать власть в руки всего народа. Одновременно с Бентамом эти вопросы были подняты В. фон Гумбольдтом. Однако в силу исторических особенностей феодально-раздробленной Германии его отношение к демократии носит совсем иной характер. Гумбольдт в отношении демократии обратил внимание прежде всего на развитие самого народа и его подготовленность к представительным формам правления. Он подчеркивал неуместность радикального введения всеобщего избирательного права: чтобы новые меры и учреждения в государстве могли привиться в качестве «родных» и «отечественных», они должны быть увязаны с уже существующими. Гумбольдт видел задачу преобразований в постепенном развитии «гражданского духа» нации через развитие самоуправления и местного управления с широким участием народа.

Еще более критически отнесся к демократии Б. Констан. Являясь сторонником конституционализма и представительного правления, он уделил особое внимание недостаткам широкой демократии и всеобщего избирательного права. По его мнению, в руках большинства политическая власть неизбежно придет к захвату собственности. Следовательно, во имя сохранения свободы нужен ценз (без больших размеров собственности). Бедность имеет свои предрассудки, как и невежество. Либерализм Констана в целом направлен против демократии. В первой половине XIX века под парламентским правлением понималось правление среднего класса, который не занимается физическим трудом, не живет на зарплату, имеет определенное положение и просвещение, что в совокупности дает ему определенную независимость. В итоге, к 40-м годам XIX века тремя основателями либерализма были выработаны с разных позиций некоторые принципы взаимосвязи идеала свободы и идеала равенства. Прежде всего, это – идея народного суверенитета (Констан, Бентам), разнообразие форм его проявления и идея постепенного формирования политической культуры, а также требование воспитания гражданских качеств населения, начиная с самоуправления, с развития местной инициативы (Гумбольдт, Констан). Во-вторых, идея представительной формы правления и разделения властей с преобладанием роли парламента (Бентам и Констан) и ответственностью министерства. В-третьих, проблема демократии как введения всеобщего избирательного права при представительном правлении. Здесь позиции не совпадают: Констан резко критиковал недостатки демократии и требовал сохранения имущественного ценза, Гумбольдт выступал за очень осторожное, постепенное введение всеобщего избирательного права, Бентам, напротив, выступил разработчиком парламентской реформы 1832 года в Англии, предусматривающей расширение избирательного права.

К середине XIX века складываются предпосылки сближения либерализма и демократии. В политической практике XIX века демократия как форма государственного устройства существовала только в США. Алексис де Токвиль осуществил попытку критического изучения опыта демократического развития североамериканской республики. Его творчество ознаменовало переход от аристократического

либерализма к демократическому. Токвиль значительное внимание уделил анализу недостатков демократии. Первая опасность для свободы состоит в том, что в демократических республиках равенство - большая социальная ценность, чем свобода. В то время как потребность в свободе жизненно важна лишь для немногих, равенство делает счастливым каждого. По мнению Токвиля, равенство и индивидуализм порождают психологию, способствующую концентрации власти, автократическому перерождению власти.

В общественном сознании происходит уменьшение ценности отдельной личности, и как бы вырастает образ самого народа. Пренебрежительное отношение к правам отдельной личности, приводит к тому, что интересы общества – это всё, интересы же личности – ничто. Индивидуализм приводит к такому отрицательному последствию, как постепенный отказ граждан от участия в общественной жизни. По мере развития демократии обостряется проблема качества власти. Он отметил, как много достойных людей среди тех, кем управляют, и как мало достойных людей среди тех, кто управляет. Отметил Токвиль и еще ряд недостатков демократии, от которых зависит политическая стабильность: если избирательная кампания в стране назначается редко, государство всякий раз подвергается риску больших потрясений. Напротив, если известно, что скоро можно будет снова вступить в равноправную борьбу, побежденные ведут себя терпеливо. Когда выборы назначаются часто, это сохраняет в обществе лихорадочное возбуждение и неустойчивость в общественных делах. Вкус к переменам такая демократия доводит до страсти. Результатом этого является нестабильность законов, как самый большой недостаток, в котором можно было бы упрекнуть органы власти при демократии.

После А. Токвиля проблемы представительного правления в широком смысле, то есть, как парламентской демократии были рассмотрены в творчестве Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера. Демократию оба принимали как представительную форму правления, но если Спенсер выступал за введение всеобщего избирательного права, в том числе и для женщин, и для рабочего класса, то Милль исключал неграмотных, не платящих прямых налогов, пользующихся вспомоществованием от доходов, должников и банкротов до уплаты долгов. Он одним из первых среди либералов обосновал преимущественные политические права интеллигенции как новой интеллектуальной элиты общества. Это было уже движение в сторону элитарной демократии в общих рамках либеральной теории. Общее отношение Милля к правлению большинства: демократические формы и институты должны быть ограничены посредством элитизма.

Милль осуществил анализ функционирования системы представительного правления. Он выступал за уравновешенную форму правления, за разделение властей, чтобы демократия не стала опасной для личности. Средство сдерживания демократии он увидел в разделении властей исполнительной и законодательной. Он считал, что исполнительные органы не должны избираться самим народом ни непосредственно, ни через его представителей. Они должны быть назначаемы. Он против вмешательства законодательных собраний в частности управления, их функция – наблюдение и контроль правительства. Милль тиранию большинства считал главной опасностью для отдельной личности, творческого меньшинства, главное достоинство которого не в богатстве, а в образованности. Однако гражданские и политические свободы взаимно дополняют друг друга и подкрепляют. Гражданские свободы, защищаемые либерализмом, и политические свободы, поддерживаемые демократией,

настолько взаимосвязаны, что, когда к власти приходят авторитарные или абсолютистские режимы, эти свободы исчезают вместе¹.

Современные исследователи либерализма считают, что классическое либеральное государство ныне переживает кризис, обусловленный наступлением процесса демократизации, в основе которого постепенное расширение избирательного права вплоть до придания ему всеобщего характера. Это привело к возникновению так называемого «государства вспомоществования», «социального государства», которое было ответом на запрос снизу, в конечном смысле слова – на демократический запрос.

Таким образом, теоретиками европейского либерализма в XIX веке всесторонне были рассмотрены недостатки демократии: снижение качества власти, тирания большинства в парламенте и общественном мнении, уменьшение значения отдельной личности и возрастание роли общества; нестабильность законов, отказ граждан от участия в общественно-политической жизни, возможность перерождения в авторитарный режим; возникновение политических партий как отражение различий интересов гражданского общества, усиление возможностей манипулирования мнением избирателей, бюрократизация государства и общества из-за возрастающих социально-экономических требований большинства к государству; усиление централизации власти в ущерб местным свободам; политический релятивизм и нестабильность власти. Современная политическая жизнь в полной мере продемонстрировала обоснованность выводов либералов XIX века об относительности демократического устройства государства.

Библиография

1. *Бентам И.* Политические опыты. Тактика законодательных собраний. СПб. 1907.
2. *Гумбольдт В. ф.* О введении земельно-сословных конституций в Прусских государствах // *Полис.* 1993. № 5.
3. *Гуторов В.А., Варламов А.Г.* К вопросу о значении британской правовой традиции в политическом дискурсе США // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения.* 2014. № 1. С. 80–91.
4. *Гуторов В.А.* Традиция британской конституции в современном политико-философском дискурсе: некоторые теоретические проблемы // *Идеологии и генезис ценностей современного общества. Коллективная монография.* СПб.: Издательство РХГА, 2016. С. 291–307.
5. *Даль Р.* О демократии. М. 2000.
6. *Констан Б.* О свободе древних по сравнению со свободой новых // *Полис.* 1993. №3.
7. *Ласки Г.* Предисловие // *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1992.
8. *Милль Дж. Ст.* Размышления о представительном правлении. СПб., 1863.
9. *Милль Дж. Ст.* Утилитарианизм. О свободе. СПб. 1882.
10. *Спенсер Г.* Развитие политических учреждений. СПб. 1882.

---

¹ См.: *Гуторов В.А., Варламов А.Г.* К вопросу о значении британской правовой традиции в политическом дискурсе США // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения.* 2014. № 1. С. 80–91; *Гуторов В.А.* Традиция британской конституции в современном политико-философском дискурсе: некоторые теоретические проблемы // *Идеологии и генезис ценностей современного общества. Коллективная монография.* СПб.: Издательство РХГА, 2016. С. 291–307.

11. *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1992.
12. Французский классический либерализм. М., 2000.

Дмитриева Валерия Денисовна

Младший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Россия

ЛИБЕРАЛИЗМ В ФОКУСЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ: ОСНОВНЫЕ ПУНКТЫ КРИТИКИ¹

Католическая доктрина маркирует идеологию в качестве комплекса идей, которые объясняют мир и существование человека в нем (рациональный аспект), а также мотивы совершаемых людьми действий (эмоциональная составляющая). Идеологии сформировались в процессе секуляризации, т.е. отделения обозначенных идей от религиозной традиции. Этим обусловлена характерная для магистериума критика идеологий, претендующих на универсальную интерпретацию социальной реальности без обращения к Богу. В частности, Павел VI писал о потенциальной двусмысленности любой идеологии. Она может приравнивать общественную деятельность к реализации абстрактной идеи или, наоборот, использовать идею как средство достижения политических целей².

Отличительными чертами либерализма выступают гибкость и неопределенность категориального аппарата, что связано со стремлением вобрать в себя и переосмыслить идеи оппонентов³. Отсюда вытекает парадокс: либерализм одновременно защищает принцип индивидуализма и предлагает глобальное устройство – «образ жизни, который исключает другие образы жизни»⁴. Эта идеология была подвергнута критике со стороны церкви на основании лежащих в ее основании философских принципов (XIX в.) и с экономических позиций (XX в.)⁵.

Важнейшим элементом политической аргументации католицизма в понтификат Иоанна Павла II (1978–2005) выступил критический анализ доминировавших идеологий. Папа подчеркивал несводимость католической доктрины к «третьему пути» – социальное учение не должно выступать в роли одной из идеологий, однако заданные им ориентиры могут быть включены в программы политических партий. Наместником Святого престола был рассмотрен конфликт труда и капитала, идеологическим измерением которого является антагонизм между либерализмом и марксизмом. Согласно понтифику, обе идеологии исходят из приоритета материального над духовным: «Сущность этой ошибки в том, что человеческий труд оценивается исключительно с точки зрения его экономической целесообразности»⁶.

---

¹ Работа выполнена в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 г. по теме «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция и современные тенденции эволюции» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКТР 124082300044-4) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

² *Де Лобье П.* Три града. Социальное учение христианства. СПб., 2000. С. 299–300.

³ См.: Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. С. 155.

⁴ См.: *Гуторов В.А., Шириянц А.А.* Либеральная традиция и современный антилиберализм // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. 2020. Т. 12, № 3. С. 120–126.

⁵ *Де Лобье П.* Три града. Социальное учение христианства. С. 313–314.

⁶ Иоанн Павел II. Мысли о земном. М., 1992. С. 73–76.

Противостояние либеральной и марксистской моделей развития привело не только к обострению отношений между Западом и Востоком, но и к углублению разрыва между Севером и Югом. Если марксизм ограничивает экономическую инициативу и гражданское участие, то либерализм формирует «цивилизацию потребления», при которой обладание материальными ценностями не соотносится с совершенствованием личности¹. В связи с этим Иоанн Павел II выступил против абсолютизации исторического опыта Запада, выработавшего потребительскую модель жизни и поведения, при которой происходит инверсия средств (материальных благ) и цели (общего блага). Папа подчеркнул, что предоставление экономической свободы должно базироваться на этико-религиозном фундаменте².

Бенедикт XVI, понтификат которого пришелся на 2005–2013 гг., обратился к анализу «идеологии прогресса». В рамках этой идеологии предполагалось, что господство над творением, утраченное при грехопадении, может быть восстановлено без обращения к вере. Ключевую роль должны были играть разум и свобода, позиционировавшиеся в качестве основы для построения совершенного человеческого общества. Эти категории, приобретшие политический смысл, воспринимались как противостоящие церкви и государству, что было отражено в ходе Французской революции и Октябрьской революции 1917 г. Папа резюмировал: «Если научно-техническое развитие не соотносится с развитием этического формирования человека ..., значит, это никакой не прогресс, а угроза для человека и для мира»³.

Согласно Бенедикту XVI, отрицание трансцендентной истины (Бога) приводит к отсутствию ясной картины будущего и, как следствие, к построению утопических конструкций. Это выражается в смещении акцента с реализации добродетелей на создание структур и приравнивает политическую деятельность к научной организации управления. Выход из данной ситуации понтифик видел в возвращении религии в публичное пространство. Бенедиктом XVI была выстроена следующая линия аргументации. Поскольку государство не может служить источником истины и морали, политическое сообщество должно получать извне знание относительно того, что является благом. Задача поиска истины требует учета исторического контекста, в связи с чем не может быть возложена на «чистый разум». Христианство, выступающее в роли универсальной и рациональной религии, оказывается единственной силой, способной к распознаванию истины, которую церковь, не подменяя собой государство, должна передать всем людям⁴.

Нынешний наместник Святого престола подверг критике ряд либеральных концепций. Франциск акцентирует внимание на диспропорциональном распределении благ, легитимации которого служат идеологии, защищающие свободу рынка. В этой перспективе экономические кризисы становятся следствием кризиса антропологического, заключающегося в низведении человеческой личности до функции потребителя. Понтификом был разработан концепт периферии, под которой понимается исключение индивидов из социальной жизни, их изоляция. С точки зрения папы, несправедливость общественных структур вызывает сопротивление вытесненных на периферию людей. Это находит выражение в различных

¹ Там же. С. 90–95.

² Там же. С. 153–155.

³ *Бенедикт XVI*. Энциклика *Spe salvi* // The Holy See, 2007. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/ru/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20071130_spe-salvi.html

⁴ Rowland T. Ratzinger's Faith: The Theology of Pope Benedict XVI. Oxford, 2008. P. 116–117.

формах насилия и войны, препятствуя интеграции внутри и между политическими системами¹.

Среди негативных аспектов либерализма Франциск выделяет восприятие народа как логической, а не онтологической категории, приводящее к отрицанию значимости общинных и культурных связей. Либерализм понимает общество в качестве «суммы интересов, сосуществующих друг с другом». Эта индивидуалистическая перспектива нивелирует роль социальных институтов. Либерализм не уделяет должного внимания социальным добродетелям и порокам, абсолютизируя человеческую рациональность. Некоторые либеральные теории предполагают, что установление определенного порядка (свободного рынка) сможет автоматически гарантировать решение общественных проблем. В свою очередь, глава католической церкви настаивает на том, что солидарность и доверие являются необходимыми условиями для создания справедливых (инклюзивных) социальных структур².

Завершая анализ папских документов, можно выделить принципиальные пункты осмысления либерализма в католической доктрине рубежа XX–XXI вв. Во-первых, критическое отношение к материализму. Социальные изменения рассматриваются не столько как результат объективных процессов, сколько как последствия принятых людьми решений. Отсюда следует невозможность установления наилучшего политического режима, а поиск оптимального общественного устройства становится непрерывно решаемой задачей. Во-вторых, социальное благополучие не может быть обеспечено исключительно посредством структур. Человеческая личность обладает свободой воли, в том числе используемой для совершения зла. Поэтому институциональное измерение должно опираться на убеждения, способные мотивировать людей соблюдать общественный порядок. В-третьих, научно-технический прогресс, не соотносящийся с духовным развитием, становится угрозой для мира. Он приводит к социальной дезинтеграции и конфликтам, легитимируемым посредством либеральной идеологии.

Библиография

1. *Бенедикт XVI*. Энциклика *Spe salvi* // The Holy See, 2007. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/ru/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20071130_spe-salvi.html
2. Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. 352 с.
3. *Гуторов В.А.* О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43.
4. *Гуторов В.А., Шириняну А.А.* Либеральная традиция и современный антилиберализм // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. 2020. Т. 12, № 3. С. 120–126.
5. *Де Лобье П.* Три града. Социальное учение христианства. СПб., 2000.
6. *Иоанн Павел II.* Мысли о земном. М., 1992.

¹ *Папа Римский Франциск.* Апостольское обращение *Evangelii gaudium*. М., 2014. С. 43–44; см. также: Гуторов В.А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43.

² *Папа Римский Франциск.* Энциклика *Fratelli tutti*. М., 2021. С. 92–97.

7. *Папа Римский Франциск*. Апостольское обращение *Evangelii gaudium*. М., 2014.
8. *Папа Римский Франциск*. Энциклика *Fratelli tutti*. М., 2021.
9. *Rowland T. Ratzinger's Faith: The Theology of Pope Benedict XVI*. Oxford, 2008.

Карипов Балташ Нурмухамбетович

Доктор политических наук, профессор кафедры «Истории, географии и социально-гуманитарных дисциплин» НАО «Кокшетауский государственный университет имени Шокана Уалиханова»

Кокшетау, Республика Казахстан

КОНСЕРВАТИЗМ И ТРАДИЦИЯ

Консерватизм всегда означал не просто возврат к прошлому, но и определённый проект переустройства общества, на иных началах, чем это предполагали либерализм и социализм. Таким началом и смыслообразующим элементом для консерваторов выступает традиция, понимаемая как сохранение и развитие всего ценного, что было накоплено тем или иным народом за всю его историю, и реконструкция политических институтов в соответствии с этими образцами, отличающими один народ от другого.

Традиционализм и консерватизм являются теми необходимыми спутниками исторического процесса, которые обеспечивают связь, непрерывность, преемственность прошлого, настоящего и будущего¹. В некоторых ситуациях традиционализм и консерватизм являются необходимыми способами упорядочивания и сохранения структурной организации общественной системы на разных уровнях – стихийном и сознательном. В последнем традиция осознаётся как исходная посылка в идейной ориентации и восприятии политической реальности. В формировании консервативной идеи участвует не только рассудок, но и «особая чувствительность по отношению к прошлому»². Поэтому следует согласиться с тем, что не скептическое отношение консерватизма к прошлому отличает его от всего либерального и революционного.

Традиция — это важнейший атрибут национального сознания, ибо в нём отражаются проблемы общезначимых целей, которым подчиняется деятельность людей, проблема иерархии ценностей, проблема общего культурного поля и построения самобытной картины мира. Поэтому совершенно справедливо говорят некоторые авторы, что консерватизм — единственная философия, осознающая опасность упадка значения национального, выражающегося в ослаблении чувства национального самосознания, необходимого для полноценной жизни общества. Следовательно, приверженность национальному становится критерием оценки политики со стороны консерваторов.

Консерватизм в России как осознанный традиционализм обладает чертами общими и специфическими, связанными с национальной спецификой. Российский консерватизм как политическая идея — это сложное интеллектуальное образование,

---

¹ См.: Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. С. 69–136.

² См.: *Гуторов В.А.* О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43.

фиксирующее не только осознанное, специфическое постижение политической реальности, но и ориентированное на сохранение традиций как атрибута нации, их обновление во времени, а также способов достижения этого через воспроизводство догм, стереотипов и ограничение теоретических установок, факторов изменения. Поэтому идея является строительным материалом как российской идеологии, включающей в себя совокупность идей о «целостной картине мира с акцентированием внимания на месте и роли человека в этом мире», так и характера политики. Эта совокупность идей несёт в себе следующие моменты: духовное наполнение взаимодействия людей, историчность, критичность, мерность в изменениях, наполнение смыслом понятий через опыт, осторожность, ответственность, постепенность, поиск баланса между авторитарным и коллективным, растворение личности в целом, самобытность, социально-ориентированная экономика, традиция, целостность и т.д.

Важнейшей особенностью социальной системы является то, что ее неотъемлемой частью, самым активным элементом является человек. Это приводит к появлению у системы особых свойств, принципиально отличающих ее поведение от функционирования технических объектов (уникальность и непредсказуемость, наличие у системы предельных возможностей, способность адаптироваться, стабильность, способность к целеполаганию и целостности, способность противостоять разрушению системы и др.). Народы различаются между собой с точки зрения физических и климатических условий, видов деятельности, религии, технического развития. И хотя представления о характерных чертах того или иного народа часто являются ложными стереотипами, все же большинство жителей мира от них несвободно. Данные черты оказывают заметное влияние на политическую и правовую систему общества и придают ей своеобразие. Поэтому попытки переноса чуждых политических институтов либо терпят крах, либо заканчиваются преобразованием их до неузнаваемости.

Основная идея российского консерватизма заключается в том, что приобщение к чужим ценностям не должно отнюдь осуществляться ценой традиционности национального. Данная идея является важным средством активизации консервативных сил в направлении политического противодействия, либо выработки альтернативных начал. Отражение в консервативных идеях стереотипов и догм, как способа освоения политической реальности, является подтверждением наличия в мышлении сильнодействующего элемента инверсии, предполагающего способность оперирования в политике готовыми результатами мышления, ранее накопленным опытом культуры, который организован как дуальная оппозиция, как тип взаимоотношений «добро-зло», «правда-кривда», «мы-они» и т.д.

Библиография

1. *Гуторов В.А.* Консервативная традиция в прошлом и настоящем: основные уроки для посткоммунистической России // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 6. С. 29–40.

2. *Гуторов В.А.* О некоторых актуальных аспектах интерпретации теории модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 2. С. 193–214.

3. Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. 352 с.

4. *Гуторов В.А.* Либерализм или консерватизм? Дискуссии // Русская политическая мысль: О государстве, о стране, о народе: Учебник для вузов / Под ред. Г.Т. Сардаряна, Т.А. Алексеевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. С. 617–631.

5. *Гуторов В.А.* О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43.

6. *Карипов Б.Н.* Консерватизм: понятие, генезис, сущность и особенности // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2009. № 1. С. 90–105.

7. *Карипов Б.Н.* Культурно-информационные парадигмы исследования традиции // Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства: международная научно-практическая конференция, Челябинск, 28–29 мая 2015 года. Челябинск: Образовательная автономная некоммерческая организация высшего образования «Челябинский Многопрофильный Институт», 2015. С. 5.

8. *Карипов Б.Н.* Методологические вопросы исследования традиции и консерватизма. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: издатель Воробьев А.В., 2021. 248 с.

9. *Карипов Б.Н.* Сравнительный анализ традиционализма и консерватизма // Социум и власть. 2012. № 4(36). С. 33–37.

10. *Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А.* Очерки истории русского хранительства. Ширинянец А.А. Часть 1. М.: Издательство Московского университета, 2021. 352 с.

11. *Царегородцев С.С., Ширинянец А.А.* В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. 2018. № 1(59). С. 64–78.

12. *Ширинянец А.А.* Консерватизм и политические партии в современной России // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С. 166–183.

13. *Gutorov V.A.* On the historical roots of transformation of ideological values in post-communist Russia // Демократия и управление. Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП - РАПН) № 1 (15) 2013. С. 25–28.

Карулин Андрей Алексеевич

Аспирант кафедры истории и теории политики ИФ РАН

Москва, Россия

МЕСТО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЛЕВОМ И ПРАВОМ АКСЕЛЕРАЦИОНИЗМЕ

Феномен Просвещения повлиял на становление модерна как новой эпохи, отделивающей себя от премодерна. Этот процесс базировался на таких ценностях как вера в прогресс, гносеологических и эпистемических возможностей человека познать и «расколдовать» мир, надежду на установление более справедливого политического порядка на земле. Сосредоточием Просвещения стала рационалистическая философия. По замечанию французского политического мыслителя П. Ж. Прудона «Теория прогресса — это железная дорога свободы»¹. Таким образом, рациональное, как элемент модерна, стало доминировать в социуме перед традиционными

¹ *Proudhon P.-J.* La philosophie du Progrès. P.: Alphonse Labèque impr., 1853. P. 19.

способами отправления политико-властных отношений. Метафора «железная дорога» отражает ситуацию полного подчинения человеку окружающего мира, примат человеческого над всем не-человеческим, «слепая» вера в бесконечные способности и возможности человеческого Разума, декартовского *cogito*, привела к ужасам XX в.

Просвещение, которое ранее мыслилось как «выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине»¹, стало трансформироваться в собственное инобытие, приводить к антипросвещенческим феноменам: разработка ядерного оружия массового поражения, появление таких «-измов» как нацизм, фашизм, сталинизм и пр. Мир погрузился в соперничество двух блоков, осциллирующих на грани ядерной войны. Вера в прогресс уже на тот момент осмыслялась философами как ошибка мыслителей Просвещения, чья безудержная вера в метафизическую трансцендентальную веру в Разум позволит человеку выйти из модуса «объекта», обрести контроль над самим собой и начать выстраивать вокруг себя утопический мир. Одними из первых кто начал критиковать прогресс и сомневаться в его позитивном потенциале были теоретики Франкфуртской школы во главе с немецким философом М. Хоркхаймером и его коллегой Т. Адорно. В одной из своих главных работ немецкие мыслители начали подвергать научной рефлексии последствия рационального прогресса и того исторического оптимизма, который обуял общества XX столетия.

В работах философов проводился анализ влияния идей Просвещения на исторический контекст, в том числе и на конкретную реальность, в которой жили мыслители. Выяснилось, что несмотря на научный прогресс свободы не прибавилось, а, наоборот, значительно убавилось². В отношении же Разума и Прогресса как центральных категорий Модерна Хоркхаймер выдвигает интересную мысль, что необходимо переосмыслить рационализм как таковой³. Благодаря работам данного дуэта были вскрыты существенные недостатки как влияния Просвещения в целом на общественные отношения, так и идеи прогресса в качестве одной из основополагающих ценностей Просвещения. Подозрение, брошенное на тень Просвещения, с течением времени все увеличивалось и вызывало все больший интерес к его разрушительному влиянию. Это открыло дорогу ряду современных политико-философских идей, которые предпринимают попытку либо реконцептуализировать дискурс Просвещения и придать ему новые коннотации в XXI в., либо отвергнуть и разоблачить Просвещение как ушедшую в историю эпоху.

В начале XXI столетия в социо-гуманитарном знании появился феномен акселерационизма. В основе данной идеи лежит мысль о внутреннем преодолении капитализма, разогнавшись до определённого «прогресса» в экономической, политической, культурной сферах общества. В теории акселерационизма косвенно затрагивается и проблематика Просвещения. По линии Просвещения проходит один из важнейших водоразделов, разделяющий акселерационизм на «правый» и «левый».

Один из вдохновителей и основоположников правого акселерационизма Ник Ланд. Надо отметить, что XXI в. является веком «поворота к Темному» или ко всему не-человеческому: реальность для человека становится все менее понятнее,

---

¹ Кант И. Собр. Соч. в 6-ти томах. Т.6. М., 1966. С. 35.

² Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Пер. с нем. М. Кузнецова. М. - СПб.: Медиум, Ювента, 1997. С. 58.

³ Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+, 2011. С. 224.

человек не может опираться на свой собственный Разум, так как и он может обманывать субъекта. Именно в тенденцию на «омрачении» мира, поворот к Темному вписывает и Ник Ланд.

В работе «Проклятие Солнца»¹ Ланд посредством анализа платоновского мифа о пещере пытается через концептуальные метафоры найти источник проблем в Просвещении, разоблачить его онтологическую сущность. Ланд отмечает ослепляющее безумие Просвещения, чей «свет» ослепляет человека. Для Ланда. Следствием данной идеи является ландианское обращение к не-человеческому Другому. В акселерационизме Ланда мы наблюдаем невозможность позитивно преодолеть капитализм и остаться в рамках человеческого – Ланд конституирует будущее Технологической Сингулярности, где человек низведен до уровня ресурса, из которого извлекается прибыль². Так Ланд приходит к проекту «Темного Просвещения», где центральную мысль можно свести к идее конца Просвещения, критика которого основывается на вырождении демократии, общего провала проекта и поиска выхода из сложившейся ситуации³.

Проекту Ланда оппонирует левый акселерационизм, теоретиками которого являются британские мыслители Ник Срничек и Алекс Уильямс⁴. Они пытаются переосмыслить понятие прогресса в современном обществе и заново сформулировать будущую левую политику. В их размышлениях о том, как она должна выстраиваться сегодня есть один из основных концептов — образ исторического прогресса. Они, в частности, выступают за пересмотр модерна, а не его отрицание, так как считают, что последний привнес те прогрессивные феномены и явления, на которых были построены современные общества⁵ — это позволяет нам утверждать о реконцептуализации просвещенческого дискурса сегодня. Центральный и основополагающий здесь момент — борьба с дискурсом постмодерна и неолиберализма одновременно. Неолиберализм же в этом контексте за время своего существования смог не только выстроить гегемонию, но и создать капиталистическую реальность, которая выступает как высшая категория абстракции, охватывающей все сферы жизни общества⁶. Особо место в теории левого акселерационизма приобретает концепция «прометеевства» британского философа Р. Брассье.

По его мнению, проблема проекта Просвещения была в том, что рациональность как и прогресс стали метафизическими идеями, «вещами в себе» на что британский философ считает необходимым рассматривать проблему рациональности «не как сверхъестественную способность, а просто как деятельность, управляемую правилами — рациональность — это просто способность генерировать правила и быть связанной ими...»⁷. Именно в этом Брассье видит причину инструментализации Разума и закономерное возникновение постмодернистской эпохи как реакции

¹ Ланд Н. Проклятие солнца // Logos Journal. Т. 29. 2019. № 4. 69 – 80 p.

² Land N. The Thirst of Annihilation: Georges Bataille and Virulent Nihilism (an Essay in Atheistic Religion). London and New York, 1992. P. 78.

³ *The Dark Enlightenment by Nick Land*. [Электронный ресурс] <https://www.thedarkenlightenment.com/the-dark-enlightenment-by-nick-land/>

⁴ Срничек Н., Уильямс А. Манифест акселерационистской политики // Logos Journal. Т. 28. 2018. № 2. 87 – 102 с.

⁵ Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2019.

⁶ Фишер М. Капиталистический реализм. Ультраккультура 2.0, 2010.

⁷ Brassier R. Prometheanism and its Critics // #ACCELERATE# The Accelerationist Reader. Urbanomic, 2014. P. 470.

на ошибки проекта модерна. Тем не менее пафос исследовательской программы прометеизма заключается в главном тезисе о том, что нельзя отказываться от будущего, так как это означало бы отказ от самого проекта Просвещения. И здесь мы можем наблюдать связку с основной претензией левых акселерационистов к современному левому движению в области политической практики – их локальность, узость и фрагментарность дает возможность капитализму существовать и ретерриторизироваться заново, глобально его не меняя.

Библиография

1. *Кант И.* Собр. Соч. в 6-ти томах. Т.6. М., 1966. 743 с.
2. *Ланд Н.* Проклятие солнца //Философско-литературный журнал «Логос». 2019. Т. 29. №. 4 (131). С. 67-80.
3. *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. Пер. с англ. — М.: Strelka Press, 2019. 336 с.
4. *Срничек Н., Уильямс А.* Манифест акселерационистской политики. ЛОГОС. ТОМ 28. №2.2018 С. 87-102.
5. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Пер. с нем. М. Кузнецова. М. М. СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
6. *Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+, 2011. 224 с.
7. *Фишер М.* Капиталистический реализм. Ультракультура 2.0, 2010. 144 с.
8. *Brassier R.* Prometheism and its Critics // #ACCELERATE# The Accelerationist Reader. Urbanomic, 2014. P. 467-487.
9. *Land N.* The Thirst of Annihilation: Georges Bataille and Virulent Nihilism (an Essay in Atheistic Religion). London and New York, 1992. 248 p.
10. *Proudhon P.-J.* La philosophie du Progrès. P.: Alphonse Labèque impr., 1853.156 p.
11. The Dark Enlightenment by Nick Land. URL: <https://www.thedarkenlightenment.com/the-dark-enlightenment-by-nick-land/>

Ланчава Александр Игоревич

Магистр религиоведения, лаборант-исследователь кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета

Санкт-Петербург, Россия

О ВЛИЯНИИ ПОЛИТИКИ ВЕНГРИИ НА ТЕОРИЮ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОСТЛИБЕРАЛЬНОГО АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА¹

По мнению директора Центра британской политики Мэта Бича, сущность «пост-либерализма заключается в призыве к ортодоксальным консерваторам заняться глубокой саморефлексией»². Создатели проекта «Американский постлиберал»

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01601, <https://rscf.ru/project/23-28-01601/>).

² *Beech M.* God, Marxism and the Culture War: Recovering Liberalism // The Post-Liberal Turn and the Future of Conservatism. / Ed. by Pitt D., Blond P. Budapest: Ludovika University Press, 2024. P. 94.

в своём манифесте выделяют 4 требующие переосмысления концепции: 1) индивидуальная мораль; 2) понятие нации; 3) роль семьи и 4) место церкви в политическом процессе. Одним из базовых институтов нации выступают «университеты, целью которых является производство настоящих консервативных патриотов, чья любовь к Богу и стране озаряется светом вековой мудрости»¹. Однако система классического образования в США и Великобритании была разрушена из-за распространения прогрессивного либерализма, который требует «лояльности к набору прогрессивных верований, многие из которых несовместимы с логикой, а тем более с Христианством»². Согласие с ними навязывается не столько государством, сколько элитами, которые формируют общественное мнение»³. По этой причине британские и американские консерваторы обращаются к опыту Венгрии, которая не только пережила период господства коммунизма, но и смогла эффективно противодействовать либеральному влиянию в сфере образования на современном этапе.

Ещё в 1988 году британский консервативный философ Р. Скратон замечал, что в Венгрии существовало «не анти-марксистское, а а-марксистское популистское движение», для которого фундаментальным было представление об «укорененности политического порядка в национальной идее, в данном случае в венгерской крестьянской культуре»⁴. Данная традиция является идеологическим основанием программы правящей партии «Фидес» и стратегии развития Венгрии премьер-министра Виктора Орбана. В своих речах глава государства неоднократно отмечал, что целью страны является построение «Христианской демократии, которая отдаёт приоритет христианской культуре; это алиберальная концепция»⁵. В стратегии развития Венгрии артикулируются задачи, которые структурно совпадают с положениями манифеста постлибералов: достижение суверенитета в экономике и образовании, стремление к демографической устойчивости, поддержка национальной идентичности, избежание состояния «нулевой религиозности» и т.д.⁶ Для достижения независимости в образовании, в Венгрии была запрещена деятельность нежелательных либеральных организаций, а также создана альтернативная система консервативных университетов и фабрик мысли. В 2020 году на спонсирование системы консервативных образовательных учреждений было потрачено около 3,5 млрд долларов, половину из которых получил Коллегиум Матиаша Корвина⁷. Согласно официальной «Образовательной стратегии» учебного заведения,

---

¹ Adamo L., Ippolito M. The Postliberal Project: What Do We Promote? // The American Postliberal. 07.08.24. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.americanpostliberal.com/p/the-postliberal-project-what-do-we-b6a>

² См.: Гуторов В.А., Варламов А.Г. К вопросу о значении британской правовой традиции в политическом дискурсе США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. №. 1. С. 80-91; Гуторов В.А. Традиция британской конституции в современном политико-философском дискурсе: некоторые теоретические проблемы // Идеологии и генезис ценностей современного общества. Коллективная монография. СПб.: Издательство РХГА, 2016. С. 291-307.

³ Dreher R. Live Not by Lies: A Manual for Christian Dissidents. Sentinel, 2020. P. 8.

⁴ Scruton R. The New Right in Central Europe 11: Poland and Hungary // Political Studies. Volume 36. Issue 4. 1988. P. 650.

⁵ Prime Minister Viktor Orbán's speech at the 29th Bálványos Summer Open University and Student Camp. 30.07.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://abouthungary.hu/speeches-and-remarks/prime-minister-viktor-orbans-speech-at-the-29th-balvanyos-summer-open-university-and-student-camp>

⁶ Lecture of Prime Minister Viktor Orbán at the 33rd Bálványos Summer Free University and Student Camp. 27.07.24. [Электронный ресурс]. URL: <https://abouthungary.hu/speeches-and-remarks/lecture-of-prime-minister-viktor-orban-at-the-33rd-balvanyos-summer-free-university-and-student-camp>

⁷ Hopkins V. Campus in Hungary is Flagship of Orbán's Bid to Create a Conservative Elite // The New York Times. 28.08.21. [Электронный ресурс]. URL: [nytimes.com/2021/06/28/world/europe/hungary-orban-university.html#](https://www.nytimes.com/2021/06/28/world/europe/hungary-orban-university.html#)

его модель «основана на лучших традициях/практиках венгерских колледжей передовых исследований, а также на англо-саксонском опыте преподавания социальных наук». Коллегиум включает программы дополнительного образования для учащихся всех уровней: от учеников школ до аспирантов, а также активно спонсирует стажировки молодых американских исследователей. Целью образовательного учреждения является воспитание будущей консервативной элиты, которая будет «мыслить в терминах нации», состоять из «рефлексирующих личностей, способных к самостоятельному мышлению» и «чувствовать ответственность по отношению к своим сообществам»¹. Различие в оценке подобной образовательной политики американскими и британскими постлибералами заключается в том, что, если первые поддерживают культурный национализм В. Орбана и выступают за прямое заимствование практик Венгрии, то вторые пытаются адаптировать опыт иностранного государства для воплощения в более плюралистическом обществе.

Так, по словам американского публициста Р. Дреера, «Орбан понимает, что элитные университеты, захваченные идеологией, производят правящий класс, который презирает собственную нацию и её традиции» и последовательно «строит консервативное глубинное государство, чтобы консервативные ценности могли выстоять и выжить» в будущем. Консерваторам в США необходимо последовать его примеру и «без зазрений совести принять агрессивное использование государственной власти»². С точки зрения постлиберальной теории университетского образования это означает, что создание сети консервативных колледжей является недостаточной мерой: «Гарвард, Колледж округа Моррис и все промежуточные образовательные учреждения должны быть возвращены. Ненавидящих мудрость либеральных профессоров необходимо заменить преподавателями, которые заинтересованы в передаче знания своим студентам»³. Однако, по мнению британского постлиберального философа Ф. Блонда, «в центральной Европе пост-либерализм в союзе с национализмом привел к крайне эффективному управлению Польшей и Венгрией... Но в других странах эта смесь провалилась – и провалилась фантастически». Причина заключается в том, что национализм сам является «экстремальной формой либерализма». При этом западные постлибералы проигнорировали настоящую основу успеха правительств Центральной Европы, которые: «создали сложную систему государственного вмешательства с целью поддержки семей и экономически маргинализованного населения... эффективные меры обеспечения благосостояния своих граждан и, что критически важно, перераспределения ресурсов социальной и культурной безопасности»⁴. Поэтому демократическая образовательная система должна строиться не на принципе национальной идентичности, а на «иерархии по-настоящему образованных и сформированных личностей, в которых знание сочетается с добродетелью». Через усвоение конкретной национальной традиции в ходе образовательного процесса студенты обретут «смутное представление о полноте истине, с которой люди – несмотря ни на что – все еще

---

¹ Mathias Corvinus Collegium Teaching and Educational Strategy. [Электронный ресурс]. URL: <https://mcc.hu/en/teaching-and-educational-strategy>

² Dreher R. What Conservatives Must Learn from Orbán's Hungary. 02.11.21. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BEB7FdogGS4>

³ Adamo L., Ippolito M. The Postliberal Project: What Do We Promote?

⁴ Blond P. The Universal and the Particular Conservatism, Nationalism and Post-Liberalism // The Post-Liberal Turn and the Future of Conservatism. / Ed. by Pitt D., Blond P. Budapest: Ludovika University Press, 2024. P. 26–34.

связаны, даже если они никогда не смогут полностью ее понять»¹. Это позволит создать условия для формирования новой гражданской солидарности и «принятия универсализма в духе Эдмунда Берка, который, начиная с любви к частному, приходил к любви ко всему человечеству»². В целом, несмотря на разногласия, американские и британские постлибералы согласны с тем, что Венгрия является для них «ценным союзником», а Будапешт – «интеллектуальной столицей» нового направления в консервативной традиции³.

Библиография

1. *Гуторов В.А.* К вопросу об эволюции веберовской концепции социализма в политическом и научном дискурсе XX в. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2012. Т.8. № 1. С. 5–17.

2. *Гуторов В.А.* О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43.

3. *Гуторов В.А.* Традиция британской конституции в современном политико-философском дискурсе: некоторые теоретические проблемы // Идеологии и генезис ценностей современного общества. Коллективная монография. СПб.: Издательство РХГА, 2016. С. 291–307.

4. *Гуторов В.А., Варламов А.Г.* К вопросу о значении британской правовой традиции в политическом дискурсе США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 1. С. 80–91.

5. *Adamo L., Ippolito M.* The Postliberal Project: What Do We Promote? // The American Postliberal. 07.08.24. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.americanpostliberal.com/p/the-postliberal-project-what-do-we-b6a>

6. *Beech M.* God, Marxism and the Culture War: Recovering Liberalism // The Post-Liberal Turn and the Future of Conservatism. / Ed. by Pitt D., Blond P. Budapest: Ludovika University Press, 2024. P. 93–107.

7. *Blond P.* Red Tory: How the Left and Right Have Broken Britain and How We Can Fix It. London: Faber and Faber Ltd., 2010. 309 p.

8. *Blond P.* The Universal and the Particular Conservatism, Nationalism and Post-Liberalism // The Post-Liberal Turn and the Future of Conservatism. / Ed. by Pitt D., Blond P. Budapest: Ludovika University Press, 2024. P. 23–37.

9. *Dreher R.* Live Not by Lies: A Manual for Christian Dissidents. Sentinel, 2020. 256 p.

10. *Dreher R.* What Conservatives Must Learn from Orbán's Hungary. 02.11.21. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BEB7FdogGS4>

11. *Hopkins V.* Campus in Hungary is Flagship of Orbán's Bid to Create a Conservative Elite // The New York Times. 28.08.21. [Электронный ресурс]. URL: nytimes.com/2021/06/28/world/europe/hungary-orban-university.html#

12. Lecture of Prime Minister Viktor Orbán at the 33rd Bálványos Summer Free University and Student Camp. 27.07.24. [Электронный ресурс]. URL: <https://abouthungary.hu/speeches-and-remarks/lecture-of-prime-minister-viktor-orban-at-the-33rd-balvanyos-summer-free-university-and-student-camp>

---

¹ *Blond P.* Red Tory: How the Left and Right Have Broken Britain and How We Can Fix It. London: Faber and Faber Ltd., 2010. P. 170–178.

² *Blond P.* The Universal and the Particular Conservatism, Nationalism and Post-Liberalism. P. 34.

³ *Dreher R.* What Conservatives Must Learn from Orbán's Hungary.

13. Mathias Corvinus Collegium Teaching and Educational Strategy. [Электронный ресурс]. URL: <https://mcc.hu/en/teaching-and-educational-strategy>
14. Prime Minister Viktor Orbán's speech at the 29th Bálványos Summer Open University and Student Camp. 30.07.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://abouthungary.hu/speeches-and-remarks/prime-minister-viktor-orbans-speech-at-the-29th-balvanyos-summer-open-university-and-student-camp>
15. *Scruton R.* The New Right in Central Europe 11: Poland and Hungary // *Political Studies*. Volume 36. Issue 4. 1988. P. 638–652.

Михайленок Олег Михайлович

Доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

Митрофанова Анастасия Владимировна

Доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

**ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИИ И МОДЕРНА
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ**

Последнее время в России и за ее пределами активно обсуждается тема традиционных ценностей. В связи с этим представляется важным вернуться к понятиям традиции и модерна.

В доиндустриальный период человечество обитало в мире традиции. Человек традиции никогда не бывает в одиночестве. Люди – это социальные институты: семья, религиозная община, ремесленный цех и т.д. Мир традиции технологически развивается благодаря механизмам непосредственной передачи опыта от поколения к поколению.

Модерн ассоциируется прежде всего с индустриальной революцией. Однако основное изменение периода модерна происходит с социальным субъектом, а не с технологиями. Модерн – эпоха массового производства человека как социального субъекта. Главное достижение модерна – создание системы массового образования, то есть индустриального производства субъектов.

Промышленное производство означало также возникновение материального изобилия. У человека появляется возможность жить вне общины, зарабатывать на жизнь на фабрике и покупать еду на рынке. Теоретически субъекту модерна никакие общины не нужны, как не нужна ни семья, ни религия. Эти социальные институты сохраняет инерция: они уже не нужны экономически, но в них еще есть эмоциональная потребность.

Модерн, с его индустриальным развитием, дает человеку беспрецедентные возможности самореализации. В апогее модерна люди летят в космос и побеждают инфекционные болезни. Благами модерна пользуются, в первую очередь, европейцы. Но часть этих благ, в частности медицина, технологии обработки земли («зеленая революция»), производство пищи, распространяются и за пределы Западного

мира, постепенно изживая традиционные структуры и превращая весь мир в мир модерна. Это можно назвать светлой стороной модерна.

Но у модерна есть и темная сторона. В результате индустриального развития государство получает в свои руки огромные ресурсы, которые начинает тратить на своих граждан. Рождается государство благосостояния: появляются пенсии, пособия по безработице, бесплатное школьное обучение и здравоохранение. Сначала люди просто наслаждаются этими благами. Но в 1960-е годы вырисовывается неприятная истина. Государство благосостояния лишает семью и религиозную общину их последних социально-экономических функций. Для удовлетворения эмоциональных потребностей создаются индустрии развлечений и благотворительности. Собственно, в эпоху модерна нет потребностей, которые нельзя удовлетворить на промышленной основе.

Модерн заливают мир традиции электрическим светом (веберовское «расколдовывание»). В период своего расцвета он охотится на мельчайшие элементы традиции и искореняет их как предрассудки. Как и традиция, модерн склонен предлагать большие нарративы, с помощью которых объясняет буквально весь мир. Но с нарративами традиции (например, с религией) он проводит процедуру «очищения» как доктрины, так и практики от (1) иррациональных (с позиции модерна) составляющих и (2) элементов народной традиции, которые маркируются как «языческие пережитки».

Модерн лишает человека социальной поддержки в виде семьи или общины, оставляя субъекта один на один с государством и его аппаратами контроля. Это крайне тяжелая ситуация и субъект модерна выбирается из нее путем имитации исчезнувших традиционных структур. Так рождается постмодерн, имитирующий семью, этнос, религию, даже ремесленные гильдии и другие подобные институты. Если для человека традиции принадлежность к религиозной общине – вещь смертельно серьезная, то для постмодерна религия – игра и имитация. Это повод, например, носить особую одежду. Семья – игра, и как только она надоедает, участники бросают друг друга. Люди постмодерна постоянно в поиске: меняют семьи, религии, профессии и культуры. Модерн предполагает четкое разделение центра и периферии, в том числе внутри личности. В постмодерне центра нет, поэтому все функционирование смещается на периферию. В мире, конечно, сохраняются носители настоящей, не прерванной модерном традиции, но найти их непросто, и они постепенно деградируют в этно-заповедники.

Для людей модерна традиция обладает неборимой привлекательностью, так как обещает решение их внутренних психологических проблем – единственное, что невозможно сделать индустриальными методами модерна. Увлечшись имитацией традиции, субъект модерна сбрасывает рационализм и окунается в карнавал насилия, который принимает за реставрацию традиции. Таким образом субъект модерна прекращает свое существование.

В недрах модерна сохраняется еще кое-что, что можно рассматривать как рудименты традиции. Стремясь уклониться от всевидящего ока государственных институтов контроля, люди создают сетевые структуры в обход государства, через которые начинается неподконтрольная циркуляция активов и социальных благ. Это могут быть преступные организации, но в большинстве случаев это просто явления, известные нам как кумовство, nepotism или просто блат. В то время как один

человек, в том же самом обществе, ощущает свое ничтожество перед громадами государства и корпораций, другой встраивается в сетевые структуры и с их помощью получает от общества значительно больше, чем без них. Сети не являются аналогом традиционных общин, поскольку они созданы субъектами модерна, которые в данном случае работают не на общее дело, диктуемое очередным нарративом, а на свои личные интересы, по камушку разбирая общественное достояние. Общины традиции социально конструктивны, сети модерна – деструктивны и паразитируют на обществе, разъедавая его изнутри.

Постмодерн нуждается в разрушении, так как порождает неконтролируемое насилие и разрушает рациональный порядок модерна, не создавая взамен органического порядка традиции. Но нельзя и просто вернуться к модерну. Во-первых, потому что субъект модерна уже разложился, и во-вторых – из-за его темной стороны, под воздействием которой модерн самоликвидируется. Единственной жизнеспособной возможностью была бы перезагрузка модерна на новой основе. Индустриальный и рациональный мир модерна, который обеспечивает развитие – личное и технологическое, но в сочетании с традиционными институтами поддержки, позволяющими человеческой личности не оставаться один на один с мегамашинами модерна.

Восстановить традицию уже невозможно, так как субъект модерна возник, и отмене не подлежит. Он может переродиться в человека постмодерна (которого субъектом уже сложно назвать), но не вернуться обратно к традиции. Попытки ее принудительно восстанавливать могут вылиться только в «постапокалипсис» – остатки постмодерна на развалинах модерна. Применительно к России можно выделить следующие варианты государственно-национального строительства: 1) Создание этнической нации. Это архаика, возвращение в доиндустриальный период аграрных провинций европейских империй. Она не имеет оснований, потому что в этнонациях нет экономического смысла. 2) Гражданская нация «россиян». Отметим, что во Франции процесс создания гражданской нации занял более ста лет и примерно каждые десять лет происходила революция. У России нет ста лет и возможности каждые десять лет переживать революцию. 3) Построение идентичности, которая одновременно будет национальной и вненациональной. Ядро – этническая идентичность русского народа. Второй круг – идентичность «российской цивилизации», все, кто разделяет с русским народом общую историю и культурные коды. Третий круг не имеет границ, в него не войдет только тот, кто сам не захочет.

Новое издание модерна создается через стремление людей свободно объединяться на общей идейной и нравственной основе, в том числе и для противостояния антисоциальным сетям коррупции и nepотизма. В качестве локусов формирования общин единомышленников могут выступать религиозные организации, но не следует превращать их в ролевую игру или допускать их перерождения в деструктивные сети, которые мимикрируют под благородные институты традиции.

Пак Олег Александрович

Аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, научный сотрудник ФНИСЦ РАН

Москва, Россия

ВОСПРИЯТИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА И КОНСЕРВАТИЗМА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Аннотация: В данной статье приводятся результаты социологического опроса, проведённого в октябре-ноябре 2024 г. среди студентов бакалавриата, магистратуры, а также аспирантов университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и Астрахани. Целью исследования является выявление восприятия молодыми респондентами либерализма и консерватизма в современной России, их ассоциативных явлений, влияние на современную действительность, а также какие ценности сегодня преобладают в российском национальном сознании.

Ключевые слова: либерализм, консерватизм, российская молодежь, политический дискурс, социологический опрос.

В последние десятилетия Россия переживает период новых внутренних и внешних вызовов в политической и социальной сферах. Они определяют перспективы развития общественного сознания, в частности, среди молодежи, которая играет ключевую роль в формировании будущего страны. В условиях глобализации и информационных технологий российские студенты все чаще обращаются к различным идеологическим концепциям, среди которых либерализм и консерватизм занимают значимое место².

В связи с этим коллективом исследователей Санкт-Петербургского государственного университета, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и ФНИСЦ РАН была начата работа над проектом «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция и современные тенденции эволюции».

Данный проект подразумевает реализацию программы по изучению восприятия российской студенческой молодежью либерализма и консерватизма.

В рамках исследования использовались индивидуальные структурированные опросы. Для более масштабного охвата в количественном отношении исследования был проведён онлайн-опрос с помощью сервисов «Yandex Forms». Выбор в пользу данной методики был сделан с учётом условий современного информационного общества. В силу развития интернет-сервисов онлайн-опросы постепенно заменяют традиционные методы, такие как очное анкетирование и интервью.

Дизайн исследования

Выборка опроса составила 950 человек. В качестве респондентов были выбраны учащиеся бакалавриата и магистратуры, а также аспиранты (возрастные рамки: от 17 до 27 лет) следующих высших учебных заведений: Московский государственный

---

¹ Работа выполнена в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 г. по теме «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция и современные тенденции эволюции» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКТР 124082300044-4) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

² См.: Гуторов В. А. Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. С. 69–136; 155–204.

университет имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева и Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

В качестве основного метода, применяемого в исследовании, был выбран закрытый опрос. Анкета включала 17 вопросов на русском языке и респондентам предлагалось выбрать ответы из предложенных вариантов. Из всех вопросов четыре были закрытыми с множественным выбором, тринадцать — с возможностью выбрать лишь один ответ.

Предварительные итоги исследования

1. В первом вопросе респонденту необходимо было отметить те явления, с которым он ассоциирует «либерализм». Была возможность выбрать несколько вариантов ответов. Большинство респондентов ассоциирует «либерализм» со свободой идей (20,1 %), индивидуальной свободой (17,3 %), свободными выборами (16,2 %), демократией (15,3 %) и толерантностью (14,2 %).

Ответ «партии и общественные движения» выбрали 9,4 %. Примечательно, что «экономическую эффективность» ассоциируют с либерализмом лишь 5,1 % опрошенных.

Вариант ответа «затрудняюсь ответить» выбрали 2,4 % респондентов.

С какими явлениями у вас ассоциируется «либерализм»?	
свобода идей	649 20.1%
индивидуальная свобода	556 17.3%
свободные выборы	523 16.2%
демократия	494 15.3%
толерантность	458 14.2%
партии и общественные движения	302 9.4%
экономическая эффективность	163 5.1%
затрудняюсь ответить	77 2.4%

Рисунок 1. С какими явлениями у вас ассоциируется «либерализм»? (Возможны несколько вариантов ответов)

2. Второй вопрос был посвящён общему отношению респондентов к либерализму. Почти половина выбрала ответ «нейтрально» (46,9 %), при этом 38,2 % отметила положительное отношение к либерализму.

Затруднились с ответом 8,1 % опрошенных, и лишь 6,7 % высказались «отрицательно».

Как вы в целом относитесь к либерализму?	
Нейтрально	446 46.9%
Положительно	363 38.2%
Затрудняюсь ответить	77 8.1%
Отрицательно	64 6.7%

Рисунок 2. Как вы в целом относитесь к либерализму?

3. Далее респондентам было предложено выбрать явления, с которыми у них ассоциируется «консерватизм»? Самым популярным вариантом ответа стал «традиционализм», его выбрали 22,2 % опрошенных.

Почти равное количество ответов получили варианты «историческое прошлое» (15,3 %) и «семейные ценности» (15 %).

Примечательно, что вариант «православная традиция» (10,7 %) выбирали чаще, чем «имперскую традицию» (9,8%) и «национальные интересы» (9,1 %).

Более редкими явлениям консерватизма опрошиваемые считают «идеологию национального сплочения» (7,8 %) и «сильное государство» (6,5 %).

Минимальный отклик у респондентов получил вариант ответа «местное самоуправление», набравший лишь 1,3 %.

Затруднились с ответом 2,2 % опрошенных.

С какими явлениями у вас ассоциируется «консерватизм»?
3178 ответов

традиционализм	706 22.2%
историческое прошлое	487 15.3%
семейные ценности	478 15%
православная традиция	339 10.7%
имперская традиция	311 9.8%
национальные интересы	289 9.1%
идеология национального сплочения	249 7.8%
сильное государство	206 6.5%
затрудняюсь ответить	71 2.2%
местное самоуправление	42 1.3%

Рисунок 3. С какими явлениями у вас ассоциируется «консерватизм»? (Возможны несколько вариантов ответов)

4. На следующий вопрос респонденты должны были дать ответ о своём общем отношении к консерватизму. Больше половины отметило своё нейтральное отношение (53,2 %), в то время как отрицательно отозвались 20,1 %. Немного меньше оказалось с позицией «положительно», что составило 17,6 %. Затруднились с ответом 9,2 % из опрошенных.

Как вы в целом относитесь к консерватизму?
950 ответов

Нейтрально	505 53.2%
Отрицательно	191 20.1%
Положительно	167 17.6%
Затрудняюсь ответить	87 9.2%

Рисунок 4. Как вы в целом относитесь к консерватизму?

5. В пятом вопросе респондентам был задан вопрос «какие современные зарубежные страны в настоящее время, на ваш взгляд, могут считаться эталоном либеральной государственности и культуры?». В качестве ответа можно было выбрать несколько стран.

Самым популярным ответом оказались «США», набравшие 10,8 %. Данный исход можно объяснить стереотипами, которые закрепились у большинства населения из-за политики Соединённых Штатов, а также экспортируемых образов американского образа жизни через сферы культуры.

Почти равные результаты получили ответы «Канада» (8,7 %) и «Швейцария» (8,3 %), «Скандинавские страны» (7,3 %) и «Германия» (7,2 %), а также «Франция» (6,8 %) и «Нидерланды» (6,7 %), что соответствует исследованию о либеральной демократии (LDI), проведённому институтом V-Dem (Varieties of Democracy) в 2023 году¹.

Далее по популярности следуют Великобритания (4,6 %), Бельгия (3,6 %), Италия (3,1 %), Австралия (2,8 %), Испания (2,7 %), Республика Корея (2,6 %), Чехия (2,5 %), Япония (2,5 %), Польша (1,7 %), Израиль (1,6 %), Прибалтийские страны (1,5 %), Португалия (1,3 %), Сингапур (1,2 %), Венгрия (1,2 %), Грузия (1 %) и Украина (0,7 %).

Число респондентов, затруднившихся с ответом, составило 9,5 %.

Какие современные зарубежные страны в настоящее время, на ваш взгляд, могут считаться эталоном либеральной государственности и культуры?

3199 ответов

США	347	10.8%
затрудняюсь ответить	304	9.5%
Канада	277	8.7%
Швейцария	267	8.3%
Скандинавские страны	234	7.3%
Германия	230	7.2%
Франция	219	6.8%
Нидерланды	215	6.7%
Великобритания	147	4.6%
Бельгия	115	3.6%
Италия	100	3.1%
Австралия	91	2.8%
Испания	86	2.7%
Республика Корея	82	2.6%
Чехия	80	2.5%
Япония	80	2.5%
Польша	54	1.7%
Израиль	50	1.6%
Прибалтийские страны	48	1.5%
Португалия	42	1.3%
Сингапур	39	1.2%
Венгрия	37	1.2%
Грузия	32	1%
Украина	23	0.7%

Рисунок 5. Какие современные зарубежные страны в настоящее время, на ваш взгляд, могут считаться эталоном либеральной государственности и культуры? (Возможны несколько вариантов ответов)

¹ Most Liberal Countries 2024 // World Population Review [Электронный ресурс]. — URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/most-liberal-countries> (дата обращения: 04.11.2024)

6. Согласно ответам на вопрос о «ценностях, которые преобладают в российском национальном сознании?» с небольшой разницей в процентах большинство опрошиваемых отметили «патриотические» (25,8 %) и «консервативные» (23,5%) варианты ответов.

Число респондентов, отметивших в качестве ответа «авторитарные» составило 12,6 %, «националистические» 10,6 %, «либеральные» 9,5 %, «популистские» 7,2 %.

Затруднились с ответом 6,1 % опрошенных. Минимальное количество голосов набрал ответ «западные», составив 4,7 %.

Какие ценности сегодня, на ваш взгляд, преобладают в российском национальном сознании?
2097 ответов

патриотические	540	25.8%
консервативные	493	23.5%
авторитарные	265	12.6%
националистические	222	10.6%
либеральные	199	9.5%
популистские	151	7.2%
затрудняюсь ответить	128	6.1%
западные	99	4.7%

*Рисунок 6. Какие ценности сегодня, на ваш взгляд, преобладают в российском национальном сознании?
(Возможны несколько вариантов ответов)*

7. Согласно полученным результатам по седьмому вопросу, можно сделать выводы, что большинство респондентов (60,1 %) считает, что степень влияния либерализма на российское общественное сознание умеренное.

Минимальное влияние чувствуют 19,4 %, доминирующее 4%.

Затрудняются с ответом 16,5 %.

Какова, на ваш взгляд, степень влияния либерализма на российское общественное сознание?
950 ответов

умеренное	571	60.1%
минимальное	184	19.4%
затрудняюсь ответить	157	16.5%
доминирующее	38	4%

Рисунок 7. Какова, на ваш взгляд, степень влияния либерализма на российское общественное сознание?

8. Восьмой вопрос был посвящён соответствию российской социально-политической системы либеральным стандартам. Большинство респондентов (45,2 %) заявила о несоответствии, то время противоположного мнения придерживаются 13,4 % опрошиваемых.

Примечательно, что значительное количество респондентов не смогли определиться, выбрав вариант «затрудняюсь ответить», что составило 41,5 %.

Соответствует ли, на ваш взгляд, российская социально-политическая система либеральным стандартам?

950 ответов

не соответствует	429	45.2%
затрудняюсь ответить	394	41.5%
соответствует	127	13.4%

Рисунок 8. Соответствует ли, на ваш взгляд, российская социально-политическая система либеральным стандартам?

9. Результаты опроса показывают, что 47,5 % опрошенных считают, что на текущий момент существует необходимость в либерализации политической системы России.

Больше трети (35,7 %) респондентов не смогли определиться с выбором и отметили пункт «затрудняюсь ответить».

Об отсутствии необходимости заявили 16,8 %.

Существует ли, на ваш взгляд, необходимость в либерализации политической системы России?

950 ответов

существует	451	47.5%
затрудняюсь ответить	339	35.7%
отсутствует	160	16.8%

Рисунок 9. Существует ли, на ваш взгляд, необходимость в либерализации политической системы России?

10. В десятом вопросе респондентам было предложено выбрать пункт, который соответствует их отношению к экономической политике «либерального блока» правительства. Подавляющее большинство, а именно 65,4 %, отметили вариант «затрудняюсь ответить». Возможно, данный выбор был связан с тем, что в СМИ не так часто разделяют деятельность правительства РФ на отдельные группы.

Почти четверть выбрала ответ «положительно», что составило 22,8 %. Отрицательное отношению к экономической политике «либерального блока» правительства 11,8 % участников опроса.

Каково ваше отношение к экономической политике «либерального блока» правительства?

950 ответов

затрудняюсь ответить	621	65.4%
положительное	217	22.8%
отрицательное	112	11.8%

Рисунок 10. Каково ваше отношение к экономической политике «либерального блока» правительства?

11. Крайне необычная ситуация сложилась с вопросом об отношении к деятельности либеральных «фабрик мысли»: «Московский центр Карнеги, «Ельцин-

Центр», «Комитет гражданских инициатив», «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара» и др. Подавляющее большинство респондентов отметили пункт «затрудняюсь ответить», что составило 70,2 %.

При этом результаты «положительно» и «отрицательно» оказались достаточно близко по проценту голосов, а именно 16,8 % положительного отношения и 12,9 % отрицательного.

Каково ваше отношение к деятельности либеральных «фабрик мысли»: «Московский центр Карнеги, «Ельцин-Центр», «Комитет гражданских инициатив», «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара» и др.?

950 ответов

затрудняюсь ответить	667	70.2%
положительное	160	16.8%
отрицательное	123	12.9%

Рисунок 11. Каково ваше отношение к деятельности либеральных «фабрик мысли»: «Московский центр Карнеги, «Ельцин-Центр», «Комитет гражданских инициатив», «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара» и др.?

12. Двенадцатый вопрос был посвящён возможности возврата к консервативным традициям и ценностям в российской политике и общественном сознании. 44,8 % выбрали ответ «да», в то время как «нет» отметили 28,7 %.

С ответом испытали затруднение 26,4 % опрошиваемых.

Возможен ли возврат к консервативным традициям и ценностям в российской политике и общественном сознании?

950 ответов

да	426	44.8%
нет	273	28.7%
затрудняюсь ответить	251	26.4%

Рисунок 12. Возможен ли возврат к консервативным традициям и ценностям в российской политике и общественном сознании?

13. В тринадцатом вопросе респондентам было предложено выбрать партии, которые, по их мнению, способны обеспечить политическую стабильность и экономические реформы в современной России. Для выбора были предоставлены следующие партии: «Единая Россия», «Яблоко», «ЛДПР», «Новые люди», «КПРФ» и «Партия Народной Свободы» («ПАРНАС»).

Несмотря на большое разнообразие вариантов ответов, опрошиваемые в количестве 44,5 % не стали отдавать предпочтение ни одной конкретной партии, отметив пункт «ни одна из этих партий».

Далее по нисходящему рейтингу голоса распределились следующим образом: «Единая Россия» 26,7 %, «Новые люди» 12,3 %, «ЛДПР» 8,5 %, «Яблоко», 4,5 %, «Партия Народной Свободы» («ПАРНАС») 1,7 %, «КПРФ», 1,7 %.

Какая политическая партия способна, на ваш взгляд, обеспечить политическую стабильность и экономические реформы в современной России?

950 ответов

ни одна из этих партий	423	44.5%
«Единая Россия»	254	26.7%
«Новые люди»	117	12.3%
«ЛДПР»	81	8.5%
«Яблоко»	43	4.5%
«Партия Народной Свободы» («ПАРНАС»)	16	1.7%
«КПРФ»	16	1.7%

Рисунок 13. Какая политическая партия способна, на ваш взгляд, обеспечить политическую стабильность и экономические реформы в современной России?

14. Согласно полученным данным после проведения опроса, 39,1 % респондентов считает необходимостью создание принципиально новой либеральной партии. Против выступают 25,5 %

При этом 35,5 затрудняются дать конкретный ответ.

Необходимо ли создание принципиально новой либеральной партии?

950 ответов

да	371	39.1%
затрудняюсь ответить	337	35.5%
нет	242	25.5%

Рисунок 14. Необходимо ли создание принципиально новой либеральной партии?

15. В пятнадцатом вопросе респонденты высказали своё мнение о необходимости формирования новой консервативно-ориентированной коалиции. Ответ «нет» выбрали 45,9 %, в то время как «да» предпочли 19,6 % участников.

Вариант «затрудняюсь ответить» выбрали больше трети голосовавших (34,5 %)

Необходимо ли формирование новой консервативно-ориентированной коалиции?

950 ответов

нет	436	45.9%
затрудняюсь ответить	328	34.5%
да	186	19.6%

Рисунок 15. Необходимо ли формирование новой консервативно-ориентированной коалиции?

16. Следующий вопрос нес в себе цель узнать мнение респондентов о возможных перспективах развития России в либеральном направлении. Сценарий принятия правительством либерального курса показался более реалистичным больше половине опрошенных, что составило 56,7 % от общего числа ответов. Считающих, что либеральный сценарий невозможен, составило лишь 15,1 %.

Затруднился с ответом почти каждый третий респондент, что составило 28,2 %.

Реальны ли, на ваш взгляд, перспективы развития России в либеральном направлении?

950 ответов

реальны	539	56.7%
затрудняюсь ответить	268	28.2%
нереальны	143	15.1%

Рисунок 16. Реальны ли, на ваш взгляд, перспективы развития России в либеральном направлении?

17. Последний вопрос был посвящён перспективам развития России в консервативном направлении. Согласно полученным данным, абсолютное большинство респондентов (57,9 %) считают, что дальнейший курс правительства на консервативную сферу более чем реален. При этом противоположного мнения придерживаются лишь 13,7 % опрошенных.

Число затрудняющихся дать категоричный ответ составило 28,4 %.

Реальны ли, на ваш взгляд, перспективы развития России в консервативном направлении?

950 ответов

реальны	550	57.9%
затрудняюсь ответить	270	28.4%
нереальны	130	13.7%

Рисунок 17. Реальны ли, на ваш взгляд, перспективы развития России в консервативном направлении?

Подводя итоги исследования необходимо отметить, что выявление восприятия молодыми респондентами либерализма и консерватизма современной России, их ассоциативных явлений и влияние на современную действительность, открывает возможности для разработки практических рекомендаций. Данные рекомендации могут в дальнейшем быть использованы при создании доктрин и идеологических концепций для формирования как гражданского, так и национального политического самосознания. Это может помочь разрешить ценностные конфликты, преодолеть разногласия среди российской молодёжи и создать новую российскую идентичность.

Библиография

1. Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. 352 с.

2. Most Liberal Countries 2024 // World Population Review [Электронный ресурс]. — URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/most-liberal-countries> (дата обращения: 04.11.2024)

Рыхтик Михаил Иванович

Доктор политических наук, профессор, профессор РАН, директор Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры сравнительной политологии РУДН им. П. Лумумбы

Нижний Новгород, Москва, Россия

КОНСЕРВАТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ США

Консервативная мысль отражается в позиции представителей республиканской партии, участвующих в современных предвыборных кампаниях, в ходе которой в пылу пропагандистских нападков друг на друга отчетливо проявляются расхождения во взглядах республиканцев и демократов. Идеологические доктрины играют важную роль на стадии планирования и формулирования целей и задач внешней политики, на каждом последующем уровне их. Особенность республиканской идеологии по проблемам национальной безопасности заключается в ярко выраженном национальном ее характере. Слово «национализм» широко использовалось президентами республиканцами еще в первой четверти XX столетия. С утверждением неоконсервативной традиции идеи национализма стали активно эксплуатироваться администрацией Р. Рейгана, Дж. Буша старшего, Дж. Буша младшего, Д. Трампа. Особенность американского национализма в его республиканской трактовке заключается в том, что он связан с верой в исключительность и особую миссию, которую играет американский народ.

Приоритетное внимание республиканцы уделяют сохранению и процветанию «традиционного» американского общества. Зародившись на волне протеста против иммигрантов, партийные лидеры традиционно враждебно оценивают появление носителей другой отличной системы ценностей и норм.

Изоляционизм – еще одна особенность консервативного подхода. Однако изоляционизм республиканцы трактуют, как нежелание сковывать себя излишними обязательствами, а не как отстраненность от участия в мировых процессах. Теоретические корни изоляционизма относительно слабы. В программах республиканцев традиционно большая роль отводится институту армии и разведки. Более того, человек в форме имеет почти сакральное значение в идеологии партии. Гегемонизм, характерный для либералов, в меньшей степени свойственен республиканцам, ибо реализация этого принципа может осуществляться не через силу, а приоритет может быть отдан принципам, нормам, морали (так называемой «мягкой силе»).

Республиканским политикам свойственно проявление имперского мышления. Для них продвижение демократических идеалов осуществляется не ради улучшения жизни других народов, а для выживания и процветания собственной страны. Империя для республиканцев — это своего рода модель глобального порядка, сконцентрированного вокруг одного центра – Соединенные Штаты Америки. Проявления Империи - глобальное военное присутствие, доминирование языка и культуры, вера в особую миссию. Таким образом, распространение демократии для республиканцев не цель, а лишь одно из средств национальной стратегии.

Другая парадоксальная особенность республиканского подхода заключается в том, что, традиционно недоверчиво относясь к усилению государству (антиэтатизм), они выступают за централизацию и усиление государственных институтов, задейство-

ванных в обеспечении национальной безопасности. Таким образом, модель национальной безопасности республиканцев характеризуется государственно-центричностью.

Традиционная поддержка большого бизнеса и крупных корпораций делает республиканцев менее восприимчивыми к либеральным концепциям «глобальной» или «личностной» безопасности. Это утверждение не следует понимать как повторение известных «обвинений» республиканцев в потворстве воинственно настроенным представителям военно-промышленного комплекса и военных ведомств. Республиканцы менее гибки и более традиционны, чем демократы. В этом не только их сила, но и слабость. «Новый республиканизм» спас партию и привел ее в Белый дом в 1950-е годы. Неоконсерватизм обеспечил ей победу в 1980 г. Каждый приход республиканцев знаменуется не просто набором мер и инициатив, но и стройной концепцией, в основе которой – четко выверенная шкала ценностей и идеалов. Приверженность антиэтатистским взглядам при одновременном усилении государственных институтов, задействованных в обеспечении безопасности в «широкой» трактовке, может привести к кризису партии, выходом из которого – ревизия устаревших идеологических принципов.

Итак, мы являемся свидетелями очередных глубоких перемен, связанных с идеологическим кризисом, перемещением групп влияния, сменой спонсоров и старением электората. Это повлияет на эволюцию консервативных идей в США и сами политические партии. Однако такие изменения в американских партиях происходят не впервые. Нам представляется, что в среднесрочной перспективе мы увидим усиление идеологического компонента в межпартийном соперничестве и усиление партийного фактора в процессе принятия политических решений. Значение идей усиливается в современной американской политической мысли и практике.

Библиография

1. *Баталов Э.Я.* Человек, мир, политика. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2008.
2. *Печатнов В.О.* Правый популизм в США: традиция и современность // Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности. М. 2020.
3. Политические идеологии и партийные системы: основные векторы трансформации во втором десятилетии XXI века / Отв. ред. Э.Г. Соловьев; ИМЭМО РАН. М.: Идея-Пресс. 2022.
4. *Кислицын С.В.* Республиканская партия США и проблемы идентичности // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 9. С. 31–53.

Царегородцев Сергей Станиславович

Кандидат политических наук, независимый исследователь

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИДЕОЛОГИИ И ЛИБЕРАЛИЗМЕ

Мы не раз обращались к проблемам, связанным с историей и феноменологией либерализма¹. В результате, вполне очевидным стал тезис о том, что можно как угодно относиться к идеологии вообще и к либерализму в частности, но в наше

---

¹ *Царегородцев С.С.* Consensus omnium Фрэнсиса Бэкона. М.: Аквилон, 2022; *Царегородцев С.С., Ширинянц А.А.* В поисках смысла: идеи как фактор политики. // Вестник Российской нации. 2018. №1. С. 64–78; и др.

время именно либеральные идеи являются организационным, системным началом российского гражданского общества и государства. Образно выражаясь, мы хоть и отчаянно тормозим, но все же едем по тем же рельсам и в том же направлении, что и большинство стран мира, весь западный мир. В этой связи надежды некоторых политиков, что со временем Россия снова будет искать свое место в «западном строю», вполне обоснованы. В любом деле побеждает системный подход, закон больших чисел. Независимо от того, хотим мы этого или нет, либеральные установки посредством законов, системы образования, средств массовой информации, художественных произведений непрерывно воспроизводят новые батальоны носителей либеральных идей. Причем это только одна сторона медали, но есть и другая. В силу того, что аппарат либеральной идеологии, обслуживающая ее система находится в странах англосаксонского блока, можно констатировать концептуальную и, как следствие, в определенной степени, культурную зависимость России от стран Запада¹.

«Ну и что в этом плохого?» — заметят оппоненты. — Допустим, что в основаниях либеральной теории есть недостатки, но где их нет? Ведь помимо теоретической важна и практическая сторона вопроса. До недавнего времени мир неплохо существовал, руководствуясь либеральными идеями, может быть, так будет и дальше. Вполне возможно, что достойным ответом на текущий кризис станет модернизация либеральных идей, реализация их неиспользованного потенциала».

Отвечая на это замечание, рассмотрим либерализм как часть комплекса, формирующего общественное сознание. Прежде всего, отметим, что на практике либеральная идеология представляет собой совершенно особенное, уникальное явление. В отличие от прочих идеологических форм, она не нагружает человеческое сознание, не развивает его, а разгружает, оставляя в примитивном виде. Такая процедура не требует больших затрат, почти незаметна и позволяет либеральным технологам говорить, что идеология в либеральном обществе отсутствует. Эту практику можно проиллюстрировать следующим примером. Для того чтобы вырастить сильного духом, зрелого человека, семья, общество, государство должны приложить массу усилий. Необходимо, чтобы растущий человек прошел социализацию, преодолел эгоцентризм, приобщился к созидательному труду. В его сознании должны быть сформированы необходимые обществу нравственные установки, система ценностных приоритетов, направленных на созидание. Напротив, чтобы получить человека, зафиксированного на удовлетворении собственных потребностей и интересов, требуется всего лишь оставить разум человека в его девственном, детском состоянии. Образно выражаясь, для того чтобы с большой долей вероятности вырастить в одном лице либерала и потребителя нужны только две обязательных вещи: еда и уютный диван. Здесь не требуются ни процедура ценностного ориентирования сознания, ни воспитательный процесс. Необходимый результат будет получен сам по себе, без больших затрат, без особого труда. Очевидно, что в этом процессе культивируются эгоцентрические наклонности человека. Происходит это в большей степени автоматически, так как от рождения до десяти-двенадцати лет все люди, вынужденно, являются эгоцентриками. То есть, по сути, технология формирования общественного сознания на базе либеральной идеологии служит консервации инфантилизма. Данное обстоятельство неизбежно приводит как к снижению способности людей

---

¹ См.: Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. С. 291–307.

приспосабливаться к условиям окружающей природной и социальной среды, так и к прямым потерям интеллектуального потенциала отдельных людей и социума в целом.

Не отсюда ли берут свое начало проблемы современного общества?

Продолжая разговор о потенциале либеральных идей, вспомним, что *исторически* либеральная идеология набрала силу в ответ на потребность стран Западной Европы как-то обосновывать, поддерживать и оправдывать свою политику по захвату новых колоний и рынков. Поднявшаяся как идеология насильственного присвоения и грабежа, она утверждала политику экстенсивного развития Запада, нацеленную на постоянное расширение своей «кормовой» базы, на вовлечение в оборот новых человеческих и сырьевых ресурсов. Однако в наше время почти весь мир освоен и фактически, кроме России, коллективному Западу захватывать больше нечего. То есть, с исторической точки зрения, потенциал либеральной идеологии существует только за счет гипотетической возможности Запада продлить свое существование еще какое-то время, осваивая нерастраченные российские ресурсы.

К этому нужно добавить, что потенциал либерализма существенно ограничивают органические недостатки его *теоретической базы*. Делая акцент на индивидуализме, либеральные идеологи вынуждены обесценивать фактические социальные основания человеческого существования. Отсюда берет свое начало целенаправленная политика по разрушению традиционных ценностей, в первую очередь институтов семьи и системы образования. Кроме того, немаловажно, что тенденциозная политическая трактовка источника человеческого познания в либеральной теории порождает иллюзию существования некоей абсолютной человеческой свободы, когда человек волен поступать без оглядки на окружающую действительность, и для защиты этой надуманной свободы может и даже должен выступать антагонистом семьи, окружающих его людей, общества и государства. Такая трактовка стимулирует рост носителей радикальных антисоциальных идей и, по существу, является инструментом разрушения традиционной морали и нравственности.

Наконец, прямым следствием либеральной *практики* является разрыв социальных связей всех уровней — от индивидуального сознания до государственных структур: деградация личности, семьи, государственных и социальных институтов, а также разрушение производительных сил общества: снижение уровня и качества образования, потеря общего интеллектуального потенциала, формирование в массовом сознании отрицательного отношения к созидательному труду.

Таким образом, рассматривая вкуче историю, теорию и практику либерализма, можно уверенно говорить о том, что потенциал либеральных идей исчерпан, что кризис либерализма носит необратимый характер. Если развитие кризиса на какое-то время и получится приостановить, полностью предотвратить крах либерализма, а заодно англосаксонского цивилизационного проекта невозможно.

Библиография

1. Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. 352 с.
2. Царегородцев С.С. Consensus omnium Фрэнсиса Бэкона. М.: Аквилон, 2022.
3. Царегородцев С.С. К вопросу о технологии формирования общественного сознания / С.С. Царегородцев // Социально-гуманитарные знания. 2018. №1. С. 237–246.

4. Царегородцев С.С., Шириняню А.А. В поисках смысла: идеи как фактор политики. // Вестник Российской нации. 2018. №1. С. 64–78.

5. Царегородцев С. С., Шириняню А. А. Политика, идеология, историческая память // Региональные интеграционные процессы и Беларусь: философско-мировоззренческие основания, тенденции развития, опыт социально-политического моделирования. Белорусская политология: многообразие в единстве: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 17-18 мая 2018 г.). В 2 ч. Ч. 2/ Ин-тфилос. Нац. акад. наук Беларуси, ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Л. А. Лазаревич (гл. ред.), В. Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2018. С. 214–217.

Шириняню Александр Андреевич

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ КЛАССИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КОНСЕРВАТИЗМА¹

Рассмотрение эволюции классической концепции консерватизма, сформировавшейся в эпоху раннего европейского модерна, предполагает выявление философских, этических, идеологических и политических дилемм консервативной идеологии и политики в условиях глобального кризиса общественного сознания и ценностей в современном мире. Речь идет об общих принципиальных вопросах как об универсальной природе и принципах политического консерватизма, так и о специфике его взаимодействия с другими идеологическими течениями на Западе и в России. Тезис, согласно которому «консерватизм представляет собой, несомненно, исторически универсальный феномен...», присутствующий «в качестве элементарных основ, представлений во всех культурах, в обществе любого типа...»², на наш взгляд, полностью сохраняет свою актуальность. В научной литературе до сих пор продолжается дискуссия о содержании консерватизма и его родовых признаках³. Хотя нередко в качестве отправного пункта дискуссии берется то или иное комплексное определение, например «триада» Д. Алена, выделяющего три главных признака консерватизма – традиционализм, скептицизм, органицизм, тем не менее, многие исследователи признают традиционализм в качестве исконного и единственно бесспорного критерия⁴.

¹ Работа выполнена в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 г. по теме «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция и современные тенденции эволюции» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКТР 124082300044-4) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

² Рормозер Г., Френкин А.А. Новый консерватизм: вызов для России. М.: ИФРАН, 1996. С. 113.

³ См.: Куликов В. И., Шириняню А.А. Консервативный дискурс в концептуальном пространстве современной политической науки // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 3. [Электронный ресурс] URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/975/972>; Шириняню А. А. К «феноменологии» консерватизма и не только // Вопросы истории консерватизма. 2015. № 1. С. 356–380; Шириняню А. А. «Консерватор»: слово и смыслы в русской социально-политической мысли // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2015. № 6. С. 112–124.

⁴ См.: Перевезенцев С.В. «По устроению дедню и огню»: к вопросу о значении традиционализма в русской истории // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 243–254; Григоров С.Г. Преодоление заданности. Размышления о консерватизме // Полис. 2000. № 3. С. 32–33.

В отечественной и западной литературе на протяжении многих десятилетий превалировал постулат о невозможности обосновать научно единое, универсальное определение консерватизма. Сторонники такого подхода далеко не всегда корректно используют для обоснования обозначенной выше пессимистической точки зрения известные амбивалентные характеристики консерватизма в работах К. Манхейма. В соответствии с подходом немецкого социолога, традиционализм, как выражение консервативного сознания, достаточно отчетливо выражен в двух различных формах: как неререфлективный «естественный консерватизм», проявляющий себя в виде массовой реакции на изменение социума, или же в качестве философского направления, развиваемого отдельными выдающимися мыслителями¹.

Первая тенденция является характерной для «обыденного сознания», «народной идеологии»². Не случайно поэтому американский антрополог Р. Редфилд различает «большую традицию рефлексующего меньшинства и малую традицию большинства, не склонного к рефлексии»³. «В определенном смысле, – отмечал Манхейм, – консерватизм вырос из традиционализма: в сущности, это, прежде всего, сознательный традиционализм. Тем не менее это не синонимы, поскольку традиционализм проявляет специфически консервативные черты только тогда, когда становится выражением определенного, цельно и последовательно реализованного способа жизни и мышления, формирующегося с самого начала в оппозиции к революционным позициям, и когда он функционирует как таковой, как относительно автономное движение в рамках общественного процесса». Для того, чтобы традиционализм стал объектом рациональной теоретической рефлексии, необходимы особые исторические условия и соответствующий психологический климат: «То, что прежде представляло собой только общую для всех людей психологическую черту, в особых обстоятельствах становится центральным фактором, придающим единство *особой тенденции* в общественном процессе... Само существование консерватизма как целостной тенденции означает, что история все более развивается через взаимодействие таких целостных тенденций и движений, из которых одни “прогрессивны” и форсируют общественные изменения, в то время как другие “реакционны” и сдерживают их»⁴. Исследователям консервативной традиции, серьезно относящимся к избранному им объекту, сразу становится очевидным, что традиционализм в качестве философской или научной категории является антиномичным или, по крайней мере, содержит в себе скрытое противоречие. Традиционное общественное сознание вообще не склонно к саморефлексии. Сравнение собственных традиций с традициями других народов является или следствием внутреннего распада первых, порождающего спонтанный поиск идентичности, или результатом рациональной критики, основанной на дихотомическом образе «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов» и т.д. Именно эта психологическая аберрация лежит в основе того, что абсолютное большинство теоретиков, именуемых консерваторами, не проявляли особой склонности к разработке собственных принципов.

На наш взгляд, идеи К. Манхейма и Р. Редфилда до сих пор лежат в основе аргументации тех ученых и политических теоретиков, которые не склонны поддаваться пессимизму относительно возможности формулирования универсального

---

¹ Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 593.

² См.: Рюде Дж. Народные низы в истории. 1730–1848. М.: Прогресс, 1984. С. 272.

³ Redfield R. Peasant Society and Culture. An Anthropological Approach to Civilization. Chicago: The University of Chicago Press, 1956. P. 71.

⁴ Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 597–598.

определения консерватизма. Причина такого рода «методологического пессимизма» заключается в том, что возникшая во второй половине XX в. тенденция к синтезу идеологий отражала реальный процесс «унификации» экономических программ и соответствующих политических практик на Западе, сделавший сами понятия «либерализм», «консерватизм» и «социализм» не только более смутными по содержанию, но нередко и тождественными по смыслу в зависимости от того – какой именно идеологический оттенок более выражал текущие, конъюнктурные направления политики правящих партий. Многие западные аналитики склонны основную «вину» возлагать, прежде всего, на постоянный процесс трансформации и искажения политических и интеллектуальных смыслов современного либерализма, в который невольно и спонтанно вовлекаются и другие идеологические течения¹.

При этом лидирующую роль в мировом процессе идеологического синтеза некоторые современные философы склонны приписывать именно либерализму². По утверждению одного из них, «Либералы оказались столь успешны в установлении своих догм посредством образования, издательской деятельности и политики, что сегодня люди буквально неспособны понять язык консервативной точки зрения. Они не могут понять ни значения этого термина, ни его духа»³. Так ли это на самом деле?

Конечно же, значительную долю ответственности за формирования такого странного «неидеологического» имиджа консерватизма несут современные консерваторы. Характерным в этом отношении является анализ этого явления Ю. Грином в работе «Идеологии консерватизма. Консервативные политические идеи в двадцатом веке». Характеризуя более чем незначительный интерес западных историков и политологов к политической идеологии Консервативной партии Великобритании, он, в частности отмечал: «Одной из причин для такого относительного пренебрежения было давнее, ставящее в тупик представление о том, что Консервативная партия была почему-то “неидеологической”...Такая концепция консерватизма как формы “не-идеологии” была странной... [Ведь] за пределами территории формальных заявлений лежит целый материк риторики, ценностей и приобретенных идей, которые могут проявляться в повседневных политических аргументах, речах, корреспонденции и законодательных актах. “Великие мыслители и их тексты” могут быть не так уж часто объектом цитирования у консерваторов по сравнению с их политическими оппонентами, но консерваторы действительно владеют и в самом деле *должны* владеть идеологической картой мира, которая позволяет им идентифицировать объекты одобрения и неодобрения, друга и врага.

Если политика действительно состоит в определении и решении группы проблем, тогда консервативные политики должны находить пути исследования и решения проблем тем способом, который для аудитории сторонников и потенциальных сторонников является консервативным *по всеобщему признанию*. Этого очень трудно достигнуть до тех пор, пока не существует референтной рамки, которая идентифицирует – что именно означает термин “консервативный”»⁴.

¹ См.: Lübbe H. Freiheit statt Emanzipationszwang. Die Liberalen Traditionen und das Ende der marxistischen Illusionen. Zürich: Edition Interfrom, 1991. S. 57.

² MacIntyre A. Whose Justice? Which Rationality? Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1988. P. 392.

³ См.: Duffy B.K., Jacoby M. The Politics of Rhetoric: Richard M. Weaver and the Conservative Tradition. Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 1993. P. 197.

⁴ Green E.H.H. Ideologies of Conservatism. Conservative Political Ideas in the Twentieth Century. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. P. 2-4.

Кстати говоря, этот анализ дистанцирования от идеологии и его последствий не мешало бы учесть деятелям правящей у нас в стране партии «Единая Россия», функционеры которой всячески сопротивляются любым попыткам идеологического маркирования своей партии, предпочитая «ситуационные программы» на каждые выборы¹.

Как бы то ни было, исторический опыт вполне подтвердил уже неоднократно высказывавшуюся в научной литературе мысль о том, что развитие идеологий в различных цивилизациях подчиняется общим закономерностям – периоды формирования суперидеологий сменяются периодами их фрагментации, раскола на ряд сложных систем, внутри которых происходит напряженная борьба многочисленных идеологических течений, направлений, фракций и сект, продолжающаяся до наступления новой стадии кристаллизации, на которой образуются новые макроидеологические структуры.

Библиография

1. Григоров С.Г. Преодоление заданности. Размышления о консерватизме // Полис. 2000. № 3. С. 32–33.
2. Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. 352 с.
3. Куликов В. И., Шириняц А.А. Консервативный дискурс в концептуальном пространстве современной политической науки // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 3. [Электронный ресурс] URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/975/972>.
4. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994.
5. Перевезенцев С.В. «По устройению дедню и отню»: к вопросу о значении традиционализма в русской истории // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 243–254.
6. Рормозер Г., Френкин А.А. Новый консерватизм: вызов для России. М.: ИФРАН, 1996.
7. Рюде Дж. Народные низы в истории. 1730–1848. М.: Прогресс, 1984.
8. Царегородцев С. С., Шириняц А.А. В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. 2018. № 1(59). С. 64–78.
9. Шириняц А. А. К «феноменологии» консерватизма и не только // Вопросы истории консерватизма. 2015. № 1. С. 356–380;
10. Шириняц А. А. Консерватизм в современном идеологическом и политическом пространстве России // Вестник Российской нации. 2015. № 4(42). С. 175–187.
11. Шириняц А. А. Консерватизм и политические партии в современной России // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С. 166–183.
12. Шириняц А. А. «Консерватор»: слово и смыслы в русской социально-политической мысли // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2015. № 6. С. 112–124.
13. Duffy B.K., Jacoby M. The Politics of Rhetoric: Richard M. Weaver and the Conservative Tradition. Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 1993.

---

¹ См.: Царегородцев С. С., Шириняц А.А. В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. 2018. № 1(59). С. 64–78; Шириняц А. А. Консерватизм в современном идеологическом и политическом пространстве России // Вестник Российской нации. 2015. № 4(42). С. 175–187; Шириняц А. А. Консерватизм и политические партии в современной России // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С. 166–183.

14. *Green E.H.H.* Ideologies of Conservatism. Conservative Political Ideas in the Twentieth Century. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. P. 2-4.
15. *Lübbe H.* Freiheit statt Emanzipationszwang. Die Liberalen Traditionen und das Ende der marxistischen Illusionen. Zürich: Edition Interfrom, 1991.
16. *MacIntyre A.* Whose Justice? Which Rationality? Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1988.
17. *Redfield R.* Peasant Society and Culture. An Anthropological Approach to Civilization. Chicago: The University of *Chicago* Press, 1956. P. 71.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ КРУГЛОГО СТОЛА «ИСТОКИ И СМЫСЛ РУСОФОБИИ»

Болдин Владимир Алексеевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

«СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКОГО» Ж. МАРЖЕРЕТА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ¹

Аннотация

В данной статье предпринята попытка показать дискурс о России и русских во французском обществе XVII в. На основе анализа текста «Состояния Российской империи и Великого княжества Московского» Ж. Маржерета делается вывод, что уже в нем присутствуют самые разнообразные сюжеты — от относительно нейтрального описания до демонизации России. Таким образом, именно в этот период происходит не только «переоткрытие» России, но и вслед за усилением ее роли в европейской политике, формируется политический миф о стране, представляющей угрозу всей Европе.

Ключевые слова: Россия, Франция, Ж.Маржерет, дискурс, образ.

Русско-французские культурные связи на протяжении истории носили неоднородный характер. Одной из самых интересных для кросс-культурных исследований становятся XVII–XVIII вв., когда европейское общество не только заново открывает для себя Россию, но и вслед за усилением ее роли в европейской политике, формируется политический миф о «варварской» стране, представляющей угрозу всей Европе.

Важным для деконструкции генезиса взаимного восприятия двух стран становится дискурсивный анализ текстов, появившихся в этот период. Одним из таких источников является «Состояние Российской империи и Великого княжества Московского с описанием всего достопамятного и трагического, случившегося в правление четырех императоров, а именно с 1590 по сентябрь 1606 года» Жака Маржерета².

Маржерет был профессиональным наемным солдатом, который с 1600 по сентябрь 1606 г. состоял на службе в России, будучи очевидцем и участником многих событий. С приходом к власти Лжедмитрия I он становится начальником одного из отрядов гвардии. С приходом к власти Василия Шуйского Маржерет покидает Россию и отправляется во Францию, где был принят королем Генрихом IV, поручившим Маржерету письменно изложить все, что тот узнал о Московии. Издание заказанной книги было осуществлено в крайне сжатые сроки: в середине сентября 1606 г. Маржерет был еще в России, а в марте 1607 г. он уже получил привилегию на издание книги.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-00182, <https://rscf.ru/project/23-28-00182/> (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова).

² См.: *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007.

Выход книги вызвал интерес во всех слоях французского общества. Это можно объяснить тем, что описываемые события в России были отчасти аналогичны тем, что происходили в самой Франции в конце XVI в. Именно в силу исторических и политических параллелей, книга отставного капитана и стала интересна современникам. Более того, по-видимому, сам Генрих IV видел в Лжедмитрии I самого себя¹.

В самом начале произведения, в обращении к королю, автор говорит о том, что его задачей является «исправить ошибку многих, считающих Венгрию границей Христианского мира. Ибо доподлинно могу сказать, что Россия, описание коей я предпринимаю по поручению Вашего Величества, — один из надежнейших редутов Христианского мира, ибо эта Империя, эта страна более обширна, могущественна, населена и изобильна, чем думают, и лучше вооружена и защищена против скифов и иных магометанских народов, чем считают многие. Абсолютная власть государя в своем государстве внушает страх и почтение подданным, а внутри страны хороший порядок и управление защищают ее от постоянных варварских набегов»². На первый взгляд, может показаться, что Маржерет положительно относится к России, ставя ее в один ряд с католическим миром. Но это вовсе не так. Автор лишь противопоставляет России остальному «варварскому», мусульманскому и иудейскому миру, явно преследуя конъюнктурные политические цели, о которых было сказано ранее.

В частности, в тексте книги мы видим авторские сентенции, которые прямо высмеивают православие. Так, например, при попытках доказать подлинность «императора Дмитрия», Маржерет пытается объяснить его скептическое отношение к православному религии, тем, что сам «Дмитрий» побывал в Польше, «свободной стране», где познакомился с положениями «подлинно христианских знаний» и познал «смысл догматов веры». В качестве обоснования правомерности такого замечания автор книги приводит пример дьяка Постника Дмитриева, который побывав с посольством Бориса Федоровича в Дании и «узнав отчасти», что такое протестантская религия, по возвращении «среди близких друзей» критически отзывался о православной вере³.

При этом, как уверен Маржерет, он вовсе не выступает против русских как таковых, но скорее выступает на стороне тех, кто пытается их «цивилизовать». Об этом Маржерет пишет в заключительной части своего сочинения, выдавая свои мысли за мысли царя Бориса Годунова: «Ведь Борис Федорович... ненавидел не столько их, сколько их пороки, и так мало преуспел в их исправлении. Как же мог Димитрий, который отчасти узнал свет, некоторое время воспитывался в Польше — свободной стране — и среди знатных, по меньшей мере не желать как-то исправить и цивилизовать своих подданных?»⁴.

«Отсталость» русской культуры предстает перед Маржеретом в следующих явлениях. Во-первых, русские являются самой мнительной и недоверчивой нацией на свете. Во-вторых, русские, в первую очередь — дворянство, описываются Маржеретом как изобретательные взяточники. В-третьих, удивляет автора и то, что «...меж ними совсем не бывает дуэлей», а если произойдет дуэль между иностранцами, и если одна из сторон будет ранена...его наказывают как убийцу и ничто не служит для него оправданием»⁵. Наконец, по мнению Маржерета, все русские без различия заражены пороком пьянства, причем самого неумеренного⁶.

¹ Пирлинг П. Из Смутного времени. Статьи и заметки. СПб., 1902. С.193-194.

² Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С.115.

³ Там же. С.182.

⁴ Там же. С.182.

⁵ Там же. С. 164.

⁶ Там же. С.122.

Резюмируя, можно согласиться, что «сочинение Маржерета отражает противоречивость фигуры самого автора, которая повлияла и на содержание его книги»¹. В тексте автора встречаются самые разнообразные сюжеты – от относительно нейтрального описания до демонизации России, а главным маркером “варварства” становится невежество русских².

Библиография

1. *Болдин В.А.* Дискурсивные особенности восприятия России и русских французами в допетровский период // Диалог со временем. 2024. № 88. С. 83–94.
2. *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007.
3. *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.
4. *Пирлинг П.* Из Смутного времени. Статьи и заметки. СПб., 1902.
5. *Сорокопудова О.Е., Ширинянец А.А.* Русский вопрос: французская русофобия в XIX веке. Статья вторая // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 4.
6. *Ширинянец А.А., Сорокопудова О.Е.* Русский вопрос: французская русофобия в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 2.

Буров Александр Сергеевич

Аналитик аппарата проектора по работе со студентами РУДН им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия

СВЯЗИ НАЦИЗМА И СОВРЕМЕННЫХ «КОЛОНИАЛЬНЫХ» ПРЕТЕНЗИЙ К РОССИИ. ДЕКОЛОНИАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация

Нацизм как идеология, связанная с военной агрессией и геноцидом, во многом соответствует логике реализации колониального дискурса и неоколониализма, в частности. Фактически колониальный германский нацизм в Европе стал бумерангом, который вернул из Америки, Африки, Австралии и Азии те методы, которые цивилизованные европейцы не были готовы применить к себе, но хладнокровно применяли к другим. Вместе с тем возвращение темы колониализма и деколонизации в публичный дискурс продуктивнее рассматривать в конструктивистском ключе, как частный случай символической политики, то есть борьбы политических акторов за интерпретативное доминирование.

Ключевые слова: деколониальные нарративы, нацизм, колониализм, сепаратизм.

Нацизм как идеология, связанная с военной агрессией и геноцидом, а также основанная на тезисе о «превосходстве «высшей» группы над «низшими» группами,

¹ *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С.335.

² Подробнее см.: *Болдин В.А.* Дискурсивные особенности восприятия России и русских французами в допетровский период // Диалог со временем. 2024. № 88. С. 83–94.

которые подлежат уничтожению»¹, во многом соответствует логике реализации колониального дискурса и неокOLONIALИЗМА, в частности. Еще в 1955 году известный французский общественный деятель Э. Сезер в своей знаменитой «Речи о колониализме»² открыто заявил о тождестве колониализма и нацизма³. Также в своих работах делает особый акцент на близость ценностного базиса нацизма, колониализма и неолиберального глобализма современный исследователь А.В. Щипков⁴.

Во второй половине XX века в западной науке была сформулирована концепция «поселенческого колониализма», выражающегося в «массовом переселении представителей титульного этноса метрополии на новые территории». Вместе с тем нацизмом в первой половине XX века также была предпринята попытка реализации «колониально-поселенческого проекта», который, к счастью, провалился и стал известен широким массам как попытка «расширения жизненного пространства на Востоке» за счет территорий Советского Союза»⁵. Нужно заметить, что бесчеловечные преступления германского нацизма (геноцид оккупированного населения, расовая сегрегация, вмешательство в демографические процессы и т.д.), которые шокировали цивилизованный западный мир, совершались по методам англо-саксонской колониальной политики на других континентах. Фактически колониальный германский нацизм в Европе стал бумерангом, который вернул из Америки, Африки, Австралии и Азии те методы, которые цивилизованные европейцы не были готовы применить к себе, но хладнокровно применяли к другим.

В исследовательском сообществе существует по меньшей мере три основных научных традиции изучения проблематики неокOLONIALИЗМА: традиция колонизированных стран, традиция стран-колонизаторов и советская традиция. Отдельно стоит выделить опыт советской науки, который отличается глубиной и серьезным качеством проработки материала. Из результатов советских исследований следует, что коллективный европейский неокOLONIALИЗМНЫЙ опыт реализует ряд механизмов, с помощью которых бывшие метрополии продолжают свою «эксплуататорскую политику». «Новая расстановка сил на международной арене, сложившаяся в результате разгрома германского нацизма, в котором Советский Союз сыграл решающую роль, благоприятствовала успешному развитию национально-освободительного движения»⁶. Однако, после поражения Третьего рейха процессы, связанные с неокOLONIALИЗМОМ, милитаризмом и реваншизмом в западногерманском империализме не только не закончились, но продолжились с новой силой. Так, исследователи из ГДР в своих работах констатировали, что ФРГ стала восприниматься странами коллективного Запада как «ударная сила международного империализма и неокOLONIALИЗМНИЙ «открыватель дверей», обладающий «функцией лоцмана»⁷. «Жесткая и последовательная антиколониальная борьба, развернувшаяся в 1960-е годы, практически сошла на нет к середине 1980-х годов, оставив десятки стран в глубоко

¹ Иванов А.Ю. Понимание термина «Нацизм» применительно к статье 354. 1 уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 73–75.

² URL: <http://www.larevuedesressources.org/IMG/pdf/CESAIRE.pdf> (дата обращения: 8.11.2024).

³ Бибнев, А.А. Сепаратизм на Мартинике // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2016. № 32. С. 92–97.

⁴ Щипков А.В. Идеология социального традиционализма (социал-традиция) // Ортодоксия. 2022. №2. С.11-47.

⁵ Яковлев Е.Н. Не «структура, а событие»: нацистская «война на уничтожение» в дискурсе поселенческого колониализма // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т.12. № 4(102).

⁶ Брутенц К.Н. Против идеологии современного колониализма. М., 1961.

⁷ Фридендер П., Шиллинг Х. НеокOLONIALИЗМ Западной Германии (сущность, особенности и методы). М., 1963.

укоренившейся системе неокOLONиализма»¹. Основной причиной этому послужил «уход с исторической арены непримиримого борца и «ледокола» колониального мира – СССР», который сыграл решающую роль в принятии Резолюции 1514 (XV) ГА ООН «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам» от 14 декабря 1960 г.² Указанную паузу в антиколониальной борьбе (с середины 1980-х годов до конца 2010-х годов) иностранные исследователи определяют как «постколониальный момент»³. Безусловно, этой паузой воспользовался коллективный Запад, который постарался отвести от себя претензии некогда поработанных стран и извратил идеи антиколониального дискурса, объявив «главным колониалистом» Советский Союз. После чего последовали болезненные процессы декоммунизации, которые со временем логично перетекли в прямую поддержку регионального сепаратизма внутри Российской Федерации.

Обращение к данной теме обусловлено резким всплеском публичного интереса к проблематике колониализма, вышедшим далеко за рамки академической дискуссии. Перестройка пост-ялтинского миропорядка, связанная для России с проведением специальной военной операции на Украине, актуализировала концепты «колониализм» и «деколонизация» одновременно во многих сегментах русскоязычного политического дискурса. Так, на Заседании Совета по межнациональным отношениям В.В. Путин отметил, что «Наши противники решили, что многонациональность России – это и есть её уязвимое место, и делают всё, чтобы нас разобщить». После распада СССР постколониальная теория на русском языке широко представлена, в частности, в работах М. Глосановой, занимающейся в рамках «social justice theory» деколониальными и гендерными исследованиями, С. Абашина, А. Эткинда, украинских исследователей М. Павлишина и В. Черницкого, казахского исследователя Д. Кудайбергеновой и др.⁴

Одновременно с этим дискурс «деколонизации России» применяется в целях искусственной актуализации национального и религиозного сепаратизма. Как и в годы холодной войны, агенты иностранных структур, заинтересованные в подрыве территориального единства Российской Федерации, выступают от имени, якобы, «притесняемых» народов.

Указанные угрозы, вне всякого сомнения, требуют от органов государственной власти, гражданского и академического сообществ повышенного внимания, а также совместной и систематичной деятельности по выработке методов эффективного противодействия.

Вместе с тем возвращение темы колониализма и деколонизации в публичный дискурс продуктивнее рассматривать в конструктивистском ключе, как частный случай символической политики, то есть борьбы политических акторов за интерпретативное доминирование.

---

¹ Taylor I. Sixty Years Later: Africa's Stalled Decolonization // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20. N 1. P. 39–53.

² Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 8.11.2024). См. также: Дегтерев Д.А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. 2022. № 1.

³ Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. N 1. P. 23–33.

⁴ Прилепский П.А., Бузов С.А. Технологии внешнего влияния на политику Российской Федерации в контексте специальной военной операции на Украине // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2023. Т. 20. № 2. С. 126–140.

Библиография

1. *Бибнев А.А.* Сепаратизм на Мартинике // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2016. № 32. С. 92–97.
2. *Брутенц К. Н.* Против идеологии современного колониализма. М., 1961.
3. *Дегтерев Д.А.* К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. 2022. № 1.
4. *Иванов А.Ю.* Понимание термина «Нацизм» применительно к статье 354. 1 уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 73-75.
5. *Прилепский П. А., Буров А.С.* Технологии внешнего влияния на политику Российской Федерации в контексте специальной военной операции на Украине // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2023. Т. 20. № 2. С. 126-140.
6. *Фридендер П., Шиллинг Х.* Неоколониализм Западной Германии (сущность, особенности и методы). М., 1963.
7. *Щипков А.В.* Идеология социального традиционализма (социал-традиция) // Ортодоксия. 2022. №2. С.11-47.
8. *Яковлев Е.Н.* Не «структура, а событие»: нацистская «война на уничтожение» в дискурсе поселенческого колониализма // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т.12. № 4(102).
9. *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. N 1. P. 23–33.
10. *Taylor I.* Sixty Years Later: Africa's Stalled Decolonization // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20. N 1. P. 39–53.

Васенина Елизавета Дмитриевна

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М. В Ломоносова
Москва, Россия

ВЛИЯНИЕ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК «ПУТЕШЕСТВИЯ В СИБИРЬ» ЖАНА ШАППА Д'ОТРОША НА ИЗМЕНЕНИЕ ОБРАЗА РОССИИ ВО ФРАНЦИИ В XVIII ВЕКЕ

Аннотация

Статья посвящена изменению образа России в французском обществе XVIII века под влиянием путевых заметок Жана Шаппа д'Отроша «Путешествие в Сибирь».

Ключевые слова: путевые заметки, французская русофобия, образ России, Жан Шапп д'Отрош.

Первая половина XVIII века в французском обществе была ознаменована появившимся интересом к России как ранее не изученной стране. Несмотря на это, изучение российского общества продвигалось достаточно медленно, в основном ученые полагались на сведения немногочисленных российских путешественников,

остановившихся во Франции. Из французских деятелей, которые побывали в России, стоит отметить Жозефа-Николя Делиля, который более 20 лет работал в российской Академии наук, именно он предоставил наиболее подробные данные о географии, климате и природе России¹. И аббата Жака Жюбе, который составил отчет «Религия, нравы и обычаи москвитов с присовокуплением некоторых подробностей о тамошней схизме ввиду их возможного присоединения к католической церкви», изданный гораздо позднее написания². В целом в это время образ России во Франции был нейтрально-положительным, ученые в основном были сосредоточены на изучении географических особенностей. Исключением является итальянец Ф. Локателли, анонимно опубликовавший в 1736 году в Париже «Московские письма», в которых Россия была показана отстающей страной, населенной варварами, но эта работа оказала не столь большое влияние на французское общество³.

В начале второй половины XVIII века образ России начал оформляться скорее как идеалистический⁴, этому способствовали философы Просвещения — Д. Дидро, Вольтер⁵, Ф. М. Гримм⁶, которые вели активную переписку с Екатериной II. В 1759 году была издана книга Вольтера «История Российской империи», в которой Петр I предстает перед читателем идеальным правителем, привнесшим в Россию новые порядки, искусство и способствовавший развитию общества⁷. Складывается следующая обстановка: сугубо научных данных о России во Франции достаточно, и в общественно-политической мысли постепенно формируется положительный образ государства, чуть ли не превосходящего Францию.

Так, на этом фоне в 1761 году по приказу короля аббат Жан Шапп д'Отрош отправляется в Россию для астрономического исследования, параллельно он ведет путевые заметки, где подробно записывает особенности быта и жизни людей. После поездки он возвращается и 6 лет дополняет свою работу, которая выходит в свет в 1768 году. Россия в заметках д'Отроша предстает перед читателем как отсталая страна с гнетущим крепостным правом и деспотом во главе. Развитие общества тоже оставляет желать лучшего — народ, хоть и бывает добр, в основном лениться и пьянствует⁸.

Реакция французского общества была ошеломительной — работа д'Отроша произвела неизгладимое впечатление и сыграла большую роль в формировании русофобской мысли во Франции, так как, как отмечают исследователи, если до публикации «Путешествия в Сибирь» французские мыслители были скорее русофилы⁹, то работа д'Отроша послужила отправной точкой для формирования критического взгляда на Россию. После нее последовал ответ просветителей: Вольтер и Гримм были на стороне Екатерины II и считали, что работа д'Отроша не заслуживает

---

¹ *Chabin Marie-Anne*. La curiosité des savants français pour la Russie dans la première moitié du XVIIIe siècle, 1985.

² *Karrer d'Анкокс Э.* Императрица и аббат: Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отроша. М., 2005

³ *Mervaud M.* L'envers du «mirage russe»: Deleyre et Chappe d'Auteroche, 1998.

⁴ *Циллюрик Д.Д.* Образ России во Франции: формирование матрицы восприятия в XVIII – начале XIX вв., // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2012. №1.

⁵ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, Москва, 1812.

⁶ *Гротт Я.К.* Екатерина II в переписке с Гриммом, СПб., 1878.

⁷ *Вольтер.* История Российской империи в царствование Петра Великого. М., 1809.

⁸ *Karrer d'Анкокс Э.* Императрица и аббат: Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отроша. М., 2005.

⁹ *Mervaud M.* L'envers du «mirage russe»: Deleyre et Chappe d'Auteroche, 1998.

внимания¹. Императрица, в свою очередь, анонимно опубликовала опровержение в 1770 году, которое назвала «Антидот». Однако ни Вольтер с Гриммом, ни Екатерина не снискали большого внимания во Франции, и образ России, созданный д'Отрошем закрепился.

В французской историографии до наших дней², в основном делается упор на то, что исследования д'Отроша было географическое и астрономическое несмотря на то, что как отмечалось ранее, большая часть данных о географии, климате, природе России у Франции копилась уже как полвека и была в достаточно большом объеме. Помимо этого, можно говорить и о том, что в западной историографии работа д'Отроша стала ничем иным, как истиной в последней инстанции. Исследователи считают, что именно д'Отрош первый приоткрыл французскому обществу «настоящее» положение дел в России. Можно было бы предположить, что работа аббата была воспринята обществом с настолько большим интересом, потому что в ней транслируется противоположное мнение о России относительно господствующего на тот момент, но стоит вспомнить, что еще в первой половине XVIII века Локателли опубликовал свою работу, которая не была замечена. Здесь важным моментом выступает то, что поездка д'Отроша в Сибирь была именно по приказу короля, Локателли же писал «Московские письма» по своему желанию. Это позволяет говорить о том, что работа д'Отроша была политической и именно при поддержке короля она приобрела большую известность. Помимо этого, в 1951 году Альбером Лортолари в западной историографии был сформирован образ «русского миража». «Русский мираж» — идеалистический образ России, с мудрым правителем во главе, сложившийся благодаря французским просветителям — преимущественно Вольтеру³. Россия для них — это передовая страна, которая может стоять даже выше Франции по уровню культурного и общественного развития. Так, по мнению западных исследователей, д'Отрош стал первым развенчателем этого образа⁴.

Именно после публикации «Путешествия в Сибирь» можно отметить начало формирования негативного образа России в сознании французов, так как после заметок д'Отроша почти сразу последовала работа А. Делейра «Краткое изложение общей истории путешествий», вышедшая в свет в 1780 году, в которой он описывает Россию как варварскую страну, которая никогда не встанет на один уровень с Францией⁵. На протяжении XIX века можно говорить о закреплении негативного образа России в французском обществе, примером может послужить работа маркиза де Кустина «Россия в 1839 году».

Таким образом, работа д'Отроша послужила отправной точкой для формирования русофобской мысли во Франции, так как после нее негативный взгляд на Россию закрепился и продолжил развиваться.

Библиография

1. *Вольтер*. История Российской империи в царствование Петра Великого. М., 1809.

---

¹ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями А.Н. Пыпина. Т.7. Антидот. СПб., 1901.

² *Bonafous-Murat Cyrille*. Le Voyage en Sibirie de l'abbé Chappe d'Auteroche quand l'enquête scientifique devient un enjeu politique // Bibliotheque Diderot de Lyon, 2019.

³ *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.

⁴ *Mervaud M.* L'envers du «mirage russe»: Deleyre et Chappe d'Auteroche, 1998.

⁵ *Deleyre*. Abrégé de l'histoire générale des voyages, 1780.

2. *Гротта Я.К.* Екатерина II в переписке с Гриммом. СПб., 1878.
3. *Каррер д'Анкокс Э.* Императрица и аббат: Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша. М., 2005
4. *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.
5. Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, Москва, 1812.
6. Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями А.Н. Пыпина. Т.7. Антидот. СПб., 1901.
7. *Цилюрк Д.Д.* Образ России во Франции: формирование матрицы восприятия в XVIII – начале XIX вв. // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2012. №1.
8. *Bonafous-Murat C.* Le Voyage en Sibérie de l'abbé Chappe d'Auteroche quand l'enquête scientifique devient un enjeu politique // Bibliotheque Diderot de Lyon, 2019.
9. *Chabin Marie-Anne.* La curiosité des savants français pour la Russie dans la première moitié du XVIIIe siècle, 1985.
10. *Deleyre.* Abrégé de l'histoire générale des voyages., 1780.
11. *Mervaud M.* L'envers du « mirage russe: Deleyre et Chappe d'Auteroche, 1998.

Кассамединова Алсу Амантаевна

Студент магистратуры факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ИЗМЕНЕНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В ИРАНСКОЙ МЫСЛИ: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Аннотация

Статья посвящена анализу изменения отношения к России в иранской социально-политической мысли: от исторической русофобии к современному прагматичному партнёрству. Рассматриваются причины антироссийских настроений, их культурные и исторические корни, а также позитивные изменения последних лет, которые открывают перспективы для укрепления сотрудничества между Ираном и Россией в условиях многополярного мира.

Ключевые слова: образ России, иранская социально-политическая мысль, историческая память, русофобия, стратегический альянс.

История российско-иранских отношений представляет собой сложный процесс, включающий не только политическое и военное взаимодействие, но и формирование устойчивых культурных и социально-политических представлений. Русофобия в Иране – это не только прямое отражение дипломатических и военных конфликтов, но и результат формирования исторической памяти и культурных стереотипов. Образ России в иранской мысли отчасти сформировался через призму противоречий и конкуренции, что стало питательной средой для развития

негативных настроений, которые позднее нашли отражение в иранской политической философии.

Русофобия как феномен в иранском контексте во многом берет своё начало в XVIII–XIX веках, когда активная экспансия Российской империи на Кавказе и в Средней Азии создавала угрозу влиянию Ирана в регионе. Русско-иранские войны (1804–1813, 1826–1828), завершившиеся для Ирана тяжёлыми территориальными потерями, породили в обществе глубокие антироссийские настроения. Туркманчайский мирный договор (1828), вынудивший Иран уступить России территории в Закавказье, стал символом национального унижения. Эти события оставили глубокий след в иранской исторической памяти, укрепив представления о России как агрессивной силе, угрожающей суверенитету Ирана¹.

В социально-политической мысли Ирана образ России как противника нашёл отражение в работах ряда философов и писателей. В начале XX века интеллигенция, изучавшая западные политические идеи, стала критиковать как Запад, так и Россию, рассматривая их как иностранные силы, навязывающие Ирану чуждые интересы. Саттар-хан и Бакир-хан, лидеры иранского конституционного движения, в своих трудах подчёркивали опасность иностранного вмешательства, включая российское влияние, и предостерегали от российской политической экспансии, которая ограничивала суверенитет Ирана².

Со временем русофобские идеи в иранской философии усиливались под влиянием западной философии и идеологий. Антизападные и антиимпериалистические настроения, характерные для иранской интеллигенции, распространялись и на Россию, которая воспринималась как имперская сила, сопоставимая с западными державами. Движение против западного "гарбзадеги" (западничества) включало критику России, которая считалась частью того же угнетающего блока держав. Иранский философ Джалал Ал-е Ахмад, например, в своей критике западничества часто упоминал и Россию как одну из сил, угрожающих культурной идентичности Ирана³.

В трудах иранского философа Али Шариати русофобия проявляется через критику России как имперской державы, аналогичной западным странам, навязывающим свои культурные и политические нормы другим народам. Шариати, один из лидеров антиколониального движения, рассматривал любую внешнюю силу, стремящуюся к экспансии и влиянию, как угрозу культурной самобытности Ирана. Для Шариати Россия, как и Запад, являлась частью глобальной системы, угрожающей национальной идентичности и независимости стран Востока. По его мнению, отношения с Россией должны строиться осторожно, с учётом исторических прецедентов и сдерживания любого давления, угрожающего иранской культуре и исламским ценностям⁴.

---

¹ Ромаскевич А.А. Борьба между Ираном, Хивой и Бухарой и участие в этой борьбе туркмен (извлечения из «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси» Искандера Мунши) // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М., 1938. С. 65–115.

² Андреев А.А., Екатерина П.П., Сергей Е.К. Несостоявшийся союз: российско-иранские отношения накануне смутного времени в иранской и российской историографии // НП/НР. 2020. №3. С.84-100.

³ Терехина М.А. Проблема взаимоотношения Востока и Запада в творчестве Джалал Але Ахмада // История и историческая память. 2023. №27.

⁴ Михель Д.В. «Красный шиизм» Али Шариати: философия «срединной школы» и исламская революция в Иране // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2021. №3.

Исламская революция 1979 года также оставила отпечаток на восприятии России в Иране. Хотя революция привела к разрыву отношений с западными державами, Россия (тогда уже Советский Союз) оставалась объектом настороженности и идеологического отторжения. Советская поддержка различных партий и движений на Ближнем Востоке воспринималась как угроза иранскому суверенитету, а советская модель развития считалась чуждой и опасной для исламской республики. Это напряжение сохранялось и после распада СССР: Россия продолжала восприниматься как великая держава с собственными геополитическими интересами, что укрепляло существующие в иранском обществе русофобские настроения.

В начале XXI века, однако, наблюдается смягчение русофобии в иранской политической мысли на фоне общего усиления многополярных настроений и стремления к сотрудничеству с Россией в противовес западным державам. Отношения стали носить более прагматичный характер, и Иран начал рассматривать Россию как важного партнёра в противостоянии западному давлению.

В последние годы иранско-российские отношения вступили в новую, более благоприятную фазу. Взаимные интересы, такие как противодействие западному влиянию и укрепление региональной стабильности, способствовали развитию более тесного стратегического партнёрства между странами. Современные иранские мыслители и политики всё чаще рассматривают Россию не как соперника, а как надёжного партнёра, разделяющего принципы многополярного мира и уважения к культурной самобытности. Усиливающееся сотрудничество в экономической, военной и энергетической сферах открывает новые перспективы для обоих государств, прокладывая путь к взаимовыгодному союзу, основанному на уважении суверенитета и культурных ценностей. Этот позитивный сдвиг говорит о том, что исторические разногласия уступают место прагматичному диалогу и укреплению доверия, что даёт основание надеяться на продолжительное и продуктивное взаимодействие между Ираном и Россией.

Библиография

1. *Ромаскевич А.А.* Борьба между Ираном, Хивой и Бухарой и участие в этой борьбе туркмен (извлечения из «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси» Искандера Мунши) // *Материалы по истории туркмен и Туркмении.* М., 1938.

2. *Андреев А.А., Екатерина П.П., Сергей Е.К.* Несостоявшийся союз: российско-иранские отношения накануне смутного времени в иранской и российской историографии // *НП/НР.* 2020. №3. С.84-100.

3. *Михель Д.В.* «Красный шиизм» Али Шариати: философия «срединной школы» и исламская революция в Иране // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал.* 2021. №3.

4. *Терехина М.А.* Проблема взаимоотношения Востока и Запада в творчестве Джалал Але Ахмада // *История и историческая память.* 2023. №27.

Киселева Зоя Глебовна

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РУСОФОБИИ

Аннотация

На протяжении многих веков русофобия культивировалась как явление, чаще всего связанное с наличием геополитических претензий в сторону Российского государства. Это часто приводит к враждебному отношению к культуре в целом. Рассмотрение цивилизационных корней русофобии позволяет осознать не только генезис явления, но и проследить его практическое выражение в современной политике.

Ключевые слова: Россия, Запад, цивилизация, противоречия, русофобия.

Монгольское нашествие в XIII веке, ознаменовавшее восприятие России как «другого», уже как часть деспотического Востока; религиозные различия между восточным православием и западным христианством, которые стали основанием окончательного культурного раскола между двумя обществами («разрыв 1054 г., завершивший схизму католической церкви, тем самым завершил и процесс дифференциации социальных структур. Образовалось два новых общества – западное и православное»¹); геополитическое противостояние между Россией и Западом в XIX веке, выраженное в активной пропаганде Великобритании против России; критика русской литературы, философии как заимствований, – это только некоторые элементы глубоких цивилизационных противоречий между Россией и странами Запада. Сейчас перед Россией, как отмечает В. И. Якунин особенно остро стоит вопрос о «науке, культуре и образованию, вопрос об авторитете и влиятельности в мире, о ее устойчивом развитии в будущем»². Для ответа на важнейший вопрос об обретении особой миссии России, ее пути, о значимости в международном сообществе, необходимо сперва обозначить цивилизационные границы России с Западом и другими странами. Эти границы, в свою очередь, лишь обостряют уже имеющиеся противоречия, которые с XIX века принято называть русофобией.

Обозначим, что можно назвать цивилизацией. По мнению авторитетного представителя американской мысли С. Хантингтона цивилизация – это «ярко выраженная культура»³. Ключевыми культурными элементами цивилизации по мнению политолога являются кровь, язык, стиль жизни и религия, которую Хантингтон выделяет как наиболее важный элемент, определяющий цивилизацию. Философ О. Шпенглер понимает цивилизацию как органически-логическое следствие исхода культуры: «Цивилизация – неизбежная судьба культуры... Цивилизации суть самые крайние и самые искусственные состояния, на которые способен более высокий тип людей. Они – завершение... Они – конец»⁴. Таким образом, цивилизация является наивысшим

¹ См.: Тойнби А. Постижения истории. М., 2002.

² Якунин В.И. 1150-летие российского государства: исторические традиции и вызовы XXI века // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. Материалы Всеросс. науч.-обществ. конф., 19 сентября 2012 г., Великий Новгород. М., 2013. С.23.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 1996. С. 62; см. также: Гуторов В.А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 39.

⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. М., 1998. С. 163.

выражением культурного родства людей, она становится самым высоким уровнем самоидентификации индивида. Поэтому, особенно важно проследить, что именно может являться предпосылкой появления русофобии как феномена, укоренившегося в наивысшей форме идентификации западного человека.

Перейдем к определению русской или православной цивилизации. По мнению Хантингтона, российская цивилизация – это «продукт самобытных корней Киевской Руси и Москвы, существенного византийского влияния и длительного монгольского правления. Эти факторы и определили общество и культуру, которые мало схожи с теми, что развились в Западной Европе под влиянием совершенно иных сил»¹. Россия оказалась в стороне от наиболее важных культурных изменений, которые были присущи Западу: «римское католичество, феодализм, Ренессанс, Реформация, экспансия и колонизация заморских владений, Просвещение и возникновение национального государства. Семь из восьми перечисленных ранее отличительных характеристик западной цивилизации – католическая религия, латинские корни языков, отделение церкви от государства, принцип господства права, социальный плюрализм, традиции представительных органов власти, индивидуализм – практически полностью отсутствуют в историческом опыте России. Пожалуй, единственным исключением стало античное наследие, которое, однако, пришло в Россию из Византии и поэтому значительно отличалось от того, что пришло на Запад непосредственно из Рима»². Здесь американский политолог говорит о том, что русская цивилизация в корне отличается от западной несмотря на наличие общих истоков, эта мысль подчеркивает неверность представлений о «единстве цивилизации» и говорит об особом развитии русского мира.

По каким причинам возможны цивилизационные противоречия между западной и православной культурами? Например, одной из них является заблуждение современного западного мира в универсальности вещей, в единстве цивилизации. А. Дж. Тойнби видит причину популярности такого заблуждения в том, что «западная цивилизация распространила свою экономическую систему по всему миру. За экономической унификацией, которая зиждется на западном основании, последовала и политическая унификация, имеющая то же основание и зашедшая почти столь же далеко»³. Очевидно, что западные философы и историки сильно преувеличивают значимость экономической экспансии по всему миру. Более того, этот аргумент используется в качестве подтверждения унификации не только экономической системы, но и культуры, политического режима итд. Запад называет себя уникальной цивилизацией, которая достигла основной цели – мирового господства. Это обстоятельство порождает вражду между остальными цивилизациями, которые претендуют на самобытность, собственный путь, отказываются от только западного мировоззрения. Например, чтобы поддерживать один из важнейших конструктов западного общества, демократию, граждане должны иррационально верить в нее на уровне этической привычки. То есть, навязываемые Западом политические и культурные мифы даже могут быть не обоснованы, об этом пишет Ф. Фукуяма в своем труде «Конец истории и последний человек»: «Но истина значительно сложнее, поскольку успех либеральной политики и либеральной экономики часто основывается на иррациональных формах признания, которые либерализм должен был преодолеть.

---

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 1996. С. 310.

² Там же. С. 310.

³ См.: Тойнби А. Постижении истории. М., 2002.

Чтобы демократия работала, граждане должны испытывать иррациональную гордость за свои собственные демократические институты, а также развивать то, что Токвиль называл "искусством объединения", основанным на гордой привязанности к небольшим сообществам»¹.

Таким образом, становится предельно ясно, что русофобия является следствием конфликта двух цивилизаций – западной с ее стремлением унифицировать все, даже те явления, которые считаются иррациональными и русской, которая обретает все большую культурную независимость и идет вразрез с уже намеченным маршрутом западного человека.

Библиография

1. *Гуторов В.А.* О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43.
2. *Тойнби А.* Постижении истории. М., 2002.
3. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 1996.
4. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. I. М., 1998.
5. *Якунин В.И.* 1150-летие российского государства: исторические традиции и вызовы XXI века // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. Материалы Всеросс. науч.-обществ. конф., 19 сентября 2012 г., Великий Новгород. М., 2013. С. 23–37.
6. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N.Y., 1992.

Кургинова Дарья Юрьевна

Студент магистратуры факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

«МНЕНИЕ СЕМИ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ДОКТОРОВ»: ЯПОНИЯ НА ПОРОГЕ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ²

Аннотация

В рамках статьи автор предпринимает попытку проанализировать японскую статью «Мнение семи университетских докторов», подготовленную коллективом авторов накануне войны с Россией. Цель исследования – выделить ключевые отличительные черты антирусских настроений в Японии конца XIX – начала XX века от русофобии Запада. Метод – политико-текстологический и историко-политический анализ.

Ключевые слова: история социально-политических учений, политическая текстология, Япония, Японская империя, русско-японская война.

Конец XIX – начало XX века в Японской империи ознаменовались ростом антирусских настроений, которые, вопреки распространенному мнению, начались задолго до русско-японской войны. Так, уже после японо-китайской войны (1894–1895), когда, несмотря на победу, под давлением России, Франции и Германии

¹ *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N.Y., 1992. P. 19.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-00182, <https://rscf.ru/project/23-28-00182/> (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова).

«страна восходящего солнца» была вынуждена вернуть Китаю столь желанный Ляодунский полуостров, стало ясно: конфликт двух держав неизбежен.

Позже, в 1898, Российская империя арендовала у империи Цин незамерзающие порты — Порт-Артур и Дальний, которые, как и вся южная оконечность полуострова, вошли в состав Квантунской области, управляемой Россией, учрежденной на территории, переданной Китаем в арендное пользование Российской империи на 25 лет без какой-либо платы в обмен на военно-политическую поддержку Россией Китая против японской агрессии. Далее, волну недовольства в Японской империи спровоцировал «маньчжурский вопрос» — спор из-за оттягивания вывода российских войск с территории Маньчжурии после подавления боксерского (ихэтуаньского) восстания в Китае¹.

На фоне внешнеполитических проблем среди граждан Японской империи при поддержке ультранационалистических группировок стала распространяться мысль о том, что необходимы решительные действия, а именно война². Особенно, данную идею подпитывал азиатизм или паназиатизм — совокупность идей и концепций по объединению Азии, её интеграции, а также совместному противостоянию западной колонизации. В них также вошёл и ряд проектов-утопий о создании Сибирской республики, о реализации «великой миссии перед миром» и «построении на Востоке идеальной страны человечности, справедливости и морали»³. Как отметил японский националист и основатель праворадикального общества «Кокурюкай» (с яп. «Общество черного дракона») Утида Рёхэй⁴, в связи с Маньчжурским вопросом общественное мнение японцев разделилось «на две части: одни требуют войны, другие — предоставления свободы действия России»⁵.

Ярким событием, всколыхнувшим японскую прессу в 1903 г., стала статья «Мнение семи университетских докторов», написанная шестью профессорами Токийского императорского университета Томидзу Хирондо, Томии Масаакиса, Такахаши Сакуэ, Тэрао Тоору, Онодзука Кихэйдзи, Канаи Нобору и одного представителя университета Гакусюин» Накамура Синго⁶. Изначально она являлась докладом, представленным коллективом авторов премьер-министру Кацура Таро и министру иностранных дел Комура Дзютаро. В печати текст появился 24 июня 1903, на страницах «Токио-Асахи симбун», считавшейся одной из крупнейших газет в столице. Данный документ, на наш взгляд, представляет уникальный источник, позволяющий проследить историю возникновения русофобии⁷ в Японии.

«Мнение семи университетских докторов» начинается с сожаления авторов об упущенных Японской империей возможностях, которые носят судьбоносный характер: «в государственных делах, на грани успеха и неудачи, если вы используете

¹ Лукоянов И.В. "Не отстать от держав..." Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2008. С. 403.

² Авиллов Р.С. «Какой вздор!»: военный министр А. Н. Куропаткин о трудах японских националистов // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 4. С. 875–887.

³ Ямамото К., Кургина Д.Ю. «Совершенный в древнем бусидо»: идеолог континентальных ронинов Тояма Мицуру // Диалог со временем. 2024. № 88 (88). С. 223.

⁴ Подробнее о жизни Утиды и его вкладе в подготовку к русско-японской войне см.: Болдин В.А., Кургина Д.Ю., Ширинянц А.А. «Нам жаль русских, ... нужно помочь страдальцам» // RussianStudiesHu, 2023. Т.5. №2. С. 121–136.

⁵ Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 280.

⁶ 14. 宮武 実知子『「帝大七博士事件」をめぐる輿論と世論: メディアと学者の相利共生の事例として』マス・コミュニケーション研究 2007 年 70 巻 p. 157-158.

⁷ О русофобии см.: Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / А.Ю. Шутов, А.А. Ширинянц, О. Е. Сорокопудова [и др.] // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 175-207.

возможность, вы превратите несчастье в благословение, но, если вы упустите возможность, вы превратите благословение в несчастье. Особенно, это касается дипломатии. Однако, если оглянуться назад и рассмотреть политику на Дальнем Востоке за последние 7–8 лет, мы часто упускали возможности»¹.

Перечисляя ошибки внешней политики, профессора акцентируют внимание на том, что цепочка ошибок началась с японо-китайской войны: «в Ляодунском договоре о возмещении, не были оговорены условия «неотчуждаемости территории». В результате, мы действительно упустили очень важную возможность, и именно это, надо сказать, стало причиной сегодняшнего «маньчжурского вопроса»². И, по мнению авторов статьи, к 1903 г. ситуация в отношениях с западными державами приобрела критический характер, ставя под вопрос дальнейшее существование нации³.

Примечательно, что, хотя речь и идет о судьбе Японии и японцев, профессора призывают читателей задуматься и об угрозе Азии в целом: «стоит обратить внимание, что ситуация на Дальнем Востоке обострилась, и мы не можем позволить себе многократно упускать возможности, как делали это в прошлом. Если мы упустим сегодняшнюю возможность, у Японии, Китая и Кореи не будет и шанса снова поднять голову»⁴. Таким образом, вполне ярко прослеживается влияние набиравшего среди японцев популярность азиатизма. И хотя речь идёт о начале войны с Российской империей, конфликт приобретает цивилизационный характер: «мы должны осознать: сейчас нам действительно выпадает хороший шанс, но он также и последний. Если его упустить, то мы оставим после себя наследие боли на века». Призывая к войне с Россией авторы «Мнения семи университетских докторов», одновременно предлагают борьбу с западным колониализмом, страх перед которым изначально превосходил в Японии русофобию.

Профессора просят современников задуматься над российским «экспансионизмом», представляющего настоящую опасность, намекая на то, что Япония будет следующей территорией, которую Россия захочет после захвата стран на материке: «А если Россия собирает свои силы на Дальнем Востоке, рассчитывая, что сможет добиться желаемого, то нам следует лишь знать место, где все произойдет. Если она займет Маньчжурию, то, вне всяких сомнений, её следующим шагом будет столкновение с Кореей. Если Корея будет во власти России, то понятно в чью сторону она посмотрит после этого»⁵. В связи с этим они призывают японцев отказаться от «полумер», перейти к «радикальному решению проблемы» и воспользоваться временем, «дарованным небесами» пока Россия не сформировала опорный пункт на Дальнем востоке⁶.

В дальнейшем история показала: избежать войны России и Японии не удалось. Японское общество, в свою очередь, оказалось заранее подготовленным и приложило все усилия для победы в ней. В «Мнении семи университетских докторов» русско-японская война становится частью миссии Японии, без которой дальнейшее существование не представляется возможным: «Кроме того, более чем сорок миллионов наших соотечественников втайне ненавидят действия России. Это нарушает

---

¹「大學七博士の意見書」『東京朝日新聞』1903年06月24日、朝日新聞クロスリサーチ、<https://xsearch.asahi.com/shimen/pdf/?1657242782880> (2022年6月27日アクセス)

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

гармонию народа. Следовательно, если сейчас не будет принято никакого решения, то мы упустим время, дарованное нам небесами, потеряем преимущество на суше, пойдём против гармонии народа, поставим под угрозу наследие наших предков и будем оплакивать счастье наших потомков и грядущих поколений»¹.

Таким образом, политико-текстологический анализ статьи «Мнение семи университетских докторов» позволяет прийти к следующему выводу об особенностях русофобии на Востоке. Так, исследования русофобии показывают, что на Западе русские зачастую воспринимались сквозь призму «азиатскости», как «дикари» и «варвары»². Вместе с тем, с точки зрения стран Дальнего Востока Россия не входила в число участников паназиатского проекта, не являлась частью азиатского мира, а, наоборот казалась угрозой для Азии и её существования. Более того, она наравне с Великобританией, Францией, США, считалась западной державой, враждебной Азии и её интересам.

Библиография

1. *Авилов Р.С.* «Какой вздор!»: военный министр А. Н. Куропаткин о трудах японских националистов // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 875–887.
2. *Болдин В.А., Кургинова Д.Ю., Ширинянец А.А.* «Нам жаль русских, ... нужно помочь страдальцам» // *RussianStudiesHu*, 2023, Т.5, №2. С. 121-136.
3. Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 280-288.
4. *Кургинова Д.Ю.* К вопросу о том, что такое русофобия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 104–110.
5. *Кургинова Д.Ю.* Россиеведение в Японии: от русофобии к научной дисциплине // Традиции и инновации в методике преподавания гуманитарных дисциплин: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (20-21 апреля 2023 г.). Арзамас, С. 267–272.
6. *Кургинова, Д.Ю.* «Красная Россия глазами японца»: путевые заметки Накахиры Акиры // Суверенитет – безопасность – интеграция как константы устойчивого государственного развития: международный опыт и национальные реалии. К 30-летию Института Президентства Республики Беларусь. Белорусская политология: многообразие в единстве: материалы X междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 31 мая – 1 июня 2024 г.). В 2 ч. Ч. 2. Гродно, 2024. С. 293–296.
7. *Лукоянов И.В.* "Не отстать от держав..." Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008.
8. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / А.Ю. Шутов, А.А. Ширинянец, О.Е. Сорокопудова [и др.] // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 175–207.
9. *Танака Т.* Утида Рёхэй: взгляд на Россию // Ежегодник Япония. 2012. Т. 41. С. 390–412.
10. *Ямамото К., Кургинова Д.Ю.* «Совершенный в древнем бусидо»: идеолог континентальных ронинов Тояма Мицуру // Диалог со временем. 2024. № 88 (88). С. 213–224.

---

¹ Там же.

² Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / А.Ю. Шутов, А.А. Ширинянец, О.Е. Сорокопудова [и др.] // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 175-207.

11. 宮武 実知子『「帝大七博士事件」をめぐる輿論と世論 :
メディアと学者の相利共生の事例として』マス・コミュニケーション研究 2007 年 70 巻 p. 157-175.
12. 嵯峨 隆『アジア主義全史』筑摩書房、2020年 [Saga Takashi. “Complete History of Asianism”. Chikuma Shobo: 2020].
13. 「大學七博士の意見書」『東京朝日新聞』1903年06月24日、朝日新聞クロスリサーチ、<https://xsearch.asahi.com/shimen/pdf/?1657242782880> (2022年6月27日アクセス)
14. Gutorov V.A., Shirinyants A.A., Shutov A.Yu. Two civilizations: the relations of Russia and Western Europe at the beginning of the 21st century // Baltic Region. 2018. Vol. 10, No. 4. P. 132-141.

Логвинов Дмитрий Вадимович

Аспирант факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

**НАЦИОНАЛИЗМ И СЕПАРАТИЗМ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ
ФИНЛЯНДСКОМ: Л. Г. С. МЕХЕЛИН (1839–1914)**

Аннотация

В современном мире наблюдается беспрецедентная геополитическая напряженность, чреватая возникновением конфликтов между государствами и военно-политическими блоками. Новый виток дает и цивилизационное противостояние коллективного Запада и России, подкрепляемое русофобской пропагандой. Поэтому изучение русофобии, ее корней и содержания приобретает особую актуальность для отечественных исследователей. В данном контексте большой интерес представляет фальсификационный характер исследований сторонника независимости Финляндии – Леопольда (Лео) Генриха Станислава Мехелина (1839–1914), служивших реализации национальных амбиций Финляндии и демонизации образа России. В работе применяются методы историко-библиографического и политико-текстологического анализа, чтобы изучить положения финляндского национализма и сепаратизма в жизни и творчестве Лео Мехелина. Особое внимание уделяется русофобским нарративам и политическим идеям, которые использовались для легитимации стремления Финляндии к независимости. Итогом исследования становится выявление признаков русофобского дискурса, сводящегося к систематическому умалчиванию важных исторических документов, намеренным искажениям исторической действительности и фальсификациям с целью формирования определенного общественного мнения, новой социально-политической реальности.

Ключевые слова: финляндский вопрос, Лео Мехелин, независимость, русофобия, пропаганда, право.

Для международной обстановки на современном этапе характерна высокая степень поляризации и турбулентности. Стабильности ей не добавляет и противостояние России с западными странами. Вместе с тем надо отметить, что за последнее

время русофобия стала неотъемлемым инструментом гибридной войны стран так называемого коллективного Запада в отношении России.

Убедительными являются слова о том, что «руссофобия становится основой внешнеполитической стратегии и внутривластной пропаганды многих стран»¹. Так, например, западные демократии испытывают страх перед Россией, которая хочет идти путем русских духовных и культурно-исторических традиций, поэтому стремятся доказать своим гражданам через рупор государственной пропаганды, что влияние русского национального начала на жизнь государства опасно и недопустимо². В данном контексте изучение руссофобии, его истоков и содержания является важным аспектом развития отечественной политологической науки³.

В рамках проводимого исследования наиболее близким термином кажется видение руссофобии как «определенного набора антирусских и антироссийских штампов, клише, отрицательных стереотипов» в купе с использованием подлогов, фальсификации документов, мистификации, полуправды и других манипулятивных приемов, создающих эффект иллюзии правды, способствующих формированию определенного образа России в массовом сознании⁴. Одним из проводников идеологии финского сепаратизма стал финляндский сановник Лео Мехелин, известный по мистификациям российского общества и власти и жонглированию историческими событиями.

«Конституция Финляндии», которую Мехелин писал на французском языке для европейского читателя, являлась программным документом сторонников независимости Великого княжества Финляндского. Ключевым положением книги является тот «исторический» факт, что Российскую империю и независимое Великое княжество Финляндское связали союзные отношения, основанные на равноправном договоре финляндских сословий и российского императора. Из данного соглашения следует, что российский император ограничен в верховных правах по управлению Финляндией «историческими» правами финнов. Другая идея Мехелина предполагает, что Финляндия является суверенным государством, которое находится в «личной унии» с Россией⁵.

Однако теория самостоятельного Финляндского государства разбивается о русско-шведское мирное соглашение 1809 года. Именно поэтому Мехелин и обошел его вниманием: мирный договор подрывает претензии Финляндии на независимость, не поддается произвольной интерпретации или двойственным оценкам, а потому не может стать предметом фальсификаций. Область, подчиненная России, никогда не имела возможности вести переговоры с императором Александром I на основе «исторических» прав, которые позволили бы ей выступать в качестве независимого партнера. Четвертая статья Фридрихсгамского мирного договора свидетельствует о

¹ Гуторов В.А., Ширинянец А.А. Руссофобия: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. 2023. № 1. С. 231

² Шафаревич И.Р. Руссофобия // Есть ли у России будущее: Публицистика. М., 1991. С.404-405; см. также: Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. С. 93; Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / А. Ю. Шутов, А. А. Ширинянец, О. Е. Сорокопудова [и др.] // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 175–207.

³ См.: Ширинянец А.А., Сорокопудова О.Е. «Русский вопрос»: французская руссофобия в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 2; Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 175–207.

⁴ Ширинянец А. А. Еще раз о руссофобии: к вопросу о концептуализации // История. Историк. Источники. 2024. № 2. С. 43.

⁵ Мехелин Л. Конституция Финляндии. М., 1888. С.12-18.

том, что шведский монарх отказывается от притязаний на Финляндию, губернии которой «будут состоять в собственности и державном обладании Империи Российской и к ней навсегда присоединяются»¹. Ранее, в рамках исполнения воли императора Александра I, изложенной в манифесте «О покорении шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России» 1808 года, все население Финляндии присягнуло российскому государю на верноподданство по общей русской присяге². В свою очередь, редакция российской газеты «Московские ведомости» акцентировала внимание на том, что Фридрихсгамский мирный договор является фундаментальным нормативно-правовым актом, определяющим условия вхождения Финляндии в состав России не как «самостоятельной политической единицы», а как совокупности «губерний и областей». Более того, газета ставит в укор Мехелину намеренное замалчивание в своих трудах положений Фридрихсгамского мирного договора³.

Развенчанию «финской легенды» во многом способствовал и К. Ф. Ордин, «русский человек, достаточно русский, чтобы думать об интересах России, достаточно знающий Финляндию, чтобы дать отпор сепаратистским подвохам»⁴. Так, в российском обществе широкий резонанс приобрела полемика Мехелина и Ордина по поводу «исторических» предпосылок автономного статуса Финляндии в составе Российской империи. Лео Мехелин, анализируя присоединение Финляндии к Российской империи, рассматривает Боргоский сейм 1809 года как историческое событие, благодаря которому император Александр I услышал истинный голос финляндского народа. Однако Кесарь Филиппович не дает таких категоричных заключений, сообщая, что Александр I рассматривал Сейм исключительно как совещательный орган⁵. Более того, Ордин критиковал финского общественного деятеля за необоснованное использование строгих правоведческих терминов, подчеркивая, что в тот момент и во всех речах императора и финских деятелей, и во всех актах Финляндия обозначалась как «провинция», а не «государство», как бы того хотелось Лео Мехелину⁶.

Летом 1890 г. Лео Мехелен участвовал в радушной встрече комиссии Европейского тюремного конгресса, которая прибыла в Финляндию. К ее визиту хельсинкская газета на шведском языке *Nya Pressen* подготовила брошюру, агитировавшую за финляндскую автономию. В агитационной брошюре была также раскрыта реформа Уголовного Уложения, дававшая сторонникам независимости Финляндии основания причислять себя к носителям передового правового опыта⁷. Вместе с тем сепаратисты из *Nya Pressen* как бы невзначай транслируют мысль о том, что народ, стремящийся к реализации передового правового опыта эпохи на практике, заслуживает «самостоятельной национальной и политической жизни»⁸. Помимо того, что финские чиновники старались заручиться поддержкой и сочувствием гостей из Европы, они использовали встречу с членами Тюремного конгресса как предлог для того, чтобы обвинить Российскую империю в притеснении финской культуры: «всякий друг человечества горько пожалеет, если враждебным культуре русским удастся

¹ Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С.119.

² Там же. С.127.

³ Финляндская окраина: Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «Финляндского вопроса». Вып.1. М., 1891. С.34.

⁴ Там же. С.561.

⁵ Мехелин Л. Конституция Финляндии. М., 1888.

⁶ Там же. С.13.

⁷ Финляндская окраина: Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «Финляндского вопроса». Вып.1. М., 1891.С.382.

⁸ Там же. С.383.

уничтожить самобытность, а вместе с тем и внутреннюю нравственную силу этого [финского] народа»¹.

Западная пресса также использовала свое влияние для поддержки финских сепаратистов. Немецкое издание консервативной прессы «Крестовая газета», являвшаяся органом антироссийской пропаганды, с готовностью процитировало речь Мехелина, прозвучавшую на встрече с европейской делегацией. Финский политик, заигрывая с зарубежными гостями, заявил об общности устремлений Финляндии и других народов Европы в области развития науки, культуры и социальной жизни. Однако, как это водится, прогрессу Великого княжества Финляндского грозила опасность со стороны России, притесняющей культурные права Финляндии².

Большой мечтой финляндских либералов была идея создания финской армии. В 1878 г. был издан новый воинский устав для Финляндии, который резко подчеркнул тенденции сепаратизма. Из документа следовало, что финляндские войска служат исключительно национальным интересам Финляндии и что русским подданным служить в них запрещено. Нововведения предполагали, что финские рекруты должны нести воинскую службу только в пределах княжества и могут вступать в бой только в случае угрозы Финляндии. Был введен также целый ряд положений, подчеркивающих раздельность российской и финской армий. Например, военные вопросы финляндских воинских подразделений решал военный министр, а административные и финансовые – министр статс-секретарь по финляндским делам и генерал-губернатор, который также возглавлял Финляндский военный округ. В соответствии с новым воинским уставом Финляндии финляндская армия финансировалась за счет доходов от эксплуатации казенных земель, поступавших в милицейский фонд, а особое судебное военное законодательство регулировало внутренние дела финляндских войск³.

В контексте создания финской армии особую актуальность приобретают слова Лео Мехелина, произнесенные им на презентации воинского устава, о том, что «отношение к покровительствуемому и безоружному будет совершенно иное, чем к вооруженному союзнику»⁴. Помимо прочего, говоря о целесообразности финляндской армии, российский публицист Ф. Еленев задавался вопросом о том, что у Финляндии нет естественного противника, а в случае участие Российской империи в военном конфликте со странами Европы защищать побережье Прибалтики будет регулярная российская армия⁵. Таким образом, необходимость регулярной финляндской армии признавали только сторонники независимости края, рассматривавшие этот шаг как необходимое условие суверенитета.

Как потом оказалось, опасения консервативной части российского общества насчет того, что финляндская армия может стать рассадником сепаратистских идей не были беспочвенны. Еще в 1890 году печатный орган сторонников независимости Великого княжества Финляндского *Nya Pressen* анонсировал создание одного из первых тайных комитетов, осуществлявших сепаратистскую агитацию в Финляндии и за рубежом под руководством Лео Мехелина⁶. Наряду с этим, армейская среда

¹ Там же. С.392.

² Там же. С.391.

³ Латин В.В. Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 105–106.

⁴ Замысловский Г.Г. В борьбе с ненавистниками России. М., 2013. С.395.

⁵ Еленев Ф. Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб., 1891. С.190.

⁶ Финляндская окраина: Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «Финляндского вопроса». Вып.1. М., 1891. С.623.

способствовала созданию радикальных общественных организаций «Войма» и «Красная Гвардия», деятельность которых носила террористический характер и была направлена на полное отделение Финляндии от России посредством вооруженного восстания. Одним из способов достижения поставленной цели сепаратисты видели слом политической системы Российской империи через солидаризацию с революционными деятелями в России.

Министр внутренних дел Российской империи П.А. Столыпин на заседании Государственной Думы Российской империи в 1908 году отмечал возрастающую враждебность ко всему русскому со стороны коренного населения Финляндии и, что более значимо, обвинял финскую интеллигенцию в сотрудничестве с русскими террористами. Ссылаясь на доклад бывшего генерал-губернатора князя Оболенского, Петр Аркадьевич подчеркнул, что в ходе заседания одной из комиссий финский сенатор Лео Мехелин, обладая актуальной информацией о начале революции в Российской империи, призвал к отстаиванию интересов Финляндии на фоне эскалации революционных настроений¹.

Лео Мехелин, как один из видных идеологов финляндского национализма, разделял мысль о солидаризации оппозиционных сил России с революционерами из Финляндии и принимал деятельное участие в Парижской конференции. В 1904 году в Париже финские политики, не так давно составлявшие «пассивное сопротивление» в Финляндии, инициировали форум революционных и оппозиционных партий России. Таким образом, после высылки за пределы Российской империи, они продолжили подрывную деятельность, направленную на десоверенизацию России, уже в рамках активного сопротивления: финские революционеры создали комитет, который продемонстрировал готовность сотрудничать с российскими революционными кругами ради ниспровержения государственного строя Российской империи. На полях конференции в Париже участники подписали декларацию, основными положениями которой были отмена всех мероприятий, нарушивших конституционные права Финляндии, уничтожение российской монархии и учреждение демократической власти в России².

Таким образом, финские сепаратисты стали не только сердцем антироссийской пропаганды в Европе, но и организаторами важной антигосударственной конференции. Помимо этого, не имея возможности опереться на военную силу, они выбрали тактику террора, жертвой которой за непродолжительный отрезок времени стали финляндский генерал-губернатор Н.И. Бобриков, прокурор финляндского Сената старофинн Ионсон и жандармский полковник Крамаренко. Также была предпринята попытка покушения на тайного советника В.Ф. Дейтриха. Акции террора демонстрировали стремление финляндских сепаратистов распоряжаться вооруженной силой, попытку создания которой на законодательном уровне официальные власти Российской империи пресекли.

Таким образом, Лео Мехелин принял активное участие в создании идеологической базы финского национализма. Однако интеллектуальные построения Мехелина являются подделкой, преследующей цель манипулировать общественным сознанием

---

¹ Столыпин П.А. Речь о Финляндии, произнесенная в вечернем заседании Государственной Думы 5 марта 1908 г. // Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. М., 1991.

² Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1922 гг. В 3-х т. Т. 1. 1900–1907 гг. М., 1996. С.158-161.

в политических целях¹. Характерными признаками творчества финского политика являются произвольный анализ «удобных» исторических документов, превратное толкование и субъективная оценка нормативно-правовых актов, порождающие искажение исторической правды – как известно, «многократно повторенная ложь становится правдой»².

Библиография

1. Гуторов В.А., Шириняц А.А. Русофобия: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. 2023. № 1. С. 231–237.
2. Еленев Ф. Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб., 1891.
3. Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / М. В. Аникиев, Д. К. Богатырев, И. В. Борисов [и др.]. СПб: Русская христианская гуманитарная академия, 2016.
4. Замысловский Г.Г. В борьбе с ненавистниками России. М., 2013.
5. Лапин В.В. Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 98–120.
6. Мехелин Л. Конституция Финляндии. М., 1888.
7. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1922 гг. В 3-х т. Т.1. 1900–1907 гг. М., 1996.
8. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / А. Ю. Шутов, А. А. Шириняц, О. Е. Сорокопудова [и др.] // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 175–207.
9. Столыпин П.А. Речь о Финляндии, произнесенная в вечернем заседании Государственной Думы 5 марта 1908 г. // Столыпин П. А. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. М., 1991.
10. Финляндская окраина: Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «Финляндского вопроса». Вып.1. М., 1891.
11. Царегородцев С.С., Шириняц А.А. В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. 2018. № 1(59). С. 64–78.
12. Шафаревич И.Р. Русофобия // Есть ли у России будущее: Публицистика. М., 1991. С. 389–487.
13. Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб, 1903.
14. Шириняц А.А. Еще раз о русофобии: к вопросу о концептуализации // История. Историки. Источники. 2024. № 2. С. 36–44.
15. Шириняц А. А., Сорокопудова О.Е. «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vestnik-mgou.ru/jour/article/view/891/8812>.
16. Шутов А.Ю., и др. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 175–207.

---

¹ Царегородцев С.С., Шириняц А.А. В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. 2018. № 1(59). С. 78.

² Гуторов В.А., Шириняц А.А. Русофобия: слово и смыслы // Тетради по консерватизму, 2023. № 1. С. 234.

Мхитарян Сергей Робертович

Студент бакалавриата факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ПАВЕЛ I В АНГЛИЙСКОЙ КАРИКАТУРЕ КОНЦА XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ

Аннотация

Статья посвящена образу российского императора Павла I в сатирических иллюстрациях английских художников конца XVIII — начала XIX веков. Часть карикатур выражает резкую неприязнь британцев к «русскому Гамлету» и «ручному медведю Наполеона». Другая же часть имеет более умеренный, но все еще насмешливый характер.

Ключевые слова: император Павел I, английская карикатура, образ безумца.

Карикатура уже давно стала отдельным жанром изобразительного искусства, имеющим свои каноны, влиятельных авторов и преданную публику по всему миру¹. Популярность «смешных картинок» продолжает расти вот уже третье столетие, не собираясь останавливаться. Есть множество национальных сатирических школ: французская, немецкая, российская и другие. Но самой известной и значительной была и остается английская карикатура. Ее Золотым веком можно назвать вторую половину XVIII столетия². Все события внутренней и внешней политики подвергались высмеиванию. Любой государственный деятель мог быть унижен самым пошлым образом на потеху публике³. Особенно ярко это видно на примере образов российских правителей.

Екатерину II можно по праву назвать одной из любимых «жертв» английских карикатуристов⁴. Кем только не изображалась императрица – она была и медведицей, и мужеподобным боксером, и бесстыдной блудницей⁵, и кровавым монстром, и неразумной марионеткой в руках своих фаворитов, и неутолимой в своих аппетитах завоевательницей⁶. Вне зависимости от периода правления и положения русско-британских отношений Екатерина Великая всегда оставалась объектом неограниченной ни моралью, ни законом ненависти и насмешки.

Самой известной карикатурой, посвященной императрице России, является рисунок Джорджа-Фредерика Байрона от 1791 года «Имперский шаг», в котором собрались все возможные стереотипы и образы: тут и гигантизм фигуры Екатерины, и ее желание подчинить себе весь Восток, и неподобающая царственной особе пошлость, и смешанная с страхом и восхищением беспомощность европейских правителей. Эта работа вызвала настоящий восторг, будучи перерисованной и перепечатанной неисчислимым количеством раз. «Имперский шаг» стал неотъемлемой частью образа Екатерины II в сознании интеллигенции и простого народа⁷.

¹ Швыров А.В. Иллюстрированная история карикатуры с древнейших времен до наших дней. СПб., 1904. С. 3-6.

² Шестаков В.П. Гиллрей и другие... Золотой век английской карикатуры. М., 2004

³ Дукельская Л.А. Английская бытовая карикатура второй половины XVIII века. М., 1966.

⁴ Caretta V. "Petticoats in Power": Catherine the Great in British Political Cartoons. New York, 1994.

⁵ Alexander J.T. Catherine the Great as porn queen // Eros and Pornography in Russian Culture. М., 1998. 237-248.

⁶ Cross A. Catherine in British caricature // Cross A. Catherine the Great and the British: A Pot-Pourri of Essays. Nottingham, 2001.

⁷ Успенский В.М., Россомехин А.А., Хрусталёв Д.Г. Имперский шаг Екатерины. Россия в английской карикатуре XVIII века. СПб., 2016.

На фоне всего этого великолепия, Павел I может показаться скучным и не особо популярным персонажем. Где покорительница Черного и Балтийского морей, а где ее чудаковатый сын, не обладавший последовательностью во внешней политике?

Также нужно отметить, что Павел I был для англичан нестабильным самодуром из-за искаженности информации, поступавшей на Британские острова из России. Причины тут сразу две: огромное расстояние между странами и отрицательное отношение к императору со стороны существенной части русского дворянства. Поэтому любая новость обрастала бесчисленным количеством клеветнических слухов и искажений¹. Кроме того, сам российский государь подыгрывал выстроенному в периодике образу «Русского Гамлета» и «Царя-Дон Кихота», заказывая гобелены с Дон Кихотом и сознательно совершая эпатажные выходки².

В конце концов, именно эта «странность» и обеспечила новому императору небывалую популярность и прочное место на английских карикатурах. Так, только в период с января по март 1801 года и только в Лондоне были опубликованы 10 сатирических иллюстраций, изображающих Павла.³ И если символом екатерининского периода был пусть и пошлый, но по-своему грозный «Имперский шаг», то павловская Россия была охарактеризована «Шагом Безумца» (февраль 1801 г.)⁴ – перерисовкой ранее упомянутой работы. Вместо Екатерины II, беспрепятственно идущей на Восток, теперь Павел I, столь же беспрепятственно идущий, только не в Константинополь, а в лондонскую больницу для психически больных Бедлам. Именно безумство императора станет одним из основных мотивов, повторяющихся в сатире того времени⁵. Так, один из виднейших английских карикатуристов Исаак Крукшенк опубликовал несколько серий иллюстраций, на которых умалишенный царь держит в своих руках два свертка – приказ в одной и его же отмену в другой⁶.

Другой характерной чертой была гиперболизировано уродливая внешность российского правителя. Тот же Крукшенк часто подрисовывал Павлу I детское лицо, гипертрофированно большие и в то же время слишком плавные черты лица. Джеймс Гиллрей, в свою очередь, рисует императора мелконосим, большегубым, остроухим и морщинистым самолюбцем. Что интересно, карикатура называется «Великодушный союзник»⁷ и нарисована в годы существования второй антифранцузской коалиции. Поэтому несмотря на высмеивание внешности Павла I Гиллрей удержался от изображения его безумства. Можно вспомнить и иллюстрацию шотландского карикатуриста Джона Кея «Покойный император Павел»⁸, на которой государь изображен криволицым, большеносим и безгубным. Забавно, что «портрет» (а Кей выдавал свою работу за «настоящий портрет Павла») как будто срисован со страдавших от кровосмесительных браков Габсбургов XVII–XVIII веков.

Изучая карикатуры, посвященные Павлу I, можно заметить процесс, результаты которого заметны и сегодня. Если Екатерина II и более ранние правители

¹ Cross A. Russia under western eyes, 1517-1825. L., 1971. С. 254–274

² Россомахин А.А., Хрусталева Д.Г. Вызов императора Павла, или Первый миф XIX столетия. СПб., 2011.

³ Там же. С. 145

⁴ A Lunatic Stride - B1981.25.1940 - Yale Center for British Art.

⁵ Cross A. "Crazy Paul": The British and Paul I // Reflections on Russia in the Eighteenth Century. Cologne, Weimar and Vienna, 2001.

⁶ Чекмарев В.М. Павел I в английской графике (1765–1804 гг.) // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2019. С. 102

⁷ Gillray J. The Magnanimous Ally. L., 1799.

⁸ Kay J. The Late Emperor Paul. Edinburgh, 1804.

изображались пускай и насмешливо, но, в первую очередь, угрожающе и опасно, то Павел I был именно что шутком, не представляющим угрозы. И начиная именно с этого момента, «Русский медведь» становится, в первую очередь, смешным, и только потом угрожающим. В дальнейшем, вне зависимости от ситуации на политической арене, лидеры России будут восприниматься как управляющие отсталой страной варвары с рядом психических расстройств. Даже угрожающий Австро-Венгрии «паровой каток» русской армии всего через пару месяцев после начала Первой мировой будет изображен разбитым, а его водитель – раненым и плачущим. И появление этой традиции произошло еще в конце XVIII столетия.

Библиография

1. *Россомахин А.А., Хрусталева Д.Г.* Вызов императора Павла, или Первый миф XIX столетия. СПб, 2011.
2. *Дукельская Л.А.* Английская бытовая карикатура второй половины XVIII века. М., 1966.
3. *Успенский В.М., Россомахин А.А., Хрусталёв Д.Г.* Имперский шаг Екатерины. Россия в английской карикатуре XVIII века. СПб., 2016.
4. *Чекмарев В.М.* Павел I в английской графике (1765–1804 гг.) // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2019.
5. *Швыров А.В.* Иллюстрированная история карикатуры с древнейших времен до наших дней. СПб, 1904.
6. *Шестаков В.П.* Гиллрей и другие... Золотой век английской карикатуры. М., 2004.
7. *Alexander J.T.* Catherine the Great as porn queen // *Eros and Pornography in Russian Culture*. М., 1998. 237-248.
8. *Caretta V.* “Petticoats in Power”: Catherine the Great in British Political Cartoons. New York, 1994.
9. *Cross A.* “Crazy Paul”: The British and Paul I // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century*. Cologne, Weimar and Vienna, 2001.
10. *Cross A.* Catherine in British caricature // *Cross A. Catherine the Great and the British: A Pot-Pourri of Essays*. Nottingham, 2001.
11. *Cross A.* Russia under western eyes, 1517-1825. L., 1971.

Никулин Егор Романович

Научный консультант Автономной некоммерческой организации «Центр общественно-политических проектов и коммуникаций»

Москва, Россия

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУСОФОБСКОГО ДИСКУРСА: АНАЛИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ЗАПАДНЫХ ПОЛИТИКОВ

Аннотация

Статья посвящена выявлению особенностей западного русофобского дискурса с помощью реализации семантического анализа релевантных высказываний западных политиков, дифференцированных на четыре группы: политики постсоветского пространства, страны бывшего социалистического блока, «традиционных» западных государств и западных организаций.

Ключевые слова: русофобия, дискурс, семантика, сегмент сети, цифровое пространство.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью определения степени семантической гомогенности западного русофобского дискурса для формирования более эффективной стратегии противостояния русофобскому контенту в сетевом пространстве. Теоретический объект исследования – семантические особенности дискурса. Предмет исследования – семантическая специфика западного русофобского дискурса. Эмпирический предмет исследования – 95 высказываний западных политиков, собранных в период с 2022 по 2023. Цель исследования – оценить семантическую гомогенность русофобского дискурса, который продуцируют западные политики. Методика исследования включает в себя два этапа. Первый – формирование эмпирической базы исследования (при ее составлении мы опирались на сборник МИД РФ¹) и ее дифференциация по субрегионам «коллективного» Запада (постсоветские государства, государства бывшего социалистического блока, государства «традиционного» Запада и западные структуры и организации). Второй – семантический анализ полученного контента и выявление его особенностей (соотношение прилагательных, глаголов и слов-концептов, а также специфика этих блоков семантики).

Перед описанием семантических особенностей анализируемого контента следует отметить, что из 95 проанализированных высказываний 44 принадлежат политикам стран «традиционного» Запада, 31 – политикам стран постсоветского пространства, 11 – представителям западных организаций и 9 – политикам стран бывшего социалистического блока. Более объемные тексты принадлежат представителям западных организаций и политикам государств бывшего социалистического блока (37 и 35 слов соответственно), а менее объемные – политикам стран «традиционного» Запада и постсоветских государств (32 и 27 слов соответственно).

В результате реализации исследования нами были выявлены следующие семантические особенности релевантного контента: Семантические особенности контента, продуцируемого политиками постсоветских стран: Россия, российский, язык,

¹ Примеры использования антиросийской и русофобской риторики представителями западного политического истеблишмента и международных организаций (за 2022–2023 гг.) МИД России <https://telegra.ph/Primery-ispolzovaniya-antirossijskoj-i-rusofobskoj-ritoriki-predstavitelyami-zapadnogo-politisteblishmenta-i-mezhdunarodnyh-orga-02-22-3> (дата обращения: 25.10.2024)

ребенок, Украина, военный, русский, ситуация, страна, государство, Донбасс, забыть, назвать, призвать, против; Семантические особенности контента, продуцируемого политиками стран бывшего социалистического блока: Россия, абсолютно, порядок, безопасность, встреча, защита, злой, изменения, международный, мир, невинный, олицетворение, правило, военный, ракета; Семантические особенности контента, продуцируемого политиками стран «традиционного» Запада: Россия, Украина, российский, война, Путин, агрессия, военный, страна, государство, международный, народ, отношения, сделать, являться, Европа; Семантические особенности контента, продуцируемого представителями западных организаций: Россия, война, Европа, Украина, мир, российский, европейский, заплатить, международный, народ, бой, возглавить, вторгнуться, жестокий, кризис.

Наиболее активистский характер носит контент, продуцируемый политиками постсоветских стран и представителями западных организаций: из 15 слов семантического ядра 3 являются глаголами. Более низкая степень активизма характерна для контента, продуцируемого политиками стран бывшего социалистического блока и «традиционного» Запада. Наиболее ярко активистский аспект проявляется в высказываниях политиков стран постсоветского пространства (слова «назвать», «призвать», «забыть»).

Несмотря на крайне низкий уровень активизма контента, продуцируемого политиками стран бывшего социалистического блока, он характеризуется наибольшим количеством прилагательных (5 прилагательных из 15 слов), что указывает на более высокую степень эмоциональности. Наиболее эмоциональны прилагательные из высказываний политиков бывшего социалистического блока («злой», «невинный», «абсолютный»), а во всех остальных сегментах эмпирической базы прилагательные носят преимущественно описательно-контекстуальный характер («военный», «международный», «российский», «европейский»).

Контекстуально семантика анализируемого контента связана с военными действиями на Украине, поскольку наиболее часто встречаются слова «война», «военный», «Россия», «Украина». Концептуально отмечается следующая специфика исследуемого контента: высказывания представителей западных организаций и политиков «традиционного» Запада посвящены оценке ситуации на Украине («кризис», «агрессия», «война», «бой»), политиков государств бывшего социалистического блока – военной ситуации в регионе («безопасность», «защита», «военный», «ракета»), а политиков государств постсоветского пространства – военной, языковой и гуманитарной повесткам («Донбасс», «язык», «ребенок»). Ярко выражается персонификация русофобского дискурса в высказываниях политиков государств «традиционного» Запада («Путин»).

Таким образом, отмечается контекстуальная схожесть русофобского дискурса во всех выделенных нами сегментах эмпирической базы, но также фиксируются их специфические черты, что указывает на невысокую степень семантической гомогенности анализируемого контента.

Библиография

1. *Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005.
2. *Бочкарев А. Е.* Семантика. Основной лексикон. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014.
3. *Васильев Л.М.* Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Уфа: РИО БашГУ, 2006.

4. *Грин Б.* Элегантная вселенная: суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории; [пер. с англ.]. 6-е изд. М.: Либроком, 2013.

5. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2011.

6. *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. М.: ГРАНД: Фаир пресс, 2006.

7. Примеры использования антироссийской и русофобской риторики представителями западного политистеблишмента и международных организаций (за 2022-2023 гг.) МИД России <https://telegra.ph/Primery-ispolzovaniya-antirossijskoj-i-rusofobskoj-ritoriki-predstavitelyami-zapadnogo-politisteblishmenta-i-mezhdunarodnyh-orga-02-22-3> (дата обращения: 25.10.2024)

Саушкина Мария Сергеевна

Аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

РУСОФОБИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕОЛОГИИ УКРАИНЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация

Государственная символика современной Украины становится инструментом исторической политики и «конфликта памяти». Создание антагонистичной модели коллективной памяти способно подкрепить современную политическую повестку, сформировать «подходящий» нарратив для изменения идентичности граждан, данные алгоритмы были использованы на Украине для массовой манипуляции общественным сознанием.

Ключевые слова: политика памяти, украинский ультрарадикальный национализм, государственные символы.

Государственная символика на современной Украине является инструментом исторической политики: глобального проекта коллективного запада по фальсификации истории, манипулированию коллективной памятью, внедрению в сознание общества новых нарративов и интерпретаций событий общего с Россией прошлого. Современная Украина после деконструкции в 1991 году Советского союза в силу слабо развитого суверенитета и отсутствия выверенной самостоятельной стратегии развития вошла в число антагонистичных России стран-лимитрофов. Государственная символика (герб, гимн, флаг), а также наградная политика государства имеет важное значение в формировании национальной идентичности, а практика их использования на Украине фактически стала частью глобального проекта «анти-Россия». В этой связи автор абсолютно солидарен с мнением президента России Владимира Путина: «Шаг за шагом Украину втягивали в опасную геополитическую игру, цель которой – превратить Украину в барьер между Европой и Россией,

в плацдарм против России. Неизбежно пришло время, когда концепция “Украина – не Россия” уже не устраивала. Потребовалась “анти-Россия”, с чем мы никогда не смиримся»¹.

Исторически кульминационным периодом в формировании русофобских настроений на территории современной Украины является рубеж XIX–XX в. Геополитический характер соперничества Европы и России сформировал условия для массивного идеологического воздействия Австро-Венгрии на регионы Галиции и Волыни. Националистические нарративы, русофобия исторической литературы становится тем базисом, на котором будет формироваться дальнейшее политическое противостояние с Россией. В этой связи, исторически детерминированным явились обширные по своим масштабам работы М.С. Грушевского, общественного деятеля либерально-националистического, руководителя Центральной рады, Украинской народной республики в 1917–1918 гг., создавшего 10-томный труд «История Украины», что искусственно вывел народность неких древних украинцев из племени антов². Мифологизированная версия истории Украины в авторстве Грушевского стала программной основой для современных школьных учебников. Грушевский явился одним из авторов и современных государственных символов Украины.

Герб, гимн и флаг являются одними из наиболее эксплицитных инструментов по изменению политической идентичности. Украинский трезубец, утверждаемый как прообраз символа династии Рюриковичей, представляет собой пример долговременной символической континуитетности, отражая историческую последовательность с определенными политическими силами и преемственность культурных и политических традиций с такими институтами как подпольная украинская военная организация в период Второй мировой войны ОУН-УПА³. С переходом к современности, в периоды значительных политических трансформаций, таких как установление Украинской Народной Республики и последующее образование независимой Украины после распада СССР, трезубец и другие национальные символы (флаг, гимн, награды) были вновь активированы и закрепились как официальные символы государства. Это подчеркивает их роль как средств по утверждению на государственном уровне доктрины «анти-Россия» в условиях геополитической турбулентности и способствует утверждению исторических нарративов прошлого в контексте поддержки сил, сотрудничавших с коллаборационистами.

Процесс манипулирования историческим наследием на Украине имеет далеко идущие последствия для социальной психологии и политической стабильности в регионе. Фальсификация истории, активно поддерживаемая официальными учреждениями и средствами массовой информации Украины, привела к формированию фрагментированного исторического сознания, где радикальный национализм и миф о «героическом» прошлом используются как инструменты политической мобилизации и социального контроля.

---

¹ Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 29.09.2022).

² Григорьев М. С. и др. История Украины: монография. М.: Международные отношения, 2022. С. 22.

³ Организации признаны террористическими и запрещены в РФ.

Библиография

1. *Григорьев М.С., Саблин Д.В.* Обыкновенный фашизм. Украинские военные преступления и нарушения прав человека (2017–2020). М.: Международные отношения, 2020.
2. *Грушевський Михайло.* Історія України. Приладжена до про грамивищих початкових шкіл і нижчих класів шкіл середніх. К.: Либідь, 1992.
3. Грушевский М. Очерк истории украинского народа. 2-е изд. СПб., 1906
4. *Дынкин А. А., Арбатова Н.К.* Международные отношения в полицентричном мире и украинский разлом в политике России и Запада на постсоветском пространстве // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М., 2016.
5. История Украины. VI–XXI вв. / П. П. Толочко, А. А. Олейников [и др.]; под общ. ред. П. П. Толочко. 2-е изд., испр. и доп. К.; М.: Киевская Русь: Кучково поле, 2018.
6. *Кокурина О.Ю.* Государственные награды в России. Вопросы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2015.
7. *Кокурина О.Ю.* История наградного права Российского государства: Хрестоматия. Орёл: Издательство Среднерусского института управления-филиала РАНХиГС, 2018.
8. *Толочко П.П.* Откуда пошла Русская земля. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2023.
9. *Ульянов Н.* Происхождение украинского сепаратизма. М.: Центрполиграф, 2017.
10. *Черкашин К.* «Русская весна» в Донбассе: предпосылки, ход и последствия // Постсоветский материк. 2021. № 4(32). С. 4–15.

Научное издание

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского общества политологов*

SCHOLA-2024

Сборник научных статей факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Под редакцией
А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца

Рецензенты
доктор политических наук, профессор,
заведующая кафедрой сравнительной политологии
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Мария Мирановна Мчедлова

доктор политических наук,
профессор кафедры российской политики факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова
Алексей Юрьевич Мамычев

Составители А.А. Зоткин, А.В. Мырикова, О.Е. Сорокопудова

Подготовка текстов В.А. Болдин, А.А. Кассаметдинова,
Д.Ю. Кургинова, О.Д. Тальская, А. Б. Страхов

Верстка А. Р. Панов

Подписано в печать 15.11.2024. Формат 60×84/16
Уч.-изд. л. 24,9. Усл. печ. л. 22,2.
Тираж 200 экз. Изд. № 12925.

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского.
60300, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37